ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

ИСТОРИЯ КАЗАЧЕСТВА

НИКОЛАЙ СМИРНОВ

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

МОСКВА
«ВЕЧЕ»
2008

ББК 63.3(2)
С50

Под редакцией доктора исторических наук С.И. Рябова
и кандидата исторических наук Ю.Ф. Болдырева

Смирнов Н.Н.

С50 Забайкальское казачество / Николай Смирнов. — М. : Вече, 2008. — 544 с. : ил. — (История казачества).

ISBN 978-5-9533-2809-8

Присоединение Забайкалья к России завершилось к середине 60-х годов XVII века. С этого времени началась новая страница в истории огромного края.

Казаки оказались в числе первопроходцев и первых переселенцев Сибири. Они подняли, обогатили и прославили эти далекие окраинные земли Российской империи. О непростой судьбе Забайкальского казачества, его славных делах, героях и атаманах рассказывает книга историка Н.Н. Смирнова.

Книга издается с сокращениями.

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9533-2809-8

© Смирнов Н.Н., 2008
© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

ОТ АВТОРА

Присоединение Забайкалья к России завершилось к середине 60-х годов XVII века. С этого времени началась новая страница в истории огромного края.

Первопроходцы Сибири и русские крестьяне-переселенцы подняли, обогатили и прославили эти далекие окраинные земли Российской империи.

Огромную роль в их освоении сыграли казаки. Это те русские, свободолюбивые, непокорные люди, которые не смирились с посягательством московских правителей на их вольную жизнь и ушли в Сибирь; и те, кто в силу различных обстоятельств переселившись сюда и став казаками из крестьян, переняли быт и традиции вольного казачества.

Породнившись с местными народами, вобрав в себя их национальные особенности, они образовали этническую группу людей, отличающую их от относительно однородной массы казачества Сибири и юга России.

От смешения крови великого русского народа с восточной кровью появился новый тип человека, воплотившего в себе силу и удаль, лихость и ярость, выносливость и неприхотливость, терпеливость, трудолюбие и бескорыстие, — все то, что долгие годы определяло черты забайкальского казака.

О казаках Забайкалья написано много противоречивого, разные давались оценки их жизни и деятельности.

После похода в Китай в 1900—1901 годах их хвалили, но в Русско-японскую войну 1904—1905 годов на них обрушился поток как заслуженной, так и, в большей мере, незаслуженной критики. Особенно яростно нападала на казаков русская демократическая либеральная пресса после выхода во Франции книги Людвига Нодо «Письма о войне с Японией», переведенная на русский язык в 1906 году. В серии публикаций под общим названием «Они не знали» была статья «Банкротство казаков», где в резкой форме военный французский корреспондент при Русской армии — Л. Нодо — приписывает казакам все неудачи, которые преследовали Маньчжурскую армию в войне с японцами. В действительности же эти

неудачи должны были быть адресованы бездарному русскому генералитету, не умевшему правильно использовать казаков в боях и операциях.

Не жаловал казаков и немецкий военный агент при Русской армии барон Э. Теттау в своей книге «Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками», изданной в Санкт-Петербурге в 1907—1908 годах в переводе офицера Русского генерального штаба М. Грулева без всяких комментариев.

Эти и другие авторы, претендовавшие на объективность, совершенно не знали жизни казаков, их быта, нравов. Они так и не заметили, что при общей безыдейности, поразившей Русскую армию в этой позорной для царизма войне, только казаки сохраняли силу духа, любовь к родине, сплоченность и сознательную воинскую дисциплину. Легче было обвинить казака в неумении воевать, чем тех начальников, которые превратили кавалерию в «ездящую пехоту».

Большая часть авторов статей и воспоминаний в военных, научных и исторических журналах, как правило, боевых офицеров, наоборот, давали высокую оценку забайкальским казакам как воинам, не задумываясь особо, что война вскрыла в боевой подготовке казачьих частей много недостатков, которых можно было бы избежать при правильной организации боевой учебы в мирное время. В этих статьях было больше объективности, но и излишней хвалебности тоже хватало, однако все сходились во мнении, что забайкальский казак — это «прекрасный материал» в хороших руках.

Такую характеристику дали пешим и конным казакам генерал П.Л. Орлов, полковник В.А. Апушкин и войсковой старшина А.В. Квитка; генералы П.К. Ренненкампф и П.И. Мищенко, главные кавалерийские начальники казаков; казачьи офицеры Д.И. Аничков, П.П. Врангель, П.М. Комаровский, П.Н. Краснов, Гейтерфен, А.И. Деникин, В.В. Чеславский и многие другие. Не без печати конъюнктурности писал о забайкальских казаках уже в годы советской власти участник войны с Японией, военный атташе во Франции граф А.А. Игнатьев в общем-то правдивой книге «Пятьдесят лет в строю».

Хорошо показан быт казаков на войне и в мирное время, в период становления советской власти, в высокохудожественных книгах В. Балябина «Забайкальцы» и К. Седых «Даурия».

Другие авторы даже в таком фундаментальном труде, как «История Сибири», о забайкальском казачестве упоминают вскользь.

Таким образом, одни ругали казаков, другие хвалили, третьи считали, что не стоит уделять этому особое внимание, так как казачество давно ликвидировано, и нечего ворошить старое — то ли хорошее, то ли плохое.

Менялось время, менялись и люди, а вместе с ними и те критерии, которые вчера были безусловными, а сегодня подвергнуты сомнению и жесточайшей критике.

Несправедливо опороченные, преданные забвению в течение многих лет, забайкальские казаки нуждаются в правдивой оценке своей роли в истории Русского государства.

Долог был путь русского казака в Забайкалье, прежде чем он освоился и утвердился в бассейнах могучих восточно сибирских рек, но в конечном итоге, обосновавшись на восточных границах Российской империи, он стал стражем ее и хранителем.

Но не только пограничная служба определяла значение забайкальского казачества в жизни державы — всегда, когда было приказано, забайкальские батальоны, полки, бригады и дивизии выступали беспрекословно в защиту Родины. Так было в Крымскую войну на Востоке и в пору занятия Амура; во время похода в Китай; в Русско-японскую и Первую мировую войны.

Потомки забайкальских казаков сражались на Халхин-Голе и в боях под Москвой, дошли до Берлина и разгромили милитаристскую Японию.

Всегда и везде забайкальцы верой и правдой служили своему Отечеству. Первым, кто попытался написать историю Забайкальского казачьего войска до октябрьского переворота 1917 года, был историк-краевед А.П. Васильев, взявшийся за это дело по поручению наказного атамана Забайкальского казачьего войска. Бурные события первых лет революционного преобразования страны вообще и Забайкалья в частности не дали ему завершить начатую работу.

Больше над историей Забайкальского казачьего войска основательно никто не трудился.

Я не ставил целью быть историком Забайкальского казачества, думаю, что с этим более профессионально справятся ученые — исследователи Забайкалья, но мне хотелось бы поднять эту проблему и прежде всего сказать правду о забайкальце-воине и его времени.

В этом историческом очерке нет ни капли вымысла, все, о чем написано, опубликовано в разные годы в воспоминаниях участников тех событий на Востоке и Западе России, к которым были причастны забайкальские казаки.

Многое взято из архивов и со слов людей, которые сохранили в своей памяти рассказы своих близких старшего поколения о жизни и быте дореволюционного казачества Забайкалья.

Исторический отрезок времени рассматривается относительно небольшой: с момента образования в 1851 году Забайкальского казачьего войска и до 1917 года, когда казачьи полки начали возвращаться с фронтов Первой мировой войны в родное Забайкалье.

В очерке отражены не все аспекты жизни дореволюционного казачества, а лишь отдельные штрихи, позволяющие понять причины успехов и неудач, славы и позора, которые испытали забайкальские казаки в

свое историческое существование, и прежде всего во время войн и между войнами.

В советской военной исторической литературе обходилось стороной участие России в составе коалиции иностранных государств в подавлении восстания ихэтуаней в Китае, названного еще «боксерским восстанием», а ведь вся действующая конница Русской армии в то время состояла главным образом из частей забайкальских казаков.

В решающих событиях той войны принимали участие и пешие казачьи батальоны забайкальцев, удивившие мир своей выносливостью, и конные полки, без которых не обходилось ни одно сражение или бой.

Противоречиво рассматривалась роль забайкальских казаков в Русско-японской войне, изложенная в дореволюционных исследованиях и мемуарах различных авторов, о чем упоминалось выше, и совершенно не нашедшая свое отражение в советской литературе — а между тем треть всей конницы Маньчжурской армии была из забайкальцев.

Совсем ничего не написано в исторической литературе советского периода об участии забайкальских казаков в Первой мировой войне, а это и Брусиловский прорыв, и тяжелые бои в окопах на Юго-Западном фронте, и лихие дела на Кавказском фронте против турок.

Не исследована как следует жизнь забайкальских казаков между войнами, а ведь там скрыты многие ответы на вопросы, позволяющие понять, почему разложилось, разделилось на два враждебных друг другу лагеря и в конечном итоге исчезло забайкальское казачество.

Показать казака в мирной жизни и на войне — вот главная цель этого исторического очерка.

Я также считал своим долгом вспомнить и тех, кто покорил Сибирь, присоединил ее к России и создал условия для проникновения русских казаков в Забайкалье; кто неутомимым трудом и бескорыстием на службе Отечеству в мирные дни и на войне вел казаков на подвиги во имя Великой России.

Пусть потом бывшие командиры и начальники нерчинцев и читинцев, верхнеудинцев и аргунцев возглавят Белое движение в России, станут знаменем контрреволюции, немало прольют своей и чужой крови в пекле братоубийственной Гражданской войны — но это будет уже после 1917 года. До этого рокового, переломного года в истории нашего многострадального народа все они: и титулованные блестящие гвардейские офицеры, и забайкальские казаки из русских и бурят, бывшие в подчинении у первых, — верой и правдой служили своей Родине, шли в бой и умирали десятками, сотнями, «за Веру, Царя и Отечество» — других лозунгов для них не было.

В сознании многих людей укоренилось мнение, поддерживаемое в течение всех лет советской власти, что казаки — это сатрапы царя, карателя, душители свободы и всего прогрессивного.

Вот почему мне особенно хотелось напомнить тем, кто думает и высказывается до сих пор так, что казаки — это те же солдаты, связанные присягой и воинским долгом, с детства приученные к обязательному выполнению приказов и распоряжений своих начальников. Не казаков вообще надо было осуждать и клеймить, а тех, кто довел страну до Гражданской войны, обманом и посулами заставил полуграмотную казачью массу служить своим классовым интересам, а когда они перестали быть нужными, одних репрессировали и расказачили, других, бросив на произвол судьбы, обрекли на изгнание за пределы своего Отечества, превратив в бесправных и униженных эмигрантов.

Эта книга о казаке-забайкальце, воине и защитнике своей Родины, хранителе ее восточных границ.

И. Смирнов

ГЛАВА I*

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ ОСВОЕНИЯ СИБИРИ И ПРОНИКНОВЕНИЯ КАЗАКОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ**

Освоение Сибири русскими началось в период усиления самодержавия и централизации государства. В стране правил царь Иван IV, прозванный Грозным. В 1549—1560 годах были проведены реформы в области центрального и местного управления, права, финансов, армии и другие. 16 февраля 1571 года Иван IV утвердил разработанный видным военачальником того времени князем М.И. Воротынским «...Приговор о сторожевой станичной службе». По существу, это был первый воинский и пограничный устав Русского государства, в котором определялись основные задачи сторожевой службы на границе и требования к ней.

Внешняя политика царизма была направлена на продолжение борьбы с преемниками Золотой Орды и овладение берегами Балтийского моря, на расширение русских владений на Востоке.

Укрепляя самодержавие и его социальную опору — дворянство, Иван Грозный одновременно усиливал закрепощение крестьян. Тысячи их, спасаясь от произвола помещиков, бежали на юг, пополняя ряды вольных людей, казаков.

Шла Ливонская война на Западе; войска могущественной Османской империи и Крымского хана терзали Русскую землю на юге; бурлила Ногайская Орда, угрожая походом на Русь; сохранялась опасность объединения татарских ханств на востоке для борьбы с Русским государством.

В этих условиях окруженное со всех сторон враждебными государствами и племенами Русское государство, не имея союзников, в одиноч-

---

* Составлена по исследованиям А.П. Васильева и Д.И. Копылова.

** Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

ку отбивалось от врагов, решая свои внешнеполитические задачи. Единственно, к кому могла обратиться Москва за помощью по защите своих границ, были казаки — вольные поселенцы на окраинах России.

1. Казаки — кто они?

Само слово «казак» тюркского происхождения, что означает «удалец», «вольный человек».

Это определение наиболее верно отражает смысл понятия «казак», хотя у разных народов существовало много вариантов его трактовки. Спор между историками о происхождении слова «казак», как и вообще — кто такие казаки, — остается нерешенным.

В трудах многих старых российских ученых существовала непоколебимая уверенность, что казаки — это часть славянского народа, его особая ветвь. Другие отождествляют казаков с кочевыми народами индоиранской расы, пришедшими из Азии, где они жили в верховьях Енисея и на востоке от озера Байкал, доходя на западе до реки Ангары.

Встречаются работы, где казаков считают потомками нескольких южных приазовских и причерноморских племен, которые, породнившись между собой, и образовали особую народность — казаков.

Есть и такие, которые прародиной казачества считают Северный Кавказ.

Спорить можно много, но ясно одно, что каково бы ни было происхождение слова «казак», в конечном итоге носителем его стал русский человек со своим языком, обычаями и культурой. Как получилось, что многочисленные южные племена, носившие название кос-саки (касака), меото-кайсары, аланы-асы, танаиты, азиаты хакасы, хасаки, кайсаки и т.д., явившиеся прародителями казаков, по мнению некоторых ученых, заговорили на русском языке, переняли русскую культуру, обычаи, бесследно растворились во всем русском, оставив лишь незначительные признаки своего существования?

Очевидно, что мощная волна русов, захлестнувшая юг, значительно превосходила местные племена, поглотила их, отчего стало преобладать все русское.

Кроме того, часть огромных южных пространств вообще не была никем заселена, так что переселившимся на эти земли русским некого было ассимилировать, и они полностью жили по своим обычаям, законам, сохраняя все признаки национальной культуры, но изменив их в соответствии с условиями существования.

Без сомнения, что переселенцы, общаясь с кочевниками, переняли часть их культуры, обычаев, породнились с местными племенами, воб-

рав в себя некоторые их внешние признаки, но корни остались русские. Подтверждением этому могут служить забайкальские казаки.

Современным казакам надо гордиться своим славянским происхождением, а не искать прародину в Скифии, Азии или на Кавказе.

Таким образом, можно предположить, что казаки — это уникальное славянское народонаселение, образованное за пределами Руси и в условиях, от нее не зависимых.

Покидая по различным обстоятельствам свою родину, русские люди селились на никем не занятых землях в бескрайних южных степях вне пределов Руси, где опасность грозила им со всех сторон. Отражая нападения кочевников на свои селения, казаки сами совершали набеги, экспедиции и походы в неизведанные земли. Война становилась для этих людей профессией, формировала характер и своеобразный быт.

«Существование казаков, как пограничного воинственного народонаселения, было естественно и необходимо по географическому положению Древней Руси, по открытости ее границ», — писал историк С.М. Соловьев. Характеризуя государственное значение казаков, он отмечал, что «на всех границах долженствовали быть и действительно были казаки, в особенности на тех границах, где никто не смел селиться, не имея характера воина, готового всегда отражать, сторожить врага. Граница запаслась казаками».

По своей организации казачья община являлась одновременно хозяйственной и военной. Во главе ее управления стоял круг, то есть собрание всех казаков. Кругу принадлежала распорядительная и высшая судебная власть. Для исполнительной деятельности круг выбирал войскового старшину — атамана, его помощника — есаула, войскового подьячего (писаря) для письменных дел.

Исполнитель воли казачьего круга в мирное время, атаман обладал неограниченной властью во время войны или похода. В то время в атаманы выбирались казаки прежде всего по своим деловым качествам, а не по имущественному положению, как стало значительно позднее. К атаману предъявлялись высокие требования: личная храбрость и смелость в бою, умение грамотно командовать отрядом в походе, знание военного дела, сильных и слабых сторон противника; обладание твердой волей и умением увлечь людей для достижения поставленной цели. Атаман должен быть хорошим администратором в мирные дни, заботиться о казаках, понимать их. При выборе атамана учитывался его ум, способность правильно оценивать обстановку и принимать решение. Случайных людей в атаманы не избирали — только тех, которых хорошо знали и кому казаки могли доверить свои жизни.

В мирное время казаки занимались скотоводством, охотой и рыболовством. Земледелие у них не поощрялось, так как считалось, что земля закрепощает людей, требует постоянства и покоя, да и непрекращающи-

еся набеги степных кочевников делали это занятие невозможным. Хлеб казаки получали из царской казны или у русских купцов в обмен на рыбу, пушнину или добытые в походах товары.

Очаговый характер расселения, большое удаление друг от друга не позволяли казачьим общинам поддерживать тесные связи между собой. Со временем, когда поток русских переселенцев на свободные пограничные земли увеличился, выросло и число казаков, активизировалась их военная деятельность, назрела необходимость для объединения разобщенных казачьих общин в войско с общим кругом и выборными атаманами.

Превратившись в грозную силу, казачьи войска в XV— XVII веках не раз предпринимали военные походы в Крым, к побережью Черного и Каспийского морей, отваживались на открытую борьбу с татарским и турецким войском, добирались даже до далекой Персии.

Вооружены были казаки саблями, пиками, легким огнестрельным оружием (карабины, пистолеты, мушкеты), была у них и артиллерия.

Характерной особенностью их тактики в наступлении являлись внезапные и дерзкие набеги, применение засад и «поисков». В обороне казаки опирались на созданные ими укрепленные городки, засеки, обозы. Широко использовали водные пути, для чего имели большие лодки, вмещавшие 50—70 человек, необходимые запасы воды, продовольствия и вооружения. Казаки имели свой кодекс чести и, тесно связанные общинными интересами, являлись монолитной, дружной, управляемой военной организацией, способной малыми силами достичь больших результатов. Так, например, запорожские казаки в 1614 году уничтожили 26 судов турецкого флота непосредственно у берегов Турции, у мыса Трапезунд (Трабзон), а донские казаки в 1637 году взяли мощную турецкую крепость Азов.

Казачьи общины, преобразованные в войско, получали наименование по территориальному признаку. За войском закреплялась земля, которая передавалась в пользование казачьим станицам. До 1719 года казачьи общины находились в ведении Приказов (Разрядного, Сибирского, Посольского и т.д.), а с 1721 года перешли в подчинение Военной коллегии.

Выборность атаманов и старшин постепенно ликвидировалась, они стали назначаться. Так появились наказные атаманы, т.е. назначенные правительством.

Отношение Русского правительства к казакам не было однозначным. С одной стороны, бояре и помещики не могли мириться с бегством своих крепостных, а с другой — правительству было выгодно иметь на границе государства казаков, войска которых сражались с общим врагом. При этом особых материальных издержек, как на регулярное войско, правительство не несло, а границы охранялись. Казачьи общины до определенной поры были признаны, и Москва не раз обращалась к ним

за помощью в отражении нападений многочисленных врагов, сопровождения по степным просторам русских послов.

По отношению к правительству казаки разделялись на служилых и вольных. Первые официально считались подданными русского царя и обязаны были выполнять его приказы. Из числа этих казаков комплектовались гарнизоны пограничных городов и крепостей, пешие и конные полки. За службу получали денежное и хлебное жалованье по твердым окладам, обеспечивались порохом и свинцом. Служили они под началом «голов», назначаемых Разрядным приказом.

Вторые — не считались царскими подданными и не были обязаны служить по его приказу. В походах они участвовали по доброй воле и на определенных условиях. Свобода и независимость были для них превыше всего.

Царское правительство пользовалось услугами своих бывших подданных, но относилось к ним с недоверием. Не связанные присягой, вольные казаки не брезговали «разбойным» промыслом, нападая на иностранных и русских купцов, посольские караваны, что приносило правительству немало неприятностей. Были случаи, когда царь, не желая обострения внешнеполитических отношений с сопредельными государствами, приказывал публично казнить одного или нескольких «воровских людей». Так называли вольных казаков в XVI веке. Попытки царского правительства покончить с казацкой вольницей до 80-х годов XVI века не давали решающих результатов. По мере расширения границ государства и смещения пограничных линий на территорию их обитания вольные казаки уходили в Заволжье, на Яик, Кубань и Терек.

2. Долгий путь к Байкалу

Не миновал этой участи и покоритель Сибири вольный казак Ермак. Летописи не дают точного ответа, когда и при каких обстоятельствах пришел он на Каму, но в 1582 году богатые и могущественные купцы Строгановы приняли предложение казачьего атамана Ермака совершить поход в восточные земли Сибирского хана Кучума.

Честолюбивый, хитрый и воинственный чингисид хан Кучум враждебно относился к Русскому государству, совершал набеги на русские поселения, провоцировал на это другие, подвластные ему племена. Открытые враждебные действия Кучума начались летом 1573 года. В июле сибирские татары вторглись в вотчины Строгановых, руководил ими племянник Кучума — Маметкул. По приказу хана был убит посланник Ивана Грозного Третьяк Чубуков. «Данным людям» Русского государства — хантам и манси — Кучум запретил платить дань в царскую казну.

Грамотой от 30 мая 1574 года Русское правительство закрепляло за Строгановыми их вотчины и давало им право вооруженным путем охранять свои владения, строя сторожевые опорные пункты и крепости на границах владений, а также, нанимая «ратных людей», формировать отряды для их защиты.

Используя данное им право, Строгановы наняли и сформировали на свои деньги отряд из вольных казаков во главе с атаманом Ермаком.

В середине августа 1582 года дружина Ермака в количестве около 600 человек (по другим источникам, 840 человек) отправилась в поход. Главной целью похода ставилось пресечение набегов немирных соседей на владения Строгановых и по обычаям вольного казачества «добыть средства к жизни». Заинтересовано было в разгроме Сибирского ханства и правительство Ивана Грозного, что не было тайной ни для Строгановых, ни для Ермака. Понимал ли Ермак всю дальнейшую историческую значимость своего похода? Вряд ли, но то, что и атаман, и казаки были убеждены в государственной важности этого предприятия, сомневаться не приходится, иначе как бы могла горстка казаков разгромить сильное по тем временам Сибирское ханство?

23 октября 1582 года у Чувашского мыса на Иртыше произошел решающий бой между отрядом Ермака и воинами Кучума, в результате чего пала столица Сибирского ханства Кашлык. Этот бой стал началом присоединения Сибири к Русскому государству и концом Сибирского ханства.

В течение трех лет города и улусы по рекам Иртыш и Обь были покорены. Смерть Ермака в ночь с пятого на шестое августа 1585 года на берегу Иртыша, при устье Вагач, остановила дальнейшее продвижение русских вглубь Сибири.

Сподвижники Ермака — голова Иван Глухов и атаман Матвей Мещеряк — со 150 казаками 15 августа 1585 года оставили Кашлык, форпост казаков в Сибири. Из не менее 600 воинов отряда Ермака на Русь вернулось не более 90 человек. Остальные погибли в боях, скончались от ран, голода и болезней.

Поход Ермака, имевший сначала столь незначительную цель, привел к разгрому Сибирского ханства — главного препятствия на пути освоения сибирских земель русским народом. Только в 1586 году началось вторичное завоевание Сибири.

Воеводы Василий Сукин и Иван Мясной на южном берегу Туры, при впадении Тюменки, построили город Тюмень, который стал оплотом русских владений в Сибири и исходным пунктом для дальнейших походов на Восток. Эти походы назывались «посылками». В большие посылки отправляли «письменных голов», то есть обязательно грамотных начальников отрядов, а в малые — атаманов, сотников, пятидесятников из казаков. Начальник отряда обязательно получал от воеводы «наказную память» — своего рода боевой приказ, где излагались задачи отряда, сведе-

ния о противнике, меры предосторожности, административные распоряжения. Казаки очень дорожили «наказными памятями», так как они подтверждали их участие в том или ином походе и давали возможность получить награду, повышение по службе. Выполнив задачу, начальник отряда подавал воеводе «письменную сказку», то есть донесение, где подробно излагались все действия отряда. Если исполнитель был неграмотный, то воевода с его слов записывал о делах отряда. Эта запись называлась «расспросными речами». Если задача была незначительной и выполнялась малыми силами, например, осмотр места строительства острога, разведка маршрута движения и т.д., то донесение по форме не отличалось от «сказки», но называлось «доездом». Наоборот, если отряд был большой и выполнял важную задачу, составлялся как документ отчета так называемый статейный список. Эта форма отчета была похожа на ведение дневника, где подробно излагались все события, произошедшие за время нахождения в походе. Ни один поход не начинался без разведки. Сведения о противнике назывались воинскими вестями. Для сбора информации применялись все способы: опрос местных жителей, допрос пленных, засылка агентов из числа дружественных местных жителей туда, откуда ожидали угрозу или куда задуман был поход. При размещении на отдых становились «станом», выставляя «сторожей» — караул. При действиях на незнакомой местности или на враждебной территории ходили «бережно и осторожливо», всегда имели проводников и переводчиков.

В 1587 году письменный голова Данила Чулков с 500 стрельцами и казаками Матвея Мещеряка севернее старой столицы Сибирского ханства Кашлык, на правом берегу Иртыша, при слиянии Тобола и Иртыша, двумя верстами ниже знаменитого Чувашского мыса, заложили город Тобольск, ставший надолго главным стратегическим пунктом в Сибири. В бою с воинами сибирского князя Сеид-Ахмата, при обороне Тобольска, погиб последний атаман дружины Ермака — Матвей Мещеряков. Попытка Сеид-Ахмата разгромить русских и восстановить Сибирское ханство провалилась. Началось систематическое освоение Западной Сибири.

Борьба с ханом Кучумом продолжалась и закончилась в 1598 году его полным поражением на реке Обь, нанесенным отрядом в 400 ратных людей и казаков под командой помощника воеводы Андрея Воейкова. По случаю победы над Кучумом в Москве был отслужен благодарственный молебен. К этому времени на престол вступил Борис Годунов, который также укреплял централизованную власть, опираясь на дворянство. Во внешней политике он уделял большое внимание освоению Сибири, отразил в 1591 году набег крымского хана Кази-Гирея на Москву. Беглый крепостной люд уходил теперь не только на юг, но и пополнял ряды вольных сибирских казаков.

Хан Кучум, лишившийся семьи, потерявший воинов и царство, больной и дряхлый, отклонил предложение добровольно покориться русскому

царю и отправился в Бухару, где и был убит, так как давно стал обузой для бухарских покровителей, не желавших ссориться из-за него с русским царем.

Через 30 лет после покорения Сибири казаки вышли к Енисею. В 1618 году Петр Альбичев построил Енисейский острог, будущий город Енисейск, откуда русский землепроходец Пенда отправился в Мангазею. Он же в 1620 году с небольшим отрядом на стругах пошел вверх по течению Нижней Тунгуски, пройдя за три года новыми речными путями восемь тысяч километров. Пенда был первым русским исследователем Ангары.

Вокруг города Енисейска стали селиться крестьяне — переселенцы из России. Появился сибирский хлеб.

Прочно утвердившись на реке Енисее, казаки продолжили путь на Восток. В 1631 году воевода Дубенский заложил Красноярский острог, и к 1631 году возле него возникли русские поселения. Началась долгая борьба за освоение земель, заселенных бурятами и тунгусами.

Основой тактики казаков в то время была неожиданность. Во всех «наказных памятях» сказано: «безвестным тайным приходом войной смирить». Общим принципом тактики стало действие по обстоятельствам, т.е. исходя из сложившейся обстановки: «промышлять над ними мерами домышляючи». Малочисленность казачьих отрядов требовала экономии сил. Иногда они вели переговоры и добивались больших целей, чем если бы действовали силой, в другом случае внезапно нападали, действуя исключительно огнестрельным оружием в рассыпном строю. Сражались, как правило, пешими, иногда стреляли с коней, но случаи конной атаки в многочисленных «отписках» воевод не просматриваются. Редко рубились одиночные казаки верхом. Конный строй отсутствовал. Преследование бегущего врага велось почти всегда — но недалеко и неэнергично.

Если противник нападал на остроги, то казаки стойко оборонялись, используя все имеющиеся для боя средства. При наличии достаточного количества сил делали вылазки. Сначала наносили поражение ружейным или пушечным огнем, а потом бросались в атаку. Наиболее распространенным стрелковым оружием были карабины, пистоли, пищали. Единого вооружения не было. В Сибири постоянно ощущался недостаток в мелком огнестрельном оружии. Свой успех казаки обязательно закрепляли строительством острогов, число которых по мере продвижения вперед увеличивалось. Остроги становились опорными пунктами казаков и использовались не только для обороны, но и как места хранения различных запасов для снабжения казачьих отрядов. Впоследствии эти остроги превращались в сибирские города и селения.

С 1623 по 1629 год атаманами Алексеевым и Перфильевым предпринимались разведывательные походы по реке Верхняя Тунгуска (Ангара), а в 1628 году сотник Петр Иванович Бекетов построил на правом берегу

Тунгуски, против устья Тасея, Рыбинский острог, вследствие чего облегчалась отправка казачьих отрядов для дальнейших походов по рекам Ангаре и Оке.

3. Вперед, за Байкал!

Слухи о богатых серебряных рудниках подстегивали воевод для дальнейшего поиска пути за Байкал. Русское государство остро нуждалось в своем серебре для чеканки монет. Большая его часть доставлялась из стран Востока и Европы. Своих природных источников серебра на Руси тогда не было. Делались попытки разведать залежи серебряных руд на Урале, на Северо-Востоке России. Русские воеводы в Сибири немедленно реагировали на любой слух о серебре. Стремление отличиться перед царем заставляло их ничего не жалеть для формирования все новых и новых казачьих отрядов и отправлять на разведку путей к желанному серебру. С этой целью они снарядили большой отряд под начальством воеводы Якова Хрипунова, который на двадцати судах со 130 казаками двинулся в путь по Оке. Недалеко от устья Оки Хрипунов разбил в бою бурят, препятствующих его продвижению. На этом дело остановилось, так как смерть воеводы помешала исполнению замысла экспедиции. Отряд Хрипунова, лишившись руководителя, самовольно разошелся по домам, захватив добычу и пленных.

В 1631 году атаман Максим Перфильев в устье Оки построил Братский острог, который стал опорным пунктом для продвижения за Байкал. Встретив мужественное сопротивление бурят, казаки стали создавать сеть острогов, медленно продвигаясь к северо-востоку по Лене и к юго-востоку по Ангаре.

В 1632 году енисейский сотник П.И. Бекетов с небольшим отрядом казаков перешел с Ангары на Лену и заложил там Якутский острог, ставший оплотом русских поселений на реке Лене.

В 1635 году тот же сотник Бекетов в устье реки Олекмы заложил Олекминский острог и наметил обходные пути через реки Витим и Олекму в Забайкалье. В отряде Бекетова состоял казак Сенька Дежнев — будущий землепроходец и мореход Семен Иванович Дежнев.

В 1638 году енисейский отряд подьячего Максима Перфильева в составе 36 казаков выступает из Енисейска для разведки Даурских земель, о богатстве которых среди казаков ходили слухи и легенды. В результате проведенного поиска появились первые сведения о даурах и реке Амур. Но самые главные сведения были те, что подтверждали наличие серебряных и медных рудников на реке Шилке.

В 1640 году на Лену были назначены воеводы, поселившиеся в Якутске. Образовалось самостоятельное Якутское воеводство. Сложились все

условия для проникновения русских за Байкал. Сведения, полученные Перфильевым, первым из русских побывавшем на забайкальской земле, заинтересовали воевод Якутска. Они решили предпринять поход на верхоленских и байкальских бурят, «чтобы, укрепясь в их стране, быть ближе к забайкальскому серебру». Опорными пунктами для их замысла служили Братский острог со стороны Енисейска и Верхоленский острог со стороны Якутска, положившие конец независимому существованию бурят. Независимость эта и прежде была относительной, так как буряты постоянно подвергались нападению монгольских ханов, облагавших их данью. С середины XVII века западномонгольские феодалы стали усиливать набеги на бурятские земли, что и ускорило окончательное вхождение бурят в состав России, так как буряты и значительная часть тунгусов стремились получить защиту от этих набегов и расширить торговые связи с русскими.

В 1640 году из Якутска на реку Витим был отправлен отряд в составе 70 человек под начальством письменного головы Еналея Бахтиярова с задачей как можно дальше пройти до истоков Витима. Но не дойдя до верховьев Витима, Бахтияров вернулся. Это была вторая русская экспедиция в Забайкалье.

Летом 1641 года пятидесятник Мартын Васильев закладывает при устье Куленги Верхоленский острог.

Третья экспедиция русских в Забайкалье была предпринята в июле 1643 года из Енисейска. Отряд из 74 человек под руководством Курбата Иванова дошел до озера Байкал и переправился на стругах на остров Ольхон. Его помощник Семен Скороход с шестью казаками и тридцатью промышленниками (охотниками за пушниной) плывет к северным берегам Байкала до впадения реки Верхней Ангары и ставит там зимовье. Затем Скороход проникает в Западное Забайкалье, доходит до реки Баргузин и тоже строит там зимовье.

Этим же летом 1643 года в Забайкалье отправляется из Якутска четвертая русская экспедиция под начальством письменного головы Василия Даниловича Пояркова. Его отряд, насчитывающий 132 человека, на стругах поплыл вниз по Алдану, Учуру и Гоному до устья реки Нуемки. Преодолев Становой хребет, спустился на Зею, где им встретилась первая даурская деревня, население которой занималось хлебопашеством. По реке Зее Поярков вышел на Амур.

В 1644—1647 годах атаман Василий Колесников с отрядом в 100 казаков совершает поиск за Байкал с целью разведки месторождений серебряных руд. В устье реки Ангары им был построен Верхнеангарский острог. Казаки Колесникова пробрались к озеру Еравны, вышли к реке Баргузин и спустились к реке Селенге, не доходя которой встретили стан монгольского князя Турукай-Табуна. Он заверил их, что золота и серебра в его землях нет, а все то, что он имеет, куплено у китайцев. И эта пятая экспедиция не открыла дорогу к вожделенному серебру.

Одновременно с Василием Колесниковым действовал в Забайкалье отряд казаков под начальством Ивана Похабова, который по льду перебрался через Байкал и, встретившись с князем Турукай-Табуном, получил те же сведения о серебре и золоте, что и Колесников.

Кроме того, из Верхоленского острога совершали разведывательные поиски казаки Алексея Бедарева.

Таким образом, самоотверженными, целенаправленными действиями казачьи отряды обходили Байкал с севера и юга, прорывались через Байкал в центре.

Все это не оставалось незамеченным бурятами, которые вынуждены были вновь отстаивать свою независимость. Основной причиной обострения отношений было самоуправство атамана Колесникова и его людей, а также желание некоторых бурятских князей сохранить свое исключительное право на сбор дани с улусного населения. В 1648 году их отряды нападают на Верхоленский острог, понимая его исключительное значение, — но присланным на помощь осажденным отрядом Федора Нефедова были разбиты. С этого времени враждебные действия бурят сильно ослабли. Этому способствовало не только их военное поражение от русских отрядов, но и то, что они в русских увидели реальную силу, способную защитить от порабощения монгольскими феодалами. Из двух зол буряты выбрали меньшее. В свою очередь монгольские ханы, находившиеся под гнетом китайцев, были заинтересованы в установлении дипломатических и торговых связей с Россией. Они стали избегать серьезных столкновений с русскими и не препятствовали присоединению к России забайкальских бурят и тунгусов.

Летом 1648 года боярский сын Иван Галкин с 60 казаками заложил Баргузинский острог, ставший исходным пунктом распространения русского влияния по ту сторону Байкала, в Западном Забайкалье. Это была седьмая экспедиция в Забайкалье.

В 1650 году в Баргузине Галкина сменил атаман Василий Колесников с 70 казаками. Его разведчики проникают за Яблоновый хребет, собирают важные сведения о маршрутах продвижения до озера Иргень, рек Шилка и Нерча, а также о племенах, заселявших эту местность; проводят рекогносцировку мест строительства острогов («На озере Иргень и на Шилке, при устье Нерчи, поставить остроги», — докладывали они в своих «сказах»). Верные своей обычной тактике, казаки действовали из центра по окружности, обосновываясь в Забайкалье.

6 марта 1649 года из Якутска для следования на восток отправился отряд Ерофея Павловича Хабарова, который снарядил экспедицию за свой счет. Этот отряд прошел вверх по Лене, повернул затем в Олекму, потом в Тунгир, где и построил Тунгирский острожек. Второй острог, поставленный Хабаровым в Восточном Забайкалье, был Усть-Стрелочный.

Поход Хабарова завершился официальным присоединением Приамурья к России. Началось переселение на Амур русских крестьян. Первыми переселенцами в 1652—1653 годах были крестьяне и «служилые люди» Илимского и Верхоленского острогов, а потом распространившиеся слухи о хороших пахотных землях по Амуру послужили толчком к массовому переселенческому движению, особенно проявившемуся в 1650—1660 годах.

В 1652 году Енисейский воевода Афанасий Пашков снаряжает девятую экспедицию в Забайкалье с целью поставить остроги на озере Иргень, реке Шилке и разведать месторождения серебра. Во главе ее стоит Петр Бекетов — энергичный, смелый казачий сотник, который каждый свой шаг закрепляет строительством острога. Отряд Бекетова насчитывал 100 казаков. Первый острог, Усть-Прорва, он построил на выгодном месте: «Люди, идущие с западной стороны Байкала на Селенгу, Хилок и Шилку, миновать этого острога не могли. Кроме того, там было много рыбы для питания».

После зимовки в остроге Усть-Прорва отряд Бекетова поднялся по Селенге и Хилку до озера Иргень. Здесь в сентябре 1653 года был построен Иргенский острог. Выполнив первую часть плана, Бекетов приступает к осуществлению второй его части — строительству острога при устье Нерчи. Высланный им десятник Урасов на берегу Шилки, против устья Нерчи, зимой построил небольшой Нерчинский острог. Весной 1654 года Бекетов, оставив в Иргенском остроге 18 человек, дошел с остальными казаками до Ингодинского зимовья (город Чита), поставленного им еще раньше для хранения запасов продовольствия, забрал эти запасы, 20 человек, охранявших их, и на плотах по Ингоде и Шилке с 41 казаком спустился к устью Нерчи, к острогу Урасова, где было еще 20 человек. Около Нерчинского острога этой же весной казаки посеяли хлеб, но тунгусы князя Гантимура, неоднократно нападавшие на острог, все посевы вытоптали. Под угрозой голода в 1655 году Бекетов перебрался на Амур, где соединился с отрядом атамана Степанова и до 1660 года нес там службу. Нерчинский острог был разрушен тунгусами. Несмотря на все усилия, Бекетову не удалось закрепиться в Забайкалье — но он проложил путь, по которому пошли другие исследователи забайкальской земли.

4. Из Забайкалья на Амур

К этому времени в Северо-Западном Забайкалье, в Баргузинском, Верхне-Ангарском и Баунтовском острогах русские обосновались окончательно, вплоть до полного освоения Забайкалья. В итоге было основано Баргузинское головство, произведена рекогносцировка рек и путей в Забайкалье, найден путь на Амур. Енисейские казаки соединились с якут-

скими. Для установления более прочных связей с Енисейском необходимо было заложить промежуточные остроги. Главным из них стал Балаганский острог, построенный в 1654 году боярским сыном Дмитрием Фирсовым на левом берегу Ангары. Вокруг острога имелись пахотные земли и была найдена железная руда.

В 1655 году Енисейский воевода отправил в Балаганский острог для поселения 60 крестьянских семей, кузнеца и плавильщика «для обработки руды».

Три острога: Братский, при устье реки Оки (1631 г.), Верхоленский (1641 г.), Балаганский (1654 г.) — сыграли главную роль в освоении Приангарского края.

Строительство острогов, продвижение по рекам и озерам, использование огнестрельного оружия против местных племен завершили двадцатипятилетнюю (1630—1665 гг.) борьбу за выход к Байкалу и в Забайкалье.

Сложились благоприятные условия для походов на Амур: Поярков (1643—1646 гг.); Хабаров (1649, 1650—1652 гг.); Степанов (1653—1658 гг.).

Однако, несмотря на все попытки закрепиться на Амуре, это сделать не удалось, так как возникла реальная угроза столкновения с многолюдным Китаем малочисленных отрядов воевод. Заманчивая мысль — создать Амурское воеводство — была временно отложена русским правительством, но от самого плана занятия Амура оно не отказалось. Разведывательные походы Бекетова и Степанова создали Амурский вопрос: «Присоединение Амурского края к России и борьба из-за него с Китаем».

За десять лет освоения Амура погибло около 1500 человек. Преимущественно это были казаки, чья лихость и отвага подготовили почву для последующих походов на Амур. Для претворения в жизнь этих планов необходимо было иметь базу, обеспечивающую успех. Поэтому по представлению Енисейского воеводы Афанасия Пашкова Московское правительство решило сначала создать оплот казачьим отрядам в Забайкалье. В перспективе, когда русские окончательно обоснуются в Забайкалье, предполагалось по реке Шилке постепенно распространять свое влияние на Амурский край.

Царской грамотой Енисейскому воеводе Акинфову от 20 августа 1655 года «велено Афанасию Пашкову, с сыном Еремеем, быть на Государевой службе в новой даурской земле».

Русским царем с 1645 года стал сын Михаила Федоровича, основателя царской семьи Романовых, Алексей Михайлович, который, укрепляя самодержавную власть, завершил законодательно оформление крепостного права. При нем впервые были выпущены русские серебряные монеты — рубли. Основные усилия во внешней политике царь направлял на Запад. В приграничных местностях создавал военные округа во главе с воеводами, в руках которых сосредоточивалась военная и гражданская власть на территории округа.

С этой целью и был послан в Забайкалье Афанасий Пашков, а вместе с ним в даурскую землю отправились 300 стрельцов и служилых казаков. Указ, как государственный документ, определял денежное жалованье Пашкову и его сыну «по окладам их из енисейских доходов»; что послать в даурскую землю из Тобольска: «пятьдесят пудов пороху, сто пудов свинца, сто ведер вина горячего (водки. — *Примеч. ред.*)», а что из енисейского урожая: «восемьдесят четвертей муки ржаной, десять четей круп, толокна тож».

Кроме того, Указ разрешил собирать со всех людей таможенные пошлины, приказывал отдать «под него Афанасия и под служилых людей суда, которые готовлены для даурской службы»; намечал сроки отправки отряда «и отпустил бы их из Енисейского острога в Илимский острог во 164 году по весне безо всякого задерживания».

Приказом по Великому войску (так назывались казачьи войска) 1913 года № 449 Забайкальскому казачьему войску дано старшинство на основании этой грамоты, с 20 августа 1655 года.

18 июля 1656 г. Афанасий Пашков со «служилыми людьми» выступил из Енисейска. Началось планомерное освоение Забайкалья.

В Енисейске нагнал указ ссыльного Протопопа Аввакума, главу и идеолога русского раскола, ехать с Пашковым в Даурию. Будучи полковым попом, Аввакум Петров (Петрович) в своем «Житии протопопа Аввакума» — этом литературном памятнике Сибири — обессмертил подвиг и муки первых даурских «насельников» в словах страшных и прекрасных, нарисовал образ Афанасия Пашкова, человека незаурядного, но и жестокого в своем обращении с казаками. Он писал: «Стало нечева есть; люди учали с голоду мереть и от работныя водяныя бродни. Река мелкая, плоты тяжелые, приставы немилостивые, палки большие, батоги суковатые, кнуты острые, пытки жестокие — огонь да встряска, люди голодные: лишо станут мучить — ано и умрет!.. Все люди с голоду поморил, никуды не отпускал промышлять... Ох, времени тому!»

В 1657—1658 годах были заложены Иргенский, Нерчинский и Телембинский остроги. Грамотой от 20 октября 1659 г. в Нерчинск назначается приказчик (не воевода). Выбор был предоставлен Тобольскому воеводе князю Хилкову, который избрал на эту должность боярского сына Иллариона Толбузина, пробывшего в Забайкалье пять лет, с 1662 по 1667 год. Это была самая тяжелая пора для Даурских острогов, так как во всех трех острогах к концу воеводства Пашкова, в 1662 г., осталось всего 72 казака, измотанных полуголодным существованием и постоянными набегами местных тунгусских племен. При Толбузине число казаков в острогах увеличилось до 114 человек. Не выдержав голода и лишений, 68 из них под начальством Абрама Парфенова в 1663 г. бежали на Амур. После этого побега в трех острогах осталось 46 казаков. Этими силами Толбузин не мог защитить тунгусов, которые в конце концов прекратили борьбу с русскими и согласились платить дань в царскую казну, а не монгольским ханам.

В 1664 году Нерчинский острог подвергся нападению монголов — но храбро сражавшиеся казаки отстояли его. Толбузин постоянно жаловался в Москву на тяжелые условия жизни, вследствие чего в конце 1664 года енисейскому воеводе было дано поручение взять на себя снабжение и защиту Даурских острогов. Было послано жалованье 114 нерчинским казакам за 6 лет службы (1659—1664 гг.) в размере 1380 рублей и, кроме того, «26 половинок гамбургского сукна разных цветов на кафтаны, по 4 аршина на человека; холст в 1000 аршин; 1000 сажень сетей для рыбной ловли и 1200 рублей для покупки хлеба». На подкрепление отправили 60 томских и 20 енисейских казаков.

О побеге 68 казаков на Амур в Енисейске еще не знали. Таким образом, в Даурских острогах установился на долгие годы штат в 200 казаков, но фактически до 1680 года их всегда было меньше.

В Западном Забайкалье образовалось Баргузинское головство с Верхнеангарским, Баргузинским, Баунтовским острогами. Русская волна переселенцев в Западном Забайкалье двинулась на юг.

27 сентября 1665 года в устье Чикоя был поставлен новый острог, названный Селенгинским. Он стал щитом русских поселений за Байкалом от нападения монголов. Начали складываться официальные отношения с Монголией.

В этом же, 1665-м, году был восстановлен на Амуре Албазинский острог, а в 1674 году он был приписан к Нерчинскому воеводству.

За 10 лет — с прибытия Пашкова в Забайкалье и до конца службы Иллариона Толбузина (1667 г.) — русские, временно отказавшиеся от Амура, прочно обосновались за Байкалом.

К 1666 году в трех основных острогах Забайкалья насчитывалось уже 354 казака: в Нерчинском — 194; в Баргузинском — 70; в Селенгинском — 90.

В 1676 году «в пяти днях пути от Нерчинска» на реках Алтаче, Мунгаче и Тузяче, впадающих в Аргунь, было найдено серебро.

В это же время русско-китайские отношения все больше обострялись как на Амуре, так и в Забайкалье, особенно после восстановления Албазинского острога. Не желая дальнейшего продвижения русских по Амуру, Китай стал открыто готовиться к войне с Россией, подстрекая к нападению на Селенгинск и Нерчинск монгольских князей.

В 1680 году на смену приказчикам в Нерчинск был назначен воеводой стольник Федор Воейков (1680—1683 гг.) — тем самым Русское правительство подчеркивало большую значимость предстоящих событий на Амуре и в Забайкалье. Всвязи с угрозой нападения со стороны Китая надо было готовиться к войне с ним. В этих условиях особо важно стало иметь необходимые запасы продовольствия, свинца, пороха. Свою работу Воейков начал с обеспечения Нерчинского воеводства своим продовольствием. В 1681 году были сделаны первые посевы хлеба, удалось собрать

с пуда семенного зерна: 13 пудов пшеницы; 7 пудов овса; 12 пудов ячменя; 17 пудов гречихи. Началось расселение на пашни крестьян из Европейской России. В этом же году Нерчинский острог был усилен земляными оборонительными сооружениями.

Попытки Петра Бекетова и Федора Воейкова обеспечить себя продовольствием за счет забайкальской пашни имели огромное хозяйственное значение, так как доказывали, что хлеб можно выращивать и в условиях короткого забайкальского лета. Это было тем более важно, что доставка продовольствия из России, и прежде всего хлеба, была долгим и трудным делом; стоил он очень дорого.

В 1681 году на реке Аргуни был сооружен Аргунский острог. Благодаря Воейкову улучшилось снабжение казаков, развивалось земледелие, энергично собирались сведения о подготовке Китая к войне, продолжались попытки проникнуть на Амур.

К 1682 году русские владели Амуром до устья Зеи и по Зее. Ниже устья Зеи Амур находился под влиянием Китая, но сами китайцы на Амуре не селились.

В 1682 году китайцы появились на реке Амур, на левом берегу которого, ниже устья Зеи, они построили город Айгун. Положение усугубилось и расколом в Нерчинском воеводстве из-за нежелания албазинских казаков подчиняться Нерчинскому воеводе. Построением города Айгун, имевшего громадное стратегическое значение, китайцы пытались остановить продвижение русских по Амуру в его нижнем течении. Город в инженерном отношении укреплен был хорошо: воздвигнута стена из дерна в сажень, снаружи и внутри имелся палисад, толщина стен между палисадом была в две сажени; протяженность стен по кругу равнялась 600 метрам; снаружи выкопали ров глубиной в один сажень, имелись другие заграждения. В двух воротах стояли по две пушки на станках и колесах. Гарнизон состоял из 2000 человек с 30 пушками. На берегу реки на катках стояли суда.

Вскоре столкновения с китайцами приняли открытый характер. В июне 1684 года Нерчинский острог принял воевода Иван Власов, а Албазинский — боярский сын Алексей Толбузин.

В 1686 году около старого Селенгинского острога был построен деревянный рубленый город. Предпринимались шаги к пополнению гарнизонов острогов людским ресурсом, доставки в остроги пороха и свинца.

5. Албазинская эпопея и Нерчинский договор

10 июня 1685 года 10 тысяч китайцев осадили Албазин, имея 200 полевых и 50 осадных пушек. Конница состояла из 1000 всадников. Пехота была вооружена луками, саблями, и около 100 человек имели ружья.

В первые дни осады Албазина русские потеряли более 100 человек. Казаки сражались умело и мужественно — пока не истощились запасы пороха и свинца. 26 июля начались переговоры о сдаче острога и о переходе оставшихся в живых защитников его с семьями в Нерчинск. Условия сдачи китайцами были приняты. 25 казаков перешли на службу к Богдыхану (богдо-гегены — религиозно-политический сан владыки монголов под властью Китая. — *Примеч. ред.*), более 300 отправились в Нерчинск. Посланный на помощь Албазину пятидесятник Анцифер Кондратьев со 100 казаками был вынужден вернуться в Нерчинск.

Амур во второй раз был потерян. Албазинский священник Максим Леонтьев, взятый в плен китайцами, основал в Пекине первую русскую православную церковь. Потомки албазинцев, ушедших в Китай к Богдыхану и обосновавшихся в Пекине, сохранили многие традиции своих предков. Несмотря на то, что они одевались по-китайски, брили голову наполовину и носили косу, то есть внешне уже больше походили на китайцев, чем на русских, продолжали исповедовать православную веру. Уходя из Албазина, казаки взяли из церкви свою святыню — икону святого Николая Чудотворца, которую берегли более двухсот лет. Забайкальские казаки, побывавшие в Пекине после подавления «боксерского восстания» в 1900—1901 годах, видели эту икону и тех, кто ее бережно хранил столетия, группируясь вокруг нее, как воины у боевого знамени.

По прибытии в Нерчинск подкрепления — полка Бейтона (иностранный наемник, оставшийся на постоянное жительство в Сибири. — *Примеч. ред.*) из сибирских казаков — была предпринята попытка вернуть Албазинский острог.

Прибыв в Албазин и восстановив его укрепления, казаки стали строить город. Китайцы всячески препятствовали этому, и в июле 1686 года началась 19-месячная оборона Албазина.

Встретив упорное и самоотверженное сопротивление русского гарнизона, а также в силу ряда других причин, внутренних и внешних, китайцы вынуждены были отказаться от широких военных планов и предложили Русскому правительству провести переговоры с целью заключить мир и установить границы. В свою очередь Русское правительство не располагало достаточными военными силами, чтобы защитить Приамурье и, стремясь установить постоянные дипломатические и торговые отношения с Китаем, согласилось вступить в мирные переговоры.

6 мая 1687 года осада была снята, китайцы отошли от города. 30 августа 1687 года было заключено перемирие. Переговоры о мире решили вести в Нерчинске, к тому времени имевшем деревянную ограду и гарнизон в 1,5 тысячи человек без достаточного количества боеприпасов. Русское посольство возглавил окольничий Федор Головин.

Переговоры о мире и установлении границ между Россией и Китаем начались 12 августа 1689 года. Головин предложил границу с Китаем иметь

по Амуру; китайцы, в свою очередь, потребовали оставить за собой Албазин, Нерчинск, Верхнеудинск и Селенгинск, то есть все пространство до Байкала. Несколько раз переговоры прерывались, никто не хотел уступать. Китайский посол грозился покинуть место переговоров, если не будут приняты его требования, угрожая применить силу против несговорчивого русского посла, и это были не просто слова. Нерчинск был блокирован маньчжурской армией (Китаем в это время правила маньчжурская династия императоров. — *Примеч. ред.*) и флотилией общей численностью 17 тысяч человек, оснащенных артиллерией. Переговоры проходили в исключительно тяжелой обстановке для русской стороны. Существовала реальная угроза военного нападения, истребления Русского посольства и гарнизона. В этих условиях Федор Головин вынужден был пойти на значительные территориальные уступки. В конечном итоге 27 августа 1689 года трудные переговоры были завершены и договор подписан. По этому договору граница между Россией и Китаем стала проходить по реке Горбица и далее, с верховьев ее, Яблоновым хребтом до самого моря. Все реки, стекающие с него на север, отошли России, а стекающие на юг — Китаю. Спорные места у Амурского устья до реки Уды, которая отошла к России, оставили неразграниченными до другого, более удобного времени. Также река Аргунь стала представлять собой границу: левые ее притоки отошли к России, правые — к Китаю. Город Албазин, согласно договору, должен быть разрушен. Китайцы устно поклялись не селиться в тех местах. Интересы России и Китая при заключении Нерчинского договора были встречными, до этих событий, как уже отмечалось, китайцы по Амуру не селились.

Государственная граница по этому договору была крайне неопределенной (кроме участка по реке Аргуни), намечена лишь в общих чертах. Название рек и гор, служивших географическими ориентирами, не были идентичными в русском, латинском и маньчжурском экземплярах договора, что позволяло их по-разному толковать. В момент подписания договора точных карт у сторон не имелось, делимитация границы была неудовлетворительной, а демаркация ее не проводилась вообще. При подписании договора обмен картами с нанесенной на них линией прохождения границы между двумя странами произведен не был. Нерчинский договор предусматривал в любых случаях мирное решение пограничных споров и устанавливал принцип равноправной торговли для обеих сторон.

В третий раз русские потеряли Амур. Головин под давлением силы вынужден был согласиться сжечь Албазин, но взамен взял с китайцев клятву, что никогда на месте Албазина они никаких строений не заведут. Эта маленькая дипломатическая уловка дала возможность впоследствии утверждать при заключении последующих договоров, что река Амур никогда не принадлежала Китаю.

Нерчинский договор 1689 года вошел в историю как первый договор, заключенный Россией и Китаем по установлению официальной границы между двумя государствами и надолго определивший отношения Русского государства с Маньчжурской Цинской империей (т.е. Китаем. — *Примеч. ред.*).

6. На страже Забайкальской границы после Кяхтинского договора

К концу XVII века официальная граница с другим соседом, Монголией, была тоже не установлена. Необходимость охраны границы вызвала увеличение числа казаков в Западном Забайкалье. Походы за новыми землями в Забайкалье прекратились. Казаки призывались правительством стать на границах для их охраны.

Вдоль границы с Монголией стали образовываться казачьи поселения. Правительство Москвы понимало, что расширению границ положен предел. Были приняты меры к закреплению на достигнутых рубежах. Чтобы приучить казаков к земле, заставить их самих выращивать хлеб, правительство отменило хлебное жалованье, выделило казакам землю, которую они должны были обрабатывать и самих себя кормить.

Неохотно брались казаки за землепашество. За многие годы непрерывных походов они отвыкли от хозяйствования, но суровые условия существования заставили их заниматься мирным трудом. Стал складываться особый казачий уклад жизни в Забайкалье, а вместе с ним и характер людей, которые, породнившись с местным населением, вобрали в себя внешние и внутренние черты коренных народов Забайкалья.

Хозяйственная деятельность и воинская служба на Восточно-Сибирской границе Русского государства — вот главные задачи, которые стали выполнять казаки Забайкалья.

К моменту заключения Нерчинского договора во всех гарнизонах на пограничной линии насчитывалось 9353 служащих, в том числе 8734 казака. На всех отпускалось правительством жалованье в размере 59 375 рублей 85 копеек. Затраты правительства на содержание казаков ставили последних в зависимое положение от центральной власти. Казаки вынуждены были из вольных превращаться в служилых. Казачьей вольнице (в Забайкалье. — *Примеч. ред.*) был положен конец, из искателей приключений они превратились постепенно в земскую полицию и пограничную стражу.

К 1700 году Россия на севере и востоке достигла своих современных границ — но на юге Забайкалья они не были четко определены.

Охранялась граница линией острогов, которая постоянно видоизменялась в зависимости от продвижения на юг, образовывались параллельные линии острогов.

Способ охраны границы, существовавшей в европейской части России, был перенесен и на Забайкалье.

Впереди порубежных укреплений (острогов) выставлялись передовые посты — «сторожи» — на расстоянии от одного до пяти дней пути от города, из которого они высылались. На этих «сторожах» несли службу 4—6 сторожей (казаков). Место для несения службы определялось лично воеводой. Расстояние между сторожами определялось от половины до одного дня пути. Казаки на «сторожах» менялись через две недели. «Сторожи» наблюдали за противником, и в случае его появления немедленно высылались посыльные в город, одновременно извещались другие «сторожи», станицы и сотни. В конце XVII века «сторожи» стали именоваться заставами.

Кроме того, рубежи охранялись значительными передовыми отрядами конницы, которые выдвигались впереди сторожевой линии. Эти отряды назывались станицами. Управлялись они станичными или «стоялыми» головами.

В конце XVII века каждый приграничный город высылал в степь одну-две станицы численностью от 25 до 100 человек. Станицы высылались по одному, двум и более направлениям, определенным заранее, в соответствии с местными условиями и вероятными маршрутами выдвижения противника.

В случае появления противника на непредугаданном направлении туда немедленно высылалась станица. Станица состояла из головы, ездоков и вождей.

«Сотни», конные авангарды численностью 50—100 человек выполняли те же задачи, что и станицы.

Такими «сторожами» и станицами, высылаемыми из Нерчинска и Селенгинска, охранялась в 1689—1727 годах граница Забайкалья (до Буринского трактата).

Разъезды высылали по наиболее вероятным направлениям выдвижения войск из Монголии: Цурухайтуй, Чиндант, Акша, Харацай, Троицкосавск, Кудара.

Система охраны границы сводилась к наблюдению путей выдвижения по долинам рек, между горными цепями.

Петр I, занятый войной со шведами, не успел упорядочить пограничные дела Забайкалья. Между тем вопрос установления четко разграниченной пограничной линии на юге остро назрел, так как развитие торговли, переход монгольских племен в русское подданство сильно беспокоил китайское правительство.

Поэтому по вызову из Пекина 5 июля 1725 года для ведения переговоров с Китаем об установлении точной границы между двумя странами

был назначен чрезвычайный посол и полномочный министр граф Савва Владиславович Рагузинский.

В 1727 году 20 августа уполномоченные обеих держав на реке Буре (20 верст от Кяхты) после длинных и упорных переговоров заключили Буринский трактат, ставший составной частью Кяхтинского договора, по которому была установлена настоящая граница в Забайкалье. Свои усилия в переговорах Рагузинский, учтя опыт заключения Нерчинского договора, подкрепил военной силой. На переговоры его сопровождали и охраняли в ходе их Якутский пехотный полки, одна рота драгун, 200 человек, Екатеринбургской охранной стражи.

Размен письменными разграничительными актами был совершен 12 октября 1727 года на Абагайтуевской сопке, а 18 октября — на хребте Шабин-Дабат (Западные Саяны). Сам договор подписан 21 октября в поселке Кяхта.

В статье третьей Кяхтинского договора указывалось: «...посланные с обеих сторон люди разделение ясно написали и начертали и промеж собою письмами и чертежами разменялись и к своим вельможам привезли.., а также обоих государств люди, которые перебегали туда и сюда, сысканы и установлены жить на своих кочевьях, и тако пограничное место стало быть чисто».

Разграничение проводилось по принципу: «каждый владеет тем, чем владеет теперь». Линия границы выбиралась по естественным ориентирам и рубежам (вершинам сопок, хребтам и рекам). В «разменных письмах» говорилось: «По всему вышеизложенному разграничению от Шабин-Дабата до Аргуни северная сторона Российскому империю да будет, а полуденная сторона Срединному империю (Китаю. — *Примеч. ред.*) да будет».

Интересно, что среди монголов и тункинских бурят упорно держалось историческое предание, будто бы русская граница проходила в действительности не по вершинам Саян, как ее провели по Кяхтинскому договору, а гораздо южнее озера Косогола (Хубсугула) по прямой линии от Кяхты на Минусинск.

А история эта, коротко, такова. Сысын-ван, хитрый монгольский дипломат, посланный Эджин-ханом (китайским императором) заключать пограничный трактат с уполномоченным от Русского правительства Грап-Сапом (Савою Рагузинским), подкупил последнего, и тот согласился уступить Китайской империи всю часть территории, находящейся между современной границей России и линией внутренних монгольских караулов. В этом предании фигурируют три монгольские красавицы, бочка с золотом и бочка с серебром, а также обильное употребление китайской ханшинной водки. Нежные ласки красавиц, водка, золото и серебро сделали свое дело. Грап-Сап подписал трактат, согласился на все условия, но и тут хитрый Сысын-ван обманул пьяного Грап-Сапа, подсунул ему

бочки с песком, только снизу и сверху наполненные золотом и серебром. Обнаружив обман, Грап-Сап ничего уже сделать не мог, боясь гнева Саган-хана (Белого царя). Трактат не был опротестован, и земли племени урянхойцев от Кяхты и по прямой линии на Минусинск остались навсегда во владении Китая. Будучи представителем племени урянхов (монголоязычного племени. — *Примеч. ред.*), Сысын-ван выпросил у Богдо-хана зарлык (грамоту), воспрещающий китайцам переходить линию караулов, очутившуюся внутри Монголии.

Трудно судить о правдивости предания, но то, что ни один китаец не пересек линию монгольских караулов, факт реальный. Русские пропускались свободно, китайцы — нет.

Монголы свято соблюдали данные им права. Даже в ходе Русско-китайской войны 1900—1901 годов ни один китайский солдат в этом районе не появился. Фактом остается и то, что монгольские караулы действительно находились на большом удалении от установившейся по Кяхтинскому договору границы.

С трудом верится, чтобы три красавицы, водка, золото, серебро и хитрый сановник решили такой сложнейший дипломатический вопрос, как установление границы между двумя государствами. Если и была уступка со стороны Саввы Рагузинского, то, видно, были другие причины такого решения; тогда на Руси не было хорошего хозяина, и за пять лет сменилось четыре императора (Петр I, Екатерина I, Петр II, Анна Иоанновна). В условиях отсутствия крепкой власти страдают, как правило, границы государства. Так было в России раньше, так повторяется и сейчас. Но как бы там ни было, договор, подписанный в Кяхте, определял, что урегулирование всякого рода конфликтов на границе возлагалось на пограничную администрацию обеих стран. Был установлен порядок торговли между Китаем и Россией. Кяхта и монгольская слобода Цурухайту были объявлены постоянными пунктами беспошлинной торговли. Кяхтинский договор служил правовой основой взаимоотношений России с цинским Китаем, юридически оформил существование в Пекине Русской духовной миссии, определил порядок приема посольств, дипломатической переписки и ответственность нарушителей границ перед законом.

Немедленно после установления 63 маяков (каменных насыпей) и обмена разграничительными актами была организована охрана границы. Эта задача была возложена на 25 караулов, разбросанных вдоль границы на две тысячи верст. Промежутки между караулами стояли от 100 до 200 верст. При каждом карауле состояло 5—10 юрт (семейств) тунгусов или бурят, которым было поручено наблюдение за пограничными маяками (имеются в виду «сухопутные» сигнальные устройства. — *Примеч. ред.*), за переходом через границу людей и скота.

Начальникам караулов предписывалось: «Со стороны России не допускать ни до какого самомалейшего повода к нарушению установлен-

ного порядка, перелазов, потаенных провозов товаров, промены скота и тому подобнава всякой мены...» и «ежели случится такой перелаз с нашей или китайской стороны, точнейше рассматривать».

Центром обороны Забайкальской границы на юге стал Селенгинск, где размещался Тобольский гарнизонный полк и рота драгун.

Более глубоким резервом являлись нерчинские и селенгинские казаки. 29 марта 1728 года 11 родам Хоринских бурят Селенгинского и Нерчинского дискриктов (районов. — *Примеч. ред.*) «за их верность, прилежность к службе и чтобы и впредь служили со всякою ревностью» были пожалованы знамена, по одному на каждый род.

Окончательный порядок службы на границе был определен указом от 14 декабря 1731 года Иркутской канцелярией.

В связи с тем, что огромной протяженности граница не может надежно охраняться малыми силами, в период с 1752 по 1754 год Российское правительство принимает меры по переселению казаков из городов на пограничную линию. С этих пор начинается непрерывная, тяжелая служба казаков на китайской границе.

С 1752 года казаков стали обучать военному строю по военным уставам.

В 1755 году был сформирован из казачьих детей Якутский полк, имевший трехбатальонный состав и драгунскую роту. Это был первый строевой полк, комплектуемый из забайкальских казаков и который находился в полном составе на границе.

В 1760 году был сформирован пятисотенный тунгусский конный полк под командованием князя Гантимура, который вместе с 162 нерчинскими конными казаками и 22 солдатами Якутского полка стал основой пограничного забайкальского казачества.

В 1764 году 22 июля Сенатским указом были сформированы 4 бурятских полка общим числом 2400 человек для охраны Селенгинской границы. Созданы они были на родовой основе и носили название своего рода: Ашебагатов, Цонголов, Атаганов и Сортолов. Впоследствии их стали именовать — 1-, 2-, 3- и 4-й Бурятские полки. Практически вся граница с Монголией охранялась казаками из бурят и тунгусов.

Несмотря на все предпринимаемые меры, надежной охраны границы добиться не удалось.

Воровство и угон скота на границе с Монголией не уменьшались, а в конце 1770 года увеличились. Часты были случаи перехода границы отдельными лицами, а то и целыми семьями.

По Кяхтинскому договору перебежчики на ту или другую сторону должны выдаваться как теми, так и другими; то же касалось и угона или ухода скота за границу. На деле это положение практически не выполнялось ни китайцами, ни монголами, ни русскими. На этот счет действовало даже «Секретное наставление» для начальников казачьих караулов:

«Ежели случится так, что с китайской стороны будет такой перебежчик, который о какой-нибудь важности будет докладывать, то стараться, сколько можно, хотя за ним и малейшая будет погоня, скрыв его секретно, не медля нисколько, отправить к дистаночным делам самыми скоростными дорогами, а искателей приличным и тихим обхождением уверить, что о сыске и сдаче его будем стараться, не подавая отнюдь виду, что он скрыт или отправлен». Как видно из положения этого «наставления», нужным и полезным людям из числа перебежчиков делалась скидка. В то же время закон сурово наказывал тех, кто был пойман с поличным. В зависимости от количества повторяемости преступлений (неоднократный угон скота у монголов) провинившегося ждало жестокое наказание плетьми или даже смертная казнь. Больше это касалось русских казаков, в меньшей степени бурят и тунгусов. Объяснялось такое неравенство тем, что то, что простительно для бурята или тунгуса, ввиду их отсталости и еще не перестроившегося сознания (угон скота был для них обычным явлением), непростительно было для русского казака как «государственного» человека, обязанного охранять интересы государства и следить за соблюдением закона. Так, за тройной угон скота с монгольской территории на нашу русского казака могли приговорить к смерти, а за такой же проступок бурята или тунгуса — к ударам плетью.

«Секретное наставление» предполагало и такое решение вопроса, если, например, монгольская сторона затягивает или не хочет решать вопрос с выдачей скота или перебежчиков с нашей стороны: «Если же мунгалы в рассуждении перебега с нашей в мунгальскую сторону лошадей или переезда людей станут отказываться, что они будто бы без своих начальств принимать следов не смеют, то и вам также поступать и следы принимать от них и задавать их караульным начальствам, наблюдая при всех случаях, дабы поступало было с обеих сторон равномерно, ибо мунгалы имеют инкогнито не только удерживать порядок, но и выигрывать их по затеям».

В 1772 году на границе было поселено 800 русских селенгинских, нерчинских и иркутских казаков вместе с их женами и детьми. Этим поселением завершилось образование «пограничных казаков на китайской границе», так именовались тогда забайкальцы.

На восьми пограничных дистанциях учредили 71 пост или караул (8 крепостей и 63 редута или караула), при которых и поселились русские казаки. Стала складываться караульная жизнь со своими особенностями, ухищрениями, традициями. Так, например, немногочисленному составу казачьих караулов трудно было уследить за большими участками границы, поэтому прибегали к различным хитростям в охране границы. На доступных перевалах, на тропах, в ущельях и других местах, где мог пройти нарушитель, натягивались «волосяные нити», по разрыву которых судили, кто, где и куда пошел. На ровных степных участках, как,

например, в Восточном Забайкалье, «тарили» землю, то есть прокладывали боронами широкую полосу, снимая траву и рыхля землю, чтобы отпечаток следа был ясно заметен.

Русские и монгольские караульные имели личные контакты, периодически общались, обсуждая общие вопросы, а то и просто ходили друг к другу в гости. На каждом карауле, как русском, так и монгольском, имелось по половинке одной и той же дощечки размером в 2,5×1 вершок, окрашенные в черный цвет и имевшие надписи на маньчжурском или монгольском языках. Один раз в год в первой половине июня двое казаков отправлялись в ближайший монгольский караул, где и предъявляли свою половинку дощечки, сопоставляя ее с такой же, но хранившейся у монгол. Если обе половинки сходились в месте излома, то это служило доказательством, что между государствами ничего не случилось и сохраняются хорошие отношения и эти два казака — те, за кого себя выдают. Сложенными дощечками сначала прикасались ко лбу, потом к левому плечу, произнося слова: «Саган-хан атанабей» («охрани нас, Белый царь»). После этого три дня казаки гостили у монгол. На третий день, взяв с собой ту половину дощечки, которая хранилась у монгол, казаки уезжали, оставив им свою половинку. В первых числах сентября ежегодно эту процедуру проделывали два монгола с теми же угощениями и церемониями, но уже на русском карауле. Такое положение на русско-монгольской границе сохранялось примерно до 1868 года.

До 1797 года казаки подчинялись офицерам регулярных войск, а с упразднением должности обер-коменданта управление границей перешло в гражданское ведомство.

В 1798 году военная коллегия известила указом Иркутского военного губернатора об учреждении в Иркутске пятисотенного казачьего полка. Он был сформирован для разъездов в городе, содержания пикетов в уезде, поимке беглых арестантов и так далее.

Жизнь переселенных на границу казаков была очень трудной, так как не решен был вопрос с землей, хотя по указу Иркутского губернатора Леццано на каждую душу мужского пола отводилось 6 десятин под усадьбу, покосы и пашню. Казачьи лошади не выдерживали непосильной работы по ежедневному объезду участков границы. Летние объезды границы совпадали с посевными работами; некоторые караулы были в не удобных для ведения сельского хозяйства местах. Оружие передавалось от отца к сыну, было устаревшее и не отвечало современным требованиям.

Службу пограничных казаков на границе в Забайкалье хорошо исследовал и описал в историческом очерке «Забайкальские казаки» войсковой старшина Забайкальского казачьего войска Апфиноген Петрович Васильев. Будучи неординарной личностью, патриотом своего края, обладая огромными архивными материалами, он сумел с большой достоверностью показать, что еще задолго до официального создания Забай-

кальского казачьего войска граница России в Забайкалье надежно охранялась русскими, бурятскими и тунгусскими казаками. Кроме того, исследуя этот вопрос, А.П. Васильев подчеркивал, что из-за малочисленности русских казаков «главными защитниками русских интересов... выступала пограничная инородческая стража (нерчинские тунгусы, селенгинские буряты), нерченские и селенгинские казаки».

Он же подметил одну из самобытных и оригинальных черт забайкальских, русских, бурятских и тунгусских казаков — дружеское отношение между собой, невзирая на национальность, совместное проживание и общность интересов по охране границы. Например, сотни Цурухайтуевского отделения, наблюдавшие участок границы от Яблонового хребта до Горбицы на реке Шилке, состояли из 450 русских казаков и 500 тунгусских.

Доверие к бурятским и тунгусским казакам со стороны Русского правительства и администрации Забайкальской области было абсолютное, так как «к тому времени, — пишет А.П. Васильев, — Забайкальские инородцы считались уже надежными подданными русского царя. Пограничная служба инородцев была отмечена вниманием императрицы Екатерины II». Мало того, Российское правительство доверяло местному населению и оборону границы, полностью рассчитывая на его верность и добросовестность. Так, например, в 1775 году буряты-хоринцы обязались выставить по первому извещению пограничных командиров ополчение в 2500 вооруженных человек при серьезном нарушении границы со стороны сопредельного государства. В случае крайней надобности, — подчеркивает А.П. Васильев, — все хоринцы заявили готовность жертвовать своей жизнью для защиты России, которую они считали уже Отечеством». В 1800 году 14 августа семи родам селенгинских бурят, входивших в ополчение, было пожаловано по одному знамени.

Это стало возможным только при взвешенной национальной политике, проводимой русским правительством в Забайкалье. Не случайно Екатерина II издала указ 6 марта 1783 года о том, чтобы принять меры к более тесному сближению с инородцами и представить к производству в чины (в благородное состояние) тех из них, кто окажется достойным.

Знаменитый в прошлом в Забайкалье князь Гантимур (Ган-Тимур) был возведен в русское княжеское достоинство за укрепление российско-китайской границы и помощь в удержании Забайкалья за Россией в XVII веке.

Многие тунгусские рода были переписаны тогда Гантимуром в забайкальские пограничные казаки.

Освободившись от татаро-монгольского гнета, не растеряв свои лучшие качества, движимые чувством высокого самосознания, испытывая нечеловеческое напряжение и лишения, русские люди пересекли в 1581 году Урал, прошли всю Сибирь и утвердились в Забайкалье. В аван-

гарде их шли казаки Ермака и других прославленных атаманов. Не только силой оружия привели они под скипетр власти русского царя народы, населявшие гигантские пространства, — а больше мирным путем разрешая конфликтные ситуации. Разве можно сравнивать подвиг русских людей, принесших прогресс народам Сибири, Забайкалья и Дальнего Востока, с колонизацией европейскими странами Америки? Целые народы были истреблены полностью, другие частично, остальные превращены в рабов — вот путь, который прошли европейские колонизаторы. В Сибири, Забайкалье и на Дальнем Востоке рабства и даже крепостной зависимости не было. Местные кочевые племена, находившиеся еще в родовой стадии развития, влились в семью российских народов и стали верными защитниками нового Отечества.

Подчинялись пограничные казаки гражданскому ведомству, что осложняло выполнение ими задач по охране восточных рубежей России.

Реформа Сперанского 1822 года еще больше закрепила казачество (в Забайкалье. — *Примеч. ред.*) за гражданским ведомством. Казаки, как военная сила не рассматривались а использовались только для полицейской и пограничной службы. В этом же году из нерчинской и верхнеудинской казачьих городовых команд был образован Забайкальский городовой казачий полк.

В 1837 году 20 октября бурятам Хоринского ведомства были пожалованы 7 красных и 7 синих знамен. По одному синему знамени получили Батанаевский, Хоченутский и Табангутский рода.

В 1842 году император Николай I признал подчинение сибирских городовых казачьих полков гражданскому управлению ненормальным, приказал принять их в военное ведомство и составить новое положение о всех сибирских казаках.

Был выдвинут ряд проектов по преобразованию жизни забайкальских казаков (Руперта, Любимова, Лодыженского, Агте), но из-за их несовершенства они не были рассмотрены.

Проект сенатора Толстого, наиболее отвечающий требованиям и условиям жизни казаков, был отложен.

В 1847 году 5 сентября на должность генерал-губернатора Восточной Сибири был назначен генерал-майор Н.Н. Муравьев, который претворил в жизнь все лучшее, что было в предшествующих проектах по реорганизации забайкальского казачества и улучшению их жизни. Проект Муравьева был значительно шире, чем другие. Он предусматривал создание Забайкальского казачьего войска.

ГЛАВА II

СОЗДАНИЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА*

1. Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев в судьбе Забайкальского казачества

К этому времени русские переселенцы быстрыми темпами осваивали новые восточные земли на Камчатке и побережье Охотского моря, на Алеутских островах и на Аляске. Сухопутное сообщение через Якутск не обеспечивало их потребности в промышленных товарах, продовольствии. Вопрос об Амуре как естественном пути обеспечения русских владений на востоке назрел как никогда. Особенно сильно поднялось значение Амура после его разведки капитаном Невельским, который установил, что Амур судоходен.

Ознакомившись с положением дел на месте, Муравьев стал ревностным поборником идеи возвращения Амура России. Для осуществления этой идеи нужна была сила, способная обеспечить ее. Муравьев приходит к выводу, что «необходимо образовать Забайкальское казачье войско, как щит этой важной области от возможных посягательств Китая», а также как базу в продвижении по Амуру на восток.

Только такой человек, как Н.Н. Муравьев, мог взяться за это сложное и ответственное дело. России повезло, что он стал генерал-губернатором Сибири, и именно в то время, когда решалась судьба Амура. Это была «замечательная личность», — писал в своих мемуарах С. Казаринов, бывший при Муравьеве секретарем. «Свое вступление в должность генерал-

---

* При подборке материала использовались исследования А.П. Васильева «Воспоминания современников описываемых событий».

губернатора, — вспоминал начальник топографов В.В. Клейменов, — Муравьев ознаменовал такими словами: "За честь себе ставлю, господа, служить с вами, так как среди вас вижу некоторых лиц много старше меня и более знакомых с высочайше вверенным моему управлению краем, но при том должен вам, господа, сказать: я не из тех Муравьевых, которых вешали (Н.Н. Муравьев имел в виду своего родственника — декабриста. — *Примеч. ред.*), — сам буду вешать!"» Потрясенные такой тирадой чиновники, представленные Муравьеву иркутским военным губернатором генерал-лейтенантом Венцелем, были так поражены, что, не помня себя, вышли из зала и опомнились только дома, обсуждая с домочадцами свою судьбу и предстоящие перемены. А они надвигались с невероятной быстротой.

30 декабря 1849 года Муравьев отправил составленный им проект образования Забайкальского казачьего войска из Иркутска в Петербург военному министру с последующим докладом государю. Кроме ряда организационных положений он предлагает в этом проекте в состав Забайкальского казачьего войска включить всех пограничных казаков (кроме Тункинского отделения, казаков которого предлагалось включить в состав Иркутского казачьего конного полка); забайкальский казачий городовой полк; всех станичных казаков Забайкальского края, а также все бурятские и тунгусские полки. Кроме того, он предложил в этом проекте в казачье сословие перевести крестьян Нерчинского заводского округа. Непременным условием освоения Амура он считал поднятие экономики и прежде всего сельского хозяйства Восточной Сибири и Забайкалья как базы для снабжения русских отрядов и переселенцев, отправляющихся по великому водному пути Дальнего Востока.

Вступив в должность генерал-губернатора, Н.Н. Муравьев лично вникнул в состояние экономики края, объехав в течение двух месяцев города и большие поселения. Разобрал на месте все жалобы, которые в свое время доводились до енисейского губернатора, но по ним не было принято решение. За плохое обеспечение населения хлебом и чаем енисейский губернатор был немедленно уволен со службы. Отдельного заседателя, под управлением которого находился Туруханский край, вместе с восемью торговцами, державшими в своих руках всю хлебную торговлю края и диктовавшими свои высокие цены населению его, приказал взять в солдаты и отправил служить их в город Вилюйск Якутской области в инвалидную команду (инвалидами в тогдашней Русской армии назывались «старослужащие» гарнизонные солдаты. — *Примеч. ред.*). Найденные у них в большом количестве муку, крупы и прочие продукты отобрали и раздали беднейшим жителям по самым низким ценам.

В другой раз узнав, что богатые еврейские фирмы — Швейковские, Домбровские, Копны — скупают за городом целыми обозами хлеб у крестьян, который те везут в Иркутск на продажу, и, договорившись между

собой, втридорога перепродают его в городе, наживаясь на народном бедствии (в то время по Иркутской губернии и по Забайкалью был неурожай), приказал полицмейстеру — полковнику Сухотину — выследить всех торговых агентов, скупающих хлеб, а крестьян, его продающих, захватить и представить ему. На следующий день приказ был беспрекословно и в точности исполнен.

В 4 часа утра у дома Муравьева стоял крестьянский обоз из 67 возов с хлебом и толпа перекупщиков под охраной городовых и казаков. Решение было, как всегда, в муравьевском стиле: хлеб отобрать, крестьянам за то, что продали хлеб не на базаре, дать по 25 розг и, взыскав с купивших хлеб деньги, заплатить крестьянам по той цене, за которую хлеб был продан. Перекупщикам — агентам фирм дать по 100 «горячих» розг, а самих хозяев названных фирм заключить на год в тюрьму.

Справедливость и жестокость всегда следовали за Муравьевым. Жизнь тогда требовала и того и другого. Только такие люди, как Н.Н. Муравьев, способны были в тяжелое время навести порядок и быть полезными обществу.

Реальный и смелый проект понравился Николаю I. После внесенных им и военным министром поправок 17 марта 1851 года проект был утвержден императором.

В июне 1851 года во вновь образованном казачьем войске состояло 48 169 человек мужского пола. Оно подчинялось генерал-губернатору, а не командующему войсками, в отсутствие генерал-губернатора — старшему воинскому начальнику. При главном управлении Восточной Сибири было учреждено особое казачье отделение, которое должно было заниматься всеми делами Забайкальского казачьего войска.

На службе по штатам строевых частей из лиц мужского пола казачьего сословия должно было состоять: в 4 русских (вместе с тунгусами) полках — 3504 человека; в 2 бурятских — 1726 человек; итого конных — 5230 человек. В 12 пеших русских батальонах — 12 486 человек. Всего в войске — 17 716 человек. Забайкальский городовой казачий полк и Верхнеудинские станичные казаки образовали 1-й полк: пограничные русские казаки вошли во 2-й и 3-й полки; тунгусский полк стал именоваться 4-м полком, а 5-й и 6-й полки были сформированы из 4 бурятских полков.

11 июля 1851 года была учреждена Забайкальская область. Первым губернатором ее стал генерал-майор Запольский, бывший бригадный командир 24-й пехотной дивизии. 23 октября 1851 года он вступил в исполнение должности наказного атамана Забайкальского казачьего войска.

Были назначены другие должностные лица. Для обучения казачьих частей строю были подготовлены инструкторы из числа лучших казаков.

Летом 1852 года Муравьев произвел смотр казачьих частей, которыми остался доволен.

Положениями от 17 марта 1851 года, 21 июня 1851 года, 8 августа 1858 года в Забайкальском казачьем войске было введено следующее административное устройство. Все войско делилось на пешее и конное, каждое из которых состояло из 3 бригадных округов, а бригадный округ разделялся в пешем — на 4 батальона, а в конном — на 12 сотенных округов; местное высшее управление, подчиненное наказному атаману, состояло из войскового правления, войскового дежурства и особой канцелярии при наказном атамане; среднюю инстанцию представляли 6 бригадных управлений, состоящие из бригадного управления и бригадной канцелярии.

Низшее звено в конном войске состояло из 36 сотенных, а в пешем — из 12 батальонных управлений. Три пешие бригады были расположены по долинам рек Газимуру, Унде, Онону и Ингоде, а три конные бригады размещались в основном вдоль китайской и монгольской границ. Штабы батальонов были сильно разбросаны по занимаемым бригадами территориям. Например, штаб второй пешей бригады находился в Шелопугино, а штабы ее четырех батальонов находились по всей Унде — в станицах Шелопугинской, Жидкинской, Ундинской и Ново-Троицкой. Штаб первой пешей бригады находился в Газимурском Заводе, а третьей — в Бянкино, в начале Нерчинского тракта.

Войско подчинялось военному министру через генерал-губернатора Восточной Сибири, пользовавшегося правами командира отдельного корпуса.

В военное время каждый округ выставлял соответствующую строевую часть: 6 конных полков и 12 пеших батальонов, составлявших три конные и три пешие бригады. Таким образом, Забайкальское казачье войско являлось войском, поселенным в определенных районах. Казаки жили обыкновенными поселениями, занимались в зависимости от условий местности земледелием, различными промыслами, скотоводством, но имели военное правление.

Непосредственным ближайшим начальником Забайкальского казачьего войска был войсковой наказной атаман, живший в городе Чите. По части военной он действовал через войсковое дежурство как начальник дивизии, а по гражданской — через войсковое управление как губернатор. Наказной атаман следил за боевой готовностью и боевой подготовкой войск, за порядком в войске. Наказной атаман назначал и заменял сотенных командиров, производил казаков в урядники, наблюдал за исправным несением казаками службы (в особенности пограничной) и ведением их собственного хозяйства.

Войсковое дежурство заведовало частями: инспекторскою (военная служба и личный состав), военно-ссудной и врачебной. Во главе войскового дежурства стоял дежурный штаб-офицер.

Инспекторской частью заведовал старший адъютант, военно-ссудной — аудитор, медицинской — войсковой доктор.

Войсковое правление под руководством наказного атамана ведало делами: административными, полицейскими, хозяйственными и контролем. Оно состояло из старшего члена, двух асессоров, войскового контролера и разделялось на три «экспедиции»: хозяйственную, гражданскую и контрольную.

Старший член правления назначался из регулярных штаб-офицеров, асессоры — из казачьих офицеров, а контролер — из членов государственного контроля.

Для судебного делопроизводства при войсковом управлении находился стряпчий (юрист), который назначался министром юстиции.

В 1857—1858 годах в штатах управления Забайкальского казачьего войска были внесены изменения в сторону их увеличения.

Конное войско получило во владение земли, принадлежащие русским, тунгусским, бурятским казакам; крестьянам, жившим по пограничной линии и зачисленным в казаки, а также земли Забайкальского городового полка и станичных казаков Верхнеудинского округа. Офицерам и казакам выделялось: штаб-офицеру — 400 десятин; обер-офицеру — 200; казаку — 30; церковному притчу — 99 десятин.

Офицеры пользовались наделом пожизненно. Такое неравенство в распределении земельных наделов вызывало недовольство у рядовых казаков, которое по мере улучшения жизни в казачьих поселениях все больше усиливалось, так как основной источник дохода казака был с земли. С большего надела, естественно, был и больший доход. Неравномерное распределение земли сразу ставило рядового казака в финансовую зависимость от казачьей верхушки. Земельное неравенство послужило одной из причин расслоения казачьей общины на бедных и богатых, а в годы Гражданской войны на красных и белых казаков. Обмундирование, снаряжение, коня казак должен был приобрести за свой счет из своего личного дохода, которое давало его хозяйство. Для бедных казаков, и в семьях, где рабочих рук не хватало, это было тяжелым бременем — особенно в неурожайные годы. Кроме того, богатые казаки имели возможность нанимать работников для обработки своих полей и ведения хозяйства, бедные же должны были рассчитывать только на свои силы. Наемным трудом пользовались 10,6% казачьих хозяйств. Чтобы завести все необходимое для службы, необходимо было иметь 250—300 рублей. Такую сумму казак, нанявшийся в работники, мог заработать только за 3—4 года.

Тяжким бременем на казака ложилась и действительная служба. Осенью уходила на полевую службу половина казаков в станицах и поселках, возраста от 20 до 40 лет. Службу проходили в тех частях, к которым они были приписаны. В течение зимы казаки учили уставы, наставления, занимались строевой подготовкой, тактикой, огневой подготовкой, а весной уходили для несения службы в караулах по русско-китайской

границе. В любую погоду казаки выполняли свои обязанности в дозорах и секретах на берегах приграничных рек, на вершинах сопок, в распадках и ущельях, выслеживая контрабандистов и наблюдая за границей. Нередко они гибли в перестрелках с ними. Сутки дежурили, а двое находились в казарме, где продолжали свои военные занятия. К весне следующего года казаки возвращались домой на двухгодичную льготу. Кому исполнялось 40 лет, переводились в разряд внутренней службы, а кому 60 и более, уходили в отставку.

Пока казаки служили, их хозяйства, оставшиеся на руках стариков, матерей, жен, сестер и малолеток, приходили в упадок. В казачьих селениях Забайкалья в связи с этим были часты случаи, когда ради пары лишних рабочих рук молодых парней — казаков-малолеток — женили на девушках более старшего возраста. В девках долго не засиживались. Жены и тянули в основном на себе все хозяйство до прихода со службы мужа. Если бы не долгая служба и не обязанность казака все для нее приобретать за свой счет, казачьи хозяйства Забайкальской области были бы одними из крепких, так как льготы, данные казачеству, позволяли, в отличие от крестьян, иметь экономию денег и использовать их для укрепления хозяйства и улучшения жизненного уровня. А льготы были немалые. Кроме большого земельного надела, приложив к которому хозяйскую сметку, трудолюбие, можно было бы неплохо жить с земельного дохода, казак платил подушную подать вполовину меньше, чем крестьянин, а другие подати, обязанные для всех, как-то: за пользование лесом, покосами, пастбищем, водоемами — вообще не платил. Многие бедные казаки сдавали излишек своей земли в аренду крестьянам, требуя за это половину урожая с нее. Несмотря на то что доля казацкая была тяжелой и жили они в своем большинстве скромно, крестьяне при образовании Забайкальского казачьего войска охотно меняли свое сословное положение на казачье. Это объяснялось прежде всего тем, что казак был более защищен законом, как вооруженный защитник своего отечества, от произвола различных чиновников и не так бесправен, как крестьянин. Да и материальные льготы имели немаловажное значение. Из замордованного, запуганного всем и вся, вечно униженного мужика крестьянин превращался в свободолюбивого, волевого и решительного человека. Сознание того, что он принадлежит к вольному сословию, благотворительно влияло на развитие личности вчерашнего затюканного мужика. И хотя эта свобода была относительной и казак так же, как и все граждане Российской империи, был втиснут в рамки уставов и положений, законов, определяющих жизнь, быт ее населения, но все же он ощущал на себе меньшие гнет и бесправие, чем тот же крестьянин.

Раскрепощение человека как личности, осознание его необходимости для защиты государства накладывало свой отпечаток на жизнь и быт казаков, который под воздействием нового морального фактора претер-

певал соответствующие изменения. Основанный на традициях казачества, имея в своей основе многовековой крестьянский уклад, быт этот стал своеобразным соединением вольности и бесшабашности первоказаков с трудолюбием и хозяйской сметкой крестьянина.

2. Из крестьян в казаки

Одной из существенных особенностей Забайкальского казачьего войска и было то, что социальная его основа состояла из крестьян. Потомственные казаки составляли явное меньшинство. Благодаря тому, что тысячи крестьян со своими семьями переселились в Забайкалье, этот суровый край стал процветать. Правительство царя не считалось ни с чем, проводя переселенческую политику — особенно на те земли Забайкалья, где находились так нужные для казны и армии серебряно-свинцовые заводы и рудники.

Рабочих рудников надо было кормить, чтобы бесперебойно получать серебро для чеканки монет и свинец для постоянно воюющей Русской армии. Хлеб из России везти было дорого и невыгодно, легче было приблизить пашню к рудникам. Вот и хлынул поток управляемых переселенцев из Центральной России и Сибири в Нерчинский уезд, на земли царской вотчины в 30 миллионов десятин, где находились единственные в стране серебряно-свинцовые рудники и плавильные заводы.

Так как добровольно желающих переселиться в неизвестные земли было немного, то правительство шло на то, чтобы вместо рекрутов в армию помещики снаряжали своих крепостных для переселения в Забайкалье. Переселялись целыми семьями. За каждого крепостного-переселенца из казны выплачивалось помещику 20 рублей. Партии переселенцев отправлялись, как правило, в сопровождении казаков, несших службу на Нерчинских заводах и знавших суровые условия Забайкалья. Много переселялось в Забайкалье крестьян-староверов, или старообрядцев.

«С Енисея и Томи переселили крепких сибирских крестьян, "чалдонов", как их называли, которые обосновали деревни, ставшие потом казачьими станицами и поселками: Кручину, Усть-Иоровну, Усть-Олентуй, Ульзутуевскую, Туринку, Кайдаловскую.

При Петре I переселились в Восточное Забайкалье и на Аргунь первые «пашенные крестьяне» из Сибири. Они больше всего оказались приспособленными к Забайкалью и его тяжелым климатическим условиям. Ими были основаны деревни: Горный Зарентуй, Базаново, Кадая, Алгачи, Кутомара. Других сибиряков поселили на реке Унда, возле бывших казачьих сторожевых постов. Были созданы поселения вдоль границы с Китаем и Монголией в виде трех крепостей: Цурухайту, Чиндант и Акша. Меж-

ду крепостями расположились казачьи посты из нескольких изб. К ним тоже подселялись переселенцы. Названия деревням давали по фамилиям переселенцев: так, на Унде появились Бочкарево, Подойницыно, Буторино, Семеново, Матусово; по местным приметам: россыпь камней — Каменки, приток Унды — Тасеевка — Тасеево, гора Кокуй — деревня Кокуй; по месту жительства бурят и тунгусов — Галготай, Сарбактуй и т.д.

Пашни закладывали, сообразуясь с местными условиями и климатом, по южным склонам сопок, которые весной быстрей прогреваются солнцем, а по узким падям устраивали выпасы для скота. Учились бороться с сорняками при помощи двойных паров. Агрономическую науку здешних мест осваивали на собственном опыте, испытывая в иные годы голод и лишения от неурожаев. Со временем переселенцы научились возделывать забайкальскую землю, стали получать хорошие стабильные урожаи зерновых культур, передавая опыт агротехники от отца к сыну. Старожилы-переселенцы всячески помогали новым. С тех пор и вошла в плоть и кровь забайкальцев взаимовыручка, называемая в народе помочью. Это помогало выжить в тяжелых условиях забайкальского климата. Уже тогда стал устанавливаться свой способ управления крестьянской общиной — совет старейшин. Мудрые, прожившие жизнь деды управляли деревнями, выбирая из своего круга деревенского старосту — самого почтенного и мудрого. Нравственное состояние забайкальцев в те годы было намного выше, чем стало потом. Пьяниц, воров, лентяев, сквернословов не жаловали. Семьи были большие, хозяйства крепкие. Со временем коренных забайкальцев из русских стали называть гуранами. Вот на какую почву легла идея обращения мужика в казака. Не на пустом месте образовались станицы и поселки, а на обжитой трудолюбивым народом земле. Многие потомственные казаки, прожив всю жизнь в Забайкалье, так и не умели обрабатывать землю и, ограничиваясь в своей хозяйственной деятельности скотоводством, только от мужика-переселенца, обращенного в казака, переняли опыт возделывания земли. Вот этих мужиков-трудяг, по идее Н. Муравьева и волею царя, стали обращать в казаки. Сначала «оказачили» живших по Аргуни, Ингоде, Шилке, Нерче, Борзе и Онону, потом по Унде. Новоявленные казаки в первое время сильно отличались от потомственных казаков, так как по-прежнему оставались крестьянами. Со временем все подтянулись до одного уровня, переняв друг у друга все хорошее и плохое так что уже нельзя было отличить одних от других. Однако деление на потомственных и «обращенных» негласно существовало до тех пор, пока не ликвидировали казачество как сословие. Из числа потомственных казаков, как правило, назначались наказные атаманы, войсковые старшины, атаманы отделов и другое казачье начальство. Жить бывшие крестьяне, а сейчас казаки стали не лучше, а может быть, и хуже. В этом недостаток проекта Н. Муравьева, который так и не был исправлен вплоть до ликвидации казачества. Меры, принимаемые в течение всех десятилетий суще-

ствования Забайкальского казачества как войска, не могли закрыть той зияющей бреши в бюджете казака, образованной от самообеспечения при выходе на службу, от долгой действительной службы и продолжительного пребывания в запасе, от непродуманного обучения военному делу, связанному с отрывом от хозяйственных работ.

Для материальной помощи нуждающимся казакам был образован фонд в виде войскового капитала и капитала для пособий. Для создания войскового капитала были установлены следующие доходные статьи: отдача войсковых угодий (лишние земли, не распределенные между казаками и являющиеся земельным запасом войска) в оброк; прибыль от использования хозяйственных заведений — мельниц, весов и т.д.; сбор с ярмарок и базаров, организующихся на войсковых землях; штраф с русских подданных за переход скота за границу; сбор с иногородних за право торговли на войсковой территории; сбор с казаков, уволенных на «звериные промыслы»; сбор с промышленников, т.е. охотников, занимающихся промыслом пушного зверя на войсковых землях.

Войсковой вспомогательный капитал был определен в 10 000 рублей из экономических фуражных сумм пограничных казаков. К этому фонду предполагалось прибавить 3000 рублей из войсковых доходов. Кроме общей денежной суммы вспомогательного капитала, в войске было учреждено общественное хозяйство: в конном войске — экономический табун, в пешем — общественная запашка и хлебные магазины в том и другом.

Забайкальское войско несло и земскую повинность в виде содержания дорог, мостов, гатей и переправ на войсковых землях, почтовую гоньбу (доставку почты), снабжение подводами и выделения квартир проходящим командам, сопровождение арестованных. Пешие казаки, кроме того, обязаны были содержать бригадные и батальонные управления, и за их счет оплачивалось выданное им казенное оружие (поскольку на строевых коней они не тратились. — *Примеч. ред.*).

Для этих целей со всего населения мужского пола пешего войска собирали деньги не более 3 рублей с человека. Раскладка составлялась на четыре года.

Предполагалось учредить для обучения детей казаков 6 полковых и 12 батальонных школ под непосредственным руководством бригадных и батальонных командиров. В полковых школах изучались предметы: закон Божий, грамматика, арифметика до тройного правила, чистописание, азы строевой службы. Учителями назначались грамотные урядники.

В каждой русской бригаде, как в конной, так и в пешей, были созданы лазареты на 26 коек. Медицинская помощь оказывалась всему войсковому населению.

Для ремонта вооружения, обмундирования и предметов снаряжения в каждой сотне были введены в штат по три мастеровых (казака. — *Примеч. ред.*).

Таким образом, с введением Положения о Забайкальском казачьем войске упорядочивались и регламентировались все стороны жизни казаков, юридически были закреплены их права и обязанности.

Забайкальцы уравнялись с другими казачьими войсками России и стали восьмым по счету казачьим войском. К этому времени в России имелись казачьи войска: Донское, Кубанское, Терское, Астраханское, Уральское, Оренбургское, Сибирское. Позже образовались: Амурское (1858 г.), Семиреченское (1867 г.), Уссурийское (1889 г.) казачьи войска.

В 1917 году из небольшого числа иркутских и красноярских казаков было образовано Енисейское казачье войско и Якутский казачий полк Министерства внутренних дел.

6 декабря 1852 года четырем русским конным полкам и двенадцати пешим батальонам были пожалованы знамена. В особой грамоте царя на имя Забайкальского казачьего войска говорится: «...жалую знамена 4-ем русским конным полкам... и 12-ти пешим батальонам... повелеваем, по прочтении сей Нашей грамоты полкам и батальонам и по освящении знамен, употребить оныя на службу НАМ и отечеству, с верностью, усердием и храбростью Российскому воинству свойственными». Бурятские полки сохранили знамена, пожалованные в 1800 году.

По случаю этого события генерал-лейтенант Муравьев издал свой приказ от 31 января 1853 года № 37 по Забайкальскому казачьему войску, где определяет, когда вручить знамена: «...по получении из Санкт-Петербурга знамен, освятить и раздать оныя по полкам и батальонам во время летнего сбора нынешнего года по всем правилам на этот случай установленным и со всею торжественностью, которая принадлежит этому счастливому для вновь образованного Забайкальского казачьего войска событию». Не забыл упомянуть исторические корни и заслуги казаков: «... я счастлив, что могу поздравить вас с Высочайшей милостью, которая поставила вас наряду с древнейшими и храбрейшими частями славного Российского воинства, я счастлив милостию к вам Великого Нашего государя, возвратившего вам права и значения ваших предков и награждающего в вас их знаменитые заслуги Государям и Отечеству». Приказ заканчивался словами: «Да будут эти знамена путеводителями к славе, когда повелит Государь, и грозою Его врагам; да будут они в мирное время залогом воинского братства между вами, благоденствия в домах ваших и верной и усердной службы вашей Великому Нашему Государю». Верноподданнический приказ исполнен в духе того времени, когда с именем царя отождествляли мощь государства, верность воинскому долгу и служение отечеству.

В этом же приказе указывался порядок хранения знамен: «...Хранить в войсковом правлении, где учредить для сего особый почетный караул из конных и пеших казаков, списки с грамоты и знамена хранить в полковых и батальонных штабах, назначая к ним часовых по выбору полков и батальонов из достойнейших казаков».

По традиции Русской армии с вручением боевых знамен заканчивается формирование частей. Получив знамена, Забайкальское казачье войско признавалось уже не только как сила, предназначенная нести пограничную службу, но и как организация, способная в войну выступить на защиту Родины в открытом бою с врагами.

Последующие исторические события показали, что Забайкальские казаки своими ратными подвигами и мирным трудом честно служили России, не уронили чести и достоинства своего войска, покрыли боевой славой врученные им знамена.

При образовании Забайкальского казачьего войска в военное ведомство вместе с разночинцами поступило 51 439 лиц мужского пола и 49 380 лиц женского пола.

В первые годы становления главными отраслями хозяйства были скотоводство и земледелие. Одна пятая казаков (буряты) почти совсем не занималась земледелием. Несколько лет подряд были неурожайными: 1850, 1851, 1852 и 1853 годы. В 1852 году в войске имелось: лошадей — 90 503; крупного рогатого скота — 118 379 голов; овец и коз — 189 532. На душу населения приходилось менее 1 лошади, 1,2 головы крупного рогатого скота и по 1,8 овец и коз. При условии, что скотоводство в хозяйстве занимало в то время главенствующую роль и представляло собой показатель уровня богатства, при неравномерном распределении этого вида достатка между различными группами казачьего населения можно сделать вывод, что в общем казаки жили бедно.

Торговля развита была слабо. Все промышленные товары привозились из России иркутскими, верхнеудинскими и нерчинскими купцами.

Народное образование находилось на низком уровне. Заболеваемость была небольшой.

Относительно нравственности казаков в официальных отчетах указывалось: «Русские конные казаки кротки, миролюбивы и гостеприимны. Пешие казаки и бурятские казаки были немного хуже, но вообще среди казачьего населения убийства, грабежи и важные преступления встречались очень редко». Так, в 1853 году по отчетным документам зарегистрировано 4 убийства, и ничего не говорится о грабежах и воровстве. Их просто по отчетам нет. Конечно, такое положение дел с преступностью, представленное в официальных документах, можно поставить под сомнение, так как многие виды преступлений не показывали. Ничего нет о таких видах преступления, как ранение на почве ссоры или при неосторожном обращении с оружием; угон скота; семейные и другие ссоры с избиением и увечьем и т.д. Часто решение по этим видам преступлений принималось внутри казачьей общины, и при обоюдном согласии сторон сведения об этом в отчет не попадали. Но, как отмечается историками, вопрос о нравственности забайкальских казаков в первые годы существования войска не стоял так остро, как после Русско-японской войны и перед событиями 1917 года.

3. Забайкальцы на Амуре в период Крымской войны

Ко времени описываемых событий в Европе создалась сложная политическая обстановка. Начиналась Крымская война. Англо-франко-турецкая коалиция высадила свои войска на Крымский полуостров. Английский флот угрожал захватом Камчатки, Сахалина и устья Амура, что отрезало бы Россию от выхода в Тихий океан. Русские владения на Дальнем Востоке нуждались в защите.

23 апреля 1853 года Муравьев лично докладывал императору Николаю I об исследованиях экспедиции капитана Агте на Амуре и попросил разрешение на занятие русскими залива Де-Кастри и озера Кизи. На возражение царя, что эти места необходимо будет оборонять от противника силами флота и армии, посланными из Кронштадта, Муравьев ответил: «Можно и ближе подкрепить». Свои слова Муравьев сопроводил жестом, указывающим от Забайкалья по Амуру.

Николай I, зная об идее Муравьева занять Амур, дал согласие на это.

Заручившись поддержкой царя, Муравьев начал энергичную подготовку к экспедиции на Амур. Эти экспедиции стали называться «сплавами». Из 2-й конной бригады Забайкальского казачьего войска была сформирована морская казачья команда в количестве 109 человек. В их число вошли: 10 человек от Цаган-Олуевской станицы; 10 человек от Кайластуевской; 16 человек от Цурухайтуевской; 16 человек от Средне-Борзинской; 29 человек от Усть-Стрелочной и 30 человек от Горбачевской станиц. Командовать сборной сотней поручили сотнику Имберг (офицерский состав казачьих войск, расположенных в азиатской части России, в значительной мере комплектовался из неказаков — офицеров регулярных войск. — *Примеч. ред.*), а младшим офицером назначен был зауряд-хорунжий Павел Беломестнов.

17 мая сотня присоединилась к главным силам флотилии, выходившей из Шилкинского Завода, и поступила в распоряжение подполковника Корсакова.

18 мая флотилия вошла в Амур. Муравьев, лично руководивший первым сплавом, зачерпнул стакан амурской воды, отпил из него и поздравил отряд с походом. Трубачи заиграли гимн России, на плотах и судах раздалось громкое «ура!».

20 мая флотилия подошла к месту, где находился сожженный по Буринскому трактату Албазин. Отдав почести его защитникам и отслужив молебен, отряд продолжил движение по Амуру.

14 июня прибыли в Мариинский пост, где Забайкальская сотня при 4 горных орудиях осталась для его обороны. Другие силы также были распределены для охраны побережья от нападения англо-французской эскадры, появившейся у восточных границ под американским флагом.

Крымская война была в разгаре. Для обороны Амура имевшихся сил явно недоставало. Весной 1855 года Муравьев «сплавил» по Амуру, который стал жизненным нервом Восточной Сибири, еще 3 тысячи человек, то есть все, что могло дать Забайкалье. Кроме того, в устье Амура, между Мариинским постом и Николаевском, поселили 51 семью из иркутских и забайкальских крестьян. Летом этого же года на Амур прибыла конная сотня забайкальских казаков для поселения навсегда. Обосновавшись на левом берегу реки, казаки образовали станицу Сучи. В сотне числилось 148 казаков и подростков, 43 женщины и 39 детей. Из домашнего скота имелось: лошадей — 76, коров — 39, овец — 10. Для пропитания и посева привезли с собой 929 пудов разного зерна и муки.

Вторым «сплавом» руководил князь Волконский. По прибытии в устье Амура сводный пеший казачий полубатальон в количестве 500 человек расположился в Александровском посту (Де-Кастри) под командованием подполковника Сеславина. Вместе с пешими казаками оборону поста заняли часть конной казачьей сотни и дивизион горной артиллерии.

Эскадра противника в составе 8—9 судов появилась в заливе де-Кастри 3 октября 1855 года. Спустя 2 часа после остановки ее на Де-Кастринском рейде, 8 баркасов с солдатами направились к берегу. Береговая команда из 130 казаков под руководством есаула Пузина засела скрытно в кустарнике на берегу. Урядник Таскин вызвался убить выстрелом офицера, стоявшего в белом кителе на носу шлюпки и командовавшего баркасами с морскими пехотинцами. Распределив между стрелявшими цели, казаки по команде есаула произвели залп. Офицер и несколько солдат были убиты или ранены. Баркасы и шлюпки замедлили движение, а потом повернули обратно к своим кораблям, которые открыли сильный огонь по берегу из орудий.

Так произошло первое боевое крещение забайкальских казаков при защите Амура. Урядник Таскин был награжден за свой меткий выстрел Знаком Отличия Военного ордена, став первым Георгиевским кавалером в Забайкальском казачьем войске.

Спустя 61 год после этого события правнук урядника, Сергей Таскин, ставший членом Государственной Думы, в своих воспоминаниях писал, что Петр Таскин, уроженец Пуринского поселка, Быркинской станицы, проходил службу в Иркутском казачьем полку. Получив Георгиевский крест 4-й степени, он был произведен в зауряд-хорунжие. Отслужив, Петр Таскин стал хорошим хлеборобом. За представление на сельскохозяйственную выставку 1869 года превосходных образцов яровой ржи получил медаль от устроителей выставки — Восточно-Сибирского Русского технического общества. Избирался Быркинским станичным головою. Вот такой был первый герой Забайкалья.

На рапорте генерал-губернатора Восточной Сибири военному министру от 10 января 1855 года за № 8649 «О действиях отряда князя Волкон-

ского против английского десанта в бухте Де-Кастри» Николай I наложил резолюцию: «Всех офицеров представить к наградам и объявить благоволение в приказе, нижним чинам дать пять Знаков Отличия Военного ордена и всем по одному рублю серебром». На донесении генерал-лейтенанта Муравьева император сделал надпись: «Делает честь начальникам и войскам».

В 1856 году, после окончания Крымской войны, было принято решение вернуть войска с Амура в Забайкалье. Для обеспечения возвращающихся войск продовольствием был проведен третий сплав по Амуру. В состав конвоя, сопровождавшего 289 750 пудов разного груза, входил второй полубатальон сводного действующего батальона Забайкальского пешего казачьего войска (40 урядников, 6 барабанщиков, 6 горнистов и 460 казаков) под командованием войскового старшины Мухина.

27 июня 1856 года возвращающиеся в Забайкалье войска под командованием полковника Сеславина на гребных баркасах выступили из Мариинского поста тремя отрядами вверх по Амуру. Этот переход забайкальцев равен был подвигу, так как казаки выдержали невероятные лишения, прежде чем достигли родных станиц.

Первый отряд в 1000 человек прибыл относительно благополучно еще до начала зимы. Второй, в количестве 819 человек, прибыл вслед за первым, но потерял 96 человек от голода и болезней. Третий отряд в составе 370 казаков и 9 офицеров, пройдя 2340 верст по местности, опустошенной двумя первыми отрядами, понес наибольшие потери. Из 379 человек вернулось 267, а 112 казаков-забайкальцев осталось лежать на берегах Амура.

Вот как описывает Н.П. Беломестнов в «Известиях общества изучения казачества» этот поход:

«После молебна 68 человек отплыли из Мариинского поста на баркасе с запасом продовольствия на месяц. Вместе с казаками в своей лодке плыл купец Чердышов. Выступили 10 сентября. Плыть надо было против течения, продвигались медленно, а холода наступали. Купец Чердышов предложил бросить тяжелый баркас и купить 10 гиляцких лодок. Что и было сделано за 95 рублей 75 копеек. Скорость продвижения возросла, и к 1 октября миновали устье Уссури. 15-го на реке появилась шуга (рыхлый лед. — *Примеч. ред.*). Морозы надвигались с неумолимой быстротой. 18 октября достигли щёк Хингана. При выходе из них встретили сплошную шуту. Плыть стало невозможно. Казаки сделали из лодок сани, уложили пожитки и двинулись в путь. По окончании запасов продовольствия сани бросили, оставив при себе котомки да кремневые ружья.

Мучил голод, охота не удавалась (не было зверя). Казаки жевали сухую траву, глодали кору деревьев, постепенно слабели и отставали от товарищей, выбившись из сил. Ночью, во время ночлега, отставшие подходили, а утром снова в путь. В котомках казаки несли домой подарки

близким, кое-что из американских вещей, купленных у местного населения, но постепенно их выбрасывали, так как и это было тяжело нести на себе. Испытав невероятные мучения, отряд 24 октября встретил первую избу, а к 1 ноября достигли деревни Цех, где наняли 15 лошадей и с их помощью добрались до ближайшей большой китайской деревни. 5 ноября казаки выступили дальше, но уже на арбах, данных по приказанию амбаня (амбань — китайский чиновник высокого ранга при маньчжурах. — *Примеч. ред.*), и так доехали до Айгуна. Зауряд-сотник Беломестнов обратился за помощью к амбаню Айгуна, который выделил им кое-что из одежды и 24 лошади с санями и упряжью.

Морозы достигли 30° С. Снова холод и голод мучили людей. 9 декабря достигли урочища Кайкукан, где стояли юрты тунгусского племени манегров. Отдохнув немного, отряд отправился в путь на Кутоманду. В Кутоманде стояла небольшая русская команда, которая приютила казаков и вдоволь накормила хлебом. Только 20 декабря, то есть на сороковой день после выхода из Айгуна, казаки добрались до Усть-Стрелки. Дошли все, но в Стрелке умер казак Петр Пешков от гангрены, поразившей обмороженную руку. Этот Пешков, будучи неграмотным, сочинил песню, которую долго потом распевали участники похода:

Со Стрелки отправлялись с полными возами,
В Кизи приплывали с горькими слезами,
Плыли по Амуру великие версты,
Стерли у рук и ног персты, считаючи версты.

Он же, Н.П. Беломестнов, описывает удивительный случай силы, воли и выносливости забайкальского казака 5-й Усть-Стрелочной сотни Николая Сурикова:

«Вернувшись с Амура в составе сотни в Кутоманду, отдохнув денек после более трехмесячного изнурительного похода и наевшись вволю хлеба, заявил товарищам, что он дойдет до Усть-Стрелки за два дня. От Кутоманды до Усть-Стрелки 180 верст. Его сочли хвастуном. Однако, отметив время ухода у зауряд-сотника Беломестнова, он через 42 часа был уже в Усть-Стрелке. Время прихода зафиксировал зауряд-сотник Богданов.

Проезжавший летом 1858 года мимо Усть-Стрелки Муравьев узнал об этом случае, вызвал казака Сурикова к себе, поблагодарил за службу, произвел в урядники и поцеловал».

Руководимые умелыми и талантливыми людьми, забайкальцы оказали неоценимую услугу России в освоении своего края и Приамурья.

Направляя конных и пеших казаков для переселения на Амур, Муравьев создал условия окончательного присоединения земель на левом берегу Амура к России. Переселение забайкальцев на Амур осуществлялось добровольно, все права и преимущества, установленные Положени-

ем от 17 марта 1851 года, оставались за ними, из списков Забайкальского казачьего войска они не исключались. Кроме того, для переселенцев с Забайкалья на Амур устанавливались дополнительные льготы, способствующие поднятию экономики казачьих общин.

Главным пунктом отправки казаков для жизни и службы на Амуре был Шилкинский завод, где готовились суда и плоты для сплава по Амуру. Переселявшиеся на Амур первые 450 семейств забайкальских казаков должны были заселить огромное пространство от Усть-Стрелки до Хингана.

Был организован и произведен 4-й сплав забайкальцев по Амуру. Китайцы не препятствовали переселению русских на Амур.

В июне 1857 года в штат Забайкальского казачьего войска была введена артиллерия — конно-артиллерийская бригада в составе 2 батарей, имевших номера 23 и 24.

В конце 1857 года Муравьев был назначен генерал-адъютантом, что еще больше упрочило его положение при дворе и в борьбе с царскими министрами за решение Амурского вопроса.

4. Айгунский трактат и дальнейшее переселение забайкальцев на Амур

С 11 по 16 мая 1858 года начались переговоры с Китаем об определении границ по Амуру, и 16 мая был подписан Айгунский трактат (договор), названный так по городу, где они проходили.

В этот же день состоялся церковный парад Забайкальских казачьих войск, где генерал-адъютант Н. Муравьев отдал следующий приказ: «Товарищи! Поздравляю вас! Не тщетно трудились мы! Амур сделался достоянием России! Святая православная церковь молится за нас! Россия благодарит. Да здравствует император Александр и процветает под кровом Его вновь приобретенная страна! Ура!» Войска ликовали. 20 мая Муравьев отправил подлинный трактат при своем донесении императору с секретарем по дипломатической части Блютцевым. В донесении указывалось: «По данному мне... уполномочию я заключил с Амурским главнокомандующим, князем И-Шань договор, который имею счастье здесь в подлиннике повергнуть на... воззрение и утверждение».

На рапорте Муравьева Александр Второй написал: «Слава Богу».

О границе между Россией и Китаем в договоре говорилось: «Левый берег Амура, начиная от реки Аргуни до морского устья реки Амура да будет владением Российского государя, а правый берег, считая вниз по течению до реки Уссури, владением Дайцинского государства (Китая. — *Примеч. ред.*); от реки Уссури далее до моря находящиеся места и земли,

впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств». Было также предусмотрено право совместного пользования реками Амур, Сунгари, Уссури: «...всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно». Обязались стороны «для взаимной дружбы» покровительствовать «на обоих берегах торгующим людям двух государств».

В июне 1856 года указом богдыхана договор был утвержден и ратифицирован Россией. Заключая договор с Россией о границе по Амуру, китайское правительство рассчитывало на поддержку и посредничество русских в противодействии проникновению западных держав в Китай. Когда англо-французская эскадра вошла в залив Пейхо, правительство Китая обратилось к Русскому правительству с просьбой встать на защиту интересов Китая от посягательств Англии и Франции на его территорию.

В секретном предписании Государственного Совета посланнику Гуайляну 2 июня 1858 года было дано поручение довести до Русского правительства просьбу, чтобы оно «употребило усилия усовестить англичан и французов и положило предел их несправедливым требованиям» в пользу Срединного государства (Китая. — *Примеч. ред.*).

В 1858 году забайкальские казаки на Амур переселялись уже по жребию. «Волнение среди станичников было ужасное. Все боялись вытянуть жребий», — вспоминает современник. Был сформирован Амурский конный полк и пешая Амурская бригада. Всего в 1858 году переселилось на Амур 3696 человек обоего пола. Они организовали станицы: 13 конных и 19 пеших. К 1860 году планировалось переселить на Амур 5 тысяч человек из Забайкальского казачьего войска. Посемейные списки переселенцев утверждались губернатором Забайкальской области Михаилом Семеновичем Корсаковым, который длительное время был ближайшим помощником и единомышленником генерал-губернатора Восточной Сибири Муравьева.

26 августа 1858 года генерал-адъютант Муравьев был возведен в графы с присоединением к его фамилии «Амурского». Власть его была безгранична. Это был маленький царек Сибири. Имея твердый, вспыльчивый характер, Муравьев не терпел неисполнительности, расхлябанности, и «горе тому, кто посмел бы ослушаться его». С. Казаринов, бывший при нем почти 6 лет секретарем, вспоминает в своих мемуарах, что однажды, во время очередного сплава по Амуру, командир 3-й роты 16-го линейного батальона капитан Березовский по ошибке полковника Корсакова неправильно выполнил команду Н. Муравьева. Взбешенный небывалым случаем, Муравьев приказал баржи и плоты приставить к берегу, казаков и солдат построить в каре, вырыть яму и закопать в ней неисполнительного офицера. Однако, разобравшись с помощью Корсакова, что он не прав и судит невиновного, Муравьев извинился публично за

свою «горячность», снял с себя орден Станислава 2-й степени и надел его на капитана Березовского, который за время экзекуции над ним поседел, как лунь.

Самоуправство и самодурство у Муравьева всегда граничили с щедростью и великодушием. Так, например, встретив на улице подгулявшего чиновника, который на вопрос его: «Ты кто такой?» дерзко ответил: «Секретарь иркутского земского суда, верчусь туда и сюда!» — приказал арестовать выпивоху и, «чтобы не покидал семью и не кутил бы по ночам да помнил бы царскую службу, на которой ты состоишь», — высечь его розгами. Тут же солдаты, по словам С. Казаринова, долго не медля, всыпали ему 100 розг. На следующий день через своего адъютанта Корсакова передал жене чиновника 150 рублей и напутствие, чтобы она удерживала мужа от пьянства. Узнав также, что эта семья живет бедно, приказал сына и дочь высеченного чиновника определить в гимназию на казенный счет.

Не избежал Муравьев за время своего губернаторства и курьезных случаев — смешных, бесчеловечных, попирающих всякое человеческое достоинство, но решительных и полезных для того времени. Постоянно изыскивая людские ресурсы для освоения огромных просторов Приамурья, Муравьев решал такие вопросы одним махом. Так, вместо отправки провинившихся солдат в штрафные батальоны, он, обратившись к царю, попросил всех штрафников присылать к нему в Иркутск. Положение о зачислении в войско с обращением в казаки «порочных нижних чинов» было издано 18 мая 1858 года. Иркутск стал главным местом сбора штрафников. Здесь их комплектовали по эшелонам и отправляли на Амур осваивать новый край, заниматься сельским хозяйством. А для того чтобы «сынков», как их называли в народе, не отправлять холостяками, Муравьев решил их переженить, особо не заботясь о нравственности предстоящей процедуры. По его решению, полицмейстеру города Иркутска, енисейскому, забайкальскому и якутскому губернаторам в двухнедельный срок было приказано собрать в Иркутске всех проституток и женщин легкого поведения, живущих на управляемых ими территориях. Что и было исполнено. На второй день после прибытия всех женщин построили в одну шеренгу напротив такой же шеренги холостых штрафников. Затем последние по команде подошли к женской шеренге и взяли за руку стоящую напротив женщину. Когда все пары выстроились, их повели в Преображенскую церковь, в которой несколько священников с 8 часов утра и до 8 часов вечера совершали обряд венчания. В казармах были накрыты столы для новобрачных, на которых были выставлены водка, пиво и закуска. «Веселье» продолжалось до полуночи. После застолья новобрачные разместились на нарах здесь же, в казарме, из-за отсутствия отдельных комнат.

Штрафные из всех гарнизонов России продолжали прибывать, а невест всем не хватало. Тогда родился новый приказ Муравьева, который

был расклеен по всему городу Иркутску. В нем говорилось, чтобы все женщины и девицы после 9 часов вечера, когда пробьют зарю, не смели выходить из своих домов и квартир, в противном случае они будут забираться полицейскими патрулями и на следующий день обвенчаны со штрафными солдатами, следующими на Амур. Для ознакомления с приказом отводилось 10 дней, после чего никакие просьбы, мольбы и деньги не спасали нарушивших приказ. Один только квартальный соблазнился и взял взятку в 300 рублей за освобождение сестры одного купца. За этот проступок, по приказанию генерал-губернатора, квартальный надзиратель в 24 часа был лишен всех прав состояния и сослан на каторгу сроком на 5 лет в Нерчинские рудники.

Взяток в Иркутске при Муравьеве больше не брали.

Все повенчанные пары отправлялись на подводах до Читы и Сретенска, а из Сретенска на плотах и баржах плыли до Благовещенска, где их распределяли по станицам Амура с перечислением в казачье сословие. Для постройки избы было отпущено бесплатно по 100 бревен строевого леса на семью, из казенных складов выдавалось: стекло для окон, вьюшки и заслонки для печей, для сохи сошники и бороны, железные зубья, грабли, вилы, топоры. Кроме того, на каждую семью были выданы 50 рублей наличными и по одному коню.

Обладая характером деспота и неограниченной властью, граф Муравьев-Амурский вел скромный образ жизни, не пользуясь всеми благами, которые сулила его должность. Определенного времени для отдыха у него не было. Независимо от того, когда ложился спать, вставал в 5 часов утра. Выкупавшись в реке и выпив стакан крепкого, с ромом, чаю, закусив одним сдобным сухарем, выходил пешком из дома на прогулку по берегу реки Ангары или по городу. Никогда не упускал случая переодетым осмотреть рынок, все базары и магазины. Если замечал какие-то нарушения в торговле, неблаговидные поступки торговцев или администрации, расправа следовала немедленно. Тюрьма в Иркутске никогда не пустовала. С. Казаринов пишет, что в городе ходила поговорка по этому поводу: «Смотри, чтобы тебя Муравей не отправил в свою кучу». Под «кучей» подразумевали небезызвестную иркутскую тюрьму.

Затем он обходил учреждения и учебные заведения, записывая обо всем в свою записную книжку, и к 12 часам дня возвращался на завтрак, состоящий из тертой редьки с конопляным маслом и печеного картофеля в мундире. После завтрака осуществлял прием посетителей, рассматривал прошения, выслушивал доклады и делал распоряжения.

В 17 часов обедал. Меню на обед было простое, русское: щи, гречневая каша с мясной подливкой из-под жаркого и редко когда кусок жареного мяса или котлета. Виноградных вин не пил, а пил простую очищенную водку, бросая предварительно в рюмку одну горошину перца.

Не забывал Муравьев поощрить людей за труды. По представленным им спискам были награждены императором 198 лиц за участие в делах по присоединению Амура к России и проявленные при этом усердие и самоотверженность.

По образцу Забайкальского и в основном из забайкальских казаков в 1858 году было создано Амурское казачье войско. Благодаря в первую очередь забайкальским казакам, руководимым такими людьми, как генерал-адъютант, граф Муравьев-Амурский, вопрос присоединения Амура к России разрешился благополучно. Забайкальцы, ставшие амурцами, взяли под защиту рубежи Дальнего Востока и исполняли свой долг честно и добросовестно. Они активно участвовали в русско-китайском походе 1900—1901 годов, в Русско-японской войне 1904—1905 годов и Первой мировой войне 1914—1918 годов.

В 1910 году на Амуре насчитывалось около 33 тысяч казаков, из них 5 тысяч служилых.

В апреле 1918 года 5-й съезд трудящихся и казаков Амурской области в Благовещенске упразднил казацкое сословие на Амуре (для крестьян это было актуально, так как отменяло казачьи права на земли Амурского войска, а казаки после тяжелой Первой мировой войны были заинтересованы в том, чтобы освободиться от поголовной воинской обязанности. Войско было новообразованным, и «природных» казаков в нем было немного. Для сравнения — донские и кубанские казаки после революции и не думали отказываться от своего статуса, не считая казачество сословием. — *Примеч. ред.*).

В 1860 году, 2 ноября, в Пекине был заключен Русско-китайский договор, который подтверждал, развивал и разъяснял Айгунский договор 1858 года и Тяньцзинский трактат 1858 года. Этот договор определил восточную и наметил западную границы России и Китая. В соответствии с договором восточная граница между двумя государствами устанавливалась, начиная от слияния рек Шилки и Аргуни, вниз по течению реки Амур до места впадения в нее реки Уссури. Земли, лежащие по левому берегу (на север) Амура, объявлялись принадлежавшими России, а по правому берегу (на юг) — Китаю. Далее граница устанавливалась по рекам Уссури и Сунгача, озеру Ханка, реке Беленхэ (Тур) и далее по горному хребту к устью реки Хубиту (Хубту, Ушагоу) и от этого места «по горам, лежащим между рекой Хуньчунь и морем до реки Тумыньцзян». Земли, лежащие к востоку от этой линии, объявлялись территорией России, а к западу от нее — территорией Китая. К договору была приложена карта. Договор разрешал свободную беспошлинную торговлю вдоль всей границы между обоими государствами. России предоставлялось право иметь в Урге (столица богдо-гегенов в Монголии. — *Примеч. ред.*) и Кашгаре (Китайский Туркестан. — *Примеч. ред.*) своих консулов.

В 1861 году Муравьев ушел в отставку, еще полный сил и надежд, но не справившийся с интригами завистников и царских любимцев. Царь охладел к нему. Обидевшись на несправедливое отношение со стороны императора, Муравьев уезжает в Париж, где и умер 18 ноября 1881 года, в год 30-летия образованного им Забайкальского казачьего войска, в возрасте 72 лет.

Похоронили его на Монмартрском кладбище.

В городе Хабаровске был установлен ему бронзовый памятник, 7 аршин (4,97 метра) высотой над водой Амура, на обрывистом берегу, высотой в 20 сажень (42,6 метра). С постамента, на котором стояла фигура, спускались по скале цепи с двумя якорями: левой ногой Муравьев опирался на вбитую в землю сваю. Покоритель Амура был изображен во весь рост, со скрещенными на груди руками, держащим в одной руке свиток Айгунского трактата, а в другой — морской бинокль.

При советской власти бронзовый памятник был взорван и отправлен в счет плана по сдаче цветных металлов. Копия его имеется в Русском музее.

Нет сомнения в том, что памятник Муравьеву должен быть восстановлен и поставлен не только на берегу Амура и Хабаровске, но и в Чите как столице Забайкалья и главном городе Забайкальского казачьего войска...

На должность генерал-губернатора Восточной Сибири был назначен М.С. Корсаков, который продолжил начатое Муравьевым дело.

После заключения договора с Китаем положение на русско-китайской границе стабилизировалось. Казаки несли свою тяжелую службу в караулах. Все происшествия на границе строго фиксировались и докладывались по команде командирами бригад, за которыми были закреплены участки границы.

Характер происшествий в то время на границе был различный: от перехода ее контрабандистами как с китайской, так и с Русской стороны до угона скота, лошадей, по преимуществу на монгольском участке границы. Например, командир 3-й конной бригады докладывал рапортом наказному атаману в Читу, что у казака его бригады, Анчика Томитова, были украдены и уведены за границу через караул Киранский две лошади. То же произошло с крестьянами Урлакской волости Овчинниковым и Федоровым, у которых угнали за границу семь лошадей. В обоих случаях следы были сданы монголам, которые обещали принять меры к розыску, но, как правило, виновники угона лошадей и скота не находились.

Бывало и так, что воров из-за границы ловили на русской территории. Так, в ночь на 28 октября 1869 года в районе 6-й сотни 1-го конного полка, по докладу командира 1-й конной бригады, пойманы были два монгольских вора с похищенными ими шестью лошадьми из табуна оседлого бурята Осеева. Пойманные перепровождены в распоряжение Кяхтинского пограничного комитета.

Другие «происшествия», как их называли в отчетных документах, были связаны с выходом к границе небольших отрядов китайцев. Так, в районе 1-й пешей бригады к границе на берег Аргуни вышел отряд китайцев в количестве 53 человек. Выполняя строгое распоряжение «оказывать всяческое внимание китайцам и не вступать с ними в конфликт без причины», начальник казачьего караула организовал угощения и подношения для китайцев, истратив 25 рублей казенных денег, которые выделялись именно для этих целей. В отчете по этому случаю указывалось, что для покупки одного быка затрачено 14 рублей; двух «барашек» по 2 рубля 75 копеек каждый — 5 рублей 50 копеек; один штоф наливки простой — 2 рубля; три штофа водки — 1 рубль 80 копеек; половина фунта табаку на сумму 60 копеек; две кружки керосина — 1 рубль 10 копеек.

Выход китайского отряда в этом же, 1869-м году был также у Старо-цурухайтуевского караула 2-й конной бригады, где тоже дело закончилось угощением и подношениями.

Таким образом, складывались особые, присущие только для Забайкалья отношения между казаками и населением приграничных государств. Все вопросы решались мирно. Нередко казаки сами переходили по договоренности границу для сенокоса или для покупок в китайских и монгольских селениях.

5. Военные реформы Милютина в казачьих войсках

С приходом к власти Александра Второго в России начались прогрессивные реформы. Были освобождены от крепостной зависимости крестьяне, вводилось земство и новые суды.

Военный министр генерал Милютин поднял вопрос о введении земства и гражданского управления в казачьих войсках и казачьих поселениях. Особый кодификационный комитет под председательством начальника штаба Восточной Сибири генерал-майора Кукеля, членов комитета, войскового старшины Петрова и капитана генерального штаба Шанявского составил проект положения о Забайкальском казачьем войске, применительно к земским учреждениям.

14 августа 1864 года в Читу были созваны депутаты от Забайкальского казачьего войска, урядники и зауряд-офицеры. Проект обсуждался 10 дней под руководством наказного атамана генерал-майора Дитмара и членов комитета, после чего его признали «полезным».

31 марта 1865 года генерал-губернатор Восточной Сибири генерал-лейтенант Корсаков, находясь в Петербурге, представил этот проект военному министру. Главным в проекте было — ликвидация 3-рублевого сбора с каждой души мужского пола, не исключая и детей, на содержа-

ние бригадных, батальонных правлений. В среднем за 8 лет, с 1860 по 1867 год, ежемесячный дефицит, образовавшийся вследствие недоуплаты денег от 3-рублевого сбора, составлял 20 500 рублей, и поэтому назрела необходимость введения более дешевого самоуправления.

Кроме того, предполагалось военную часть отделить от гражданской; суд от администрации и хозяйства, а для ведения малых дел ввести станичные суды по типу волостных судов; изменить систему народного образования; преобразовать военные управления и т.д.

После настойчивых просьб генерал-губернатора Восточной Сибири Корсакова, проволочек и других бюрократических рогаток министерств проект преобразования Забайкальского казачьего войска был утвержден.

В этом документе гражданская часть была решена двумя актами. Станичное самоуправление — 13 мая 1870 года, а в административном отношении — подчинение войскового населения гражданским властям, общему суду и полиции — 31 мая 1872 года.

Военная часть — Положение о воинской повинности Забайкальского казачьего войска — 6 мая 1872 года. Русские казаки были разделены на самоуправляющиеся станичные общества из нескольких поселков каждое. Например, в 1-м военном отделе числилось к тому времени 12 станиц и 55 поселков, во 2-м военном отделе — тоже 12 станиц и 36 поселков, а в 3-м военном отделе — 31 станица и большое количество поселков. В каждой станице имелось от 2 до 14 поселков или они отсутствовали вообще. Так, в станице Верхнеудинской в 1-м военном отделе поселков не было, станица Киранская этого отдела имела 3 поселка, а станица Цокирская — 11 поселков. Во 2-м военном отделе станица Могойтуевская имела один поселок, Цаган-Олуевская — 4, а станица Акшинская — 5. В этом военном отделе поселков было меньше, чем в 1-м и 2-м военных отделах. Наибольшее число поселков было в станицах 3-го военного отдела. Только станица Больше-Зерентуйская имела их 11, а Аргунская — 14. По мере роста числа казачьего населения, перехода крестьян в казачье сословие прибавлялись станицы и поселки.

В последующем был сформирован 4-й военный отдел Забайкальского казачьего войска, в который вошли часть станиц и поселков 3-го военного отдела.

Станичное управление составляли: станичный сход, станичный атаман со станичным правлением и станичный суд.

Станичное управление заведовало жизнью станицы как по военной, так и по гражданской части. Главные должностные лица станичного правления и суда были выборными, а другие либо по выбору, либо по найму — например, учителя.

На должности станичного правления и суда выбирались лица не моложе 25 лет. Никто из избранных не мог отказаться от должности, за ис-

ключением стариков, которым было более 60 лет, больных и выслуживших в войске полный срок.

Станичный сход состоял из домовладельцев и должностных лиц станичного правления. Он решал наиболее важные общественные дела и назначался, как правило, в праздники. О дне станичного схода станичный атаман доносил окружному начальству и извещал жителей соседних поселков. На станичном сходе под председательством атамана выбирались все должностные лица общественного станичного управления; назначалось время будущих станичных сходов; составлялась приходно-расходная смета станичных сумм; определялись различного вида обложения; распределялись между членами общины земские повинности; устанавливались должностные оклады; составлялись всевозможные приговоры (решения) и ходатайства к высшему начальнику; проверялись очереди служилых казаков и принимались меры, чтобы казаки при убытии на службу были хорошо обмундированы и исправно несли службу. Станичный сход разбирал жалобы на станичное правление. При разборе жалоб на самого атамана председательствовал на сходе один из членов общины, по выбору общества. Дела решались голосованием, по большинству голосов, а в важных делах общественного хозяйства — с согласия не менее двух третей всех станичных жителей. Дальние поселковые общества высылали на сход доверенных. Допускались на станичный сход с правом голоса и лица не казачьего сословия, проживающие на войсковых землях, но только при решении их личных дел. Лица, судимые или состоявшие под судом, на сходы не допускались.

Станичное правление состояло из атамана, казначея и трех доверенных от общества, иногда назначались помощники атамана. Станичное правление было исполнительным органом. В его обязанности входила и проверка правильности расходования денежных сумм. Все дела решались единогласно или по большинству голосов.

Делопроизводство станичного правления разделялось на две части: военную и гражданскую, каждую из которых вел, под наблюдением атамана, особый писарь, хранивший все книги и документы и отвечающий за исправное их ведение. В станичном правлении велось пять книг: книга приказаний станичного атамана; метрическая книга для записи родившихся; книга приговоров (т.е. решений станичного схода); книга решений станичного суда; книга сделок и договоров.

Станичное правление обязано было вести: именные списки офицеров и казаков станицы; очередные списки казаков, т.е. списки очередности выхода на службу согласно наряда; посемейные списки всех жителей станицы; ведомости станичных земель, отдаваемых в оброк.

Станичный атаман избирался сходом и утверждался в должности военным губернатором Забайкальской области. Станичный атаман на все время исполнения своих служебных обязанностей пользовался правом

хорунжего, мог назначить провинившихся на общественные работы до двух дней, подвергнуть аресту до двух суток и денежному взысканию до одного рубля. Все дела решались атаманом под личную ответственность, а при решении наиболее важных приглашал двух свидетелей из стариков своего станичного общества.

Станичному атаману подчинялись все жители станицы, и он отвечал за порядок и спокойствие в пределах станичного округа.

В круг обязанностей станичного атамана входило наблюдение за точным исполнением должностными лицами общественного управления своих обязанностей, за исправным несением земских повинностей казаками. Он исполнял все распоряжения наказного атамана по призыву казаков на службу, оказывал помощь всем начальствующим лицам, командированным в пределы его станичного округа. Жалованье станичному атаману определялось не менее 150 рублей в год.

Для разбора маловажных дел станичный сход избирал ежегодно станичный суд из четырех или более (до двенадцати) заседателей. Из числа избранных судей заседали в суде не менее трех лиц. Станичный суд созывался станичным атаманом через каждые две недели в воскресные дни, а по необходимости и в другие дни. Ему подсудны были все жители станичного округа, обвиняемые в тех или иных проступках, за исключением привилегированных лиц, а также спорные иски до 100 рублей. Дела между казаками и посторонними лицами, а также гражданские иски свыше 100 рублей решались только при согласии сторон, в случае же несогласия их такие дела возлагались на общие судебные инстанции. За маловажные проступки станичный суд мог приговорить к аресту до семи дней, к общественным работам до шести дней и к денежному взысканию до трех рублей.

Дела о проступках, превышающих эти меры наказания, станичный суд не рассматривал, а представлял через станичного атамана высшему начальству для дальнейшего направления. Все приговоры станичного суда считались окончательными, записывались в книгу и приводились в исполнение атаманом, который в разборе дел участия не принимал.

По взаимному согласию спорные вопросы решались и третейским судом, без формальностей. Решения такого суда тоже записывались в книгу в станичном правлении и считались окончательными.

Кроме станичного управления, во всех казачьих поселениях, где насчитывалось не менее 30 дворов, установлены были поселковые управления, состоявшие из поселкового схода и поселкового атамана. Обязанности должностных лиц поселкового управления были схожи со станичным, но меньше рангом и относились только к своему поселку. Поселковый атаман пользовался властью станичного атамана.

Существенно изменилось в 1872 году положение о воинской повинности и преобразовании военного управления. По новому положению,

военное управление Забайкальского казачьего войска было отделено от гражданского и сосредоточено в областном штабе, который находился в Чите и был предназначен для управления всеми войсками, расположенными в Забайкальской области.

Непосредственно для казаков по делам отбывания ими воинской повинности были учреждены управления атаманов отделов.

Забайкальское казачье войско было разделено на три военных отдела; два — для конного войска и один — для пешего.

Первый конный отдел образован из станиц Западного Забайкалья, по системе (притоков. — *Примеч. ред.*) Селенги.

Во второй конный отдел вошли станицы Восточного Забайкалья, расположенные по рекам Онону и Аргуни.

Третий пеший отдел образован был из всех станиц пешего войска, занимавших почти все пространство между Шилкой и Аргунью и по реке Ингоде.

Во главе управления отделов были поставлены атаманы отделов, пользовавшиеся правами командиров полков. На них возлагалось: контроль за исполнением станичными правлениями правил ведения списков малолеток, служащих и неслужащих казаков; следить за вооружением, обмундированием и убытием казаков в полки или батальоны, батареи для прохождения службы; осматривать казаков, возвращающихся со службы, на льготу; проверять правильность ведения отчетности о казаках по прохождении ими службы, а также перевод казаков из одного разряда в другой по выслуге лет, по телесным недостаткам и по другим причинам.

В управлении отделов сосредотачивались все дела по отбыванию казаками воинской повинности: учет малолеток; зачисление их на службу; осмотр их обмундирования и снаряжения; ведение отчетности о прохождении службы казаками (перевода их из одного разряда в другой, призыв во время мобилизации и т.д.).

Для руководства войсковым хозяйством было установлено войсковое хозяйственное правление, в обязанности должностных лиц которого входило: заведование войсковым капиталом и войсковым имуществом; сбор доходов и производство расходов; сохранность войскового имущества и распоряжение по отдаче его в арендное содержание; выдача пособий и ссуд станицам, офицерам и казакам; обсуждение вопросов о причислении к войску и выхода из него.

Прежние управления, канцелярии, войсковое дежурство были отменены. Отменен был музыкантский хор. С целью облегчения жизни казаков были отменены: ежегодные сборы в полковых и батальонных округах для обучения строевой службе; ежегодный 3-рублевый денежный сбор на содержание бригадных и батальонных управлений, бывших причиной дефицита; общественная запашка в пеших батальонах; были упразднены магазины (то есть склады. — *Примеч. ред.*) «мундирных и амуничных» вещей (оставлены по одному в каждом военном отделе).

Однако облегчив жизнь казаков в одном, в другом они получили новое бремя, т.е. на счет войсковых сумм отнесли: пособие на содержание главного управления иррегулярных войск и учебных заведений в войсках; содержание войсковых учебных строевых частей и казаков во время сборов перед выходом на службу, а также прибавку жалованья казакам, имевшим знаки отличия военного ордена (Георгиевские кавалеры); содержание смотрителей магазинов мундирных и амуничных вещей, оспопрививателей, войсковых повивальных бабок, капельмейстера духового оркестра, подсудимых казаков и заведение одежды для неимущих арестантов войскового сословия; безвозвратное пособие казакам-бурятам, принявшим православие; содержание вольнонаемного оружейного мастера, приготовление патронов для практических занятий, ремонт походного обоза, кузнечных горнов и духовых инструментов оркестра.

Так как войсковых доходов на все это не хватало, то недостающую сумму пополняли за счет денежного сбора по раскладке со всех конных и пеших казаков, имевших право на поземельное довольствие.

Для улучшения медицинского обеспечения предполагалось иметь войсковые лазареты на 432 места. Они находились под управлением Войскового хозяйственного правления, а по медицинской части — областного врача.

При Читинском военном полугоспитале была учреждена военно-фельдшерская школа для обучения казачьих малолеток и лиц невойскового сословия.

По новому Положению в мирное время Забайкальское казачье войско выставляло учебные части: конный дивизион, пеший батальон и конно-артиллерийскую бригаду. В военное время формировались 9 пеших батальонов и 6 конных полков, 2 конно-артиллерийские батареи*. Всего Забайкальское войско при мобилизации обязано было поставить в строй 11 тысяч человек, для чего общее число казаков распределялось штабом Забайкальской области между станицами, пропорционально числу достигших 21 года молодых казаков. Станицы распределялись по полковым и батальонным округам.

Конно-артиллерийская бригада комплектовалась способными к артиллерийской службе казаками со всего войска.

Офицеры в мирное время содержались только на два конных полка и на три пеших батальона по штатам военного времени, с запасом на каждый полк четырех офицеров (войскового старшины, есаула, сотника и хорунжего), а на каждый батальон пять офицеров (войсковой старшина, есаул, сотник и два хорунжих).

---

* С 12 января 1865 года батареи стали называться — 1-я и 2-я Забайкальские конные батареи.

Производство офицеров по каждому полку и батальону проводилось отдельно. Все зауряд-офицеры, состоявшие в войске на командных и административных должностях, входившие в штат строевых частей, были произведены в действительные казачьи чины, после соответствующих должности экзаменов. Без экзаменов в офицеры производили только за особые заслуги, по представлению главного начальства Восточно-Сибирского военного округа.

Новое Положение отменяло производство в зауряд-офицеры. Офицеры из казаков, не зачисленные в строевые части, отдавались приказом по войску, т.е. содержались в кадрах. Для комплектования офицерами Забайкальского войска было учреждено Иркутское юнкерское училище, где должны были обучаться 90 конных и пеших урядников (для дальнейшего производства в офицерский чин. — *Примеч. ред.*). В урядники производились грамотные казаки, прослужившие не менее трех лет. Право это предоставлялось командиру полка или батальона.

В Забайкальском казачьем войске было установлено тогда отбывание воинской повинности по жребию, который тянули все малолетки 19-летнего возраста. Вытянувший жребий зачислялся на 22 года в разряд казаков служилого разряда и в течение 15 лет числился на полевой службе, а 7 лет — на внутренней. После 22 лет службы казак увольнялся в отставку. В мирное время от общего числа казаков служилого разряда треть находилась на службе, а другие оставались на льготе. В военное время все казаки служилого разряда призывались на службу. При значительном сокращении выставляемых в военное время частей оставшиеся от этого в излишке казаки на первые три года были обложены, вместо воинской, денежной повинностью, по 15 рублей в год с человека в общий войсковой капитал.

С казаков полевого разряда, из тех, кто тоже оказался лишним и был уволен в отставку, взималось за все время, которое им оставалось дослужить до отставки: с не прослуживших в строевой части ни одной смены — 15 рублей, с прослуживших на действительной службе менее пяти лет — по 10 рублей, а с тех, которые находились на действительной службе пять лет и более — по 7 рублей.

На пополнение ежегодной убыли (из числа 11 000 казаков служилого разряда) — от перевода их в разряд внутреннеслужащих — призывались все малолетки 19-летнего возраста. Прежде всего вызывались желающие в возрасте от 19 до 23 лет. При их отсутствии тянули жребий, от которого освобождались только окончившие и учащиеся в средних и высших учебных заведениях; учителя, техники, т.е. лица, освобождаемые от рекрутского набора; состоявшие на государственной службе и занимавшиеся торговлей и промыслами.

Желающие и вытянувшие жребий приводились к присяге и освобождались на один год от натуральных повинностей. В течение льготного

года они обзаводились обмундированием и снаряжением для службы за свой счет.

Малолетки, вытянувшие жребий «не служить», освобождались навсегда от службы, сохраняя право на пользование общественной землей.

Все малолетки, зачисленные в служилый разряд, по истечении льготного года проходили годичный курс строевого обучения в учебных строевых частях. Зачислялись и сменялись они по особому наряду. Лучшие из казаков оставлялись в кадрах учебных частей в качестве инструкторов. За это они получали следующие преимущества: пребывание в учебных строевых частях зачислялось в срок действительной полевой службы; за каждый год службы в кадрах высчитывались два года из срока службы в разряде внутреннеслужащих; прослужившие в кадрах четыре года увольнялись в отставку без перевода на внутреннюю службу. Казаки полевого разряда, находящиеся на льготе, должны были иметь в исправности лошадь, оружие и обмундирование.

Для руководства льготными казаками в распоряжение атаманов отделов командировались строевые офицеры, от каждого конного полка по четыре, а от батальона — по пять человек.

Внутреннеслужащие казаки служили по особому ежегодному наряду: сторожами и прислугою при войсковых учреждениях. При окончании семи лет внутренней службы казаки увольнялись в отставку (Приказ по Военному ведомству №180 1872 года).

Власть военной администрации, согласно новому Положению, была отстранена от забот о быте казаков.

С 1872 по 1893 год войско управлялось общественным станичным управлением, подчиняясь в военном отношении атаманам отделов, а в гражданском — областному правлению и окружной полиции.

Хозяйством войска и его общим благосостоянием с 1872 года ведало Войсковое хозяйственное управление. Только высшая административная власть в области в лице наказного атамана, совмещающего в себе посты губернатора и командующего войсками области, осталась неизменной.

Двоевластие ничего хорошего казакам не давало. Подчиняясь двум властям, они испытывали двойной гнет — и, как следствие, большие трудности и лишения.

Военная администрация требовала, например, чтобы казаки являлись на службу хорошо обмундированными и экипированными, но их совершенно не интересовало, каким путем все это будет приобретено. Гражданская администрация требовала от казаков исправной уплаты податей и повинностей на одинаковых условиях с гражданским населением, например крестьянами, не принимая во внимание тяготы военной службы.

Казачьи хозяйства стали постепенно хиреть, а недовольство казаков таким положением дел усиливаться. Особенно страдали те, кто относил-

ся к служилому разряду. Не выдерживали такого угнетения даже крепкие хозяйства. Многие из них разорялись, и хозяева вынуждены были наниматься в работники.

1 января 1874 года для всего населения Российской империи была учреждена общеобязательная воинская повинность. Поэтому с 1875 по 1881 год были выработаны новые положения о службе в казачьих войсках. На основании их все мужское население, без различия состояния, подлежало общеобязательной воинской повинности. Денежный выкуп и замена нежелающими служить не допускались.

6. Организационная структура Забайкальского казачьего войска в 1878 году

Новое положение о службе в Забайкальском казачьем войске было введено 1 июля 1878 года. Разделение, согласно ему, на отделы осталось, но управления военных отделов были перемещены: первого — в Троицкосавск (Кяхта); второго конного — в Акшу, и третьего пешего — в Нерчинск. Управление Забайкальской конно-артиллерийской бригады, учебный конный дивизион и пеший батальон были упразднены, а вместо них с 1 июня 1878 года Забайкальское войско выставляло в мирное время сформированные вновь в Военных отделах: один конный полк шестисотенного состава; два батальона пятисотенного состава; две конно-артиллерийские батареи четырехорудийного состава. В военное время: три конных полка шестисотенного и шесть батальонов пятисотенного состава; три конно-артиллерийские батареи шестиорудийного состава (три взвода по два орудия в каждом).

Конные полки имели нумерацию с первого по третий. Первый полк находился на действительной службе, а второй и третий — на льготе, т.е. не служили, а только числились. Батареи, в свою очередь, тоже: первая и вторая находились на действительной службе постоянно, а третья — на льготе. Казаки по-прежнему служили на своих конях, имея свое обмундирование и снаряжение. Правительство не хотело брать на свое содержание казаков при выходе на службу, компенсировать деньгами их затраты на приобретение всего необходимого для службы или как-то облегчить это тяжелое бремя другими льготами.

Деньги, выделяемые из станичных сумм бедным казакам в качестве помощи, не покрывали их расходов на все нужное даже на треть. Сумма эта составляла не более 15 рублей в год из денежного сбора с казаков, освобожденных по неспособности от службы. Казаки первой очереди для поддержания в исправном состоянии обмундирования получали ремонтные деньги в размере 21 рубль 45 копеек — конные и 11 рублей в год — пешие.

Комплект служащих офицеров в войске был уменьшен.

В мирное время офицеры в строевых частях содержались по штату, остальные находились в запасе и призывались только в военное время. Такое положение дел не позволяло иметь необходимый запас обученных офицеров из казачьей среды. Поэтому при мобилизации казачьих частей в планах было предусмотрено пополнение офицерским составом из частей регулярной конницы, находившихся за пределами Забайкальской области.

Строевые части комплектовались как из войскового сословия, так и не войскового. Изменен был порядок отбывания казаками воинской повинности: служилый состав войска был разделен на три разряда — приготовительный, строевой и запасный.

В 18 лет казаки присягали и служили 20 лет. Первые три года находились в приготовительном разряде, из них два года — в станицах, третий — в лагере. За это время казак должен был обеспечить себя всем необходимым для службы и обучиться военному делу.

По исполнении 20 лет на последнем году нахождения в приготовительном разряде казак заносился в первоочередной список своей станицы.

В 21 год казаки на 12 лет зачислялись в строевой разряд, и большая их часть поступала на действительную военную службу в первоочередные строевые части. Призыв осуществлялся соразмерно потребности в укомплектовании и численности казаков каждой станицы. Таким образом определялся предельный номер в каждой станице. Все казаки с наименьшими номерами по порядку — «вышепредельные», начиная с первого номера до предельного, зачислялись на действительную службу в строевые части, а другие оставались дома под названием «нижепредельных». Чем больше был номер по порядку, тем меньше было вероятности попасть на действительную службу.

В 25 лет, отслужив четыре года в первоочередных полках, вышепредельные отпускались на льготу и вместе со сверстниками, нижепредельными, зачислялись на четыре года в льготные части второй очереди, при этом они обязаны были иметь в исправности обмундирование, снаряжение и лошадь. Пребывая в частях второй очереди, казаки ежегодно собирались в лагеря на сборы, где совершенствовали свое воинское мастерство. В 29 лет все казаки (вышепредельные и нижепредельные) зачислялись на четыре года в льготные полки третьей очереди с обязательным содержанием в исправном состоянии только обмундирования и снаряжения, а лошадь приобретали уже при объявлении мобилизации. Следовательно, из 12 лет нахождения на строевом разряде вышепредельные казаки обязаны были пробыть четыре года на действительной службе в строевых частях и остальные восемь лет — на льготе, числясь в составе льготных частей только на бумаге.

Нижепредельные все время числились в льготных частях и только один раз призывались на лагерный сбор.

Такая система имела существенный недостаток в боевой подготовке казаков. Те из них, которые служили в строевых частях, в военном отношении были подготовлены лучше, чем те, которые все время находились на льготе и призывались только в военное время.

В 33 года казаки на 5 лет переводились в запасный разряд с обязательным содержанием только седла, а снаряжение, обмундирование, лошадь заводили при мобилизации.

Казаки запасного разряда предназначались для пополнения убыли в полках в военное время, а в мирное выполняли различные служебные и охранные обязанности.

В 38 лет, т.е. после 20 лет службы, казаки выходили в отставку и могли быть призваны только в ополчение, в крайнем случае, при тяжелых условиях для государства.

С введением положения о воинской повинности было учреждено 16 войсковых лазаретов, всего на 432 места.

На нужды лазарета в среднем отпускалось 1 рубль 40 копеек на человека в год. Всего на медицинскую часть отпускалось около 51 000 рублей. С 7 февраля 1881 года расходы на медицину уменьшились до 15 000 рублей, 16 лазаретов были ликвидированы.

К 1 января 1888 года служилого состава приготовительного разряда было 5065 человек, строевого — 14 090 человек и запасного — 3600 человек. В списочном составе Забайкальского казачьего войска числилось обязанных служить в строевых частях в военное время: войсковых генералов, штаб и обер-офицеров, классных чиновников — 85, невойсковых — 105, казаков — 22 815 человек.

Действительную службу казаки отбывали в строю или в командировках из своих частей. Эти командировки назначались по нарядам, утвержденным командующим войсками Приамурского военного округа, которому подчинялось Забайкальское войско.

Наряды эти были для конного полка следующие: три сотни находились в Южноуссурийском крае, а из числа остальных трех сотен казаки командировались в Иркутское юнкерское училище, в управления первого и второго военных отделов, в Пекинское посольство, в Ургинское (Монголия) консульство, в распоряжение Кяхтинского пограничного комиссара, на прииски и заводы горного ведомства; в Иркутскую таможню.

Первый пеший батальон командировал в распоряжение управления атамана третьего военного отдела для караульной службы в Александровском Заводе, на прииски и заводы горного ведомства и на частные золотые прииски.

Второй пеший батальон нес караульную и конвойную службу при ссыльно-каторжных на Карийских промыслах и рудниках Нерчинско-Заводского округа.

Кроме того, из запасного разряда наряжались казаки в вахтеры, сторожами к дому наказного атамана, к магазинам мундирных и амуничных вещей, в фельдшерскую и повивальную школу.

Приведенный пример командирования казаков из частей только одного 1888 года показывает, что в мирное время Забайкальское казачье войско боевой подготовкой практически не занималось, а растаскивалось по различным командировкам и представляло собой не боевую силу, а охранно-полицейско-обслуживающую организацию. Все это не способствовало боевой готовности частей, знанию военного дела, укреплению воинской дисциплины в войске.

Последующие события показали, к чему это может привести.

Организация Забайкальского казачьего войска постоянно совершенствуется, принимаются меры к облегчению жизни казаков.

Так, в мае 1888 года приказом по Военному Ведомству №117 деление Забайкальского войска на конные и пешие отделы было отменено, и с 1890 года вводилось комплектование пеших и конных частей всем войском.

Такой принцип комплектования существенно облегчил жизнь беднейших конных казаков, так как часть расходов на снаряжение для службы конных казаков перекладывалась на зажиточных пеших. Воинская повинность стала распределяться равномерно.

В 1894 году был сформирован второй конный полк четырехсотенного состава. В течение нескольких лет, с 1884 по 1895 год, частными мерами правительства были внесены некоторые изменения в Положение о Забайкальском казачьем войске. Например, по новому Положению, введенному в войске 29 апреля 1893 года, станичный сход заменился станичным сбором, состоящим из атамана, его помощников, судей, казначея и казаков-домохозяев не моложе 26 лет, и один выборный на 10 дворов.

22 февраля и 27 октября 1892 года была введена единая форма одежды для всех казачьих войск, отличающая казака одного войска от другого по цвету приборного сукна. Например, у забайкальских казаков цвет лампасов, околышек фуражки был принят желтый, у уральских — голубой, а у донских — красный.

7. Первая мобилизация забайкальских казаков

В 1894—1895 годах между Японией и Китаем вспыхнула война за установление контроля над Кореей, номинально находящейся в вассальной зависимости от Китая. Кроме того, Япония ставила своей целью проникновение в Китай своего капитала и захват территории на материке.

В июне 1894 года в Корею по просьбе ее правительства был направлен 45-тысячный отряд китайских войск для подавления крестьянского

восстания. Этим же воспользовалась и Япония, направив 171 тысячу солдат на помощь королю Кореи. Под давлением этой силы правительство Кореи вынуждено было пойти на ряд преобразований, направленных на установление японского контроля над Кореей.

23 июля в Сеуле с помощью японских войск был совершен правительственный переворот. Послушное Японии новое правительство обратилось с просьбой изгнать китайские войска со своей территории. 1 августа Япония объявила войну Китаю.

После ряда успешных боев на суше и на море китайский отряд и эскадра военных кораблей в Корее были разгромлены.

Форсировав реку Ялу, японцы вторглись в Маньчжурию, одновременно на Ляодунском полуострове началась высадка их 40-тысячной армии.

К январю 1895 года Ляодунский полуостров и ряд городов в Южной Маньчжурии были оккупированы, в том числе и город-крепость Люйшунь (Порт-Артур), город Далянь (Дальний). Высадив затем 19—21 января 1895 года 30-тысячную армию на Шаньдунский полуостров, японцы 12 февраля штурмом взяли важную крепость и военно-морскую базу Вэйхайвей с остатками китайского флота. К концу февраля был занят еще ряд населенных пунктов на юго-восточном побережье, а также острова Тайвань (Формоза) и Пэнхуледао (Пескадорские).

17 апреля 1895 года между цинским правительством Китая и Японией был заключен Симоносекский договор, по которому за Японией закреплялись ее завоевания на материке и островах, а также устанавливалась независимость Кореи от Китая, но не от Японии. На Китай была наложена огромная контрибуция в размере 200 млн лян (1 млрд 400 рублей серебром).

Такой исход японо-китайской войны не устраивал Россию, которая стремилась не допустить быстро усиливающуюся Японию на Азиатский континент. Заручившись поддержкой Франции и Германии, при молчаливом согласии Англии, Россия вмешалась во взаимоотношения Китая и Японии, потребовав пересмотреть Симоносекский договор. В апреле 1895 года представители трех стран вручили японскому правительству ноты с требованием, чтобы оно отказалось от Ляодунского полуострова.

Одновременно Россия предприняла демонстрацию силы на своих восточных границах. Указом царя все регулярные и казачьи войска Приамурского военного округа, куда входила и Забайкальская область, были переведены на военное положение.

Все строевые части Забайкальского казачьего войска были мобилизованы.

Второй Забайкальский полк довели до шестисотенного состава. Всего в войске мобилизовано шесть пеших батальонов, четыре конных полка и три конных батареи.

Отмобилизование проходило по планам мирного времени. Оповещение войск осуществляли быстро и даже с опережением намеченного срока, несмотря на распутицу и непогоду.

Всего призвали 8000 запасников. Был сформирован Забайкальский отряд в составе 10 батальонов, 20 сотен при 18 орудиях, готовый выступить для выполнения задачи.

Под давлением России и союзников Япония отказалась от Ляодунского полуострова. Забайкальским казакам не пришлось участвовать в боевых действиях, так как 9 мая была объявлена демобилизация и льготные части убыли по станицам.

8. Состояние Забайкальского казачьего войска в конце XIX столетия

Отношения между Россией и Китаем стали быстро улучшаться. Для еще большего сближения между двумя странами Россия предоставила китайскому правительству заем для уплаты контрибуции Японии.

В 1896 году между Россией и Китаем был заключен договор об оборонительном союзе, направленный против гегемонистской политики Японии на Дальнем Востоке. Союзники обязывались оказывать друг другу вооруженную помощь в случае нападения Японии на территорию одной из стран. В связи с этим России было разрешено строительство железной дороги через Маньчжурию до Владивостока.

В 1896 году Забайкальскому казачьему войску исполнилось 45 лет со дня его образования. Ко времени своего юбилея состояние войска, исходя из рапорта наказного атамана генерал-майора Мациевского, было следующим: большая часть населения располагалась в южной, юго-западной и восточной части Забайкалья, центральная часть была заселена преимущественно русскими крестьянами, бурятами и тунгусами (эвенками); в южной и восточной части Забайкальской области, граничащей с Китаем и Монголией, жили почти исключительно казаки.

В административном и военном отношении существенных изменений в войске не произошло. Однако была установлена реформа на преобразование пеших батальонов в конные полки с расчетом на состав войска в 12 конных полков и 4 батареи.

Ближайший начальник войска был наказной атаман, действующий по военному управлению через штаб войск Забайкальской области и атаманов военных отделов. В гражданском отношении наказной атаман руководил на основании Положения об общественном самоуправлении станиц казачьих войск, утвержденного 3 июня 1891 года, и по особым «наказам», утвержденным 25 января 1875 года, а также принимал решение

самостоятельно. Ближайший надзор и руководство общественным управлением станиц возлагалось на атаманов отделов по Положению от 3 июня 1891 года. Это Положение распространялось и на бурят бывшей третьей конной бригады.

До этого времени общественный быт казаков-бурят регламентировался Положением о Забайкальском казачьем войске от 17 марта 1851 года.

На 1 января 1895 года на территории Забайкальского войска проживало 194 241 человек, в том числе войскового сословия — 187 412 человек обоего пола.

В течение 1896 года прибыло 10 216 человек. Это увеличение казачьего населения произошло за счет рождаемости, зачисления в казаки, причислений к Забайкальскому казачьему войску казаков из других казачьих войск, вступления в брак казаков с женщинами не из казачьего сословия. Рождаемость и зачисление в казаки были главными причинами увеличения количества казаков.

В казаки зачислялись на основании статьи 16 Положения о зачислении в войсковое сословие, утвержденного императором 19 января 1883 года. Для этого надо было подать ходатайство о зачислении на рассмотрение станичного сбора той станицы, где проситель желает обосноваться. В казаки зачислялись не только граждане России, но и иностранцы, принявшие российское подданство. Например, в третьем военном отряде китаец Баяндуй-Кансен-де, по крещению Иван Николаевич Усов, и кореец Чунхан-юн, по крещению Афанасий Соловьев, подали прошение о зачислении в казачье сословие.

Нередко прошения подавали солдаты регулярных войск, уволенные в запас по окончании срока службы, особенно те, кто был женат на казачках. «Подлежащий увольнению в запас армии рядовой вверенного мне батальона Устин Коренев вследствии того, что женат на дочери казака Удычинканского поселка, где он имеет обстановленное хозяйство, просит моего ходатайства... о перечислении его в казачье сословие», — отмечает в своем рапорте командир пехотного армейского батальона.

Часто прошения о зачислении в казаки подавали целые деревни — как русские, так и бурятские. Однако зачисление крестьян и оседло живущих бурят проходило не всегда гладко. Были препятствия, которые не позволяли решить вопрос о переводе в казачье сословие быстро на основании только одного их прошения. Например, переписка о зачислении крестьян Селенгинского округа, Торейской области Щекинавского селения в количестве 120 человек мужского и 96 человек женского пола и оседло живущих бурят Укырчелонского сельского общества той же области в количестве 74 человек мужского и 75 человек женского пола длилась с 1892 года по 1897 год. Главными препятствиями при переходе из крестьянского сословия в казачье являлись меньшие личные земельные

наделы по сравнению с казачьими (крестьянин имел около 10 десятин на душу удобной для сельскохозяйственных работ земли, что составляло одну треть нормального надела для казака). Поэтому вызывало опасение у станичников то, что при зачислении в казаки русские крестьяне и оседло живущие буряты предъявят требования на увеличение своих земельных наделов за счет казачьих земель. Препятствовало также наличие за крестьянами задолженности по уплате податей недоимок и повинностей, что требовало согласия всего волостного общества на увольнение их из волости — а с перечисленными долгами это было невозможно, так как долг потом ложился на всю волость; не все крестьяне и буряты имели документы о дате рождения, а по 16 статье Положения о зачислении в войсковое сословие от 19 января 1883 года они должны быть; к крестьянским селениям часто приписывались ссыльно-поселенцы, которые не могли по закону быть зачислены в казачье сословие.

При положительном решении всех перечисленных вопросов крестьяне переходили в казачье сословие. Со стороны казачьей общины препятствий при переходе из одного сословия в другое не чинилось. Все «приговоры», т.е. решение станичных казачьих сборов о зачислении русских крестьян и бурят в казаки, при отсутствии серьезных причин, решались, как правило, в пользу просящих.

За 1895 год из Забайкальского казачьего войска убыло 7354 человека обоего пола по причине естественной смерти, исключения из казачьего сословия (72 человека обоего пола), перевода казаков с семьями в Уссурийское казачье войско (480 мужчин и женщин), вступления казачек в брак с лицами другого сословия.

Исключение из казачьего сословия происходило и по другим причинам, на основании решения станичного сбора.

К 1 января 1896 года население Забайкальской области составило 197 173 человека, в том числе войскового сословия — 189 987 человек. Рождаемость превышала смертность.

В религиозном отношении население Забайкальской области было практически поголовно верующее. По вероисповеданию разделялось: православное — 168 765 человек; «единоверцы» и приемлющие священство — 1236; раскольники, не приемлющие священство, — 134; христиане других исповеданий — 198; ламаисты — 26 350 человек; магометане — 63 человека. Всего христиан — 170 336, что составляло 86,39 %, других вероисповеданий было 26 837 — 13,61 %. Для совершения общественного богослужения существовало 90 приходских и приписных церквей, около 60 молитвенных домов, 33 дацана.

Главным источником дохода казаков была земля. Учет земли велся ежегодно. В 1895 году всех земель в войске, удобных и неудобных, было: в первом военном отделе — 365 780 десятин; во втором — 88 021 десятина; в третьем — 2 917 999 десятин. В результате работы межевого отде-

ления войскового хозяйственного правления, произведенной в 1895 году по уточнению земельных наделов, в 1896 году количество удобных и неудобных земель было учтено: в первом военном отделе — 395 621 десятина, во втором отделе — 106 300 десятин и в третьем — 2 931 464 десятины.

Одним из главных показателей благосостояния казачьего войска являлся войсковой и станичный капитал. К 1 января 1895 года общая сумма войскового капитала составляла 662 406 рублей 74 копейки, из них деньгами и процентными бумагами — 628 686 рублей 11 копеек; долг — 33 720 рублей 63 копейки. К 1 января 1896 года войсковой капитал составил наличными 21 162 рубля 08 копеек, в процентных бумагах 631 611 рублей 93 копейки; долг — 30 755 рублей 54 копейки. Всего 683 529 рублей 55 копеек. На каждого человека мужского пола войскового сословия приходилось по 7 рублей 12,5 копейки.

В течение года было израсходовано 61 778 рублей 77 копеек по следующему назначению: пособие Государственному казначейству — 877 рублей (1,5 % от общей суммы); по военной части — на содержание военных управлений, учреждений — 6706 рублей 85 копеек (11,2 %); на лагерные и учебные сборы — 13 800 рублей 94 копейки (23,1 %); на приобретение шанцевого инструмента, ремонт, обслуживание оружия и музыкальных инструментов — 2103 рубля 16 копеек (3,6 %), всего по военной части — 22 610 рублей 95 копеек (37,8 %); по гражданской части: на медицину — 15 520 рублей 19 копеек (26 %); на народное образование — 13 921 рубль 60 копеек (23,3 %), всего — 29 441 рубль 79 копеек (42,3 %); оборотные расходы — 4240 рублей 44 копейки (7,1 %); перечислено по принадлежности, ошибочно записанные в войсковой капитал, — 2003 рубля 32 копейки. Станичный капитал Забайкальского казачьего войска составлял в 1895 году 161 609 рублей 77 копеек. Наибольшие поступления, к сожалению, были от питейных заведений, общественных и частных, — 13 151 рубль 47 копеек. Расход этого капитала составил 141 919 рублей 88 копеек.

В 1895 году в Забайкальском казачьем войске имелось 139 учебных заведений, в которых училось 3953 человека. В 1896 году число учащихся низших учебных заведений увеличилось и составляло 4278 человек. В высших и средних учебных заведениях обучалось 65 человек казачьего сословия.

Медицинское обеспечение войскового населения осуществлялось в четырех войсковых больницах и пяти приемных покоях. В течение года стационарное лечение прошли 768 человек, из них 35 умерло.

В нравственном отношении Забайкальское казачье войско можно было бы оценить в это время как благополучное.

В староказачьих семьях строго соблюдались традиции предков. Молодежь воспитывалась в духе преданности царю и отечеству, уважения к

старшим, к предстоящей воинской службе и труду. В новоказачьих, т.е. вчерашних крестьянских семьях, тоже строго следили за соблюдением этих традиций.

Грань между потомственными казаками и вновь приписанными к войску быстро стиралась. Казачье общество в Забайкалье все больше становилось однородным по своему духовному родству. Гордость принадлежности к казачьему сословию была присуща всем поколениям казаков. Сильна и непререкаема была власть атаманов в поселках и станицах.

Одним из показателей нравственности казачьего общества было положение с преступностью. Всего за 1895 год было совершено 109 преступлений, за которые осуждены 134 мужчины и женщины. Одно преступление приходилось на 1743 человека войскового сословия. В течение года, за время пребывания на действительной службе, казаками совершено 41 воинское преступление, за которые осуждены были 52 человека. Большинство из этих преступлений связаны с нарушениями уставов внутренней и караульной службы, самовольными отлучками, а также совершенные на бытовой почве (кража, пьянство).

В официальном отчете «О состоянии Забайкальского казачьего войска» за 1895 год зафиксировано только одно преступление, связанное с неявкой в срок на службу, два — с уклонением от службы под видом болезни и два неисполнения приказа старшего начальника. За это же время Иркутским военно-окружным судом было привлечено к ответственности 15 казаков, остальные рассматривались полковыми и батальонными судами. Станичные суды рассмотрели 1442 дела.

Длительный период, прожитый забайкальскими казаками без войны, сказался и на благополучии их хозяйств.

Состояние сельского хозяйства и скотоводства играло главенствующую роль в уровне жизни Забайкальского войска. Трудные климатические условия требовали больших материальных, физических затрат. Поэтому вопросам сельского хозяйства и скотоводства уделялось особое внимание наказного атамана, станичных и поселковых атаманов.

Самоотверженным трудом казаков Забайкальское войско обеспечивало себя основными продуктами питания. Трудилось на земле все не занятое службой население, и если учесть, что природные условия не баловали забайкальцев, то ведение сельского хозяйства, и прежде всего земледелия, было тяжелым и рискованным занятием, требующим полной отдачи сил, знаний, здоровья и времени. Только ленивые и пьяницы еле сводили концы с концами.

Основными видами злаков, культивируемых в Забайкалье в те годы, были: яровые сорта, рожь, пшеница, овес, ячмень и гречиха. В 1895 году было посеяно хлеба 88 000 четвертей, собрано 507 590 четвертей, что составляло по 2,67 четверти на человека. Больше сеяли и собирали хлеба в третьем военном отделе и меньше всех — во втором.

Поощрялось в Забайкальском войске и огородничество. Лучше оно было развито в третьем военном отделе; в первом им занимались только русские казаки, а казаки-буряты почти не возделывали огороды; мало разводили огороды и во втором военном отделе.

За 1895 год было собрано: в первом отделе — 10 000 пудов овощей; во втором — 6000 пудов и в третьем — 530 000 пудов.

Существенным подспорьем для обеспечения войскового населения продуктами питания было птицеводство и пчеловодство. Пополняли казаки свой бюджет промыслами пушного зверя.

Однако главным показателем богатства для забайкальских казаков оставалось наличие крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз. Скотоводство развивалось во всех военных отделах. Разводили верблюдов, свиней.

В 1895 году у войскового населения имелось: лошадей — 222 825, что составляло 117,3 головы на 100 человек; крупного рогатого скота — 274 333 головы, или 144,4 на 100 человек; свиней — 29 935, по 15,8 на 100 человек; овец и коз — 511 550, т.е. 269 на 100 человек; верблюдов — 3405.

Всех животных было 1 042 048 голов, что из расчета на 100 человек составляло 548,5 головы.

Лучше скотоводство развивалось во втором военном отделе, где всех перечисленных животных было 373 859, или 1256,5 головы на 100 человек; в первом отделе на 100 человек приходилось 495,15 из 199 042 головы всех животных. Хуже скотоводство было развито в третьем отделе, где всего имелось 469 147 голов, что из расчета на 100 человек составляло 390,7 головы.

Наилучшие условия для скотоводства имел второй военный отдел и худшие — третий, где основные земли были заняты под пашню, а для выпаса скота оставались небольшие участки земли, не занятые тайгой.

Таким образом, за 45 лет своего существования Забайкальское казачье войско выросло более чем в 1,8 раза, или на 86 354 человека. Благосостояние казаков в общем улучшилось, но незначительно. Так, если в 1851 году на душу населения приходилось менее одной лошади, то к 1896 году было более 1,1 лошади; крупного рогатого скота соответственно 1,2 и 1,4; несколько увеличилось поголовье мелкого рогатого скота с 1,8 до 2,6 на человека. Причин такого положения дел было много, но одна из главных была та, что не использовались в полной мере все возможности хозяйственной деятельности военных отделов. Так, например, не получали должной отдачи от земледелия во втором военном отделе, где предпочтение отдавали скотоводству, хотя удобной земли для хлебопашества было достаточно. Казаки этого отдела не владели прогрессивными приемами агротехники, допускали нарушения сроков вспашки, посева хлебных культур. Сильна была зависимость земледелия от климатических

условий. Много было неорошаемых земель в засушливых районах Забайкалья, ирригационные системы не создавались. Не везде стремились к племенному скотоводству и разведению лучших пород крупного рогатого скота и овец.

Особенно много нареканий имели казаки станиц и поселков, расположенных на территории современного Борзинского района. Многие из них пытались поправить свои хозяйственные дела не за счет хлебопашества, а нанимаясь в подряд на добычу соли, промысел которой в районе Борзи был хорошо поставлен.

Все это сказывалось на продуктивности пашни и скотоводства, а в итоге отражалось на благосостоянии казаков.

Однако, несмотря на все это, жизнь в казачьих станицах кипела, росло количество поселков, расширялись станицы, совершенствовался хозяйственный механизм.

Тяжелые трудовые будни чередовались с праздниками, а праздновать в Забайкальском войске любили и умели.

Главным войсковым праздником казаков являлся день утверждения Положения о Забайкальском казачьем войске. Он отмечался 17 марта* и считался общим праздником для всего войскового населения. В этот день проводился Войсковой круг, во всех частях организовывались церковные парады, на которых присутствовали войска с выносом знамен; совершался торжественный молебен во славу Забайкальского войска; в станицах и поселках проводились смотры казаков, находящихся на льготе, и тех, кому в этом году идти на службу; приходили поздравительные телеграммы от всех казачьих войск России.

Вторым по значению праздником был день Алексия Божия человека — покровителя забайкальских казаков, который праздновался тоже 17 марта. Практически эти праздники не разделяли, и они отмечались как один.

Отмечался во всем войске 26 ноября день кавалерского праздника Святого Георгия Победоносца, когда чествовали Георгиевских кавалеров и всех награжденных.

Кроме общих войсковых праздников у каждой части был свой, полковой или батальонный, праздник. Этот день объявлялся выходным днем части. Торжественно зачитывались поздравления от наказного атамана и других частей.

Все праздники конных и пеших частей связаны были с именами святых. Например, в первом конном полку праздновали:

первая сотня — 8 ноября — день Святого Михаила;

вторая сотня — 2 августа — день Преображения Господня;

---

* Установлен приказом по иррегулярным войскам № 32 от 24 декабря 1890 года.

третья сотня — 25 декабря — Рождество Господня Иисуса Христа;

четвертая сотня — 29 июня — Святой Анны, Петра и Павла;

пятая сотня — 28 ноября — Святого Николая Мирликийского Чудотворца.

В первом пешем батальоне отмечались:

первая сотня — 18 августа — во имя Нерукотворного образа Спасителя;

вторая сотня — 21 мая — Святого равноапостола царя Константина и матери его Елены;

третья сотня — 12 ноября — Святого Иоанна Милостивого;

четвертая сотня — 10 августа — во имя Спасителя;

пятая сотня — 30 августа — Святого благоверного князя Александра Невского.

И так в каждой части Забайкальского войска. Для всех находился свой святой.

Эти войсковые, полковые, батальонные праздники отмечались не только казаками строевых частей, а также казаками, находящимися в запасе и на льготе, но приписанными к этим частям. Так как к частям были приписаны целые станицы и поселки, то и отмечали праздники всем населением Забайкальского войска от мала до велика.

Отмечались также общегосударственные праздники: день рождения императора, императрицы, наследника; день «Священного коронования их Императорских Величеств».

По случаю всех этих праздников обязательно устраивались церковные парады. Наказной атаман издавал приказ: «...в городе Чите церковный парад провести на площади перед Архиерейской церковию, также церковные парады произвести во всех гарнизонах по распоряжению начальников гарнизонов».

Особенно любили в Забайкальском войске отмечать праздник — день Алексия Божия человека. В этот день вся станица собиралась у церкви, где шла торжественная служба. После того проводился смотр казаков-запасников и тех, которым скоро идти на службу.

Казаки выстраивались в полной форме при шашках, атаман произносил речь. Поздравлял казаков, напутствовал на будущее. После речи атамана, стариков-казаков самого атамана под смех и одобрительные выкрики зрителей начинали «качать», т.е. подбрасывали вверх. «Спасибо за честь, казаки!» — благодарили казаков атаман и старики-казаки, жертвуя при этом, кто сколько может, на водку. Оказав честь атаману и казакам-старикам, казаки с залихватскими песнями строем проходили торжественным маршем мимо станичного населения в «бакалейку» отметить чаркой праздник.

Неукоснительно отмечались церковные праздники: Благовещение, Пасха, Вознесение, Троица, Покров, Рождество и т.д.

Имелись чисто забайкальские народные праздники: Духов день, Кирики-Улиты и Ильи-пророка, Митрий-рекостав и Михайлин день.

В первых числах ноября отмечался праздник в честь Иконы Казанской Божьей матери, когда все женщины: матери, бабки — молились за казаков, находящихся на службе.

Праздновали весело, с церковными службами, звоном колоколов, застольем и, в зависимости от праздника, с удалыми скачками и играми.

В 1895 году было начато строительство Забайкальской железной дороги и закончено 16 декабря 1899 года. Официальное открытие дороги для регулярного движения состоялось в 1900 году. Первый отрезок Забайкальской железной дороги представлял собой одноколейный путь от Мысовой до Сретенска протяженностью 1172 километра.

В 1897 году приступили к строительству Китайско-Восточной железной дороги.

В 1896 году были переформированы казачьи батареи — они стали шестиорудийного состава, а в 1897—1900 годах два пеших батальона переформированы в конные полки. С 1898 года все первые полки стали именоваться 1-й Нерчинский, 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Аргунский полки Забайкальского казачьего войска.

Забайкальское войско росло и крепло. Это были золотые годы забайкальского казачества, но к концу XIX столетия на Дальнем Востоке опять запахло порохом.

Надвигались первые роковые годы XX века.

Глава III

ПОХОД В КИТАЙ*

1. Политика иностранных государств в Китае и причины восстания ихэтуаней

На рубеже XIX и XX веков (1898—1901 гг.) крупные западные державы под всевозможными предлогами, пользуясь слабостью и отсталостью Китая, ринулись на Дальний Восток, чтобы урвать что-либо из китайских земель.

В 1897 году Германия без консультации с Россией как союзником Китая «арендовала» китайский порт Циндао. Англия, на протяжении всего времени пытавшаяся обострить взаимоотношения между Японией и Россией, Россией и Германией, в противовес захвату Германией Циндао готовилась, в свою очередь, захватить город-крепость Люй шунь (Порт-Артур).

В связи с этим, не ожидая конца начавшихся переговоров с Китаем, русские военные корабли в декабре 1897 года вошли на рейд Порт-Артура и остались там зимовать. В марте 1898 года в город прибыли первые батальоны русской пехоты.

Вскоре между Россией и Китаем была подписана конвенция о передаче первой в аренду на 25 лет Ляодунского полуострова с портом Порт-Артур и прилегающими островами Эллиот, Блонд, Саншантао Роунд, Кеп, Мурчисон и др. На Золотой горе вблизи города был поднят русский флаг. Порт-Артур стал военно-морской базой Тихоокеанской эскадры России. В ответ на это Англия заняла китайский порт Вейхайвей, расположенный на северном побережье Шаньдунского полуострова.

---

* Название китайских городов, селений, имена собственные приводятся так, как они представлены в мемуарной литературе и в боевых документах тех лет.

К 1900 году, захватив порты, иностранные державы стали ввозить в страну капитал, строить там собственные предприятия, железные дороги, «арендовать» территории и, наконец, оформлять «сферы влияния», что окончательно превращало Китай в полуколонию империалистических держав. Вместе с иностранными войсками, капиталом и дельцами всяких рангов в древнюю страну прибыли миссионеры, пропагандирующие христианское учение. К 1900 году только одних протестантских миссионеров насчитывалось более 2800 человек, а в провинции Шаньдунь подвизалось свыше 230 иностранных священников, имевших около 60 тысяч прихожан.

Захватническая политика империалистических государств, бесцеремонное отношение иностранцев к китайскому народу, его беспощадная эксплуатация, несоблюдение китайских законов и неприятие китайской культуры вызвало ненависть к иностранцам — империю потрясло народное выступление, известное как восстание ихэтуаней. Оно носило стихийный антиправительственный характер и было направлено против иностранного засилия. Главными участниками восстания являлись: китайские крестьяне, мелкие ремесленники, транспортные рабочие. Все они на себе испытали «прелести» цивилизации, которую несли иностранцы.

В восстании участвовало немало буддийских и даосских монахов, так как вдохновителями восстания были тайные религиозные союзы-секты.

Участвовали в восстании и правительственные войска. К нему примкнули и некоторые китайские феодалы: губернаторы провинции Шаньдунь — Ли Бин-хэн, Чжан Жумей, губернатор Шаньдуня, а затем Шаньси-Юи Сянь, губернатор провинции Хэйлунцзян Шоу Шань и другие крупные сановники, представители китайской элиты, имевшие свои интересы от участия в этом восстании.

Не обошлось и без участия в восстании банд хунхузов и других анархических неуправляемых элементов, придавших восстанию разбойный характер.

Инициатором и руководителем восстания стал тайный союз «Ихэтуань» — «Отряд справедливости и мира» (или «Ихэцюань» — «Кулак во имя справедливости и мира»). Из-за этого европейцы прозвали восстание «боксерским», а ихэтуаней — «боксерами».

Союз «Ихэтуань» представлял собой мистико-религиозную организацию, члены которой наивно верили, что заклинаниями и магическими гимнастическими упражнениями (ци-гун и гун-фу. — *Примеч. ред.*) они станут неуязвимыми для пуль и снарядов, обретут бессмертие. Этим объясняется слепой фанатизм, с которым бросались слабо вооруженные восставшие на пушки и винтовки европейских солдат.

Сами по себе китайцы были очень суеверны. Вера в чудодейственную силу заклинания и своих богов прививалась им с детства. Тысячелетиями жившие в изоляции, китайцы наивно полагали, что их боги помогут не допустить иностранцев в Китай. Протянув, например, две веревки

поперек улицы и сказав несколько заклинаний, они думали, что чужие, т.е. иностранцы, не смогут преодолеть этот «барьер». Известен случай, произошедший в 60-х гг. XIX в., когда на пути французских отрядов, продвигавшихся вглубь империи, китайцы выставляли рисованных драконов и других зверей, а потом очень удивлялись, что пришельцы не побоялись таких «страшилищ». Сильно влияние в Китае было различных религиозных сект.

В союз «Ихэтуань» входили три основные секты: «Цянь», «Кань» и «Дуй». Главари (ихэтуаней) первых двух сект носили определенную форму одежды, передвигались на зеленых носилках, а их сподвижники обертывали головы желтой и красной повязкой. У секты «Дуй» одежда была, как у актеров. Их главарь носил длинное платье, а в руках держал плетку из хвоста лося. Они предпочитали одежду черного цвета.

Восстание началось в провинции Шандунь в апреле 1898 года и к концу года охватило 10 уездов, где за оружие взялось 40 тысяч человек. В этот период оно носило не только антииностранный характер, но и было направлено против местных чиновников. В своих песнях ихэтуани призывали уничтожать не только иностранных миссионеров, но и продажных местных чиновников:

Старшие братья
Отрубят головы иностранцам,
Вторые, сестры,
Перебьют извергов-чиновников.
Лишь истребив иностранцев и чиновников,
Простой народ обретает надежду.

«Сестрами» — «Эршицзу» — называли руководительниц женских отрядов ихэтуаней.

В начале 1900 года число восставших выросло до 100 тысяч человек, а центр борьбы переместился в столичную провинцию Чжили. Войска восставших огромными толпами продвигались к Пекину и Тяньцзиню, уничтожая по пути иностранные религиозные миссии, разрушая железные дороги, разбивая вдребезги паровозы и другие механизмы, разрушали телеграфные линии и истребляли своих же собратьев, принявших христианство.

Правительственные войска оказались не способными справиться с ихэтуанями. Если раньше, в начале XIX века, члены тайного союза вели антицинскую борьбу под лозунгом: «Долой Цин, восстановим Мин!» (речь идет о династиях, правивших Китаем. — *Примеч. ред.*), то в конце XIX века они стали бороться с иностранцами под лозунгом: «Поддержим Цин, смерть иностранцам!»

Лозунг «Поддержим Цин!» был временным, выгодным восставшим на тот период, когда они свой гнев обратили в первую очередь на иност-

ранцев, и союз с правительственными войсками был им необходим для достижения главной цели борьбы — изгнания иностранцев из Китая. Однако ихэтуани понимали, что союз этот ненадежен, о чем и пели в своих песнях-прокламациях:

Цинский двор ни к чему не пригоден.
На иностранцев взирает, как на старших.
Стоит лишь дать взятку,
Как предателей повышают в должности.

В самом цинском правительстве отсутствовало единство во взглядах на восстание. Одни сановники, составлявшие группировку, возглавляемую начальником приказа жертвоприношений Юань Чаном и помощником министра чинов Сюй Цзин-чэном, настаивали на дружбе с иностранными державами и призывали к беспощадной расправе над восставшими. Другие, возглавляемые вице-канцлером Ган И и князем Цзай И, стояли за объявление войны империалистическим государствам и, заключив союз с ихэтуанями, готовы были начать борьбу за изгнание иностранцев с территории Китая. Императрица Цыси колебалась.

Иностранные государства направили цинскому правительству совместную ноту, грубо вмешиваясь тем самым во внутренние дела Китая. В Чжилийский залив вошли иностранные корабли, с которых был высажен десант. Началась иностранная интервенция восьми европейских государств, в которой участвовали Великобритания, Германия, Австро-Венгрия, Франция, США, Япония, Россия и Италия.

21 июня, в связи с разрушением огнем орудий с кораблей интервентов фортов порта Дагу, цинское правительство объявило войну союзникам.

Ихэтуани, руководимые своими вождями: лодочником Чжан Дэ-чэном, бывшим солдатом Цзо Фуцянь и другими, совместно с правительственными войсками начали осаду посольского квартала в Пекине. Осада продолжалась 56 дней. На помощь осажденным выступила 40-тысячная союзническая армия, которая захватила 14 июля город Тянь-цзин, а 14 августа — Пекин.

Началась расправа над восставшими. Правительство Цыси бежало в Сиань. Почувствовав силу интервентов, оно издало 7 августа указ, обвинявший ихэтуаней в создавшейся в стране ситуации и предписывавший государственным чиновникам беспощадно расправляться с восставшими.

Ихэтуаням пришлось сражаться на два фронта. Они терпят поражения одно за другим, с горечью распевая:

Западная императрица — просто молодчина.
Ноги у нее быстрые,

Бегает быстро.
Поселилась в Сиане и торгует страной.
Заплатила огромную контрибуцию,
Продала большие куски земли.

После предательства цинского правительства восстание ихэтуаней было быстро подавлено. Карательные отряды интервентов расстреливали целые китайские деревни по подозрению в причастности к восставшим. Больше всех зверствовали немцы и японцы, русские войска в карательных экспедициях не участвовали.

2. Мобилизация Забайкальского казачьего войска

Особая роль в подавлении восстания ихэтуаней принадлежит России. Защищая свои интересы в Маньчжурии и на Ляодунском полуострове, Россия 11 июня объявила мобилизацию Приамурского округа и, в частности, Забайкальского казачьего войска. Из казаков, находящихся на льготе, были сформированы: три конных полка, четыре пеших батальона, две батареи и две запасные сотни (конная и пешая). Со льготы было призвано 8500 казаков и поставлено в полки 5000 лошадей.

В общем, мобилизация прошла своевременно, наибольший срок мобилизации — 24 дня. Все призывное население Забайкалья насчитывало 25 тысяч человек. Многие части были готовы к боевым действиям еще до окончания официального срока мобилизации. Так, третий пеший батальон Забайкальской пешей казачьей бригады был готов на день раньше установленного срока, третий Верхнеудинский казачий полк — на три дня. К 5 июля все части были отмобилизованы, за исключением второго Читинского полка и запасных сотен, которые должны были отмобилизовываться позже.

Для обороны границ создали небольшие команды из казаков старших возрастов.

К установленным срокам были подготовлены к боевым действиям и отмобилизованы: четыре первоочередных конных полка (1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Нерчинский, 1-й Аргунский), три — из казаков, находившихся на льготе (2-й Верхнеудинский, 3-й Верхнеудинский, 2-й Читинский); четыре пеших первоочередных батальона (3-й, 4-й, 5-й, 6-й); две первоочередные конные батареи и две из состоявших на льготе; одна конная и одна пешая сотня; тыловые учреждения и склады.

Не обошлось и без недоразумений чисто Русского характера. Например, перестраховки ради вместо тысячи человек, положенных к мобилизации, собирали несколько тысяч. Сколько надо, брали, а оставшиеся вы-

нуждены были добираться домой, кто как сумеет, без проездных и прожиточных денег. Много было оторвано без нужды казаков от полевых работ.

В общем, несмотря на имевшиеся недостатки, казачьи части показали высокую боевую готовность и реальность планов мобилизационного развертывания, составленных в мирное время.

Цель мобилизации — создание группировки сил и средств для подавления вооруженного восстания в северных районах Китая — была достигнута.

Главной задачей отмобилизованных войск было не допустить разрастания восстания, т.е. ликвидировать очаги сопротивления в крупных административных пунктах Китая и Маньчжурии: Пекине, Мукдене, Цицикаре, Гирине, Омосо, Нингута и т.д.; не дать восстанию охватить все области и провинции Китая. Нуждались в защите пограничные с Китаем области России, а также строившаяся железная дорога.

Русские экспедиционные силы, ввиду разобщенности восставших, действовали несколькими небольшими отрядами, на значительном удалении друг от друга. Забайкальские конные казаки, составлявшие 2/3 всей кавалерии на театре военных действий, были распределены по этим отрядам и выполняли задачу сотнями, полусотнями, а иногда и повзводно в качестве разъездов, авангардов и подразделений преследования. В условиях отсутствия сплошного фронта, когда противник располагался отдельными гарнизонами, конница имела широкие возможности для маневра, максимально используя все преимущества своего рода войск. Она скрытно выдвигалась к расположению войск противника, внезапно и быстро атаковала, захватывала разъездами деревни, города, обеспечивая беспрепятственное продвижение главных сил отрядов. В бою постоянно угрожала флангам противника, заставляя его привлекать дополнительные силы для охраны их или поспешно отходить, опасаясь окружения.

Пехота закрепляла успех, достигнутый конницей, или, стойко обороняясь, способствовала выходу ее на фланги или в тыл противника.

Конница в этой войне всегда осуществляла преследование отходящего противника или завершала его разгром.

Семь конных полков Забайкальского казачьего войска были распределены на театре военных действий следующим образом: два полка (1-й Верхнеудинский и 1-й Читинский) действовали в составе отрядов, оперировавших на Печили и в Южной Маньчжурии, охраняли сообщения на железной дороге, Порт-Артур, Дашичао—Инкоу—Пекин; два полка (1-й Нерчинский и 1-й Аргунский) по железной дороге были отправлены из Читы в Сретенск, потом сплавлены по Амуру и в период с 10 июля по 5 сентября распределены по разным отрядам. Они участвовали в обороне Благовещенска, а также в наступлении от Благовещенска в Цицикару в составе отрядов генералов Фока, Ренненкампфа и других по очищению Северной Маньчжурии от «боксеров»; 3-й Верхнеудинский полк

вошел в состав Хайларского отряда генерала Орлова и действовал из Забайкалья по линии Маньчжурской железной дороги в направлении Маньчжурия — Хайлар — Цицикар; один полк (2-й Верхнеудинский) охранял границу с Монголией в Западном Забайкалье, имея четыре сотни в Троицкосавске, а две сотни в Урге для охраны консула. Один полк (2-й Читинский) был сформирован в городе Чите к концу операций в Маньчжурии и в поход не выступал. Не участвовали в боях запасные сотни, пешая и конная, которые из-за окончания боевых действий тоже расформировали. Две батареи, третья и четвертая, совершив большие марши, прибыли на театр военных действий к окончанию боев и участия в них не принимали.

Четыре пеших батальона (3-й, 4-й, 5-й, 6-й), сформированные из льготных казаков, составили Забайкальскую пешую бригаду и под командованием профессора Николаевской академии Генерального штаба генерал-майора Орлова (вместе со второй Забайкальской казачьей батареей и 3-м Верхнеудинским конным полком), боевыми действиями очистили от «боксеров» и китайских войск участок железной дороги от станции Маньчжурия до станции Цицикар.

Две батареи Забайкальских казаков (1-я и 2-я) приняли участие в самых значительных по результатам и упорству боевых действиях. Первая Забайкальская казачья батарея действовала в составе отряда, наступающего от Порт-Артура к Мукдену, а вторая обеспечивала огнем продвижение Хайларского отряда генерал-майора Орлова.

3. Беспримерная пехота генерала Орлова

Этот отряд в своем составе имел: 3-й, 4-й, 5-й, 6-й батальоны Забайкальской казачьей пешей бригады по 910 штыков в каждом; 3-й Верхнеудинский казачий конный полк — 889 шашек; вторую Забайкальскую казачью батарею — 6 орудий; уральскую сотню охранной стражи — 128 шашек; 6-ю Терскую сотню охранной стражи — 116 шашек; 18-ю Терскую сотню охранной стражи — 72 шашки и 8-ю пешую роту терских казаков — 174 штыка (таким образом в отряд были включены части и подразделения казаков трех казачьих Войск: Забайкальского, Уральского и Терского. — *Примеч. ред.*). Всего отряд насчитывал 3814 штыков, 1205 шашек и 6 орудий. Это был один из сильнейших отрядов русских войск, двинутых на подавление «боксерского» восстания.

Большинство и ядро отряда составляли забайкальские казаки, на плечи которых и легла вся тяжесть задач, возложенных на отряд. Кроме боевых частей отряд имел 19 саперов, составлявших инженерную команду, и медицинскую часть из четырех врачей, причем один из них был

психиатр, а трое других — акушеры. Все они призвались из запаса. Ни одного хирурга в отряде не было, но, по укоренившимся в то время понятиям, считалось, что хирург на войне менее важен, чем терапевт, так как основные потери войска несли не от ранений, а от инфекционных болезней — таких, как брюшной тиф, дизентерия.

Основная масса офицерского состава прибыла на укомплектование батальонов из Казанского военного округа, приехали также и добровольцы из гвардейских частей, расположенных в Петербурге. Своих офицеров, из казаков, в каждом батальоне было не более двух. Отсутствие офицеров из войскового сословия — хроническая болезнь Забайкальского казачьего войска. Командиры четвертого и пятого батальонов были из служивших в Забайкалье: это войсковой старшина Оглоблев и войсковой старшина Демидов, уроженец Забайкалья. Шестым батальоном командовал войсковой старшина Тихонов, а командиром третьего батальона временно был назначен председатель войскового хозяйственного правления войсковой старшина Станкевич. Из Казанского округа прибыли и 22 обер-офицера, разные по характеру, но, по словам командира отряда генерал-майора Орлова, они были «беззаветно храбры и терпеливы, превосходными исполнителями своего служебного долга». Наказной атаман Забайкальского казачьего войска генерал Мациевский, принимая офицеров, прибывших к нему для представления по случаю назначения их в отряд генерала Орлова, предупреждал: «В походе пить воздержитесь. Имейте в виду, что забайкальский казак самолюбив, и поэтому рукоприкладством заниматься нельзя. Как бы не вышло несчастья».

К чести прибывших офицеров и казаков следует сказать, что между ними установились деловые, даже дружеские отношения, насколько позволяла субординация. Впоследствии, пройдя с боями сотни километров, эти офицеры, никогда до этого не служившие в казачьих частях, с уважением и любовью будут вспоминать своих с виду нескладных, но преданных подчиненных.

Для забайкальского казака поход в Китай являлся первым серьезным боевым крещением, и, если учесть, что все они были призваны со льготы и имели в большинстве своем возраст до 35 лет, справились они с поставленной задачей великолепно. Вот какую характеристику дал забайкальским казакам начальник Хайларского отряда генерал-майор Орлов, командовавший ими от начала и до окончания похода:

«Забайкальский казак невзрачен на вид, но вынослив, превосходно ходит, ездит, довольствуясь немногим, самолюбив. Он, например, будет курить при начальстве, и надо ему долго внушать, что этого делать не следует. Он отдает честь и, вместе с тем, ласково кивает головой. Но когда начальство ему что-нибудь приказывает, особенно идти против неприятеля, под огнем, он отлично исполняет приказание. Так что как воины забайкальские казаки прекрасны».

Все, кто служил и воевал с забайкальскими казаками во время похода в Китай, единодушны в их оценке — прекрасные воины.

Жалованье во время похода казакам полагалось 40 рублей в месяц, офицерам — 3—4 тысячи в год.

Русско-китайскую границу отряд Орлова перешел 11 июля двумя колоннами: одна у Абагайтуя (правая), другая (левая) — у Старо-Цурухайтуя.

Погода не благоприятствовала походу: пошли дожди, которые испортили запас сухарей, и в отряде возникли трудности с хлебом.

12 июля отряд прибыл на станцию Далай-Нор, после чего, сделав переход в 45 верст, остановился 13 июля на дневку. 14 июля перешел на станцию Хархантэ, 15 июля — дневка, а 16 июля дошел до станции Онгунь, то есть отошел от Абагайтуя на 110 верст.

Первый бой отряда с противником произошел в ночь на 16 июля. Четыре конных китайских эскадрона были выбиты со станции Онгунь верхнеудинцами. Потеряв несколько человек убитыми, китайские кавалеристы поспешно отошли. 16 июля батальоны вошли в Онгунь. Рано утром 17 июля казачьи разъезды доложили о приближении значительных сил противника, а вскоре и посты наблюдения от пеших батальонов подтвердили, что наблюдают приближение большой массы людей.

Казачьи батальоны заняли позиции за гребнями песчаных бугров, приготовившись к отражению атаки. Однако 10-тысячное войско противника под начальством Чуан-до, командующего войсками в Хайларе, по отзывам современников, энергичного и неглупого человека, атаковать казаков не решилось.

Боевой порядок противника представлял собой прямую линию войск, выстроившихся на большом расстоянии от позиций казаков. На правом фланге этой боевой линии в двух стройных шеренгах стояла конница, примыкая своим правым флангом к долине Хайлара; влево от нее находилась пехота.

В описываемый период войска ихэтуаней уже не были той неорганизованной стихийной толпой, какой они представлялись некоторым военачальникам союзников. Это была сила, способная при умелом управлении добиться существенных результатов в ходе боевых действий. Так, например, неудачно закончился поход союзнического отряда под командованием английского адмирала Сеймура из Тяньцзиня в Пекин, начавшийся 10 июня 1900 года с целью оказать помощь иностранным дипломатам, осажденным в столице, и подавить там восстание. У станции Ланфан на Пекин-Тяньцзинской железной дороге 13 июня отряды ихэтуаней вступили в бой с союзной армией и остановили ее продвижение. В последующие дни, объединившись с правительственными войсками, ихэтуани неоднократно атаковали отряд Сеймура. Им удалось разобрать железнодорожное полотно, после чего 18 июня интервенты вынуждены были отступить от Ланфана на Тяньцзин.

Военная организационная структура ихэтуаней ничем не отличалась от армейской. Десять человек составляли отделение, во главе которого стоял «командир десятка»; десять отделений — сотню, во главе с «командиром сотни», имевшим право командовать и несколькими сотнями. Каждое подразделение имело знамя, с которым оно шло в атаку: десяток — треугольный флажок; сотня — большое квадратное желтое знамя, в центре которого был изображен иероглиф «лин» (приказ). У всей армии было желтое знамя «волчий клык», на нем черными иероглифами было написано: «Ихэтуань», «Поддержим Цин, смерть иностранцам!». В подразделениях была установлена строгая дисциплина, нарушителей немедленно убивали.

С одним из таких организованных отрядов ихэтуаней и регулярных китайских войск встретились в бою казаки генерала Орлова.

В течение нескольких часов противник обстреливал казаков из винтовок и двух орудий.

В 14 часов 10 минут вторая Забайкальская казачья батарея открыла огонь по этим двум орудиям, заставив их замолчать, а в 14 часов 25 минут отряд перешел в наступление. «Казаки двинулись вперед превосходно, как лучшие войска в мире», — с восторгом отмечает в своих мемуарах командир отряда.

Не выдержав стремительного удара казаков, противник сначала стал отступать, а потом побежал. Однако наиболее стойкие и фанатичные его бойцы яростно сопротивлялись, прятались в кустах, зарывались в песок и, когда русские цепи проходили вперед, стреляли им в спину. В этом бою ординарец генерала Орлова зарубил китайца, стрелявшего в начальника отряда, и тем самым спас ему жизнь. Старый казак-доброволец Алексей Стародубов, в 54 года уйдя на войну, в ходе боя застрелил китайского знаменосца и захватил боевое знамя; такой же подвиг совершил штабс-капитан Бодиско, командир 18-й сотни охранной стражи. Были захвачены казаками оба $2^1/_2$ дюймовых крупповских орудия. Преследование противника продолжалось 15—18 верст. Было захвачено много оружия и патронов. Потери противника в людях превысили 800—900 человек. Казаки потеряли 7 человек убитыми и 17 ранеными, из них два остались в строю.

После боя отряд не пошел вперед, а дождался прибытия транспорта с продовольствием из Абагайтуя. Раненых посадили на повозки прибывшего транспорта, по два человека на каждую. В другие повозки уложили захваченные китайские пушки. Вместе с транспортом в Абагайтуй отправлялись и пленные. Перед отправкой раненых обошел начальник отряда и поблагодарил всех за службу. По телефону в Абагайтуй передали списки отличившихся и представленных к наградам казаков. В этот же день, 18 июля, транспорт отправился в путь под охраной конвоя.

В полдень хоронили погибших казаков, с соблюдением всех ритуальных правил. Священника не было, но хор офицеров «очень хорошо» пропел несколько молитв, напишет потом в своих воспоминаниях Н. Орлов.

Над могилой установили пятиаршинный деревянный крест с доской, на которой были вырезаны имена и фамилии павших. Кроме фамилий, на доске была помещена надпись:

«Братская могила чинов Хайларского отряда, павших в бою под Онгунью 17 июля 1900 года. Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся».

Молча, в глубоком раздумье, отошли казаки от первой русской могилы в Китае, где покоились их друзья-станичники. Сколько их еще будет за эту войну?

После похорон казаков генерал Орлов объехал дозоры и поле боя, приказав похоронить погибших китайцев.

В качестве «летучего» разъезда к Хайлару была отправлена 6-я сотня 3-го Верхнеудинского полка.

Ночь на 19 июля прошла спокойно. Отряд отдыхал. На другой день, 20 июля, 3-й Верхнеудинский казачий полк со 2-й казачьей батареей готовы были выдвинуться на станцию Урдинта для разведки переправ через реку Хайлар и обеспечения прибытия на эту переправу войск и транспортов из Старого Цурухайтуя.

Ночью поступило донесение командира «летучего» отряда от штабс-капитана Булатовича, в котором он сообщал, что дошел до города Хайлара, откуда китайские войска и население бежало по дороге на Цицикар; китайцы подожгли огромные запасы овса.

Тотчас последовало распоряжение: трем сотням 3-го Верхнеудинского полка и 2-й Забайкальской казачьей батарее убыть на подкрепление 6-й сотни Булатовича и удерживать Хайлар до прибытия главных сил.

Днем 20 июля 2 тысячи китайцев, которые были высланы командующим войсками Хайлара Чуан-До на направление движения русских войск от Цурухайтуя, узнав о разгроме 10-тысячного отряда под Онгунью, бежали на Хайлар, где находилась уже сотня Булатовича. Увидев, что казаков очень мало, китайцы атаковали сотню, которая отошла за город к холмам и успешно отражала атаки до подхода трех сотен и орудийной батареи. С приходом сотен 3-го Верхнеудинского полка положение изменилось. Китайцы прекратили стрельбу и отошли к Цицикару.

В ночь на 21 июля две сотни 4-го и 6-го батальонов на двуколках выступили на Хайлар и к утру заняли его. Главные силы отряда вошли в город к обеду. Было захвачено большое количество продовольствия и других запасов: 20 000 пудов муки, овса, проса, соли, вермишели, мыла, свечей; более 3000 цибиков чая; много овчин, различной материи, табак и прочие товары.

Осматривая одну из кумирен, офицеры обнаружили рядом с ней три обезглавленных трупа забайкальских казаков. Эти казаки ушли в разведку и не вернулись, считались пропавшими без вести. Числился погибшим или пропавшим без вести и казак Алексей Буторин, который вместе с тремя погибшими товарищами, находясь в разведке, был отрезан от своих, но, проявив величайшую выдержку, смекалку и храбрость, сумел благополучно добраться к отряду. Сметливый, расторопный и лихой казак, знающий монгольский язык, как разведчик, Буторин стал любимцем Хайларского отряда.

23 июля командующий войсками Приамурского военного округа телеграфировал: «По карте не успеваю следить за орлиным полетом Хайларского отряда. Поздравляю с победой и лихим занятием Хайлара. Слава Забайкальскому казачьему войску! Слава и поклон его наказному атаману. Хайларскому казачьему отряду и его предводителю ура!!! Гродеков».

Главным итогом боя при Онгуни стало то, что важный в стратегическом отношении населенный пункт — город Хайлар — был взят казаками с минимальными потерями.

Создалась надежная база снабжения отряда и других войск, проходящих через Хайлар, за счет захваченного продовольствия и других материальных средств.

Противнику были нанесены большие потери в живой силе. Разгромлен 10-тысячный, хорошо вооруженный отряд ихэтуаней и регулярных китайских войск. При этом в бою у Онгуни участвовали только 4-й и 6-й батальоны Забайкальской казачьей пешей бригады, 3-й Верхнеудинский казачий конный полк, 2-я Забайкальская казачья батарея; 18-я Терская сотня охранной стражи. Всего 2450 штыков и шашек при 6 орудиях.

Победа при Онгуни имела еще и политическое значение. Несмотря на хорошие отношения монголов к русским, опасность вступления Монголии в войну с Россией на стороне Китая сохранялась. Обстановка на юге Забайкалья была напряженная. По сообщениям русского консула из Урги, стало известно о приготовлениях Монголии на русско-монгольской границе. Монгольские отряды в 1000 человек, вооруженные американскими карабинами, «находились на реке Керулен, в Улясутае, в других местах. Лазутчики доносили, что идет усиленная заготовка лошадей для войска. Русские деньги перестали принимать в качестве податей в Урге. Усилился пропускной режим на русско-монгольской границе. Из всех разведывательных данных, собранных за 1899—1900 годы, следовало, что Монголия не была равнодушна к событиям на Востоке, кое-какие приготовления к войне проводились, и неизвестно еще было, как она поведет себя дальше.

Вместе с тем росло и недовольство монгол непомерными податями, которые взимали с них китайцы. Например, владельцу 500 голов крупного рогатого скота приходилось уплачивать вану (сборщику податей) до

1000 иргенов (баранов). Со 100 голов крупного рогатого скота требовали албан (подать) до 1000 рублей, а если эти деньги не уплачивались, то на виновных накладывали процент «в два ряда», т.е. в два раза больше, чем должны были уплатить. С одного хозяина взяли 25 коров, 50 кобыл, 300 баранов и 500 рублей. У кого было стадо в 500 голов, к концу года оставалось 100.

В начале лета 1900 года русские купцы, приезжающие из Монголии, сообщали, что среди монгол ходят разговоры о том, что «если бы русский отряд двинулся в Монголию, то дархаты и монголы оказали бы ему всякое содействие, последнюю корову отдали бы».

К середине июля, высказывая свое отношение к войне, монголы подчеркивали в беседах с русскими, что лучше «передаться Саган-хану (Белому царю), чем помогать китайцам». Другое отношение монгол к русским объясняется еще и тем, что на русско-монгольской границе существовали прочные торговые, равноправные экономические связи, скрепленные не только обоюдным доверием, но и кровным родством: многие казаки приграничных станиц, поселков, караулов из-за недостатка русских женщин брали в жены монголок. Часто бывало, что казак, не умевший ни читать, ни писать по-русски, хорошо знал монгольский язык.

От частого общения русских с монголами и при обоюдном доверии утвердилась абсолютная честность в торговых расчетах, которая становилась одной из главных черт забайкальских казаков. Например, весной казаки отдавали своих бычков монголам на откорм, а осенью забирали обратно, платя по 25 копеек с головы. Причем никогда никаких недоразумений не возникало. Сделки совершались под честное слово или на клочке бумаги, часто на десятки тысяч рублей.

Однако, несмотря на это, Монголия, находившаяся в зависимости от Китая, в любой момент могла двинуть свои войска против русских. После боя при Онгуни, увидев мощь русского оружия, даже те силы в Монголии, которые готовы были вступить в войну на стороне Китая, вынуждены были отказаться от этой мысли. Монголия в течение всех военных действий оставалась нейтральной.

За совершенные подвиги в бою при Онгуни доброволец 4-го Забайкальского казачьего пешего батальона Алексей Стародубов, казаки 3-го Верхнеудинского полка Михаил Аксенов и Георгий Мациевский были награждены Знаком Отличия Военного ордена IV степени. Кроме них, знаками отличия военного ордена IV степени были награждены 29 казаков 4-го Забайкальского казачьего пешего батальона, 17 казаков 6-го батальона, 32 казака 3-го Верхнеудинского полка и 6 казаков-артиллеристов 2-й казачьей батареи Забайкальского казачьего войска.

После занятия Хайлара, к 1 августа, отряд сосредоточился близ урочища Якши-Казачьи, где произошел бой с семитысячным китайским отрядом под командованием наиболее способного из китайских генера-

лов — Пао. После нескольких часов перестрелки Хайларский отряд перешел в наступление. События развивались стремительно. Сделав несколько винтовочных залпов, пешие казаки дружно бросились в штыки, смяли передовые цепи китайцев и обратили их в бегство. Развернувшейся лавой 3-й Верхнеудинский конный казачий полк обрушился на беспорядочно отступающую толпу деморализованного противника. Представился отличный случай казакам отомстить за мученическую смерть своих товарищей. Семитысячный отряд противника был почти полностью истреблен. Погиб в бою и генерал Пао.

В числе отличившихся был старший урядник Алексей Стародубов, представленный за этот бой к награждению Знаком Отличия Военного ордена III степени. 7 человек фельдфебелей и старших урядников, наиболее отличившихся в бою 1 августа, были произведены в офицеры, в зауряд-прапорщики. По этому случаю генерал Орлов перед строем отряда поблагодарил их за службу, поздравил с присвоением офицерского чина и пожал руку каждому из произведенных в офицеры.

В результате победы при Якши вся западная часть Маньчжурии до горного хребта Большой Хинган была очищена от восставших и регулярных китайских войск.

За мужество и героизм, проявленные в бою с превосходящими силами противника под станцией Якши, отличившиеся казаки были награждены Знаком Отличия Военного ордена III и IV степеней. Третью степень получили: в 4-м Забайкальском казачьем батальоне — старший урядник Алексей Стародубов; в 3-м Верхнеудинском конном казачьем полку — вахмистры Михаил Лапердин, Павел Швалов; старший урядник Диомид Филюшин; приказный Гарма Намкеев; казак Василий Мунгалов.

Четвертой степенью Знака Отличия были награждены 18 казаков 4-го Забайкальского казачьего пешего батальона, 15 казаков 5-го казачьего пешего батальона, 7 казаков 6-го казачьего пешего батальона, 26 казаков 3-го Верхнеудинского казачьего конного полка и 6 казаков-артиллеристов 2-й Забайкальской казачьей батареи.

Потерпев поражение в боях под Онгунью и Якши-Казачьи, противник отошел на выгодную горную позицию на Большом Хингане, став на пути продвижения русских войск. Разбитые отряды были переформированы, пополнены людьми, вооружением и боеприпасами. Чтобы не нести лишних потерь при атаке с фронта в лоб укрепленной позиции, генерал Орлов принял решение: пехотным казачьим батальоном обойти правый фланг противника, а большая часть конницы под командованием штабс-ротмистра Булатовича должна была обойти левый фланг позиции противника.

11 августа в 6 часов 45 минут 2-я Забайкальская казачья батарея открыла огонь по противнику, расположенному на фронте позиции, одновременно пехота атаковала правый фланг китайцев. Через 50 минут со-

противления противник оставил выгодную позицию и начал отходить, преследуемый казаками. В это время конный отряд Булатовича, пройдя в обход верст 90, нанес удар по отступающим с тыла. В результате боя большая часть отряда противника была уничтожена, а оставшиеся в живых разбежались по окрестным лесам и болотам.

Преследование продолжалось 40 верст. В качестве трофеев были захвачены 5 орудий, 23 знамени, 120 повозок с имуществом, много оружия, патронов и снарядов.

Старший урядник Алексей Стародубов за штыковую атаку, в которой он находился впереди наступающих товарищей и своим примером воодушевлял их на подвиги, был представлен к награждению Знаком Отличия Военного ордена II степени.

Знаком Отличия Военного ордена III степени были награждены: в 4-м Забайкальском пешем батальоне фельдшер Иван Овчинников, младший урядник Роман Патрин; в 3-м Верхнеудинском полку — старший урядник Ефстафий Метелев, казак Иван Малевский 2-й, младший урядник Андрей Номоконов 2-й, младший урядник Степан Батурин.

Четвертую степень Знака Отличия Военного ордена в 4-м пешем батальоне получили 18 казаков, в 5-м пешем батальоне — 10, в 6-м пешем батальоне — 16 и в 3-м Верхнеудинском конном полку — 16 казаков.

После боя отряд быстро двинулся к местечку Фулярды, куда приказано было прибыть к 20 августа.

Командующий войсками Забайкальской области наказной атаман генерал Мациевский известил об этом телеграммой, которую дал 9 августа, предполагая, что отряд в это время находится еще на Казачьих Якшах. В ней говорилось: «4 августа генерал Ренненкампф занял Мерген, гонит неприятеля к Цицикару. Двигайтесь вперед и гоните перед собой все, чтобы одновременно взять Цицикар. У Ренненкампфа шесть батальонов и пять сотен, 20 пушек. Успевайте, вместе забайкальцы должны взять. Помогай вам Бог». От Казачьих Якш до конечного пункта — Фулярды — отряд генерал-майора Орлова должен был пройти 325 верст за 11 дней. Однако предвидя развитие дальнейших боевых действий на этом направлении, генерал-майор Орлов начал марш самостоятельно еще 7 августа из-под Казачьих Якш, разгромив 11 августа противника на Большом Хингане. Трудно было бы отряду, не начни марш генерал Орлов из-под Якш. От места последнего привала, где телеграмма догнала отряд, это расстояние составляло 250 верст, которые надо было преодолеть за 8 дней.

Противник был рассеян, но отряды вооруженных «боксеров» еще имелись в округе. Перед рассветом 13 августа был обстрелян казачий разъезд и ранены два казака. В этот же день с 7 часов утра до 15 часов главные силы отряда, пройдя 22 версты, расположились на ночлег на станции Ял, а авангард, состоявший из двух пехотных рот и конной сотни с конной батареей, прошел 40 верст вперед до станции Барим Первый. Во

время движения авангард отразил нападение отряда ихэтуаней, уничтожив при этом 20 человек из нападавших.

14 августа рано утром отряд выступил в поход. За час до выступления всего отряда начала движение сотня 5-го пешего казачьего батальона, а с ней инженерный парк отряда под руководством инженера путей сообщения Сербского. Главная задача — обеспечить беспрепятственное движение отряда через ручьи и маленькие реки. Кроме того, на отряд обеспечения движения возлагалась задача по осуществлению санитарно-эпидемических мероприятий, связанных с закапыванием трупов людей и животных, в изобилии встречавшихся на пути главных сил отряда. Обозы шли непосредственно за своими батальонами.

Через каждый час марша давался отдых на 10—15 минут. Большой привал — через 6 часов движения продолжительностью 4 часа.

Марш начался в 5 часов утра. Пройдя 24 версты под палящими лучами солнца, батальоны подошли к реке Ял, где было принято решение сделать большой привал и разрешить людям искупаться.

После отдыха на большом привале марш продолжился. За день отряд прошел 40 верст.

15 августа главные силы прошли 38 верст до селения Джелантун, а конница продвинулась верст на 15 дальше и заняла станцию Сара. Местность эта не раз подвергалась нападению ихэтуаней, которые в своей ненависти к иностранцам не знали предела. Восставшие уничтожали все, что принадлежало иностранцам. Особенно большие разрушения были проведены на Северной китайской железной дороге, построенной Россией.

Разбрасывались рельсы, уносились шпалы, срывали насыпь полотна дороги; расклепывали железные фермы мостов и сваливали их в воду; разрушали все станционные постройки до основания; уничтожался подвижной состав — паровозы, вагоны; уничтожались линии телеграфного сообщения; разграблялись станционные постройки, имущество растаскивалось по деревням, а что уносить не успевали — сжигали.

В Джелантуне, где отряд 16 августа остановился на дневку, было найдено 4000 пудов муки и 1500 пудов овса. Проблем с продовольствием и кормом для лошадей казаки не испытывали, довольствуясь запасами, собранными китайскими правительственными чиновниками и не разграбленными восставшими.

Отряд отдыхал, и только конница продвинулась до станции Нинзошань, чтобы 17 августа сделать там дневку.

В течение 17 августа главные силы отряда, преодолев 40 верст, остановились на ночной отдых. Вечером были доставлены два предписания наказного атамана Забайкальского казачьего войска генерала Мациевского: «предлагаю вам войти в связь с отрядом генерала Ренненкампфа, наступать с возможной быстротой к городу Цицикару, дабы произвести

штурм его...»; «...я не сомневаюсь, что под Цицикаром, как под Хайларом, Забайкальские войска поддержат свою славу». Предписания догоняли отряд 8 суток.

Во время ночлега от Цицикарского дзянь-дзюня прибыли парламентеры с предложением мирных переговоров и просьбой приостановить движение. Такое же предложение было послано и генералу Ренненкампфу. В ответ генерал Орлов указал, что вести переговоры не уполномочен, поэтому приостановить движение отряда не может, относительно опасений дзянь-дзюня по поводу неприятностей для мирных жителей подчеркнул: русские великодушны и никогда не делают насилия невиновным, лишь бы сами китайцы не встречали русских с оружием в руках, которое предлагал сдать передовым наступающим русским частям.

Ночью прибыли два офицера Амурского казачьего полка от генерала Ренненкампфа — хорунжий князь Магалов и зауряд-прапорщик Номоконов, произведенный за храбрость из простых казаков в это звание и награжденный знаками отличия военного ордена IV и III степеней. Они сообщили, что китайские войска ушли из Цицикара, а их отряд занял город.

На следующий день, 18 августа, главные силы Хайларского отряда расположились на берегу реки Ялу, между Нинзошаном и Турчихэ, совершив переход в 42 версты, а конница дошла до Турчихэ.

За 19 августа отряд прошел 35 верст до деревни Ледифанза, а казаки 3-го Верхнеудинского конного полка заняли станцию Фулярды и берег Нони, выслав разъезды на другую сторону реки.

20 августа Хайларский отряд главными силами вышел к станции Фулярды, которая, как и все до нее, была разграблена и сожжена ихэтуанями.

Марш успешно завершился.

Соединившись с Благовещенским отрядом, генерал Орлов подчинил всю конницу генералу Ренненкампфу и направил ее на Бодунэ. Город был занят без сопротивления 29 августа.

От Бодунэ Хайларский отряд двинулся для занятия Гирина, но не доходя до города получил команду следовать на Харбин, где и получил приказ о демобилизации льготных казаков и отправке их по домам.

Обратный марш Забайкальской пешей казачьей бригады был очень трудным и проходил в условиях наступивших холодов, морозов и метелей. В ходе марша один казак погиб. В половине ноября Хайларский отряд был окончательно расформирован. Поход более чем в 2,5 тысячи верст завершился.

Успех отряда, по словам генерала Орлова, во многом зависел от того, что он почти полностью состоял из забайкальцев, безропотно вынесших на своих плечах тяжелейший поход. В своих воспоминаниях он пишет: «Небольшого роста, с загорелыми лицами, в пропотевших рубахах и в

простых ичигах вместо сапог (имеется в виду — вместо уставных сапог с жесткой подошвой и на каблуке; ичиги — мягкие монгольские сапоги. — *Примеч. ред.*), забайкальцы... далеко не походили на воинов и, наверное, подверглись бы осуждению какого-нибудь "героя" Красного села или Темпельгофского плаца под Берлином. Но этот забайкалец хорошо владеет своей винтовкой, шутя проходит 40 верст в один переход и спокойно, уверенно атакует врага; забайкалец чудный материал, которым только надо уметь пользоваться».

Хайларский отряд генерал-майора Орлова провел три крупных боя: при Онгуни 17 июля, при Якши 1 августа, при взятии сильно укрепленной позиции на большом Хингане 11 августа, совершил форсированный марш на соединение с Благовещенским отрядом генерала Ренненкампфа. Кроме того, отдельные группы казаков, взводы, сотни участвовали в многочисленных стычках с противником, выполняя задачи по разведке, поиску, в разъездах и охранении.

23 октября на имя командира Забайкальской пешей казачьей бригады была получена телеграмма от Наказного атамана Забайкальского казачьего войска генерал-майора Мациевского: «Только что получил от войскового атамана следующую телеграмму: "20 сентября осмотрел остальные три батальона (4-, 5-, 6-й, а смотр 3-го, прибывшего в Харбин раньше, был 16 сентября, на котором батальон получил высокую оценку) бесподобной казачьей пешей бригады и имел счастье пожаловать 105 человекам кресты военного ордена. Не нахожу слов благодарности молодецкой службы Забайкальских пеших и конных казаков. Забайкальская пешая бригада сломала такой поход, какого в летописях истории не было; ходила так, что пеший конному забайкальцу товарищ. Дай Бог наказному атаману многие лета, молодецкому же Забайкальскому войску "ура" и слава вовек, — спешу поделиться радостью. Спасибо, низкий поклон казакам; благодарность, низкий поклон командирам, офицерам, чиновникам, врачам, священникам, и слава и признательность лихому и заботливому начальнику беспримерной в истории пешей бригады. Дай Бог Вам многие годы продолжать служить примером, как должно водить войска на славу и пользу Государю и Отечеству. Забайкальское войско никогда не забудет, как победоносно водил Хайларский отряд генерал Орлов».

Действительно, отряд генерал-майора Орлова при минимальных потерях достиг высоких результатов, очистив от противника огромный район вокруг строящейся железной дороги. Конница и пехота использовались по предназначению. Пехота закрепляла успех, достигнутый конницей. Конница обеспечивала охрану продвижения пехоты, а в бою способствовала маневром во фланг и тыл достижению победы; вела непрерывную разведку и играла решающую роль в окончательном разгроме противника. Благодаря тесному, грамотному и продуманному взаимодействию пехоты и конницы успех пехоты всегда сопутствовал успеху кон-

ницы, и наоборот, успех конницы предопределял успех пехоты. Жаль, что опыт боевых действий этих двух родов войск в Русско-китайскую войну не был хорошо изучен и не применялся в Русско-японской войне, о чем будет сказано дальше.

По случаю расформирования Забайкальской пешей казачьей бригады был издан 10 ноября 1900 года приказ Главнокомандующего Приамурского военного округа:

«Расформировывая Забайкальскую казачью бригаду, по долгу службы, выражаю искреннюю признательность командующему оной, генерального штаба генерал-майору Орлову, не только за примерное во всех отношениях управление бригадой, но и за то, что в течение четырехмесячного существования бригады он сумел, разделяв тяготы похода с казаками, личным примером с НАИБОЛЬШЕЮ ПОЛЬЗОЮ ДЛЯ ДЕЛА ВЫСТАВИТЬ ВСЕ ХОРОШИЕ СТОРОНЫ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАКА, чем Забайкальское войско в первое же боевое испытание сразу стало на линию старых казачьих войск».

Лучше и умней, пожалуй, не скажешь. «Выставить все хорошие стороны» — большое искусство начальника.

Может сложиться мнение, что казакам противостояли необученные, слабо вооруженные отряды восставших, не умевших сражаться в открытом бою. Может быть, где-то так и было, но Хайларскому отряду пришлось сражаться в основном с регулярными войсками китайской армии, а влившиеся в них отряды фанатиков-ихэтуаней придавали этим боям особое ожесточение и упорство.

Китайцы сражались храбро, вооружены были в большинстве своем американскими маузеровскими винтовками, части их были многочисленны, но им не хватало только хорошей организованности, тактического и стратегического искусства. Сказывалось отсутствие у них полевой артиллерии и хорошо обученной конницы. Большая разобщенность китайских отрядов не позволяла им своевременно сосредоточивать усилия против трех русских отрядов, наступающих с разных направлений. Отсутствие единого командования и постоянные разногласия восставших с цинскими чиновниками и военачальниками не способствовали успеху в борьбе с сильным противником.

Свой воинский долг забайкальские казаки выполнили честно и добросовестно.

Третий Верхнеудинский конный казачий полк, полностью состоявший из льготных казаков, мобилизованный в Акше, прошел по Маньчжурии и обратно 1910 верст за 10 дней, из них 55 дней совершал марш своим ходом с величиной суточного перехода 35 верст. Полк потерял в боях убитыми 18 казаков, 2 офицеров и 20 казаков ранеными.

20 октября 3-й Верхнеудинский полк выступил из Харбина в Забайкалье, где казаки старших возрастов были отпущены домой, на льготу, а

более молодые, первой и второй очереди, поступили во 2-й Верхнеудинский полк.

Пешие казачьи батальоны не отставали от конного полка.

3-й батальон прошел 700 верст за 18 дней в пределах Забайкальской области и 1599 верст за 94 дня в Маньчжурии по грунтовым дорогам, затем по железной дороге Харбин — Цицикар 280 верст; всего батальон участвовал в походе 115 дней, из них марш совершал 83 дня, с величиной перехода 27,5 версты в сутки. Потери убитыми, ранеными и больными за время похода составили 69 человек.

4-й батальон прошел 392 версты в пределах Забайкальской области за 15 дней, в Маньчжурии 2428 верст за 113 дней; всего в походе провел 128 дней, из них марш совершал 86 дней со средней величиной суточного перехода 33 версты. Общие потери батальона — 136 человек.

5-й батальон преодолел 670 верст в пределах области и 2030 верст в Маньчжурии; всего дней марша — 93, отдыха — 31; величина суточного перехода 29 верст. Потери — 83 человека.

6-й батальон прошел 2550 верст за 120 дней, имея 40 дней отдыха; суточный переход составил 32 версты. Общие потери — 180 человек.

Десятки казаков стали Георгиевскими кавалерами, несколько человек удостоены этой высокой солдатской награды дважды, а 54-летний казак-доброволец, старший урядник Алексей Стародубов — трижды.

59 лет прошло со дня образования Забайкальского войска, созданного гением генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьева. Пешие казачьи батальоны из горнозаводских крестьян доказали, что не зря потрачено столько усилий и труда на это дело. Потомки первопроходцев, казаков-«караульцев», служившие в конных полках, и новообращенные казаки из крестьян, презрительно обзываемые коренными казаками-забайкальцами «сиволапыми» или «каторжановой родней», стали в один отряд защитников Забайкалья, скрепив кровью свое братство.

Пеший казак-забайкалец был отличный ходок, прекрасный стрелок, привыкший еще со времен заводского рабства довольствоваться малым, покорный и терпеливый, выносливый и трудолюбивый, стал образцом русской пехоты иррегулярного войска.

Потом, в благодарность за их ратные труды, пеших казаков превратят в конных, не задумываясь о том, что этим Забайкальское казачье войско лишается великолепной пехоты и получает неважную конницу. «Ездящей пехотой» называли в годы Русско-японской войны бывших пеших казаков, не освоивших за короткий срок кавалерийское дело. Но и эта задача оказалась по плечу забайкальцу-пехотинцу, который, пересев на коня, к началу Первой мировой войны ничем не отличался от потомственных казаков, показывая удаль и лихость как в яростной рубке, так и в окопной войне.

4. Поход Благовещенского отряда

Ранее упоминалось, что по планам русского командования 1-й Аргунский и 1-й Нерчинский полки, укомплектованные первоочередными казаками, после окончания мобилизации должны были действовать в Северной Маньчжурии по направлениям: Благовещенск — Мерген — Цицикар; Новокиевское — Хунчун и Никольск-Уссурийский — Нингута, а также при занятии Гирина.

Предварительно было решено разгромить караулы противника на правом берегу Амура и прежде всего в районе китайского города Мохо, находящегося вблизи большой станицы Покровской, стоявшей у слияния Шилки и Амура. Для этой цели сформировали отряд под командованием полковника Шверина, состоявший из батальона Сретенского и батальона Читинского полков, 1-го Забайкальского отдельного дивизиона пешей артиллерии (Русская регулярная армия перешла к дивизионной системе формирования артиллерийских подразделений в 1895 году), 1-й и 3-й сотни 1-го Нерчинского полка. По штатной должности полковник Шверин был командиром артиллерийского дивизиона и в назначении его командиром отряда из трех видов войск ничего удивительного не было, так как в Русской армии это широко практиковалось. Часто артиллерийские начальники ставились на должности командиров стрелковых полков, дивизий и корпусов.

К 20 июня 1-я и 3-я сотни сосредоточились в станице Сретенской, где стояла 2-я сотня 1-го Нерчинского полка. Здесь полк задержался из-за мелководья реки Шилки и отсутствия достаточного количества пароходов, барж и других плавательных средств с малой осадкой. Для перевозки войск были мобилизованы все пароходы и баржи, ходившие по Шилке и Амуру, но их было мало. Стали изготовлять плоты для сплава войск по этим двум рекам, для чего необходимо было иметь их из расчета 70 штук на сотню.

В экстренном порядке приступили к изготовлению 1250 плотов для отправки первоочередных войск. За сплав войск по Шилке и Амуру отвечал генерал-лейтенант Нидермиллер, а заведующим передвижением войск был назначен полковник Захаров.

Казаки, ожидая поднятия воды и изготовления плавсредств, времени даром не теряли. Были организованы занятия по стрельбе, рубке и тактике.

3 июля командующий войсками Приамурского округа приказал сформировать еще один отряд под командованием начальника штаба Забайкальской области генерал-майора Ренненкампфа. В его состав должны были войти по два стрелковых батальона от Читинского и Сретенского полков, 1-й Аргунский казачий полк и двенадцать медных незапряженных орудий, доставленных в Сретенск из Читинского артиллерийского склада.

Однако уже 7 июля при постановке задачи отряду в телеграмме командующего указывалось: «обезоружить и снести все посты, караулы и ополчение правого берега Амура, оставить, где нужно, гарнизоны на правом и левом берегах. Гарнизоны снабдить двухмесячным довольствием и, если нужно, то орудиями из числа незапряженных. Ввиду этой цели отряд составить из четырех батальонов, 3-й Забайкальской казачьей батареи, 12 медных незапряженных орудий, двух сотен 1-го Аргунского полка. Что касается остальных четырех сотен Аргунского полка, то их направить прямо на Благовещенск, в распоряжение генерала Грибского. Желательно, чтобы отряд не задерживался долго по очистке правого берега, ему надо поспеть к Айгунской операции».

Таким образом, состав отряда генерала Ренненкампфа существенно менялся, к тому же из-за непригодности медных орудий к боевому применению от них пришлось отказаться.

В другой телеграмме задача отряда Ренненкампфа подтверждалась, но опять менялся его состав. Предлагалось в срочном порядке, вслед за отрядом полковника Шверина, отправить два стрелковых батальона, полусотню казаков и батарею из состава 1-го Забайкальского артиллерийского дивизиона.

Командующий войсками Приамурского округа генерал Гродеков и начальник штаба генерал Селиванов продолжали слать телеграммы с требованием ускорить отправку отряда генерала Ренненкампфа и очистку правого берега Амура от китайских постов и отрядов ихэтуаней начать с города Мохо.

С началом периода дождей в Забайкалье (конец июня — начало июля) вода в Шилке стала подниматься и уже 5 июля Покровский отряд на пароходах, баржах и плотах выступил из станицы Сретенской, имея в авангарде 1-ю сотню и Сретенский пехотный батальон.

Ночью 12 июля от генерала Суботича из Покровки была получена телеграмма, что он и полковник Шверин выступили со своими отрядами на Мохо.

12 июля выступили главные силы отряда под командованием генерал-майора Ренненкампфа в составе: 2-й полусотни 3-й сотни 1-го Нерчинского полка, Читинского пехотного батальона и полубатареи 1-го Забайкальского отдельного дивизиона.

Дивизион состоял из двух батарей восьмиорудийного состава. Первой командовал подполковник Энгельман, второй — подполковник Мехмандаров.

13 июля в телеграмме генерала Грибского сообщалось, что отряд полковника Шверина атаковал Мохо, захватил его и отбросил противника до реки Желтуги.

Город Мохо имел деревянные дома, построенные в русском стиле. По всей его набережной были сложены дрова, используемые китайскими солдатами как укрытия.

Отряд размещался на трех пассажирских трехпалубных пароходах. Орудия артиллерийского дивизиона стояли так, чтобы можно было вести огонь прямо с палубы. Когда первый пароход 13 июля подошел к берегу, китайцы открыли огонь по десанту.

Стрелки пехотного батальона стали отвечать залпами. По приказу старшего офицера первой батареи капитан парохода «Граф Игнатьев» вывел свое судно из общей колонны и поставил его так, чтобы можно было стрелять из орудий по противнику на набережной. Первым же выстрелом были подожжены стог сена и сухие деревянные строения. Начался пожар. Жители города и китайские солдаты бросились в лес. Все пароходы пристали к берегу и высадили десант, который занял город, а Желтугинские золотые прииски были захвачены прибывшим следом отрядом Ренненкампфа.

...Высадив в двух верстах выше города батальон читинцев и полусотню казаков, которые цепью прошли горящий город, генерал Ренненкампф повел наступление на Желтугинские прииски. Впереди действовали казаки-нерчинцы. Уничтожив и рассеяв несколько небольших китайских заслонов, они ворвались в приисковый поселок, захватив 119 маузеровских винтовок, 10 тысяч патронов к ним в ящиках и приступили к уничтожению золотопромывающих машин и станков.

В стычках с отступавшим противником отличился взводный урядник Дулепов, смело налетевший на группу китайских солдат из четырех человек и уничтоживший ее, несмотря на их ожесточенное сопротивление.

Уже в первом бою забайкальцы показали свои высокие солдатские качества. Преодолев до приисков 34 версты и столько же при возвращении в Мохо, с перевалом через Хинган, они не имели ни одного отставшего как у стрелков, так и у казаков.

Выполнив задачу, отряд последовал дальше, к Благовещенску, в который прибыл 19 июля.

В то время движение по Шилке и Амуру осуществлялось только днем, так как быстрое течение, отмели, крутые скалистые берега затрудняли движение ночью, поэтому войска приставали с наступлением темноты к берегу.

2-я сотня 1-го Нерчинского полка была отправлена в Благовещенск еще раньше на барже, идущей за пароходом «Аргунь», и после высадки охраняла берег Амура от Старого Собора до перевоза на реке Зее, содержала летучую почту, связывающую отряд полковника Печенкина за рекой Зеей.

Пока русские войска ожидали «большую воду», в станице Сретенской формировали отряды. Благовещенск готовился к отражению нападения.

1 июля начался обстрел Благовещенска из китайского города Сахаляна, стоявшего на противоположном берегу Амура. Сил для обороны

города от предполагавшегося вторжения было мало. Кроме казачьей сотни, имелось еще два орудия, которые стояли на набережной и вели редкий ответный огонь из-за отсутствия достаточного количества боеприпасов. Тем не менее от огня этих двух орудий в городе Сахаляне возник пожар, была разрушена телеграфная станция.

Огонь китайцев был сильным, но беспорядочным. В городе поднялась паника не столько от оружейно-артиллерийской стрельбы, сколько из-за опасения выступления 5000 китайцев, живших в городе отдельной слободой. Благовещенская полиция, приняв решение выселить их из города, не побеспокоилась обеспечить китайских жителей лодками и плотами для переправы на сахалянский берег. В результате этой «операции» тысячи мирных людей погибли при переправе вплавь через Амур.

3 июля из-за Зеи на помощь Благовещенску прибыл отряд полковника Печенкина, который был выслан 5 июля опять на Зею, на помощь отряду полковника Генейко, отступавшего под натиском превосходящих сил противника. Казаки 2-й сотни нерчинцев вошли в отряд Печенкина и своими демонстрационными действиями, обстреливая гарнизон города Айгуна, отвлекали внимание китайцев от переправы русских войск на правый берег Амура и Верхне-Благовещенска. 22 июля Сахалян был взят русскими войсками и сожжен.

Бессмысленное сожжение города и богатых окрестных китайских деревень вызывало недоумение у амурских казаков, которые хотели поправить свои пошатнувшиеся хозяйства за счет трофеев.

Из-за почти поголовной мобилизации малочисленного Амурского казачьего войска в станицах почти не осталось рабочих рук. Один из станичных атаманов жаловался военному корреспонденту А. Верещагину, что «год нынче такой тяжелый вышел. Всех на войну позабирали. И хлеб убирать некому. Одне бабы да дети малые дома остались». Казачьи хозяйства несли убытки. Затраты на экипировку не возмещались, а нужные в хозяйстве вещи в брошенных китайских деревнях и запасы продовольствия, которые хоть как-то могли поправить дела амурских казаков, уничтожались. С тоской и болью глядели станичники на брошенный некормленный скот, бродячих без хозяев лошадей из китайских деревень.

22 июля 2-я сотня переправилась на правый берег Амура, ниже Айгуна, и вошла в состав конного отряда генерал-майора Ренненкампфа, действовавшего на Цицикарском направлении.

1-я сотня 1-го Нерчинского полка прибыла в Благовещенск 15 июля и расположилась в брошенной китайской слободе. Переправившись с наступающими на Сахалян войсками, сотня несла разведывательную службу. Во время одной из разведок местечка Сахалян казак Лесков, преследуя конного китайца, которого хотел захватить в плен, ворвался во двор одного из домов, где был атакован пятью китайскими солдатами.

Двоих он успел зарубить, остальные выстрелили в него, но промахнулись. Услышав выстрелы, казак этого же разведывательного дозора Василий Беломестнов бросился на помощь товарищу и вместе с ним перестрелял остальных нападавших. Отобранное оружие и две лошади были представлены подъесаулу Шарапову.

После взятия Сахаляна русские войска, преследуя отступающего противника, двинулись на Айгун. 31 июля, не доходя нескольких верст до Айгуна, атаковали противника у деревни Талушаны (Халушаны), где китайцы решили дать сражение в открытом поле, прежде чем отойти в Айгун. Атакой русской пехоты с фронта и ударом Амурского полка во фланг противник был разгромлен и бежал в Айгун. Во время этого боя 1-я сотня 1-го Нерчинского полка, вошедшая в состав Амурского полка, охраняла одним взводом правый фланг боевого порядка наступающей пехоты, а тремя взводами — знамя Амурского полка, затем была брошена в преследование. Построившись в разомкнутый строй, сотня преследовала противника до самого Айгуна, изрубив в ходе преследования десятки солдат разгромленного китайского отряда.

После боя под Талушаном (Халушаном) 21 июля 1900 года от 1-й сотни 1-го Нерчинского полка были посланы три урядниче ских разъезда: первый — в тыл к городу Сахаляну, второй — к северо-западу, на место казачьей атаки под Талушаном (Халушаном), и третий — для осмотра города Айгуна.

Командир Амурского полка обратил внимание казаков при постановке задачи, что на основании данных, добытых разъездами 22 июля, будет бой под городом Айгуном, в котором сосредоточилось до 10 тысяч пехоты, кавалерии с артиллерией. Амурский полк входил тогда в состав Благовещенского отряда.

В разведку на Айгун был назначен старшим урядником Павел Лонщаков с десятью казаками; под Талушан (Халушан) — урядник Михаил Алексеев с семью казаками, а к Сахаляну ушли четверо казаков-разведчиков.

К 3 часам утра разведчики возвратились, собрав важные сведения о противнике: город Айгун оставлен китайцами, позиции которых обнаружены северо-западнее города; на юго-западе под Талушаном (Халушаном) в лесу и на высотах замечены многочисленные огни бивака, слышалось ржание коней. Наткнувшись на китайскую заставу, разведчики под ружейными выстрелами уклонились к Айгуну и на всем своем пути видели к югу от города огромное количество костров, слышали шум войск; в тылу отряда китайских солдат не обнаружено. Полученные сведения очень помогли принять правильное решение для разгрома противника под Айгуном. Бой под Айгуном 22 июля подтвердил точность собранных данных. В ходе его сотня охраняла правый фланг наступающих русских войск. Ее разъезды проводили разведку ближайших деревень. Под командованием

приказного Ивана Коломыльцева одна из застав, двигаясь по городу Айгуну, на берегу Амура обнаружила два китайских орудия. 8 казаков смело атаковали артиллерийскую позицию, ворвались в орудийный окоп, перебили прислугу и захватили эти орудия. Одно было медное, большого калибра, а другое современное, скорострельное, системы Гочкиса. Кроме орудий, в окопе обнаружили два фальконета и одно знамя. Сдав захваченное под охрану 1-го Сретенского батальона, казаки продолжили выполнение поставленной задачи — преследование противника по Цицикарской дороге. 23 июля город был сожжен, и это место впоследствии стало называться постом Марии Магдалины.

В телеграмме, полученной 22 июля под № 3120, командующий войсками Приамурского военного округа (и в дополнении к ней) указывал генералу Грибскому — для преследования отходящего от Айгуна противника привлечь всю имеющуюся в наличии конницу и преследовать его до «изнеможения», «должно набраться больше полка казаков», «начальником конного отряда избрал генерала Ренненкампфа, бывшего лихого командира Ахтырского полка; задача отряда гнать противника так, чтобы весть об Айгунской победе дошла до Мергеня вместе с казаками. Предела движения отряда не указываю. Все будет зависеть от обстоятельств, лихости казаков. Генералу Ренненкампфу строго следить, чтобы мирных обывателей не обижали, по дороге не грабить...»

24 июля был сформирован летучий конный отряд под командованием генерала Ренненкампфа в составе 1-й, 2-й, 6-й сотен и полусотни 3-й сотни, прибывшей из Сретенска, 1-го Нерчинского полка; 4-й, 5-й сотен Амурского полка и взвода поручика Егорова из двух орудий от отдельного Забайкальского артиллерийского дивизиона.

Начальником штаба Мергенского отряда, как стал называться сводный конный отряд генерала Ренненкампфа, стал подполковник Ладыженский, адъютантом отряда — корнет запаса гвардейской кавалерии Савицкий.

Состав сотен был разный: 1-я сотня 1-го Нерчинского полка (подъесаул Шарапов) — 140 казаков; 2-я сотня этого же полка (есаул Токмаков) — 91 казак; полусотня 3-й сотни 1-го Нерчинского полка (хорунжий Белинский) — 64 казака; 4-я сотня Амурского полка (сотник Вандаловский) — 110 казаков, и 5-я сотня этого же полка (хорунжий Вертопрахов) — 86 казаков. Всего в отряде насчитывался 491 казак и 46 артиллеристов поручика Егорова.

Конский состав был в удовлетворительном состоянии, но не втянутый в работу. В нерчинских сотнях с набитыми спинами была 21 лошадь (7%), а в амурских — 92 (47%).

В нерчинских сотнях каждый казак имел по 96 патронов, а в амурских — по 105 патронов на винтовку; артиллерийский взвод располагал 300 снарядами.

После своего формирования отряд начал преследовать отходящего от Айгуна по Цицикарской дороге противника и в 30 верстах к югу у китайской кумирни Догуду вышел к укрепленной позиции, расположенной в лесистых высотах. Глубокий овраг перед этой позицией не позволил казакам атаковать ее в конном строю. Сотни спешились и повели наступление, но китайцы, не приняв боя, после небольшой перестрелки очистили высоты. Казаки 5-й сотни отбили два орудия с зарядными ящиками.

15 верст до деревни Эйюр отряд преследовал противника, прокладывая себе дорогу где ружейно-артиллерийским огнем, а где и шашкою, взяв с боем 5 лесных хребтов. Двигаясь вперед с непрерывными боями, отряд подошел к деревне Эйюр. Пройдя 30 верст по горно-лесистой местности, лошади и казаки выбились из сил, но ожидаемого отдыха не получилось.

В двух верстах за деревней китайские солдаты заняли позиции по берегу речки Эйюр. Болотистая ее пойма не позволила атаковать лавой и выбить противника с занимаемой позиции; 1-я сотня нерчинцев, 4-я и 5-я сотни амурцев, заняв гребень высоты, перед этой позицией открыли огонь по китайцам, два орудия Забайкальского дивизиона стреляли через головы своей цепи.

Получив подкрепление, китайская пехота густой массой и с дикими криками перешла в наступление. Казаки, экономя патроны, вели редкий огонь из винтовок. Подпустив противника на 500 шагов, два орудия поручика Егорова открыли уничтожающий огонь картечью, но китайцы, несмотря на огромные потери, продолжали двигаться вперед. Около 300 конных китайцев попытались атаковать правый фланг казачьей цепи, но, задержанные болотом, повернули под выстрелами казаков назад. Патроны были на исходе. Командир 1-й сотни подъесаул Шарапов, расстреляв все боеприпасы, посадил на коней казаков и решил атаковать китайские позиции, невзирая на болото и град пуль, обрушившихся на сотню. С огромным трудом перебрались казаки Шарапова через болото, потеряв несколько казаков убитыми и ранеными. За 1-й Нерчинский сотней пошла 4-я Амурская. Китайцы, отвлеченные смелой атакой 1-й сотни, не заметили, как к ним в тыл вышла 2-я сотня нерчинцев, находившаяся до этого в резерве. Услышав крики «ура» с фронта и тыла, солдаты противника стали покидать выгодную позицию, а 1-я сотня нерчинцев и 4-я Амурская, подстегнув измученных коней, бросились их преследовать.

В лесу казаки с китайцами перемешались. На расстоянии пяти верст лес и поляны были усеяны изрубленными трупами солдат противника. Китайцы поодиночке и группами пытались спастись от шашек казаков. Одна из таких групп в количестве шести человек, стреляя на ходу, бежала к лесу. На их пути оказались два казачьих офицера — командир 2-й сотни нерчинцав есаул Токмаков и командир 1-й сотни этого полка подъесаул Шарапов. С винтовками наперевес китайцы бросились на офице-

ров. Первых двух уложил из револьвера Шарапов. Третьего зарубил подскочивший на помощь урядник Павел Лоншаков, прикрыв своим конем и телом двух офицеров. Убегавший от его шашки китаец выстрелил в их сторону. Пуля попала в сердце герою-казаку. Стрелявшего китайца и его товарища зарубил есаул Токмаков. Сотня этого храброго офицера спасла отряд от неминуемого разгрома.

С наступлением темноты преследование прекратилось.

На другой день раненых отправили в Благовещенск, а убитых похоронили в братской могиле на Эйюрском поле боя, на котором лежало 300 изрубленных трупов китайских солдат.

Первая победа досталась отряду дорогой ценой. Убиты Нерчинского полка сотник Шкляров и 8 казаков; в Амурском — 2 казака; смертельно ранен был сотник Вандаловский Амурского полка, ранены сотник Шарапов и 15 казаков Нерчинского полка. Были убиты 19 и ранены 27 лошадей. Впоследствии выяснилось, что, несмотря на смертельные раны, сотник Вандаловский выжил.

После боя под Эйюром отряд генерала Ренненкампфа беспрепятственно продвигался до перевала через малый Хинган. Только 27 июля у кумирни Шитоу-Мяо (Каменная стена) авангард отряда был встречен огнем китайской пехоты, а на правом фланге сосредоточивались 300—400 конных манегров.

Под орудийным шрапнельным огнем, атакованные двумя спешенными сотнями, китайцы отошли.

Китайские кавалеристы, манегры, славились как отличные охотники Северной Маньчжурии. Вооружены они были карабинами Винчестера, с большим запасом патронов и почти не имели холодного оружия. Использовались манегры для разведки. Стреляли они, как правило, с коней, в пешем порядке почти не действовали. Боя с казаками всячески избегали, и как только те появлялись, манегры, обстреляв их из карабинов, немедленно уходили. Эффективность такой стрельбы была очень низкой.

Так и на этот раз, сделав несколько выстрелов, конный отряд манегров отошел к перевалу через Малый Хинган.

28 июля разъезды отряда были обстреляны ружейным огнем противника, занимавшего этот перевал. Для выяснения его сил генерал Ренненкампф провел рекогносцировку.

В современном понятии рекогносцировка, проведенная 28 июля, представляла собой не что иное, как разведку боем.

Противник на перевале был атакован с фронта 5-й сотней Амурского полка при поддержке огня двух орудий, слева наступала 4-я сотня амурцев, а справа, в обход позиции противника на перевале, действовали 1-я, 2-я и 3-я сотни 1-го Нерчинского полка под командованием начальника штаба отряда подполковника Лодыженского. Такой вид разведки наибо-

лее полно позволял установить наличие сил и средств обороняющегося противника, но при этом неизбежны потери в бою.

Колонна подполковника Лодыженского, двигаясь без дорог по горно-лесистой местности, вынуждена была выполнять свою задачу в пешем порядке, ведя коней в поводу. Выйдя во фланг противника, сотни перешли в атаку, оставив коней в укрытиях под присмотром коноводов.

Стреляя на ходу, казаки медленно продвигались вперед. В это время левый дозор донес, что китайцы стали обходить левый фланг казачьей цепи. Одновременно был обнаружен выход противника в тыл. Сотни попали под перекрестный огонь с трех сторон и, тревожась за оставленных коней, стали отходить. Китайские солдаты перешли в контратаку, пытаясь окружить и уничтожить казаков. Амурцы не могли оказать помощь нерчинцам, так как сами были связаны боем.

Отстреливаясь от наседавших солдат противника, казаки организованно отступили, вынеся из боя убитых и раненых, проявляя при этом товарищескую выручку и взаимопомощь, присущие казакам. Вот только один такой случай.

Пробиваясь к своим коням, был тяжело ранен хорунжий Борискин, командовавший левым флангом цепи спешенных казаков. Находившиеся рядом с ним казаки Евгений Бородин, Емельян Гагарин, Герасим Казаков и Михаил Золотухин подняли его на руки и понесли, отбиваясь от нападавших на них 30 конных китайцев. Укрываясь за деревьями и отстреливаясь, они отступали к коням. Прибыв на место, где они должны быть, казаки их не обнаружили, так как прорвавшиеся раньше казаки увели всех коней. Взяв на руки хорунжего Борискина, они пронесли его 2—3 версты, при этом двое несли раненого, а двое отстреливались, не подпуская к товарищам китайских кавалеристов. Спасая офицера, был ранен казак Гагарин из поселка Грязной. Все четверо за спасение офицера стали Георгиевскими кавалерами.

Другой случай, характеризующий забайкальского казака и его отношение к лошади, тоже произошел в этом бою под Хинганом.

Казаку 3-й сотни 1-го Нерчинского полка Афанасию Лоншакову пулей раздробило кисть левой руки. Находившийся рядом урядник Михаил Алексеев перевязал ему рану чехлом от фуражки и посадил на своего коня, так как лошадь Лоншакова была убита. В это время на них напали 5 конных китайцев. Прикрывая раненого, Алексеев стал отстреливаться, а Лоншакову дал команду отходить к своим. Пока Алексеев отбивался от наседавших на него китайцев, на Лоншакова напали другие китайские кавалеристы. Не имея возможности обороняться, он, спасаясь от них, помчался в глубь леса, потерял направление и заблудился. Наступившая темнота спасла его от преследователей. Питаясь ягодами и кореньями, он проплутал 12 суток, то и дело натыкаясь на китайцев. На 13-е сутки обессиленный и без сознания был вывезен своей «забайкал-

кой» на дорогу, по которой шел один из батальонов Читинского полка. Солдаты сняли казака с лошади, напоили, накормили сухарями, а врач батальона сделал перевязку, вырезав из раны вросший в нее чехол от фуражки. За 13 суток скитания по лесу казак не потерял ни оружия, ни другое свое имущество, а лошадь, не расседланная ни разу за это время, еле двигалась, имея под потником сплошную рану от седла. Такие испытания мог выдержать только забайкальский казак, привыкший довольствоваться малым, и его с виду невзрачная, но удивительно выносливая лошадь.

Разведка позволила выяснить, что лесистый Хинганский перевал занят 5-тысячным отрядом китайцев при 10 орудиях. Поняв, что без поддержки пехоты и артиллерии перевал не взять, начальник отряда дал приказ отойти к деревне Санчжан, выслав разъезды к Хингану.

С 29 июля по 2 августа отряд оставался на месте, ожидая подхода Сретенского полка, 6-й сотни Амурского полка и отдельного Забайкальского дивизиона, которые прибыли 1 августа. Вместе с ними пришел обоз нерчинских сотен с сухарями, сахаром и чаем.

2 августа была проведена вторая рекогносцировка с участием всех командиров прибывших частей, в ходе ее генерал Ренненкампф уточнил задачи частям, наметил позиции артиллерии.

В ночь на 3 августа отряд, соблюдая маскировку, бесшумно подошел на 2,5 версты к позициям противника, в готовности с утра перейти в наступление.

Во втором часу ночи в обход левого фланга китайской позиции выступила колонна в составе двух батальонов Сретенского полка и 6-й сотни амурцев под командованием начальника штаба отряда полковника Лодыженского. Маршрут обходящего отряда накануне разведал сотник Кубанского казачьего войска Арсеньев, который вызвался быть проводником.

В 6 часов утра отдельный Забайкальский дивизион в составе полубатареи (4 орудия) 1-й батареи под командованием капитана Али Ага Шихлинского и 2-й батареи (8 орудий) подполковника С. Мехмандарова выдвинулся на указанные огневые позиции.

Когда артиллеристы стали выпрягать лошадей и отправлять их в укрытия, раздался сильный взрыв, разорвавший на куски двух ездовых и четырех лошадей. Это был взорван фугас, заложенный китайцами в месте, удобном для размещения артиллерии.

Установив орудия, дивизион (без 4 орудий) открыл меткий огонь по китайским окопам, четырьмя ярусами опоясавшими перевал, и по огневым позициям их артиллерии, которая была вскоре подавлена.

Не выдержав уничтожающего огня дивизиона, китайцы стали покидать ярус за ярусом и скрылись в лесу.

Батальоны Сретенского полка перешли в атаку и сошлись с китайской пехотой в рукопашной схватке. Противник пытался сопротивляться,

но когда их с тыла атаковал обходящий отряд, бросил свои позиции и бежал в лес. 1-я и 2-я сотни нерчинцев, находившиеся в общем резерве, начали его преследование.

За четыре часа боя сильный отряд китайцев был полностью разгромлен. Бросая убитых и раненых, орудия, ружья и боеприпасы, верхнюю одежду, не оказывая никакого сопротивления, противник в беспорядке отступил, а попросту говоря, бежал. Были захвачены 6 горных скорострельных пушек системы Витворта, изготовленные на заводах Круппа в 1896 году, четыре из них в шестиконной запряжке. Все зарядные ящики и передки загружены были унитарными снарядами. Противник успел увезти только прицелы.

По докладам самих китайцев, в Мергене (телеграммы потом были захвачены и прочитаны) перевал обороняли 5—6 тысяч солдат. На поле боя было брошено до 2800 убитых и тяжело раненных. Погиб командовавший китайскими частями на перевале генерал Чжун и начальник его штаба Джуй, убитый в рукопашной схватке капитаном Кушелевским, пал в бою племянник Цицикарского дзянь-дзюня Айгунский амбан-фын, командовавший в бою под Айгуном. Около трупа Чжуна нашли тело убитого европейца в китайской одежде. Раненые пленные показали, что это был англичанин, находившийся на службе у Чжуна.

Потери отряда оказались незначительными: убиты 2 офицера и 10 солдат, ранены 2 офицера, 53 солдата и 2 казака; убиты 12 лошадей. Среди погибших офицеров оказался и прикомандированный к Амурскому казачьему полку сотник Арсеньев, веселый и храбрый кубанский казак.

Большая заслуга в этой победе принадлежала артиллеристам под командованием двух способных артиллерийских офицеров, азербайджанцев по национальности. Один из них — Али-Ага Хаджи Исмаил-бек оглы Шихлинский, награжденный впоследствии всеми орденами Российской империи, в том числе Георгиевским крестом 4-й степени — за Порт-Артур, золотым оружием с надписью «За храбрость», и закончивший Первой мировую войну генерал-лейтенантом в должности инспектора артиллерии Западного фронта, стал видным авторитетом и знатоком артиллерийского дела.

С. Мехмандаров тоже дослужился до генерала Русской армии, командовал 2-м Кавказским корпусом в годы Первой мировой войны, был военным министром в мусаватистском правительстве Азербайджана, а при советской власти работал в составе Артиллерийской уставной комиссии и преподавал артиллерийское дело вместе с Шихлинским в Азербайджанской школе комсостава.

Проходили годы, но они всегда вспоминали свое первое боевое крещение вместе с забайкальскими казаками в Северной Маньчжурии.

После боя на перевале Малого Хингана конный отряд Ренненкампфа, преодолев более 100 верст за два дня, 5 августа занял город Мерген, который оказался брошенным жителями.

Противник, около 400 человек пехоты и 100 всадников, пытавшийся оборонять город на подступах к нему, неся большие потери, в беспорядке отошел в юго-восточном направлении. Казаки захватили три брошенных орудия — одно стальное, крупповское, и два скорострельных Гочкиса. Кроме того, были захвачены восемь медных пушек и более 1000 маузеровских винтовок, большой склад курковых ружей и масса холодного оружия. В окрестностях города обнаружили склад пороха в тысячу пудов, который уничтожили. До Цицикара осталось пройти 223 версты.

Отдохнув два дня, отряд продолжил движение на Цицикар, куда также стремился Хайларский отряд генерала Орлова.

Подойдя к реке Немер, в 4 верстах от города Бордо, отряд остановился, так как эту неширокую, но глубокую реку вброд перейти было невозможно.

10 августа от командовавшего Благовещенским отрядом генерала Грибского была получена копия телеграммы командующего армией, в которой после похвал в адрес всех чинов отряда говорилось: «Не сомневаюсь в дальнейшем успехе и разрешаю генералу Ренненкампфу идти с Божьей помощью вперед. На каждую сотню генерала Ренненкампфа по пяти Знаков Отличия Военного ордена, на батарею по четыре, на роту по два знака».

Стали готовиться к переправе на подручных средствах. Здесь в отряд прибыл парламентер от Цицикарского дзянь-дзюня генерала Шеу, который просил задержать на неделю наступление отряда с тем, чтобы дать возможность устроить тысячи беженцев, уходящих от русских и боявшихся расправы с их стороны. Полковника, представившегося начальником штаба генерала Шеу, звали Чжан-Цзо-Лин (будущий правитель Маньчжурии). Спустя 24 года он выступит против пекинского правительства и, заняв столицу, изгонит из нее войска генерала У-Пей-Фу.

Получив отказ генерала Ренненкампфа приостановить наступление, он попытался покончить жизнь самоубийством на манер японского харакири, но был удержан от этого рядом стоящими офицерами. Обливаясь слезами, он написал донесение генералу Шеу.

После его отъезда отряд приступил к переправе на лодках и плотах, лошадей перегнали вплавь. Закончив переправу, казаки Ренненкампфа двинулись в Цицикар, имея в своей колонне батарею С. Мехманд арева и полубатарею А.А. Шихлинского.

Не доходя 30 верст до города, отряд встретил парламентера от Цицикарского дзянь-дзюня Шеу с предложением о сдаче города без кровопролития. Сам дзянь-дзюнь сдаться не пожелал, покончив с собой по обычаям китайской элиты — проглотил золото. По другой версии, Шеу, приняв шлиховое (измельченное или «намытое» в речном течении. — *Примеч. ред.*) золото, лег в гроб и попросил своего адъютанта выстрелить в него, что тот сделал неумело, и дзянь-дзюнь остался живым. Тогда сын Шеу

выхватил у него винтовку и выстрелил в сердце своему отцу. Во всяком случае, труп Шеу куда-то исчез, и, как его ни искали, так и не нашли. Оставшиеся в Цицикаре китайские чиновники доложили, что гроб с телом Шеу вывезен из города на четырехколесной телеге. Эту телегу встретил разъезд 1-го Нерчинского полка хорунжего Селинского. Сопровождавшие ее 40 китайских всадников допустили казаков к гробу, но вскрыть и удостовериться, что это именно Шеу, не позволили. Об этой встрече хорунжий Селинский доложил только на другой день. Посланный повторно с 50 казаками на розыски, хорунжий Селинский ничего уже не нашел. Ходили слухи, что смерть Шеу — вымысел и он якобы ушел в Монголию, но потом выяснилось, что тело Шеу тогда же было доставлено в его деревню Бейцыфу, в 40—50 верстах к западу от Бодунэ.

Казаки захватили в Цицикаре богатые трофеи: 78 орудий, многие из которых новейших систем, склады оружия и боеприпасов, запасы фуража и продовольствия. В казначействе города конфисковали 476 пудов серебра в виде пятифунтовых слитков — «ямбов». Кроме того, там же находились китайские серебряные монеты на сумму 14 675 рублей.

Оставив в городе полусотню 3-й сотни 1-го Нерчинского полка, 4-ю сотню амурцев и подошедшую пехоту, отряд пошел на соединение с отрядом генерал-майора Орлова, но, узнав, что Хайларский отряд уже подходит к Цицикару, вернулся обратно.

24 августа отряд генерала Ренненкампфа выступил на Бодунэ. В деревне Туджан, находящейся от Цицикара в 37 верстах, к отряду присоединились три сотни 3-го Верхнеудинского полка и 2-я Забайкальская казачья батарея из отряда генерала Орлова.

Утром 25 августа отряд казаков из трех сотен под командованием подполковника Павлова выступил в качестве передового отряда к месту слияния рек Нонни и Сунгари. За два дня было пройдено 180 верст.

Вслед за ним двинулись главные силы отряда Ренненкампфа, которые к 5 сентября достигли города Бодунэ, выслав к городу Гирину офицерские разъезды (так назывались в Русской армии разъезды под началом офицера; обычно разъездом командовал урядник (унтер-офицер). — *Примеч. ред.*).

8 сентября «летучий» отряд подполковника Павлова в составе 2-й и 3-й сотен 1-го Нерчинского полка и 6-й сотни амурцев с двумя орудиями 2-й Забайкальской казачьей батареи занял город Куанчензы (Гуанчензы).

9 сентября 2-я сотня 1-го Нерчинского полка и 6-я сотня Амурского полка под командованием генерала Ренненкампфа выступили к городу Гирину.

На Дагушан была отправлена полусотня 3-й сотни нерчинцев, куда следом за ней направились главные силы отряда Ренненкампфа.

10 сентября три сотни генерала Ренненкампфа вошли в Гирин, занятый к этому времени разъездом приморских драгун из Никольского отряда.

15 сентября, оставив одну сотню в Гирине для охраны монетного двора и арсенала, генерал Ренненкампф прибыл в Дагушан.

После трехдневного отдыха генерал Ренненкампф с 1-й сотней нерчинцев и 4-й сотней амурцев при одном орудии 2-й Забайкальской казачьей батареи выступил для занятия городов Телина и Мукдена.

5. Экспедиция генерала Каульбарса против Хантенгю

13 октября 1900 года под общим командованием командира 2-го Сибирского армейского корпуса генерала А.В. Каульбарса из Гирина была направлена экспедиция, состоящая из двух отрядов. Первым командовал генерал Ренненкампф, вторым — генерал Фок.

К 13 октября отряд Ренненкампфа сосредоточился в деревне Шауньян (Шуньян), что в 100 верстах от города Гирина, на Мукденской дороге.

Утром 14 октября конная колонна в составе: 1-й, 2-й, 3-й сотен 1-го Нерчинского полка; 5-й, 6-й сотен Амурского полка; 2 орудий 2-й Забайкальской казачьей батареи во главе с генералом Ренненкампфом выступила по направлению на Манпашан, во владения князя Хантендю (Хантенгю), поддержавшего восстание «боксеров» и объединившего под свои знамена отступающие из Гирина и Хунчуна китайские регулярные войска и отряды ихэтуаней.

Целью экспедиции ставилось разгромить главные силы князя, соединиться в городе Куанкае (Гуанкае) с отрядом генерала Фока, наступавшего с севера из Гирина, и захватить золотые прииски, принадлежавшие Хантендю (Хантенгю).

Накануне похода прибыл штаб 1-го Нерчинского полка со знаменем и хором трубачей, которые также были включены в отряд. Обоз для облегчения не брали, только имели на каждую сотню по две двуколки для перевозки боеприпасов, продовольствия и раненых, запряженные тройками, чтобы на рыси не отставать от отряда.

В последний момент перед выходом два орудия, планировавшиеся для участия в экспедиции, были оставлены, о чем потом будут сожалеть начальник отряда и казаки.

Походный порядок колонны имел следующее построение: в полуверсте впереди — головная сотня нерчинцев, от которой был выслан дозор; командир отряда и штаб; сотня; хор нерчинских трубачей и знамя 1-го Нерчинского казачьего полка; две сотни; обоз (10 двуколок) и тыловая сотня амурцев, выславшая дозоры назад. Две сотни, следовавшие в центре походного порядка, выслали боковые дозоры: одна влево, другая вправо. Таким образом, построение походного порядка обеспечивало отраже-

ние внезапного нападения противника, а при необходимости и нанесения по нему быстрого удара. При каждой сотне имелось несколько заводных (запасных. — *Примеч. ред.*) лошадей.

Первый бой отряда произошел у деревни Удядзя, в 25 верстах от района сосредоточения. Многочисленная группа «боксеров» заняла позицию в 1,5 версты от деревни по берегу болотистой речки и в фанзах деревни, а с появлением дозора головной сотни китайцы открыли по нему огонь.

Выехав вперед, к передовой сотне, генерал Ренненкампф приказал 1-й, 2-й, 3-й сотням 1-го Нерчинского полка атаковать противника с фронта, а 5-й, 6-й сотням Амурского полка зайти слева и атаковать противника с фланга. Трубачи подали сигнал: «Атака!» С гиканьем и свистом, рассыпавшись в лаву, казаки бросились в атаку под ураганным огнем противника. 2-я сотня нерчинцев, выскочив на бугор в центре боевого порядка, приостановила движение. Заметив это, подполковник Павлов стремительно вырвался вперед и увлек за собой казаков, которые яростно врубились в ряды китайцев, обратив их в бегство.

Спасаясь от казачьих шашек, зажатые между 2-й сотней и правофланговой сотней нерчинцев, «боксеры» хлынули в образовавшуюся между ними брешь в 200 шагов.

На пути 100—150 пеших китайцев, вооруженных мечами, копьями, винтовками и обезумевших от ужаса, кроме хора трубачей, охранявших знамя Нерчинского полка, командира отряда и его вестовых, никого не было.

Положение создалось критическое. Командир 1-го Нерчинского полка, войсковой старшина Вотинцев, оказавшийся рядом с хором трубачей, подал команду: «Трубачи, шашки вон, в атаку вперед!» Бросив на землю трубы и выхватив шашки, трубачи лихо атаковали превосходящего противника. Повели трубачей, на долю которых редко выпадают такие случаи, в атаку сотник Гучков и капельмейстер Скрипкин.

Вестовые спешились в готовности открыть огонь из винтовок, если «боксерам» удастся все же прорваться к знамени. Рубили трубачи беспощадно. Истребив прорвавшихся, они бросились на помощь сражающимся впереди сотням, выручив по пути из болота хорунжих князя Магалова и Верхопрахова, которые из последних сил отбивались от окруживших их китайцев.

Преследование продолжалось верст 5—6. К 12 часам бой закончился. Груды тел убитых, обезображенных ударами шашек, покрыли все пространство вокруг деревни. Только вдоль дороги, где пронесся правый фланг 2-й сотни нерчинцев, лежало более 30 трупов. Впоследствии стало известно от самих китайцев, что в этом бою они потеряли только убитыми 500 человек. Захвачена была масса мечей, копий, пик, ружей различных систем, значков и знамен. В Нерчинском полку был убит один казак и девять ранено, а также погибло 20 лошадей. Среди раненых оказались и

два трубача. За эту атаку все трубачи 1-го Нерчинского полка были награждены Знаком Отличия Военного ордена 4-й степени.

Отойдя на восемь верст от места первого боя, «боксеры» заняли новую позицию у деревни Дудахэ, где оказали упорное сопротивление отряду. На этот раз бой принял затяжной характер, так как противник сражался храбро и самоотверженно. Оставшиеся в живых снова собирались в отряды, смело нападали на казаков, гибли сотнями под ударами шашек, но не прекращали сопротивление. В конечном итоге они были все же разгромлены.

Захваченные пленные показали, что в 18 верстах впереди, около города Янтушан, сосредоточилось много китайских солдат правительственных войск, чтобы не допустить дальнейшего продвижения русских войск вглубь провинции.

Переночевав на отдельном хуторе, не снимая снаряжения и оружия, отряд утром 16 октября выступил к Янтушану. Вскоре под городом произошел бой — по своему напряжению упорнее, чем 15 октября.

Правильный выбор позиции, грамотное распределение сил, умелое командование говорили о том, что китайскими войсками руководят опытные начальники. В тяжелых условиях, под перекрестным огнем, действуя где в конном строю, а где в пешем, казаки шашкой и винтовочным огнем проложили себе дорогу. Противник отступил в горы, ведя беспорядочную стрельбу. Преследовать их казаки не стали, так как это было бесполезно. Несмотря на сильный огонь, большого вреда он отряду не причинил: как стрелки китайские солдаты были неважные.

После боя отряд заночевал в 15—16 верстах от города Манпашан. При движении к месту ночлега отряд постоянно подвергался обстрелу из засад, во время одной из них погиб казак 2-й сотни 1-го Нерчинского полка Намаконов и один казак был ранен.

17 октября отряд выступил, имея в голове колонны 3-ю сотню нерчинцев, под командованием подъесаула Грекова. Эта сотня в предыдущих боях потеряла почти всех урядников. В полуверсте от нее следовала Амурская сотня, за которой двигался генерал со свитой, затем шли остальные сотни. На протяжении 8 верст маршрут проходил по заболоченной местности и редколесью. Вскоре головная сотня была обстреляна с фанз деревни Шемилидзе и возвышенностей вокруг города. На помощь нерчинцам подошла 5-я Амурская сотня. Построенные в лаву казаки двух сотен с криком «ура!» бросились в атаку под сильным огнем противника.

Показания пленных подтвердились. И на этот раз противником оказались регулярные китайские части, вооруженные исключительно маузеровскими винтовками. У каждого солдата в трех патронташах имелось по 270 патронов. Несмотря на современные американские винтовки, форма одежды маньчжурских солдат не отличалась от средневековой,

когда на вооружении было только холодное оружие. «Секрет» цвета «хаки» им еще не был известен, как, кстати, и в Русской армии тоже. Форма одежды русских солдат и казаков летом представляла собой белую гимнастерку и шаровары темного цвета. Маньчжурское войско из-за разноцветных курток солдат, всевозможных цветных повязок больше походило на опереточную карнавальную толпу, чем на регулярную армию. Так, летний головной убор солдат представлял собой соломенную, окрашенную в красный цвет, с широкими полями шляпу. На тулье ее имелась черная лента, концы которой, завязанные бантом, спускались сзади, форменная куртка-безрукавка — красного или синего цвета с цветной обшивкой. Сапоги матерчатые, с украшениями, на толстой войлочной подошве. На груди и спине у солдат имелись белые круги из промасленной материи. На них черными иероглифами написано, к какой части он принадлежит (что-то вроде обозначений на погонах в Русской армии). Кроме того, у солдат имелся зонтик из промасленной красной материи для защиты от дождя и жарких лучей солнца, веер и мухоотгонялка — конский хвост на палочке. Солдаты носили косу, подбираемую и свернутую в узел под шляпу или повойник. До 40 лет брили бороду и усы (это обычай возрастной идентификации; актуален и для современных китайцев. — *Примеч. ред.*). Издали их можно было принять за женщин, что здорово веселило казаков.

Среднее командное звено имело в качестве головного убора такую же шляпу или повойник, как и рядовой состав, но куртка отличалась от солдатской и была сделана из малинового полубархата. Вооружены они были револьверами.

Офицеры были одеты не менее красочно. Они носили шапки с цветными стеклянными шариками и павлиньим пером. Кроме револьвера, офицеры в обязательном порядке имели саблю или меч.

На поле боя эти красочные солдаты и офицеры представляли собой хорошо видимую мишень, которую легко можно было наблюдать и поражать на большом расстоянии.

С завязкой боя у города Манпашан китайские офицеры на белых лошадях в ярко-цветной одежде действовали решительно и смело, отдавая распоряжения на глазах у казаков. Двое оказались настолько храбры, что выдвинулись далеко вперед от цепи своих солдат. Несколько казаков бросились к ним, пытаясь захватить их в плен. Урядник 3-й сотни нерчинцев Зимин на скаку бросился на спину одного из офицеров (перескочил на коня врага — прием джигитовки. — *Примеч. ред.*), и оба с лошади свалились на землю. Однако град пуль, обрушившийся на казаков, смертельно ранил китайского офицера. Другого офицера снял метким выстрелом хорунжий Вертопрахов.

В бой были введены остальные казачьи сотни, под воздействием которых китайцы стали отходить. Преследование длилось недолго, 4—5 верст.

По сигналу «Отбой» сотни стали собираться на дороге в Манпашан, который виднелся вдали.

Казаки выстроились в походный порядок и двинулись к городу. В голове колонны шла 1-я сотня нерчинцев, затем штаб, 6-я, 2-я, 5-я сотни, обоз, заполненный ранеными, замыкала колонну 3-я сотня. Не успели пройти всей колонной и двух верст, как попали под мощный огонь китайских стрелковых цепей, занявших позиции на окраине города. Казаки спешились и тоже рассыпались в цепь: 1-я и 2-я сотни нерчинцев и 6-я сотня амурцев — вправо от дороги, а 5-я сотня амурцев — влево. Правым участком командовал есаул Пешков, левым — подполковник Павлов. В резерве и для охраны знамени, раненых, коноводов осталась 3-я сотня.

На правый фланг выслан был разъезд под командой сотника Кабанова, на левый — поручика Арсеньева.

Казаки наступали быстро, заставив китайскую пехоту отступить в горы. С крепостной стены города по наступавшим казачьим цепям был открыт сильный огонь. Стали поступать сведения, что противник покидает город через ворота с противоположной стороны, а отошедшие в горы китайские солдаты собираются в большие отряды. Есаул Пешков доложил командиру отряда, что невозможно взломать крепостные ворота, так как не хватает людей, чтобы таранить их, и стрелков, чтобы прикрыть своим огнем товарищей, пытающихся толстыми бревнами на веревках разрушить ворота. В это же время разъезды донесли, что масса китайцев спускается с окрестных гор.

Под ураганным огнем пришлось отступить от крепости, оставив двух убитых. По лянзовым знаменам удалось установить, что китайцев не менее 6 тысяч, и неизвестно, сколько их в окрестностях города.

По существовавшей тогда организации маньчжурской армии самое маленькое подразделение — джеляля — насчитывало 48 человек, два джеляля составляли ниру — 96 человек; пять джелялей объединялись в инцзун, т.е. 240 человек; а пять инцзу формировали лянзу — 1200 солдат.

Каждое подразделение в зависимости от своего состава имело соответствующей величины знамя и медные раздвижные трубы (составные сигнальные музыкальные инструменты. — *Примеч. ред.*).

Лянзовое знамя представляло собой огромное желтое полотнище из шелка с вышитыми на нем иероглифами и драконами. Таким образом, против казаков готовились перейти в наступление пять лянз регулярных правительственных войск и не поддающееся учету количество ихэтуаней, находившихся в крепости и вокруг нее. Можно было бы попытаться прорваться, но тогда на произвол врага остались бы раненые. Исходя из этого было принято решение генералом Ренненкампфом занять круговую оборону и дождаться ночи.

К 11 часам утра все сотни собрались в небольшой, поросшей лесом котловине, едва уместившись в ней. Вышедшие из города войска и отряды ихэтуаней к 14 часам полностью сомкнули кольцо окружения.

На исходе были патроны, поэтому приказано стрелять только залпами и тогда, когда противник приблизится на 300 шагов.

Положение создалось критическое. Китайцы готовились разгромить окруженный отряд. Переводчики слышали и переводили крики китайцев, призывавших своих товарищей броситься на отряд и уничтожить его. Одна группа солдат в 50 человек, распаленная патриотическими призывами, бросилась в атаку, но была расстреляна двумя залпами казаков с 80—100 шагов. На месте осталось 47 убитых. То и дело поступали доклады о подходе все новых и новых китайских лянз с юга и масс «боксеров» с севера. Из крепости к ближайшим городским фанзам перебрались сотни вооруженных людей. Судя по знаменам, отряд был окружен тысячами китайцев. Захваченные казаками пленные показали, что в городе много войск и командует ими полковник Матулин, пришедший к Хантенгю из Южной Маньчжурии с 1500 хорошими солдатами (по-видимому, гвардейцами). Пушек нет, но за ними послали в город Хайчетон, в 40 верстах от Манпашана, где сосредоточиваются еще 8 тысяч солдат.

Генерал Ренненкампф в этих тяжелейших условиях отказался от дальнейшего продвижения на соединение с отрядом Фока и думал уже о том, как спасти от уничтожения отряд. Мало патронов, много раненых, да и войска под командованием Хантенгю, по-видимому, сосредоточены между двумя отрядами. Временно исполняющий обязанности командира 1-го Нерчинского полка войсковой старшина Д. Вотинцев вспоминал потом, что в личной с ним беседе генерал полушутя-полусерьезно предложил сжечь в последнюю минуту боя, когда победа противника будет близка, знамя, а потом застрелиться. То, что пришел конец и что из окружения не вырваться, понимали все. Остались только чувство долга и желание подороже отдать свою жизнь.

Казаки залегли на краю котлована, ведя редкий огонь наверняка по осмелившимся приблизиться китайским храбрецам. Раненые казаки показывали пример терпения и выносливости при ранениях, оставаясь в цепи. Все приготовились к смерти, но паники и уныния не было. Офицеры, подбадривая казаков, проявляли под огнем излишнюю браваду, что вынудило подполковника Павлова отдать приказ: «Лечь и без нужды не вставать».

К вечеру начался дождь, потом он перешел в снег, раненые стали замерзать. Огонь противника значительно ослаб.

Спасение пришло неожиданно и с той стороны, откуда даже предположить было трудно. Спасителем оказался китайский монах, который скрытно пробрался в окруженный отряд и пообещал вывести русских известной ему дорогой. На вопрос, почему он это делает, китаец ответил, что, спасая русский отряд от неминуемой гибели, он спасает и китайцев, которых погибнет во много раз больше, прежде чем они перебьют всех казаков.

Доверившись ему и даже не зная имени своего спасителя, разместив раненых на двуколках и лошадях, отряд, соблюдая тишину, выступил за проводником. В прикрытии осталась 6-я сотня амурцев, усиленная взводом казаков 1-й сотни нерчинцев.

Приказ на отступление был краток: 5-я сотня — в голове колонны, затем штаб, знамя, трубачи, 3-я сотня, обоз раненых, 2-я сотня, 1-я сотня; соблюдать тишину, беречь раненых, в случае нападения — раненых в середину колонны; фланги охраняют 2-я и 1-я сотни нерчинцев; от колонны не отставать; стремиться вперед, беречь патроны, работать в случае прорыва больше шашками. Были назначены заместители начальника отряда в случае его гибели.

Когда стемнело, выступили, и в 5 верстах от Манпашана вышли на дорогу. «Боксеры» и китайские солдаты, утомленные дневным боем и попрятавшиеся от холода по фанзам в городе, в лесу и оврагах, не обнаружили отход отряда. «Бог и добрый человек, — говорили казаки, — спасли отряд от полного уничтожения». Потери отряда за три дня непрерывных боев и стычек составили 5 человек убитыми и 32 ранеными. Некоторые из тяжелораненых умерли потом в Гиринском госпитале, не выдержав муки нечеловеческих страданий от тряски на двуколках, другие остались калеками. Из офицеров погибших и раненых, к удивлению, не было, хотя они все время были впереди. На обратном пути отряд обстреливался из засад, но потерь при этом не понес. Только однажды чуть не погиб подполковник Павлов, обстрелянный из придорожных кустов двумя ихэтуанями. Вестовой при генерале Ренненкампфе, Георгиевский кавалер, приказный 2-й сотни 1-го Нерчинского полка Юдин, быстро соскочив с лошади, двумя меткими выстрелами уничтожил нападавших.

К этому времени отряд генерала Фока, выступивший из Гирина 16 октября против отрядов Хантенгю, подошел к перевалу Магехелин, выводящему к резиденции Хантенгю — городу Таниза. Впереди колонны главных сил следовала 2-я сотня 1-го Читинского полка, вошедшая в состав отряда 12 октября в Гирине. При подходе 21 октября к перевалу сотня была обстреляна.

Дозор урядника Самохвалова из 4 казаков спешился, занял укрытие и открыл залповый огонь по китайцам, заставив их отступить на вершину горы к главным силам. Этим воспользовался взвод походной заставы, который немедленно занял перевал и обеспечил проход по нему главных сил отряда.

Выйдя к городу Таниза, отряд Фока атаковал его, а потом сжег со всеми складами и припасами. Отряд Хантенгю был частью уничтожен, частью разбежался, 26 октября отряд вернулся в Гирин, где 2-я сотня 1-го Читинского полка оставалась до 13 ноября.

22 октября отряд Ренненкампфа прибыл в город Гирин, где командование 1-м Нерчинским полком принял вернувшийся из госпиталя его штатный командир полковник Котов.

«Летучему» отряду П.К. Ренненкампфа не удалось разгромить многочисленного противника в районе города Манпашана своими силами. Наличие крупных воинских формирований ихэтуаней и правительственных войск в Северной Маньчжурии заставило русское командование подготовить и провести еще одну операцию по их разгрому, сосредоточив для этого в Гирине большое количество войск.

Действия отряда генерала Ренненкампфа, несмотря на неудачу под Манпашаном, получили высокую оценку военного министра.

Докладывая царю 27 октября о более чем трехмесячном походе генерала Ренненкампфа, он отметил, что «казаки, руководимые Ренненкампфом, проявили высокое мужество как в атаке, так и в обороне».

13 ноября 1900 года под общим командованием командира 2-го Сибирского армейского корпуса генерала А.В. Каульбарса из Гирина была направлена вторая экспедиция против Хантенгю, состоящая из двух колонн.

Первая, под руководством генерала П.К. Ренненкампфа, в составе пехотного батальона, трех эскадронов драгун, 1-й, 2-й, 3-й сотен 1-го Нерчинского казачьего полка и десяти легких орудий сосредоточилась у города Шуаньяна на Мукденской дороге с задачей 14 ноября выступить через Яньтушань на город Манпашан.

Вторая колонна, под командованием генерала Фока, в составе семи рот пехоты, 2-й сотни 1-го Нерчинского полка при 10 легких орудиях выступила из Гирина 13 ноября по дороге на город Яньтушань, где обе колонны соединились 15 ноября.

От этого места до Манпашана оставалось верст 47 не занятого противником пространства. Отряды ихэтуаней отступили от Манпашана к городу Гуаньчаю.

16 ноября соединенный отряд генерала А.В. Каульбарса выступил из Яньтушаня на Манпашан, имея в авангарде три сотни забайкальских казаков 1-го Нерчинского полка, конно-охотничью (т.е. добровольческую. — *Примеч. ред.*) команду, взвод 2-й Забайкальской казачьей батареи (два орудия) и конно-горный артиллерийский взвод (два орудия). Командовал авангардом генерал Ренненкампф.

До города отряд Ренненкампфа шел переменным аллюром с полуторачасовой остановкой на полпути, и в 16 часов казаки были уже в Манпашане, «гнезде мятежников», которых там не оказалось. Представители администрации города заявили, что вооруженные отряды Хантенгю, Ли и других руководителей, восставших еще 14 ноября, бежали на юг и юго-восток.

Барон Каульбарс решил очистить долину реки Тумынь от ихэтуаней, направив основные усилия на захват и уничтожение мятежников в городе Гуаньгае.

18 ноября две сотни забайкальцев 1-го Нерчинского полка, одна сотня амурцев, два эскадрона драгун, охотничья команда стрелкового полка

и четыре орудия выступили под командованием Ренненкампфа на город Чаояньжень и потом, правым берегом Тумыни, на Гуаньгай. Остальные войска с генералом Фоком двинулись туда 19 ноября левым берегом Тумыни прямо из Манпашана.

Генерал Ренненкампф разделил свой отряд на две колонны. Левую, под начальством командира Амурского казачьего полка полковника Печенкина, в составе одной Амурской казачьей сотни, двух эскадронов драгун, артиллерийского взвода (2 орудия) 2-й Забайкальской казачьей артиллерийской батареи направил по дороге на город Чаояньжень с целью перекрыть дорогу на Гуаньгай и не дать противнику уйти на соединение со своими войсками в Гуаньгае. Сам генерал повел правую колонну из двух сотен забайкальцев, конно-охотничьей команды и конно-горного артиллерийского взвода напрямик через горы туда же, на Чаояньжень. Глубокий снег, частые речки, крутые подъемы и спуски, движение по промерзшей пахоте делали этот переход крайне тяжелым, особенно для артиллерии.

Казачьи разъезды донесли, что наблюдают огромные толпы восставших, уходящие из города двумя колоннами на восток и юг.

Дав команду установить на огневой позиции два орудия и выслав вперед в цепь охотничью команду, генерал стал наблюдать за действиями противника. Вскоре 1-я сотня нерчинцев была выслана вправо в обход города.

Из импани (импань — квартал города. — *Примеч. ред.*) по ней китайцы открыли огонь из винтовок, но после нескольких удачных попаданий снарядов артиллерийского взвода стрельба прекратилась.

В это время 1-я сотня нерчинцев, обойдя город, перестроилась в лаву и ударила во фланг отходящей толпы ихэтуаней, заставив ее повернуть на восток, т.е. прямо на колонну полковника Печенкина. Обнаружив, что они оказались зажаты с флангов, «боксеры» побежали в южном направлении. Генерал Ренненкампф принял решение на преследование отходящего противника, который за полчаса пробежал 6 верст.

Догнав бегущих и не доезжая до них 150 саженей, артиллерийский взвод с ходу развернулся на огневой позиции и открыл огонь.

3-я сотня нерчинцев под командой подъесаула Грекова стала обходить противника слева, а 1-я сотня пошла вправо, не давая противнику рассредоточиться по фронту. Первые ближние ряды ихэтуаней пытались оказать сопротивление, ведя беспорядочный огонь по казакам, а другие такой возможности не имели, так как не могли стрелять, будучи сдавленными со всех сторон бегущими. Два орудия, ведя беглый огонь шрапнелью, выкашивали целые ряды в толпе отступающего противника.

Преследуемые казаками, неся огромные потери, не оказывая никакого сопротивления, «боксеры» бросились в паническое бегство. Разгром был полный. На поле боя осталось до 300 убитых и несколько сот раненых.

В отряде Ренненкампфа ранены штабс-ротмистр граф Келлер, один амурский казак и два драгуна. Потери в конском составе также были невелики: пять лошадей ранены и пять убиты.

Преследование противника продолжилось и на следующий день. По сообщениям разведки и местных жителей, восставшие отошли к Гуаньгаю. Небольшие подразделения противника в 30—40 человек, попадавшиеся на пути движения казаков, быстро уничтожались или рассеивались.

В ходе этой экспедиции 2-я сотня 1-го Читинского полка вела разведку и поддерживала связь между отрядами генерала Ренненкампфа и Фока, делая зачастую переходы в 65 верст. 17 декабря сотня находилась в Гирине, а потом выступила в Мукден, вступив в состав войск Южно-Маньчжурского отряда.

Основные силы ихэтуаней, численностью до 6 тысяч человек, под командованием заместителя Хантенгю, Люхоодзы, отошли на реку Катунхэ. Сам Хантенгю в это время был в Гирине с повинной и сдавал оружие.

На обратном пути из Гуаньчая в Гирин русские войска очищали местность от оставшихся ихэтуаней и шаек хунхузов.

В начале декабря 1900 года войска сосредоточились в Гирине.

6. Действия русских войск в Юго-Восточной Маньчжурии

Одновременно с Хайларским и Благовещенским отрядами в Юго-Восточной Маньчжурии действовали два других отряда: один на Хунчунском направлении, для занятия города Хунчун, другой — в направлении Нингута-Омосо. Руководство обоими отрядами осуществлял генерал-майор Айгустов.

Первый, Новокиевский, или Хунчунский, в своем составе имел 15-й, 16-й и 5-й Восточно-Сибирские стрелковые полки, одну мортирную батарею (4 орудия) и одну нештатную полевую батарею (6 орудий). Кавалерия отряда состояла из 6-й сотни 1-го Читинского казачьего полка и 2-й сотни Уссурийского казачьего полка.

На рассвете 17 июля отряд перешел русско-китайскую границу у кумирни, рядом с деревней Новой, в 25 верстах от китайского города Хунчун.

Авангард отряда — стрелковый полк и вся кавалерия под командованием полковника Орлова — атаковал на границе китайский караул и после короткого боя заставил его отойти.

Казаки 6-й сотни под командованием есаула Перфильева наступали впереди главных сил авангарда, имея на главной дороге разъезд хорунже-

го Сараева, а на обходной дороге, выводящей в тыл караула, разъезд хорунжего Шильникова. При атаке китайского караула погиб хорунжий Епифанцев.

Овладев караулом, казаки преследовали отходящего противника до фортов крепости, находящейся в 4 верстах от разгромленного караула. Крепость состояла из двух фортов, которые именовались Северный и Южный. На бастионах этих фортов были установлены мощные крупповские орудия большого калибра, открывшие огонь сразу после перехода русскими войсками границы. Артиллерия отряда, несмотря на свою малочисленность, стала вести энергично ответный огонь.

Подойдя к валу, соединяющему оба форта, казаки Шильникова развернулись в лаву и под непрерывным ружейным огнем нескольких сот китайцев, повернув вправо, рысью пошли вдоль этого вала на соединение со своей сотней.

Забайкальские и уссурийские казаки, спешившись и рассыпавшись в цепь, атаковали Южный форт, отвлекая своими демонстративными действиями внимание противника от 16-го стрелкового полка, штурмовавшего Северный форт. Сотня казаков так досадила китайцам, обороняющим Южный форт, что против нее неоднократно предпринимались вылазки, но каждый раз контратакующий противник отбрасывался огнем казачьих винтовок назад, в крепость. Так продолжалось в течение всего дня. Под есаулом Перфильевым было убито две лошади. Только один раз он обратился за помощью к начальнику отряда, когда густая тройная волна атакующих китайцев готова была захлестнуть три малочисленных взвода казаков. Просьба осталась без ответа, и казакам Перфильева вместе с уссурийцами князя Кекуатова пришлось отбивать и эту атаку. Понеся большие потери, участвующий в вылазке китайский отряд вынужден был отойти в крепость.

Пока казаки сражались, за их спиной спокойно стоял 15-й Восточно-Сибирский полк и скрытая в кустах батарея конно-горных пушек.

После нескольких атак сибирских стрелков сильно укрепленная крепость к 14 часам 17 июля была взята штурмом. В качестве трофеев в фортах крепости русским достались крупповские орудия большого калибра и 500 снарядов к ним, несколько скорострельных пушек Гочкиса, много винтовок и боеприпасов. Захвачен был в сохранности и склад с продовольствием.

После крепости отряду предстояло взять сильно укрепленный город Хунчун, находившийся на другом берегу реки Хунчун, ширина которой в месте переправы доходила до 300 шагов. Эту переправу (три брода) обнаружил 1-й взвод 6-й сотни.

Казаки хорунжего Сараева вывели к бродам мортирную батарею, 5-й и 16-й Восточно-Сибирские стрелковые полки и обеспечили их переправу. Во время самой переправы казаки спасли несколько тонувших сибирских стрелков.

Преодолев реку по бродам, стрелки 5-го полка пошли на штурм городской стены и к 18 часам ворвались в город, оставленный 5,5-тысячным хорошо вооруженным гарнизоном китайских солдат регулярной армии почти без боя.

Взвод хорунжего Шильникова, обойдя через Хунчун, вышел на пути отступления противника, поспешно отходящего на Нингуту. Преследуемые казаками, неся большие потери, китайские солдаты отступили. Казачий разъезд хорунжего Сараева отбил у отходящего противника два орудия. Преследование велось недалеко, так как казаки, измученные 15-часовым боем, нуждались в отдыхе. Выносливые, но некормленные в течение дня казачьи кони еле передвигали ноги.

Успех был бы куда значительнее, если бы генерал Айгустов правильно распорядился конницей: не заставлял бы ее штурмовать крепость, предоставив эту задачу пехоте, а с началом отхода противника бросил ее на преследование и завершение разгрома деморализованного поражением противника.

С выполнением задачи Хунчунский отряд был расформирован.

Никольский отряд, нацеленный для занятия городов Нингута и Омосо, был сформирован в Никольск-Уссурийске и состоял из 13-го, 14-го, 19-го Восточно-Сибирских стрелковых полков, нештатной артиллерийской батареи, четырех эскадронов приморских драгун, 12-й сотни охранной стражи, 2-й сотни 1-го Читинского и 4-й сотни 1-го Нерчинского полков Забайкальского казачьего войска.

4-я сотня 1-го Нерчинского полка после объявления мобилизации 12 июня, кроме задачи по охране границы на участке от Турьего рога до поселка Софье-Алексеевского, стала нести разведывательную службу, наблюдая за китайскими подразделениями, выходящими к русской границе. Два из таких отрядов китайских солдат появились между станицей Гродково и Пограничной 25 июня, а 26 июня уже несколько небольших отрядов подошли к станции Пограничная. Казачьи разъезды разогнали эти отряды, а перешедших границу восемь китайских солдат захватили в плен. Сторожевая служба сотни продолжалась до 16 июля, после чего она была переведена в станицу Платоново-Александровку, где к ней присоединились 35 казаков 6-й сотни 1-го Нерчинского полка под командованием есаула Кондратова.

19 июля, совершив 120-верстный марш, сводная сотня прибыла в поселок Софье-Алексеевский и получила задачу убыть для ликвидации китайских постов на границе, а после ее выполнения рассеять отряды ихэтуаней в долине реки Мурень.

Первое вооруженное столкновение казаков произошло у деревни Зарада. Сотня атаковала обстреливший ее китайский отряд, зарубив в бою 26 солдат противника, а деревню вместе с вещевым складом сожгла.

Из-за разлива реки Мурень двигаться дальше казаки не могли, поэтому, повернув на озеро Ханко, через четыре дня были на станции Гродеко-

во, а 31 июля на станции Пограничной для погрузки в вагоны и отправки по железной дороге в конечный пункт назначения станции Мурень для присоединения к Никольскому отряду. В отряд 4-я сотня прибыла 4 августа, а полусотня 6-й сотни 1-го Нерчинского полка присоединилась к своей сотне в станице Полтавка и приступила к несению пограничной службы.

В конце июля, вернее, во второй его половине, к крепости Эхо был выслан передовой отряд от Никольского отряда под руководством генерал-майора Чичагова, который занял позиции на высотах к югу от станции Мудадзян, около дороги на Нингуту.

23 июля в состав передового отряда вошла 2-я сотня 1-го Читинского полка, прибывшая на станцию Мурень из Никольска.

28 июля 1900 г. в 9.30 утра большой китайский отряд с 4 орудиями и 4 сотнями кавалерии, посланный из Нингуты, начал наступление на отряд генерала Чичагова, но атака была отбита, и китайцы отступили.

Спешенная 2-я сотня читинцев оборонялась на левом фланге боевого порядка отряда и отразила попытку противника обойти отряд слева.

29 июля сотня в ходе разведки на Нингуту атаковала лавой до 200 китайцев, устроивших засаду на Сансинской дороге. Десятки солдат противника были изрублены, другие разбежались. Ежедневно сотня вела разведку, участвуя в мелких стычках с противником.

С переходом в наступление главных сил Никольского отряда забайкальские казаки вместе с приморскими драгунами действовали впереди стрелковых полков в качестве передового «летучего» отряда.

Разрозненные группы китайских солдат и ихэтуаней быстро отходили, практически не оказывая сопротивления.

Вездесущие казаки все время находились в голове колонны передового отряда, вели разведку, осуществляли походное охранение на марше и сторожевое на привалах, доставляли донесения и обеспечивали связь с главными силами.

Никольский отряд успешно продвигался на Нингуту без развертывания для боя главных сил. Казаки и драгуны решали поставленные задачи своими силами.

Однако по мере приближения русских к городу сопротивление противника стало усиливаться. Небольшие отряды китайских солдат и ихэтуаней устраивали засады, внезапно обстреливали колонну передового отряда. Казачьи дозоры подвергались нападению банд хунхузов (бандиты. — *Примеч. ред.*), которые выдавали себя за восставших, чем обеспечивали себе поддержку населения.

При прохождении сотен и эскадронов через деревни из любой фанзы мог раздаться выстрел, опасность поджидала у мостов через речки и на бродах, в оврагах и с опушек леса. Количество людей в китайских отрядах быстро увеличивалось. Китайские солдаты и ихэтуани заставляли жителей покидать деревни.

Все это говорило о том, что противник собирается с силами и готовится дать бой на переправах через реку Муданьцзян и на подступах к городу Нингута, важному стратегическому пункту провинции Хейлунцзян.

После взятия Нингуты открывался путь на Омосо, Гирин, Харбин, что позволило бы русским войскам, наступающим по сходящимся направлениям на Харбин и Цицикар, отрезать от остальной части Китая всю северо-восточную часть Маньчжурии и в короткие сроки ликвидировать восстание ихэтуаней в одной из самых больших провинций Поднебесной империи.

15 августа передовой отряд подошел к деревне Эхо, где, по данным разведки, находилось до 2,5 тысячи китайских солдат.

Дозоры действующей впереди 2-й сотни читинцев были встречены ружейным огнем с китайских сторожевых постов.

С подходом главных сил Никольского отряда казаки и драгуны, составлявшие кавалерию отряда, под командованием полковника Познанского (командир драгун) были посланы в обход деревни на пути возможного отступления противника.

При подходе 4-й сотни к деревне Хуншиха она была обстреляна из орудий. Сотня повернула на выстрелы и на рыси помчалась к китайским позициям. Противник, не приняв боя, бежал на переправу через реку Муданьцзян. Казаки захватили 3 брошенных орудия и вышли к переправе.

На следующий день вся кавалерия отряда, без 2-й полусотни 4-й сотни, со взводом орудий конно-горной нештатной батареи переправилась на другой берег.

2-я сотня, действуя впереди, 16 августа прорвалась с боем через китайские заслоны и под ураганным огнем противника атаковала лавой его пехоту и артиллерийскую батарею, заставив их бросить свои позиции и отступить к Нингуте.

Ворвавшись в город, казаки вырубили караул у порохового склада, не дав взорвать его. Не став углубляться в город, сотня обошла его и, уничтожив несколько групп отставших китайских солдат, захватила 4 орудия и снаряды к ним.

Продолжая наступление, 2-я сотня настигла транспорт с порохом и уничтожила его.

Дозор урядника Путинцева из трех человек смело атаковал китайскую засаду, состоявшую из 30 человек.

За головной сотней казаки и драгуны двинулись к Нингуте, 5-тысячный гарнизон которого оставил его без боя. В качестве трофея русским достался арсенал и пороховой склад.

18 августа в составе летучего отряда 2-я сотня 1-го Читинского полка заняла город Омосо. Разъезд хорунжего Лепехина в 24 верстах от Омосо сначала атаковал засаду китайцев, а затем и бивак, где расположилось более 20 человек. Заняв Омосо, «летучий» отряд стал дожидаться подхода главных сил отряда.

С 16 по 25 августа казаки несли службу на сторожевых постах вокруг города.

25 августа главные силы отряда генерала Айгустова выступили на Омосо. 4-я сотня 1-го Нерчинского полка осталась в городе, организовав посты летучей почты до деревни Салиджан. Казаки на этих постах постоянно подвергались нападению шаек хунхузов и ихэтуаней. После ее смены с постов летучей почты до 25 декабря 4-я сотня использовалась для ведения разведки и преследования отрядов китайцев, участвовала в поиске к городу Тунгенчин, ставшему базой для отрядов ихэтуаней и отошедших от Нингуты солдат регулярной китайской армии.

6 сентября в состав отряда Айгустова вошел 1-й Аргунский полк. Две его сотни, 1-я и 2-я, расположились в Никольске для несения охранной службы на границе, 5-я и 6-я сотни убыли с главными силами генерала Айгустова на Омосо, а 3-я и 4-я сотни остались в Нингуте.

9 сентября к городу Тунгенчину, находящемуся в 40 верстах к юго-западу от Нингуты, был отправлен отряд под командованием капитана генерального штаба Мельгунова в составе одной сотни охранной стражи и двух стрелковых рот.

Китайцы упорно обороняли город с запасами продовольствия, вооружения и боеприпасов. Отряд Мельгунова потерял 2 офицеров и 23 солдата, но так и не смог его взять.

10 сентября полторы сотни 1-го Амурского полка, 4-я сотня 1-го Нерчинского полка, две стрелковые роты и два горных орудия убыли на помощь отряду капитана Мельгунова. В этот же день гарнизон города, состоявший из 600 солдат и нескольких отрядов ихэтуаней, был разгромлен. Отряд вернулся в Нингуту.

Несмотря на то что главные силы противника у Тунгенчина были разгромлены, многочисленные банды хунхузов и отрядов ихэтуаней бродили в этом районе.

8 декабря 4-я сотня 1-го Нерчинского полка потеряла сотника Сладкова, убитого хунхузами на постоялом дворе недалеко от города.

26 января 1901 года 4-я сотня 1-го Нерчинского полка присоединилась к своему полку в городе Телине.

6-я сотня 1-го Аргунского полка после занятия в составе главных сил Никольского отряда города Омосо была выслана для связи между Омосо и Хунчуном. На Харбалинском перевале атаковала и разгромила 2,5-тысячный отряд деморализованных китайских войск, отбив у них 6 знамен и 6 орудий.

10 апреля 1901 года одна сотня 1-го Аргунского полка сменила в Санчагоу 6-ю сотню 1-го Нерчинского полка, находившуюся там с 18 сентября 1900 года для борьбы с хунхузами. После смены она убыла к своему полку в Мукден.

Таким образом, Никольский отряд выполнил свою задачу. Действиями трех русских отрядов в Северной Маньчжурии сопротивление частей китайской армии и восстание ихэтуаней было подавлено.

7. Оборона Тяньцзиня и взятие Пекина

На восьмые сутки после начала боевых действий Никольского отряда казаки 1-й, 3-й, 4-й сотен 1-го Читинского полка, находившиеся в лагере под городом Никольск-Уссурийск, на пароходе добровольческого русского флота «Нижний Новгород» были перевезены во Владивосток, а потом в Дагу (Таку) в распоряжение вице-адмирала Алексеева.

По прибытии в Дагу (Таку) 3-я и 4-я сотни читинцев вошли в отряд генерала Стесселя, действовавшего на Печели, и сменили в Шанхайгуане 2-ю сотню 1-го Верхнеудинского полка, ушедшую в Порт-Артур, а 1-я сотня на пароходе «Орел» была отправлена в Порт-Артур, откуда выступила для разведки и охраны морского побережья.

Во время разведки противника в окрестностях Дагушаня и Сюяна у деревни Лидзоухэ 1-я сотня читинцев подверглась нападению большого отряда ихэтуаней, которые, воспользовавшись темнотой и гаоляновым полем, бесшумно подкрались к биваку сотни. Часовой обнаружил их, когда они подошли на близкое расстояние, и выстрелом поднял тревогу.

Несколько дружных залпов заставили ихэтуаней отказаться от атаки бивака, тогда они открыли сильный огонь по казакам, седлающим коней. Перестрелка продолжалась до утра. Окруженные с трех сторон, казаки с рассветом стали отходить по рисовому полю, залитому водой, к Бицзыво, преследуемые китайцами. В ночном бою и при отходе сотня потеряла убитыми одного офицера, трех казаков, 23 лошади, а 10 казаков и 3 лошади были ранены. Тела убитых казаков вынести не удалось из-за непрерывного сильного огня противника.

На этом боевая служба сотни закончилась.

В Бицзыво она приступила к несению пограничной службы и обеспечению работы офицеров генерального штаба, производивших топографическую съемку вдоль линии железной дороги от Мукдена до Синминтина и Телина.

Незадолго до прибытия читинских сотен в Дагу (Таку), после объявления совместной ноты иностранных держав цинскому правительству, корабли интервентов 30 мая собрались на рейде Дагу (Таку), в 25 верстах от берега. Вскоре с кораблей был высажен десант.

Русский отряд полковника Анисимова, состоявший из 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка с 4 орудиями, саперной роты и трех взводов 6-й сотни 1-го Верхнеудинского казачьего полка, прибыл из Порт-

Артура на канонерских лодках «Отважный», «Маньчжур», «Гремящий», крейсере «Дмитрий Донской» и броненосцах «Наварин», «Петропавловск». Всего в отряде насчитывалось 36 офицеров, 1750 солдат и казаков.

Командир 12-го Восточно-Сибирского полка, сформированного в Одессе и перевезенного в Порт-Артур, был заслуженный боевой офицер, награжденный Георгиевским крестом за то, что во время Русско-турецкой войны, 23 октября 1877 года, в бою под Деве-Боину, с 15 солдатами своей роты первым ворвался на высоту, занятую турками, и отбил два орудия. Полк еще называли Тигровым, так как в Порт-Артуре он размещался на Тигровом полуострове.

После высадки непосредственно у города Дагу (Таку), расположенного на берегу Байхэ (Пейхо), неподалеку от впадения ее в Джилийский (Печелийский) залив, отряд по железной дороге прибыл ночью в город Тяньцзинь, который также находился на берегу Байхэ (Пейхо), на равнинной местности, и был обнесен со всех сторон земляным валом.

Кроме того, город разделялся на две отличающиеся друг от друга части: европейскую и китайскую.

Китайская часть была застроена без плана — дома стояли скученно, улицы кривые и узкие, разъехаться можно только на главных улицах. Проулки и второстепенные улочки затрудняли движение даже для двух идущих рядом людей. Улицы грязные, загаженные нечистотами и отбросами. Эта часть города пересекалась каналами и извивающейся рекой Пейхо. Европейская часть города располагалась на его южной стороне и отличалась от китайской плановостью застроек, красивыми зданиями, прямыми улицами, чистотой, опрятностью, порядком и, в свою очередь, разделялась на концессии или сеттельменты в зависимости от национальности хозяев.

Казаки 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка размещались на берегу реки, рядом с французской концессией. Здесь к ней присоединился взвод этой сотни сотника Семенова, прибывший сюда ранее.

До прибытия в Тяньцзинь отряда полковника Анисимова в городе для обороны иностранных концессий находились следующие международные войска: русских — 25 казаков и 44 матроса под командой лейтенанта барона Каульбарса; около сотни англичан; 50 немцев; 35 итальянцев; 30 французов; 30 японцев и 25 американцев. У русских было 4 морские пушки малого калибра системы Баранова, у англичан — 2 полевых орудия и 2 морские скорострельные пушки, которые были установлены на железнодорожные платформы. У французов и немцев имелись пулеметы и десантные орудия малого калибра.

2 июня в 6 часов утра сотня казаков-верхнеудинцев, высланная на разведку, в 1,5 версты за городом встретилась с большими толпами ихэтуаней, приближающихся к Тяньцзиню. Вооружены они были копьями и мечами. Увидев казаков, не испугались, а угрожающе сомкнули свои

ряды. Не имея приказа стрелять в ихэтуаней, пока они не нападают, сотник Ловцов приказал отойти назад.

В этот же день восставшие сожгли католический собор, началась резня христиан. Ненависть ихэтуаней к миссионерам и христианской религии была так велика, что призывы к расправе над ними раздавались повсеместно. Почти в каждой прокламации ихэтуаней говорилось об истреблении миссионеров и местных христиан, о разрушении их храмов. В них видели восставшие причину своего нищенского существования и всех бед. Так, в одной из прокламаций утверждалось, что «пятый день этого месяца (какого — не указывается) избран для подавления христианской религии, сожжения всей церковной собственности и убийства всех миссионеров и обращенных китайцев». В другой прокламации говорилось: «...протестантство и католичество порочат наших святых, третируют государя и сановников Китая, угнетают простой народ, поэтому святые и простой народ охвачены гневом...», «если в каком-либо поселении еще остались христиане, их следует немедленно прогнать, а церкви и другие принадлежащие им здания испепелить». В этой же прокламации содержалась угроза всем тем, кто попытается спасать христиан: «Кто не будет повиноваться нашему указанию и сохранит в целости эти дома либо укроет местных христиан, того мы сурово покараем: предадим огню, чтобы пресечь подобные действия». В уставе ихэтуаней прямо писалось в первом пункте: «Ихэтуани, выполняя волю неба и почитая буддизм, убивают иностранцев и истребляют местных христиан, чтобы защитить государство...»; в пункте третьем: «...задержанного бандита христианина следует привести к алтарю, где показать, честный он человек или нет»; в пункте восемь объяснялось, что надо делать с имуществом «после расправы с бандитами-христианами». В песне ихэтуаней «Нет дождей» поется:

Нет дождей,
Земля сохнет —
Христианские церкви заслонили небо.
Вот расправимся с заморскими чертями —
Хлынет проливной дождь.

Призывы к уничтожению христианства перекликались с призывами, направленными на разгром всего, что создали европейцы на китайской земле. В своих прокламациях ихэтуани призывали: «Крушите железные дороги, вырывайте телеграфные столбы, немедля уничтожайте пароходы. Пусть трепещет от страха великая Франция, а англичане, американцы, немцы и русские навсегда утихомирятся! И когда иностранцы будут полностью разгромлены, Великие Цины обретут господство над всей страной».

Пока восставшие в своих прокламациях, песнях и лозунгах поддерживали правительство Маньчжурской императрицы Цин, но после ее

предательства дела ихэтуаней они будут взывать к восстановлению китайской династии Мин. Гнев ихэтуаней обрушится также на генералов, солдат и чиновников цинского правительства.

Это будет потом, а к периоду описываемых событий ихэтуани вместе с правительственными войсками окружили европейскую часть Тяньцзиня, обстреливали ее постоянно из орудий, убивали китайцев-христиан, сжигали деревни, жители которых не хотели примыкать к восставшим. Как и при любом восстании, к борцам за правое дело примыкали и шайки «черных ихэтуаней», т.е., попросту говоря, грабителей, которые, прикрываясь лозунгами ихэтуаней, грабили лавки, деревни, чинили беспорядки, убивали ради завладения имуществом богатых людей, обвиняя их в принадлежности к христианам.

Об этих мнимых ихэтуанях настоящие ихэтуани сложили песню, в которой объясняют разницу между ними:

У настоящих ихэтуаней справедливое сердце,
У лживых ихэтуаней лживое сердце.
Настоящие ихэтуани защищают Китай,
Лжеихэтуани думают о себе.
Настоящие ихэтуани убивают волосатых иностранцев,
Лжеихэтуани вступают в сговор с ними.
Настоящие ихэтуани готовы постоять за Китай,
Лжеихэтуани позорят Китай.

Понимая, какое значение может иметь вокзал города Тяньцзиня, «боксеры» непрерывно атаковали его, гибли сотнями под пулями союзников, но не прекращали атак. Им удалось поджечь несколько домов вокруг вокзала, но они так и не захватили его.

«Один из фанатиков с мечом в одной руке и с факелом в другой, простреленный в грудь, падал, но все продолжал совать свой факел в окно фанзы, заклеенное бумагой. Добитый штыком, он все-таки поджег постройку», — напишет потом в своих воспоминаниях командир 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковник Анисимов.

Полковник Анисимов увидел в ихэтуанях фанатиков, а подъесаул П. Беляев, командир 3-й сотни 1-го Читинского полка, в письме к жене назвал ихэтуаней не фанатиками, а патриотами: «Говорят, что “боксер” фанатик, но не патриот. Грубая ошибка. Кроме религиозных своих чувств, враждебных нам, они истые патриоты. Они бесстрашны, храбры и любят свою родину. Все иноземное им чуждо и ненавистно».

По всей видимости, и патриотизм, и фанатизм на религиозной почве были присущи ихэтуаням, делая их бесстрашными перед лицом смерти.

Все переулки, выходящие к вокзалу, были завалены трупами ихэтуаней.

После штурма и взятия фортов Дагу (Таку) союзниками и официального объявления цинским правительством войны европейским государствам обстрел Тяньцзиня усилился. Казаки, спрятав коней за дома, отражали неистовые атаки «боксеров».

В полдень 3 июня один взвод казаков под командой сотника Григорьева был отправлен на рекогносцировку железнодорожного пути на Пекин.

4 июня отряд полковника Анисимова, имея в авангарде 6-ю сотню, выступил на помощь русским саперам, восстанавливающим железнодорожный путь и оказавшимся отрезанными от своих войск ихэтуанями. Подойдя к полуразрушенному мосту, сотня атаковала в пешем строю китайскую колонну. После нескольких залпов китайцы рассыпались по кустам и стали отвечать ружейным и артиллерийским огнем. Подошедшие через полчаса главные силы отряда атаковали их и ушли вперед, а сотня осталась обеспечивать охрану моста.

Несколько раз пытались ихэтуани атаковать казаков, но каждый раз откатывались назад, неся большие потери.

К вечеру вернулись вместе с саперами главные силы отряда, разгромив сильный заслон противника, пытавшийся остановить его отход к городу.

Ранним утром 5 июня начался артиллерийский обстрел Тяньцзиня, его европейской части, артиллерией регулярной армии Китая. Одновременно продолжались беспрерывные атаки китайских солдат и «боксеров» на позиции союзников. В этот же день 6-я сотня, обороняя вокзал, контратаковала в пешем порядке совместно со стрелками прорвавшегося к вокзалу противника, а ночью несла службу в охранении.

Русский корреспондент газеты «Новый край», посланный в Тяньцзинь с первым русским десантом, так описывает действия казаков 6-й сотни: «Наши лихие казаки, которые днем и ночью носятся с приказаниями от концессии в концессию и вылетают на опасные разведки в поле, вызывают восторг... и пользуются общей симпатией всех европейцев. Если нужно что-нибудь узнать, разведать, приказать, донести или же разнести "боксеров", посылают казаков. И они летят на своих лохматых забайкальских лошадках и лихо-весело делают свое дело. Им не страшны ни пики, ни алебарды китайского "боксера".

Европейская часть города была окружена плотным кольцом восставших и армейскими частями. Потери в людях и конном составе войска, оборонявшие Тяньцзинь, несли ежедневно. Положение с каждым днем становилось все более катастрофическим. В ночь с 5 на 6 июня три казака-добровольца 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка вызвались доставить донесение командующему войсками, находящемуся в Дагу (Таку), о тяжелом положении в Тяньцзине. Ими были казаки Дмитриев, Каргин и Банщиков. Ночью, выйдя из Тяньцзиня, они наткнулись на китайский

лагерь. Огромное скопление палаток, повозок, масса огней так подействовали на английского унтер-офицера Джима Вотса, сопровождавшего казаков, что он предложил вернуться. Но казаки оказались не из робкого десятка. Все четверо карьером бросились прямо через лагерь и гнали своих лошадей 40 верст по расположению противника. Благополучно прорвавшись под огнем китайцев, они на другой день прибыли в Дагу (Таку) и вручили донесение генералу Стесселю. За этот подвиг три храбрых казака и англичанин получили Георгиевские кресты.

Джим Вотс не случайно оказался среди казаков. Долгое время прожив в Тяньцзине, он отлично знал город и его окрестности, поэтому, когда русским казакам-добровольцам понадобился проводник, лучшую кандидатуру трудно было найти. Вотс с восхищением потом рассказывал всем, какие «смелые и храбрые забайкальские казаки», вызывая этим недовольство своих начальников, считавших, что лучше конницы англичан другой конницы нет.

Около 12 часов 7 июня на дороге в Дагу (Таку) были замечены двигающиеся войска. На разведку из Тяньцзиня была послана полусотня 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка под командованием есаула Ловцова в количестве 3 офицеров и 55 казаков. Выполнив задачу по разведке противника, подходящего к городу, полусотня повернула назад, в расположение своих войск, но была отрезана от города огромной толпой «боксеров». Несколько сот ихэтуаней стали окружать казаков. Выхватив шашки, казаки рассыпались в лаву и атаковали противника, который, не выдержав стремительного удара, побежал. Преследуя убегающих, полусотня ворвалась в китайскую деревню, где снова была окружена массой «боксеров». Пробиться через плотно стоявшую толпу оказалось невозможно — тогда казаки спешились и залпами в упор с 10—15 шагов проложили себе дорогу. Как только противник отпрянул в разные стороны, казаки вскочили на коней и в конном строю буквально прорубились сквозь их толпу, изрубив шашками до 80 человек из окружения. Понесли потери и казаки. Пять первых атакующих в конном строю казаков были сорваны с лошадей и тут же изрублены мечами на глазах у товарищей, девять казаков получили различные ранения, под есаулом Ловцовым и сотником Семеновым были убиты лошади, сотник Григорьев был ранен копьем в грудь. Было убито также 6 лошадей и 12 ранено.

Осаду отряда Анисимова осуществляли регулярные войска генералов Суна и Ма, при поддержке огромных толп ихэтуаней.

8 и 9 июня обстрел города продолжался. Боеприпасы у осажденных были на исходе, а помощь не шла. Находившийся до прихода в Тяньцзинь русских отряд английского адмирала Сеймура, бросив город и жителей иностранных концессий на произвол судьбы, 28 мая выступил на Пекин, надеясь первым вступить в столицу империи. Но был окружен ихэтуанями и сам нуждался в помощи. Всего в отряде Сеймура было

915 англичан, 450 немцев, 313 русских солдат, 158 французов, 100 американцев, 52 японца, 40 итальянцев, 25 австрийцев. Обоз с собой не взяли, выступили налегке, имея продовольствия на трое суток и 200—250 патронов на стрелка.

10 июня в 3 часа ночи саперами отряда полковника Анисимова и казаками 6-й сотни 1-го Верхнеудинского конного полка были погашены горящие брандеры, пущенные китайцами на наплавной мост. Этот мост, составленный из лодок, накрытых дощатым настилом, имел важное значение, так как по нему ожидалось прибытие подкрепления на помощь осажденным. Понимали это и китайцы, которые набивали горючим материалом шаланды, поджигали их и спускали по течению реки Пейхо, пытаясь сжечь его. Отбивать эту импровизированную атаку брандеров было тяжело и опасно, так как приходилось действовать казакам и солдатам под сильным ружейным огнем восставших с противоположного берега.

В 13 часов 10 июня добрую весть принес осажденным казак Дмитриев, умудрившийся пробраться обратно через все опасности и преграды с запиской: «Иду с боем с 5 часов утра, выходите со всем полком навстречу». Это шел на помощь авангард отряда генерала Стесселя — 9-й Восточно-Сибирский стрелковый полк.

Несмотря на то, что город-порт Дагу (Таку) был занят союзниками, вокруг него находилось много мелких крепостей и укрепленных деревень, которые были заняты восставшими. Казаки 3-й и 4-й сотен 1-го Читинского полка, входившие в отряд Стесселя, постоянно вели разведку подступов к этим крепостям, неся при этом потери в людях и лошадях. Так, при разведке одной из крепостей недалеко от Дагу (Таку) был смертельно ранен сотник Гусев и убиты двое казаков 4-й сотни 1-го Читинского полка.

Узнав о тяжелом положении защитников европейской части Тяньцзиня, генерал Стессель прекратил разведку противника в этих крепостях и двинулся на помощь осажденным. Впереди авангарда отряда генерала Стесселя шла полусотня 3-й сотни 1-го Верхнеудинского полка.

В отряд входили 9-й, 10-й Восточно-Сибирские полки и две сотни казаков-читинцев. В интересах отряда из Владивостока для восстановления телеграфа и железной дороги на Тяньцзинь прибыла полурота 1-го Уссурийского железнодорожного батальона со всем необходимым для ремонта.

К этому времени защитники европейской части Тяньцзиня потеряли до 200 человек убитыми и ранеными. В самое тяжелое время осады, с 4 по 12 июня, в сотне верхнеудинцев были убиты 6 казаков, 5 лошадей, а ранено 2 офицера, 9 казаков, 7 лошадей.

Большие потери понес отряд генерала Стесселя, в котором при движении к Тяньцзиню было убито и ранено 224 человека. После прибытия отряда Стесселя в Тяньцзинь 12-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, 6-я сотня 1-го Верхнеудинского казачьего полка вошли в его состав.

К 11 июня кольцо окружения, замыкавшее европейскую часть города, было разорвано, но осада продолжалась.

В этот же день 6-я сотня верхнеудинцев и присоединившаяся к ней полусотня 3-й сотни читинцев под командованием сотника Федосеева выступили в составе отряда Стесселя из города и стали биваком за городским валом. Полусотня казаков была отправлена вместе со стрелками на помощь адмиралу Сеймуру к арсеналу Сику (Сигу). Освободив из окружения англичан, колонна вернулась к Тяньцзиню, сопровождая носилки с 238 ранеными английскими солдатами.

Выручив Сеймура, отряд Стесселя приступил к очистке от противника окрестностей города. 6-я сотня с двумя пулеметами произвела рекогносцировку боем Восточного арсенала. Казакам пришлось действовать на открытой местности под сильным оружейным огнем. Изучив расположение противника, казаки под прикрытием огня пулеметов лавой отошли к главным силам. Во время атаки арсенала главными силами отряда Стесселя казачьи полусотни прикрывали оба фланга. Когда русская пехота уже ворвалась в арсенал, левая полусотня обнаружила движение большой колонны китайцев в сторону бивака отряда. Командир 6-й сотни есаул Ловцов, получив донесение об угрозе обхода наших войск, спешил сотню, занял городскую стену и 60 залпами остановил колонну. На помощь ей подошли русская знаменная рота и две немецкие роты. Противник с большими потерями отошел в китайскую часть города.

В течение 18 и 19 июня казаки вели разведку китайской позиции, вынудив при этом противника вести по ним огонь из орудий. Благодаря действиям казаков удалось обнаружить огневые позиции китайской артиллерии, которые были подавлены с началом наступления русских войск.

С прибытием отряда Стесселя положение осажденных улучшилось, атаки противника отбивались с большими для него потерями. Трупы погибших сбрасывались в реку, которая превратилась в могилу для китайских солдат и ихэтуаней. В некоторых местах не было видно воды, так плотно плавали трупы с красными шапками и повязками.

Различные отряды ихэтуаней имели свой отличительный цвет одежды и головного убора, но наиболее популярными были красные и желтые цвета.

Устав ихэтуаней, пункт девятый, предполагал «поддержание взаимного согласия с солдатами и полицией, как между членами единой семьи». Но на деле неприязнь большинства чиновников и генералов к восставшим была очень велика, так что этот пункт не выполнялся. Нередко в ходе атак на иностранцев ихэтуани подвергались обстрелу не только со стороны противника, но и со стороны цинских войск. Русские солдаты и казаки наблюдали, как во время атак на Тяньцзиньский сеттльмент солдаты генерала Не Ши-Чена стреляли в спину ихэтуаням.

Постоянное нахождение под сильным огнем иностранцев, предательство правительственных войск, стреляющих в спину восставшим, в сово-

купности с магической верой в свое бессмертие, что позволяло им бесстрашно бросаться на скорострельные винтовки и пулеметы союзников, приводили к огромным потерям ихэтуаней. Погибших в лучшем случае сбрасывали в реки, в худшем они оставались лежать неубранными на поле боя. Эпидемии холеры, брюшного тифа, дизентерии свирепствовали в Китае во время войны. Тропическая жара была невыносима, воды, пригодной для питья, не было. Из реки брать ее было нельзя, а других источников питьевой воды не имелось. Казаки рыли колодцы, чтобы напиться самим и напоить лошадей. Забайкальцев спасала привычка пить чай, который они умели быстро приготовить в любых условиях обстановки.

С рассвета 24 июня китайская артиллерия начала непрерывный обстрел европейской части Тяньцзиня и расположения отряда генерала Стесселя. Стрельба длилась с утра и до полуденной жары, потом все повторялось с началом заката солнца.

Европейская часть Тяньцзиня имела большие разрушения. Обстрелы продолжались до 30 июля, т.е. вплоть до взятия китайской части города войсками союзников.

25 июня 3-я и 4-я сотни 1-го Читинского полка участвовали в рекогносцировке, проводимой с целью разведки противника и местности в районе Лутайского канала. Их задача состояла в том, чтобы прикрыть, если в этом возникнет необходимость, разведывательную группу сотника 6-й сотни Верхнеудинского полка Григорьева, ушедшую к каналу. В этой группе находились два казака-добровольца 3-й сотни 1-го Читинского полка Семенов и Илья Раменский.

В результате разведки сотник Григорьев нашел удобное для переправы войск место, за что был представлен к Знаку Отличия Военного ордена IV степени. Кроме того, благодаря этому храброму казачьему офицеру удалось выяснить, что за Лутайским каналом нет никаких других препятствий для движения русских войск, хотя на трофейной китайской карте, которой пользовался генерал Стессель, был нанесен еще один канал. Несколько часов генерал Стессель не мог принять решения на переправу через Лутайский канал, опасаясь непредвиденного препятствия на пути войск в глубине обороны китайцев, и был очень обрадован, когда сотник Григорьев доложил ему, что противник находится в двух верстах от Лутайского канала, а другого канала за ним нет.

В ночь со 2 на 3 июля 3-я и 4-я сотни 1-го Читинского полка охраняли переправу русских войск через Лутайский канал в месте, где проводилась разведка сотником Григорьевым.

Командир 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка есаул Ловцов с шестью казаками во время самой переправы проводил ночную рекогносцировку маршрутов выдвижения, что позволило успешно осуществить переправу и избежать больших потерь. Переправившиеся войска повели наступление на китайскую часть Тяньцзиня.

Впереди шли казаки, рассыпавшись лавой вдоль левого берега канала. Во время боя, только казаки 6-й сотни проскочили арсенал, как раздался мощный взрыв, ударной волной которого были сброшены с лошадей казаки Читинской сотни, находившиеся вблизи него. Взорвался склад динамита, в результате взрыва погибло много японских солдат.

По окончании боя 6-я сотня вернулась на бивак.

4 июля 3-я сотня 1-го Читинского полка участвовала в разведке противника у четвертого железнодорожного моста за Тяньцзинем. В ходе ее в разъезде сотника Сарычева был тяжело ранен в шею казак, который на другой день умер. Этот мост имел важное стратегическое значение и хорошо охранялся противником.

Казак Илья Раменский, посланный с донесением о результатах разведки в арсенал Сику (Сигу) вместе с урядником Комогорцевым, наткнулся на передовой китайский пост. Комогорцев в ходе перестрелки был ранен в руку, а у Раменского убита лошадь. При падении лошади Раменский был сброшен в канаву. Посчитав, что товарищ убит, Комогорцев, вторично раненный в бедро, сумел оторваться от преследователей и доставил пакет по назначению.

Казака Раменского считали убитым, когда неожиданно он появился и доложил командиру 3-й сотни подъесаулу Беляеву о своем возвращении. Вот что рассказал казак о своем счастливом спасении: «Упав с лошади в ров, я притворился убитым. Китайские кавалеристы, преследовавшие нас, остановились надо мною, о чем-то посовещались и помчались за Комогорцевым. Оставшись один, я покинул место своего падения и спрятался в глубокий ров за кустами. Через некоторое время китайцы вернулись к убитой лошади и, не обнаружив меня, бросились искать. Вернувшись с поисков, они уселись недалеко от меня и стали есть.

Начало уже светать. Сообразив, что с наступлением рассвета мне не уйти, я решил их атаковать сам, а потом будь что будет. Подобрался ближе и что было силы заорал "ура!". Выскочил перед опешившими "боксерами", одного свалил выстрелом в упор, другого хватил прикладом по голове и, продолжая кричать "ура", бросился на остальных. Оставшиеся в живых трое китайцев бросились бежать, посчитав, наверное, что нас здесь много. Сделав вдогонку пять выстрелов, сам бросился бежать напрямик к своим».

Храбрость и находчивость казака спасли ему жизнь. За этот подвиг казака Раменского представили к Знаку Отличия Военного ордена IV степени.

В течение нескольких дней, вплоть до 10 июля, 6-я сотня несла сторожевую службу, будучи в передовом отряде. С 10 июля казаки стали проводить рекогносцировки Бейцана, находившегося на пути в Пекин.

Сотник Семенов с 20 казаками-добровольцами, заняв деревню Исифу, в течение двух недель находился в непосредственной близости от огромного скопления китайских солдат и ихэтуаней, ведя за ними наблюдение.

17 июля 3-я сотня вместе со 2-й и 6-й сотнями 1-го Верхнеудинского полка под общим командованием войскового старшины Головачева произвела разведку позиций у деревни Бейцан.

20 июля 1900 года в Тяньцзинь прибыл генерал Н.П. Линевич, который принял командование над 10-тысячным отрядом союзников как старший из генералов.

23 июля союзники под командованием Линевича двинулись на Пекин.

3-я сотня 1-го Читинского полка выступила на сутки раньше для демонстрационных действий совместно с русской пехотой и французской батареей на правом фланге отряда у станции Бейцан.

На этом фланге союзных войск наступали японцы, на левом — русский отряд, в центре действовала артиллерийская группа из 18 русских и 4 французских орудий полковника П.К. Келлера.

Атаку начали в 5.30, и к 8.00 китайцы, оставив укрепленную позицию у Бейцана, стали отходить к Янцуну. Китайские солдаты и ихэтуани при отходе старались, где только можно, задержать продвижение союзных войск.

Они даже использовали как укрытия могилы умерших, которые находились на каждом поле, принадлежавшем китайской семье, и считались священными. По существовавшим тогда обычаям, китайцы хоронили своих покойников, не зарывая в землю, а присыпая землей сверху, образуя конусообразный холм. Величина его зависела от размера гроба и важности покойника. Используемые стрелками как укрытия, эти могилы разрушались огнем артиллерии союзников, что вызывало негодование у населения, ловко используемое ихэтуанями в своих пропагандистских целях.

Чтобы затруднить продвижение союзников, китайцы сделали искусственное наводнение, спустив воду из водохранилища и затопив местность версты на две.

В этот же день четыре сотни казаков (3-я и 6-я 1-го Верхнеудинского полка, 4-я и 3-я 1-го Читинского полка), сведенные в полк, под командованием войскового старшины Маковкина двинулись на соединение с японцами, наступающими на правом фланге.

Благодаря совместным действиям удалось сломить упорное сопротивление китайских солдат и ихэтуаней.

Японцы понесли большие потери. Будущие противники, а сейчас — союзники, они не могли представить себе тогда, что через четыре года сойдутся в жестокой схватке на сопках Маньчжурии. Малорослые, чистенькие, исполнительные, идеально дисциплинированные, они вызывали уважение у казаков.

Тяжелый бой закончился к 16 часам. Казаки 3-й сотни читинцев отбили у китайцев исправное горное орудие и снаряды. Отличились при

этом урядники Сухарев, Тарханов и казак Раменский. Все были представлены к наградам.

Китайцы отступили с большими потерями, но и японцы, наступавшие на главном направлении, потеряли до 296 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

24 июля союзный отряд без остановок двинулся на Янцун. Сотни читинцев и верхнеудинцев под командованием войскового старшины Маковкина первыми подошли к Янцуну и провели разведку противника.

Для ускорения движения после взятия Янцуна в качестве авангарда 26 июля была выслана вперед союзническая кавалерия в составе 3-й сотни 1-го Читинского и 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полков, трех кавалерийских эскадронов японских драгун и двух эскадронов английских кавалеристов, под общим командованием японского командира полка. Вся союзная кавалерия собралась, не доходя 3 версты до китайской деревни Амоссо, занятой сильным отрядом противника. С началом наступления сводного кавалерийского отряда японцев, англичан и русских китайцы открыли сильный огонь, а потом быстро стали отходить. Нарядная, но не внушительная японская конница, английские кавалеристы на красивых и рослых конях, забайкальские казаки на низкорослых, но неприхотливых и выносливых «забайкалках» преследовали отступающие части генерала Дунфусяна.

Двигались все время рысью. Подойдя к деревне, японец-командир поставил задачу: ворваться в село и атаковать арьергард, состоявший из нескольких частей китайской кавалерии. Рассыпавшись в лаву, с громким гиканьем и свистом забайкальцы обрушились на передовые подразделения противника. Слева наступали англичане, справа — японцы.

Китайские кавалеристы и пехота отступили в полном беспорядке, теряя убитых и раненых. 3-я сотня заняла деревню, не преследуя противника, так как болотистая местность не позволяла развернуться в конном строю. От полного уничтожения китайцев спас гаолян, в котором они укрылись как в лесу. Везде валялись трупы убитых, изрубленных людей, уцелевшие кони, потерявшие своих хозяев, бродили среди них.

Высланный вперед для наблюдения за отходящим противником казачий разъезд доложил, что основные силы противника отступают к крепости Матоу.

В этот же день, преследуя противника и пройдя с рассвета до 10 часов утра 36 верст, конный отряд союзников был остановлен сильным огнем китайцев с опушки леса у деревни Хесиву.

Две полусотни казаков и два полуэскадрона японцев спешились и заняли оборону за удобным валом на северной окраине деревни, ведя огонь с 700 шагов по наступающим китайцам. «Их было так много, что трудно было выбирать, куда целиться. Стреляли залпами в сплошную массу», — вспоминал командир читинской сотни подъесаул П. Беляев.

Англичане участия в бое не принимали, несмотря на то, что за ними посылались посыльные. Только когда китайская пехота стала обходить правый фланг оборонявшихся, английский эскадрон вышел на направление обхода и, ведя залповый огонь, заставил противника отступить. Бой продолжался более часа.

27 июля у села Матоу увлеченные боем 3-я сотня читинцев и 6-я сотня верхнеудинцев вошли вслед за отходящим противником в заросли гаоляна, где были окружены. Ихэтуани стаскивали казаков крючьями с коней и немедленно набрасывались с мечами на упавших. Высокий гаолян мешал маневрировать, отбиваться шашкой от наседавшего многочисленного противника, а из винтовки больше одного выстрела сделать было нельзя, так как не успевал казак перезарядить ее, как на него набегало сразу несколько вооруженных «боксеров». Многих недосчитались казаки в этот день. Благодаря своевременной помощи японских эскадронов, атаковавших ихэтуаней с тыла, две казачьи сотни прорвались из кольца окружения. Вырвавшись из гаоляна, они атаковали в конном строю находившуюся на их пути толпу китайской пехоты. В течение получаса она была почти полностью уничтожена. Понеся большие потери, китайцы организованно отошли. За 28 июля у казаков оказался только один раненый, потери японцев были больше. Союзный отряд расположился на отдых в деревне Матоу. Медицинскую помощь русскому оказывал фельдшер сотни, а японским раненым — их врач и фельдшер. Подъесаул Беляев попросил японского врача извлечь пулю, застрявшую в лобной кости раненого казака. Тот осмотрел рану, долго рылся в сумке казачьего фельдшера, пытаясь найти необходимый инструмент, и, не найдя его, открыл сумку своего фельдшера. Чего там только не было — «целый магазин». Взяв, что нужно, японец ловко извлек пулю и сделал перевязку. Этот столь незначительный эпизод в описываемых событиях еще раз подчеркивает, что на войне мелочей не бывает, особенно там, где дело касается спасения жизни раненому, и что к войне надо готовиться всесторонне.

К сожалению, из этой войны необходимые выводы сделаны не были. В Русско-японскую войну 1904—1905 годов, как и во время похода в Китай, по-прежнему не хватало бинтов, ваты, лекарств, медицинского инструмента и транспорта для перевозки раненых. Много их погибло, несмотря на самоотверженный труд русских врачей и сестер милосердия.

29 июля 3-й Читинской и 6-й Верхнеудинской сотням была поставлена задача совершить 20-верстный марш в обход Тонжу (Тунгжоу) и стать между Тунгжоу и Пекином, чтобы задержать на единственной Мандаринской дороге отступающие отряды ихэтуаней и правительственных войск. Выступили совместно с тремя японскими эскадронами. Англичане на сборный пункт конницы к установленному сроку не прибыли. Их изнеженным лошадям без хорошего корма такая работа оказалась не по силам; а может, здесь сыграло свою роль и их политическое кредо —

загребать жар чужими руками в своих интересах. Опытная английская дипломатия поднаторела на этом и приучила своих соотечественников особо не напрягать усилий, предоставляя решение задач боем — русским, японцам, немцам.

Как бы там ни было, через час без англичан, преодолев 20 верст, казачьи сотни и японские эскадроны стали в боевом порядке на пекинской дороге. Справа и слева от Мандаринской дороги тянулись болота и реки, что исключало изменение маршрута отхода противника.

Но китайцы боя не приняли. Узнав о движении союзной кавалерии в обход Тунгжоу, они еще ночью покинули сильно укрепленную крепость и отступили на Пекин. По этому случаю состоялся совместный завтрак русских и японских офицеров. «Расходившийся от смирновской водки японский полковник благодарил за совместные действия казачьих офицеров и умиленно жал всем руки. Мы были рады, что он не знал русского обычая целоваться в этом случае», — писал в своем письме к жене командир 3-й Читинской сотни подъесаул П. Беляев.

В начале августа 1900 года положение союзных войск на Печелийском театре военных действий было незавидным, несмотря на прорыв блокады Тяньцзиня и успешное движение на Пекин. Общая численность отряда союзников, нацеленного на Пекин, доходила до 15 тысяч человек, в то время как на Тяньцзинь двигалась хорошо подготовленная армия генерала Юаньшикая численностью в 25 тысяч человек. Начальник Тяньцзиньского гарнизона полковник Анисимов располагал только 300 боеспособными солдатами для обороны города.

Союзники могли оказаться в очень тяжелом положении, если бы армия Юаньшикая захватила Тяньцзинь и нанесла удар в тыл отряда союзников, наступающему на Пекин. Однако этого не произошло. Простояв месяц под Тяньцзинем, китайский генерал так и не атаковал его. Причиной этому, возможно, было то, что Юаньшикай ненавидел ихэтуаней и не желал ссориться с иностранцами, давая возможность последним расправиться с восстанием.

Тем не менее со взятием Пекина нужно было спешить, чтобы освободить силы для борьбы с армией Юаньшикая, если она попытается перейти в наступление.

В ночь с 31 июля на 1 августа 3-я сотня читинцев и 6-я сотня верхнеудинцев под общим командованием сотника Григорьева вместе с японцами участвуют в ночной рекогносцировке в составе войск генерал-майора Н.А. Василевского у ворот Пекина, и разведчики казаков одни из первых проникают в Пекин.

После разведки подступов к Пекину казаки 6-й сотни и японские кавалеристы остановились на отдых в лесу. Японский офицер подошел к командиру читинцев, достал карманный Русско-японский разговорник и довольно хорошо стал вести беседу. В Русской армии ни в эту войну, ни

в Русско-японскую таких разговорников не было. Пользовались услугами переводчиков, которых всегда не хватало, а обстоятельства складывались иногда так, что возникала необходимость допроса пленного или местного жителя немедленно. Пока казачий разъезд доставлял ценного пленного в штаб части, пока его там допрашивали, проходило много времени, и важные данные, требующие немедленного решения, устаревали.

1 августа Пекин был взят. Казаки 6-й сотни Верхнеудинского полка в бою непосредственного участия не принимали. Их действия в этот день ограничивались несением посыльной службы, охраной и наблюдением за флангами.

В ходе ночного боя 1 августа, разрушив ворота города артиллерийским огнем, стрелки и казаки 3-й сотни 1-го Читинского полка ворвались с криком «ура» в город. В 16.00 1 августа командующий Печелийским отрядом генерал Линевич в сопровождении 3-й сотни 1-го Читинского и 6-й сотни Верхнеудинского полков прибыл в российскую миссию.

В конце боя 50 казаков 3-й сотни 1-го Читинского полка в составе небольшого французского отряда генерала Фрея были посланы для освобождения миссионеров и католиков-китайцев, осажденных в Императорском городе.

Через 5 дней казаки обеих сотен под начальством полковника генерального штаба Илинского выступили для занятия летнего императорского дворца и Ихэюаня («Сад отрады и покоя»), что в 15 верстах от Пекина. С этой задачей сотни справились без боя, опередив японскую пехоту, следовавшую в этом направлении. Казаки водрузили русский флаг над дворцом «Отрады и покоя».

9 августа 3-я и 4-я сотни 1-го Читинского полка, совершив марш в район императорского парка, где, по слухам, якобы собрался многочисленный отряд ихэтуаней, и не обнаружив там противника, вернулись в Пекин. На этом боевая работа казаков Печелийского отряда закончилась. Казачьи сотни стали нести свою обычную службу при пехотных заставах, по охране дорог, на постах летучей почты и охране штабов. По окончании войны 3-я сотня 1-го Читинского полка разместилась в городах Ляояне и Фынхуанчене; 4-я сотня до 1902 года охраняла Русское посольство в Пекине, а 5-я сотня до февраля 1902 года находилась в Шанхайгуане.

5 сентября 6-я сотня 1-го Верхнеудинского полка и 2-я сотня этого же полка, несшая службу по охране железной дороги от Таку до Тяньцзиня, были отправлены в отряд, направленный на Бейтан (Бейцан).

С освобождением Русской миссии и посольства в Пекине кошмар осады для их защитников закончился. Под охраной казаков 4-й сотни 1-го Читинского полка, прибывшей в составе охранного отряда из Тяньцзиня 31 октября, дипломаты стали чувствовать себя уверенно.

Однако о работе Русской миссии и посольства в дни восстания ихэтуаней следует отметить, что незнание положения дел в Китае, настрое-

ния народа и чиновников, элементарная беспечность могли стать причиной трагических последствий.

Еще в 1898 году, когда начались стихийные выступления ихэтуаней, уже было ясно, против кого они направлены, но соответствующей информации с глубоким анализом событий и перспективой на будущее Русскому правительству не поступало.

Русские инженеры спокойно строили железные дороги, привозили свои семьи в Маньчжурию, не опасаясь за их жизни. Сотни охранной стражи Китайско-Восточной железной дороги располагались по станциям, казаки несли службу, наблюдая за побережьем Квантунского полуострова, больше опасаясь японцев, чем китайцев. Никто не насторожился даже тогда, когда ихэтуани прямо заговорили о захвате столицы цинской империи. Не побеспокоилось Русское посольство даже о собственной охране.

До января 1899 года посольство охранялось отрядом моряков под командованием лейтенанта А.Н. Неелова в 30 человек и полусотней казаков 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка сотника В.Г. Раткевича в количестве 35 человек. Джигитовка казаков во дворе посольства всегда собирала толпу китайцев, восхищавшихся лихостью казаков, которые выделывали замысловатые трюки на своих маленьких косматых лошадках.

Приходили посмотреть на казаков и англичане, скептически относившиеся к забайкальской лошади. Спеси у них, впрочем, поубавилось, когда сотник Радкевич и двое казаков совершили 6-дневный пробег между Пекином и Калганом (город на границе с Монголией) длиной в 450 верст в оба конца. Вес багажа при этом был не менее 5 пудов. Но еще больше были удивлены и поражены иностранцы, увидев, как казаки с началом морозов после усиленной выездки лошадей обливали их холодной водой. Мокрые лошади покрывались ледяной коркой. На вопрос, зачем они так делают, Раткевич ответил, что такой порядок практикуется в Забайкалье, и если так не сделать, то весной, во время линьки лошадей, они болеют нарывами и погибают, а облитые на морозе — нет.

Казаки быстро завоевали почет и уважение среди иностранных военных и жителей Пекина.

В разгар восстания отряд моряков 13 февраля 1899 года покинул посольство, отозванный на свой боевой корабль.

Спустя месяц ушли из Пекина казаки. И только в мае посол забил тревогу, обеспокоенный отсутствием охраны посольства и надвигающейся угрозой со стороны ихэтуаней.

16 мая 1900 года взвод казаков от 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка под командой сотника Семенова в составе одного урядника, одного трубача, 26 казаков, 30 лошадей был отправлен из Порт-Артура вместе со взводом морского десанта через порт Таку в город Пекин на канонерских лодках «Гремящий» и «Кореец».

Прибыв в Тяньцзинь, откуда казаки и моряки должны были 3-часовым поездом убыть в Пекин, казаки остались в городе, а моряки отправились с русским военным агентом при посольстве полковником Вогаком по назначению. Удивительно, чем руководствовался Вогак как военный человек, забирая с собой 70 моряков и оставляя казаков, лучше первых знавших военное дело на суше и привыкших ко всем тяготам службы. То, что произойдет потом, можно было предполагать.

По договору с китайским правительством, все европейские державы, имевшие свои посольства в Пекине, для их охраны могли иметь по 75 солдат.

Куда разумнее было бы взять взвод казаков и полсотни моряков.

Правда, в воспоминаниях штабс-капитана И.П. Врублевского, прибывшего в Пекин для изучения китайского языка и пробывшего там от начала и до конца осады Русской дипломатической миссии, указывается, что для охраны посольства имелось «70 моряков и 161 казак под руководством генерала Вогака и подпоручика Блонского».

Возможно, это были казаки другого войска, но общая цифра 231 человек противоречила договору. Как бы там ни было, забайкальские казаки в обороне посольского квартала участия не принимали.

В это время ихэтуани уже вошли в Пекин. Русское посольство так и оставалось в неведении, сколько этих «боксеров», кто ими руководит, каково отношение к ним цинского правительства.

Между тем в столице Китая началась резня китайцев-христиан. Для их спасения (жили они, как правило, кучно) отправился отряд русских матросов и американских солдат. Пройдя 5 верст, они пришли на место побоища. В живых нашли 300 человек, прятавшихся в обгорелых развалинах своих жилищ. Некоторые из спасенных имели множество колотых ран. Спасенных привели и укрыли в Русском посольстве.

Наткнувшись в узком переулке на убийц христиан, отряд открыл по ним огонь. Те бросились бежать. Неожиданно из-за угла вышел старик с зеркалом в руках (магический предмет в китайской традиции. — *Примеч. ред.*) и своим телом пытался прикрыть убегающих «боксеров». Пораженные таким зрелищем, русские и американцы прекратили огонь. Как потом выяснилось, это был ихэтуаньский заклинатель, считавший, что его пуля не берет. Часты были случаи, когда впереди отрядов ихэтуаней на осликах ехали девочки, одетые в красное одеяние, с красным фонарем в руке. Они вели восставших, веря в свое призвание и неуязвимость, в бой против европейских солдат и первые погибали под пулями, становясь жертвами слепого народного невежества и фанатизма.

По поверию ихэтуаней, заговорами, заклинаниями и специальными упражнениями они добивались для себя бессмертия; каждый ихэтуань имел свое священное, дедовское оружие. С этим оружием он считал себя

неуязвимым, а если бы его и убили, то он должен был бы воскреснуть через 2 дня. Этим объяснялись их необычные храбрость и фанатизм в сражениях. Штабс-капитан В. Врублевский описал случай, когда один ихэтуань с мечом в руке бросился на семерых американских солдат, вооруженных винтовками со штыками.

Войдя в Пекин, ихэтуани стали, кроме убийств своих соотечественников-христиан, громить лавки с иностранными товарами, жгли дома иностранцев, миссии.

Среди ихэтуаней очень много было молодежи от 15 до 18 лет. Вовсю свирепствовали «черные», или лжеихэтуани, старавшиеся нажиться на грабежах. Постепенно они подбирались к посольскому кварталу.

2 июня был убит германский посол, после чего цинскому правительству был предъявлен ультиматум, который не был принят, и Китай объявил войну европейским державам.

Известие об объявлении войны союзникам принес в Русское посольство китайский чиновник из Цун-ли-ямын (министерство иностранных дел). В связи с этим всем посольствам предлагалось немедленно покинуть Пекин. На эту ловушку никто из послов европейских держав не поддался, так как, покинув свои резиденции, все посольства были бы перебиты ихэтуанями.

На совете послов, который состоялся в английском посольстве, было принято решение всех женщин и детей, запасы продовольствия, воды собрать в английскую миссию, как наиболее укрепленную, и приготовиться к обороне. Свои же посольства послы решили защищать имеющимися у них силами.

Узнав, что уловка с выходом из Пекина посольств не удалась, китайцы заняли городские стены и стали обстреливать английскую миссию.

Посольский район окружало до 40 тысяч человек. В течение 6 недель не было ни секунды без выстрела с китайской стороны.

Осада велась с применением минных подкопов, подходных траншей, обороняющиеся делали вылазки. Ежедневно защитники посольств теряли в среднем 5 человек, а всего их было около 400 человек.

Особенно ожесточенные атаки были предприняты 30 и 31 июля. Вот как описывает эти события В.В. Корсаков, врач Русской миссии: «30 июля китайцы собирались во множестве к своим баррикадам, расположенным в 20—30 шагах от стены. С баррикады и городской стены они пускали ракеты, освещавшие всю местность вокруг. Потом среди них появлялся предводитель отряда, который громко убеждал их идти на приступ английской миссии, где укрылись все дипломаты европейских государств. Он, предводитель, говорил, что европейских солдат очень мало, что одним смелым натиском можно всех смять и ворваться в расположение иностранцев. Свою речь он закончил громким "ша", то есть воинственным кличем ихэтуаней, что значит "убивай".

В ответ раздалось ужасное, потрясающее "ша", и рой пуль осыпал защитников английской миссии...

31 июля атаки на посольство продолжались с той же яростью, защитники его несли большие потери...

Больше всего доставалось французам и англичанам. В отношении русских и американцев китайцы с первых же дней поняли, что их им не победить. Действия русских казаков, солдат и матросов во время штурма посольства и ответная их контратака отбили охоту у "боксеров" наступать на их направлении».

Только благодаря быстрому продвижению союзных войск на Пекин, обеспеченному забайкальскими казаками, эти два дня не стали последними в жизни иностранных послов и их посольств.

С донесением о положении в Пекине был отправлен японский солдат, который, переодевшись в китайскую одежду, пробрался в Тяньцзинь и передал просьбу о помощи генералу Линевичу.

Неоспоримо большую роль сыграли в успешных действиях союзных войск на Пекинском направлении забайкальские казаки. Двигаясь впереди наступающих, они первыми вступали в бой, захватывали деревни и укрепленные позиции, преследовали и завершали разгром противника, вели разведку и охраняли войска на марше.

8. Действия русских войск в Южной Маньчжурии в 1900 г.

Через две недели после взятия Пекина предполагалось начать наступление Южноманьчжурского отряда для занятия «столицы Маньчжурии» Мукдена. Но, прежде чем начать это наступление, необходимо было взять город Бейтан, находившийся недалеко от Дунгу (Тонку), в котором проходила высадка всех союзных войск, прибывавших на Печелийский театр военных действий.

Сложность положения в Тяньцзине и Пекине заставила русское командование временно отложить боевые действия против Бейтана, несмотря на постоянную угрозу с его стороны главной морской базы союзных войск, Таку.

Город-крепость Бейтан расположен вблизи устья, на правом берегу реки Бейтанхэ, и имел два форта для защиты с моря и на левом берегу еще три форта — для защиты суши и моря.

У города Бейтана высадился в 1859 году англо-французский десант, поэтому китайцы приняли меры для укрепления города долговременными оборонительными сооружениями. На бастионах были установлены мощные современные морские орудия: четыре — 210 и два — 240 мм, способ-

ные обстреливать порт Таку, находящийся в 7—8 верстах от Бейтана, однако китайцы этой возможностью за всю войну так и не воспользовались.

Занять Бейтан было необходимо и по той причине, что через город проходила железнодорожная ветка на Шанхайгуан, имевший важное стратегическое значение.

Гарнизон каждого форта к 30 августа состоял из четырех инов (батальонов) пехоты, одного ина кавалерии и одного ина (дивизиона) артиллерии, а всего около 3 тысяч человек. В учебном лагере за городом обучалось около 3 тысяч новобранцев.

В укреплениях города Лутая, что в 32 верстах от Бейтана, находился гарнизон в 4 тысячи человек.

Командовать войсками для штурма Бейтана поручено было генерал-лейтенанту Штакельбергу.

Были созданы две штурмовые колонны: левая — генерал-майора Церпицкого, в составе 1-го батальона 6-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 2-го батальона 7-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 3-й батареи Восточно-Сибирского артиллерийского дивизиона, 3-й мортирной батареи 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, команды охотников («охотниками» в Русской армии называли добровольцев. — *Примеч. ред.*) Уссурийского железнодорожного батальона и взвода 2-й сотни 1-го Верхнеудинского казачьего полка; правая — капитана 1-го ранга Долюжирова, в составе 1-го батальона 7-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 6-орудийной батареи 6-дюймовых орудий Квантунской крепостной артиллерии, двух нештатных 4-орудийных батарей 87 мм китайских трофейных орудий, 1-й роты Восточно-Сибирского саперного батальона, полуроты Уссурийского железнодорожного батальона, взвода 2-й сотни 1-го Верхнеудинского казачьего полка.

Конницу отряда составляли два эскадрона приморских драгун, 2-я и 6-я сотни 1-го Верхнеудинского казачьего полка под командованием полковника Флуга.

В штурме Бейтана участвовали немецкие и французские войска.

Пока русские готовились к штурму, англичане решили применить свой традиционный прием, дать взятку начальнику гарнизона крепости генералу Ли-Ан-Тону за сдачу крепости. Генерал отказался, но при увеличении суммы мог согласиться.

Взятки в Китае в то время не считались аморальным поступком, их брали и давали во всех эшелонах власти цинского правительства.

5 сентября 2-я и 6-я сотни провели рекогносцировку позиций Бейтана. Привстав на стременах, казаки лихо мчались на своих косматых конях, приближаясь на такое расстояние к фортам, что китайские солдаты не выдерживали и открывали огонь, обозначая тем самым свои окопы.

Штурм города начался утром 7 сентября. Под сильным артиллерийским огнем с китайских фортов колонны пошли на штурм, развернулись в

цепь и атаковали с криком «ура!» китайские позиции. Во время выдвижения колонн китайцы взорвали мощные фугасы, при взрыве которых погибло несколько солдат из атакующих частей.

К полудню 7 сентября были заняты два форта. Китайцы стали отходить к Лутаю. Казаки и драгуны преследовать их не смогли, так как им пришлось преодолевать заболоченный участок местности и два канала. Мосты через каналы были взорваны, а местность между каналами искусственно затоплена.

В этот же день 6-я сотня вошла в состав колонны генерала Церпицкого и вместе с двумя эскадронами приморских драгун под общим командованием полковника Флуга была направлена в обход правого фланга позиции китайцев. Из-за отсутствия переправочных средств задача не была выполнена. Вплавь переправиться не удалось. Первый же смельчак из казаков, спрыгнувший в канал, утонул.

2-я сотня в бою участия тоже не принимала, так как один взвод находился в конвое генерала Церпицкого, а остальные сопровождали генерал-лейтенанта Штакельберга.

8 сентября отряд выступил к Лутаю, имея в передовом отряде 2-ю сотню 1-го Верхнеудинского полка. Во время движения сотня чуть не погибла на заминированном китайцами мосту, со взрывом которого они поспешили, не дождавшись, когда на него вступят казаки. Избежав опасности и переправившись вброд через канал, казаки ворвались в деревню Инчен и на рысях промчались через нее. При выходе из деревни сотня была обстреляна. Казаки спешились и заняли позицию. На помощь подошла 6-я сотня и драгуны. Противник стал отходить. После нескольких залпов казаки сели на коней и начали преследовать его. В 10 часов вечера сотни вошли в Лутай, застав врасплох жителей города, которые не ожидали, что русские так быстро возьмут город.

12 сентября отряд выступил на Шанхайгуань. Пройдя 35 верст, остановился у моста на Лутае, а вечером по железной дороге был перевезен на станцию Тяньшань. В 5 верстах от нее поезд потерпел крушение, так как железнодорожные пути были разобраны ихэтуанями. На другой день отряд по восстановленной дороге выступил на Шанхайгуань.

14 сентября было получено письмо от коменданта крепости, что он готов сдать крепость Шанхайгуань на тех условиях, которые продиктует начальник отряда.

Пока генерал Церпицкий продвигался вдоль железной дороги к Шанхайгуаню, на рейде Таку совет адмиралов международной эскадры принял решение захватить Шанхайгуань с моря.

Город был отлично защищен с этого направления минными заграждениями, на фортах имелись современные дальнобойные орудия, расчеты прошли обучение у немецких инструкторов, поэтому, предполагая, что Шанхайгуань будет обороняться, союзники послали к нему мощную эскадру.

Для взятия приморской крепости Шанхайгуань наряду с иностранными был создан русский десантный отряд под командованием генерал-майора Волкова. В него вошли стрелковые части 15-го и 16-го полков 4-й стрелковой бригады, полурота саперов, 4 орудия. Кавалерия была представлена 2-й полусотней 5-й сотни 1-го Нерчинского полка. Отряд погрузился в Порт-Артуре на пароходы «Проспер», «Гирин», крейсера «Москва» и «Орел». Сопровождал десант крейсер 1-го ранга «Россия».

19 сентября транспорт и крейсера стали на рейде Шанхайгуаня, в открытой бухте.

Извечная соперница России — Англия и тут не удержалась от своих козней. Желая быть в городе первыми, англичане за спиной русских начали переговоры с комендантом крепости, который, несмотря на то, что уже раз сдал крепость генералу Церпицкому, 18 сентября сдал ее вторично англичанам. Главной целью английского командования был железнодорожный вокзал. Высадившись в порту, английский отряд выступил к вокзалу, но когда он подошел к нему, там уже гарцевали забайкальские казаки, а над станцией взвился российский флаг.

Выгрузившись на берег, десантный отряд генерала Волкова убыл по железной дороге к городу Дзянжоуфу для занятия железнодорожной линии, строившейся до войны англичанами в Инкоу.

Вместе с ротой пехоты 2-я полусотня атаковала деревню рядом с железной дорогой, захваченную ихэтуанями.

Заняв город Дзянжоуфу, отряд двинулся на Синминтин. 2-я полусотня была выставлена на постах летучей почты на маршруте в 250 верст. До середины октября полусотня несла обычную службу на этих постах, отражая нападение шаек хунхузов и отрядов ихэтуаней.

После снятия постов полусотня прибыла в Синминтин.

Таким образом, вся железная дорога от Шанхайгуаня до Цзиньчжоуфу и до Инкоу (Ньючжуана) была занята русскими.

С постройкой Маньчжурской железной дороги Петербург стал связан с Пекином единой железнодорожной магистралью.

В конце сентября 6-я сотня, а в середине октября 2-я были доставлены морем в Порт-Артур и вошли в состав войск Квантунской области. От границы Квантунской области до станции Сюнъечен (Сеньючен) действовал отряд полковника Домбровского (командир 11-го Восточно-Сибирского полка), в состав которого входила полусотня 4-й сотни 1-го Верхнеудинского полка. С 24 июня по 8 сентября казаки полусотни охраняли железную дорогу. Вошла в состав отряда Домбровского и полусотня 5-й сотни этого же полка. Она разместилась в Инкоу. Также в этот отряд был отправлен взвод 1-й сотни 1-го Верхнеудинского полка и 1-я Забайкальская казачья батарея, находившиеся до этого в Талиенване.

Взвод казаков под командованием хорунжего Хлебникова вместе с полусотней 5-й сотни 1-го Нерчинского полка отражал атаки китайцев

на Дашичао, нес сторожевую службу, использовался для разведывательной деятельности.

Мелкие группы конных ихэтуаней постоянно делали попытки проникнуть к железной дороге и произвести разрушение на ней.

В начале июля полусотня 5-й сотни из отряда Домбровского вошла в состав Сеньюченского отряда полковника Хоруженкова, который находился в районе крепости Сюнъечен (Сеньючен). Казаки вели наблюдение за крепостью, участвовали в мелких стычках с противником вместе со взводом 4-й сотни верхнеудинцев, который вошел в отряд при его формировании.

12 июля артиллерия отряда открыла огонь по крепости, а стрелки 1-го Восточно-Сибирского полка по штурмовым лестницам взошли на крепостной вал и открыли огонь по отходящим из крепости китайцам. В ходе боя дело доходило до рукопашной схватки. Казаки, обойдя город справа, атаковали и преследовали отступающего противника.

После занятия Сеньючена отряд полковника Хоруженкова выступил к крепости Гайчжоу (Кайчжоу).

Во время атаки крепости полусотня охраняла правый фланг отряда, а после занятия Кайчжоу несла службу на постах летучей почты, связывающей штаб отряда с батареей, обозом и поездом с боеприпасами, фуражом и провиантом.

В конце июля полусотня 5-й сотни вошла в отряд генерал-майора Флейшера и 29 июля участвовала в бою под Хайченом.

8 сентября из Квантуна в Южную Маньчжурию прибыла 1-я сотня 1-го Верхнеудинского полка, сменившая на постах 4-ю сотню этого же полка, размещенную по линии Сеньюченской железной дороги.

10 сентября 4-я и 5-я сотни, 3-й взвод 1-й Забайкальской батареи вошли в колонну генерал-лейтенанта Флейшера и в составе авангарда Южно-Маньчжурского отряда начали наступление на Старый Ньючжуан, командовал им войсковой старшина Кобылкин. В районе деревни Эртайдзы китайские солдаты открыли огонь по авангарду, а у самого города головная сотня попала под обстрел китайской артиллерии.

Город оборонял 6-тысячный отряд генерала Шоу с артиллерией. Несмотря на то, что противник численно превосходил наступавших, занимал удобные позиции в деревнях вокруг города, несмотря на невыносимую жару и бескрайние гаоляновые поля, затруднявшие ориентировку, через четыре часа тяжелого боя город Старый Ньючжуан был взят.

После взятия города обе сотни переподчинили генерал-лейтенанту Субботичу, наступавшему со своими главными силами Южно-Маньчжурского отряда на Мукден.

Генерал-лейтенант Д.И. Субботич по повелению императора Николая II 14 августа вступил в должность начальника Южно-Маньчжурско-

го отряда, созданного специально для занятия столицы Маньчжурии города Мукдена. Начальником штаба у него был полковник генерального штаба Артамонов.

Наступление началось 12 сентября. Прежде всего предполагалось захватить сильно укрепленные Айсянцзянские горы, на которых китайские солдаты создали несколько оборонительных позиций. К 14 тысячам китайских войск под командованием мукденского фудутуна губернатора Цзинь Чана присоединилось около 6 тысяч солдат генерала Шоу, бежавших из Ньючжуана (Инкоу).

По приказу фудутуна на этих позициях были установлены 32 орудия новейших конструкций Круппа и несколько скорострельных пушек системы Максима. В резерве находилось еще 10 тысяч солдат.

Всего под руководством двух китайских генералов имелось 60 батальонов-лянз, или 30 тысяч обученных немецкими инструкторами солдат, вооруженных винтовками системы Маузер.

Русские войска разделены были на три колонны, которые должны были атаковать город Аньшань, главный пункт обороны, с трех сторон: запада, юга и востока.

Левая колонна, генерала Флейшера, выдвигалась от Ньючжуаня прямо на Аньшань и предназначалась для наступления с запада на правый фланг китайской позиции.

Правая колонна, полковника Мищенко, наступала на ее левый фланг, т.е. с востока.

Главные силы под начальством полковника Артамонова должны были атаковать китайцев с фронта.

13 сентября в 9 часов утра русская артиллерия (28 орудий), в состав которой входила 1-я Забайкальская казачья батарея, открыла огонь по китайским позициям. Все колонны пошли в наступление.

4-я сотня и полусотня 5-й сотни верхнеудинцев, 3-й взвод 1-й Забайкальской казачьей батареи вошли в «летучий» отряд есаула Мадритова, командира 4-й сотни. Отряд имел задачу обойти правый фланг укрепленной Айсянцзянской (Аньшаньчжанской) позиции и способствовать атаке главных сил с фронта.

2-я полусотня 5-й сотни входила в авангард отряда генерала Флейшера и поддерживала связь с «летучим» отрядом есаула Мадритова. Разъезд этой полусотни, действуя на левом фланге авангарда, атаковал небольшое подразделение противника численностью в 30 человек и почти полностью разгромил его.

Подходящую колонну главных сил генерала Флейшера противник встретил сильным огнем с хорошо укрепленного холма, но, обнаружив, что казаки обошли их позицию справа и выходят в тыл, китайцы бросили выгодную позицию и поспешно отступили к деревне Шахэ.

14 сентября началось наступление отряда Субботича на деревню Шахэ. Впереди в качестве авангарда действовал «летучий» отряд полковника Мищенко.

Местность за Аньшаньскими позициями была холмистая, местами болотистая, пересеченная руслами полувысохших речек. Непроходимой стеной вокруг стоял красный гаолян, в котором мог «утонуть» всадник на лошади.

Войска с трудом пробивались через бескрайние гаоляновые поля к высотам, занятым китайскими солдатами.

Бой за деревню длился весь день. Регулярные китайские части и большие отряды ихэтуаней окружили у деревни вырвавшийся вперед отряд полковника Мищенко, на помощь которому своевременно подошла 4-я сотня и полусотня 5-й сотни верхнеудинцев.

Действующая с отрядом Мищенко 1-я Забайкальская батарея под командованием подполковника Янушева расстреляла почти все свои боеприпасы. К моменту подхода на помощь казаков-верхнеудинцев в батарее осталось 16 снарядов, 6 человек были ранены; имелись повреждения лафетов и механизмов орудий.

Китайские солдаты оказывали упорное сопротивление отряду генерала Субботича. Они несколько раз переходили в контратаки, стойко оборонялись, используя подготовленные позиции и укрепленные деревни, но, несмотря на свое численное превосходство, лучшую, чем у русских, артиллерию, в конечном итоге потерпели поражение.

Русские войска были лучше обучены, более организованы и дисциплинированны, чем китайские.

По показаниям пленных, в бою у деревни Шахэ китайский генерал Шоу и фудутун Цзинь Чан имели 110 лянз солдат. По штату каждая лянза должна была состоять из 500 солдат, но даже если предположить, что их было наполовину меньше, то против Южно-Маньчжурского отряда действовало 27 тысяч солдат регулярных войск Китая.

15 сентября отряд есаула Мадритова с двумя орудиями 1-й Забайкальской казачьей батареи после боя у деревни Шахэ быстро пошел вперед к городу Ляояну, стремясь захватить железнодорожный мост на реке Ляохэ и тем самым отрезать путь отступления войскам противника, угрожая при этом его флангу и тылу.

Преследуя отступающего противника, казаки встретились с китайским кавалерийским отрядом численностью до 400 человек. Выхватив шашки, они бросились в атаку, заставив китайских кавалеристов бежать с поля боя.

Отличилась и полусотня 5-й сотни 1-го Верхнеудинского полка, которая, обойдя город Ляоян с северной стороны, атаковала прижатую к берегу толпу ихэтуаней и китайских солдат.

В этот же день отряд полковника Мищенко в составе двух сотен охранной стражи, двух стрелковых рот и 4 орудий 1-й Забайкальской батареи атаковал левый фланг позиций противника у Ляояна. На этих позициях и в городе сосредоточился огромный отряд ихэтуаней и деморализованных китайских войск общей численностью до 20 тысяч.

Благодаря искусной стрельбе казачьей батареи противник оставлял одну позицию за другой.

К 12 часам дня отряд Мищенко вошел в Ляоян. Здесь к 4 орудиям 1-й Забайкальской батареи присоединились два орудия из «летучего» отряда есаула Мадритова.

17 сентября к Мукдену по Мандаринской дороге выступил передовой отряд полковника Мищенко, состоявший из 5-й сотни 1-го Верхнеудинского полка, одной сотни кубанских и одной сотни донских казаков. Отряду была придана 1-я Забайкальская казачья батарея.

Не давая опомниться отступающему противнику, казаки Мищенко 18 сентября вечером ворвались в город Мукден через южные ворота и заняли дворец богдыхана.

Город после оставления его китайскими солдатами был подожжен ихэтуанями. Императорский дворец, дворец цзянцзюня, казначейство, правительственные здания были разграблены, а европейские постройки и дома христиан разрушены.

Русские взяли под охрану все, что уцелело. Захвачены были богатые военные трофеи: орудия новых систем, склады боеприпасов, огромное количество винтовок и патронов.

В городе оставили 11-й Восточно-Сибирский стрелковый полк для несения гарнизонной службы и защиты мирных граждан от грабежа и насилия деморализованных китайских солдат и ихэтуаней. Командир полка полковник Домбровский стал военным комендантом и губернатором Мукдена.

Корпус генерала Шоу был разбит полностью, часть солдат разбежалась по окрестным деревням Мукдена. 4-я и 5-я сотни, 1-я Забайкальская батарея приняли активное участие в очистке района Янтайских гор и долины реки Ляохэ от последних остатков китайских войск. В начале октября боевые действия прекратились, казачьи сотни были отправлены на зимние квартиры: 4-я сотня — в Ляоян, а 5-я — в Янтай. Вскоре подошла и 1-я сотня верхнеудинцев, разместившаяся в Мукдене.

В ноябре 1900 года 1-я Забайкальская батарея участвовала в Фынхуанческой экспедиции генерала Штакельберга и в феврале 1901 года в экспедиции генерала Церпицкого на город Куло.

1-я Забайкальская батарея за год войны прошла 2396 верст, израсходовала 1834 снаряда. Потери батареи составили: умерших — 3, раненых — 9, лошадей потеряли 44.

В батарее к концу войны было 53 Георгиевских кавалера.

9. Охрана железнодорожных путей сообщения

Кроме действий в составе передовых отрядов и авангардов, оборона железнодорожных станций и защита путей от нападения ихэтуаней была одной из первых задач казаков в этой войне.

Ихэтуани понимали значение железнодорожных путей сообщения и любым способом стремились уничтожить эти важные артерии, питавшие Русскую армию боеприпасами, продовольствием, подкреплениями.

Во всех операциях против регулярных китайских войск и ихэтуаней русское командование старалось обезопасить свои железнодорожные перевозки, для чего привлекало значительные силы войск. В основном эта задача возлагалась на сотни пограничной и охранной стражи, но из-за их недостатка привлекались боевые казачьи части, пехота, а иногда и артиллерия.

Действия русских войск по охране железнодорожных станций и путей заключались в патрулировании вдоль дороги конными разъездами с выделением в обе стороны дозоров.

Обнаружив выдвижение отрядов ихэтуаней к железнодорожной линии, разъезды вступали с ними в бой, высылая конных посыльных за помощью на станции, где находились основные силы войск, предназначенных для охраны железнодорожных коммуникаций.

Получив известие о подходе противника, главные силы железнодорожным транспортом выдвигались на маршруты движения ихэтуаней и вступали с ними в бой. Примером таких действий может служить взаимовыручка отрядов полковников Домбровского и Мищенко по охране важного участка железнодорожного пути, в которых приняли участие казаки 5-й сотни 1-го Нерчинского полка.

5-я сотня 1-го Нерчинского полка перед началом боевых действии располагалась в городе Никольск-Уссурийске. По распоряжению командующего Южно-Уссурийским отделом генерал-лейтенанта Линевича была отправлена морем на пароходе «Дальний Восток» в Порт-Артур, где несла городскую полицейскую службу.

22 июня сотня разделилась: 1-я полусотня убыла по железной дороге в отряд полковника Домбровского для защиты узловой станции Ташичао (Дашичао); 2-я полусотня под командованием сотника Федосеева осталась продолжать службу в Порт-Артуре.

С прибытием на станцию Ташичао (Дашичао) 1-я полусотня 5-й сотни стала обеспечивать связь отряда полковника Домбровского с отрядом полковника Мищенко, оборонявшего от ихэтуаней железную дорогу, ведущую на станцию Айсядзян, в 60 верстах севернее Ташичао. Кроме того, казачьи разъезды вели разведку противника в окрестностях Ташичао.

29 июня полусотня под руководством есаула Глена убыла на помощь полковнику Мищенко на станцию Хайчен, в 30 верстах севернее Ташичао.

Китайцы непрерывно атаковали эту станцию, пытаясь разрушить ее. Увидев поезд, ихэтуани отошли от станции, преследуемые сотнями конных охранников полковника Мищенко. В этот же день сотня вернулась обратно, но 30 июня вновь потребовалось выручать охранников железной дороги. На этот раз полковник Домбровский с частью отряда выехал лично.

Уход из Ташичао не остался незамеченным китайцами, которые двинули к станции 1,5-тысячный отряд солдат и ихэтуаней, занявших высоты в 4 верстах севернее Ташичао. Подполковник Гамбурцев приказал полусотне охранять мост, находящийся впереди позиции стрелков, почти у самой горы, занятой китайскими солдатами.

Мост имел важное значение, так как надежно связывал два отряда, давая возможность подвозить подкрепление поездом. Возложив ответственность за удержание моста на урядника Филиппова с 10 казаками, есаул Глен занял рядом высоту, и оттуда казаки залпами стали вести огонь по позициям китайцев.

Китайцы правильно оценили значение моста. Под прикрытием ружейного огня 70 ихэтуаней с топорами и ломами выдвинулись к железной дороге, принялись разбирать ее. Казаки Филиппова залпами из винтовок заставили их отойти, оставив несколько человек убитыми. Такие попытки повторялись неоднократно. Распаленные призывами своих монахов и обозленные упорством горстки казаков, ихэтуани яростно бросались в атаку, потрясая мечами и огромными ножами, насаженными на длинное древко. Их было так много, что огонь из винтовок не мог остановить разъяренную толпу, которая по трупам своих товарищей упорно приближалась к мосту.

Урядник Филиппов, понимая, что в рукопашной схватке 10 казаков не справятся с многочисленным противником, сажал казаков на коней и, отойдя на несколько сот шагов, вновь открывал огонь по атакующим.

Так продолжалось в течение 9 часов. В конце концов ихэтуаням удалось прорваться к мосту со связками хвороста, сухого гаоляна и поджечь его.

Не растерявшись, урядник Филиппов с казаками, расстреляв из винтовок прорвавшихся, подскакали на конях к мосту и потушили под сильным ружейным огнем с высот горящие конструкции моста.

В это время на поезде подошел отряд полковника Домбровского, две сотни охранников полковника Мищенко, и с полусотней казаков есаула Глена стали преследовать убегающего противника.

После понесенных потерь ихэтуани в течение 13 дней активных действий не предпринимали. Свои усилия они перенесли на север, куда на помощь Мищенко убыли две стрелковые роты 11-го полка и 3-го взвода казаков с есаулом Гленом под общим командованием подполковника Рябинина. Накануне к читинцам прибыли на усиление два взвода 1-й сотни 1-го Верхнеудинского полка с хорунжим Хлебниковым.

Отряд атаковал противника и отбросил его к деревне Пудятунь.

До окончания боевых действий 1-я полусотня 5-й сотни 1-го Читинского полка и два взвода 1-й сотни 1-го Верхнеудинского полка охраняли железную дорогу Ташичао — Айсядзян.

10. Завершение похода в Китай

Если к концу 1900 года операции русских войск в Северной Маньчжурии были практически завершены, то в Южной Маньчжурии они еще продолжались и в 1901 году. Противник имел достаточно сил, чтобы противостоять русским экспедиционным силам. Не исчезла угроза городу Телину, участку железной дороги Мукден — Телин, через который, предполагалось, пойдут отступающие с востока в Монголию китайские войска и отряды ихэтуаней.

По данным штаба Южно-Маньчжурского отряда, к западу от города Куло, в 150 верстах, находились войска генералов Эльбаина и Шоу, насчитывающие до 10 тысяч солдат; на востоке, в Тунхуансяне, в 220 верстах, стояли 18-тысячные войска генерала Люданзыра; на северо-востоке, около города Хайлучена, действовал 6-тысячный отряд регулярной китайской армии.

Не поддавались учету отряды ихэтуаней, которые постоянно перемещались, сливались в огромные толпы или, по ряду причин, снова распадались на мелкие группы и отряды.

Против перечисленных войск противника в течение первых семи месяцев 1901 года был предпринят ряд экспедиций по очищению Южной Маньчжурии от восставших и поддерживающих их частей армии правительства Цин.

В феврале 1901 года появились сведения о сосредоточении огромных отрядов ихэтуаней в районе городка Тиахо под руководством двух предводителей восставших: Шисыянвана и Люданцзыра. По словам местных жителей, их было до 5 тысяч человек. Вели они себя по отношению к русским войскам мирно, не нападали.

Русским войскам был дан строжайший приказ не трогать их.

В конце января 1901 года небольшие отряды по 10 человек и менее выходили из Тиахо и грабили окрестные деревни, подбирались даже на удаление до 2 верст от передовых русских постов. Потом, как по команде, грабежи и насилия стали происходить в самом городе Тиахо. Китайские горожане и крестьяне приходили с жалобами к русскому командованию, но помочь им было нельзя из-за строжайшего приказа не вмешиваться в дела китайцев.

Многие офицеры удивлялись, откуда китайцы знали все приказы, издаваемые в Русской армии по отношению к ним. По всей видимости,

играла свою роль традиционная русская болтливость и неумение сохранять военную тайну. Особенно сильно это проявится в Русско-японскую войну.

Наконец, китайские начальники запретили подвозить русским продовольствие.

В конце февраля на Тиахо была проведена разведка. Казаки Амурского полка вошли в город, но «тысяч китайских солдат» не обнаружили. Потом выяснили, что отряд в 500 всадников ушел накануне.

Население деревень все чаще и чаще обращалось за помощью к русскому командованию. Народ устал от постоянных грабежей, и в русских видели реальную силу, способную их защитить. Насколько эта вера была сильной, позволяет судить один случаи, произошедший в Тиахо.

Во время нахождения войск Шисыянвана в Тиахо и усиления грабежа населения его солдатами в деревню Лафаджан прибежала жена городского старшины и со слезами на глазах стала просить русское командование послать в город «хоть одного казака, так как китайские солдаты шибко обижают народ»... Люди верили, что даже «один казак» сможет их защитить.

Наконец, был дан приказ русским войскам выступить против отрядов ихэтуаней, которые все больше стали проявлять агрессивность.

Для их разгрома создали несколько отрядов под руководством генералов Каульбарса, Фока, Церпинского, полковника Познанского, есаула Мадритова.

Они выступили по различным направлениям из Гиринской и Мукденской провинций в направлении лесов императорской охоты и 28—29 марта сосредоточились в районе деревни Пейсаценза, где решили дать отдых войскам и отпраздновать Пасху, которая в 1901 году была 1 апреля.

Все бои до этого носили характер мелких стычек с противником. При первом орудийном выстреле китайские солдаты и ихэтуани разбегались.

Только на перевале Инулин большой отряд Шисыянвана принял бой, но был разгромлен. Часть китайских солдат была уничтожена, а кто не погиб в бою от пуль и казачьих шашек, разбежались по лесам. Сам Шисыянван бежал к границе с Кореей, а потом, как и Хантенгю, явился в Гирин с повинной. Ему сохранили жизнь, но выслали в город Читу.

В экспедициях против ихэтуаней и остатков войск правительства Цин в 1901 году участвовали: 2-я сотня 1-го Читинского полка — 18 февраля в составе Мукденского отряда под командованием начальника Южно-Маньчжурского отряда генерал-лейтенанта Церпинского — на город Куло; 2-я и 6-я сотни 1-го Читинского полка, 2 орудия 1-й Забайкальской батареи под начальством генерал-майора Мищенко — из города Ляоян на Фынхуанчен против отрядов Линчи; 4-я, 5-я и часть 2-й сотни 1-го Нерчинского полка, 1-я Забайкальская казачья батарея в составе отряда генерал-лейтенанта Церпинского — из Телина на Куло; 4-я сотня и взвод 2-й сотни 1-го Нерчинского полка — в марте — против отрядов Шисыянвана.

На этом поход Забайкальского казачьего войска в Китай закончился. Полки собрали свои сотни, разбросанные по всей Маньчжурии, и приступили к несению службы согласно планам мирного времени. Казаки старших возрастов были демобилизованы и отправлены домой, на льготу. Остались служить те, кому не вышел срок действительной службы.

Свое первое боевое крещение Забайкальское казачье войско выдержало успешно. Действуя впереди главных сил, они первыми вступали в бой и часто заканчивали его до подхода их; несли тяжелую службу в разведке и боевом охранении; терпели голод, холод и другие лишения, связанные с походной жизнью.

Выдержала испытания войной и неутомимая забайкальская лошадь, доказав, что в условиях Маньчжурского театра военных действий равных ей нет.

Китай превратился в полуколонию империалистических держав.

Поход русских войск в Китай и интервенция других государств не были популярны ни в России, ни в Европе.

В обличительных статьях русских социал-демократов звучало негодование по поводу жестокого подавления ихэтуаньского восстания. В первом номере газеты «Искра» В.И. Ленин от имени русских социал-демократов выразил симпатию китайскому народу, заклеймил позором колониальную политику западных держав и Японии.

В немецком рейхстаге с протестом против жестокости немецких войск, осуществляющих карательные акции в Китае, выступили Август Бебель и Вильгельм Либкнехт.

Им вторила буржуазная либеральная пресса, раздувая антивоенные, пацифистские настроения, обрушивая свой гнев на армию и «страшных, кровожадных казаков», убивающих «бедных, беззащитных китайцев».

А между тем на Дальнем Востоке, в связи с итогами войны в Китае, назревал новый пожар войны.

«Фитиль», зажженный восстанием ихэтуаней, постепенно тлел, все ближе подбираясь к «бочке с порохом», как можно образно назвать возникшие противоречия между Россией и Японией. Взрыв был неминуем. Японские империалисты, получив огромные займы, усиленно готовились к войне с Россией, а Россия, убаюканная своей мнимой мощью, спокойно «почивала на лаврах».

Казаки, отпущенные на льготу, украшенные знаками отличия военного ордена, серебряными и бронзовыми медалями «За поход в Китай», возвращались в станицы и поселки родного Забайкалья. До очередной войны для них наступила короткая передышка.

Глава IV

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ КАЗАКИ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904—1905 гг.

1. Начало Русско-японской войны и уход на нее забайкальских казаков

После подавления восстания ихэтуаней противоречия между вчерашними союзниками еще более обострились. Если до интервенции в Китай споры между США, Японией, Россией, Германией, Францией и Англией возникали из-за «арендуемых» тех или иных территорий в Китае, то после поражения цинского правительства в войне против этих держав речь пошла уже о разделе всей Китайской империи на сферы влияния, что означало практически, колонизацию этой древнейшей страны.

Особенно резко эти противоречия выявились между Россией и Японией. В разжигании их немаловажную роль сыграли США и Англия, которые надеялись вызвать вооруженный конфликт между двумя соседними странами и тем самым, ослабив их, укрепить свое влияние на Дальнем Востоке.

Внешняя политика Русского правительства на Дальнем Востоке вплоть до конца XIX века не носила захватнического характера, так как присоединенные к России земли не принадлежали ранее ни Японии, ни Китаю. Не особо заботилось правительство русского царя о процветании этого региона. Дальневосточные окраины развивались медленно, больше рассчитывая на собственные силы, чем на помощь из европейской части России. Мало того, продажа в 1867 году США Аляски и Алеутских островов и необоснованная уступка в 1875 году Японии принадлежащих России Курильских островов нанесли большой ущерб государственным интересам России на Тихом океане.

После первых попыток усиливающейся Японии проникнуть на материк в Корею и Китай, а также ввода русских войск в Маньчжурию столкновения между двумя странами стали неизбежны.

Большое беспокойство в Японии, Англии и США вызвала постройка Транссибирской магистрали и участка железной дороги от станции Маньчжурия до Владивостока, так называемой Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Эти страны увидели в этом угрозу своим колонизаторским планам в Восточной Азии. Противились Япония, Англия и США заключению договоров между Россией и Китаем, считая, что Россия получит большие привилегии в Китае, чем они.

Русское правительство сделало попытку наладить отношения с Японией, предложив договориться в отношении Кореи. Однако японцы отказались вести переговоры с Россией до тех пор, пока не будет восстановлено прежнее положение, которое было до Симоносекского договора, то есть пока из Маньчжурии не будут выведены русские войска.

В это время на дальневосточную политику царского правительства решающее влияние стала оказывать придворная группа ярых сторонников экспансии на Дальнем Востоке во главе с членом Особого комитета Дальнего Востока статским советником А.М. Безобразовым. В группу входили влиятельные при дворе лица, такие, как министр внутренних дел В.К. Плеве, наместник царя на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев, великий князь Александр Михайлович, граф И.И. Воронцов-Дашков, бывший министр двора и один из учредителей черносотенной «Священной дружины» В.М. Вонлярлярский и другие. Все они требовали немедленных и решительных действий по проникновению России в Корею.

Другая группа, возглавляемая министром финансов России С.Ю. Витте, стремилась к этой же цели, но мирным, экономическим путем, не доводя дело до войны с Японией. В эту группу входили военный министр А.Н. Куропаткин, министр иностранных дел В.Н. Ламздорф.

Победила первая группировка. В мае 1903 года Витте и Ламздорф были отстранены от участия в делах Дальнего Востока.

Наступил период «нового курса» на Дальнем Востоке, объявленный 7 мая 1903 года на совещании министров Николаем II. На этом совещании А.М. Безобразов убеждал царя занять район Ялу, где находились лесные концессии, держателями акций которых была безобразовская группа и сам император.

Таким образом, суть «нового курса» заключалась в стремлении захватить и колонизировать всю Маньчжурию, развить концессию в пограничных районах с Кореей и в первую очередь на реке Ялу, а затем проникнуть в Корею.

Николай II все больше подпадал под влияние безответственной клики Безобразова, который, не теряя времени даром, развернул бурную деятельность в районе дальневосточных лесных концессий. Ему удалось в

целях надзора за рубкой и сплавом леса в устье Ялу ввести на территорию концессии войска охранной стражи, состоявшие из уволенных в запас сибирских стрелков. Там же обосновались и агенты его компании, создав тем самым основу русской администрации на Ялу.

Внешняя политика великого государства оказалась в руках безобразовцев, которые ради своих корыстных целей готовы были предпринять любые авантюры на Дальнем Востоке.

Япония, видя, что русские усилия нацелены на Корею, лихорадочно готовилась к войне. Опираясь на материальную поддержку США и Англии, японские милитаристы заканчивали последние приготовления.

Россия в свою очередь тоже готовилась к войне, но времени для полной подготовки уже не оставалось. Чтобы как-то сгладить остроту в русско-японских отношениях, Россия в своих проектах соглашения с Японией пошла на некоторые существенные уступки в корейском вопросе.

Однако Япония все их отклонила, твердо заявив о намерениях захватить не только Корею, но и Маньчжурию, которую русское правительство не смогло закрепить за собой договором с Китаем. Последним японским требованиям был придан ультимативный характер в надежде на то, что Россия отклонит их. Война стала неизбежной.

В ночь на 27 января 1904 года последовало нападение японских миноносцев на русскую эскадру, стоявшую на внешнем рейде в Порт-Артуре. Война началась по инициативе Японии.

Значительную роль в развязывании войны сыграла политика, проводимая правительствами Англии и США. Они никогда не хотели видеть Россию сильной: ни тогда, ни теперь. Особенно это касается Англии, которая на протяжении столетий всячески противодействовала России, будь то на Западе Европы или на Ближнем Востоке, в Средиземноморско-Черноморском бассейне или на побережье Тихого океана, в Средней Азии или на Дальнем Востоке. Сомнительно, что устоявшиеся взгляды английской дипломатии в отношении России стали в наше время другими.

Подталкивал Россию к войне с Японией и германский император Вильгельм II, убеждавший Николая II взять на себя роль защитника Европы от «желтолицых», обещая помощь и поддержку в русско-японской войне и безопасность русских европейских границ. Этим он хотел отвлечь значительные русские силы от германской границы, а также ослабить или ликвидировать франко-русский союз, мешающий Вильгельму переделать карту Европы.

Россия к войне на Дальнем Востоке не была готова. Не хватало артиллерии, особенно горной, гаубичной и тяжелой, новых образцов. Несмотря на то, что Россия имела скорострельную 76 мм полевую пушку образца 1900 и 1902 годов, превосходившую по своим качествам все зарубежные аналоги, производство ее в массовом масштабе так и не было

налажено к началу войны. Недостаточно было новых, 7,62-мм, магазинных винтовок образца 1891 года конструкции С.И. Мосина.

Ощущался большой недостаток боеприпасов. К началу войны недостаток только винтовочных патронов составил 28 миллионов. Вместо установленной нормы — 840 патронов на винтовку — имелось лишь 400, а патронные заводы могли дать в год не более 150 патронов на винтовку.

Не производилась в стране телефонная и телеграфная аппаратура, недостаточно было в армии оптических приборов: биноклей, стереотруб, дальномеров. Все это пришлось закупать во Франции и Германии уже в ходе войны.

Большой недостаток ощущался в подготовленных офицерских кадрах. Организация, комплектование, вооружение и боевая подготовка войск отставали от требований военного искусства начала XX века. Все внимание уделялось ведению возможной войны на Западе против Германии и Австро-Венгрии и совершенно не думали об усилении обороны дальневосточных границ.

Командующий Приамурским военным округом генерал А.Н. Корф представил в Петербург план по укреплению безопасности дальневосточных границ России, но там продолжали уповать «...на стойкость наших войск, которым выпадает славная доля показать миру, что русский дух и русская отвага равно сильны как в сердце самой России, так и на далеком востоке Азии».

Русское командование явно недооценивало военную мощь Японии. Военный министр генерал А.Н. Куропаткин после инспекторской поездки на Дальний Восток докладывал царю в июле 1903 года: «Мы можем быть вполне спокойны за участь Приамурского края, мы ныне можем быть спокойны за судьбу Порт-Артура, и мы вполне надеемся отстоять Северную Маньчжурию». Наместник царя на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев также заявил, что «мы ничего не упустили для достижения этой цели».

Выше уже сказано, как «ничего не упустили» люди, отвечающие за безопасность государства. Приамурский военный округ, который они проверяли, остро нуждался во всем, имевшихся запасов явно не хватало для ведения большой войны. Учитывая трудности обеспечения армии всем необходимым на дальневосточном театре, военное ведомство должно было создать там необходимые запасы материальных средств, однако вопрос с продовольствием и фуражом решался частично.

Вместо того чтобы расположить запасы продовольствия на главном оперативном направлении, то есть на линии Хайчен, Ляоян, Мукден, где должны были сосредоточиваться главные силы Русской армии, военное ведомство размещало их не в Маньчжурии, а в Приамурском округе — вдали от предстоящих боевых действий.

На двух артиллерийских складах в Чите и Хабаровске, с отделением в Никольске-Уссурийском, имелся запас следующих артиллерийских сис-

тем: скорострельных пушек — 16, горных орудий — 16, полевых мортир (устаревших) — 4, винтовок — 50 400, револьверов — 500, шашек — 1600.

Мало оказалось запасных частей к скорострельным орудиям. Ничтожен был запас конской амуниции, совсем не имелось запаса смазочных материалов, подков, казачьих пик.

Вещевое имущество заготовили в достаточном количестве, однако качество его было настолько низким, что солдаты Маньчжурской армии постоянно ходили оборванными и разутыми. Отвратительное тыловое и техническое обеспечение в начальный период войны способствовало поражению Русской армии.

Совсем иначе готовилась к войне Япония, армия которой была вооружена современным оружием и имела все необходимые запасы боеприпасов и материальных средств. К началу войны только пулеметов она имела 147, в то время как русская армия на Дальнем Востоке имела 8 пулеметов системы «максим» в опытной пулеметной роте при 3-й Восточно-Сибирской стрелковой бригаде и 38 — в Порт-Артуре. В достаточном количестве японская армия имела скорострельные орудия полевой артиллерии системы «Арисака» и горные пушки с дальностью стрельбы 4,3 км.

Боевая подготовка в японской армии проходила по германским уставам и носила наступательный характер. Атаку учили завершать энергичным штыковым ударом. Японская пехота обладала высокой тактической выучкой как одиночного солдата, так и подразделения в целом. Солдат хорошо был обучен самоокапыванию, маскировке, передвижению на поле боя. В его снаряжение входили 3 патронные сумки со 120 патронами, ранец со скатанной шинелью и запасной парой башмаков, 2-дневный запас риса.

Японский солдат был физически крепок и вынослив, воспитан на беспрекословном подчинении приказу командира.

Японский батальон имел 898 солдат, полк — 2746. Дивизия в своем составе имела артиллерийский полк (36 орудий), полк кавалерии трехэскадронного состава, две пехотные бригады по два полка в каждой, инженерный и обозный батальоны. Все подразделения были обеспечены средствами связи.

Подготовлен японский солдат был хорошо и морально и, в отличие от русского солдата, знал, за что воюет.

Специально для войны с Россией японцы имели четыре армии общим числом в 300 тысяч солдат и подготовленный резерв более одного миллиона.

Такую армию в Петербурге рассчитывали «закидать шапками» русских солдат.

По первоначальным планам, разработанным еще до войны, считалось, что война с Японией будет непродолжительной и позволит обойтись теми силами, которыми располагали в этом районе страны военные вла-

сти. Привлекать для боевых действий войска, находящиеся на территории Европейской России, считалось нецелесообразным из-за их большой удаленности от театра войны. В случае внезапного нападения Японии предусматривалось вести в течение нескольких месяцев оборонительные сражения, и лишь после того, как будут сосредоточены в этом районе достаточные силы, предполагалось перейти в наступление и, вытеснив противника с континента, закончить войну в столице Японии.

Отношение военного командования России к возможной войне было самое беспечное. Серьезных военных действий не предполагали даже в штабе наместника Алексеева. В начале января Алексеев говорил главному инженеру Порт-Артура Рубицкому: «Поезжайте в отпуск — здесь у нас не предвидится никакой тревоги».

Так как главная цель книги — показать действия забайкальских казаков в Русско-японскую войну, то этому вопросу и будет уделено больше внимания, чем другим.

К началу войны конницу на Дальнем Востоке представлял только один регулярный Приморский драгунский 6-эскадронный полк. Вместе с 1-м Нерчинским казачьим полком Забайкальского войска и Уссурийским казачьим дивизионом этот полк составлял Уссурийскую конную бригаду.

В казачьих войсках к началу военных действий имелось четыре полка 6-сотенного состава, две 6-орудийные (1-я и 2-я) батареи Забайкальского казачьего войска; 3-сотенный Уссурийский казачий полк Амурского казачьего войска и 2-сотенный Уссурийский казачий дивизион Уссурийского казачьего войска. Всего к началу Русско-японской войны на службе в казачьих войсках вместе с охранной стражей находилось около 5 тысяч человек.

За четыре дня до вероломного нападения Японии на русский флот Николай II предоставил право своему наместнику на Дальнем Востоке Е.И. Алексееву объявлять военное положение по своему усмотрению.

В то же время, то есть 24 января 1904 года, им же было повелено для увеличения боевой готовности войск Дальнего Востока произвести опытную мобилизацию 4 льготных казачьих полков и 2 льготных батарей.

27 января 1904 года поступило монаршее повеление из мобилизуемых полков (2-го Верхнеудинского, 2-го Читинского, 2-го Нерчинского и 2-го Аргунского) сформировать дивизию, с наименованием ее Забайкальской казачьей дивизией, причем в состав 1-й бригады должны войти 2-й Верхнеудинский и 2-й Читинский полки, а в состав 2-й — 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский.

Всем казакам запасного и строевого разрядов, поступившим на формирование льготных и запасных частей, было приказано выдать по 100 рублей пособия каждому, а все расходы по мобилизации, ложившиеся на войсковой капитал, приняла на себя казна.

28 января, после нападения японской эскадры на русский флот в Порт-Артуре, последовал указ о приведении в военное положение войск,

находящихся в пределах Сибирского военного округа, и 9 февраля — Забайкальской области. В этот же день в высочайшем приказе было объявлено о формировании Маньчжурской армии в составе 1-го, 2-го и 3-го Сибирских армейских корпусов, 1-й Сибирской пехотной дивизии и льготных частей Забайкальского казачьего войска. Временное командование армией было вверено генералу от инфантерии Н.П. Линевичу.

В Забайкальской области (Приамурский военный округ) в мирное время находились 1-я Сибирская резервная бригада (4 батальона), которая с началом войны развертывалась в 1-ю Сибирскую пехотную дивизию (4 пехотных полка по 4 батальона в каждом и 1 запасной батальон); из льготных казаков формировались 5 полков 2-й и 3-й очереди (4 из них потом составили дивизию генерала Ренненкампфа) и 3 пеших казачьих батальона, а также 2 артиллерийские казачьи батареи (3-я и 4-я).

Фактически все сформированные казачьи части, кроме 3 пеших батальонов, которые использовались для охранной службы на линии железных дорог, были отправлены в действующую армию. Кроме уже названных частей, на основании телеграммы начальника окружного штаба военно-окружных управлений Маньчжурской армии от 23 марта 1904 года в Забайкальском казачьем войске были сформированы 20 конных отрядов для охраны границ — по 100 казаков запасного разряда в каждом.

Число казаков, находившихся в строевых частях к январю 1905 года, составляло 17 401 человек.

Льготные Забайкальские казачьи полки были отмобилизованы за 7 недель. Среднесуточный прирост в казачьих частях составлял 0,5 сотни. После отмобилизации некоторым сотням пришлось совершать длительные марши для соединения с другими сотнями своего полка.

К 5 марта развертывание Маньчжурской армии было завершено. Части Забайкальского казачьего войска были распределены следующим образом:

а) Восточный отряд под командованием М.И. Засулича (создан 28 февраля 1904 г. из Восточного авангарда, выдвинутого к реке Ялу): 1-й Аргунский казачий конный полк;

б) Отдельная Забайкальская казачья бригада генерала П.И. Мищенко, действующая в качестве армейской конницы: 1-й Читинский и 1-й Верхнеудинский казачьи полки, а также 1-я Забайкальская казачья конная батарея;

в) 2-я Забайкальская казачья батарея действовала в составе Южного авангарда, основу которого составлял 1-й Сибирский армейский корпус под командованием генерала Г.К. Штакельберга, располагающийся в районе Инкоу, Чайчжоу, Сеньючен;

г) Забайкальская казачья дивизия генерала П.К. Ренненкампфа, составлявшая общий резерв и находившаяся в районе Ляояна: 2-й Читинский, 2-й Аргунский, 2-й Верхнеудинский казачьи полки, 3-я и 4-я Забайкальские казачьи конные батареи;

д) оборона Уссурийского побережья (войска под командованием генерала Н.П. Линевича, после прибытия в армию 15 марта 1904 г. — А.Н. Куропаткина): 1-й Нерчинский казачий конный полк;

ж) запасные и этапные (охранные) части составляли 4-, 5-, 6-й Забайкальские казачьи пешие батальоны;

з) в Порт-Артуре находилась 4-я сотня 1-го Верхнеудинского казачьего полка, вошедшая в состав войск под командованием генерал-лейтенанта А.М. Стесселя.

Таким образом, в начале войны с Японией кавалерия Маньчжурской армии практически полностью состояла из казаков и в первую очередь Забайкальского казачьего войска. Хорошо проявившие себя во время похода в Китай забайкальские казаки подвергались резкой критике за свои действия в ходе Русско-японской войны 1904—1905 годов. Военные представители иностранных государств при русском штабе, иностранные корреспонденты соревновались в злословии по поводу русской конницы, обвиняя казаков во всех бедах и неудачах Русской армии.

В чем же так не угодили казаки иностранным знатокам кавалерии? Нет смысла приводить многочисленные высказывания их о казаках, но некоторые из них, наиболее характерные, ради справедливости и дальнейшего понимания сути вопроса привести надо.

Одним из серьезных критиков казачества был представитель Германского генерального штаба при Русской армии подполковник барон Э. Теттау, который не скрывал своих «искренних и дружеских чувств» к Русской армии.

Другой иностранный критик, сопровождавший Русскую армию в войне с Японией почти во всех крупных боях и сражениях и тоже относившийся к нам с «нескрываемой симпатией», был корреспондент парижского журнала Людовик Нодо.

Оба эти автора — не злопыхатели, а специалисты своего дела. Они не были врагами и старались не чернить действительность, а хотели разобраться во всем. Но и они так до конца и не поняли, в чем же причина того, что русская конница, во много раз превосходившая во всех отношениях японскую, так и не смогла оказать существенного влияния на ход боевых действий в Русско-японской войне. Наряду со знанием дела эти авторы ограничились поверхностным изучением вопроса. В большинстве случаев они довольствовались рассказами других участников тех событий, но ни тот ни другой лично не окунулись в казачью среду, не попытались понять, почему же казак, будучи храбрым воином, сплоченный коллективной ответственностью за дело, не выполнил той исторической миссии, которую с честью исполняли его предки. Ни тот и ни другой не попытались проникнуть в казачью психологию, не поставили себя на их место, а потом не спросили: «Почему?»

И таких «почему» много. Почему казак почти всю войну действовал как пехотинец; почему от него требовали разведданных, не обеспечив условий для их добывания; почему он не имел бинокля, компаса, карты и не был обучен, чтобы пользоваться ими; почему ни разу казачьи полки, бригады или дивизия не обрушились всей массой на противника и не изменили ход боя или сражения в свою пользу; почему боевая подготовка казаков, находящихся на льготе, была ниже, чем у казаков, находящихся на действительной службе; почему интенданты не заготовили для русской кавалерии подковы, сбрую, седла, пики...

Но рассмотрим, что же вменяли в вину «авторы-доброжелатели» забайкальским казакам, да и вообще всем казачьим войскам.

Так, барон Э. Теттау в своем труде «Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками», изданном в Санкт-Петербурге в 1907 г. в переводе с немецкого полковника Генерального штаба Грулева, пишет: «От казаков ожидали, что они скорее справятся с тяжелыми условиями продовольствия, расквартирования и путей сообщения, а что касается их боевых качеств, то думали, что они, во всяком случае, окажутся не ниже японской кавалерии, которую вообще не ставили очень высоко. Но тут оказалось, что сословие казаков пережило свою славу. Нынешним казакам недостает уже прирожденных воинских качеств их предков, в особенности недоставало этих качеств забайкальским казакам, которые никогда и не были ничем иным, как землепашцами. Полки второй очереди не обладали более высокими боевыми качествами». «Этим объясняется незначительная деятельность Русской кавалерии во время всей войны», — заключает далее он.

Всему виной, оказывается, то, что забайкальский казак в мирное время занимался хлебопашеством, а не сидел в седле и не упражнялся с шашкой. Но барон тут же противоречит себе, когда отмечает, что «тем не менее я должен сознаться, что на всех сначала произвела отличное впечатление казачья дивизия генерала Ренненкампфа; ежедневно эта дивизия проводила учения под Ляояном. По внешнему виду полков нельзя было заметить, что они состоят из людей и лошадей, давно отвыкших от службы в поле. Состав офицеров был отборный, он по большей части состоял из офицеров гвардейской кавалерии, которые в начале войны перевелись в казачьи войска. Имя генерала Ренненкампфа было известно, и его боялись во всей Восточной Азии. Если же, невзирая на все это, забайкальская казачья дивизия не оправдала возлагавшихся на нее надежд, равно как и все прибывшие впоследствии сформированные казачьи части, — то это служит доказательством тому, что резервная кавалерия даже с хорошими начальниками не в состоянии отвечать высоким требованиям, которые современная война предъявляет к деятельности кавалерии по части разведывательной и боевой службы».

А ведь дивизия Ренненкампфа была сформирована из льготных казачьих полков, и если действия казаков этой дивизии так понравились иностранным наблюдателям, то дела обстояли не так уж плохо. Ну, а что касается «разведывательной и боевой службы», то разговор об этом будет особый.

Слова барона Э. Теттау перекликаются с выводами французского военного корреспондента Л. Нодо. Он пишет: «...Главной причиной недостатка осведомленности, отчего так много терпел русский штаб, является, если можно так выразиться, обнаружившееся банкротство казаков, если не всей кавалерии». И далее: «...уже с самого начала стало заметно(!), что японская кавалерия признает несомненное превосходство над собой кавалерии русских и редко отходила далее чем на 3000 метров от своей пехоты, которая всегда приходит к ней на помощь своим огнем».

Противоречие явное: «банкроты казаки» и «несомненно превосходят» регулярных японских драгун. В этой же статье «Банкротство казаков» Л. Нодо, сам не замечая того, вступает в спор с таким авторитетом в знании кавалерии, как барон Э. Теттау, утверждающий, что каких командиров хороших ни дай казакам, все равно они, то есть казаки, плохи.

«Вне всякого сомнения, — пишет Нодо, — что русская кавалерия и главным образом та, что находится под начальством Мищенко и Самсонова, не раз исполняла блестящие военные поручения. Она умела и собрать кое-какие полезные данные». Далее он акцентирует: «...особенность кампании та, что казаки хотя и подтвердили свою старую репутацию относительно их наездниче ской выносливости (о чем никто и не спорит), но зато глубоко разочаровали специалистов своими военными действиями, и даже — русских офицеров».

«По мнению самих русских офицеров (?), опыт убедительнейше показал, как и почему современная война не допускает старой тактики, по которой казаки призывались, ополчались и шли первыми навстречу неприятелю. Казаки — превосходные наездники, люди смелые, необычайно выносливые, но они скорее милиционеры, чем солдаты».

«Теперь, понемногу, на практике под неприятельским огнем их военная подготовка закончена, но в начале войны она была самая жалкая; можно сказать, что ее почти не было, или что она была самого старого типа». Все сказанное верно, и никто это не оспаривает, но вина ли в этом казаков, которых не учили воевать по-современному?

«Эти темные люди относились к войне без всякого энтузиазма, потому что им осталась неясной ни ее цель, ни польза, и у них не было ни малейшего понятия о том, почему им надо стараться; и в начале они еле поворачивались и пользы приносили очень мало».

Тоже верно, но тогда не только «темные» казаки, но и высокообразованные офицеры-гвардейцы не понимали целей войны, о чем сетовал генерал Куропаткин в своем письме к императору от 8 июня 1904 года:

«Прискорбно то, что некоторые начальствующие лица разных степеней, начиная с ротных командиров, проявляют недостаточную уверенность в нашей победе над японцами и обнаруживают слишком нервное отношение к противнику». В этом же письме Куропаткин признается, что «нижние чины стали тоже более нервны, чем в Русско-турецкую войну. Но все же это прекрасный материал».

«Не только солдаты, но и офицеры не знали точно и осмысленно, во имя чего она началась...» — это мнение военачальника, но то же самое говорили многие, кто воевал на той войне. Армия и народ не были подготовлены к ней ни морально, ни материально.

Он же, Куропаткин, по поводу применения казаков сказал: «Конечно, если бы им почаще приходилось, как это было в стычке под Вафангоу (за несколько дней до большого сражения того же имени), налетать и разносить своими пиками японские эскадроны, то у них бы тогда же пробудилась любовь к этому спорту и они бы смогли, как в доброе старое время, показать свою наездническую удаль и свою физическую силу». Но, опять-таки, казаки ли виноваты в том, что пикам не находили применения их начальники. Далее Нодо, или забыв, что писал раньше, или не осознавая того, что его одна цитата опровергает другую, утверждает, что «...эта иррегулярная кавалерия мало способна к усвоению приемов новой тактики». Ну а как же быть с его словами о «законченности военной подготовки под огнем неприятеля»? Значит, способны были казаки освоить эту науку. Не преминул воспользоваться Л. Нодо испытанным приемом сослаться на кого-то, забыв, кстати, указать источник: «Много раз, в первые месяцы 1904 года, я слышал, как новые, прибывающие из Европы офицеры жаловались на недостаток дисциплины и предприимчивости, на отсутствие развития и энергии, замеченные ими у казаков. Много раз приходилось слышать рассказы — просто анекдоты, — как эти отряды кавалерии, посланные на разведки, преспокойно останавливались в деревушке и занимались своим любимым чаепитием, не замечая того, что местность занята японцами». Жаль, что Нодо не указал на тех офицеров конкретно, что жаловались на казаков, но очевидно одно, что это те офицеры из гвардейцев, которые, побыв с казаками месяц-другой и получив орден, стремились поскорей уйти в большой штаб, в адъютанты или на другую должность, но подальше от трудной и опасной службы в казачьих частях. О таких кулуарных разговорах пишет и Теттау. Но ради справедливости, забегая вперед, надо отметить, что большинство из прибывших офицеров-гвардейцев честно, самоотверженно и добросовестно выполняли свои обязанности на незначительных должностях казачьих офицеров, командуя полусотнями, сотнями и — редко — полками.

Они были исполнители, а решение на использование конницы принималось высокими начальниками, в больших штабах. Подавляющая

часть офицеров-гвардейцев, сиятельных и титулованных особ, цвет русской аристократии, стойко переносили все тяготы и лишения войны вместе со своими казаками от начала и до конца боевых действий на Маньчжурском фронте и очень тепло и с благодарностью отзывались о забайкальских казаках.

Немецкий военный и французский журналист, пишущий о войне, едины во мнении, что казачество изжило себя. Вместе с тем они восхищаются казаками, наблюдая их учения: «Мы были поражены, насколько даже движение галопом в сомкнутом строю выполнялось хорошо»; «усерднее всего казаки упражнялись в "лаве", но нам пришлось видеть и целые полки в сомкнутом строю». Если на учениях один из элементов «боевой службы» — атака — понравился барону Э. Теттау, то, к сожалению, в ходе боевых действий ему так и не удалось наблюдать ни атаки «лавой» полком, ни сомкнутым строем. За всю войну то, чему казаки были обучены, по мнению Теттау, хорошо, они так и не применили в составе полка, бригады, дивизии. Сомкнутый строй вообще не применялся, а «лавой» атаковали сотней, двумя и редко — неполным полком. А кто в этом виноват? Казаки выполнять приемы умели, но ведь этого мало — надо применить знания, полученные на учениях, в бою, а для этого нужны условия боевой обстановки, благоприятная для действия конницы местность и решение командира на атаку тем или иным способом. Разве виноват был казак, что за всю войну ему не дали проявить себя в лихой, яростной атаке полком, бригадой, дивизией? То в гору загонят, где и взводу на конях не развернуться, то момент для атаки прозевают «хорошие начальники», которыми восхищается барон.

То, что не видел профессиональный военный подполковник барон Теттау, сумел разглядеть корреспондент Нодо, а это тот психологический момент, когда русский солдат-пехотинец не мыслил себя без присутствия рядом, зримо или незримо, казака. Так уж повелось, что русский солдат-пехотинец, артиллерист всегда чувствовал себя увереннее, если действовал совместно с казаком. Совершает пехота марш — казак впереди, охраняет ее от внезапного нападения противника; пехота отдыхает, а казак сторожит ее покой, находясь в сторожевом охранении; пехота в обороне, а казачьи разъезды на передовой позиции, в готовности предупредить о надвигающемся противнике. Казак на войне был нужен всем.

Описывая кошмар отступления Русской армии на Мукден, Л. Надо вынужден был признать, что вид казаков, маячивших вдали, «успокоительно» действовал на пехоту. Вот как он об этом пишет: «Мы шли прямо на Восток. Мы со всех сторон были окружены казаками. Мы их замечали издали, как черные точки; они же без отдыха ехали по сторонам нашей колонны; иногда они исчезали в глубине синеватого горизонта; иногда их неподвижный силуэт возвышался на каком-нибудь холме, вырисовываясь на фоне неба. И успокоенная присутствием этих бодр-

ствующих "сторожевых псов" пехота приободрилась, успокоилась, подумывая о следующей остановке». Тот же Нодо, человек, без сомнения, храбрый, дважды благодарит судьбу за встречу с казаками.

Первый раз, когда, спасаясь от японцев, занявших Синминтин, под видом коммерсанта следовал по дороге на Мукден с риском быть захваченным и изуродованным шайкой хунхузов. «Мы по всем сторонам искали следы первых бойцов — задир Русской армии», — так он называл казаков. Он не скрывал своей радости, когда в ближайшей деревне из-за трубы на крыше фанзы заметил две косматые точки, отчетливо видимые на фоне ясного неба. «Тут не надо было догадываться. Это были папахи. Там были казаки!» Встреча с казаками означала спасение и окончание всех переживаний.

Второй раз — он чуть было не попал в засаду, устроенную хунхузами в маленькой рощице недалеко от китайской деревни. Не зная, что делать, и готовясь получить пулю, Нодо увидел, как из деревни появились всадники и направились к нему. «Казаки! Я побежал к ним навстречу... и указал на близость двух разбойников. Оба всадника не заставили себя повторять два раза; выхватив шашки, они во весь мах понеслись к рощице, где спрятались хунхузы... Казаки — преследователи ужасные. Кто дал им возможность воспользоваться их саблей или пикой, — тот пропал».

В статье «Банкротство казаков» военный корреспондент Л. Нодо под словом «казак» обобщает представителей всех казачьих войск и иррегулярных формирований России.

А между тем не все казаки были одинаковы. Много подвигов совершили донские, терские (русские), сибирские, уральские, амурские и уссурийские казаки. Но, пожалуй, особенно тяжелая доля выпала забайкальским казакам. Они первыми были отмобилизованы и брошены в бой; благодаря тому, что они были выносливее и неприхотливее других, вся тяжесть сторожевой службы и разведки ложилась на них; они составляли абсолютное большинство казаков в Маньчжурии; они больше всех участвовали в боях в качестве пехоты, и они больше всех понесли потери в этой войне; они больше, чем кто-либо, заслуживали слова благодарности и почестей.

Обезличивая казаков, одним махом подписывая им приговор, Нодо показал полное незнание особенностей казачьей психологии, и те многие отрицательные качества, приписанные им казакам, надо было адресовать тем, кто руководил ими.

Не казаки были виноваты во всех неудачах Русской армии, а те, кто обязан был грамотно использовать огромные преимущества казачьей конницы перед пехотой.

С негодованием пишет Нодо о «горцах-казаках». По способу формирования кавказских частей можно было уже судить, что это были за «ка-

заки». Во-первых, их наняли, заплатив наперед за шесть месяцев участия в войне; во-вторых, это были в основном горцы-мусульмане, воины храбрые, но не казаки; в-третьих, они шли на войну, имея веками сложившуюся психологию: захватить добычу, обогатиться на войне, прославить себя перед соплеменниками, но в итоге получили большие потери от пуль невидимого в сопках противника, болезни и смерть от непривычных для них зимних холодов и не имеющую конца войну.

Горцы взбунтовались, потребовали возвращения их на Кавказ и, как следствие, военный трибунал и смертная казнь зачинщикам неповиновения.

В отличие от горцев казаку с детства внушали любовь к Богу, царю и Отечеству. Казачий дух формировался веками, воспитание строилось на беспрекословном повиновении своим командирам и беспредельной преданности Родине, ненависти к ее врагам и готовности к самопожертвованию. Даже не зная цели войны, казак, воспитанный на таких традициях, свято выполнял свой долг, не задумываясь, для чего и во имя чего идет война. Ему все было ясно с момента мобилизации: у Родины есть враг, и его надо уничтожить. А если он еще знает, во имя каких великих интересов ведется война, то героизму его нет предела.

Так было в войне 1812 года, во всех русско-турецких войнах, в Русско-китайской войне 1900—1901 гг., так было и в Русско-японскую войну.

Сам Нодо в этой же статье не отрицал, а утверждал, что «душевное настроение этих бунтовщиков нельзя считать общим всем казакам армии. Наоборот, много прославленных примеров говорит о противном».

Без сомнения, прав Нодо, когда касается таких проблем, как боевая подготовка льготных казаков, тактика действий казачьих частей в современной войне; будущее кавалерии вообще и казачьей в частности; рациональное использование казачьей кавалерии и ее преимущества; умение одинаково хорошо действовать в бою как шашкой, так и винтовкой; необходимость учить казака сражаться в пешем строю по уставам пехоты; воспитание у казаков находчивости, осторожности, хитрости, инициативы, смелости.

Забайкальское казачье войско считалось в то время молодым войском, несмотря на то, что старшинство имело с 1655 года. Созданное как военная организация в 1851 году, оно существенно отличалось от таких казачьих войск, как Донское, Кубанское, Терское, и не имело таких богатых традиций, как они — но в бою забайкальцы им не уступали. Это — общее мнение всех без исключения офицеров, служивших в казачьих частях в Русско-японскую войну.

«Надежды не оправдали... по части разведывательной», — писал барон Теттау. «Главной причиной неосведомленности русских штабов, — считал Нодо, — обнаружившееся банкротство казаков», и в конце добавляет: «если не всей кавалерии». Авторы грешили перед правдой, обвиняя

казаков в неумении вести разведку и в то же время превознося организацию японской разведки. Кому, как не им, доподлинно было известно, что основные разведданные о Русской армии японцы получали за счет искусно организованной шпионской деятельности на территории, занятой их противником, а не от своей малочисленной конницы. В условиях, когда даже единичные герои-разведчики не могли проникнуть в тыл японцев через «завесу» их сторожевых охранений и постов, то что требовать от казачьих разъездов в составе взводов, полусотен и сотен? Не проще ли было заняться тем, чем занимались японцы, — получать разведданные от китайских агентов, действующих на территории, занятой японцами.

Не преминул лягнуть казаков один известный японский генерал, что «казаки — это пугало, которым нас, японцев, пугают». Пугало не пугало, а японские эскадроны, завидя взвод казаков, немедленно уходили под прикрытие своей пехоты.

Никому не нужна лакировка прошедших почти 100 лет назад событий Русско-японской войны, но правда о забайкальских казаках должна быть сказана.

Нет ничего страшнее, чем беспамятство и забвение, а еще хуже, когда причиной этому является неправда умышленная или нечаянная. Возрождающееся забайкальское казачество должно знать свою историю, гордиться своими предками, чтить боевые традиции и воспитывать на них молодежь.

2. Действия Забайкальской казачьей конной бригады на Ляодунском полуострове, в Северной Корее и отход на Ялу

Перед войной Забайкальская казачья бригада под командованием генерала П.И. Мищенко находилась в Южной Маньчжурии, на Ляодунском полуострове. Ее полки были размещены следующим образом: штаб, четыре сотни и учебная команда 1-го Верхнеудинского полка стояли в Талиенване, 6-я сотня находилась в Бицзыво, а 4-я — в Порт-Артуре; четыре сотни и штаб 1-го Читинского полка располагались в Фынхуанчене, одна сотня в Мукдене, а другая в Шанхайгуане. Сотни насчитывали в своем составе по 80—100 казаков и по 4—5 офицеров.

С началом войны на бригаду была возложена задача наблюдать за восточным побережьем Ляодунского полуострова от Бицзыво до устья Ялу. За западным побережьем наблюдала Уссурийская казачья бригада, расположенная у Чайчжоу и Сеньючена.

В ночь на 26 января 1904 г. японцы начали высадку авангардных частей 1-й армии генерала Куроки в корейском порту Чемульпо, а 27 января в 11.45 на рейде этого порта произошел неравный героический бой русского крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» с японской эскадрой контр-адмирала Уриу.

За час сражения, выпустив по кораблям противника 1105 снарядов, командоры «Варяга» и «Корейца» нанесли серьезные повреждения флагману японской эскадры — крейсеру «Асама» и крейсеру «Чиода», потопили один миноносец, но и сам крейсер «Варяг» получил такие пробоины, при которых прорыв к Порт-Артуру оказался уже невозможным. Взорвав «Кореец» и потопив «Варяг», команды перешли на нейтральные военные корабли, стоявшие в Чемульпо в качестве стационеров (сторожевых судов. — *Примеч. ред.*). Только командир американского корабля отказался принять русских раненых матросов и офицеров.

Высадившиеся с японских транспортов в Чемульпо солдаты Куроки через день захватили столицу Кореи — Сеул.

Ожидалась высадка японских десантов и на Ляодунский полуостров в пунктах Дагушань, Бицзыво и в районе Инкоу-Чайчжоу.

Ночью 26 января восемь японских миноносцев подходили к Талиенванской бухте.

Утром 27 января в 1-м Верхнеудинском полку уже знали о нападении японской эскадры на русские корабли в Порт-Артуре, поэтому были приняты меры по охране Талиенванской бухты от возможного десанта.

На ночь в районе бухты Кер выслали разъезд сотника Лескова, а по берегу Талиенванской бухты поставили посты наблюдения от 5-й сотни. Назначено было дежурное подразделение — полусотня 2-й сотни под командованием хорунжего графа Комаровского (будущего командира 1-го Читинского казачьего полка в 1917 году).

От нее выделены дозоры для поддержания связи с 5-м Восточно-Сибирским стрелковым полком, расположенным на Киньджоуской позиции.

На другой день, 28 января, несмотря на начавшийся тайфун, на городской площади в Талиенване был проведен молебен, на который вывели войска гарнизона. Все были уверены в победе над врагом. «Если на море моряки проспали японца, то на суше мы ему покажем», — говорили в казачьих сотнях.

Казаки горели желанием сразиться с вероломным врагом. И неправда, что они не знали, за что будут воевать. Знали. Внешний враг, Япония, первая напала на Россию, вот и надо сражаться с японцами, чтобы защитить русские интересы на Ляодунском полуострове и в Маньчжурии. Все само собой разумеется, и не требуется других разъяснений. Для того чтобы казак храбро воевал, этого было достаточно.

Опасаясь повторного подхода японских кораблей к Талиенванской бухте, русское морское командование начало установку противокора-

бельных мин. 29 января казачьи посты верхнеудинцев наблюдали, как взорвался и пошел ко дну минный транспорт «Енисей», ставивший минные заграждения и погибший от своей мины.

30 января полку было приказано выступить на Дагушань и занять весь берег Корейского залива, от Бицзыво до Дагушаня, линией постов.

В поход не выступила 4-я сотня полка, которая осталась в Порт-Артуре, и ее постигла участь всех войск, предательски сданных в плен Стесселем.

Через три дня 1-й Верхнеудинский полк сосредоточился в Бицзыво, где уже находилась его 6-я сотня.

Одновременно с 1-м Верхнеудинским казачьим полком к корейской границе выступил и 1-й Читинский казачий полк. Его первая сотня убыла к корейской границе 28 января, а четыре сотни вместе с 1-й Забайкальской батареей — 30 января. Забегая вперед, необходимо отметить, что 1-й Читинский полк составлял ядро отряда генерала П.И. Мищенко. Другие забайкальские казачьи полки — верхнеудинцы, аргунцы — периодически входили и выходили из состава Забайкальской казачьей бригады, а читинцы находились в ее составе от начала и до конца войны.

Вскоре в Шахедзы собрался весь 1-й Читинский полк, где он получил задачу: находясь в Шахедзы, вместе с 1-й Забайкальской казачьей батареей и охотничьей командой 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка «наблюдать двумя сотнями реку Ялу и побережье от Кулуцзы до деревни Татунгоу (120 верст), захватить на реке все перевозочные средства и произвести разведку в Корею, по возможности, до Пеньяна (Пхеньяна)».

Уже 1 февраля три офицерских разъезда 1-го Читинского полка — поручика Святополк-Мирского, хорунжего Лоншакова и подхорунжего Назарова — были высланы в Корею.

Согласно плану начальника бригады генерала П.И. Мищенко, весь берег от Бицзыво до Дагушаня делился на два участка и поручался для наблюдения 1-му Верхнеудинскому казачьему полку. По решению полковника Мациевского, командира верхнеудинцев, первый участок от Бицзыво до реки Биляохэ был поручен для наблюдения 1-й сотне, второй — от реки Биляохэ до полуострова Вандятыня — 2-й сотне.

2 февраля полк сделал переход в 30 верст, потом еще два перехода в 30 и 35 верст за два дня, выставляя по ходу следования посты наблюдения от 1-й и 2-й сотен.

5 февраля полк в составе трех сотен прибыл в Дагушан. На следующий день 6-я сотня полка убыла вместе с генералом Мищенко в Шахедзы.

4 февраля была получена телеграмма о сформировании передового конного отряда под командованием генерал-майора П.И. Мищенко в составе 1-го Читинского, Уссурийского и 1-го Аргунского казачьих пол-

ков, охотничьей команды 15-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, 1-й Забайкальской казачьей батареи.

1-й Верхнеудинский полк оставлялся в Дагушане для охраны побережья от Бицзыво до Дагушаня, на протяжении 200 с лишком верст.

3 февраля на укомплектование 1-го Читинского полка в Шахедзы прибыло 204 молодых и призванных со льготы казаков, почти столько же прибыло в Дагушан на пополнение 1-го Верхнеудинского полка. Все казаки имели дело с винтовками системы «бердан» и не умели обращаться с трехлинейной винтовкой Мосина. К обучению пополнения приступили немедленно.

Командованием 1-го Верхнеудинского полка были приняты меры предосторожности от нападения хунхузов, которыми кишела Южная Маньчжурия, на полк и посты наблюдения на побережье. Был взят под наблюдение берег от Дагушаня до Татунгоу, куда выставили урядническое посты, общей численностью до полусотни от 5-й сотни под командой сотника Петрова. Посты были выставлены в деревнях Хондухан, Людатынь; городе Потинза и деревне Самусадза. Эти же посты держали связь с 1-м Читинским полком.

Стали поступать сведения о бомбардировке японской эскадрой Порт-Артура, о посадке на суда 2-й японской армии Оку и скорой высадке ее где-то на берегу Корейского залива.

Вероятнее всего это могло быть у Дагушаня. На самое удобное место для высадки десанта, полуостров Вандатынь, был выставлен наблюдательный пост. Для поддержания постоянной связи ночью между постами назначались два офицерских разъезда: один действовал до 24.00, другой — до утра.

Таким образом, принятыми мерами восточная часть Ляодунского полуострова была надежно взята казаками под наблюдение. Однако при отсутствии телефонной связи между постами оповестить своевременно командование полка о высадке японского десанта было чрезвычайно трудно. Система оповещения не отличалась по своей организации от системы столетней давности. Вся надежда возлагалась на посыльного казака и его коня.

Оставив один полк для наблюдения за побережьем, генерал Мищенко приступил к выполнению поставленной задачи: «вторгнуться в Корею и вести разведку армии Куроки».

Через 4 дня после убытия в Корею трех офицерских разъездов, 5 февраля, выступили 3-я и 4-я сотни 1-го Читинского полка под командованием войскового старшины Куклина, которые должны были соединиться с 1-й сотней читинцев, убывшей к корейской границе еще ранее, и составить авангард отряда.

6 февраля разъезды 3-й и 4-й сотен захватили в Ыйчжу шесть японцев и трех японок. Это были майор Того-Тацузиро с женой, двумя слу-

жанками и пятью солдатами. В их задачу входило наблюдение за передвижением русских частей через реку Ялу. Пленных отправили в Иркутск.

8 февраля в Ыйчжу вошла 5-я сотня, а 10 февраля главные силы отряда прошли через Ыйчжу в Корею. На другой день к отряду присоединился 1-й Аргунский полк.

Таким образом, только через 10 дней после передовых своих сотен главные силы конного отряда генерала Мищенко двинулись к Пеньяну (Пхеньяну) вглубь Корейского полуострова. Такое растянутое в глубину движение отряда не могло охватить местность на широком фронте, исключало взаимную поддержку одних частей другими.

12 февраля передовые сотни отряда перешли через реку Чончонган и остановились в Аньчжу, выслав разведывательные разъезды к древней столице Кореи Пеньяну (Пхеньяну) и к городу Нимбену.

Первая сотня Читинского полка под командованием есаула Перфильева подошла 14 февраля к Пхеньяну на 15 верст. На рассвете следующего дня сотня вплотную продвинулась к городу, который, по словам местных жителей из окрестных деревень, был занят сильным, до 8 тысяч, отрядом японцев. Проверить эти данные казакам не удалось, так как разъезд подъесаула Н.С. Сарычева встретился с японским разъездом из шести драгун и офицера, который опешил, не ожидая встречи с русскими в такой близи от города. Подошедший с фланга разъезд хорунжего Лоншакова, состоявший из урядников Антона Беломестнова, Фомы Измайлова и Никиты Беломестнова, выхватив шашки, бросился в атаку на японцев, но те, не приняв боя, карьером помчались к Пхеньяну.

Офицер отстреливался из револьвера. Догнать, захватить или уничтожить японский разъезд не удалось, помешали выстрелы с городских стен.

Пришлось казакам отходить. В городе началась паника, так как наступления русских в Корее не ждали.

Передовые сотни отряда генерала Мищенко углубились на расстояние до 150 верст вглубь территории Кореи, но достоверных сведений о противнике так и не получили. Уточнить непосредственным наблюдением силы противника казаки не смогли, пришлось довольствоваться тем, что сообщили местные жители и что удалось понять из их слов.

К сожалению, отправляя в Корею отряд, русское командование не побеспокоилось о том, чтобы укомплектовать его переводчиками, снабдить картами, компасами, биноклями, денежными средствами для организации тайной разведки, а потом еще упрекало в своих депешах в том, что казаки до сих пор «не разведали о силах противника».

Мало того, не верили донесениям генерала Мищенко о сосредоточении у Пеньяна (Пхеньяна) армии Куроки. Генерал Мищенко с горечью сообщал: «Японцы на меня сердятся, да и в Ляояне мною недовольны».

Действия конного отряда осложнялись еще и местными условиями: левый фланг японцев прикрывался морем, а правый терялся в горной местности. Кроме того, отряду при постановке задачи генералом Линевичем предписывалось (депеша № 121) «строго беречь нашу конницу; решительно не допускать, чтобы наша немногочисленная конница была расстроена в первый же период кампании». Опасение русского командования лишиться конницы еще в начале войны сыграло свою отрицательную роль.

12 февраля генерал-адъютант Куропаткин, опасаясь за далеко выдвинутый отряд, прямо предписал ему «отойти назад в Ыйчжу, высылая вперед только разъезды».

В последующих событиях эта осторожность стала навязчивой идеей при принятии решения на использование конницы. Возможность помешать действиям японских войск в Корее была упущена.

Командир 1-го Читинского казачьего полка полковник Георгий Андреевич Павлов, крепкий мужчина с седеющей широкой бородой, с крупными чертами лица, в разговоре с военным корреспондентом П. Красновым (будущий атаман Всевеликого Войска Донского и один из лидеров Белого движения. — *Примеч. ред.*) о действиях казаков в Корее так оценил результаты их работы: «Не дали работать... только, имей мы в тылу хоть немного пехоты, мы могли бы сильно их тревожить, а так сделали гораздо меньше, чем могли бы сделать».

Отряд Мищенко сосредоточился в Ыйчжу, высылая разъезды для ведения разведки, которые из-за своей маломощности не могли с боем проникнуть через японские сторожевые заставы и ограничивались сбором информации от местных жителей, которая порой была просто «фантастической».

В Ыйчжу для укомплектования 1-го Читинского полка прибыло еще 213 льготных и молодых казаков. Из них 160 были пешие и предназначались в обоз. Поэтому из-за отсутствия в отряде колесного обоза они были посажены на обозных лошадей, а также на купленных и пригнанных лошадей из Забайкалья. Количество людей во взводах и сотнях увеличивалось, но половина из прибывших была или не обучена вовсе, или хорошо забыла на льготе все, чему учили когда-то в строевых частях и на сборах. Военную науку им пришлось постичь в ходе ведения боевых действий, и они успешно справились с этой задачей. За первый месяц боевой службы показали себя молодцами. «Всюду и везде они стремились вперед, следовали на всякую опасность за своими офицерами. Под непредставительной внешностью, за грязными тулупами и полушубками скрывалось неизменное золотое Русское сердце», — писал участник тех событий военный корреспондент П. Краснов в своей книге «Год войны».

Стычки с японскими разъездами проходили постоянно. Не в пример старшим начальникам, казаки действовали смело и решительно. Так,

разъезд подхорунжего Назарова, возвращаясь из Нимбена, атаковал японских кавалеристов, теснивших разъезд 1-го Аргунского полка. Японцы бросились врассыпную, но один упал во рву с лошади, запутавшись в стремени и поводе. Казак 2-й сотни Дорофей Першин, опередив товарищей, бросился к японцу, но тот, освободившись от пут, с саблей наголо ждал его приближения. Казак мог бы сразу застрелить его, но ради честного боя Першин тоже спешился и с шашкой кинулся на японца. Между ними возникла дуэль. Изловчившись, казак нанес удар по японцу и ранил его. Тот бросился бежать и был подстрелен.

24 февраля у Пакчена была устроена засада японскому разъезду. Потеряв одного человека убитым, драгуны скрылись. При преследовании казаки захватили брошенные патроны, пироксилиновые (взрывчатое вещество. — *Примеч. ред.*) шашки и одеяла. По всей видимости, японский разъезд направлялся в русский тыл для диверсионных действий.

Поддерживая передовые сотни, главные силы отряда Мищенко 26 февраля, оставив в Ыйчжу 1-ю Забайкальскую казачью батарею и охотничью команду, выступили по дороге на Аньчжу. У Сакчжу были оставлены 3-я и 4-я сотни 1-го Читинского полка для наблюдения за дорогами, ведущими из Кореи на север, в направлении на Пиксдон (Пектон) и Канге, выслав разъезды на Унсан и Тайчуван (Тайчен).

Сотням предстояло сделать пробег в 130 верст. 25 февраля сотни выступили, а 28 февраля разъезд 4-й сотни 1-го Читинского полка под командованием поручика Святополк-Мирского и хорунжего Токмакова прошел на Нимбен и Тайчен. У города Нимбена разъезд был обстрелян японским караулом, а 40 японских кавалеристов попытались преследовать казачий разъезд, но Святополк-Мирский, разрушив своими казаками мост через непроходимую вброд реку Охутуй, ушел к своей сотне.

Наступая к северу, японцы отгородили свои главные силы линией пехотных застав по рекам Тайдончана, Чинганчана, Пакченчана на удобных для движения направлениях, лишив тем самым казаков возможности проникнуть за эту завесу к главным силам с флангов или с фронта.

1-я сотня читинцев осталась обеспечивать переправу отряда через Ялу на обратном пути, а 4-я сотня аргунцев на русском участке в Ламбыгоу под командованием есаула Якова Пешкова осталась наблюдать за морем.

В течение 3, 4 и 5 марта разъезды вели усиленную разведку в районах Аньчжу, Чончанчана, Тайчувана и в сторону моря. В ходе разведки удалось выяснить, что небольшие передовые отряды японцев из пехоты и кавалерии находятся уже на правом берегу Пакченчана, а разъезды их доходят до Касана; что в Аньчжу — около 3 тысяч японских солдат; что в Цикампо постоянно прибывают японские суда и транспорты и что войска, высадившиеся здесь, идут к Пеньяну (Пхеньяну) и далее на Унсан и Канге.

В сложившихся условиях отряд уже не мог скрыто вести разведку. Поддерживая передовые сотни, главные силы Мищенко в начале марта вновь выдвинулись вперед к Сенчхену (Сенчену) и дальше к Пакчену, но, сблизившись с противником, продолжали бездействовать, а затем снова отошли назад, опасаясь за свой тыл.

Таким образом, соприкосновение с противником было утеряно, и довольствоваться пришлось сведениями от корейцев-лазутчиков, которые больше работали на японцев, чем на русских, поставляя неправдоподобные, а иногда просто фантастические сведения. Один лазутчик говорил, что вся дорога от Сеула до Аньчжу кишит японцами, идущими по ней, другой уверяет, что по этой дороге движется только кавалерия; третий рассказывает о пушках, а четвертый утверждает, что их нет. Все эти данные нужно было перепроверить, чтобы выяснить истинное положение дел, а для этого — идти вперед.

В Сенчхене (Сенчене) генералу Мищенко было доставлено письмо от генерал-лейтенанта Линевича, в котором тот сообщал, что в депеше № 927 от 9 марта, отправленной ему генерал-лейтенантом Жилинским, говорилось, что Главнокомандующий всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке наместник царя адмирал Е.И. Алексеев потребовал от отряда Мищенко более решительных действий и выразил сожаление, что «Мищенко не потрепал японцев».

Выполняя это пожелание — «потрепать японцев», генерал Мищенко решил дать бой в окрестностях города Чончжу (Чинчжоу). С этой целью он вновь двинулся 15 марта к городу, находившемуся на вероятном пути наступления японцев, и где, по сведениям казачьих разведдозоров и местных жителей, располагался их передовой отряд силою в четыре эскадрона драгун.

Отряд разделился на три колонны: среднюю, три сотни читинцев, вел генерал Мищенко; левую, две сотни аргунцев, вел их командир — полковник Грухин; а правой, одной сотней, руководил командир читинцев полковник Г.А. Павлов. Еще одна сотня читинцев обошла город, чтобы отрезать выход из него с юга.

Город притих и казался вымершим, но едва дозор левой колонны вступил за его ограду, как раздались выстрелы. Сотни левой колонны наметом (предельный конский аллюр — казачий термин. — *Примеч. ред.*) бросились ему на выручку, ворвались в городские ворота, спешились и в пешем строю бросились на штурм сопки внутри городской стены. Вместо японских драгун казаки увидели перед собой стойкую японскую пехоту, которая открыла по ним огонь пачками. Казаки залегли и отвечали им залповым огнем, дружным и метким.

К аргунцам подошли казаки правой и средней колонн, быстро спешились и заняли позицию: на горе возле города — правая, а средняя — за горою, за городом. Пешими сотнями правой колонны командовал есаул

Красноставов, который после каждого удачного залпа говорил людям: «Спасибо, братцы», а из цепи весело отвечали: «Рады стараться, ваше благородие».

На помощь пехотной роте и кавалерийскому эскадрону, оборонявшим город, поспешили еще три японских эскадрона. Два прорвались в город, а третий попал под залпы казачьих сотен и в беспорядке повернул назад, оставляя упавшими десятки всадников и лошадей. На узкой улице города в панике метались японские солдаты и кавалеристы. Штабс-капитан Степанов решил ударить по ним в шашки в пешем строю. Скомандовав: «Шашки — вон», он поднялся в атаку, но был смертельно ранен. Командование принял корнет Базилевич, но и он упал, раненный в живот. За ним были ранены еще девять казаков и два были убиты. Атака не удалась, а в это время четыре японские роты бегом выдвигались на выручку своего гарнизона.

Генерал Мищенко приказал коноводам подать лошадей спешенным казакам и трубить «отход».

Под прикрытием одной сотни Читинского полка, руководимой полковником Павловым, отряд организованно отошел от Чончжу. В этом бою были убиты один офицер и три казака, ранены три офицера и двенадцать казаков. Сотник 1-го Читинского полка И.Ф. Шильников, серьезно раненный в руку и под лопатку, остался в строю. Штабс-капитан Степанов — первый сухопутный офицер, погибший в бою с японцами на этой войне.

Раненым под огнем противника оказывали помощь старший врач Читинского полка надворный советник Вейнбаум и младший врач Аргунского полка.

В бою особенно отличилась 3-я сотня 1-го Аргунского полка под командой подъесаула Красноставова. Потери японцев, по их официальным сообщениям, составили 3 офицера и 14 солдат. Однако позже корейцы сообщили нашим разъездам, что японское командование наняло пятьсот человек для переноски 120 раненых.

Патриотическая пресса ликовала, описывая этот бой. «Первое столкновение русских и японских войск на суше в Северной Корее ознаменовалось блестящей победой Русского оружия», — писал собственный корреспондент газеты «Байкал» 21 марта 1904 года из Ляояна. И далее продолжал: «Потери японцев в десять раз больше русских; по сведениям от корейцев, японцы похоронили 50 убитых; нанято 500 корейцев перенести 120 раненых японцев. Смятение японцев было так велико, что выкинули два флага Красного Креста в знак пощады».

«...17-го числа казачьи полки праздновали войсковой праздник Алексея человека Божия — покровителя забайкальских и приамурских казаков».

В столице России и других городах проходили манифестации патриотов.

«Появление на улице мохнатой сибирской папахи возбуждало всеобщий восторг», — отмечает военный корреспондент, писатель П. Краснов в своих очерках о Русско-японской войне.

Война представлялась легкой, интересной, и все были уверены, что она закончится в Токио. От желающих ехать на войну отбоя не было.

В газетах стали приводить примеры, во что обошлась России Крымская война 1853—1856 гг. (в месяц 50 миллионов рублей, а всего 1400 миллионов рублей; погибло более 100 000 русских и 156 000 солдат противника). Другие газеты указывали, что в Крымскую войну погибло всего 447 тысяч человек. Писали, что Русско-турецкая война продолжалась 9 месяцев и 9 дней, погибло 172 000 русских солдат, стоила она России 1,5 миллиарда рублей. Приводились данные по франко-прусской, англо-бурской, австро-прусской и японо-китайской войнам. Особенно подчеркивали, что в борьбе с китайской армией, которая в боевом отношении была «ниже всякой критики», Япония истратила 200 миллионов рублей и выставила армию в 80 тысяч человек.

На основании всего этого делался вывод, что «золотой наличности (120 миллионов рублей), хранящейся в Токийском центральном банке, не хватит для покрытия расходов на первые 9 месяцев Русско-японской войны».

Ставился вопрос: «Сколько времени понадобится Японии при счастливейших для нее условиях, чтобы вытеснить русских из Маньчжурии?» И как вывод: «Эта задача не под силу Японии, у нее для этого нет ни людей, ни средств».

В городе-крепости Порт-Артуре никакой тревоги не ощущалось. Работы на Киньчжоуской позиции, стратегическом ключе в системе обороны города, не велись.

На вопрос военного корреспондента Е.К. Ножина, насколько сильна эта позиция, и в состоянии ли мы будем на ней долго держаться, генерал Фок, один из будущих предателей, сдавших крепость, ответил: «Что? Что вы говорите? Да я на этой позиции буду волчком ходить, и японцу не видать Артура, как своих ушей».

От первых боев в Северной Корее до блокады Порт-Артура с суши осталось два месяца. Из крепости, отдаленной от России несколькими тысячами верст, блокируемой уже с моря и вот-вот — с суши, вывозились целыми вагонами сахар, мука, соль, консервированное молоко, зелень, рыбные и мясные консервы.

Беспечность и шапкозакидательство царило везде и во всем.

А между тем 1-я армия Куроки, пользуясь пассивностью русских, грозно надвигалась к Ялу, где вскоре произойдет сражение, которое затмит все предыдущие действия русских войск в Корее, произведет тяжелое впечатление на русские войска и существенно повлияет на ход дальнейших событий.

Оставаться и действовать в районе Аньчжу, Чончжу и Пеньяна (Пхеньяна), где сосредоточивалась 1-я японская армия Куроки, и имея позади себя реку без бродов, было опасно.

В общем, разведка противника, предпринятая отдельной Забайкальской бригадой в Корее, мало что дала для выяснения группировки и намерений противника. Можно было бы выяснить значительно больше о противнике, если бы над генералом Мищенко не довлел приказ «строго беречь нашу конницу» и если бы главные силы отряда не отвели к Ыйчжу — и именно тогда, когда дальнейшее пребывание его в Корее было просто необходимо для пользы разведки.

Почти достигнув передовыми частями Пхеньяна, отряд выяснил лишь общее направление движения армии Куроки к нижнему течению Ялу, а затем под давлением авангардов японцев стал отходить.

18 марта Забайкальская казачья бригада начала тяжелую переправу через реку Ялу. По своему значению она равна была выигранному сражению, так как конница, прижатая к реке, была легкой добычей для японских авангардов, которые форсированным маршем шли к переправе.

Место переправы определил генерал Н.А. Каштalинский, которому было приказано обеспечить ее, и чьи войска обороняли противоположный берег. Вопреки просьбе генерала Мищенко о подготовке переправы у Тюренчена, место для переправы было определено им в направлении Шахедзы — Ыйчжу.

К этому времени лед на реке прошел, но отдельные льдины еще плыли. Вода поднялась высоко, и броды, на которые рассчитывали забайкальцы, стали непроходимыми. Кроме того, река Ялу в окрестностях Ыйчжу разделяется на несколько рукавов, образуя дельту шириной до 30 верст. Каждый рукав имеет глубокое русло шириной в самом узком месте до 80 саженей, а во многих местах ширина рукавов достигает 1/4—1/2 версты. Скорость течения реки 2—3 фута в секунду. Китайский берег — господствующий.

Для переправы использовались заранее приготовленные лодки-боты, выдолбленные из целого дерева, шаланды. Переправа началась в 15 часов 18 минут 18 марта. Оружие, седла, люди переправлялись в лодках, лошадей погнали вплавь, привязывая по шесть-восемь к боту или шаланде. Один бот с тремя урядниками 6-й сотни Читинского полка перевернулся. Казаки оказались в ледяной воде, но благополучно добрались до берега, держась за хвосты лошадей. На переправу одной сотни затрачивалось 3 часа. В течение первого дня через первый рукав переправились две сотни и весь вьючный обоз, раненые и больные. Переправа продолжалась и ночью. К утру 19 марта переправилась 4-я сотня 1-го Аргунского полка, пришедшая из Ламбагоу, к 15 часам дня перешли через первый рукав еще две сотни читинцев, две сотни уссурийцев и одна сотня аргунцев, а всего за сутки — восемь сотен.

С 15 часов начался сильный ледоход, и через полчаса вся поверхность реки сплошь покрылась льдинами. Переправа стала невозможной. Для доставки важных донесений около восьми часов вечера от 1-го Аргунского полка были вызваны охотники-казаки (добровольцы). Пакет нужно было доставить на телеграфную станцию в деревню Матуцео. На глазах у всего отряда два смельчака-казака, прыгая с льдины на льдину, помогая друг другу, преодолели опасные места и доставили пакет по назначению.

К 10 часам вечера вода спала, лед прошел, и переправа опять заработала под руководством командира читинцев полковника А.Г. Павлова. Генерал Мищенко с несколькими сотнями казаков занимал позицию на перевале в семи верстах и прикрывал переправу от нападения противника. Казачьи разъезды все время ходили вверх и вниз на Ялу, а также по дороге на Кусен.

К рассвету 20 марта переправили только амуницию 2-й и 5-й сотен Читинского полка, а утром — и лошадей этих сотен.

Трудная и опасная переправа к 15 часам подошла к концу. Последняя шаланда перевезла у Тюренчена начальника отряда, его штаб и конвой.

После преодоления первого рукава оставалось впереди еще два. Только 21 марта к 14.00 отряд оказался на маньчжурском берегу Ялу. Продолжавшийся 49 дней поход в Корею закончился.

Казаки выдержали испытания и холодом, и голодом; несли тяжелую службу в разъездах и охранении; обеспечивали летучую почту от Аньчжоу до Ыйчжу (130 верст), до Сакчена и Кусена (90—100 верст), до Пектона и на Ламбогоу; мужественно и храбро вели себя в бою.

Несмотря на все эти трудности и лишения, «моральное состояние отряда было превосходным», — напишет потом В.А. Апушкин, изучавший опыт действия отряда Мищенко и сам являвшийся участником Русско-японской войны.

На удивление всем, мало было больных, меньше, чем в мирное время. По свидетельству полкового адъютанта 1-го Читинского полка сотника И.Ф. Шильникова, в полку за время похода заболело и было госпитализировано не более 10 человек.

21 марта утром Ыйчжу был занят японцами, которые стремились к переправе, чтобы ликвидировать наиболее боеспособные полки русской конницы, прижатые к реке Ялу.

Ограничившись посылкой отряда генерала П.И. Мищенко на Ляодунский полуостров и Корею с целью разведки и наблюдения за противником, русское командование позволило японцам беспрепятственно высаживаться в Корее. Пассивно-выжидательная позиция командующего Маньчжурской армией позволила японцам успешно переправить войско в Корею, накопить силы и повести решительное наступление на русские войска, нанести им ряд сокрушительных поражений.

Горстка казаков, какие бы они храбрые ни были, не могла помешать этому. Надо было двинуть на Корейское побережье армию, перехватить инициативу у японцев и не дать им возможность осуществить свой план вторжения в Корею.

3. Сражение на реке Ялу

К 10 апреля 45-тысячная армия Куроки, беспрепятственно преодолев всю Корею, вышла к реке Ялу и сосредоточилась на ее левом берегу.

Забайкальская казачья бригада генерала П.И. Мищенко после выхода в расположение своих войск получила участок обороны протяженностью до 75 километров на правом фланге района обороны Восточного отряда.

Бригаде была поставлена задача: вместе с Восточным отрядом генерала Н.А. Кашталинского «сторожить эту реку и наблюдать за высадкою японских войск на берега Ляодуна», а также по мере своих возможностей задерживать высадку японцев по линии Няньчань, устье реки Ялу и на побережье Корейского залива до Бицзыво.

К этому времени из состава отряда были выведены 1-й Аргунский и Уссурийский казачьи полки, которые образовали отдельный отряд, сначала под командованием Е.И. Трухина, а потом полковника Карцева, командира уссурийцев. На этот отряд возлагалась задача «наблюдать» левый фланг района обороны Восточного отряда. Казаки получили для обороны и наблюдения участок левее позиции пехоты полковника П.А. Лечицкого.

С уходом из состава бригады двух полков у генерала Мищенко остались 1-й Читинский и 1-й Верхнеудинский казачьи полки, а также 1-я Забайкальская казачья батарея.

1-му Читинскому казачьему полку было поручено наблюдать Ялу от Кондагоу до Татунгоу, а от Татунгоу до Бицзыво эту задачу выполнял 1-й Верхнеудинский полк.

Для связи с Восточным отрядом была устроена «летучая» почта, которую обслуживала 3-я сотня читинцев, 5-я и 6-я сотни держали связь с верхнеудинцами и остальными тремя сотнями, с 1-й Забайкальской батареей, стоящей у Эрлдагоу. В последующем эти три сотни и батарея переместились на линию Чибенсан — Мадуга — Молинза.

Болотистая местность, дожди затрудняли патрулирование между цепью постов, выставленных по реке и побережью. Все утопало в черной грязи.

До 10 апреля противник не беспокоил казаков, но уже 11 апреля к заставе 1-й сотни Читинского полка у Тяусынгоу подошел японский катер и дал по часовому залп из десяти винтовок. 12 апреля в море появилась

японская эскадра. Наблюдение было усилено. В устье Ялу стали заходить японские транспорты, которые беспрепятственно высаживали свои войска. В 16.00 взвод 1-й Забайкальской батареи попытался вести огонь по кораблям, стоявшим у Ламбогоу, но под мощным ответным огнем вынужден был замолчать и уйти в укрытие.

На высотах у Амисана артиллеристы-забайкальцы выставили макеты орудий и чучела, обозначающие прислугу, по которым вели огонь японские военные корабли.

В течение нескольких дней японцы захватили острова на реке Ялу, а 13 апреля, создав под Тюренченом пятикратное превосходство в живой силе и трехкратное — в артиллерии, перешли в наступление. Ночью были захвачены острова Самалинду и Киури, на которых были оборудованы огневые позиции для артиллерии.

Захватив острова, японцы приблизили артиллерию на дальность действительного огня ее, кроме того, с захватом острова Киури была потеряна связь между Тюренченским участком и отрядом полковника Лечицкого у Амбихе.

Утром 17 апреля японцы начали наводить мост через Ялу. Русская артиллерия попыталась воспрепятствовать этому, но была быстро подавлена огнем японской артиллерии с острова Самалинду.

В 7.00 18 апреля 20 осадных 120 мм крупповских гаубиц и 72 орудия полевой артиллерии калибра 75 мм открыли сильный огонь по Тюренченскому участку обороны Восточного отряда. Под его прикрытием густые цепи японской пехоты начали наступление на Тюренчен, Потэтынза, Чингоу. Им противостояли 5 тысяч русских штыков, не поддержанные ни артиллерией, ни резервами из района Саходзы.

Разведка противника русским командованием организована не была — ни войсковая, ни агентурная. Бессмысленно сдвинув конницу далеко на фланги и лишив ее возможности вести разведку, генерал Засулич не смог правильно определить направление главного удара противника, ошибочно считая, что оно будет в направлении на Саходзы. Оставаясь в этом заблуждении, командующий Восточным отрядом не принял никаких мер к усилению Тюренченского участка даже тогда, когда стало ясно, что главный удар там.

Отсутствие надежной связи не позволяло организовать взаимодействие частей русского отряда в ходе боя. Не зная обстановки, роты 22-го Восточно-Сибирского стрелкового полка у Потэтынзы, не дождавшись атаки японцев, отошли на запад в горы, бросив без прикрытия 6 орудий, которые в неисправном состоянии достались японцам.

У Чингоу три пехотные роты и два орудия также поспешно отошли по дороге на Хаматан.

Отход подразделений 22-го полка позволил японцам, остановленным у Тюренченя героическими усилиями 12-го и 11-го полков, обойти левый

фланг Тюренченской позиции. Прикрывая отход 12-го стрелкового полка, 11-й полк, 3-я и 2-я артиллерийские батареи Восточно-Сибирской артиллерийской бригады оказались в окружении. Продолжая охват, японские цепи окончательно перекрыли все выходы из ущелья в Хаматан. Было принято решение прорываться.

Очевидцы события с восхищением описывают эту отчаянную и героическую штыковую атаку сибирских стрелков. Вот как воспроизвел ее барон Теттау в своем отчете: «Пулеметная рота и 1-й батальон 11-го стрелкового полка обрушили на японцев ураганный огонь (говорят, что рота расстреляла 35 000 патронов). 3-й батальон 11-го полка изготовился к штыковому удару. За третьим батальоном стали музыка (полковой оркестр), 1-я рота со знаменем и нестроевая рота от главного перевязочного пункта. Полковой священник отец Щербаковский благословил батальон крестом, и войска пошли в атаку под звуки музыки. Трижды водил он людей в атаку, пока сам не был ранен двумя пулями. На каждом шагу от ураганного огня японцев падали убитые и раненые. Не обращая внимания на потери, 3-й батальон, точно по учебному полю, стройно прошел 1000 шагов под звуки музыки для удара в штыки. Четыре раза дрогнули шеренги сибиряков, но потом выравнивались, и люди шли вперед.

Команда музыкантов из 32 человек потеряла 16, но, не отставая от батальона, играла атаку. Японцы уклонились от штыкового удара, очистили проход и отошли на север. Русские прорвались.

Подобрав раненых товарищей, сибирские полки отошли к дороге на Хаматан».

В полку из 44 офицеров 26 были убиты или ранены, 273 солдата убиты, 352 ранены, но ушли вместе с другими; 312 раненых остались лежать на поле боя, а всего 837 солдат героического 11-го Восточно-Сибирского полка из 2480 остались на территории, занятой японцами.

«Потрясенные небывалым мужеством русских солдат, японцы, обессиленные тяжелым боем, остановились на занятых позициях и наблюдали, как уходили русские. Один японский офицер стоял впереди своих солдат, приложив руку к головному убору, а солдаты кричали не то "ура"», не то "банзай"», — напишет потом военный корреспондент П. Краснов в своей книге «Год войны».

Потери обеих сторон в Тюренченском бою были огромны. Русские потеряли около 3 тысяч человек, из них 70 офицеров. Погиб отважный командир 11-го полка полковник Лайминг, но самые большие потери понесла артиллерия, которая лишилась 75 % офицеров, 67—77 % рядового состава, 21 % орудий и 84 % лошадей. Всего было расстреляно в Тюренченском бою 800 000 патронов.

Японцы потеряли (по их данным) 1036 человек. Корреспондент газеты «Дейли ньюс», осматривавший поле сражения у Тюренчена, писал, что наибольший урон японцы понесли при переходе через Ялу: «по обоим

берегам лежат груды трупов. Зрелище ужасное». После боя японские солдаты с восхищением рассказывали корреспонденту о чудесах храбрости сибиряков. Поле боя осталось за противником, поэтому официальные сообщения японцев о потерях могли быть занижены. Многие тогда сходились на том, что потери японцев превысили 4 тысячи человек.

Забайкальские казаки, как видно из описания событий, в бою под Тюренченом участия не принимали, находились далеко от тех мест, где развивались главные действия, но и их обвинили в причине поражения под Тюренченом. На казаков посыпались упреки, что они своевременно не обнаружили переправу японцев через реку Ялу и что об этом узнали обороняющиеся у Тюренчена войска только ночью с 17 на 18 апреля, и что казаки не обнаружили обход левого фланга Тюренченской позиции.

Абсурдность обвинений очевидна. Как могли казаки обнаружить переправу японцев или обход левого фланга русской позиции, если их там не было.

С началом Тюренченского боя 1-й Верхнеудинский полк наблюдал за побережьем там, где ему было указано. Потом последовали два распоряжения: первое — снять посты и идти на помощь Восточному отряду и второе — вернуться в Дагушань и охранять берег моря. Пока полк снимал посты, снова выставлял, деревня Хондухан была занята японским разъездом. Так как противник, переправившись через Ялу, шел вдоль берега моря, наблюдать за ним было бесполезно.

Пройдя Дагушань, полк двинулся по дороге на Сюян. Две сотни, 1-я и 2-я, под командованием войскового старшины Ловцова из-за неразберихи 21 и 22 апреля так и не присоединились к полку. Потом выяснилось, что они ушли к Чуанхо. Для наблюдения за противником у Хондухана был оставлен офицерский разъезд, кроме того, разъезды вели наблюдение за противником в районе Луомяо и Вандятынь. До начала мая полк простоял биваком на Хайченской дороге, севернее Сюяна.

Впервые прибывший в казачью часть бывший драгун Рейтерфен, назначенный на должность командира 2-й сотни 1-го Верхнеудинского полка, в своих воспоминаниях так описал первые впечатления о встрече с забайкальскими казаками:

«...Непривычен был вид казачьего бивака. Удивлял вид 500 лошадей, похожих то ли на коз, то ли на лошадь Пржевальского, стоящих в коновязи в полковой сотенной колонне.

Между сотнями равными рядами были разложены седла, перевернутые для просушки потниками вверх.

Невдалеке от коновязи разделывали бычью тушу, здесь же валялись внутренности, копыта.

Казаки называли друг друга "паря". Они сидели небольшими компаниями вокруг котелков и молча "чаевали". Вид у них был какой-то странный, я ожидал встретить уныние или, наоборот, подъем духа, усталость

или бодрость, распущенность или подтянутость — все, что угодно, но по их лицам и манерам я не мог никак найти в них чем-нибудь выдающееся настроение. Они "чаевали", вот все, что можно было сказать о них.

В лагере был порядок — это было видно по разбитым ровным коновязям, по седлам, по несению внутренней службы, этот порядок, казалось, чем-то нарушается.

А нарушается этот порядок удручающим видом казаков. Начиная от козырька фуражки на «паре» и кончая его ичигами, на нем было какое-то тряпье. Они и ставили в тупик каждого, кто глядел на него или на лагерь. Не то солдат, не то оборванец.

Обидно было за этот чудный боевой состав. Эти лучшие в мире солдаты, всосавшие с молоком своей матери воинский дух, доблесть, военную смекалку, заброшены, как негодный самородок. Этому истинному воину вместо боевой лошади дан какой-то козел, вместо седла — какая-то куча, про обмундирование и говорить нечего...»

Потом у блестящего драгуна мнение о «козле» поменяется, и он живо сменит своего породистого рысака на забайкальскую лошадку.

Слова Рейтерфена о казаках напрочь опровергают домыслы сторонних наблюдателей о казачьем войске как недисциплинированной, неорганизованной массе вооруженных людей, а что одеты в рванье, что седла у всех разные, так это оттого, что снабжение плохое, что с начала войны все время в походе, что все свое снаряжение казак приобретает за свой счет, и где уж там до роскоши и красоты: лишь бы денег наскрести на все, что ему положено иметь.

4. Отход от Тюренчена и бои на перевалах

С началом отхода наших войск от Тюренчена получил в 11.30 18 апреля приказ на отход и генерал Мищенко. В 16.00, собрав все свои заставы, посты и разъезды, отряд двинулся на Лидяпхудзу, Идяпудзы к Пьямыню.

Для установления связи с Восточным отрядом был послан разъезд хорунжего Петрункевича, а за ним и вся 2-я сотня 1-го Читинского полка; 6-я сотня осталась для связи с 1-м Верхнеудинским полком.

Оставшийся на берегу Ялу один из разъездов обнаружил движение японской конницы от Шахедзы в Татунгоу, а другой разъезд наблюдал, как одна японская рота, переправившись у Амисана, утром 19-го числа атаковала ложную батарею.

19 апреля связь с Восточным отрядом установить не удалось. Был выслан еще один разъезд сотника Шильникова с тремя казаками. Пройдя ночью 60 верст, он нашел отряд на Пьямынской позиции и утром 20 ап-

реля вернулся к своему отряду, который и вывел к Пьямыню ближайшей дорогой.

В 6 часов утра 21 апреля весь отряд генерала Мищенко отступил к Фынхуанчену, где получил новую задачу: идти на Шализай и охранять пути к Сюяну и Хайчену от Фынхуанчена, Пьямыня, Шахедзы, Татунгоу и Дагушаня. После Тюренченского боя Восточный отряд генерал-лейтенанта Засулича, в составе которого действовали забайкальцы, отошел на Фынхуанчен и далее, на перевалы Феньшуйлинский и Модулинский.

Выполняя новую задачу, отряд Мищенко совершал в сутки 2—3 версты, находясь постоянно в соприкосновении с противником. По оценкам участников тех событий, это были самые тяжелые дни жизни и службы отряда. Ежедневно высылаемые от полка по 4—5 офицерских и 3—4 урядни ческих разъездов вели перестрелки и схватки с японскими разъездами. По свидетельству полковника Данилова, офицера разведывательного отдела штаба армии, в этот период времени конница давала обстоятельные сведения о расположении японцев у Фынхуанчена и Сюяна. Однако, по сведениям военных агентов Гамильтона и барона Теттау, разведывательные данные в этот период были недостаточно полны и точны. В официальном издании о войне указывалось, что «войсковая разведка по-прежнему нужных сведений не добывала и всей обстановки не разъясняла». Оставим на совести авторов эту оценку действий казаков, но и обратимся к воспоминаниям очевидцев тех событий.

С отходом русских войск на перевалы Феншуйлинского (Фыншуйлинского) хребта стратегическая инициатива оказалась в руках японцев, которые 22 апреля начали высадку 2-й армии генерала Оку в районе Бицзыво на Квантунском полуострове. За ней должна была высадиться 3-я армия генерала М. Ноги, нацеленная на захват Порт-Артура. Ее развертывание и действия обеспечивала с севера 2-я армия.

В районе Дагушаня вела подготовку к высадке 4-я армия М. Нодзу, которая вместе с 1-й и 2-й армиями, действуя против главных сил русских, обеспечивала успех 3-й армии в борьбе за Порт-Артур.

Русская Маньчжурская армия, усиленная войсками Приамурского военного округа и Забайкальской области, ожидала прибытия из Сибири 4-го Сибирского и из европейской части России 10-го и 17-го армейских корпусов.

К 1 мая группировка Маньчжурской армии разделилась на Южный и Восточный отряды и общий резерв. На Ляодунском полуострове по линии Инкоу, Гайчжоу, Хайчен и на перевалах Далин и Пхалин находились войска 1-го Сибирского армейского корпуса, составляющие Южный отряд.

Восточный отряд, в который входили части 3-го Сибирского армейского корпуса, после поражения под Тюренченом прикрывал район со-

средоточения главных сил от действий 1-й японской армии и находился на Феншуйлинском и Модулинском перевалах.

В его составе насчитывалось 18,5 батальона пехоты, 14,5 сотни и 32 орудия.

Правый фланг Восточного отряда прикрывался отрядом генерала П.И. Мищенко, имевшего в своем составе 11 сотен и 6 орудий.

После того как 23 апреля японцы заняли Фынхуанчен и вышли во фланг русской Маньчжурской армии, развернутой на линии Ляоян, Хайчен, в соответствии с приказом прикрывать правый фланг Восточного отряда на направлении Дагушань, Сюянь, Хайчен, — казаки были постоянно в бою, донесения в штаб отряда шли непрерывным потоком. 1 мая вернулся из разведки сотник 1-го Читинского полка Сараев и доложил, что 29 и 30 апреля в Седзыхе японцев не обнаружено, а в Шализая стоят два эскадрона драгун.

На дороге из Дагушаня движение войск не обнаружено. Командир отряда решает идти вперед на Дагушань и искать встречи с японцами. Разъезды тем временем доносили о движении войск противника на Фынхуанчен.

30 апреля 3-я, 4-я,5-я сотни 1-го Верхнеудинского полка были отправлены в набег на Дагушань. Выходили, точно на маневрах в мирное время, а не в ожидании скрытого боя, в котором кому-то придется погибнуть. Собирались, строились без всякой суеты, крика, степенно. Все знали, что и кому делать, и потому были спокойны.

Шли с соблюдением всех мер предосторожности: авангард, боковые пешие дозоры по хребтам.

В 10 утра произошла встреча с разъездом противника из 12 драгун, которые, увидев казаков, немедленно скрылись. Предполагая, что за разъездом следует японское боевое охранение, на равнине за Сюяном сотни развернулись в лаву и прошли 5 верст, ожидая встречи с противником.

1 мая удалось установить, что японцы занимают линию Шахедзы — Фынхуанчен, а их левофланговая застава находится в Ляоляо.

Достигнув Дагушаньских сопок, казаки осмотрели рейд и гавань, не обнаружив ни одного корабля, с которого бы высаживался десант.

Японские разъезды, время от времени появляющиеся перед фронтом отряда, быстро исчезали.

Установив, что у Дагушаня высадки десанта нет, отряд 2 мая вернулся на бивак в районе Сюяня.

В первый день разведки отряд прошел 55 верст, во второй — 70, а на третьи сутки — 30 верст, всего 155 верст. Кони под седлом пробыли 53 часа, одна треть пути пройдена казаками пешком по хребтам, сопкам, ущельям.

И это только одна рядовая разведка, одна из сотен, которые еще ждут казаков в течение войны, и проходила она без боя, маневра во фланг и

тыл противнику, без преследования, атаки или отражения наступления, а сколько их будет потом со всем этим?

Через три-четыре месяца со дня начала войны от непрерывного лазания по горам форменная одежда казаков пришла в негодность, Подкова еле выдерживала 5 недель, после чего надо было снова перековывать коней.

«Кроме внешнего вида казака резал глаза новому человеку не из казачьей среды, — напишет в воспоминаниях Рейтерфен, — вид казачьей лошади, за которой не было абсолютно никакого ухода, кроме как дать корм. Забайкальские казаки просто не привыкли заботиться о своей лошади, да и что заботиться о ней, если она и так чувствует себя неплохо. Ни одна лошадь в мире не вынесла бы такой адской работы при таком уходе. Благодаря ей, «забайкалке», русская армия в Маньчжурии сохранила кавалерию».

Слова офицера-драгуна, привыкшего к седлу породистого боевого коня, — лучшее доказательство той роли, которую сыграла эта невзрачная, но сверхвыносливая порода лошади, на которой воевали забайкальские казаки. Этому удивительному существу воздадут должную похвалу все офицеры-кавалеристы, участники войны с Японией, менявшие своих чистокровных коней на косматую, невзрачную «забайкалку».

В первых числах мая полк получил задачу занять Ситхучензу, войти в соприкосновение с противником и наблюдать за его действиями.

Выполняя эту задачу, полк медленно отходил на Ляолинский перевал и к 5 мая вышел к деревне Седцхоте, восточнее Сюяна, где соединился с 1-м Читинским полком. В этом же месте 1-я и 2-я сотни 1-го Верхнеудинского полка присоединились к своим товарищам.

5 мая была получена телеграмма от командующего армией с предложением пробраться в тыл противника и дойти до Селюджана (Селинчжаня), Фынхуанчена, Пьямыня и Тонсанчендзы, чтобы определить силы противника, районы его сосредоточения и степень готовности к продолжению боевых действий. Были собраны все офицеры и вызваны добровольцы для выполнения этой рискованной задачи. Вызвались идти в разведку все находящиеся в строю офицеры 1-го Читинского полка: подъесаул Сарычев, сотники Шильников и Сараев, хорунжий Токмаков и прикомандированные к полку штабс-ротмистр Брауншвейг, штабс-капитан Потоцкий и поручик Святополк-Мирский; от Верхнеудинского полка был только хорунжий Фищев, который и вышел.

В разведку были назначены из добровольцев: штабс-ротмистр фон Брауншвейг, штабс-капитан Потоцкий, поручик Святополк-Мирский, хорунжие Токмаков и Фищев.

Потоцкий, Святополк-Мирский и Токмаков выступили вместе с 30 казаками. Однако с таким количеством людей пробраться через японское сторожевое охранение было невозможно, поэтому приняли решение

отправить казаков обратно. Остались при Святополк-Мирском — урядник Старицын, а при Потоцком и Токмакове — урядник Мунгалов и приказный Пинигин.

Пробравшись через густую цепь часовых, Потоцкий и Токмаков в течение 8 мая наблюдали движение обозов и тысячи кули (китайские носильщики) по дороге из Шахедзы в Фынхуанчен. Убедившись, что армия Куроки сосредоточивается в районе Фынхуанчена — Пьямыня, они ночью на 9 мая пошли обратно к месту, где их ожидали Мунгалов и Пинигин. На месте обусловленной встречи казаков не оказалось, так как, обнаруженные японцами, они вынуждены были уходить от преследователей. Но каждый раз, как только преследование прекращалось, верные казаки возвращались, рискуя жизнью, на указанное место для встречи офицеров. Убедившись, что соединиться с офицерами не удастся, Мунгалов и Пинигин 12 мая вышли к отряду.

Испытав массу опасностей в тылу японцев, 11 мая Потоцкий и Токмаков благополучно вернулись к отряду, доставив важные сведения об армии Куроки.

Неудача постигла двух офицеров: фон Брауншвейга и Святополк-Мирского. Первый не дошел до Селюджана, а второй около самого Фынхуанчена попал в плен. Пройдя через все злоключения плена, этот русский офицер из старинного княжеского рода России проявил величайшую верность своему воинскому долгу и присяге, его подвигами восхищались японцы, а пример поведения в плену достоин того, чтобы рассказать об этом подробно.

Вот краткая история его подвига: 7—9 мая вел разведку лагеря японцев, уходил от преследования, был ранен; 10 мая взят в плен солдатами 3-го японского полка; вечером этого же дня был доставлен в главную квартиру армии Куроки; 11 мая представлен генералу Куроки на допрос; 11 мая, ночью, совершил побег, но был пойман и 12 мая посажен в тюрьму города Шахедзы; 25 мая из тюрьмы через китайца послал в штаб армии донесение о результате разведки (донесение было получено); 2 июня отправлен в Японию и помещен в госпиталь; 28 июня переведен в помещение для военнопленных «Какайдо», откуда 6 июля с четырьмя товарищами бежал. Среди бежавших был и забайкалец, казак 2-го Аргунского полка Василий Полухин; 12 июля был пойман и отправлен в тюрьму города Мацуяма, где пробыл три месяца. На обещание администрации тюрьмы выпустить его, если даст слово не бежать, ответил, что такое слово будет противоречить присяге, где повелевается «переносить голод, и холод, и всякую нужду, и не щадить живота своего до последней капли крови».

Начальник над пленными в городе Мацуяма, полковник Кооно, похвалил его за твердое исполнение долга и написал об этом случае японскому военному министру, который потом сообщил о поведении русского офицера в плену в Россию; 21 декабря 1904 г. вновь бежал в группе из

6 человек, среди которых тоже были забайкальцы — казаки 1-го Читинского полка Михаил Жарков и Алексей Крикунов, попавшие в плен при попытке прорваться через японские заставы с целью разведки, и казак 4-й сотни 1-го Верхнеудинского полка, защитник Порт-Артура, Михаил Измайлов, попавший в плен из-за предательства генералов Стесселя, Фока и других, сдавших преждевременно город-крепость; 26 декабря 1904 года в 6 верстах от берега и шхуны, на которой они хотели бежать, были схвачены; 21 января суд в городе Вентутзы приговорил Святополк-Мирского к повешению, замененное по ходатайству товарищей и французского консула 15 годами каторжных работ, замененных в свою очередь 15 годами тюрьмы. В тюрьме Святополк-Мирский отказался поменять офицерский мундир на одежду арестанта. Будучи переодет силой, разделся донага и отказался принимать пищу. Добившись возвращения мундира и узнав, что вновь готовится его переодевание в тюремную одежду, подал просьбу о замене тюремного заключения смертной казнью. После этого переведен в тюрьму города Токио, откуда был выпущен в октябре 1905 года.

Надо отметить, что положение русских военнопленных в Японии, можно смело сказать, было неплохим. Офицеры получали ежемесячно от русской казны 50 рублей жалованья, имели вестовых из числа пленных рядового состава, получали почту и книги, которые, правда, подолгу задерживались в японских канцеляриях в ожидании цензуры. Охотно давали читать японцы подпольное издание «Революционная Россия». Как бы то ни было, терпеть можно было, тем более что, кроме сказанного выше, в распоряжении пленных офицеров были бильярд и теннис, разрешалось пользоваться садом для прогулок, каждый имел отдельную комнату, иногда разрешали выходить в город, на работы никто не привлекался. Можно было спокойно дождаться окончания войны и уехать на родину. Однако побеги русских из плена были очень частым явлением. Не все решались на это, так как по японским законам за побег грозило тюремное заключение на длительные сроки, но смельчаки находились. Среди них почти в каждой бежавшей группе были казаки-забайкальцы.

Испытывая огромные трудности в чужой стране, бежавшие стремились к морю, чтобы, захватив шхуну или баркас, морем добраться до материка, а потом пешком выйти к своим.

Об одной из таких групп смельчаков пишет в своей книге мичман А. Толстопятов, сам участник побега. Из пяти человек бежавших — двое были забайкальские казаки, бывшие защитники Порт-Артура, хорунжий 4-й сотни 1-го Верхнеудинского полка В.И. Носонов и казак этой сотни Фирсов. Побег не удался.

Пройдя по горам и лесам острова Киусиу за десять суток 200 верст, они были пойманы и приговорены японским судом к 4 годам тюрьмы — офицеры и 1 году — рядовые.

После окончания войны оба казака вернулись в родное Забайкалье, ничего не требуя за свои муки и унижения, принятые не по своей вине.

В докладной записке, поданной главнокомандующему 22 марта 1906 года в Лошагоу, Святополк-Мирский обратился с просьбой: «...Я люблю военную службу, отдался ей весь, и мне тяжело будет продолжать ее, если мой послужной список будет замаран отметкой о бытности моей в плену. Поэтому я осмеливаюсь просить о разрешении не вносить в мой послужной список бытности моей в плену. Думаю, что страдания, мною вынесенные, дают мне право на такую просьбу».

И больше ничего не попросил офицер: ни увеличения денежного содержания, ни очередного воинского звания. О трагедии Святополк-Мирского стало известно потом, а 5 мая, после ухода офицеров на разведку с этой же целью и для наблюдения за противником, были высланы 2-я сотня 1-го Читинского полка к Хабалину; 4-я — на Шализай; 6-я — по долине Седзыхе до Моди и Аушилу для связи с уссурийцами и для рекогносцировки маршрута Шализай-Фынхуанчен; 3-я сотня держала «летучую» почту — Далинский перевал — Падзахэ; 3-я сотня 1-го Верхнеудинского полка была выдвинута на Лаунляо, Хандухань и Дагушань; 2-я и 6-я сотни верхнеудинцев были примерно в 100 верстах у деревни Санадаолин и шли на соединение с отрядом.

Теперь, зная все это, можно представить, какие усилия предпринимались генералом Мищенко, чтобы обеспечить командование Восточным отрядом сведениями о противнике.

В ходе разведок казаки постоянно сталкивались с разъездами противника или его боевым охранением, несли потери в людях и конном составе.

6 мая 2-я сотня 1-го Читинского полка в ходе разведки столкнулась с японским разъездом в 50 драгун. Не приняв боя, драгуны повернули коней и поскакали назад. Вся сотня, выхватив шашки, с гиканьем и свистом кинулась за ними, но поработать клинками не пришлось.

Преследуя драгун, читинцы нарвались на засаду японской пехоты. Залп остановил казаков, заставил спешиться и вступить в огневой бой. Только с наступлением сумерек сотня начала отход на Дзюдьзяпудзы, потеряв двух казаков убитыми и одного раненым.

Японские передовые отряды активизировали свои действия, пытаясь улучшить свои позиции и обойти отряд Мищенко.

В этот же день, 6 мая, японская пехота превосходящими силами атаковала 4-ю сотню Читинского полка. На помощь ей поспешил 1-й Верхнеудинский полк, заставивший японцев остановиться. Во время боя есаул Талаевский по распоряжению командира полка выслал небольшой офицерский дозор влево, который обнаружил обходной маневр японцев, пытавшихся отрезать отряд Мищенко от Сюяна.

Отряд своевременно отошел к деревне Сандзель, и этим он обязан сотнику Чеславскому и его казакам, предупредившим своих об опасности обхода.

Все эти дни отряд отражал атаки японской пехоты, наступающей на Сюян от Фынхуанчена, не прекращая разведку на Дагушань, где ожидалась высадка японских войск.

В ночь с 6 на 7 мая 3-я сотня верхнеудинцев подъесаула Беклемишева, возвращаясь с разведки от Дагушаня, у деревни Сетхучензы попала в засаду. При подходе к деревне казаки не заметили часового, который, пропустив сотню мимо себя, выстрелил по ней и поднял тревогу. Спереди по опешившей сотне ударил залп. Подъесаул Беклемишев решил пробиться и повел сотню в атаку, но завершить ее не удалось, так как казаки попали на залитое водой рисовое поле. Во время второго залпа Беклемишев был ранен. Падая с коня, он успел прокричать казакам, чтобы они держались правее рисового поля. Три раза бросались казаки в атаку, но были остановлены мощным винтовочным огнем. В ночном бою потеряли и других офицеров: штабс-ротмистра Владимира Геништа и сотника Михаила Лескова. Всех трех офицеров вынести из-под огня противника не удалось, несмотря на все попытки казаков это сделать. Штурм деревни дорого обошелся сотне: без вести пропавшими числились подъесаул Беклемишев, штаб-ротмистр Геништа и сотник Лесков, а также 27 казаков. Позже, в донесении генерала Мищенко, ссылавшегося на сведения, полученные от китайцев, указывалось, что 16 казаков убиты, двое офицеров и 7 казаков находятся в плену, из них 1 офицер и 4 казака ранены, о судьбе других казаков ничего не известно. Потом узнают, что все трое офицеров были тяжело ранены, а подъесаул Беклемишев — смертельно.

Начав наступление, японцы потеснили отряд Мищенко и к 11 час. 8 мая заняли высоты левого берега реки Данихэ, открыв залповый огонь по казачьим цепям. Конный разъезд и взвод пехоты противника попытались было переправиться на русский берег, но полусотня 2-й сотни читинцев лихой атакой сбросила их в реку. До 22 час. 2-я сотня, действуя в качестве арьергарда, не давала противнику перейти на правый берег реки и отошла только тогда, когда весь отряд сосредоточился на отдых у деревни Сендзянь. Опасаясь окружения, генерал Мищенко перевел отряд на Далинскую дорогу, за первый от Сюяня перевал, по боковой тропе, проложенной по краю пропасти.

В арьергарде действовали 2-я и 6-я сотни 1-го Верхнеудинского полка, а полусотня 5-й сотни этого полка осуществляла боковое охранение. Вскоре к отряду присоединилась 1-я Забайкальская казачья батарея.

9 мая стали поступать сведения от китайцев о высадке значительных сил японцев в Дагушане. В целях их проверки была проведена рекогносцировка по направлению на Дагушань, но выяснить силы противника не удалось. В течение этого времени, до 13 мая, разъезды отряда имели мел-

кие стычки с разъездами японцев, пытаясь выйти в район Дагушаня, но ни ближним разведывательным разъездам, которые наблюдали за противником перед передним краем, ни дальним разъездам, высылаемым с целью более глубокой разведки в тыл японских войск, это не удалось.

Чтобы понять, почему при такой интенсивной разведывательной деятельности сведения, получаемые от казачьих разведывательных дозоров, были мизерные, надо знать, как они добывались.

В зависимости от задач разведки разъезды были от 6 человек до взвода (12—15 человек), иногда полусотня. Из технических средств наблюдения они имели призматические бинокли Цейса. По словам Н. Шнеура, участника Русско-японской войны, «в полках отдельной Забайкальской бригады ими были вооружены не только все офицеры, но и по 2—3 урядника на сотню».

Наблюдение за противником велось с гребней высот, для чего выставлялся наблюдательный пост, а на фланги от него высылались по 2—3 казака для наблюдения за ними в указанной полосе.

Это было непременное правило в гористой местности Маньчжурии, несоблюдение которого приводило к неоправданным потерям. В середине мая, во время разведки на Дагушань, уряднический разъезд 1-го Верхнеудинского полка был обойден отрядом японцев и расстрелян с тыла. Четверо казаков были ранены, 6 лошадей убиты и 7 ранены. Потери могли быть и больше, если бы японская пехота не поспешила и не открыла огонь с большого расстояния.

Действуя в горах, разъездам приходилось следовать по тропам, дорогам и скатам высот, охраняя себя дозорами от внезапного нападения противника. На равнинной местности разведывательные разъезды двигались вне дорог, обходя населенные пункты и не входя в них, не опросив местных жителей о наличии там противника. При осмотре населенного пункта казаки прибегали к хитрости, которая, по словам Н. Шнеура, всегда действовала безотказно. Один из казаков выдвигался к окраине селения, делал вид, что что-то увидел, и стремительно удалялся к своим. «Действие такого маневра, — пишет в своих воспоминаниях Н. Шнеур, служивший с забайкальскими казаками всю войну и не раз совершавший сам такой трюк, — было магическим для противника», который не выдерживал и открывал огонь по уходящему на рыси казаку.

Не избежали казаки и случаев беспечности при разведке населенных пунктов. Это уже приведенный случай с сотней подъесаула Беклемишева и другой, когда разъезд 1-го Читинского полка, следуя сомкнутым строем, не обратил внимания на одинокую фанзу у дороги и попал под залп японских винтовок, от которого потерял четырех человек ранеными.

Наиболее излюбленным способом разведки местности и населенных пунктов у забайкальских казаков было развертывание и атака лавой.

При встрече с японскими кавалерийскими разъездами казаки яростно набрасывались на них, не считаясь с численным преимуществом.

Сильно затрудняло действие разъездов в разведке отсутствие карт. Участники тех событий пишут в своих мемуарах, что «плохо обстояло дело с картами. Их вовсе не было»; «сами по себе карты исполнены были безукоризненно в плане нанесения на них рельефа местности, но для боя и разведки они были непригодны, так как отдельные рощи, могилы, курганы и другие местные предметы, служащие ориентирами, отсутствовали, а названия населенных пунктов были неверны»; «плохо в Русской армии было с топографическими картами... Более точные карты были составлены во время боевых действий осенью и зимой».

Особенно тяжело приходилось казакам и их начальникам, назначенным в дальние разведывательные разъезды. В Русско-японскую войну сторожевое охранение противника было настолько плотным, что проникнуть через него конному не представлялось возможным, поэтому в большинстве случаев разведчики преодолевали линию охранения в пешем порядке. Это требовало от казаков особого мужества, смелости, выносливости, выдержки. Проникнув через сторожевые посты японцев, добыв важные сведения, казаки тем же образом возвращались обратно, находясь в пути несколько дней, а то и недель. Сведения устаревали и не оправдывали больших потерь.

Вот почему, несмотря на титанические усилия казаков, данные о противнике не удовлетворяли высшие штабы. Казаков ругали, требовали от них невозможного, заведомо обрекая на ненужные жертвы.

Практически казаки за все эти дни отступления от Ялу ни дня не имели отдыха. Люди устали, лошади тоже измучились, поэтому генерал Мищенко решил дать отдых отряду, тем более что необходимо было вручить знаки отличия военного ордена казакам, награжденным за совершенные подвиги в первые месяцы войны.

Командующий армией прислал в отряд 23 Знака Отличия Военного ордена IV степени для 1-го Верхнеудинского полка и 21 — для 1-го Читинского полка. 14 мая отряд отдыхал и готовился к параду, который состоялся на следующий день, где и были вручены награды. 44 казака-забайкальца пополнили ряды кавалеров Георгиевского креста — самой почетной боевой награды для воина России, которую в то время за просто так не давали.

После поражения на Ялу и отхода к перевалам оптимизма в русской и иностранной, сочувствующей России, прессе резко поубавилось.

Шапкозакидательные статьи сменились публикациями, где давалась более правдивая информация о японцах, их армии, театре военных действий, о действиях русского флота и сухопутных войск. Стали появляться статьи критического характера.

Так как одну из главных причин поражения на Ялу — отсутствие своевременных данных о противнике — приписывали казакам, то и весь

яд критики доставался им. Главные виновники неудач пока оставались в тени. Неспособность генералов Русской армии, живших еще по старинке, ориентироваться в быстро меняющейся боевой обстановке, их неумение организовать бой и управлять войсками в ходе его, приверженность к шаблону и старой тактике в условиях возросшей огневой мощи современных армий, ретроградское мышление в вопросах стратегии и тактики, пренебрежение к инженерному обеспечению войск, связи и т.д. стали главными причинами поражения на Ялу, но еще до конца не осознанными общественностью и прессой. Пока во всех грехах обвиняли конницу. Вот если бы она... и так далее. Единственное, в чем у нас было преимущество перед японцами, так это в кавалерии, и ту поставили под огонь неумелой и безграмотной критики.

В газете «Русский листок», издававшейся в Москве, появилась статья Павла Россиева о забайкальских казаках. В ней автор представлял забайкальских казаков как какое-то дикое племя, где все сплошь буряты — шаманисты и ламаисты, промышляющие звероловством, «азиаты с ног до головы, просящие своих богов о ниспослании им урожая и войны», — пишет он.

Конечно, бурята к европейцу не отнесешь, это азиатский народ, шагнувший с приходом русских в Забайкалье на несколько ступеней вперед в социальном развитии. Звероловством они занимались, но это — смотря какие буряты, и в зависимости от того, где они проживали. Большинство бурят проживало в лесостепной местности, и их главным занятием было скотоводство, а не охота на диких зверей. По вероисповеданию, в начале XX века, вся масса бурятского населения Российской империи делилась на три неравные группы: две большие — буддисты и христиане, одна малая — шаманисты. Кроме скотоводства, буряты занимались земледелием, огородничеством, жили в деревнях и поселках, а буряты-казаки — в станицах, объединенных в общероссийские административные структуры — область, волость и так далее.

Но автор, не мудрствуя лукаво, превратил казачьи станицы в улусы, совершенно не отдавая себе отчет в том, что большинство-то казачьего населения были не буряты, тунгусы, а русские потомственные казаки и обращенные в казаки вчерашние крестьяне из европейских губерний России и переселенцы из Сибири. П. Россиев пишет: «По улусам разговор. Бог объявил войну. Улусы ликуют. Затеваются празднества. Объявляется джигитовка... Война! Охота! В кумирнях торжественные богослужения»... В конце своего опуса корреспондент, который о существовании забайкальских казаков узнал только по прибытии на Дальний Восток, и то проезжая через территорию войска в спальном железнодорожном вагоне, заключает: «...Чем не львы и не орлы они? И, скажите, разве они уступят в чем-либо донцам?»

Незнание жизни и быта забайкальского казачества, особенностей его службы, происхождения, культуры и традиций приводило к появле-

нию таких статей, которые воспитывали у обывателя ужас перед казаком, полностью дезинформировали людей, позорили честь и достоинство первых защитников государства. Эта статья порочила не только забайкальцев, но и казаков вообще, например «донцев», если их ставят для сравнения в один ряд с какими-то дикими, кровожадными нелюдями, радующимися войне, а значит, и смерти.

Люди, выполняющие в течение всей своей жизни воинский долг перед Отечеством, подвергались постоянной травле в так называемой либеральной прессе, формировалось негативное отношение общества к казакам как орудию подавления и устрашения всего прогрессивного. Дальнейшие события в истории многострадальной России показали, к чему это привело.

К моменту появления статьи-пасквиля на забайкальское казачество население Забайкальской области насчитывало более 200 тысяч человек. В военное время оно выставляло до 19 тысяч казаков. Из них православные составляли 89 %, 11 % приходилось на другие вероисповедания. В этом отношении Забайкальское войско занимало третье место после терского и сибирского казачества.

Главным занятием казаков перед Русско-японской войной было земледелие, потом скотоводство, причем последнее было направлено на разведение наиболее продуктивных пород. Звероловство составляло ничтожную часть дохода и не выходило из круга обычной охоты.

К началу Русско-японской войны забайкальские казаки по уровню грамотности стояли впереди многих губерний Европейской России. Процент учащихся к детям школьного возраста выразился в 1902 году в 40,8 % для мальчиков и 13,1 % для девочек.

Намечался рост грамотности. Так, за 6 лет он перед войной поднялся на 45 %. Расходы на образование достигали 75 тысяч рублей.

Сплошным вздором являлось и разглагольствование некоторых писак, что забайкальцы не признают никакой дисциплины, а представляют собой дикую орду, которая грабит, убивает, сжигает все на своем пути. Конечно, в ходе войны и среди казаков встречались случаи мародерства, грабежей мирного населения, особенно при фуражировании, из-за попустительства своих высокообразованных начальников, но допускали это и другие войска. Однако случаев убийства мирного населения, пленных казаки не допускали.

О дисциплине и поведении казаков на войне будет особо сказано, пока же речь главным образом идет о тех, кто критиковал казаков, не зная их жизни. По мере того как падал авторитет конницы в этой войне, критиков казачества появлялось все больше и больше. Только те, кто прошел с казаками-забайкальцами всю войну, могли по достоинству судить об этих людях.

После кратковременного отдыха генерал Мищенко решил провести усиленную рекогносцировку за Ляолинский перевал. Вернувшийся 16 мая

из разведки на Селючжан сотник 1-го Читинского полка Сараев доложил, что больших сил в Селючжане нет и что движение его от Фынхуанчена прекратилось.

19 мая на усиление отряда прибыл 7-й Сибирский казачий полк под командой полковника Старкова.

20 мая отряд выступил для усиленной разведки на Уулаасу, где было замечено оживленное движение противника.

Перевалы у Хадзяпудзы были заняты несколькими его пехотными ротами. Для поддержки атаки с фронта в обход позиций противника был направлен 7-й Сибирский казачий полк. Командир полка, полковник Старков, лично повел его в атаку, но, вырвавшись вперед, попал под залп японцев и был убит. Только с помощью артиллерии удалось выбить противника с перевалов.

Сотни по очереди стали охранять перевалы. Японцы несколько раз пытались занять Ляолинский перевал, но успеха не имели.

Левый фланг Восточного отряда в описываемый период прикрывался отрядом генерала П. Ренненкампфа, состоящим из 22 сотен, 3 батальонов пехоты и 16 орудий. Отряд прибыл в Саймацзы к 25 мая и, кроме прикрытия левого фланга, получил еще задачу прикрывать направление Саймацзы — Мукден, ведущее в обход левого фланга района сосредоточения Русской армии. О дивизии П. Ренненкампфа следует сказать особо.

Имя генерала Ренненкампфа было популярно в Маньчжурской армии. Еще с Русско-китайской войны он пользовался славой лихого кавалерийского начальника, что притягивало к нему многих кавалеристов из драгунских и гвардейских полков. С началом войны с Японией многие стремились попасть под его командование, несмотря на то, что 2-я Забайкальская казачья дивизия состояла из казаков второй очереди, которые хоть и имели боевой опыт, но по боевой подготовке уступали казакам, находившимся перед войной на строевой службе. Наряду с теми казаками, которые еще со времени похода в Китай хорошо знали местность, обычаи и характер местного китайского населения, их язык, были и так называемые «нижепредельные» казаки, нигде никогда не служившие, а потому ничего не знающие и не умеющие.

Именно о таких казаках писал А. Квитка, что они тяжелы на подъем, особенно после трудных переходов и маршей, подвержены панике, не привито у них чувство ответственности за утрату оружия, часто на привалах бывали забыты 1—2 винтовки; при совершении марша допускали разговоры в строю, курили. Обучение таких казаков происходило непосредственно перед боем или даже в бою.

В чем же причина того, что забайкальские казаки, находясь в одном войске, имели разную боевую выучку? Значит, правы критики казачества, что как кавалерия казачьи войска плохо были подготовлены для

боя. Бесспорно, и никто не отрицал в то время, что дивизия П. Ренненкампфа в начале войны мало походила на боевое кавалерийское соединение, и в этом Л. Нодо, Э. Теттау были правы. С другой стороны, казачьи полки, находившиеся на строевой службе перед войной и вошедшие в состав отдельной Забайкальской казачьей бригады генерала Мищенко, ничем не отличались по выучке от драгун регулярной русской кавалерии, а по многим вопросам и превосходили ее. В то же время в ходе войны, когда появился у казаков Ренненкампфа боевой опыт, навыки и сноровка, многих удивляло: как это с виду неорганизованное войско могло успешно выполнять в тяжелейших условиях театра военных действий поставленную задачу. А в том, что дивизия Ренненкампфа достойно выполнила возложенную на нее миссию, в Русской армии в те годы никто не сомневался.

Прежде всего, Забайкальское казачье войско было войском с неустоявшейся организационно-штатной структурой. В 1894 году оно выставляло только один конный полк, а все остальные части составляли пешие батальоны; всего их было 12.

К 1900 году были развернуты четыре первоочередных конных полка, в которых к началу Русско-японской войны подготовленных казаков было мало.

Кроме казаков второй очереди, в дивизии Ренненкампфа были казаки третьей очереди и даже запасные. По подготовленности к ведению боевых действий половина казаков служила в этих конных полках, а другая половина — «батальонцы», т.е. казаки бывших пеших батальонов, или так называемые «нижепредельные», те, которые не служили вообще. Если учесть недостаток офицеров, находящихся на льготе, лагерных сборах, обучении малолеток (казаков приготовительного разряда), да и низкое качество подготовки казаков на этих сборах, то станет ясно, на каком уровне была боевая подготовка этой дивизии. Кроме того, пешие батальоны только перед войной (после похода в Китай) были переформированы в конные полки и то на бумаге. Эти полки не успели даже поменять знамена, врученные им еще при формировании Забайкальского войска в 1851 году. Они так и воевали со своими знаменами пеших батальонов.

Вследствие несовершенства системы боевой подготовки (как и самого войска) некоторые остающиеся от наряда на службу казаки не обучались вообще военному делу и офицера увидели только после мобилизации на войну.

Именно поэтому не приученные к строю казаки в общей своей массе казались плохо дисциплинированными, что резко бросалось в глаза офицерам, прибывшим в войско из кадровых кавалерийских частей. В этих полках показной дисциплины, основанной на страхе наказания, не было. Но зато была другая, более прочная и разумная дисциплина, основанная на доверии и преданности.

Отвечая на статью Л. Нодо «Банкротство казаков», гвардейский офицер Дмитрий Аничков, которого друзья лейб-гвардейцы называли рубака Аничков, служивший в частях забакайкальских казаков, пишет: «Французский наблюдатель (имеется в виду Л. Нодо) сравнивает казаков с солдатами, считая, что дисциплина последних выше. Казака нельзя сравнивать с солдатом. Дисциплина у забайкальских казаков была не слабее, чем в пехоте или у драгун, но, пожалуй, даже и сильнее. Но только дисциплина там иная, своя, казачья, непонятная для неказака. Казак не тянется перед офицером, иной раз разговаривает с ним довольно свободно, "рассуждает", он не вымуштрован по-солдатски, на лице у него — осмысленность, а не деревянное выражение, остающееся у большинства солдат во все времена службы, как результат запуганности в бытность новобранцем: казак не выкручивает ответ по-солдатски, а свободно отвечает на предложенный ему офицером вопрос. Об офицерах, в третьем лице, он зачастую вместо традиционного "их высокоблагородие есаул такой-то" просто говорит или "есаул такой-то", или же "Иван Сидорыч". Это последнее особенно поражает несведущих в быте казаков».

Забайкальских казаков упрекали в недостатке дисциплины офицеры, которые жаловались на это Л. Нодо, прибывшие из Европейской России, привыкшие судить об этой дисциплине по громким «так точно», «никак нет», по четкому выполнению строевых приемов, совершенно не вдумываясь в то, что замордованный муштрой, выдрессированный и озлобленный человек при случае может подвести его. В армейских частях офицер высоко стоял над солдатом, их, кроме службы, ничего не связывало, совсем другое — в казачьих частях. Тот же Д. Аничков в своей статье особо обращает на это внимание: «...не надо забывать, что казачество — общество вполне демократическое, где офицер и нижний чин прежде всего — равноправные владельцы войсковой земли, лишь отличающиеся друг от друга величиной надела земельного или рыбного. Благодаря такому устройству вне службы все казаки: и офицеры, и рядовые — прежде всего "суседи", связанные между собой тесными узами внутреннего гражданского устройства».

Если в армейской среде солдату выслужиться до офицера практически невозможно, то «тот же демократический принцип имеет прямым следствием одинаковую доступность к образованию, а следовательно, и к повышению по иерархической лестнице всех без исключения казаков. В одной и той же семье могут быть и простые казаки, и офицеры, и даже генералы».

В этом Д. Аничков абсолютно прав. В забайкальском казачьем войске служили два двоюродных брата Трухины, которые командовали казачьими полками, и в тех же полках было несколько Трухиных — вахмистров, урядников и рядовых.

«Вот эта-то общность фамилий, а следовательно, и происхождений, и дает тот особенный оттенок казачьей выправке, который так шокирует неосведомленного человека. Именно такая дисциплина, а не показная, глубокая, уходящая своими корнями в исторические традиции, и есть настоящая дисциплина, которая так ценится в бою. Дисциплина у казаков осмысленная, а не "деревянная". При такой дисциплине личность человека не забита и индивидуальным способностям воина дает значительный прирост», — пишет в своей статье Д. Аничков.

Л. Нодо черпал информацию о казаках от тех офицеров, которые так же, как и он, впервые столкнулись с казачьими традициями и их бытом уже на войне. Состав казаков Забайкальского войска был неоднороден, как, например, у Донского войска. В рядах забайкальских казаков более 30 % было бурят, зачастую не понимающих русского языка, а остальные 70 % — часть потомственных казаков, а другая — бывшие крестьяне, обращенные в казачество.

Естественно, что уровень развития, образованность, традиции у всех были разные, моральные и деловые качества — тоже. Поэтому высокообразованному человеку, воспитанному в светском обществе, трудно было понять то, что для казаков являлось само собой разумеющимся.

Вот почему остро ставился вопрос о комплектовании казачьих полков офицерами из своей, казачьей, среды. Они лучше знали нравы своих подчиненных, терпимей относились к свободному поведению казаков, да и доверием последних пользовались больше, чем офицеры, прибывшие на доукомплектование казачьих частей из регулярных войск.

«Для казаков нижних чинов, — пишет Д. Аничков, — "свой" казачий офицер, конечно, был ближе и дороже, тем более что многие из "чужих" носили такие замысловатые немецкие фамилии, что "казаку и не с похмелья не выговорить"».

Забайкальские казаки тем и отличались, что несмотря ни на что всегда беспрекословно исполняли все приказания начальников, кем бы они ни были, безропотно шли в бой, безотказно, до изнеможения несли службу на передовых постах в охранении и сделали, безусловно, все, что от них требовалось, выполнили свою задачу «самым блестящим образом». Не их вина, что война велась в такой местности, где не только с конем, но и пешком не везде проберешься. Не их вина, что казачьи полки вынуждены были действовать небольшими частями и потому не могли совершать громких, славных дел — таких, которые укрепили бы за ними репутацию «блестящей» кавалерии. Но если собрать все «неприметные» дела забайкальских казаков в Русско-японскую войну, то выявится беспримерная картина величайшего подвига, который прославил их боевую историю.

Офицерским составом дивизия укомплектовывалась, как и бригада генерала Мищенко, главным образом за счет офицеров-добровольцев из

драгунских и гвардейских кавалерийских полков, и только небольшая часть офицеров была переведена из первоочередных забайкальских казачьих полков.

К чести и тех и других, в дивизии и бригаде, несмотря на разницу в социальном, материальном, образовательном уровнях, между офицерами существовали «самые лучшие товарищеские отношения».

Прибывший на бивак отряда генерала Мищенко драгунский офицер Рейтерфен, назначенный командиром во 2-ю сотню 1-го Верхнеудинского полка, так описывает встречу с казачьими офицерами: «...как бывший драгунский офицер я ожидал холодный прием со стороны казаков. Однако ничего подобного не произошло. Казачьи офицеры сразу приняли в свой коллектив, угостили чаем, стали расспрашивать о новостях из России».

«Все, и казаки и неказаки, — подчеркивает Д. Аничков, — под влиянием исключительных условий боевой обстановки сплачивались в одну единую полковую семью, как это имело место во всех полках Русской армии. Никакой вражды, никакой зависти между офицерами и казаками не замечалось. Каждый знал свое место и делал свое дело. Многие "европейские" офицеры получали сотни иногда не в очередь, что обижало офицеров из казаков».

Конечно, офицеры, прибывшие из кадровых частей, по своему военному образованию были значительно выше, чем казачьи, но с накоплением у последних боевого опыта разница в уровне военного образования постепенно стиралась, и воевали они ничуть не хуже кадровых.

В состав дивизии вошли все вторые полки Забайкальского казачьего войска. Им пришлось совершать длительные марши и переходы, прежде чем они достигли театра боевых действий. Так, например, 2-й Аргунский полк казаков после своего формирования в городе Нерчинске двинулся походным порядком на станцию Маньчжурия, преодолев расстояние от Нерчинска до нее за 14 дней. В день совершали по 25—70 верст, в зависимости от местности, которая большей своей частью была холмистой.

В срочном порядке офицеры полков стали покупать у бурят лошадей забайкальской породы, которые в начале войны стоили от 75 до 150 рублей. Привезенные из Европейской России кони-чистокровки не могли тягаться в выносливости и неприхотливости с невзрачной, малорослой «забайкалкой».

2-м Нерчинским полком командовал войсковой старшина Трухин Е.И., двоюродный брат полковника Трухина, командира 1-го Аргунского полка. По словам А. Квитки, природный забайкалец с признаком бурятской крови, простой, любезный человек. 2-м Аргунским полком командовал войсковой старшина Кобылкин, дослужившийся до командира полка из писарей.

К 14 апреля вся дивизия с артиллерией сосредоточилась в Ляояне, а 15-го числа генерал-адъютант Куропаткин, сопровождаемый огромной

свитой, провел ей строевой смотр, после чего дивизия сосредоточилась у деревни Шахэпу, в 20 верстах от Ляояна, где занялась боевой подготовкой.

Однако после Тюренченского боя положение Русской армии ухудшилось, дошла очередь и до дивизии Ренненкампфа идти навстречу наступающему противнику.

В ночь с 20 на 21 апреля весь колесный обоз 2-й Забайкальской казачьей бригады, составлявшей основу дивизии, был передан в пехоту и заменен на вьючный. Русское командование, готовясь воевать в горной местности Маньчжурского театра военных действий, не позаботилось о заготовке вьючных седел, пришлось все покупать у местных жителей втридорога и плохого качества.

Из района Ляояна генерал Ренненкампф выступил на помощь Восточному отряду после сражения на реке Ялу — не как самостоятельное кавалерийское соединение, а как отряд, состоящий из трех родов войск.

При выступлении из Ляояна казачьи части дивизии были разделены: 2-й Читинский полк убыл несколько раньше в Восточный отряд к Фынхуанчену; 2-й Верхнеудинский полк временно оставлен в Ляояне, а 2-я казачья бригада в составе 2-го Нерчинского и 2-го Аргунского полков с 4-й Забайкальской казачьей батареей, под руководством командира дивизии, убыла на Саймацзы.

Расстояние от Ляояна до Саймацзы — 120 верст по карте — бригада прошла за 4 дня, затаскивая тяжелые полевые орудия 4-й батареи на перевалы на руках, что замедляло движение колонны. Легких горных орудий, перевозимых вьючным транспортом, в отличие от японцев, казаки не имели. Особенностью построения походного порядка было то, что отсутствовало боковое охранение, которое, передвигаясь по хребтам слева и справа в пешем порядке, сильно задерживало бы движение отряда.

У Ланьшаньгуаня казаки встретили отходившие части Тюренченского отряда и большое количество раненых.

С приходом 24 апреля на левый фланг Восточного отряда базой частей генерала Ренненкампфа стала деревня Саймацзы, важный узел дорог, идущих от Фынхуанчена и Куаньденсяня на Ляоян и Мукден, откуда производились рекогносцировки, высылались разъезды и проводился поиск с целью выяснить группировку частей армии Куроки в районе Фынхуанченя, вскрыть намерения японцев и, в случае их наступления на Ляоян, определить направление их движения. Кроме того, отряду ставилась дополнительная задача по прикрытию левого фланга армии.

26 апреля была произведена усиленная рекогносцировка в направлении города Куаньденсяня, откуда 22 апреля японцы вытеснили казаков 1-го Аргунского полка и где погиб казак этого полка Соснин.

В ней участвовали три сотни 2-го Нерчинского полка, три сотни 2-го Аргунского и четыре сотни 1-го Аргунского полков, а также 4-я Забай-

кальская батарея, которую на себе вытащили на перевал казаки 2-го Нерчинского полка. Взяв три сотни казаков, Ренненкампф вошел в город. Противника в городе не оказалось, и казачьи сотни вошли за его стены. В городе и вокруг него казаки изловили нескольких китайцев, подававших сигналы японцам, всыпав им по 100 плетей, отпустили на свободу. Японцы в этом случае их бы расстреляли. Русский гуманизм и сердобольность проявлялись в этих случаях в полную меру.

Отделавшись ударами казачьей плетки, китайские лазутчики снова принимались шпионить за русскими частями, подавая сигналы японцам флагами или зеркалами. Их снова ловили и секли плетью по еще не зажившим старым рубцам.

Многие в то время предполагали, что китайцы в большинстве своем относятся к нам дружески и с симпатией, содействуя против японцев.

«Взгляд совершенно неправильный и принесший нам немало вреда», — отмечал в своих мемуарах командир 1-го Читинского полка полковник Свешников.

В большинстве своем китайцы относились к нам враждебно, шпионили в пользу японцев при нашей безалаберности к сохранению секретов и попустительстве. «Распоряжением по армии запрещалось офицерам держать прислугу из китайцев во избежание шпионства, но это распоряжение полевого штаба... не только не соблюдалось, но и даже не было известно во многих частях», — отмечал войсковой старшина А.В. Квитка в своем дневнике.

В то же время военный корреспондент В.А. Апушкин отмечает, что наряду с теми китайцами, которые помогали японцам, были и такие, которые бескорыстно нанимались в проводники, готовили пищу из чумизной каши и приносили хлеб для голодных казаков, прятали у себя от японцев раненых и выносили их по ночам к русским.

Так случилось и на этот раз. Не успели предать земле тело погибшего казака-аргунца, найденное в городе, как разъезды доложили, что с гор спускаются густые цепи японской пехоты, предупрежденные китайскими шпионами.

Пятая сотня 2-го Аргунского полка залегла по гребню горы, ожидая, когда противник подойдет ближе, а взвод корнета Рышкова, выдвинутый вперед, начал перестрелку с японской пехотой.

Иногда в мемуарной литературе периода после Русско-японской войны можно встретить суждения некоторых авторов о плохой стрелковой подготовке забайкальских казаков. Вероятно, были плохие стрелки и среди них, но большинство стреляло отменно. Забайкалец, живя на границе в степной части, с детства охотился на лис, корсаков, тарбаганов, дзеренов, коз, волков. А кто хоть раз охотился на тарбагана, тот знает, какие надо иметь изобретательность, терпение, твердую руку и меткий глаз, чтобы добыть этого зверька. Другие забайкальцы, живущие в таежной

части области, постоянно охотились на соболя, белку и другого зверя, имея от этого прибавку к своему скудному бюджету, особенно зимой. Так могли ли они быть в своем большинстве плохими стрелками?

Есаул 2-го Читинского полка Гартман рассказывал П. Краснову о меткости забайкальского казака, свидетелем одного случая он был сам. Произошел он на Чандзялинском перевале.

Сотни полка 27 апреля отступали перекатами под воздействием превосходящих сил японцев, задерживая противника на каждом шагу, где это только можно было делать. У деревни Тхумензы казаки заметили, что с высокой сопки руководит боем офицер под охраной четверых солдат. Урядник сотни князя Мурузи Околов обратился к своему командиру: «Дозвольте, ваше сиятельство, мы его с братаном снимем». Зная, что Околов был отличный стрелок, командир сотни разрешил ему попытаться сделать это.

Вскочив на коней, Околов с «братаном» на глазах противника рысью выдвинулись к сопке и с четырехсот шагов одним выстрелом, не слезая с коня, снял японского офицера.

Не менее роты японских солдат открыли по двум храбрым казакам залповый огонь, ранив Околова в ногу, а коню его прострелили холку. Другой казак оказался невредимым. Командующий армией наградил Околова Знаком Отличия Военного ордена 3-й степени.

Больше разведывать было нечего, и генерал Ренненкампф дал команду на отход.

1—3 мая отряд провел усиленную разведку в районе долины реки Бадаохэ, в окрестностях города Фынхуанчена.

1 мая выступили две сотни 2-го Нерчинского полка под командой подполковника Заботкина по дороге на Куаньденсянь, к местечку Айяньямынь, и четыре сотни 1-го Аргунского полка под командованием полковника Карцева — в долину реки Цаохэ, к Фейшулинскому перевалу. Эти сотни должны были со 2 на 3 мая ночевать в деревне Тафаншене.

Сам генерал с пятью сотнями и двумя конными орудиями 4-й Забайкальской казачьей батареи выступил в 7 часов 2 мая вниз по реке Бадаохэ с целью обнаружения противника и определения его сил. Впереди отряда следовал генерал Ренненкампф со своим штабом и лихим переводчиком «Михаилом Николаевичем», Тунда, — как называли его казаки. На самом деле Тунда была дочерью николаевского солдата и вдовой мещанина из города Никольск-Уссурийского Елена Михайловна Смолка, прекрасно владевшая китайским языком и, что самое главное, знавшая маньчжурское наречие. Быстрая и энергичная, в казачьих шароварах и сапогах, в черкеске и папахе, она успевала везде. Вела переговоры с тифангуанем и чиновниками при занятии города, допрашивала подозрительных китайцев, задержанных казаками, помогала казакам общаться с местным населением, а иногда смело действовала в казачьем разъезде. В последующем она работала у генерала Ф. Келлера.

На этот раз «Михаил Николаевич» допросила задержанного китайца-купца, который рассказал, что в Шахедзы и Фынхуанчене много японцев с пушками и они роют окопы.

С наступлением темноты отряд остановился на ночлег у деревни Сюнсюцайцзы в роще. Забайкальские казаки — «братаны», как они называли друг друга, приступили к «чаеванию».

Чай в жизни забайкальца играл огромную роль. Чаевничать по любому случаю и при первой возможности вошло в плоть и кровь забайкальских казаков, и это было не прихотью или способом скоротать время, а необходимостью. Возведенное в ранг священнодействия, чаепитие спасало казака от холода, голода и, самое главное, от инфекционных желудочных болезней. Во-первых, потому, что сам чай обладал лечебными, дезинфицирующими свойствами, во-вторых, при приготовлении чая вода всегда кипятилась, а значит, погибали болезнетворные микробы, и, в-третьих, действовал общеукрепляюще на организм человека.

По примеру казачьих частей чай стала пить вся Маньчжурская армия, тем более что главнокомандующий Куропаткин отменил положенную ранее выдачу водки, увеличив норму чая и сахара. Так что ехидные высказывания и смешки некоторых авторов (Л. Нодо и других) по поводу «чаевания» были неуместны. А.А. Игнатьев о чае в жизни армии напишет следующее: «Чай вошел в быт армии. Приказ о строжайшем запрещении пить сырую воду спас нашу армию от самого страшного бича — тифа, и впервые, с существования мира, потери от болезней оказались у нас меньше потерь от ранений. Чай спасал» (возможно у забайкальцев в ходу был чай, распространенный среди тибетцев, монголов, бурят и калмыков, которые его приготовляли с молоком, маслом и солью. — *Примеч. ред.*).

Утром отряд был обстрелян японской пехотой. Авангард развернулся широкой лавой на черном гаоляновом поле. Под проливным дождем казаки обошли японцев с флангов, и те поспешно отступили, преследуемые 3-й сотней 2-го Аргунского полка графа Комаровского, за которой выдвигался 1-й Аргунский полк. Все три казачьих полка шли при распущенных знаменах. Японцы, отстреливаясь, отступали. Вперед на рысях выдвигается 2-я сотня 2-го Аргунского полка, прозванная волчьей потому, что когда казаки этой сотни, еще во времена похода в Китай, рассыпались в лаву и атаковали противника, то они не гикали, как казаки других сотен, а выли по-волчьи. Командир сотни есаул Субботин свято соблюдал эту казачью традицию. Вид мчащейся во весь опор казачьей сотни с шашками наголо и воющей по-волчьи действовал потрясающе.

В этой сотне во время похода в Китай служил храбрый казак, Георгиевский кавалер Илья Раменский, подвигами которого гордилась вся сотня. Имела эта «волчья» сотня и свою песню, которая заканчивалась куплетом:

Быть может, часть «волков» и ляжет,
И вовсе домой не вернется,
Зато остальные расскажут,
Как волчья сотня дерется...

Японцы скрылись в горах. Генерал Ренненкампф дал команду на возвращение. Не испытав горечи поражения под Тюренченом, разгоряченные боем, казаки с песнями возвращались из разведки к месту ночевки у деревни Пудяпудзы.

На следующий день, так же как и в отряде генерала Мищенко, для проверки разведывательных данных, доставленных китайцами, за линию японских сторожевых постов были отправлены офицерские разъезды.

Вызвались все офицеры, но жребий выпал на князя Карагеоргиевича (брата сербского короля) и хорунжего графа Бенигсена, ротмистра Дроздовского и корнета Гудиева, штаб-ротмистра Гулевича и хорунжего графа Бенкендорфа, подъесаула Миллера, сотника Казачихина и корнета Роговского.

Повезло больше других подъесаулу 2-го Нерчинского полка Казачихину, который пробрался в тыл японцев, к самому Фынхуанчену, добыл полные и подробные сведения о силах противника, снял кроки (наброски плана. — *Примеч. ред.*) укрепленных позиций и благополучно вернулся в отряд.

На восьмые сутки вернулись ротмистр Дроздовский, подъесаул Миллер и князь Карагеоргиевич, остальные или погибли или попали в плен. Офицеры знаменитых в России фамилий и простые, никому не известные казаки-забайкальцы добровольно шли на опасное дело, совершали подвиг, не щадя своей жизни. И, как отметил в своем дневнике участник Русско-японской войны в отряде Ренненкампфа барон П.Н. Врангель, «...с грустью, хотя и с некоторой завистью в душе, провожали мы их, мысленно благословляя на высокое дело».

Отряд Ренненкампфа находился в горной безлюдной местности, население которой неохотно делилось с казаками скудными запасами продовольствия и фуража. Фуражировка, то есть поиски пропитания для людей и лошадей, изматывали казаков, так как приходилось ездить за 15—20 верст, потому что вблизи все было съедено. Во время фуражировки казаки не брезговали воровством кур, зерна, топлива, отчего на этой почве возникали трения с местным населением. «Некоторые командиры, например, войсковой старшина Е.И. Трухин, командир 2-го Нерчинского полка, сам довольствовался малым, особой заботы о казаках не проявлял, считая, что казак должен иметь минимальные потребности. Штаб этого полка постоянно голодал, что считалось каким-то молодчеством. Казаки, видя такое отношение к себе, допускали различные противоправные действия, чтобы прокормить себя и добыть корм для лошадей», — пишет в своем дневнике А. Квитка.

В то же время те командиры, которые заботились о казаке, таких противоправных действий не допускали. Например, 2-я сотня этого полка благодаря заботам есаула князя Меликова ни в чем не нуждалась. А командир 6-й сотни 2-го Нерчинского полка князь Джандиери всегда расплачивался с китайцами за взятые продукты и фураж по установленной цене, наблюдал, чтобы казаки их не обижали, охранял жителей от нападения хунхузов, и в результате его казаки на фуражировку не посылались. Все, что надо было, несли сами китайцы.

Но тот же казак, который не считал зазорным безвозмездно присвоить себе кое-что из живности или фуража, никогда не трогал личные вещи китайцев, полагая, что это будет уже воровство и грабеж.

Многие очевидцы тех событий Русско-японской войны подчеркивали, что жалоб китайцев на казаков за хищение их имущества не было. Да и что было делать казакам, когда по три дня они не получали мяса, хлеба, а службу несли исправно.

8 мая авангард отряда Ренненкампфа, три сотни казаков под командованием войскового старшины Хрулева, выступили по дороге Айянямынь — Шитаучен — Фынхуанчен и через сутки прибыли в деревню Шидзяпудза. Из разъезда барона Врангеля поступило донесение, что в Шитаучене японцев нет и что путь на Дапу свободен.

Всего в рекогносцировке на Дапу участвовали 9 сотен в составе двух с половиной сотен 2-го Нерчинского, четырех с половиной сотен 2-го Аргунского и двух сотен 1-го Аргунского полков.

11 мая 1-я и 4-я сотни 1-го Аргунского полка (есаулов Гофмана и Пешкова) под руководством начальника авангарда подполковника Яковлева, пройдя перевал, на котором стояла «волчья» сотня 2-го Аргунского полка, построились в лаву и атаковали местечко Дапу. Не останавливаясь, сотни промчались по пустынному городу, оставленному жителями, и продвинулись шагов на шестьсот к сопкам, занятым японцами, где были встречены мощным залповым огнем. Появились раненые.

Круто развернувшись, сотни также быстро отошли на безопасное расстояние.

Среди раненых оказался и молодой сотник Улагай, всего как два дня прибывший в полк. Пуля пробила навылет ему грудь в одном сантиметре от сердца.

Начальник отряда приказал подполковнику Яковлеву с двумя сотнями 2-го Нерчинского полка (2-й и 5-й — есаулов Меликова и Джантиева) и с 4-й сотней 1-го Аргунского полка есаула Пешкова зайти во фланг японской позиции, обстрелять противника и определить, есть ли у него артиллерия.

Сотни убыли выполнять приказ, когда от правого разъезда князя Оболенского поступило донесение, что батальон японской пехоты спустился с сопки и направляется в долину реки Айхэ, чтобы отрезать путь отряда на перевал.

Генерал Ренненкампф для противодействия обхода противника и обеспечения отхода сотен подполковника Яковлева направил генерального штаба капитана Шнабеля с 3-й сотней 2-го Нерчинского полка графа Комаровского с заданием занять гребень соседних сопок. Сотня есаула Гофмана прикрывала отход транспорта Красного Креста.

2-я сотня 2-го Аргунского полка была послана для обеспечения переправы через реку Айхэ. Часть стрелков села на лошадей, которых коноводы укрывали в лесу, и начала переправу через реку под прикрытием огня конных саперов капитана Шульженко.

Генерал Ренненкампф приказал всем сотням начать отход за перевал, а сотне князя Меликова занять перевал и держаться на нем до тех пор, пока не увидит в стороне Шитаучена большой дым костра.

Последним с перевала ушел начальник отряда со штабом. Увидев дым костра, отошла 4-я сотня 2-го Нерчинского полка.

Отряд свернулся в колонну и двинулся в долину реки Айхэ.

В ночь с 12 на 13 мая три сотни 2-го Нерчинского и четыре сотни 2-го Аргунского полков во время отдыха отряда на биваке у Шаого подверглись нападению японской пехоты.

Одна сотня 2-го Аргунского полка находилась в сторожевом охранении, а другие сотни, разложив костры и расседлав коней, стали готовить пищу, некоторые из казаков уже спали. В 10.30 раздался первый выстрел часового в сторожевом охранении, потом еще несколько, но на них никто не отреагировал. После небольшой паузы по расположению отряда был открыт сильный огонь. Началась паника и неразбериха, казаки не догадались даже потушить костры, метались между ними, собираясь в сотни.

К одной из таких сотен подошел начальник отряда и под свист пуль несколько раз с ней поздоровался, казаки дружно отвечали. Паника прекратилась.

Две сотни, рассыпавшись в цепь, пошли на выстрелы, а 2-я сотня 2-го Нерчинского полка есаула князя Меликова заняла гребень высоты и не допустила обход японской роты и выход ее на перевал. Несколькими залпами казаки заставили японцев прекратить стрельбу и отойти. Отряд благополучно ушел на перевал и остановился в местечке Айянямынь. Когда проходили перевал, трубачи 2-го Нерчинского полка исполнили Российский гимн под громкое «ура» семи казачьих сотен.

О хоре трубачей казачьих полков следует сказать особо. Каждый казачий полк имел хор трубачей, которые использовались главным образом для подачи команд, известных всем без исключения казакам. П. Краснов, участник боев в мае 1904 года в отряде генерала Ренненкампфа, с чувством благодарности вспоминал полковых трубачей и очень красочно описал их значение для поднятия боевого духа войск.

Сигналы, подаваемые трубой, широко применялись в казачьей коннице, и «люди знали, что они не покинуты, что они не оставлены, но что

воля их начальника властно звучит над ними звуками охрипшей забайкальской трубы!».

В одном из военных журналов России была опубликована статья, в которой автор высчитал, что если упразднить музыкантов в полках российской армии, то можно получить целую сорокатысячную армию солдат, что музыка — это пережиток старых войн, отошедших в область предания.

Ошибочность такого расчета очевидна. Не в арифметике было дело, а в том состоянии души, которое возникало у казака, когда он слышал звуки оркестра на привале, когда «хоронил убитых товарищей под плачущие звуки молитвы... сколько облегчения и душевного мира влили в его сердце этот хриплый кларнет, гудящий бас и надтреснутый баритон».

Все участники сражения у Тюренчена с благодарностью говорили о музыкантах 11-го Восточно-Сибирского полка, поддержавших штыковую атаку своей музыкой. И этот случай 13 мая у Шаого, когда японцы напали на бивак казаков и отряд оказался за линией японского охранения, каждый думал, свободен ли перевал, удастся ли вернуться к своим, но когда хор трубачей 2-го Нерчинского полка заиграл среди боя гимн «Боже, царя храни...», все сомнения пропали, люди воодушевились. «Спасибо им! Они много влили бодрости и смелости в наши сердца во время этого трудного боя...»

В сторожевом охранении на перевале осталась 1-я сотня 2-го Аргунского полка есаула Шундеева.

С началом наступления японцев 15 мая на помощь ей пришла 5-я сотня 2-го Аргунского полка под командованием князя Магалова. Под прикрытием огня этих сотен начальник отряда выбрал другую позицию, на которой расположил все свои силы: 4-я сотня 2-го Нерчинского полка заняла лесистый отрог на левом фланге общей позиции, в густом кустарнике; возле дороги, на поляне, заняла оборону 3-я сотня 2-го Аргунского полка; правее ее — 4-я сотня 1-го Аргунского полка, а дальше, в густом сосновом лесу, стали казаки 4-й сотни 2-го Аргунского полка.

Японцы пошли в атаку густыми цепями. В бой вступила артиллерия противника, засыпая шрапнелью казачьи цепи.

Начальник отряда дал команду на отход, чтобы вывести казаков из-под огня артиллерии.

С утра 15 мая до середины дня сдерживали казаки генерала Ренненкампфа наступающие цепи японцев, а потом медленно отошли лавой через Синкайлинский перевал к деревне Саймацзы, а на другой день, совершив марш в 40 верст, сосредоточились в богатой китайской деревне Цзяньчань (Дзяньчан).

За отход без команды с позиций командир 2-го Аргунского полка войсковой старшина Кобылкин был отстранен генералом Ренненкампфом от командования полком.

В этих первых боях казаки-забайкальцы, которых так все ругали, проявили свои наилучшие качества.

По развитию, сметке, большой находчивости и инициативе, которую отрицал Л. Нодо, казак далеко превосходил регулярного солдата, забитого муштрой и униженного морально.

Примером этому может служить поведение казака 1-й сотни 2-го Аргунского полка Боровского в японском плену. Будучи в дозоре, казак Боровский со своим товарищем, «братаном», как он доложил, наткнулись на выдвигающуюся из леса японскую пехоту, которая открыла по ним огонь. Товарищ ускакал, а под Боровским была убита лошадь. Японцы стали окружать его. Видя, что уже не уйти, казак спрятал в кустах под камнями винтовку, патроны, шашку и вышел навстречу надвигающейся японской цепи.

В плену японские офицеры все допытывались, куда он дел свое оружие, но казак, несмотря ни на что, даже на то, что его пытали, загоняя крючья под ногти, стоял на своем: «не было у меня ни винтовки, ни шашки», «сколько сил в отряде, не знаю, но много — счесть нельзя», «пушки тоже есть, очень много». Прикидываясь дурашливым простаком, Боровский тем временем обдумывал, как совершить побег. Его раздели, морили голодом, но казак стоял на своем. Ночью, когда часовой, охранявший его, уснул, казак умудрился развязать веревки и убежать. Вышел к месту, где запрятал оружие, взял его и через сутки оказался в расположении наших войск.

Услышав эту историю, австрийский военный агент при отряде Ренненкампфа, граф Шептыцкий, был восхищен поведением казака, его смелостью, терпением и находчивостью в казалось бы безнадежном положении, а военному корреспонденту и писателю П. Краснову сказал следующее: «Вот вы часто нападаете на казаков, что у них выправки нет; да, у них нет ее, но вы посмотрите, что это за люди! Чем больше я присматриваюсь к вашим сибирским войскам, тем более они мне нравятся. С ними можно дело делать. Каждый человек тут свободный, имеет свою голову на плечах и понимает военное дело. Это хорошие войска. А что мушпры нет, так она заменяется здравым смыслом и тем глубоким патриотизмом, который я вижу в каждом солдате».

Это мнение иностранца, который не умел говорить просто любезности, а был истинно военный человек, хорошо разбирающийся в психологии и характере солдата.

Отдых, который рассчитывали получить казаки в богатой деревне Цзяньчань, не состоялся, так как был получен приказ вновь вернуть Саймацзы, занятые накануне противником.

Для выполнения этой задачи туда направили пять сотен 1-го Аргунского полка, один батальон стрелков с двумя горными орудиями под руководством полковника Карцева. Семь других сотен 2-го Аргунского и 2-го

Нерчинского полков командир отряда отправил под командой генерала Любавина для охвата Саймацзы на случай наступления на него японцев со стороны Айянямыня.

В авангард ушла 1-я сотня 2-го Нерчинского полка есаула Энгельгардта.

На самом Феншуйлинском перевале, у каменной кумирни, находилась застава сотни графа Комаровского 2-го Аргунского полка. Командир ее доложил генералу Любавину, что противника поблизости нет на 10 верст вокруг и что он за это ручается.

В 14.00 колонна генерала Любавина расположилась по обе стороны кумирни на отдых. Казаки, как обычно на привале, уселись чаевничать.

Внезапно с господствующей над перевалом юго-восточной левой крутой сопки, куда, пользуясь беспечностью казачьей заставы, скрытно пробрались горными тропами японцы, раздались залпы, перешедшие в непрерывный огонь.

В лагере поднялась паника. Обезумевшие люди и кони метались под убийственным огнем. Попытки офицеров прекратить панику и навести порядок успеха не имели.

Начальник конно-саперной команды капитан Шульженко, собрав своих людей, бросился с последовавшей за ним дежурной 3-й сотней 2-го Аргунского полка в сторону противника. Крича «ура!» и ведя огонь на ходу, они пытались помешать расстреливать бивак.

Казаку 2-го Аргунского полка, стоявшему на посту у знамени, раздробило обе ноги. Вахмистр 5-й сотни 2-го Нерчинского полка Агап Туркин схватил знамя и, окруженный кучкой казаков, вынес его из-под огня. Казаки двух полков перемешались. Все куда-то бежали по разным направлениям с оружием и без оружия; обезумевшие кони и мулы топтали раненых и убитых.

Описывая в своих воспоминаниях этот случай паники, Петр Врангель, будущий лидер Белого движения на Юге России, подчеркивал, что в этот момент паники, «безусловно, храбрые люди, которые, потеряв голову, не были в состоянии принять какое-либо решение; в другой раз я видел тех самых казаков, которые под огнем отпускали веселые шутки толпящимся в ужасе у стен кумирни или бегущим без оружия в лес...»

Погибли пятеро казаков, ранены тяжело шестеро, легко — семнадцать казаков. Получили ранения подполковник Заботкин и доктор Архангельский; 53 лошади были убиты или ранены.

Только сигнал полковой трубы «Сбор!» собрал казаков генерала Любавина.

1-я сотня 2-го Нерчинского полка, находившаяся в авангарде под командованием есаула Энгельгардта, бросившаяся к гребню высоты и открывшая огонь по японцам во фланг с близкого расстояния, а также 2-я сотня этого полка, шедшая на соединение с отрядом от Синкайлинского

перевала, спасли отряд генерала Любавина от полного истребления. За беспечность казаки расплачивались своей жизнью.

Утром погибшие казаки были похоронены в братской могиле, а их седла сожжены. Это вызывало удивление, так как седел в Маньчжурской армии не хватало и стоили они дорого. В других казачьих частях, например у донцов, седла убитых и их личные вещи продавались на аукционе. Деньги, вырученные от продажи имущества погибшего, отправлялись его семье.

Случаи беспечности, подобные той, которая привела к расстрелу бивака генерала Любавина, в начале войны были довольно часты. Особенно это было присуще казакам второй очереди, отвыкшим от тягот службы и армейского порядка. Это относилось и к командирам казаков, кадровым офицерам, не имеющим боевого опыта. Так, при передвижении отрядов высылались дозоры вперед и иногда назад, а боковые заставы, дозоры не применялись. Местность, где могла быть устроена засада, не осматривалась предварительно дозорными. Тайна передвижения не соблюдалась. Японские шпионы-китайцы беспрепятственно сообщали по цепочке с помощью световых сигналов о действиях отряда. Офицеры были обременены личными вещами, которые перевозили во вьюках на своих лошадях во вьючном обозе, постоянно отстающем и задерживающем движение.

Войсковой старшина А. Квитка, проживший до Русско-японской войны 20 лет в Италии и уйдя добровольцем в действующую Маньчжурскую армию, привез с собой итальянского повара, сопровождающего его повсюду. Вот примерный перечень того, что было в его багаже: две палатки, две раскладные кровати, стол, табуреты, посуда, продукты, постельные принадлежности и масса различных других вещей, нужных в мирной жизни, но без которых можно обойтись на войне.

Невнимательно относились забайкальские казаки к своим лошадям: седлали, вьючили небрежно, а придя на место, спешили заварить чай. Такое отношение к себе могла выдержать только «забайкалка». Видно, зная выносливость своей лошади, казаки не придавали особого значения уходу за ней.

Сотенные командиры и вахмистры вынуждены были следить, чтобы лошади были расседланы, вьюки сняты без промедления, а спины лошадей растерты соломой, гаоляном или сухой травой.

Допускали казаки и сон на посту, особенно после длительных маршей или продолжительного боя.

Но, как бы там ни было, наука воевать пришла быстро, правда, за нее пришлось платить человеческими жизнями.

21 мая генерал Ренненкампф проводил личную рекогносцировку Синкайлинского перевала, находящегося в 16 верстах от Саймацзы на Айянямынской дороге, и так как при наступлении японцев на Саймацзы они этот перевал не могли миновать, то необходимо было изучить пути выхода в долину реки Айхэ и к Саймацзы.

При спуске с перевала рекогносцировочная группа была обстреляна противником, который, заняв вершины и гребни соседних гор, держал под прицелом все дороги, ведущие на перевал и с него. В ходе рекогносцировки один стрелок был убит и ранены 6 казаков, один из них тяжело. В рекогносцировке участвовала сотня 2-го Верхнеудинского полка есаула Арсеньева, прибывшая в отряд с генералом Грековым, героем Русско-турецкой войны, Георгиевским кавалером, лихим (донским. — *Примеч. ред.*) казаком и бывшим командиром лейб-гвардии Атаманского полка.

Не привыкшие к войне в горах, казаки сотни есаула Арсеньева атаковали сопку, где не было противника. В заблуждение их ввело эхо. За расходом боеприпасов никто не следил, впустую тратилось громадное количество патронов. Начальник отряда, видя замешательство казаков, встал в цепь и находился там до конца боя.

В ходе рекогносцировки штабс-ротмистру Цедербергу удалось проникнуть в тыл к японцам и обнаружить две японские роты на биваке, представлявшие собой, по всей вероятности, авангард пехотного полка. Очевидно, что готовилось наступление. Это были очень важные сведения.

Начальник отряда принял решение оставить в Саймацзы часть отряда, а с главными силами отойти на Цзяньчан (Дзяньчан). Но, прежде чем покинуть Саймацзы, генерал Ренненкампф приказал вручить знаки отличия военного ордена казакам. Эти награды привез адъютант командующего армией князь Урусов. Церемония раздачи крестов выбранным казакам была назначена на 22 мая.

На следующий день, теплым утром, части отряда выстроились на поле, имея на правом фланге 2-й Нерчинский казачий полк; в центре стояли стрелки и артиллерия, и на левом фланге — 1-й и 2-й Аргунские казачьи полки. Все части развернули свои знамена. Генерал обошел фронт полков, поздоровался с казаками и солдатами. Потом, выйдя на середину строя, скомандовал: «На караул!», после чего произнес здравицу государю императору и командующему Маньчжурской армией генерал-адъютанту Куропаткину. Дважды прозвучало могучее «ура!».

После этого обратился с кратким напутствием к войскам и приступил к раздаче крестов. Среди награжденных были: старик-доброволец осетин Егор Петрович Джантиев, который, будучи раненым, не покинул поле боя, показывая пример мужества казакам; трубач-казак Дементьев, выезжавший на коне на возвышенное место под пулями противника, чтобы его сигнал был услышан всеми; четверо казаков, вынесших с поля боя под Дапу своего раненого товарища, несмотря на ураганный огонь, обрушенный на них; казак, который под Айянямынем прокрался во фланг японской позиции и обнаружил маневр трех японских рот, стремившихся скрытно войти во фланг отряда, и тем самым спас своих товарищей от

неминуемой гибели; мужественный и находчивый казак Боровский, не сдавший своего оружия противнику и не выдавший под пытками в плену своих товарищей.

Генерал собственноручно вручал каждому Георгиевский крест и говорил несколько ободряющих слов. После вручения наград мимо Георгиевских кавалеров, отдавая им честь, под звуки торжественного марша прошли стрелки и казаки.

Парад закончился, войска выстроились у четырех свежих могил, где покоились забайкальские казаки, погибшие в предыдущих боях, и у вырытой новой могилы, перед которой стоял гроб с телом казака-бурята. Три товарища его читали над ним свои молитвы, которые положено читать по их религии.

Все стояли, не шелохнувшись, без шапок, слушая в тишине в течение 10 минут непонятные слова товарищей другой веры. Когда они закончили молиться, один из них повернулся к командиру отряда и сказал: «Готово».

Полки взяли «На караул» и под звуки оркестра, игравшего «Коль славен», гроб опустили в могилу.

Вскоре маленький холмик, обложенный камнями, стал рядом с православными крестами.

Замечательные традиции были в Русской армии, когда и награждения и похороны павших героев независимо от их вероисповедания проходили торжественно, при построении войск и со всеми воинскими почестями. И одинаково равно, что для русского казака, что для бурята-казака звучали слова песни-молитвы победы над смертью:

«...Распятие бо претерпев, смертию смерть разрушив...»

Глубокая религиозность русского солдата, его вера в Спасителя были одной из причин стойкости, терпения и мужества российского воинства даже там и тогда, когда смерть в бою была неизбежна. Нравственное состояние народа отражалось на нравственном состоянии армии. При разрушении веры или в Бога, или в другие какие-то светлые идеалы, разрушается нравственность человека. Без веры человек не может жить. В Русско-японскую войну забайкальские казаки, несмотря на то, что находились в гораздо худших условиях, чем полки и дивизии регулярной армии, не потеряли веру ни в Бога, ни в царя, ни в Отечество. Ни один казак не покинул своей сотни, став дезертиром, ни одна сотня не оставила своей позиции. До конца войны казак-забайкалец вынес на себе все ее тяготы, не бунтуя и не оказывая неповиновения приказам своих командиров, начальников, как это было в других войсках.

25 и 26 мая казаки генерала Ренненкампфа вели бой к востоку от Саймацзы, на дороге в Куанденсян (у Шаого) и под воздействием превосходящих сил противника, наступавшего на Саймацзы, отошли к Тсианшаню.

27 мая для выяснения сил японцев, подходящих к Цзян-Чану, на Манапау и Сипингай были отправлены одна сотня 2-го Нерчинского полка и две сотни 2-го Аргунского полка под общим командованием полковника Хрулева.

Подойти к Сипингаю эти сотни не смогли, так как невозможно было проникнуть через посты сторожевого охранения японцев.

29 мая было принято решение провести рекогносцировку в этом направлении всем отрядом, оставив 4-ю сотню 2-го Нерчинского полка для охраны направления на Саймацзы.

За весь путь казаки не садились на лошадей, так как маршрут отряда проходил по крутым склонам сопок, хребтам и глубоким падям, поросшим густым лесом.

Наконец, спустившись в долину к Малюпау, казаки переночевали и в 5—6 часов утра следующего дня двинулись на Сипингай.

Узнав о приближении отряда, одна рота пехоты и один эскадрон японцев, принятые разъездом читинцев за крупные силы, оставили Сипингай и ушли вниз по Айхэ.

Отряд двинулся к Цзян-Чану обратно и 31 мая прибыл на место своего бивака.

Разведка, которую некоторые офицеры-генштабисты считали бесцельной, позволила все-таки определить, что в этом районе нет крупных сил японцев и быть не может — из-за гористой, труднопроходимой местности.

Во время отсутствия главных сил отряда Ренненкампфа японцы атаковали оставшиеся части в Саймацзы и после сильного боя вынудили отойти 23-й Восточно-Сибирский стрелковый полк и две сотни аргунцев на север.

Из-за больших потерь в конском составе во 2-м Аргунском и 2-м Нерчинском полках оказалось около 200 безлошадных казаков, из которых сформировали пешую сотню под командованием есаула Субботина.

После этих боев стычек с японцами не было, но по-прежнему казаков донимали хунхузы, отличавшиеся вероломством и жестокостью. Казачьи дозоры и посыльные часто подвергались нападению шаек хунхузов. Не щадили они ни санитарные транспорты, ни транспорты с продовольствием и другим имуществом. С ранеными казаками они обращались очень жестоко. Так, попавший в плен к хунхузам казак Кочетов, посланный хорунжим графом Бенкендорфом для связи с другим постом, был зверски замучен. Другой раз два казака «летучей» почты были встречены залпом хунхузов из кустов. Один упал, а другой ускакал. Когда с подкреплением прибыл на место падения товарища, то обнаружил труп казака с перерезанным горлом и отрубленным ухом. В свою очередь казаки не щадили и хунхузов — но вся трудность борьбы с ними заключалась в том, что после нападения они прятали оружие и превращались в обыкно-

венных угодливых китайских манз (беженцев, бродяг. — *Примеч. ред.*). Население было ими запугано и не выдавало их ни казакам, ни местной власти, которая была практически бессильна бороться с этим бичом Маньчжурии, но если брали кого-то из них в плен, то расправа была одна — «отсечение головы».

За три месяца непрерывных походов и боевых действий в горах офицеры и казаки отряда так поизносились, что представляли собой пеструю толпу ряженых кто во что горазд людей. Отчасти это было из-за нехватки обмундирования и затруднений с его доставкой, а отчасти из-за общего падения дисциплины. Некоторые офицеры не носили даже погон и имели неряшливый вид, объясняя это необходимостью не выделяться в цепи во время боя от рядовых казаков. «Японские же офицеры, воевавшие не хуже наших, были, наоборот, всегда одеты по форме и даже щеголеваты, а чтобы не быть раненым или убитым, умело использовали местные укрытия», — отмечал А. Квитка в своем дневнике.

В Маньчжурской армии щегольски одетых офицеров можно было встретить только в главном штабе. Многие офицеры действующих частей, чтобы не выделяться на поле боя, перекрашивали свои белые кителя под цвет местности, то есть хаки. Но так как необходимой краски под рукой не было и весь процесс покраски проходил кустарно, цвета мундиров были разные, от светло-зеленого до немыслимого. Это еще одно доказательство тому, как Россия готовилась к войне с Японией. «Секрет» цвета хаки был раскрыт в англо-бурскую войну, и все европейские армии давно обеспечивались обмундированием защитного цвета, и только русский солдат и офицер «щеголяли» летом на поле боя в белых кителях и рубахах, неся из-за этого дополнительные потери.

В то время, когда казаки Ренненкампфа, прикрывая левый фланг Восточного отряда, вели бои у Шаого, казаки отряда генерала Мищенко готовились встретить противника у Сюяна.

24 мая отряд Мищенко занял позицию у Сюяна на плато, господствующем над всей Сюянской долиной. Позиция была выгодной, но дело осложнялось тем, что город Сюян находился в центре Сюянской долины, окруженной со всех сторон высокими горными хребтами. К нему сходились дороги на Фынхуанчен, Дагушань, Порт-Артур, Гайчжоу, Хайчен и Ляоян. Имея выгодное стратегическое положение, Сюян в то же время являлся и ловушкой для войск, вошедших в долину. Так как дороги, ведущие в долину и из нее, проходили по перевалам, то при блокировании их выйти из долины было невозможно. Крутизна скатов хребтов не позволяла двигаться вне дорог пешему человеку, тем более это было невозможно для конницы и артиллерии. Генерал Мищенко шел на большой риск, загоняя в эту естественную ловушку свой отряд. Японцы, уклонявшиеся до этого от больших боев с отрядом, решительно наседали на казаков, навязывая бой в Сюянской долине. Расчет их был очевиден: заставить

казаков, досаждавших им все это время, войти в долину, затем перекрыть все выходы из нее и одним разом покончить с одним из лучших кавалерийских отрядов русских.

Вдоль левого фланга и фронта русской позиции протекала мелководная речка; правый фланг упирался в узкую лощину с почти отвесным спуском, по дну которой проходила кружная дорога на север через Пумягоу, Мандзяпудзы и на выход из долины к Вандзяпудзу.

С утра 26 мая началось наступление японцев, которые шли колоннами с юга от Мудеанфу и с востока от Санзелью. Первые их цепи показались на гребнях высот со стороны деревни Панянзы, вправо и влево от юго-западной дороги. 1-я Забайкальская казачья батарея открыла огонь, сметая их шрапнелью с гребней. Другие колонны противника стали подниматься на Тахулинский перевал, который обороняли 6-е сотни Верхнеудинского и Читинского полков.

На помощь им были посланы еще три сотни, одна Читинского полка и две (2-я и 3-я) — 1-го Верхнеудинского полка, под общим командованием войскового старшины Черемисинова. Во время боя он был ранен, и командование сотнями принял есаул 1-го Читинского полка Колосовский.

С помощью прибывших сотен атака японцев с фронта была отражена. Большую помощь в этом оказала 1-я Забайкальская казачья батарея, подавившая своим огнем японскую артиллерию.

Не добившись успеха с фронта, противник перенес свои усилия на левый фланг, пытаясь прорваться через перевал на направлении, обороняемом 2-й сотней 1-го Верхнеудинского казачьего полка. Спешенные казаки под руководством сотника Рейтерфена около трех часов отбивали яростные атаки японцев, которые волна за волной пытались захлестнуть жидкую казачью цепь, состоящую из 137 человек. Кроме командира сотни, боем руководили два офицера сотни из коренных забайкальских казаков, по словам Рейтерфена, «дьявольски хладнокровные в бою».

Казаки насчитали до 24 стрелковых цепей, каждая до взвода, атаковавших их позиции.

На помощь сотне подошли 2-я сотня 1-го Читинского полка и 1-я сотня верхнеудинцев. Противник, выйдя во фланги, открыл по казакам перекрестный огонь. Появились раненые и убитые.

Для эвакуации раненых в тыл отрывались из цепи 2—3 казака, чтобы спустить с перевала беспомощного из-за ранения товарища.

По словам Рейтерфена, в 1-й сотне верхнеудинцев, кроме коневодов, оставалось для ведения боя 8 человек, а во 2-й сотне — 12. Шесть японских рот, ведя огонь залпами и пачками, не давали поднять головы.

После более двухчасового ожесточенного боя сотни организованно отошли к Сюяну под прикрытием меткого огня 1-й Забайкальской казачьей батареи, так и не давшей японцам выйти на гребень перевала. Эта же батарея пресекла попытку японцев войти в долину с юга.

Японская пехота заняла все гребни гор, окружающих Сюянскую долину, пытаясь исключить всякую возможность вырваться из кольца окружения.

Для выяснения обстановки и планов японского командования необходим был «язык» или, на крайний случай, убитый, чтобы по документам и форме можно было определить, с кем воюет отряд.

Эту задачу поручили 3-й сотне 1-го Читинского полка, которая, развернувшись в лаву, на рысях в конном строю атаковала деревню Панянзы, но сильный огонь японцев не позволил приблизиться к ней.

В этом скоротечном бою казаки сотни еще раз доказали, что забайкальцы всегда придут на помощь товарищу, даже рискуя своей жизнью. Под казаком Парыгиным во время отхода была убита лошадь, тогда вахмистр Дулепов и казак Неделяев вернулись к упавшему товарищу и на глазах у не ожидавших такого японцев подхватили его под руки и с ним ускакали (прием джигитовки. — *Примеч. ред.*).

Умело и мужественно действовали казаки-артиллеристы, руководимые войсковым старшиной (подполковником) Гавриловым. Откуда бы ни появлялся противник, батарея немедленно открывала меткий огонь. Выучка артиллеристов была отменной. Не успела японская горная батарея сделать двенадцати выстрелов, как была подавлена огнем 1-й Забайкальской казачьей батареи. Превосходство японцев было явное. Не считаясь с потерями, они старались как можно быстрее захлопнуть западню, в которую попал отряд Мищенко.

Правый фланг охватывался шестью ротами, а против левого развертывались цепи двух больших колонн японской пехоты. Другая колонна, в восемь рот, совершала глубокий обход левого фланга, пытаясь выйти к Киулунсы (Кулунсам), захватить обоз отряда и атаковать казаков с тыла. Разъезд прикомандированного к 1-му Читинскому полку подпоручика 21-й конно-артиллерийской батареи Выграна вовремя обнаружил этот маневр японцев, прорвался в деревню и предупредил сотника Павлова, командовавшего обозом, о грозящей опасности.

Для противодействия обходу и с целью задержать продвижение японцев на Киулунсы из общего резерва отряда на направление обхода была выслана полусотня 5-й сотни и 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полка под руководством сотника Кравцова. Спешившись и заняв позицию, казаки полусотни 5-й сотни открыли огонь по обходящему противнику, а 2-я сотня, выхватив шашки, лавой атаковала его. Во время боя был ранен хорунжий Комаровский и четверо казаков. Полусотня 5-й сотни в течение часа сдерживала японскую пехоту. На помощь пришла 1-я Забайкальская казачья батарея. После ее двух выстрелов казаки смогли спокойно сесть на коней и отойти к Сюяну. Во время боя адъютант генерала Мищенко передал командиру 2-й сотни приказ прикрыть знамена казачьих полков, находившихся в 600 шагах от места боя, которым угрожала

опасность. Приказ был немедленно выполнен, и знаменная группа под прикрытием сотни отошла в безопасное место.

Не успел обоз под прикрытием 1-й сотни 1-го Верхнеудинского полка отойти две версты, как деревня Киулунсы (Кулунсам) была занята противником. Путь на север через перевал на Хайчен был отрезан. Небольшие части японцев заняли город Сюян, находившийся в 3—4 верстах в тылу русской позиции. Выйти из западни можно было по кружной дороге, проходящей через лощину, но для этого надо было занять высоту, лежащую впереди этой лощины.

Генерал Мищенко сразу понял важность этой высоты, для занятия которой отправил четыре сотни читинцев и взвод 1-й казачьей батареи. Казаки под руководством полковника Павлова крупной рысью мчались к этой спасительной высоте.

Понимали ее значение и японцы. От Киулунсы под палящими лучами солнца, измученный долгим обходом по бездорожью, бежал к ней со штыками наперевес японский батальон. Весь отряд с тревогой следил за состязанием японского батальона с казаками Павлова. Если успеют первыми достичь высоты японцы, то никто из отряда Мищенко не уйдет из долины живым, но военное счастье и судьба в этот день оказались на стороне казаков.

Артиллерийский взвод под руководством подъесаула Станкевича карьером вылетел на позицию и с расстояния 800—900 метров обрушил шквал шрапнели на обессиленных японских солдат, которые, видя, что высоту у лощины им не захватить, бросились на землю все как один человек, весь батальон, и лежали как мертвые, не обращая внимания на смертельный огонь, выкашивающий их ряды.

Под прикрытием огня артиллерии сотни читинцев спешились и рассредоточились в цепь, обеспечивая выход из боя и отход отряда. Сотня за сотней уходили казаки по спасительной лощине. Шли организованно, равняясь в рядах. Не удержавшись от полноты нахлынувших чувств, гордости за свое войско, генерал Мищенко прокричал им: «Спасибо, молодцы!» В ответ раздалось дружное: «Рады стараться, ваше превосходительство».

Видя, что русские уходят, японцы с отчаянием обреченных бросились прямо на орудия взвода Станкевича, который расстреливал их картечью в упор с 450 саженей.

Другой взвод казачьей батареи, выйдя из лощины, быстро занял огневую позицию и открыл беглый огонь по японским цепям, давая возможность отойти геройскому взводу подъесаула Станкевича. Сменяя друг друга, взводы, батареи вместе с арьергардными сотнями, 2-й Верхнеудинской и 4-й Читинской, отходили перекатами.

Во время отхода произошел «забавный эпизод». Когда два очередных орудия остановились в прикрытие отходящих сотен, японцы, преследо-

вавшие отряд, думая, что они брошены, кинулись к ним, но были встречены таким огнем орудий и выстрелами спешившихся казаков 4-й сотни 1-го Читинского полка, что в беспорядке отошли назад и больше уже не преследовали.

К 6 часам вечера бой закончился. Пройдя всего 7 верст, отряд заночевал у Пумягоу. Японцы в этот день потеряли свыше 80 человек убитыми и ранеными.

Последними отошли из долины казаки 4-й сотни 1-го Читинского полка под командованием подъесаула Сарычева.

Как потом выяснилось, против 1200 казаков действовала почти целая японская дивизия (два пехотных полка, гвардейский батальон от трех до пяти кавалерийских эскадронов, а всего 6—8 тысяч человек). Сюянский бой 26 мая — самый эффектный и интересный из боевой истории этого отряда.

Казаки сражались мужественно, умело и доказали, что они ни в чем не уступали регулярной коннице. Японские кавалерийские эскадроны так ни разу и не вступили в бой с казаками, их драгуны предпочитали держаться от них подальше, имитируя, без особой активности, преследование уходящего из западни отряда генерала Мищенко.

Все убитые и раненые казаки были вынесены с поля боя. Чудеса храбрости и самоотверженности проявили в этом бою все сотни, действуя как в пешем строю с винтовками, так и в атаке с шашками наголо. Выше всяких похвал вели огонь казаки-артиллеристы, многим обязаны казачьи полки их меткой стрельбе.

Ведя коней под уздцы по горным тропам и вытаскивая орудия на руках, отряд без больших потерь вышел из долины Сюяна, которую японцы считали ловушкой для казаков.

Кроме частного, тактического успеха, в результате боя у Сюяна удалось определить направление дальнейших действий армии Куроки, то есть ее стратегические задачи. Главные свои усилия японцы сосредоточивали в направлении на Гайчжоу, а не к Хайчену, не к Ляояну и не к Мукдену, как предполагало русское командование ранее.

В Маньчжурской армии ходила молва, что, когда генерал Куроки узнал, что русские прорвались у Сюяна, он сказал о Мищенко: «Старая лисица ускользнула-таки из нашей западни».

Авторитет генерала Мищенко поднялся очень высоко. Все отмечали его находчивость, хладнокровие, полное спокойствие. Удача пока сопутствовала ему и его казакам, хотя раздавались и другие голоса, обвиняющие его за излишний риск, который чуть не привел к гибели двух лучших полков Забайкальского казачьего войска и 1-й Забайкальской казачьей батареи.

30 мая отряд генерала Мищенко, усиленный бригадой оренбургских казаков под командованием генерал-майора Толмачева (11-й и 12-й ка-

зачьи полки) и частью сил 12-го Барнаульского Сибирского пехотного полка, подошел к Сахотану и занял на высотах выгодную позицию с задачей как можно дольше задержать противника в его движении на Гайчжоу. Отдельные казачьи сотни отряда охраняли перевалы Уйдалинский, Напалинский и Чапанлинский.

К этому времени на Маньчжурском театре военных действий сложилась следующая обстановка.

Овладев 13 мая Цзиньчжоу, 2-я армия Я. Оку перерезала связь Порт-Артура с Маньчжурской армией. В районе Дагушаня высадилась 4-я армия М. Нодзу, которая имела задачу вместе с 1-й и 2-й армиями действовать против главных сил Русской армии в Маньчжурии и этим обеспечить успех 3-й армии М. Ноги, высадившейся вслед за 2-й армией в районе Бицзыво на Квантунском полуострове и предназначенной для осады Порт-Артура.

Сознавая, что падение крепости вызовет тяжелые последствия на Маньчжурском фронте, во внешнеполитических и внутренних делах, Русское правительство потребовало от дальневосточного командования направить войска на выручку Порт-Артура. Между тем единого мнения в плане ведения войны в это время не было ни в штабе наместника адмирала Алексеева, ни в штабе Маньчжурской армии.

Главнокомандующий предлагал немедленно идти на помощь Порт-Артуру, то есть наступать, а Куропаткин считал, что положение Порт-Артура не вызывает опасения, а для наступления сил не хватает. Не договорившись между собой, они обратились за помощью в разрешении спора: к царю — Алексеев, к военному министру — Куропаткин.

Царь одобрил позицию Алексеева.

К концу мая Маньчжурская армия по численности была почти равной японской и занимала выгодное расположение своих войск, позволяющее действовать по внутренним операционным направлениям против разбросанных и разобщенных группировок противника. Трения, возникшие между двумя штабами, отрицательно сказывались на положении дел. Так, Алексеев требовал выделить для наступления на Порт-Артур четыре дивизии (48 батальонов) с артиллерией и кавалерией, а Куропаткин, вопреки предписанию наместника, послал 32 батальона, то есть 1-й Сибирский корпус генерал-лейтенанта Г.К. Штакельберга, которому было приказано идти на выручку Порт-Артура. Против 1-го Сибирского корпуса японцы выставили 48 батальонов пехоты, 3 полка дивизионной и 3 полка армейской артиллерии (216 орудий).

Таким образом, соотношение сил было на этом направлении в пользу японской армии.

24 мая авангард корпуса, состоящий из казачьей дивизии сибирских казаков генерала А.В. Самсонова и генерала Н.А. Симонова, отбросил передовые части 2-й японской армии в районе Вафангоу и занял станцию Вафандян. Главные силы в это время подходили к Вафангоу.

1 июня перешла в наступление армия Оку и, оттеснив авангард русских, японцы овладели станцией Вафандян.

Войска 1-го Сибирского корпуса заняли оборонительные позиции в пяти километрах к югу от Вафангоу, где генерал-лейтенант Штакельберг решил дать оборонительный бой, а затем, при благоприятных условиях обстановки, перейти в наступление.

Оборонительная позиция русских проходила по гребню высот от деревни Лункоу через Санцзыир до Янцзягоу на фронте, протяженностью 12 километров. Открытый правый фланг обеспечивал кавалерийский отряд генерала Самсонова в составе 11 сотен и 2-й казачьей бригады, левый — 2 стрелковыми ротами и конными заставами. При этом главная оборонительная линия русских делилась на три участка. Правый участок, к западу от деревни Санцзыир, оборонялся 3 батальонами 36-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, батальоном и ротой 33-го Восточно-Сибирского стрелкового полка, батареей 9-й артбригады под общим командованием генерала Н.Ф. Крузе; на среднем участке, от железной дороги до деревни Санцзыир, находились три роты 33-го Восточно-Сибирского полка, две батареи 9-й и батарея 35-й артиллерийских бригад под командованием генерала А.А. Лучковского; левый участок, к востоку от железнодорожной линии, защищали 12 батальонов 1-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, четыре сотни казаков под общим командованием генерала А.А. Гернгросса.

Общий резерв корпуса находился в тылу у деревни Сисан в составе восьми батальонов 2-й бригады 35-й Восточно-Сибирской дивизии и двух батарей 35-й артиллерийской бригады под общим командованием генерала А. Гласко.

Перед фронтом позиции расстилалась Янцзятуньская равнина.

Из-за беспечности и нетребовательности русского командования не были подготовлены окопы и укрытия, артиллерийские батареи стояли на открытых огневых позициях по распоряжению старших начальников и лично Штакельберга, хотя русские артиллеристы уже умели пользоваться угломером при стрельбе с закрытых огневых позиций.

После ураганного огня японской артиллерии обороняющиеся части стали нести большие потери, еще не вступив в бой.

В течение двух дней в районе Вафангоу бушевал ожесточенный бой. В результате корпус Штакельберга из-за многочисленных ошибок в руководстве им и под воздействием превосходящих сил противника отошел к Сеньючену. Сибирские стрелки дрались мужественно, с небывалым упорством. Измотанная кровавыми боями, армия Оку не решилась на преследование.

Русские части уходили, а за ними шли казачьи разъезды, дозорные, плелись раненые. На крайнем правом фланге, стоя на сопке, до последнего момента отхода работал с гелиографией (светосигнальные прибо-

ры. — *Примеч. ред.*) командир 1-го Восточно-Сибирского саперного батальона поручик Карбышев. С командой в 60 человек сибирских казаков и конных саперов он отошел с наступлением темноты в расположение своих войск. (Будущий военный инженер с мировым именем, профессор, доктор военных наук, полковник Русской армии и советский генерал-лейтенант инженерных войск Дмитрий Михайлович Карбышев в 1941 году будет тяжело контужен и взят в плен. После категорического отказа перейти на сторону противника подвергся изощренным пыткам и принял мученическую смерть в лагере военнопленных Маутхаузен в 1945 г. Выпускник Сибирского кадетского корпуса и Николаевского военного инженерного училища в 1900 году, он выковал свое мужество, верность офицерскому долгу и чести на полях сражений Русско-японской войны.)

Стойкость и мужество русского солдата под Вафангоу были перечеркнуты бездарностью его командования. В результате боев русские потеряли 3,5 тысячи человек, японцы — 1163.

Первая попытка Маньчжурской армии прийти на помощь Порт-Артуру закончилась неудачно, однако для противодействия 1-му Сибирскому корпусу, выдвигающемуся к Вафангоу, японское командование вынуждено было направить 2-ю армию, сняв ее с Порт-Артурского направления.

В бою у Вафангоу забайкальские казаки участия не принимали. В соответствии с планом командующего Маньчжурской армии А.Н. Куропаткина русские войска стали отходить к Ляояну, где предполагалось дать генеральное сражение. Ему предшествовали бои на перевалах.

5. Бои на дальних подступах к Ляояну

В течение июня забайкальские казаки, распределенные по отрядам, находились на флангах Восточного отряда, в командование которым вступил генерал граф Ф.Э. Келлер, вели разведку и бои с передовыми частями армии Куроки.

Рассуждая о кадровой чехарде, которая творилась в Русской армии, барон Э. Теттау пишет по поводу назначения генерала Келлера на должность начальника Восточного отряда: «Одна из непонятных странностей этой войны заключалась в том, что на самые ответственные места назначали людей, не обладающих соответствующей подготовкой... Японцев, должно быть, не признавали таким серьезным противником, чтобы придавать особое значение тщательному выбору начальников».

Обладая хорошими командирскими качествами, генерал Келлер не имел опыта в руководстве войсками. В Русско-турецкую войну 1877—

1878 годов, после ранения Куропаткина, он служил начальником штаба у Скобелева и с тех пор войсками не командовал. Много лет занимал должность директора Пажеского корпуса, потом в течение семи лет перед войной был гражданским губернатором.

Он и не скрывал своей неуверенности от возложенных на него обязанностей, о чем и сказал Куропаткину при назначении, что «по силе разумения постарается выполнить свой долг». Генерал Келлер очень боялся, чтобы его не обвинили в трусости, и вместо того чтобы руководить боем корпуса, он считал своим долгом непосредственно участвовать в бою под огнем противника и «личным примером» влиять на войска.

Генерал Келлер сменил на этом посту генерал-лейтенанта М.И. Засулича, который был отстранен от должности и назначен командиром 2-го Сибирского армейского корпуса. Начальником штаба у Келлера был полковник Орановский, зять генерала Линевича, 39-летний генерал, занимавший должность генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии. Этому способствовали, конечно, родственные связи с Линевичем. В Русской армии не так-то просто было получить генеральское звание, не имея протекции. По сложившейся тогда традиции обычно в чине полковника пребывали 10 лет, выдающиеся производились в генералы через 8 лет, в особо крайних случаях через 6 лет, но произведенного в генералы оставляли в списке полковников, и он получал генеральский чин только тогда, когда были произведены в генералы все полковники, получившие звание раньше его. Престарелые полковники и генералы в Русской армии были сплошь и рядом. Отвыкшие от войск, они не знали, что с ними делать, когда их батальоны и полки развернули в полки и дивизии. Никто из высшего командования не изучал их деловых качеств, а на должности назначали или по прошлым заслугам, или в соответствии с достигнутыми этими стариками званиями. При существующей тогда системе командирской подготовки многие из них напрочь забыли все, что знали по окончании училищ и академий, а самостоятельным военным образованием почти никто не занимался. Вот и командовали больше «по своему разумению», чем по науке.

Подметил эту особенность в Русской армии и А.А. Игнатьев, когда ему пришлось по делам службы побывать в отряде генерала Левестама, которому помог сделать военную карьеру «Георгиевский крестик», как говорил сам Левестам, полученный в годы его молодости на Кавказе в турецкую войну. «Командовал полком и устроился начальником Тифлисского военного госпиталя — казенная квартира, райское место. И зачем нужно было меня с него трогать?.. Главный штаб назначил меня — как «боевого генерала» — начальником Сибирской резервной бригады. А тут война, развернули нас в дивизию в шестнадцать батальонов — шутка ли сказать! Придали артиллерию, парки, обозы. Загнали в эти проклятые горы...» — жаловался генерал А.А. Игнатьеву в доверительной беседе.

Таким же был командир Енисейского полка, престарелый полковник Высоцкий, «так же, как Левестам, растерялся при виде собственного четырехбатальонного полка, развернутого из родного ему скромного резервного батальона. Особенно смущали его орудия и казаки, с которыми он попросту не знал, что делать, да еще в горах».

Не стоило, может быть, так подробно писать об этих начальниках, но для понимания тех трагических для России событий надо сказать, в чьих же руках находились казаки, кто ими командовал.

После отхода отряда Ренненкампфа от Саймацзы наблюдать за противником в этом районе остался 1-й Аргунский казачий полк под командованием полковника Карцева.

Действия генерала Ренненкампфа

4 июня отряд генерала Ренненкампфа вновь выступил с целью проведения «усиленной рекогносцировки». Предварительно 1-я и 2-я сотни 2-го Нерчинского полка были посланы в Сяосыр для усиления отряда полковника Трухина. И на этой разведке мелкие казачьи разъезды не смогли прорваться через японское охранение, понесли потери и отошли. Только за несколько дней стычек с противником отряд потерял двух офицеров: хорунжего 1-го Аргунского полка Козлова, убитого в разведке на Саймацзы, и подъесаула 2-го Нерчинского полка Аничкова, тяжело раненного в разъезде, отправленном на Айянямынь. Бывший гвардеец подъесаул Аничков, несмотря на свое знатное происхождение, быстро пришелся по нраву подчиненным казакам, стал для них своим человеком и любимцем всего отряда.

5 июня две сотни казаков генерала Ренненкампфа успешно выдержали бой с японской ротой на дороге в Айянямынь. Но в результате боя не удалось получить сведения о противнике и прежде всего о силах, сосредоточенных на этом направлении, и его намерениях. Узкие горные долины и крутые склоны их затрудняли ведение разведки. Кроме того, везде, где можно было пройти человеку, находились японские сторожевые посты или устраивались засады.

Неоднократные попытки казаков проникнуть за эту «завесу» не увенчались успехом.

В этот же день отряд Ренненкампфа без боя занял Саймацзы. Из собранных сведений путем опроса местных жителей, засылки агентуры, проведения «мелких» разведок удалось установить, что в первых числах июня армия Куроки на восточном фронте занимала оборону у Фынхуанчена, а частью сил — у Куаньдяньсяна. Подготовка японцев к наступлению на Ляоян обнаружена не была.

Для выяснения обстановки у Куаньдяньсяна генерал Ренненкампф предпринял «усиленную рекогносцировку» на Айянямынь с привлечением всех сил своего отрада. О начавшемся наступлении 7—8 июня он не знал.

Для выполнения этой задачи были привлечены два с половиной батальона 23-го Восточно-Сибирского полка, 4-я Забайкальская казачья батарея, 4-я конно-горная батарея пограничной стражи, четыре сотни 1-го Аргунского полка, три сотни 2-го Аргунского и две сотни 2-го Нерчинского казачьих полков; две конно-охотничьих команды — одна 23-го Восточно-Сибирского стрелкового полка.

Всего два с половиной стрелковых батальона, 10 орудий, 9 сотен и две конно-охотничьих команды.

Из Саймацзы отряд выступил 9 июня двумя колоннами: правая (главные силы) по нижней Айянямыньской дороге, а левая — по горной дороге, ведущей к Синхайлинскому перевалу с фланга.

Боковой колонной командовал генерал Любавин. Она состояла из 3-й сотни 2-го Аргунского полка и 2-й сотни 2-го Нерчинского полка, пограничной батареи и охотничьей команды Сретенского пехотного полка.

Всего пять сотен, 4 орудия, одна команда.

К 12 часам дня боковая колонна соединилась с главными силами и пошла впереди нее.

1-й Аргунский полк, авангард главных сил, выдвигался впереди. С подходом на 5—6 верст до Айянямыня четыре сотни аргунцев, заняв крутой утес, завязали бой с японским охранением, находившимся в окопах на правой стороне дороги. Через некоторое время к авангардной сотне подошла сотня генерала Любавина, и с завязкой боя прибыл генерал Ренненкампф.

Казаки в пешем порядке атаковали противника и заставили его отойти на заранее подготовленные позиции, на следующий гребень высот.

Атакой полусотни 3-й сотни 2-го Нерчинского полка с фронта и второй полусотни с фланга противник был выбит с этой позиции.

Японцы, понеся потери, отошли на неподготовленную позицию и закрепились на выгодном рубеже.

3-я сотня 2-го Нерчинского полка при поддержке батареи пограничной стражи выбила противника и с этой позиции.

Главные силы отряда двигались по дороге на Айянямынь. Внезапно по ним нанесли удар не менее двух батарей японцев.

4-я Забайкальская казачья батарея по приказу начальника отряда стала развертываться под огнем противника. Так как местность была пристреляна японскими батареями заранее, русские войска несли потери. Не успела 4-я батарея сделать нескольких выстрелов, как половина ее штатного состава была убита и ранена. Подбитые орудия завалились набок, рядом лежала перебитая прислуга. Уцелевшие артиллеристы ук-

рылись за гребнем небольшой высотки. Как только огонь японцев немного ослабевал, они выбегали из-за укрытия и стреляли из уцелевших орудий. Большинство из этих самоотверженных людей так и остались лежать у своих орудий, сраженные шрапнелью или осколками снарядов. Очевидец этих событий Н. Анисимов, адъютант 2-го Нерчинского полка, описывая бой 4-й батареи, отмечает, что раненых невозможно было вынести из-под огня, так как японцы открывали огонь по одиночному человеку, пытавшемуся приблизиться к расстрелянной батарее.

Одну роту 23-го Восточно-Сибирского полка выдвинули для прикрытия позиции батареи, однако ни сотня казаков с охотничьей командой, прикрывавшая батарею ранее, ни прибывшая рота не спасли бы батарею, если бы японская пехота перешла в наступление.

Видя тяжелое положение артиллеристов и казаков, генерал Ренненкампф приказал 1-му Аргунскому полку занять лесной массив, находящийся на правом фланге позиции и еще не захваченный японцами.

Казаки, развернувшись в лаву, стремительно выскочили из-за утеса, где они укрывались, и наметом помчались к этому массиву. Японские батареи перенесли огонь по полку, но ему удалось проскочить обстреливаемый участок почти без потерь. Заняв массив, аргунцы не позволили японской пехоте, которая неоднократно бросалась в атаку, захватить орудия разбитой батареи. Не прекратили атак японцы и с наступлением темноты. Поддерживаемые огнем своих батарей, они не смогли уничтожить подразделение прикрытия и с большими потерями откатывались каждый раз назад. Казаки сражались стойко, а 12-я рота стрелкового батальона 23-го Восточно-Сибирского полка, по словам генерала Ренненкампфа, действовала «выше всякой похвалы».

Бой утих к 22 часам, и 4-я Забайкальская казачья батарея была выведена в тыл. Убитых и раненых артиллеристов вынесли с поля боя сотня прикрытия и уцелевшие казаки батареи.

Оставив на Синхайлинском перевале прикрытие, все участвующие в бою казаки и солдаты 12-й роты отошли со своих позиций. Японцы понесли большие потери и не преследовали отходящих.

К 6 часам утра 10 июня отряд прибыл в Саймацзы, потеряв в бою 92 человека, из них 7 офицеров, 70 казаков и солдат ранеными, 15 убитыми. Ни один казак не был брошен при отступлении. К сожалению, этого нельзя сказать о солдатах. Почти все убитые и раненые 12-й роты остались на позиции, некоторых вынесли казаки, остальные достались японцам.

В ходе этой «усиленной рекогносцировки» удалось выяснить, что у Айянямыня находилось до трех полков японской пехоты и 2—3 эскадрона кавалерии.

10 июня в Саймацзы были похоронены в одной братской могиле убитые в этом бою.

4-ю Забайкальскую казачью батарею как потерявшую боеспособность отправили в Ляоян, а потом в Харбин для ремонта материальной части и пополнения людьми.

В Саймацзы остались только казаки, которые во время похода и боя у Айянямыня ничего, кроме горячего чая, не ели и не пили из-за неимения времени приготовить пищу. Жалкий вид имели истощенные без фуража кони. Но и в Саймацзы, окрестности которой были разорены войной, пищи невозможно было найти. По словам Н. Анисимова, голод «достиг крайних пределов».

Описывая эти события в своем труде, барон Э. Теттау, приверженец регулярной конницы и ставивший под сомнение боевые возможности казаков, сам невольно, против своего желания задается вопросом: «...справилась ли бы лучше при такой обстановке более организованная и обученная кавалерия?» Вопрос можно понимать по-разному. Но если забайкальский казак, привыкший ходить по тайге, сопкам и имеющий приспособленную для этого лошадь, не может проникнуть за линию сплошного сторожевого охранения противника, то что можно говорить о драгунах регулярной армии, хоть и более «организованных, более дисциплинированных», но набранных на службу со среднерусских равнин, увидевших горы и тайгу только в Маньчжурии? Он же, барон Теттау, признает далее, что «кавалерия одна не может производить разведку. Японцы никогда не возлагали задачи разведки только на свою кавалерию. Кавалерия их была более осторожна, чем русская. Она действовала, как правило, вместе с пехотой и в горах оставалась непосредственно для прикрытия ее».

Те же задачи разведки, но только перед фронтом Восточного отряда, выполняли другие казачьи полки: 2-й Читинский полк с четырьмя сотнями на этапной дороге на Фынхуанчен и на Модулинском перевале, а две другие сотни этого полка были сняты с выполнения боевой задачи и распределены: одна (6-я) была в Ляояне — для охраны штаба, другая обеспечивала «летучую» почту по дороге Ляндясан — Сиуян; задачи разведки и прикрытия выполнял сводный казачий полк, состоящий из трех сотен Уссурийского полка и двух сотен 2-го Верхнеудинского полка.

К 1-му Аргунскому полку у Саймацзы был снова выдвинут 23-й стрелковый полк, объединенные в отряд под командованием генерала В. Грекова. Части отряда В. Грекова, занимавшие Далинский перевал, имели также задачу поддерживать казаков генерала Мищенко, отряд которого усиленный бригадой оренбургских казаков, перешел на дорогу Сюян — Гайчжоу для прикрытия этого направления.

С началом общего наступления японцев отряд генерала В. Грекова был атакован японской пехотной бригадой и, потеряв 100 человек убитыми и ранеными, отошел по дороге на Сихоян к Феншуйлинскому перевалу.

Одновременно началось наступление перед фронтом Восточного отряда.

Накануне наступления японцев, 6 июня, граф Келлер уехал верхом в Линдятай во 2-й Читинский казачий полк, чтобы по поручению командующего армией вручить знаки отличия военного ордена героям-казакам этого полка. Во время этого торжества произошел случай, характеризующий генерала Келлера как человека, боящегося быть уличенным в трусости.

Чтобы лучше отпраздновать это знаменательное событие, 2-й Читинский полк выписал из Ляояна ресторатора и приготовил завтрак, в течение которого играла музыка.

Без сомнения, об этом празднике казаков стало известно японцам, тем более о присутствии на нем начальника Восточного отряда.

В разгар завтрака казак доставил донесение, что японская пехота выдвигается к Линдятаю с юга. Ему не поверили и продолжали праздновать. Не придали значения и второму донесению — о приближении противника. Наконец, когда казак на взмыленной лошади примчался с донесением в третий раз и доложил, что пехота противника по горам, окружающим долину, обошла Линдятай, сомнения исчезли.

Около двух сотен казаков изготовились к атаке лавой, но по приказу генерала Келлера шагом направились на север. Полчаса две сотни людей во главе с начальником отряда находились под обстрелом противника, и только для того, чтобы граф мог показать свое личное пренебрежение к смерти и хладнокровное поведение в опасной ситуации. Белый штандарт начальника отряда, который находился в середине казачьей лавы, привлекал японских стрелков. Эта бравада могла стоить жизни и графу, и казакам.

Когда опасность миновала, генерал Келлер обратился к сопровождающей его свите со словами: «Я надеюсь, нас не станут обвинять в трусости, если мы теперь поедем рысью».

В ходе этого движения под огнем противника один казак и одна лошадь были ранены, а одна убита.

7 июня батальон 11-го стрелкового полка после незначительных боев с японской пехотой отошли за Фыншуйлинский перевал, а 2-й Читинский казачий полк — до Тсаохогоу.

8 июня в полк прибыл генерал Келлер с группой офицеров. Перед тем как убыть на позиции, их пригласили гостеприимные офицеры-читинцы «почаевать». Попив чайку с ананасами, генерал Келлер убыл для осмотра позиций полка.

Более месяца казаки находились на передовой линии, в постоянном соприкосновении с противником и все это время безропотно, добросовестно исполняли свой солдатский долг. Казаки служили, а не рассуждали. Для них война составляла неотъемлемую часть их жизни. К ней они готовились с детства, и все мучения, неудобства, тяготы переносили стойко, без нытья и жалоб. Казачьи кони исхудали и представляли из себя кожу да кости.

Командир 2-й сотни 2-го Верхнеудинского полка Рейтерфен в своем дневнике отметил, что примерно из 137 лошадей его сотни половина была с набитыми спинами, 56 лошадей с подпаринами и только 12 содержались в порядке. Казаки почти все время были в походе и не могли как положено следить за лошадьми. Глядя на них, каждому становилось ясно, что к такой кавалерии нельзя предъявлять большие требования. Казаки превратились в «ездящую пехоту» и большую часть боев провели пешими, находясь в стрелковой цепи как в обороне, так и в наступлении. Невольно задаешься вопросом: «А нужно ли было так гонять казаков, требуя все новых и новых разведданных?» Тактика использования конницы на равнинных театрах военных действий бездумно переносилась русским командованием в Маньчжурию, где местность не позволяла даже шага ступить в сторону. Вот и жаловались начальники, случайно попавшие на высокие должности, на казаков, чтобы прикрыть свою безграмотность и отсталость в военном деле. Эти жалобы охотно подхватывали военные журналисты и разносили по всему свету в своих статьях и брошюрах, типа Л. Нодо «Они не знали».

Обрушившись на плохую обученность казаков, Л. Нодо забывает, что строевые казачьи полки входили, наряду с драгунскими, в состав кавалерийских дивизий, к ним предъявлялись те же требования, что и к драгунам, обучали их по тому же уставу или, вернее, по тем же уставам, что и всю конницу. Все отличия их от драгун состояли лишь в системе отбывания воинской повинности, всецело зависящей от их быта и внутренней организации, в системе езды и выездки лошадей, в отсутствии штыка и в некоторых других своеобразных исторических особенностях боевых построений, как лава, батовка коней и другие. Но они умели выполнять приемы, обязательные для регулярной конницы, такие как атака сомкнутым строем, перестроение в боевые и предбоевые порядки и т.д. Видел же все это и описал в своем труде барон Э. Теттау. Чем отличались казаки генерала Мищенко, то есть все первоочередные полки, от приморских драгун? Абсолютно ничем, а по многим вопросам и превосходили их. Если казак на своей лошади не мог проникнуть через японские посты, то что говорить о драгунах с их европейскими лошадьми? Ведь и драгуны обязаны были вести разведку, добывать нужные командованию данные, и они это делали, но так же безуспешно, как и казаки. Их лошади не выдерживали и сотой части той нагрузки, которая досталась казачьим коням. По оценке того же барона Э. Теттау, лошади, которые были у забайкальских казаков, обладали превосходными качествами для Маньчжурского театра военных действий. Выносливые и неприхотливые, они уверенно шли вброд, карабкались, как кошки, по склонам гор, проходили без отдыха и пищи большие расстояния, сутками могли быть нерасседланными. Неказистые на вид, они на рыси не отставали от больших европейских лошадей драгун. Цена забайкальской лошади в войну

была очень высока и доходила до 250—300 рублей, тогда как в мирное время за нее давали минимум 40 рублей.

Быть может, забайкальские казаки на европейском театре военных действий выглядели бы хуже конницы европейских армий, имеющей рослых кровных лошадей, способных по своему росту и складу к быстрой размашистой скачке и нанесению сильного первоначального удара-шока в атаке, но на Маньчжурском театре военных действий этого делать не приходилось, и задача кавалерии сводилась к скромной роли ближайшего охранения и разведки.

В горах против японской кавалерии забайкальские казаки отвечали тем требованиям, которые к ним предъявлялись.

Бесспорно, что казаки, призванные со льготы, были хуже обучены, чем их молодые товарищи первоочередных полков, — ну, а кто из запасных был хорошо обучен в то время? Тысячи необученных солдат бросались в атаки под Вафангоу, постигая науку воевать кровью. Так же учились и казаки, но, в отличие от сибирского мужика-запасника, они трижды призывались на службу за последние 5—6 лет и год неплохо воевали в Китае.

Дивизия, а потом отряд Ренненкампфа, состоящие полностью в своей основе из казаков, призванных со льготы, то есть из запаса, прекрасно воевала и через 3 месяца войны, мало чем отличаясь от частей казаков-первоочередников.

Это они, казаки-забайкальцы, принесли славу своим начальникам — генералам Мищенко, Ренненкампфу, в отряды к которым стремились попасть все офицеры и которых меньше всего ругали в этой войне.

Как бы там ни было, но несмотря на усталость и измотанность, 10 июня 2-й Читинский полк вновь овладел Туйинпу.

11 июня из отряда Грекова (1-й Аргунский полк и пехота) поступило донесение, что противник обходит его правый фланг к северу от Саймацзы.

Почти одновременно с этим донесением поступил приказ начальнику Восточного отряда отправить немедленно шесть батальонов и одну батарею в корпус Штакельберга к Вафангоу.

Казаки, уставшие от непрерывных стычек с японским сторожевым охранением и от лазания по горам, лишались пехотного прикрытия.

Ввиду наступления японцев на Саймацзы отряд Ренненкампфа выступил по Сяосырской дороге к деревне Сафалацзы, где на ночном отдыхе в ней к нему присоединились сотни, оставленные в Сяосыре и Цзянчане.

13 июня японцы начали наступление. Им удалось потеснить сторожевое охранение, но огнем 4-й пограничной батареи были остановлены. Отряд Ренненкампфа не стал ввязываться в бой и отошел по Сяосырской дороге через перевал Палилин к перевалу Фыньшуйлин (Фенщуйлин).

14 июня в целях получения сведений о противнике в долине Цаохэ у фыньшуйлинского перевала Ренненкампф провел «усиленную рекогнос-

цировку». Колонна генерала Любавина в составе 4 сотен 2-го Нерчинского полка, 3 сотен 3-го Аргунского полка и 2 сотен 1-го Аргунского полка, 4-й пограничной батареи через 7—8 верст движения была обстреляна сильным ружейным огнем японцев. Казаки спешились и атаковали позиции противника под прикрытием огня 4-й пограничной батареи, но овладеть ею не смогли. Во время 4-часового боя были ранены есаул Энгельгардт, командир 1-й сотни 2-го Нерчинского полка, и 9 казаков. Рекогносцировка, кроме того, что был обнаружен противник в долине Цаохэ, ничего не дала.

Вернувшись к Фыньшуйлинскому перевалу, отряд остановился на ночной отдых, но отдохнуть не пришлось. Не успели казаки заварить чай, как японцы начали наступление. Атакована была и сотня, охранявшая перевал Палилин. После короткого боя с превосходящим ее во много раз противником она отошла к самому перевалу Фыньшуйлин. Отряд, обстреливаемый с двух сторон, отошел к деревне Фанцзяпуцзы, за перевалом.

С целью выяснения, перешел ли противник перевал, был выслан разъезд во главе с хорунжим 2-го Нерчинского полка Ивановым. В 8—9 верстах от места дневки отряда разъезд попал в засаду. Потеряв лошадей после залпа японцев, хорунжий Иванов и 5 казаков едва спаслись, вывезенные на крупах лошадей своих товарищей.

Стало ясно, что противник находится на перевале и продолжает наступление.

К 12 часам дня японцы атаковали сотню сторожевого охранения, которая после часового боя, потеряв двух казаков убитыми и 5 ранеными, запросила подкрепления. На помощь ей были отправлены стрелковая рота 23-го Восточно-Сибирского полка и сотня казаков. Противник был остановлен, а потом отошел на исходные позиции.

Общая обстановка на фронте Восточного отряда сложилась к тому времени следующая.

В связи с тяжелым положением под Вафангоу Восточному отряду 15 июня было приказано провести «демонстрацию» в сторону Фынхуанчена и отдать свои основные части на помощь Штакельбергу.

16 июня войска генерала Келлера начали наступать двумя колоннами: правая, под командованием генерала Романовского, с Модулинского перевала в сторону Хендяпуза; левая, под командованием генерала Кашталинского, — с Фыншуйлинского перевала на Линдятай. При каждой колонне было по одной сотне от 2-го Читинского казачьего полка — все, что было из конницы в распоряжении начальника Восточного отряда генерала Келлера.

Штаб отряда выступил рано утром из Тхавуана в колонне Романовского. Казаки полковника Закржевского, командира 2-го Читинского полка, как всегда, находились впереди наступающих колонн, действуя в авангарде.

Опередив противника, в проливной дождь казаки заняли Вафангунский перевал. Преодолев его, колонна Романовского подошла к Чанзалинскому перевалу. От действующей впереди казачьей сотни прибыл раненный в ногу казак и доложил, что перевал занят противником. Колонна Романовского приготовилась к бою на перевале, однако с ее подходом японцы оставили свои позиции и отошли к Эрдагоу.

К вечеру отряд генерала Келлера подошел на 15 верст к Фынхуанчену, где находился генерал Куроки со своим штабом и войсками.

Бессмысленно было двигаться туда с 8 батальонами и двумя сотнями казаков, поэтому отряд отошел к деревне Туменза. Во время отхода казак с «летучей» почтой доставил телеграмму от Куропаткина: «Штакельберг разбит, потеряно 21 орудие».

1-я армия Куроки перешла в наступление от Фынхуанчена по дорогам на Саймацзы, Лянсангуан и на Модулинский перевал.

Генерал Ренненкампф, как известно, уклонился от боя на своем направлении и отошел на Тайцзыхе, а отряд Грекова — на Сихоян.

Восточный отряд после незначительных стычек с противником очистил Средний Фыншуйлинский (у Лянсангуана) и Модулинский перевалы.

Малочисленные части генерала Келлера не могли противостоять сильной армии Куроки и вынуждены были отойти к Ляояну.

После занятия перевалов японцы подошли на расстояние двухдневного перехода от укреплений Ляояна на юго-восточном и восточном направлениях.

Русская армия повсеместно отступала.

16 июня отряд оставил деревню Фанцзяпуцзу и занял подготовленные позиции у Сихэяна. Часть сил отряда Ренненкампфа: 1-й Аргунский полк, 23-й Восточно-Сибирский стрелковый полк — вошли в состав Сихэянского отряда.

Со 2-м Нерчинским, 2-м Аргунским казачьими полками и 4-й пограничной батареей Ренненкампф в этот же день покинул Сихэянскую позицию и 17 июля прибыл в долину реки Тайцзыхэ, расположившись на левом берегу ее у деревни Мицзы (Мацзы).

Отступление к Ляояну

Не имея четкой задачи на оборону занимаемых позиций и не зная сил противника перед собой, генерал Зарубаев дал команду отойти. В результате этого в руки японцев перешел порт Инкоу, через который осуществлялась связь с Порт-Артуром, улучшалось снабжение их армий.

Утром отряд Мищенко отступил. По пути отхода казаки насобирали две арбы брошенного русскими стрелками имущества: новенькие шинели, котелки, фляги, шанцевый инструмент и даже сапоги.

Командир 2-й сотни 1-го Верхнеудинского полка Рейтерфен в своих воспоминаниях напишет потом, что, будучи на передовых постах около Янтая, видел в бинокль, как японцы занимали брошенные и политые обильно кровью русские позиции.

Сначала на покинутых русскими сопках появились китайцы, затем японские солдаты. На самой высокой сопке установили флаг Страны восходящего солнца. Вскоре впереди флага показалась большая свита, охраняемая кавалерийскими разъездами. Спешившиеся всадники из свиты в черных плащах стали смотреть в бинокли в сторону отошедших русских войск. Двое из наблюдавших были в белых рейтузах, очевидно, генералы, а может быть, сам Нодзу.

Только около полудня японцы поняли, что русские отступили, и их пехота повела наступление на Янтай.

Казачьи сотни вступили с ней в перестрелку. Арьергардный бой продолжался весь день. Японцы упорно лезли вперед, пытаясь пробиться к Ляояну. «От беспрерывного огня стволы винтовок раскалялись до такой степени, — напишет Рейтерфен, — что с них невозможно было стрелять. Пришлось меняться оружием с коневодами. Подходили к концу патроны. Верхнеудинцы заняли 6 тысяч штук у читинцев».

Пошел сильный дождь. С сопок стекали ручьи, которые сливались в бурные потоки; через них пытались перебраться измученные не менее русских японские солдаты.

Казаки встречали их огнем из засад.

Несколько суток без отдыха работали казаки, прикрывая отходящие войска. Все были утомлены, но ни от кого, по словам Рейтерфена, не пришлось услышать не то чтобы жалобы, а просто недовольства.

Отряд Мищенко отошел еще дальше на север и расположился биваком у деревни Яйшугоу. Тысячи людей, коней и повозок плавало в грязи по дороге на Танчи-Дашичао. Маленькие ручейки превратились в бурные реки, которые несли ящики, повозки, корзины, шинели и другой мусор войны. По разбитым дорогам по колено в грязи двигались измученные войска. Солдаты впрягались в оглобли и тащили на себе повозки с боеприпасами и имуществом, фуры с ранеными и орудия, так как выбившиеся из сил лошади еле передвигали ноги. Другие десятки тружеников войны подпирали эти повозки и орудия плечами. Из-за грязи нельзя было ни присесть, ни лечь. Тяжелый неблагодарный каторжный труд, который не дает ни орденов, ни славы, а исполнять его надо. Терпеливо, покорно, безответно выполняли свой воинский долг тысячи бородатых «запасников», русских солдат, призванных из запаса на войну в далекую и чуждую им Маньчжурию. Тех солдат, которых знаменитый генерал Драгомиров назвал «серой святой скотиной».

Еще в худшем положении оказались казачьи части, которые уходили последними, прикрывая отступающую армию. День и ночь казачьи разъезды несли службу под проливным дождем, лежали по горло в воде в сторожевом охранении, а потом совершали тот же путь отступления, что и прикрываемые ими части — только уже по окончательно разбитым дорогам.

В это тяжелое время отряду генерала Мищенко было приказано прикрыть отступающие к Хайчену части 2-го и 4-го Сибирских корпусов.

Изматывала казаков разведка, которую в горной местности вести было практически невозможно. Гористая местность совсем не пригодна для действия конницы. На единственно имеющихся дорогах и тропах, где могли пройти казаки, японцы устраивали свои сторожевые заставы и засады. Многочисленные подъемы и спуски увеличивались за счет поперечных долин и ущелий. Японская кавалерия на такой местности не появлялась. Сторожевую службу у них несла пехота. Результаты таких разведок были мизерные. Но даже при таких условиях казачьим разъездам отряда удалось своевременно обнаружить подход крупных сил противника.

Вечером 17 июля разъезды доложили о движении противника. Генерал Мищенко попросил у командира 4-го Сибирского корпуса помощи, так как сдержать продвижение многочисленного противника несколькими сотнями казаков при двух артиллерийских батареях было практически невозможно.

Рано утром 18 июля японцы атаковали сопки, занятые казаками 1-го Читинского полка, и заставили их после непродолжительного боя отойти. Превосходство противника было явное. 1-й Верхнеудинский казачий полк находился в резерве. Посланный на помощь Томский пехотный полк атаковал занятую японцами позицию, но отбить ее не удалось. Попытка японцев продолжить наступление тоже не имела успеха. Натолкнувшись на упорное сопротивление пехоты, противник остановился.

К полудню бой вела только артиллерия. 1-я Забайкальская казачья батарея вступила в борьбу с четырьмя японскими батареями, три из них находились на закрытых огневых позициях и одна стояла открыто. Не имея возможности отыскать укрытые батареи противника, казаки перенесли под градом осколков весь свой огонь на открытую батарею, которую быстро заставили замолчать.

Несколько японских снарядов (шимоз) разорвалось на позиции 1-й Забайкальской казачьей батареи, убив двух казаков и хорунжего А.Т. Симонова, несколько казаков были ранены, а сотник Чеславский и хорунжий Фищев из сотни прикрытия контужены.

Оставаться на позиции у деревни Саньчендзы батарея уже не могла. Сначала сменил позицию 3-й взвод подъесаула Станкевича, который занял огневую позицию у деревни Гаодзяюй, потом 1-й и 2-й взводы под

командой войскового старшины Гаврилова. Во время отхода двух взводов бомбардир-наводчик 3-го взвода Бакшеев со второго выстрела подбил японское орудие, разогнал несколькими выстрелами японскую прислугу у двух других видимых орудий и перенес огонь шрапнелью на другие три, за гребнем, после чего и они замолчали. Стреляя из одного орудия (второе заклинило), 3-й взвод сумел подавить шестиорудийную батарею японцев. За этот подвиг казак Егор Бакшеев был награжден Знаком Отличия Военного ордена III степени. К концу войны он будет иметь три такие награды — IV, III и II степени.

Положение отряда было тяжелое, так как приходилось отходить под натиском превосходящих сил противника через перевал, вытаскивая на руках пушки.

19 июля японцы продолжили наступление у деревни Лаомутоу, но огнем 1-й Забайкальской казачьей батареи были остановлены. За этот бой подполковник Гаврилов был награжден орденом Святого Великомученика Георгия IV степени.

Прикрывая отход наших войск с перевалов, отряд Мищенко отошел к деревне Татунь, а затем получил приказ следовать к Ляолинскому перевалу, занятому нашей пехотой, и стать за расположением своих войск, ведя разведку на Гинчан и далее на юг.

Прибыв в указанное место, генерал Мищенко выдвинул вперед авангард в составе 5-й сотни 1-го Верхнеудинского полка и 4-й сотни 1-го Читинского полка под общим командованием есаула 1-го Читинского полка фон Глена.

Авангард выдвинулся до горы Чанинзы и, заняв расположенную к северу от нее деревню, выставил сторожевые заставы к деревне Тичан и на перевале между горой Чанинза и Ляолинским перевалом.

Пока отряд генерала Мищенко, действуя в арьергарде, прикрывал отход наших войск к Ляояну, казаки Ренненкампфа в ночь с 19 на 20 июля переправились вплавь на правый берег Тайцзыхе и двинулись к Сяосыру.

21 июля они вновь переправились у Сяосыра на левый берег и заночевали у деревни Пьедяпузы в готовности с утра 22 июля провести усиленную рекогносцировку Сыгоулинского перевала.

Для выполнения этой задачи назначили пять сотен 2-го Нерчинского и две сотни 2-го Аргунского полков с 4-й пограничной батареей.

Утром 22 июля авангардная сотня отряда в 6—7 верстах от места ночевки была обстреляна японцами. Спешившись, сотня атаковала и выбила противника с занимаемых позиций.

У Сыгоулинского перевала отряд вновь был обстрелян. Головная сотня и часть авангардной спешились, поднялись на гребень сопки и открыли сильный огонь по японской заставе, которая, бросив убитых и раненых, поспешно уходила за перевал. Около десятка убитых и раненых

солдат остались лежать в долине. Двух ближних убитых и нескольких раненых казаки смогли захватить, остальных не успели, так как был дан сигнал «Отбой!».

Подтянув подкрепление, японцы заняли оставленный казаками перевал и обрушили на них шквал огня. Роли поменялись. Теперь казакам пришлось нести потери. Бросив захваченных японцев, 6-я сотня 2-го Нерчинского полка вынесла с поля боя одного убитого и четырех раненых своих товарищей. Один из казаков увидел в кустах раненого, которого принял за своего офицера. Русские офицеры носили к тому времени кителя, перекрашенные в цвет «хаки», похожий на цвет мундира японского офицера. Захватив запасную лошадь, он бросился под перекрестным огнем к кустам, но раненый стал стрелять в него из револьвера. Поняв, что это был японский офицер, казак, выстрелив несколько раз из винтовки по стрелявшему, благополучно вернулся.

К этому времени японцы заняли Хайчен.

26 июля разъезд поручика Н.К. Шнеура, прикомандированного к 1-му Читинскому полку и высланного к Эрдагоу, обнаружил там сильную японскую заставу, а на Сяньхотанском перевале окапывающуюся пехоту противника.

Генерал Мищенко бросил несколько сотен забайкальцев в бой и выбил противника с перевала, но охранять дальше перевал стало уже невозможно, так как противник по узким долинам обошел перевал и угрожал казакам окружением.

В ночь на 27 июля отряд отошел к Кутятзы, преследуемый японцами, которые к полудню 28 июля потеснили казачьи сторожевые посты за деревню Пейцзыгоу, а разъезды их появились со стороны Маляю.

Никто, кроме Забайкальского отряда Мищенко, не препятствовал продвижению японцев. Две сотни 1-го Читинского полка под командованием войскового старшины 7-го Сибирского казачьего полка Д.И. Аничкова были посланы на поддержку сторожевых постов, которые и остановили противника.

Главные силы отряда двинулись навстречу японским передовым заставам, но те, не приняв боя, поспешно отошли.

Период дождей принес затишье на всем Русско-японском фронте. Армии остановили свой бег — одна вперед, другая назад — и занялись приведением в порядок своих измотанных частей.

Бригада Мищенко, которая с началом боевых действий и дня не проводила без выстрела, 1-й Аргунский казачий полк, 1-я Забайкальская казачья батарея и 6-я конно-горная батарея пограничной стражи по приказу главнокомандующего Маньчжурской армии были отведены на отдых в Ляоян. Шестимесячная изнурительная служба в авангарде при наступлении Русской армии, ее сосредоточении и в арьергарде — при отступлении временно закончилась.

В конце июля полки Забайкальского казачьего войска находились в составе 2-го Сибирского корпуса (Забайкальская бригада генерала Мищенко, 1-й Читинский и 1-й Верхнеудинский полки) — у Ляояна; главных сил Восточного отряда (2-я бригада дивизии Ренненкампфа, 2-й Верхнеудинский и 2-й Читинский полки в качестве корпусной кавалерии) — между Ляндясаном и Тхавуаном, а 1-й Аргунский казачий полк — у Сихояна; дивизии Ренненкампфа (1-я бригада генерала Любавина, 2-й Нерчинский и 2-й Аргунский казачьи полки) — к северу от Сайматзы; гарнизона Порт-Артура (4-я сотня 1-го Верхнеудинского полка); войск, обороняющих Уссурийское побережье, — 1-й Нерчинский полк.

В начале июля, согласно решению командующего, конный отряд генерала Ренненкампфа (2 тысячи человек) прикрывал левый фланг Восточной группы и пути движения на Мукден.

Призванные на войну со льготы казаки пообвыкли, научились воевать, притерпелись к своей походной, тревожной жизни.

Воевавший в отряде Ренненкампфа со дня его формирования барон П. Врангель за время походов и боев по горам Маньчжурии присмотрелся к казакам и сделал интересные выводы, характеризующие забайкальского казака как воина. Он пишет: «По развитию, сметке, большой находчивости и инициативе казак далеко превосходит регулярного солдата. Особенно поразительна у него способность ориентироваться. Раз пройдя по какой-либо местности, казак пройдет там же без колебания, в какой угодно туман, в какую угодно темную ночь. Один из казаков-бурят так ответил на вопрос об этой удивительной способности забайкальцев: "Как идешь куда-нибудь, почаще оглядывайся, — смотри назад; как дорога покажется, такой она и на обратном пути казаться будет, и тогда никогда не ошибешься". Забайкальский казак в высшей степени вынослив, никогда не падает духом, хороший товарищ и легко привязывается к своему офицеру. Большинство казаков не имеет выправки и внешней дисциплины регулярного солдата, но отдав приказание, вы можете положиться на казака: он точно и состоятельно его исполнит...»

Данная характеристика забайкальских казаков перекликается с наблюдением других офицеров, воевавших в Забайкальском казачьем войске в годы Русско-японской войны.

30 июня во время усиленной рекогносцировки на Фандзяпудзы, проведенной отрядом Ренненкампфа, были убиты командир сотни 2-го Аргунского полка есаул Власов и ординарец генерала Ренненкампфа штабс-ротмистр Цедерберг, а сам начальник отряда получил ранение в ногу, после чего его эвакуировали в Ляоян. Командование отрядом принял генерал Любавин.

3 июля генерал Любавин со 2-м Аргунским полком прибыл к Сяосыру и остановился в деревне Сандянзае, а к деревне Чугаю был выдвинут 2-й Нерчинский полк, который стал на линии сторожевых охранений в 15 верстах от Сяосыра.

Китайские лазутчики, посланные на разведку, сообщили, что японцы близко, но высланный вперед офицерский разъезд доложил об отсутствии противника в указанном китайцами месте и что он занимает позиции на Сыгоулинском перевале, где 22 июня шел бой.

Утром 5 июля противник внезапно атаковал сторожевые заставы 2-го Нерчинского полка и вынудил их отойти, так как они занимали неудобные позиции, а имевшиеся сзади два узких прохода не позволили бы отступить при наступлении крупных сил японцев. Интересно, что при постановке задачи полку не приказывалось вступать в бой на этом рубеже.

К вечеру отошедшие сотни нерчинцев остановились в 3 верстах от Сяосыра, где получили приказ задержать японцев и не допустить их продвижения к городу Сяосыру.

Рано утром 6 июля сторожевые заставы вступили в бой с походным охранением противника. Командир полка приказал 6-й сторожевой сотне отойти и занять позицию на выступе сопки, возвышающейся над дорогой, по которой двигалось до двух рот японской пехоты. С подходом ее на 700—800 шагов казаки открыли огонь залпами.

Оставив на дороге несколько убитых и раненых, солдаты противника укрылись за утесы и стали подниматься на боковые гребни высот, с которых открыли огонь по позициям казаков.

Небольшой их отряд в 20—30 человек попытался обойти правый фланг нерчинцев, но был расстрелян правофланговым взводом 1-й сотни.

На помощь двум японским ротам подошли еще две, и через три с половиной часа после начала боя одна из них скрытно обошла левый фланг полка и открыла огонь по коноводам, которые в беспорядке стали уводить лошадей в тыл, к Сяосыру.

Генерал Любавин со 2-м Аргунским полком своевременно не поддержал нерчинцев, а когда понял, что надо срочно идти на помощь, было уже поздно. Задержать противника на указанном рубеже 2-й Нерчинский полк уже не мог, так как сложилась реальная угроза окружения. Казаки стали отступать, вынося с поля боя одного убитого и 15 раненых своих товарищей.

Этот эпизод послужил поводом для обиды нерчинцев на аргунцев. Справедливости ради надо заметить, что главными виновниками сложившейся ситуации были казаки левофланговой сотни нерчинцев, прозевавшие обход левого фланга ротой японцев, да и от командира полка не было просьбы о помощи.

7 июля отряд отошел к деревне Гяолинцзы, где предполагалось заночевать, а для наблюдения за японцами, занявшими Сяосыр, были оставлены в деревне Синдянзае казаки Аргунского полка.

К 16 часам было получено донесение, что противник атаковал сотни аргунцев в деревне и они отходят. Опасаясь быть отрезанными от армии и

оттесненными к Далинскому перевалу, занятому противником, генерал Любавин решил совершить ночной марш на Бенсиху.

Совершив тяжелый переход в 35—40 верст по горной дороге, через перевалы и по долине правого берега реки Тайцзыхе, отряд вышел к деревне Уйнюнин, где находились наши войска.

17 июля начала наступление 4-я японская армия генерала Нодзу на Симучен против разрозненных подразделений и отрядов русских, прикрывавших стык между 4-м и 2-м Сибирскими корпусами. Части 2-го корпуса отошли, потеряв 1671 человека, к Хайчену.

На рассвете 18 июля Куроки начал наступление на войска Восточной группы, находящиеся на позиции: Восточный отряд Ф.Э. Келлера — Янзелин, Тхавуань — на правом фланге группы и на левом — 10-й корпус — Пьелин, Юшулин. Главный удар был нанесен по 10-му корпусу у Юшулина. Понеся большие потери, он отошел за реку Ланхэ.

В ночь на 19 июля русские войска отошли на Ляньдясаньскую позицию — Восточная группа, и на Айсянцзянскую — Южная группа.

19 июля бригада Любавина в полном составе выступила вверх по Тайцзыхэ к Цзянчану с целью совместной атаки этого населенного пункта с частями отряда полковника Мадритова.

24 июля произошел бой, в котором отряд потерял одного казака убитым и 7 ранеными. Бригада отошла к Сандянзаю. Ни тот ни другой отряд свою задачу не выполнил из-за явного преимущества японцев в силах и средствах на этом направлении.

Бригада Любавина отошла и заняла позицию сторожевых охранений по Тайцзыхэ, имея центр в 6 верстах к востоку от Бенсиху, у деревни Уйнюнин, а фланги — правый — в Бенсиху, и левый — у Ьеленпуза — Сяосыр (Сяосырь).

До первых чисел августа бригада свои действия ограничивала высылкой отдельных дозоров на левый берег реки и в поддержании связи между Ьенсиху и отрядом Мадритова.

Боясь обхода флангов японцами, русское командование растягивало фронт обороны, поручая жидкой цепи из 8—9 казачьих сотен вести «упорную оборону».

18 июля японцев контратаковали своими передовыми подразделениями части Восточного отряда. Бой произошел у пагоды, к востоку от Тхавуана. Цель наступления русских — выяснить, какие силы противника прибыли на это направление, не была достигнута. Потеряв более 1000 человек убитыми и ранеными, Восточный отряд отошел к Тхавуану.

При вывозе раненых из отряда генерала Келллера «летучей колонной» Красного Креста руководил князь Ширинский-Шихматов, который сидел возницей на одной из повозок.

Очевидцы боя у Тхавуана рассказывали потом, что «отряд Келлера дрался хорошо».

С 18 на 19 июля произошел бой у Сихояна, в котором принял участие 10-й Армейский корпус генерала К.К. Случевского и приданные ему артиллерия и 1-й Аргунский полк из отряда Ренненкампфа. Цель наступления — восстановить и улучшить положение Русской армии на этом участке. Потери составили 50 офицеров и 1500 солдат убитыми и ранеными.

Во время боя дорогу от Сихояна к Мукдену прикрывала бригада Любавина, в которую вошли 2-й Верхнеудинский и 2-й Читинский казачьи полки, действующие в качестве корпусной кавалерии Восточного отряда.

После боя у Сихояна русское командование задумало новую наступательную операцию, но подготовка к ней велась медленно, нерешительно.

Генерал Куроки не стал дожидаться, когда русские войска подготовятся, и сам перешел 31 июля в наступление, атаковав 10-й Армейский корпус и Восточный отряд у Лагоулина.

В результате ожесточенных боев 10-й Армейский корпус и Восточный отряд отступили к главной Ляолянской позиции.

Во время боя на Янзылинском перевале погиб начальник Восточного отряда Ф.Э. Келлер, который находился на артиллерийской батарее и попал под разрыв шрапнельного снаряда. Начальником отряда стал генерал Каштанинский, командовавший до этого 3-й стрелковой дивизией.

Отказавшись от активных наступательных действий, русское командование потеряло инициативу и перешло к оборонительным действиям.

Нерешительность в действиях главнокомандующего Маньчжурской армией А.И. Куропаткина, приверженность к обороне объяснялись его защитниками как нежелание нести неизбежные потери при наступательных действиях.

Забегая вперед, хочется отметить, что в военной среде во время Русско-японской войны и после ходили разговоры о «гражданском мужестве и долге» и «военном мужестве и долге». Многие задавались вопросом, что важнее: сберечь жизни сотен людей или до конца выполнить свой долг?

Защитники «гражданского мужества и долга» считали, что при определенных обстоятельствах не зазорно сдать крепость, которая еще может сопротивляться; броненосец, еще находящийся на плаву и имеющий исправное вооружение; отступить под воздействием превосходящих сил противника, не попытавшись вступить с ним в бой; не наступать, а обороняться, так как наступающий всегда несет большие потери, чем обороняющийся. И все это объяснялось необходимостью сохранить жизни людей, своих подчиненных.

Другие отстаивали принципы «военного мужества и долга», призывая до конца исполнять свой воинский долг, пусть даже ценой собственной жизни и жизни сотен и тысяч солдат.

Эту полемику подхватила пресса, лжепатриоты от пера, оправдывающие предателей-командиров: генералов Стесселя, Фока, сдавших японцам Порт-Артур, командиров крейсеров и броненосцев, спустивших флаги, когда можно было бы еще сражаться.

Писаки-человеколюбцы хотят победы без крови, но войны без жертв не бывает, и уж коль выпала народу участь воевать, то и надо воевать так, чтобы потом не мучил позор всю нацию за свою беспомощную армию, опозорившую себя бесчестными действиями командиров и начальников, от которых зависело сражаться или сдаться на «милость» победителей.

Заботу об армии надо проявлять не на страницах газет и журналов, жалея солдат, а отдавать предпочтение ей во время подготовки к войне еще в мирное время. Армия должна быть силой, способной защитить свой народ и границы его существования. Потерь будет тем меньше, чем лучше обучен будет каждый солдат и офицер, чем лучше они будут вооружены и обеспечены всем необходимым для боя и чем выше будут их морально-психологические качества, чувство долга, чести, достоинства и ответственности за судьбу своего государства.

Все это создается и формируется в мирное время не пацифистскими речами, а всесторонней заботой правительства и народа о своей армии, пропагандой ее лучших боевых традиций и великой миссии защиты Отечества. Государство без хорошей армии — легкая добыча для желающих оторвать кусок территории, в чем вряд ли кто будет сомневаться. Сегодня — мир, а завтра?..

К счастью, в Русской армии сторонников «военного мужества и долга» всегда было большинство.

Заканчивая повествование о действиях забайкальских казаков в доляолянский период, необходимо отметить, что многие начальники в Русской армии свои просчеты оправдывали отсутствием точных разведывательных данных о японских войсках, и в этом якобы виноваты казаки, которые должны были эти данные добывать. Им вторили иностранные военные агенты при штабе Маньчжурской армии, не удосужившиеся хоть раз побывать в казачьем разъезде, прорывающемся через линию сторожевого охранения противника.

Генерал Гамильтон, описывая события Русско-японской войны в «Записной книжке штабного офицера», хвалит, как может, японскую разведку и ругает наших казаков.

А так ли это в действительности? Неужели наша войсковая разведка была так плоха? Неужели японская кавалерия добывала требуемые командованием разведывательные данные лучше казаков?

Приведенные примеры деятельности казаков и их командиров в течение 7-месячного хода войны наглядно доказывают, что при всех имевшихся недостатках казачьи разъезды по мере сил и возможностей эту задачу решали.

Выводы Гамильтона грешат перед истиной: во-первых, они однобоки; во-вторых, пристрастны; в-третьих, выгодны для него. Ни он и никто другой из критиков казаков не брали во внимание условия боевой работы казачьих разъездов. Достаточно сказать, что местность, на которой они воевали, представляла собой сплошной горный массив с хребтами, являющимися водоразделом огромного количества рек. Кроме того, горы вокруг хребтов разбросаны хаотично, перевалы следуют один за другим. Дорог, в прямом понимании этого слова, нет. Долины, по которым возможно движение войск, пересечены множеством рек, в сухое время проходимых вброд, но превращающихся в непроходимые бурные потоки в период дождей. По пешеходным тропам при преодолении перевалов приходилось спешиваться и двигаться по одному. По ним совершенно невозможно было двигаться обозу и артиллерии.

Противник надежно перекрывал сторожевыми заставами все удобные подступы к своим охраняемым войскам — но и то казаки умудрялись забираться в глубокий тыл японцев, терпели лишения, ранеными и больными попадали в плен, а то и просто гибли в какой-нибудь расщелине или в лесу от голода и ран, не имея возможности выйти к своим.

В то же время ни одного японского кавалериста в тылу наших войск никто не видел, а перед фронтом дальше своей пехоты они не заходили.

Таким образом, судить о японской войсковой разведке надо было объективно, она не заслуживала той похвалы, которую ей воздавали.

Другое дело, что агентурная разведка у японцев была поставлена хорошо — но кто мешал нашему командованию посылать китайских агентов в японский тыл, тем более что они охотно брались за эту работу, если им хорошо платили. Но это уже не войсковая разведка, и пенять за это казаков не следует, не они содержали агентов.

Но даже при том что японские шпионы в изобилии наводняли русский тыл, японское командование не всегда имело точные данные о действующих русских войсках. Например, японцы считали, что при атаке на Бенсиху участвовала дивизия Ренненкампфа в 1500 шашек, а в действительности это были казаки бригады Любавина, состоявшей из двух сотен 2-го Нерчинского и трех сотен 2-го Аргунского полков, насчитывающих в своем составе всего 400 шашек.

Много сведений уплывало к японцам из-за нашей болтливости, неумения сохранять военную тайну непосредственно из штабов, наводненных иностранными военными агентами и китайской прислугой.

В то же время в японских штабах данные о русских собирались скрупулезно и все держали в тайне, даже от таких доброжелателей, как Гамильтон. Если иностранный военный агент считал русские силы по количеству сотен, батальонов, забывая, что эти сотни и батальоны далеки от штатного состава, то японцы этот счет вели по шашкам и штыкам. Не доверяли японские штабисты иностранным военным агентам и сведения

о численности своих войск, потерях и тем более о намерениях. Как уплывали важные сведения из русского штаба, хорошо описал А.А. Игнатьев в книге «Пятьдесят лет в строю».

А вот что писал Эллис Бартлетт, английский военный агент, находившийся при армии Ноги, в своем труде «Осада и сдача Порт-Артура»: «Японцы обладали удивительной способностью скрывать свои силы. Если бы меня спросили в любой период осады, сколько у японцев войск под Порт-Артуром, я не мог бы ответить даже приблизительно. Я знал наперечет все дивизии, бригады, полки, но когда дело доходило до определения численности, я мог указать только их мирный состав».

Можно с большой уверенностью сказать, знакомясь с документами тех лет, что вся глубинная разведка в Русско-японской войне велась за счет китайских агентов.

Любой русский разведчик, проникнув с огромным трудом в расположение японцев, всегда расстреливался. Всю Россию обошла весть о русском солдате Рябове, который, переодевшись в китайца, ушел в тыл к японцам, был пойман и принял геройскую смерть, чем восхитил уважающих храбрость японских солдат и офицеров.

Другое дело японец — прицепив косу и выбрив лоб, зная чуть-чуть китайский язык, нравы и обычаи местного населения, он легко мог сойти за китайца и разгуливать, пользуясь беспечностью и незлобивостью нашего солдата, по расположению русских войск, торгуя курами и чумизными лепешками.

В Русской армии в разведку к японцам шли добровольцы. Среди офицеров казачьих частей считалось особой доблестью участвовать в разъезде, отправляющемся в глубокую разведку. При этом никакого вознаграждения они не требовали, а честно и добросовестно выполняли свой долг, руководствуясь только одним принципом — «надо».

Критики казаков, такие, как Э. Теттау, Л. Нодо, Гамильтон и другие, уже названные и не названные мной, осуждали казаков не только за «неумение вести разведку», но и за «неумение действовать в конном строю».

Но о каком конном строе могла быть речь при боях на такой местности, о которой уже упоминалось? Разве можно было атаковать «лавой» по глубокому ущелью, пересеченному множеством ручьев и речек, дно которых покрыто камнями, и лошади могли идти по воде только осторожно и медленно, нащупывая себе дорогу!

При всех недостатках, имевшихся в казачьих частях и выявившихся в ходе боев на перевалах и отступления к Ляояну и Мукдену, они со своей задачей справились. Большего требовать от них было нельзя.

Казачья бригада генерала Мищенко располагалась на отдыхе за Ляоянскими позициями. Люди и кони отдыхали, казаки сменили истрепавшееся обмундирование на новое, готовились к предстоящим боям.

Воздавая должное самоотверженной службе казаков, их подвигам совершенным в боях на перевалах, командующий Маньчжурской армией генерал А.Н. Куропаткин назначил на каждую сотню по 5 Знаков Отличия Военного ордена, дополнительно к тем трем, которые были пожалованы за поход в Корею и бой у Чончжу.

Для вручения наград командующий прибыл на бивак отряда лично.

По этому случаю 9 августа в 8.00 состоялся парад частей отдельной Забайкальской казачьей бригады. Военный корреспондент В. Апушкин, присутствовавший на этом торжестве, поместил в газете «Правительственный вестник» статью, в которой писал: «...казачьи полки и батареи выстроились лицом к Ляояну. Стоят боевые полки, которые в течение шести месяцев были в непрерывных боях. Казаки взволнованны. Над фронтом веют значки разноцветные с желтыми, зелеными, белыми каймами. В темных кожаных чехлах стоят знамена. Ветер раздувает ярко-желтый флаг генерала Мищенко.

В назначенный час генерал Мищенко выехал на коне впереди войск и скомандовал "Шашки вон!", после чего повернул коня и поскакал навстречу командующему армией.

Во главе большой свиты тихо едет к полкам генерал-адъютант Куропаткин. Придержал коня, принял рапорт и направился к правому флангу, здоровается с частями... Объезд закончился. Шашки вложены в ножны. Командующий армией приказывает генералу Мищенко вызвать награжденных казаков вперед. "Вперед, предназначенные к награждению казаки!" — дает команду Мищенко.

От строя стоящих полков отделяются всадники. Их много. Они едут кучно и выстраиваются к фронту строя. Это сотни храбрейших из храбрых. "С коней!" — дает команду Куропаткин и сам слезает с коня. Награждение начинается с правого фланга, где находится желтый значок генерала Мищенко... "Именем государя императора жалую тебе Знак Отличия Военного ордена четвертой степени — третьей степени".

В строю награжденных стоят русские и буряты, немало тех, кто уже имеет Знак Отличия Военного ордена за поход в Китай, Русско-турецкую войну, за походы по степям Средней Азии.

Вручив награды и поздравив награжденных, командующий армией провозглашает "ура!" сначала во славу государя императора, потом во славу новых Георгиевских кавалеров. "Ура!" — широкой волной прокатилось по полкам, смешиваясь со звуками гимна и туша. "К параду!" — приказывает командующий генералу Мищенко. Виновникам торжества командуют: "Слева по три, рысью!" — и отводят их вглубь поля. Там они снова выстраиваются в одну шеренгу.

Свита Куропаткина выстраивается на фланге строя "кавалеров".

Генерал-адъютант Куропаткин поднимает коня в галоп и скачет навстречу идущему уже церемониальным маршем головному полку... ста-

новится сам во главе парада и ведет его мимо шеренги простых казаков, награжденных Георгиевскими крестами.

Пройдя вдоль всей шеренги... Куропаткин становится впереди своей свиты и пропускает мимо себя участвующие в параде части.

Первыми идут верхнеудинцы под командой бывшего конного гренадера полковника А.П. Левенгофа.

Маленькие косматенькие лошадки после шестимесячной службы в горах идут славно, бойко и ходко. Сотни хорошо держат равнение.

Едва прошла 1-я сотня... как вслед ей звучит команда "Песенники, вперед!". Запевалы выскакивают вперед, и через мгновение звучит казачья песня,

За верхнеудинцами идут читинцы. За читинцами — аргунцы во главе с полковником Трухиным.

За полками пошли батареи: сперва казачья, потом конно-горная.

Все прошли, всех похвалил, всех поблагодарил командующий. Теперь очередь за теми, для кого был парад. Перестроившись повзводно, они проходят мимо командующего, грянули еще раз "рады стараться" и рассыпались по полю на марш-марш, догоняя свои части.

Парад закончился. Командующий жмет руку генералу Мищенко, благодарит его за службу.

Обращаясь затем к ряду иностранных военных агентов, он говорит им по-французски: "Вы видели? Перед вами прошли части, которые без отдыха, без смены работали полгода. И они готовы работать снова".

Представители иностранных армий, держа руки у козырьков, молчаливо наклоняют в ответ свои головы».

Сам генерал Мищенко, имевший орден Святого Георгия за поход в Китай, не был награжден, хотя менее заслуженные и менее известные генералы и офицеры, а то и вообще мало что сделавшие для России в этой «ненужной» войне, награждались щедро.

Куропаткин ревниво относился к славе и популярности генерала Мищенко, которой он пользовался у своих подчиненных в Маньчжурской армии. Личная скромность и независимость суждений, неумение подстраиваться под настроение начальника, несогласие по некоторым принципиальным вопросам с его мнением — другая причина холодного отношения Куропаткина к генералу Мищенко, в глаза называвшего генерала «наш милый Мищенко», а за спиной старавшегося всячески принизить его заслуги. Признавая, что отдельная Забайкальская бригада работала неутомимо и что ей он обязан ценными сведениями о противнике, Куропаткин, по словам генерала О.К. Гриппенберга, хотел отстранить Мищенко от командования «за чрезмерное утомление отряда».

Разлад между командующим и одним из его лучших генералов еще больше усилился после того, как на одном из обедов, куда был приглашен Мищенко, они не сошлись во мнении о русском солдате и офицере в эту войну.

Оправдывая свои постоянные неудачи, Куропаткин всю вину за это возложил на первых тружеников войны — солдат и офицеров частей, непосредственно сражавшихся с японцами, сказав, что он «ошибся в русском солдате и офицере: они стали хуже, слабее за 27 лет, истекшие со времени Русско-турецкой войны».

При общей угодливой поддержке и одобрении свиты Куропаткина этого вывода диссонансом прозвучали слова Мищенко о том, что причина неудач не в солдате и офицере, а в тех больших начальниках, которые руководят ими.

Личность Куропаткина как главнокомандующего и главного действующего лица Маньчжурской армии волновала не только газетчиков, критиков от разных политических движений, но и офицерский корпус, разделившийся по этому вопросу на два лагеря: одни ругали его, как только можно, другие видели в нем мудрого полководца, имеющего свой, никому не известный план ведения войны, а временные неудачи относили за счет других факторов, не связанных с именем Куропаткина.

Скромный армейский офицер, храбро воевавший в Русско-турецкую войну под командованием генерала Скобелева, отличившийся во время похода русских войск в Азию, поднявшийся до вершины военной власти в России, Куропаткин не оправдал возлагаемых на него надежд. Если большая часть офицеров и общественности встретила назначение Куропаткина главнокомандующим Маньчжурской армии с воодушевлением, то те, кто близко знал его, относились к нему отрицательно. Военный авторитет, генерал Драгомиров, назвал Куропаткина «...скрытой ловкой бездарностью».

К сожалению, в то время другой кандидатуры на этот пост не нашлось.

Его нерешительность в руководстве войсками, неумение организовать их взаимодействие, постоянные колебания при принятии решения, недоверие к подчиненным, неверие в русского солдата и офицера, мелочная опека, сковывающая инициативу командиров корпусов и отрядов, привели Маньчжурскую армию к Ляояну. Отступая к Ляояну не под воздействием превосходящих сил противника, а в результате ошибочного решения — дать генеральное сражение на его укрепленных позициях, Русская армия потеряла веру в победу, моральный дух ее был надломлен.

Полководец, который боится разумного риска, обречен на постоянные поражения. Таким был А.Н. Куропаткин.

6. Забайкальские казаки в боях под Ляояном

Решив дать под Ляояном генеральное сражение с целью, если не изменить ход ведения войны, то хотя бы прекратить дальнейшее отступление, русское командование заблаговременно подготовило три укреп-

ленные оборонительные позиции: первая — арьергардная, вторая — передовая, третья (между ними. — *Примеч. ред.*) — главная.

Общая глубина трех позиций составляла 21—26 км. Каждая позиция в зависимости от своего предназначения имела соответствующее инженерное оборудование: от окопов неполного профиля и незначительных искусственных препятствий — на первой, до земляных фортов с гарнизоном в две пехотные роты, усиленных пулеметами, пушками и различными заграждениями («волчьими ямами», рвами, фугасами, проволочными сетями), — на главной.

В то же время фланги оборонительных рубежей не были обеспечены, поэтому противник мог обойти их, а район резервов у железнодорожной станции и сам город находились под огнем японской артиллерии.

К 10 августа русская Маньчжурская армия сосредоточилась на арьергардной позиции в 30 км от Ляояна, имея в своем составе Восточную и Южную группу войск, армейский резерв и отряды по охране флангов.

Численное превосходство было на стороне русских по всем показателям, кроме конной и горной артиллерии, соотношение которых составляло соответственно 1 : 6 и 1 : 4 в пользу японцев. Против 153 русских эскадронов и казачьих сотен японцы выставили 33 своих эскадрона, т.е. соотношение 4,5 : 1. Общее соотношение сил и средств составило к 10 августа 1,3 : 1 в пользу Русской Маньчжурской армии.

Восточная группа находилась под общим командованием командира 17-го армейского корпуса генерала от кавалерии барона А.А. Бильдерлинга и занимала позицию по линии Ляньдясань, Анпилин и далее до реки Тайцзыхэ, имея в резерве, в районе Ляояна, 17-й армейский корпус. Протяженность позиции — 32 км.

Южная группа под командованием командира 4-го армейского корпуса генерала Н.П. Зарубаева развернулась на Айсянзяньском участке, протяженностью 15 км. В ее состав вошел 1-й Сибирский армейский корпус генерала Г.К. Штакельберга.

Общее руководство обеими группами осуществлял генерал А.Н. Куропаткин.

Конная группа — 1-я Забайкальская казачья бригада (1-й Верхне-удинский, 1-й Читинский, 1-я Забайкальская казачья батарея) вместе с 17-м армейским корпусом — составили общий резерв и располагались по обе стороны железной дороги в Ляояне.

Армейский резерв — 5-й Сибирский корпус — находился в Мукдене.

Такое развертывание войск объяснялось застарелой болезнью, поразившей русское командование, и в частности Куропаткина, — боязнь обхода противником флангов и захвата ими железной дороги — единственного пути снабжения Маньчжурской армии.

Кроме того, большое количество войск находилось в резерве корпусов. Например, в 10-м армейском корпусе генерала К.К. Случевского в

боевой части насчитывалось 19 батальонов, 28 орудий, 10 сотен и эскадронов, а в резерве — 13 батальонов и 82 орудия.

Решительные наступательные действия не предполагались, поэтому распределение сил и средств между боевой частью и резервом соответствовало оборонительным целям.

В этих условиях части Забайкальского казачьего войска, кроме уже указанной 1-й Забайкальской казачьей бригады Мищенко, были распределены следующим образом: 1-й Аргунский полк вошел в состав 5-го Сибирского корпуса, которым командовал генерал-лейтенант Л.М. Дембовский; 2-й Верхнеудинский полк — в состав 4-го Сибирского армейского корпуса генерал-лейтенанта Зарубаева; 2-й Читинский полк находился в 3-м Сибирском армейском корпусе генерал-лейтенанта Иванова. Все эти казачьи части вошли в состав корпусов в качестве корпусной конницы.

2-я Забайкальская казачья бригада (2-й Нерчинский, 2-й Аргунский полки) под командованием генерал-майора Г.П. Любавина, заменившего раненого генерала Ренненкампфа, прикрывала дороги, ведущие от левого фланга армии в Мукден, и наблюдала течение реки Тайцзыхэ на участке от Саканя до Сяосыря.

2-я Забайкальская казачья батарея вошла в состав 1-го Сибирского армейского корпуса, 3-я — в Сибирскую казачью дивизию генерал-майора А.В. Самсонова, а 4-я казачья батарея — в 17-й армейский корпус.

Русское командование сначала предполагало вести оборонительные бои на арьергардной позиции, затем на передовой и, наконец, на главной, выигрывая время для подхода резервов из глубины страны.

Японское командование, наоборот, ставило наступательные задачи перед своими войсками — и, больше того, цель окружить и разгромить Русскую армию.

1-я японская армия была развернута против Восточной группы, и она же предназначалась для обхода левого фланга русских, 2-я армия Оку — против Южной группы и обхода правого фланга Русской Маньчжурской армии; 4-я армия, взаимодействуя с 1-й и 2-й армиями, должна была наступать в центре против разрозненных мелких отрядов русских, находящихся на 23-километровом фронте между Восточной и Южной группами.

7 августа очередной штурм Порт-Артура, предпринятый армией Ноги, был отбит гарнизоном крепости.

В ночь на 12 августа по приказу маршала И. Ойямы три японские армии перешли в наступление, атаковав сначала гвардией слабозащищенный фланг 3-го Сибирского армейского корпуса, введя в заблуждение Куропаткина относительно направления главного удара. На участке 10-го армейского корпуса сохранилось полное затишье, и только в ночь на 13 августа главные силы Куроки обрушились на него и 3-й армейский

корпус. После упорного сопротивления передовые части русской пехоты 10-го армейского корпуса вынуждены были отойти в долину реки Танхэ, очистив Аншилинский участок.

На участке 3-го армейского корпуса японская гвардия попала под удар русских резервных частей и обратилась в бегство. Попытки Куроки наступать в стык правого и левого боевых участков корпуса была пресечена картечным огнем русских батарей. Все атаки были отражены. 1-я армия Куроки находилась на грани разгрома, но, вместо того чтобы двинуть резервы и контратаковать противника, Куропаткин приказал отвести войска Восточной группы на передовую позицию. Такой же приказ получила Южная группа, оставив Айсянцзяньский участок обороны без боя. Из горных районов боевые действия переместились на равнину.

Накануне второго этапа Ляоянской операции численность боевых частей Маньчжурской армии также превышала японские силы, однако Куропаткин и на этот раз решил дать оборонительный бой и только при благоприятных условиях его перейти в наступление правым флангом.

1-я Забайкальская казачья бригада генерала Мищенко 15 августа была поднята по тревоге и получила приказание немедленно перейти в центр Ляоянской позиции, к деревне Таэртунь, для поддержки пехоты.

Прибыв ночью в указанное место, бригада разместилась за пехотой и приступила к ведению разведки, во время которой казаки стали нести потери от огня противника.

Впереди русских позиций находились бескрайние поля гаоляна. Казачьи разъезды, ничего не видя и не слыша, так как гаолян был выше роста человека и даже при легком ветре издавал сильный шум, двигались по этим зарослям на виду у японцев, засевших по ту сторону долины, на скатах высот. По отлично наблюдаемым сверху казакам-разведчикам немедленно после обнаружения открывался огонь из орудий, пулеметов, винтовок. Кроме потерь, эти разведки ничего не дали.

1-я Забайкальская казачья батарея 16 августа в 6 часов вечера заняла позицию у деревни Сандяцзы и обстреляла японскую батарею, заставив ее замолчать, а потом перенесла огонь по резерву пехоты противника, изготовившемуся к наступлению. Фланговый шрапнельный огонь рассеял пехоту, которая понесла большие потери.

В этот же день, 16 августа, согласно диспозиции Маньчжурской армии № 2, Отдельной Забайкальской казачьей бригаде (11 сотен) и 1-й Забайкальской казачьей конной батарее (6 орудий) с приданными частями (Уральская казачья бригада — 10 сотен, 20-я конная батарея — 6 орудий) предписывалось стать у деревни Улунтай и охранять правый фланг армии к западу от железной дороги до реки Тайцзыкэ, на фронте деревень Синлунтай-Танван, поддерживая связь с отрядом в Сяобейхэ.

Пока отряд генерала Мищенко следовал к указанному месту, деревня Улунтай оказалась занятой сильными японскими частями.

Захватив соседнюю деревню Шихуйчен, две спешенные сотни: 5-я 1-го Верхнеудинского полка и 3-я 1-го Читинского полка, расположились на окраине ее в готовности к наступлению на Улунтай. Резерв находился к северу от Шихуйчена. 1-я Забайкальская казачья батарея заняла огневую позицию на площади деревни, так как вокруг были гаоляновые поля.

На фланги боевого порядка были высланы разъезды: к западу — от читинцев, а к востоку — от 2-й сотни верхнеудинцев, вошедшей в связь с 1-м Восточно-Сибирским полком.

Однако попытка 2 сотен подойти к Улунтаю с целью разведки не увенчалась успехом. Единственное, что удалось выяснить, так это то, что у японцев нет артиллерии, но есть пулеметы.

1-я Забайкальская казачья батарея сильным огнем обстреляла занятую японцами деревню, подготавливая атаку ее всем отрядом.

Но японцы опередили казаков и сами перешли в наступление на Шихуйчен, пытаясь улучшить свое положение на правом фланге армии. Казаки сражались храбро, но под воздействием превосходящих сил противника вынуждены были отойти. Японцы заняли Шихуйчен.

На помощь забайкальцам подошли казаки Уральского полка. Спешившись, они атаковали Шихуйчен, и после короткого, но ожесточенного боя японцев удалось выбить из деревни.

Оставив в деревне сильную сторожевую заставу, отряд отошел на ночь в другую, расположенную в 2 верстах от Шихуйчена.

На рассвете 17 августа японцы атаковали передовые позиции русских, сначала на правом фланге 3-го Сибирского корпуса, захватив ряд высот, расположенных южнее и юго-западнее Цофантуня, а в 10 часов утра — на участке 1-го Сибирского корпуса, между деревнями Маэтунь и Синлитунь.

Овладев деревней Чжуцзяпуцзы, 6-я японская дивизия создала угрозу обхода правого фланга 1-го Сибирского корпуса.

Первыми вступили в бой с японскими обходящими частями казаки Мищенко, захватившие деревню Шуйцуянь, расположенную в густом гаоляне. Против отряда наступала бригада японской пехоты с артиллерией и конницей Акиямы. Попав под огонь пехоты и конницы, отряд Мищенко отошел назад, к деревне Танчжуанцзы, в 4 верстах уступом за флангом 1-го Сибирского корпуса, где казаки спешились и вступили в бой с японцами.

По воспоминаниям А.А. Игнатьева, когда он был послан генералом Харкевичем в 1-й Сибирский корпус предупредить там начальника боевого участка полковника Леша о скором прибытии барнаульцев для контратаки обходящего противника, последний пожаловался ему: «Нас так подвел Мищенко! Отступил и даже не известил, а у меня в резерве нет ни одной роты!»

Упрек забайкальцам был высказан несправедливо: во-первых, они отступили под давлением превосходящих сил и с боем, который наблюдал Леш; во-вторых, и в этом, по всей вероятности, и кроется причина — нескольким малочисленным казачьим сотням необходима была пехотная поддержка, но резервов у Леша уже не было, а сражаться в 3-метровом гаоляне казаки не могли, опасаясь быть окруженными и уничтоженными; в-третьих, Лешу достаточно было завернуть свой фланг боевого участка, чтобы примкнуть к левому флангу отряда Мищенко.

На помощь урало-забайкальцам из резерва подошел 12-й Барнаульский полк с 2 батареями и решительной штыковой атакой выбил японцев из Чжуцзяпуцзы. Этому способствовали стойкие действия казаков, остановивших японские цепи, и огонь 2 казачьих батарей (1-й Забайкальской и 20-й приданной) под руководством полковника Гаврилова.

В течение двух дней, 17 и 18 августа, отряд Мищенко прикрывал правый фланг армии у деревни Шуйцуян, не допустив обхода его японцами. Две батареи отряда обрушивались на японскую пехоту, как только та пыталась атаковать. Густой гаолян мешал и русским, и японцам, особенно при ведении разведки. Казачьи разъезды то и дело нарывались на японские заставы, встречались внезапно с разведкой противника, а начавшиеся дожди превратили вдобавок ко всему взрыхленные гаоляновые поля в сплошное болото. Движение по нему изматывало казаков физически, а постоянная угроза внезапного нападения и непроходящее чувство опасности окружения — морально.

18 августа 5-я сотня 1-го Верхнеудинского полка нос к носу столкнулась с эскадроном японских драгун; спешившись, они открыли друг по другу сильный, беспорядочный огонь, но больше ничего не смогли сделать ни те ни другие.

К концу дня 17 августа все атаки японцев на 1-й и 3-й Сибирские корпуса захлебнулись. Потеряв убитыми и ранеными 5100 человек, противник отошел на исходные позиции. Потери русских составили 3100 солдат и офицеров убитыми и ранеными.

Английский военный агент при японской армии генерал Гамильтон писал впоследствии: «Штаб Куроки испуган, японцы отступают. Еще напряжение, и русские разрезали бы армию Куроки надвое, расстроив транспорты армии...»

Однако немедленного контрнаступления русских не последовало. Воспользовавшись этим, утром 18 августа перешла в наступление 2-я армия Оку. 6-я японская дивизия, действующая на правом фланге русских позиций, частью сил атаковала в направлении деревни Юйтутунь, Мастунь. Левый ее фланг обеспечивался конным отрядом Акиямы. Противник был встречен стойкой обороной сибирских стрелков и урало-забайкальских казаков, а также яростными контратаками двух батальонов

19-го Восточно-Сибирского полка, которые штыковыми ударами отбросили противника и не дали захватить Мастуньскую позицию. К 15 часам бой затих.

Казаки Мищенко этот бой начали спешенными частями впереди деревни Ганчжуанцы; но предпринятые попытки вновь атаковать деревню Улунтай не увенчались успехом. Сил было явно недостаточно, и измученные казаки вернулись на исходные позиции. Отражение наступления японской пехоты и атаки казаков на Улунтай отвлекли часть сил 6-й пехотной дивизии противника от 1-го Сибирского корпуса. В этом их большая заслуга, однако генерал Мищенко избрал пассивный путь противодействия обходу правого фланга 1-го Сибирского корпуса. Вместо того чтобы обороняться, он должен был совершить маневр, выйти во фланг и тыл обходящим частям противника и обрушиться на него всей 21 сотней и тем самым не только остановить противника, но и разгромить его.

Другие части забайкальских казаков во время боев 17—18 августа были распределены следующим образом: 2-я Забайкальская казачья бригада генерал-майора Любавина действовала совместно с частями 5-го Сибирского корпуса и 1-й Сибирской пехотной дивизией с задачей «охранять левый фланг по линии Бенсиху — Далин и у Синцзянтина». При этом 2-му Читинскому полку была поставлена задача «охранять район к западу до ручья, протекающего от деревни Сандяцзы к деревне Тасы, держа связь с 1-м Сибирским армейским корпусом». Полк действовал в составе войск 3-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанта Н.И. Иванова, обороняющего участок позиции от высот севернее деревни Кудяцзы до дороги от деревни Сычаню к деревне Миндяфан. 2-му Верхнеудинскому полку приказано «стать за северной городской стеной» в составе общего резерва под командованием генерал-лейтенанта Зарубаева, командира 4-го Сибирского корпуса; 1-му Аргунскому казачьему полку в составе войск генерал-лейтенанта Л.М. Дембовского, командира 5-го Сибирского корпуса, предписывалось «четырьмя сотнями расположиться севернее деревни Шахэпу... а двумя сотнями казаков на правом берегу реки Тайцзыхэ у города Ляоян; 3-я Забайкальская казачья батарея в составе Сибирской казачьей дивизии генерала Самсонова расположилась восточнее деревни Янцзялинцзы за линией фронта, а 4-я Забайкальская казачья батарея обороняла позиции правого берега реки Тайцзыхэ в составе войск генерала от кавалерии А.А. Бильдерлинга.

В двухдневных боях участвовали только казаки 1-го Читинского и 1-го Верхнеудинского полков.

Пока русские войска успешно обороняли передовую позицию, 1-я японская армия двумя пехотными дивизиями (12-й и 2-й) вечером 17 августа скрытно переправилась на правый берег реки Тайцзыхэ. О переправе этих дивизий русскому командованию стало известно, по офици-

альной версии Главного штаба, только в 9 часов утра 18 августа, когда обе дивизии уже находились на правом берегу и выдвинулись к высотам Сан-цагоу и Хванкуфен.

В этом обвинили конницу, которая якобы просмотрела начало переправы японцев, сумевших «обратить в паническое бегство части 54-й Русской пехотной дивизии».

Но достоверно известно, что первые сведения о начале переправы японцев через Тайцзыхэ были получены 16 августа от казаков генерала Любавина, — однако им, как и многим прочим донесениям от казачьих разъездов, в Главном штабе не придали значения.

С получением первых, не подтвержденных еще сведений о переправе японцев у Саканя (16 августа) на правый берег Тайцзыхэ, генерал Любавин с 8 сотнями и 4 орудиями занял Бейсиху, а две сотни заняли позицию по берегу реки.

17 августа с началом интенсивной переправы японцев у Бенсиху генерал Бильдерлинг приказал атаковать с тыла переправившиеся части японцев. Однако, вопреки этому приказу, генерал Любавин после незначительной перестрелки, во время которой были ранены 6 казаков и 1 убит, отвел забайкальцев на север к Сяньшанцзы, оставив без боя важный пункт обороны у деревни Бенсиху.

Ограничившись докладом о переправе японцев через Тайцзыхэ и имея в своем подчинении 17 сотен казаков и артиллерию, генерал Любавин распорядился ими бездарно. Вместо того чтобы обрушиться всеми силами на японскую пехоту, переправившуюся через реку, он пассивно наблюдал за переправой.

Таким образом, большие силы конницы, сосредоточенные на левом фланге Маньчжурской армии, оказались бесполезными. Разведку переправы японцев можно было вести и значительно меньшими силами.

Это не лучшая страница в истории Забайкальского казачьего войска.

Между тем две переправившиеся через Тайцзыхэ дивизии японцев особой угрозы для Русской армии на передовой позиции не представляли. Сосредоточенные за правым флангом русских крупные резервы могли нанести мощный контрудар и опрокинуть малочисленные части 1-й японской армии, переправившиеся на правый берег реки, а также разгромить слабый левый фланг японской армии. Некоторые части из резерва начали подтягиваться к левому участку русской позиции, но в который раз победа уходила из рук нашей армии. Куропаткин не изменился.

Еще до получения его штабом донесения о переправе японцев через Тайцзыхэ главнокомандующий в диспозиции № 3 Маньчжурской армии определил: «...если выяснится переправа значительных сил противника на правый берег Тайцзыхэ для обхода нашего левого фланга, я решил для сокращения фронта обороны на левом берегу Тайцзыхэ отвести войска на вторую укрепленную позицию на линии деревень Цзинертунь, Сай-

ванцзы, Чэнцзялинзы, Юйхуанмяо, Эфа и, собрав резерв, атаковать неприятеля на правом берегу реки Тайцзыхэ».

Таким образом, в этой диспозиции еще до начала боевых действий был заложен отступательный смысл. Вынашивался он давно, а воплотился в виде приказа в 1 час 15 минут 18 августа, то есть за 8 часов 45 минут до первых известий о переправе японцев через Тайцзыхэ. Куропаткин, отказавшись от решительного сражения, во второй половине дня 18 августа приказал командующим корпусами выполнить диспозицию 13.

Началось очередное отступление Русской армии с передовой позиции на главную. Прикрываясь арьергардами, с наступлением сумерек русские полки потянулись к Ляояну.

Для забайкальских частей эта диспозиция указывала: в боевой части — казакам-забайкальцам генерала Зарубаева (2-й Верхнеудинский казачий полк) совместно с другими частями «оборонять позицию от деревни Цзинертунь до редута "Д" (вкл.), что у полотна железной дороги, восточнее деревни Вандряшуаншуцзы»; общему резерву — 6 сотням 2-го Читинского полка из общего резерва генерал-лейтенанта Иванова приказано «обойти через город Ляоян и стать за северной стеною»; 4 сотням казаков 1-го Аргунского полка из состава сил генерал-лейтенанта Дембовского «перейти к станции Янтай», а двум другим сотням этого полка «расположиться на правом берегу реки Тайцзыхэ у гор. Ляоян»; коннице — Сибирской казачьей дивизии генерал-майора Самсонова вместе с 3-й Забайкальской казачьей батареей «переправиться на правый берег р. Тайцзыхэ по мосту, что в 2 верстах ниже железнодорожного моста, и перейти к дер. Сахутунь»; казакам генерал-майора Мищенко с отходом 1-го Сибирского армейского корпуса «переправиться на правый берег реки Тайцзыхэ по мосту, что в 2 верстах ниже железнодорожного моста, и отойти к дер. Сайдятунь».

Никто не мог понять, что происходит, почему отступает армия. А.А. Игнатьев, получив задачу от генерала Харкевича принять обязанности коменданта переправы, так описывает первое впечатление от известия, что по этим переправам будут отходить с передовой позиции русские войска:

«Я остолбенел. Зачем бросать позиции, облитые кровью наших стрелков, не уступивших за двое суток ни пяди земли, не отдавших японцам ни одного окопа? Сам же я был свидетелем того, как к вечеру стал стихать даже артиллерийский огонь японцев!»

По построенным «как на картинке» нашими саперами мостам в сумерках и ночью потянулись парки и обозы корпусов, санитарные повозки с бесчисленными ранеными, а за ними — в стройных походных колоннах — войска. «Все были сумрачны и молчаливы, но шли хорошо... Диспозиция командующего армией об отходе с передовых позиций выполнялась с точностью часового механизма», — отметил А.А. Игнатьев.

В боях за передовую позицию японцы потеряли 11 900 человек, а русские — 6540 человек.

Сплоченный дисциплиной, руководимый самоотверженными офицерами, русский солдат-запасник показывал чудеса храбрости, бесстрашия, удивительной выносливости и неприхотливости. Пройдет год, и этот же бородатый пожилой солдат, разложенный революционной патетикой, будет так же яростно громить винные лавки и кричать: «Долой!» — как ходил в штыки под Ляояном, а спустя 13 лет после провала июльского наступления 1917 года, одураченный демократами Керенского и прибранный к рукам большевиками, станет толпами покидать позиции, расправляться с офицерами, митинговать по любому поводу, откроет фронт немцам для беспрепятственной оккупации России.

19 августа отряд генерала Мищенко начал выдвигаться на крайний левый фланг Маньчжурской армии, к Янтайским копям, где сосредоточивались силы для контрудара по переправившимся японским войскам.

Генерал Куропаткин решил: сдерживая японцев на Южном фронте двумя корпусами (4-м и 2-м) под общим командованием генерала Зарубаева с задачей «защищать Ляоян до последнего солдата», а остальным четырем корпусам (1, 3, 10, 17-му) развернуться на правом берегу Тайцзыхэ, на линии Янтайские копи — Сыквантунь, и нанести контрудар по 1-й армии Куроки, перешедшей в наступление на рассвете 19 августа.

Левый фланг ударной группировки должна была обеспечить 54-я дивизия генерала Н.А. Орлова, наступая на Хванкуфен.

Конный отряд Самсонова с 3-й Забайкальской казачьей батареей предназначался для ведения разведки в направлении на Ьенсиху и содействия левому флангу.

Отряд генерала Мищенко оставался в резерве за правым флангом ударной группировки в деревне Сайдятунь в ожидании приказа.

В составе войск генерала Зарубаева действовали две сотни 2-го Читинского полка.

Резерв войск генерал-лейтенанта Иванова составил четыре сотни 2-го Читинского казачьего полка. Им было приказано «выступить с рассветом от деревни Чжаоцзялин к северу от Ляояна и следовать по дороге на Яншуйцзы, Феншан к Чаесутуню, где и ожидать приказания».

Трем сотням 1-го Аргунского полка, в составе войск генерал-лейтенанта Орлова, поручалось охранять левый фланг 54-й дивизии и продвигаться на Хванкуфен.

Против 23 500 человек пехоты, 600 человек кавалерии и 60 орудий противника на правом берегу Тайцзыхэ Куропаткин сосредоточил группировку, насчитывающую 57 тысяч человек пехоты, 5 тысяч кавалерии и 352 орудия.

Выставив против сосредоточенных для контрнаступления в сторону Яньтайских копей русских частей заслон, японцы в ночь на 19 августа

атаковали 2-й и 4-й армиями главные Ляоянские позиции на правом фланге и в центре. Все эти атаки были успешно отражены.

19—20 августа разыгрались упорные бои между войсками 17-го армейского корпуса, дивизией Орлова и войсками 1-й армии Куроки.

Дивизия Орлова, состоящая из резервистов, при выдвижении для атаки японцев заблудилась в гаоляне и в панике отступила. Управление ею было потеряно, так как генерал Орлов в начале боя получил ранение.

Генерал А.В. Самсонов, учитывая важность обороны Яньтайских копей, занял спешенными сотнями позицию впереди их и при поддержке 3-й Забайкальской казачьей батареи в течение целого дня отражал яростные атаки японцев.

К левому флангу Самсонова вечером 20 августа подтянулись забайкальцы Мищенко для прикрытия разбитой на Яньтайских копях дивизии Орлова, но Куропаткин приказал ему обеспечить стык между 17-м и 1-м Сибирскими корпусами, и тем самым ограничил возможности отряда, обрекая его на бездействие.

Спешенные сотни забайкальских и уральских казаков стояли в трехметровом гаоляне против японских пехотных цепей, ни те ни другие продвинуться вперед из-за топкого болота, в которое превратились эти поля после обильных дождей, не могли. Бой преимущественно велся артиллерией. В общей сложности 38 сотен и 12 орудий генералов Мищенко и Самсонова имели пассивную задачу и не могли повлиять на исход боев на правом берегу Тайцзыхэ.

Не лучшим образом действовал генерал Любавин, имея четыре пехотных батальона, 18 сотен и 12 орудий, направленных против отряда Умесавы, переправившегося у Бенсиху. Казаки Любавина отходили на север от Бенсиху под воздействием одного пехотного батальона противника, в то время как главные силы Умесавы повернули на запад, к Яньтайским копям.

Таким образом, несмотря на численное превосходство, командиры конных отрядов, скованные указаниями сверху, не сумели активно противодействовать обходящему левый фланг противнику, не пытались прорваться в тыл наступающей японской группировке. В бою 20 августа в отряде Мищенко погиб только один казак, а у Самсонова вышло из строя 3 офицера и 53 казака, в то время как потери пехотных русских частей во время боев за Сыкватунь и Нежинскую сопку в течение 19 августа составили 3280 человек.

Руководимые нерешительными начальниками, забайкальские, уральские, сибирские казаки упустили шанс прославить свои войска под Ляояном.

Лучше действовала артиллерия казаков. Например, 1-я Забайкальская казачья батарея непрерывно и бесстрашно вступала в бой с японской артиллерией и пехотой у Сыкватуня и Нежинской сопки, а с началом

отхода армии вечером 23 августа к Шахэ, прикрывала арьергард — конный отряд Мищенко.

Отступая последними к Яньтаньской железнодорожной ветке, забайкальские казаки собрали несколько сот раненых и брошенных на поле боя сибирских стрелков 1-го Сибирского армейского корпуса и дивизии генерала Орлова.

Прикрывая отход в центре, во взаимодействии с конными отрядами генерала Самсонова и Грекова, казаки Мищенко отошли к деревне Хоутхай. С этого места, ввиду того, что японцы прекратили наступление, было решено вести разведку противника. Район действий урало-забайкальцы поделили на два участка. Разведку проводили разъездами и наблюдательными постами. Сопку, на которой находились уральцы, стали называть Уральской. Забайкальцы пост наблюдения выставили у деревни Инта.

В целях улучшения своих позиций и разведки японцы предпринимали небольшие наступательные действия. Однажды они захватили Уральскую сопку, но были атакованы уральским полком с фронта, а тремя сотнями 1-го Верхнеудинского полка забайкальцев — с тыла. Не приняв боя, японцы отошли на соседнюю сопку с кумирней, где их атаковали три сотни верхнеудинцев под командованием есаула Чеславского и подошедшая на помощь сотня 1-го Читинского полка. Казаки наступали в пешем порядке. После первых выстрелов японцы покинули позицию и отошли в близлежащую деревню. Прибывший к месту боя генерал Мищенко с одной сотней читинцев и двумя орудиями 1-й Забайкальской казачьей батареи приказал обстрелять деревню Тумынзы. Не выдержав шрапнельного огня двух орудий, японцы оставили окопы. Проникнув за отступившим противником на перевал Тумынзы, казаки обнаружили за ним большие силы японцев. Однако по приказу командующего 4-м Сибирским корпусом вырвавшиеся вперед казаки Мищенко были возвращены в исходное положение.

Русская армия отступила к Мукдену в образцовом порядке и, отойдя на 50—60 километров, заняла новые позиции. Под Ляояном она не была побеждена силой оружия в открытом бою. У японских генералов нервы оказались крепче, чем у русских, они не поддались соблазну отвести в исходное положение свои потрепанные войска, а бросали в бой все новые и новые резервы, не выпуская инициативы из своих рук. Русское командование, с другой стороны, не израсходовало свои резервы и могло бы нанести ими контрудар по флангу наступающих войск, но подобное решение не пришло в голову ни Куропаткину, ни Бильдерлингу. Последний был виновен в том, что допустил безнаказанную переправу японцев на правый берег Тайцзыхэ, не принял абсолютно никаких мер по уничтожению первых незначительных частей противника и, более того, являясь генералом от кавалерии, то есть кавалерийским начальником, не сумел в

этой ситуации правильно использовать конный отряд генерала Любавина. В свою очередь генерал Любавин не проявил инициативу, настойчивость в противодействии переправы японцев. Ожидая указаний сверху, он при первых выстрелах отводил казаков назад, нередко теряя огневую связь с противником.

Казаки большей частью действовали в пешем строю, не используя свое преимущество при маневре и стремительной атаке японской пехоты лавой в конном строю. Шашками рубить противника так и не пришлось, а противостоять ему в обороне жидкая, плохо обученная пехотному делу казачья цепь не могла, поэтому постепенно откатывалась все дальше и дальше от реки.

Оставив Ляоян, Русская армия лишилась важной базы снабжения. Большие запасы снаряжения, вооружения, продовольствия достались как трофеи японцам.

В ходе боев под Ляояном русские потеряли 541 офицера и 16 493 рядовых, японцы — 600 офицеров и 23 243 солдат. Потери забайкальцев были мизерные.

На новых позициях под Мукденом Русская армия расположилась следующим образом: шесть корпусов стали за рекой Хуньхэ, на правом ее берегу: два корпуса — 10-й и 2-й Сибирские, прикрывая главные силы, оставались на левом берегу Хуньхэ, 10-й корпус — впереди Мукдена, а 2-й — у Фаншена, на дороге из Бенсиху в Фушан, обеспечивая левый фланг армии.

Авангарды армии находились на фронте Куанлинпу — Линшинпу — Мидя — Тенцзяой.

Впереди них, на расстоянии 10 верст от Джаутуаньпу, на реке Хуньхэ, через Шилихэ и далее на восток до дороги из Фушуна на Далинский перевал, действовала кавалерия («кавалерийская завеса»). Фронт этой «завесы» составлял 80 верст. На правом его фланге находилась конница генерал-майора М.И. Грекова, далее — 1-я отдельная Забайкальская казачья бригада генерал-майора Мищенко, за ней — дивизия генерала Самсонова и на левом фланге — отряд генерала Ренненкампфа.

Японская армия остановилась на линии Ляоян — Яньтайские копи — Ваньяпуза (Баньяпуза). Передовые ее части находились перед нашей конницей. Кавалерия Акиямы — 7 кавалерийских полков, один пехотный полк и три батареи — занимала левый фланг их передовой линии, между Тутайцзы и Тадусампу.

Линия передовых постов противника тянулась от Ваньяпузы (Баньяпузы) до Сандепу, в двух-трех верстах впереди русских.

Главные силы двух противостоящих армий были удалены друг от друга на расстояние около 40 верст.

В течение четырех недель обе стороны совершенно бездействовали, пополняя свои понесшие потери части и дав им отдых.

Ежедневно в Мукден прибывали войска из России, лучше подготовленные и оснащенные, чем запасные части, вроде дивизии Орлова. Накапливались силы для наступления, которое могло спасти падавший престиж Русского правительства и армии, успокоить недовольство общественности. Штаб Маньчжурской армии приступил к подготовке наступательной операции по разгрому японских войск на правом берегу Тайцзыхэ.

Две воюющие армии стояли друг против друга на фронте в 80 верст, между их авангардами не было и 20 верст, то есть меньше одного перехода конницы, а сторожевые части русских находились в 2—3 верстах от японских. В этот узкий коридор была втиснута вся наша кавалерия, насчитывающая свыше 18 тысяч шашек. Прижатая к фронту противника, она лишилась возможности для маневра и ведения активной разведки. По сути дела, казаки действовали как пехота, потеряв все преимущества конницы. Разъезды их не могли пробиться через плотное японское сторожевое охранение к главным силам и провести глубокую разведку противника и местности на направлениях предполагаемого наступления.

С задачей охранения лучше могла справиться пехота, тем более что горно-лесистая и горная местность восточнее железной дороги не способствовала действиям конницы.

На фронте японского сторожевого охранения находилась пехота, а все кавалерийские части были сосредоточены на левом фланге армии, там, где местность отвечала требованиям их применения, то есть на равнине между реками Шахэ и Хуньхэ.

Русская же конница, находясь там, где ей делать было нечего, лишилась свободы действий на флангах противника и не могла угрожать им обходом, тем более выходом в глубокий тыл японской армии для нарушения ее коммуникаций и добывания сведений разведывательного характера.

В результате всего перечисленного русское командование, по словам А. Игнатьева, собиралось наступать «в пустоту и неизвестность, так как мы оторвались от противника... и имели о нем самые сбивчивые сведения».

Провоевав почти год в этой местности, штаб Маньчжурской армии и войска не имели даже топографических карт.

Для проверки сведений о противнике, находящемся к востоку от железной дороги, по решению Куропаткина были проведены 3 и 4 сентября усиленные рекогносцировки района станции Янтай и у деревни Ваньяпуза (Баньяпуза), где сходились дороги, ведущие на Мукден и Фушун.

На станцию Янтай выступил отряд забайкальцев генерала Мищенко в составе восьми сотен и 4 орудий 1-й Забайкальской казачьей батареи. Читинцы и верхнеудинцы атаковали сторожевые посты противника и,

преследуя их, подошли к станции, но были встречены сильным ружейно-пулеметным огнем противника. Один из казачьих разъездов подошел к станции на 500 шагов и определил, что ее обороняют до двух рот японцев.

Из-за наступившей темноты Мищенко не стал атаковать противника, а ограничился обстрелом его из орудий. Выяснив, что селения в 5 верстах от Янтая не заняты японцами, отряд отошел в исходное положение.

Казаки Ренненкампфа и Самсонова, отряды которых вели разведку в районе к востоку от Ваньяпуза (Баньяпуза), установили, что противника там нет, а позиция непосредственно у селения занята силами до бригады пехоты с 12 орудиями. Кроме того, к исходу дня 4 сентября к ним подошло подкрепление в 5 тысяч человек. Потеряв убитыми и ранеными 1 офицера и 12 казаков, отряды отошли.

Из приведенных примеров следует, что дальше линии сторожевого охранения казаки не заходили. Разведка велась с фронта, без проникновения в тыл к главным силам, поэтому полных и достоверных данных о противнике она дать не могла. К тому же те сведения о противнике на фронте его расположения, которые удалось определить, не всегда отличались объективностью и зависели, по словам одного из офицеров 1-го Читинского казачьего полка, от «фантазии и впечатления производящего разведку».

Другим примером, подтверждающим низкий результат разведок на фронте сторожевого охранения, служит усиленная рекогносцировка, предпринятая отрядом генерала Мищенко (1-й Читинский, 1-й Верхнеудинский казачьи полки, 20-я Забайкальская конно-горная батарея) 20 сентября на Янтайские копи. Задачей отряду ставилось — «выяснить силы японцев» в том районе непосредственно перед наступательной операцией.

С началом выдвижения казаков слабые сторожевые посты японцев стали отходить к «Двугорбой сопке», в направлении которой были посланы 1-я и 2-я сотни 1-го Верхнеудинского полка с 20-й конно-горной батареей. Действующий впереди сотен взвод хорунжего Комаровского спешился и атаковал сопку, ведя огонь залпами, чтобы по ответному огню выяснить, какими силами располагает противник на ней. Ответный огонь был слабый. Участвовавший в этом бою племянник знаменитого русского художника-баталиста В.Н. Верещагин, состоящий охотником (добровольцем. — *Примеч. ред.*) при 1-м Верхнеудинском полку, обнаружил, наблюдая в бинокль, как японцы поодиночке убегают от казачьих залпов к кумирне на вершине сопки. Полагая, что противник перед ними слабый, 16 казаков вскочили на коней, рассыпались в лаву и наметом пошли в атаку. Подскочив к сопке на 300 шагов, они были встречены огнем полуроты японской пехоты. После нескольких выстрелов конно-горной батареи противник оставил сопку.

Был сделан вывод, что до самых Янтайских копей больших сил противника нет.

7. Шахэйское сражение

19 сентября Куропаткин отдал приказ о наступлении. Главные силы Забайкальского казачьего войска находились в отрядах Ренненкампфа и Мищенко.

21 сентября начал наступление Восточный отряд под командованием генерала Г.К. Штакельберга в составе 1-го, 2-го и 3-го Сибирских корпусов, конного отряда генерала Самсонова и казачьей дивизии генерала Ренненкампфа. Первоначальной задачей отряду ставилось — овладение позициями противника у деревни Ваньяпуза (Беньяпуза) с дальнейшим продвижением к Бенсиху.

Начиная с середины сентября отряд Ренненкампфа в составе 13 батальонов пехоты, 26 орудий, 16 сотен, 4 конно-горных орудий и саперной роты размещался в районе деревень Мадзядань — Убеньяпуза — Сантуныо.

Все жили надеждой на предстоящее наступление, хотя вера в возможность его после непрерывного отступления, даже после одержанного под Ляояном успеха, резко поубавилась, поэтому приказ казаки встретили с воодушевлением.

В день наступления генерала Ренненкампфа отряд построился для молебствия у деревни Убеньяпуза, по случаю зачитки приказа. Начальник штаба читал: «...Теперь настало уже желанное и давно ожидаемое всею армиею время идти самим вперед навстречу врагу. Пришло для нас время заставить японцев повиноваться нашей воле, ибо силы Маньчжурской армии ныне достаточны для перехода в наступление... Близок час, когда враг сторицею расплатится за пережитые унижения, когда воспарит вновь непобедимый доселе русский орел»...

Генерал Ренненкампф поздравил свой отряд с желанным наступлением, поблагодарил за усердие и выразил надежду, что казаки и солдаты доблестно исполнят свой воинский долг. В конце своей речи генерал воздал здравицы государю императору и командующему армией. В ответ раздается дружное и мощное «ура».

22 сентября перешел в наступление Западный отряд генерала от кавалерии А.А. Бильдерлинга в составе 10-го и 17-го корпусов, казачьей дивизии генерала Трекова вдоль железной дороги Мукден — Ляоян.

Общий резерв русских войск состоял из 4-го Сибирского, 1-го армейского корпусов и отряда генерала П.И. Мищенко. Он располагался уступом в 12-километровом промежутке между Восточным и Западным отрядами. Фланги их охраняла конница А.С. Мадритова — у Хуайженсяна и В.А. Коссаговского — у Куалитуня.

На фронте Мукден, Фушун Маньчжурская армия пришла в движение и 24 сентября сблизилась с противником.

Началось Шахэйское сражение.

С началом наступления Восточного отряда японцы без боя оставили позиции у Ваньяпуцзы (Баньяпуцзы). Бригада Умесавы ушла из-под удара и укрепилась на горном кряже, охватывающем Бенсиху с севера и востока от перевала Тумынлин до реки Тайцзыхэ.

Колонне генерала Ренненкампфа было приказано «содействовать атаке перевалов с фронта и угрожать тылу японцев у Бенсиху». Предложение Ренненкампфа — ударить во фланг и тыл противнику — отклонил командир 3-го Сибирского корпуса, которому переподчинили забайкальцев. Отряд потерял самостоятельность.

25 сентября конный отряд забайкальцев генерала Любавина в составе: двух сотен 2-го Нерчинского полка, трех сотен 1-го Аргунского, охотничьей команды Сретенского полка, взвода орудий конно-горной батареи — переправился через Тайцзыхэ на правый берег и атаковал одной сотней нерчинцев совместно с пехотой генерала Нетерева местечко Уйнюнин. Взвод конно-горных орудий открыл огонь по позициям японцев. Цепь спешенных казаков сотни графа Келлера и пехотинцев перебежками наступали по скошенному гаоляновскому полю. Японцы с перевала вели сильный ружейный огонь по ним, но, не выдержав огня артиллерии, очистили перевал, бросив раненых и убитых. После упорного боя противник отошел к Бенсиху. В ходе боя отличилась 4-я Забайкальская казачья батарея, которая своим огнем проложила путь казакам и пехоте.

Захватив Уйнюнин, казаки Любавина заняли выгодную позицию и ружейно-артиллерийским огнем с фланга наносили поражение противнику на левом берегу Тайцзыхэ.

26 сентября конный отряд продолжил наступление на Бенсиху, имея в авангарде сотню 1-го Аргунского полка.

Конница Любавина вновь переправилась на левый берег Тайцзыхэ. Вскоре сотня нерчинцев князя Джандиери выбила в пешем строю противника из деревни Даюну и подошла к деревне Даудиншань, где оборонялось до роты японцев.

Встретив упорное сопротивление японцев на подступах к Бенсиху, генерал Любавин приказал войсковому старшине Хрусталеву обойти с двумя сотнями аргунцев позицию противника, а командиру 5-й сотни 2-го Нерчинского полка есаулу Келлеру атаковать лавой с фронта. Спешенные казаки попытались с ходу атаковать японцев, прикрывающих переправу у моста, но были остановлены огнем с правого берега реки. Конно-горный взвод выдвинулся на указанную позицию и стал вести огонь по японской пехоте и деревне Бенсиху, в которой после нескольких выстрелов начался пожар. Однако вскоре закончились снаряды, и батарея ушла под прикрытием сотни казаков в деревню Уйнюнин. Другая сотня была выслана для разведки на юг и юго-восток, и одна сотня была оставлена в прикрытие коноводам. Из пяти сотен только две могли вести бой, имея во взводах по

7—8 казаков. В это время левая колонна генерала Петерева у деревни Ходигоу вела ожесточенный бой. Командир 3-го корпуса из деревни Каотайдзы выдвинул ей два батальона с 6 горными орудиями. Все свои силы японцы обратили против главных сил отряда Ренненкампфа, выставив заслон против казаков Любавина. Не имея сил для наступления, казаки оказались в роли наблюдателей и никакой существенной помощи войскам, наступающим с фронта, оказать не могли. С тоской наблюдали казаки, как сражаются их товарищи. Просьба генерала Любавина — прислать хотя бы один батальон — осталась невыполненной.

В результате боя конный отряд Любавина зашел в тыл противника, но не был поддержан другими частями, наступающими с фронта. Казаки остановились и вели бесцельную перестрелку с японской пехотой до наступления темноты.

Оставив одну сотню аргунцев в охранении на достигнутом рубеже, остальные сотни отошли на ночлег в соседнюю деревушку Даюйну. В темноте они перепутались, заблудились.

Ночью к японцам подошло подкрепление с 4 орудиями и пулеметами. О наступлении не могло быть уже и речи. Главной задачей для казаков Любавина стало — удержать свои позиции до подхода главных сил пехоты и артиллерии.

27 сентября подошедшие с фронта главные силы генерала Ренненкампфа начали медленное наступление, но успеха не имели.

Конный отряд Любавина по-прежнему оставался, находясь в тылу японских позиций, наблюдателем боя. Вскоре подкрепленный сибирскими казаками генерала Самсонова, отряд попытался продвинуться вперед, но был встречен мощным огнем японцев. Просьба генерала Ренненкампфа — сменить его отряд частями 3-го корпуса, чтобы все свои усилия сосредоточить на направлении наступления генерала Любавина еще 26 сентября, — не была удовлетворена генералом Ивановым, командиром этого корпуса.

28 сентября бои возобновились с новой силой на всем фронте наступления Восточного отряда.

29 сентября во фланг и тыл отряда Любавина вышли драгуны 2-й японской кавалерийской бригады принца Канина. Под огнем противника казаки вынуждены были отойти к переправе, а затем перейти на правый берег Танцзыхэ.

Из-за плохого управления войсками возможность захвата Бенсиху была утеряна.

В течение 28—29 сентября русские атаковали перевалы Ченгоулин и Тумынлин к востоку от Бенсиху, но без успеха. Постепенно наступательный порыв стал угасать, бои превращались в оборонительные, а кое-где войска начали отступление под сосредоточенным огнем японской артиллерии и решительными контратаками пехоты.

Восточный отряд свою задачу не выполнил. Казаки генерала Ренненкампфа показали слабую выучку при действиях в пешем строю, под обстрелом противника огонь вели неприцельный, допускали большой перерасход патронов. «Однако в бою были исполнительны, храбры, хотя и не без расчета для себя. Особой удали не проявляли, но и случаи трусости были, как правило, исключением», — отметит потом очевидец тех событий войсковой старшина А.В. Квитка в своем дневнике.

Цель русского наступления — разгромить японцев в районе между реками Шахэ, Тайдзихэ и отрезать их пути коммуникаций на восток и юг — не была достигнута.

Не выполнил своей задачи и отряд Ренненкампфа, упустивший благоприятный момент под Бенсиху. Выдвинутое положение Восточного отряда внушало русскому командованию опасение. 30 сентября он отошел на позиции по реке Шахэ.

Потери войска Восточного отряда понесли огромные: 700 офицеров и 25 тысяч солдат. Для перевозки раненых в тыл использовались все виды транспорта. Много раненых вывезли на конях забайкальские казаки, которые своих никогда не бросали и были неравнодушны к другим несчастным солдатам, оставляемым в китайских деревнях или просто на поле боя. А.В. Квитка в своем дневнике описал случай, когда один генерал, командир пехотной бригады, в деревне Лиандятуй не принял мер к эвакуации 20 раненых солдат, несмотря на мольбы не оставлять их врагу. Этих раненых спасли потом отходившие от Бенсиху последними забайкальские казаки.

Главные потери русские войска несли от огня артиллерии и пулеметов, которых у японцев было больше, чем в частях Восточного отряда. Казаки пулеметы называли чертовыми перечницами. С появлением их атаки конницы — сомкнутым строем или даже лавой — на обороняющуюся пехоту успеха не имели, а действовать по уставам пехоты казаки не были обучены ни в обороне, ни в наступлении. Это касалось не только забайкальцев, а всех казачьих войск, воевавших в Русско-японскую войну.

Западный отряд 23 сентября продвинулся главными силами на реку Шахэ, выдвинув авангарды на 6—7 верст вперед на реку Шилихэ. В течение двух дней не предпринимал никаких действий, ожидая сообщений из Восточного отряда.

26 сентября после боя с передовыми частями японцев главными силами подошел к реке Шилихэ, продвинув авангарды вперед.

Конный отряд Мищенко был подчинен командиру 4-го Сибирского корпуса генерал-лейтенанту Зарубаеву, который по приказу Куропаткина прикрыл промежуток между Восточным и Западным отрядами.

Главнокомандующий японской армией маршал Ойяма решил встретить Русскую армию контратакой. Две дивизии 1-й армии Куроки и 4-я армия Нодзу начали наступление на войска генерала Зарубаева, а войска 2-й армии Оку обрушились на русских вдоль Мандаринской дороги.

На всем фронте Западного отряда и в промежутке между Восточным отрядом разгорелись ожесточенные кровопролитные бои. Яростные атаки противника разбились о беспримерную стойкость русских солдат. Позиции на Шахэ в конечном итоге были удержаны Русской армией.

Конный отряд Мищенко самостоятельных боевых действий не вел, действуя, как и отряд Ренненкампфа, в горах, проводил разведку в интересах пехоты, охранял фланги корпусов, а также участвовал в боях в пешем строю. По приказу Куропаткина отряд 26 сентября должен был провести рекогносцировку в интересах 4-го армейского корпуса, наступавшего на Янтайские копи. По данным прошлых рекогносцировок этого района, серьезного сопротивления не ожидалось, но вместе с тем от пехоты стали поступать донесения с просьбами прислать конницу для проведения разведки. В корпусе своих конных подразделений разведки не было.

Отряд Мищенко приступил к выполнению поставленной задачи, а за ним двигался 4-й армейский корпус.

Для занятия сопки «Подкова» были выделены 3-я и 4-я сотни 1-го Верхнеудинского полка. Разъезд от 3-й сотни хорунжего Комаровского выбил с нее наблюдательный пост японцев, и сотни быстро устремились к вершине. Однако в большом китайском монастыре, расположенном на сопке, находилось до двух эскадронов драгун с пулеметами и рота пехоты. Обстреляв казаков из пулеметов, драгуны на рысях ушли за монастырь. К двум сотням подошла 2-я, а потом 6-я сотни верхнеудинцев. Было принято решение: 2-я сотня, выслав вперед разъезд вахмистра Беломестнова, произведенного позже за боевые подвиги в хорунжие, атакует в пешем строю по западной ветви сопки «Подкова»; 3-я сотня, имея впереди разъезд хорунжего Комаровского, атакует в конном строю по восточной ветви сопки; 6-я сотня, тоже в конном строю, должна была двигаться по долине восточнее «Подковы». Так и сделали.

Пехота, дав несколько залпов по 6-й сотне, стала покидать монастырь. Подскакав к монастырю, разъезды 2-й и 6-й сотни вынуждены были остановиться, так как из-за почти отвесного обрыва преследовать отходящего противника в конном строю было невозможно. Вахмистру Беломестнову, В.В. Верещагину, хорунжему Комаровскому и нескольким казакам с трудом удалось спуститься к подножию сопки, остальные казаки заняли монастырь и открыли огонь по убегающей японской роте, а спустившиеся бросились ее преследовать. В результате преследования несколько японских солдат было зарублено, а четырех взяли в плен.

Остатки роты японской пехоты отошли в деревню, находящуюся к югу от монастыря, и открыли по казакам сильный огонь. Спешившись, 6-я сотня атаковала деревню и выбила из нее японцев, которые отошли за последний перевал перед Янтайскими копями.

Идущая за отрядом Мищенко пехота заняла оставленные японцами позиции.

В этом бою забайкальские казаки, действуя смело, решительно, инициативно, обеспечили успех пехоте. 1-я Забайкальская казачья батарея постоянно поддерживала своим огнем наступление казаков 1-го Верхнеудинского полка. Попытки японцев контратаковать заканчивались неудачно. Шрапнельный огонь батареи разогнал японские цепи.

27 сентября отряд повел наступление восточнее Янтайских копей. 1-я Забайкальская батарея обстреливала позиции японцев и подавила артиллерийскую батарею, на огневых позициях которой наблюдался взрыв зарядного ящика. Ее меткий огонь дал возможность сначала сотням 1-го Верхнеудинского полка, а потом пехотной бригаде генерала Шилейко овладеть позициями японцев напротив нашего левого фланга.

28 сентября 2-я и 4-я японские армии перешли в наступление. На направлении наступления 4-й армии главный удар пришелся по позициям Томского пехотного полка. Вскоре выяснилось, что противник стал обходить левый фланг полка. Для его прикрытия 3-я сотня верхнеудинцев стремительно выдвинулась на направление обхода японцев, спешилась, удлинив и отчасти загнув левый фланг пехоты. Через некоторое время весь отряд генерала Мищенко занял позицию на левом фланге Томского полка. 1-я Забайкальская батарея перенесла огонь по обходящему противнику и вместе с 3-й сотней остановила продвижение его вперед. Сотня потеряла одного казака убитым и несколько ранеными.

До получения приказа на отход казаки Мищенко находились под огнем японцев, который все время усиливался. Подходили все новые и новые резервы противника. Казаки вели, как тогда было принято, непрерывный залповый огонь. Многие начальники судили о боевой части по умению вести залповый огонь, хотя эта войсковая традиция стала отживать свой век. Редкие японские цепи должны были обстреливаться прицельным огнем, а по их скоплению нужен был огонь пулеметов — но ими своевременно не вооружили казаков.

29 сентября отряд Мищенко был усилен 4-м Сибирским полком. В течение двух дней шел неравный бой с превосходящими силами противника, сосредоточивающего свои усилия на левом фланге и перед фронтом отряда. Казаки стойко удерживали свои позиции, не допуская обхода левого фланга 4-го Сибирского корпуса и прорыва японцев между этим корпусом и войсками генерала Штакельберга.

Ночью 29 сентября японцы, отброшенные в ходе дневных боев, тихо приблизились к позициям казаков, заняв близлежащие противоположные деревни. Утром противник стал выдвигать артиллерию для подготовки атаки, но не успели выйти на огневые позиции две горные батареи, как были буквально расстреляны 1-й Забайкальской казачьей батареей. На поле боя остались убитые и раненые японские артиллеристы, лошади, брошенные и подбитые орудия, вьюки. Около 15 часов японцы вновь

попытались выдвинуть легкую батарею на позицию, но и на этот раз шрапнельный огонь казачьей батареи заставил японских артиллеристов и подразделения прикрытия бежать, бросив пушки и убитых.

В ночь на 30 сентября противник сосредоточил против отряда Мищенко шесть батарей, произвел перегруппировку пехоты и с утра повел наступление на казаков. Более двух артиллерийских батарей обрушили свой огонь на 1-ю Забайкальскую казачью батарею, пытаясь не позволить ей сорвать атаку густых японских цепей с фронта и с фланга.

Из-за того, что сильная обходящая колонна японской пехоты повела решительное наступление, отряд часть своих сил выделил для противодействия обходу. Две сотни казаков с двумя орудиями выдвинулись на левый фланг и ликвидировали угрозу охвата.

Несмотря на тяжелое положение, превосходство противника, большие потери, казаки отбили все атаки, а обходящий отряд отошел в исходное положение. Во многом отряд Мищенко обязан был великолепной стрельбе казачьей батареи полковника Гаврилова.

С подходом на подкрепление батальона Выборгского полка часть сотен вместе с пехотными ротами перешли в наступление и заняли японские окопы. 1-я Забайкальская батарея успевала вести контрбатарейную борьбу и поддерживать атаку казаков и пехотинцев.

Вечером отряд Мищенко был сменен бригадой 22-й пехотной дивизии и отведен назад, но утром обнаружилось, что пехота, никого не предупредив, отступила, и казаки опять оказались впереди своих войск. Перешедшие в наступление японские цепи были остановлены огнем 1-й Забайкальской казачьей батареи. Отряд быстро снялся с бивака и занял оборонительные позиции. Забайкальские казаки снова втянулись в тяжелый оборонительный бой, охраняя левый фланг 37-й пехотной дивизии, которая до позднего вечера последней удерживала высоты правее отряда. Стойкость казаков отряда во многом способствовала успеху 37-й пехотной дивизии при ведении оборонительного боя и при отходе ее к вечеру 1 октября. 1-я Забайкальская казачья батарея находилась на огневой позиции до последнего снаряда, не позволяя японцам организовать преследование отходящей дивизии.

В течение последующих пяти дней сражение стало постепенно затихать. 6 октября, в последний день Шахэйского сражения, 1-я Забайкальская батарея выдержала тяжелую артиллерийскую дуэль с двумя японскими полевыми батареями. В бою был тяжело ранен подъесаул Н.В. Никонов. Несмотря на град японских шимоз и дождь картечи, казаки-артиллеристы не уронили славы своей батареи и вышли из тяжелейшего боя победителями, заставив замолчать обе эти батареи. С последними выстрелами 1-й Забайкальской казачьей батареи закончилось сражение на реке Шахэ. Обе стороны свои поставленные задачи не выполнили.

Потери составили: убитыми — 3951 человек — японцы и 870 человек — русские; общие потери — японцев — до 20 тысяч человек, русских — 41 473 человека.

После Шахэйской операции началось «зимнее сидение» на Шахэ. Обе армии до середины января 1905 года не вели активных боевых действий.

После окончания боев и наступления затишья отряд генерала Мищенко сначала был отведен в деревню Эрдагоу, потом в деревню Модзятунь, где он простоял до начала декабря.

В сентябрьских боях на Шахэ казаки больше действовали как пехота в обороне и наступлении, вели разведку, охраняли фланги. «Благодаря» неумелому применению казачьей конницы высшим руководством Маньчжурской армии, 102 сотни не смогли воспользоваться своим преимуществом над конницей противника. Дерзкие рейды в тыл на коммуникации японских армий даже не планировались. Успешный выход отряда генерала Ренненкампфа во фланг 1-й армии Куроки под Бенсиху не был использован для разгрома этой армии. Лишенный поддержки главных сил Восточного отряда, удерживаемый Штакельбергом, выполняющим указания Куропаткина, — только «подготовиться занятием исходных позиций для наступления»... — лишенный личной инициативы, отряд Ренненкампфа, загнанный в горный район, упустил возможность разгромить бригаду Умесавы и захватить Бенсиху, в котором были сосредоточены большие запасы продовольствия и открывался путь для набега на тылы японской армии.

Забайкальские казаки выполнили свой воинский долг с присущей им доблестью. Все — от казака до начальника отряда — проявили в этих боях мужество и героизм. Офицеры отряда Мищенко рассказывали В.А. Апушкину, военному корреспонденту и участнику тех событий, про своего начальника: «Мужество, с которым он стоял открыто, во весь рост, — говорили они, — под ужасным огнем, сразившим возле него сотника Симонова, поручика Молодченко, разорванного снарядом хорунжего Петрова и нескольких казаков из конвоя, очаровывало всех нас, подчиняло себе и изумляло... Уцелеть ему — казалось чудом».

И это не бравада, в тот момент так нужно было для дела. Каждый казак, видя, что под ураганным огнем противника их начальник не уходит с поля боя, сам старался подражать ему, до конца исполняя свой воинский долг. Личная храбрость, пусть даже граничившая с неосторожностью, всегда вызывает уважение. Страх присущ всем людям, но перебороть его и своим примером помочь сделать то же подчиненным — удел сильных личностей. На подсказки подчиненных — уйти в укрытие, ссылки на благоразумие и намеки на несообразность положения командира в стрелковых цепях, — Мищенко неизменно отвечал: «Я своих казаков знаю, им, знаете ли, легче, когда они видят, что и начальству плохо приходится».

Мищенко казаки любили за храбрость, а Ренненкампфа — уважали. Два генерала, ревниво относившиеся к своей славе, оба командовавшие

забайкальскими казаками во время похода в Китай и в Русско-японскую войну, имевшие высокие боевые награды империи, добившиеся больших должностей, примерно одинаково закончили свое служение России.

Ренненкампф, до конца своих дней не снимавший форму забайкальских казаков, был расстрелян новой властью в 1918 году в Таганроге (убит толпой солдат-дезертиров — по другим источникам); Мищенко, живший в Темирханшуре, отказавшись снять погоны и свои награды по требованию группы из рабочих и солдат, обыскивающих его дом с целью доказательств контрреволюционной деятельности, застрелился, не вынеся хамства и оскорблений разнузданного «гегемона». Они — Ренненкампф и Мищенко — стали жертвами революции 1917 года, в которой не принимали участия.

Провал наступления Русской армии в Шахэйском сражении похоронил надежду порт-артуровцев на помощь извне. Им оставалось рассчитывать только на свои силы.

Шахэйское сражение закончилось безрезультатно для двух противостоящих армий, которые, обескровленные чудовищными потерями, стали зарываться в землю, накапливать силы и готовиться к следующим боям. Артиллерия, прежде всего горная, пулеметы сыграли решающую роль в прошедших схватках. Их имелось достаточно у японцев и мало было у нас. Огневой мощи противника Русская армия противопоставила штыковые удары. Расчеты на штык требовали большой концентрации живой силы в атакующих цепях, поэтому русские пехотные полки, наступая густыми цепями, несли большие излишние потери от огня противника еще на дальних подступах к позициям японцев.

Казаки из-за своей малочисленности в сотнях и при том же фронте наступления, что выделялся на пехотную роту, имели меньшие потери, чем пехота, так как цепь их была редкая. Меньшие потери казаков объясняются еще тем, что, как правило, они действовали на флангах наступающих или обороняющихся пехотных частей и в стороне от направления главного удара.

Насыщенность войск противника пулеметами заставляла кавалерию все больше и больше действовать в пешем порядке, отказываться от фронтальных атак в конном строю на укрепленные позиции японцев. Возросло в этих условиях значение маневра во фланг и тыл противника, быстрого выхода на направление главного удара его с целью противодействия расширению прорыва в сторону флангов и в глубину, обходов и охватов, закрытие брешей и промежутков, образуемых при уменьшении фронта обороны, при отходе и т.д.

Взгляд на применение конницы после Шахэйского сражения стал меняться, но в большей степени — у военных теоретиков, анализирующих результаты боев, и в меньшей — у военачальников, типа Куропаткина, как покажут дальнейшие события.

Шахэйское сражение стало предвестницей сражений Первой мировой войны, когда армии и фронты окажутся в такой же ситуации, как на реке Шахэ в 1904 году.

Оперативное искусство получило свое дальнейшее развитие: увеличилась протяженность фронта действий (60 км) и продолжительность их ведения (14 суток).

Если военного поражения Русской армии удалось избежать, то в моральном плане противник нанес «...самое тяжелое из всех поражений — они надломили наш дух, поселив сомнение в победе».

8. Забайкальские казаки после боев на Шахэ

Наступившее затишье, названное в просторечии зимним сидением или дни безделия на Шахэ, продолжалось до середины января 1905 года. Обе армии активных действий не вели.

Но затишье это было призрачным. Не участвовали в боях крупные пехотные части, а казаки постоянно находились в деле. А. Деникин так описал этот период: «Шла только невидная и тяжелая работа охранения и разведки в районе, где горные массивы своими извилинами и складками донельзя затрудняли наблюдение, где дороги-тропы извивались глухими коридорами, в которых не раз сверху неожиданно сыпались пули невидимого врага».

При общем падении морального духа Русской армии и ее командного состава зрело недовольство условиями жизни на занимаемых позициях. Солдаты и казаки Маньчжурской армии бедствовали, терпели лишения из-за отсутствия теплых вещей и продовольствия: интенданты своевременно не побеспокоились о доставке всего необходимого к зиме, а заготовленные в центральных губерниях России полушубки, валенки и отправленные в сентябре—октябре 1904 года, к ноябрю еще не прибыли. Их получили тогда, когда надобность в них уже отпала, то есть летом. Поставщики продовольствия при заключении сделок на поставки требовали чуть ли не двойную плату. Пропадали сотни и тысячи вагонов с различными грузами; к концу войны, по приблизительным подсчетам, бесследно исчезли грузы с шестью тысячами вагонов. Интендантские начальники и подрядчики наживали себе состояния.

В Мукдене и Харбине тыловые начальники кутили похлеще купцов-миллионеров. Тысячи рублей, украденных у армии, пропивались, проигрывались в карты.

По всей России различные общественные организации, патриоты отправляли в Маньчжурию тысячи посылок для «героев Ляояна», но и они бесследно исчезали на бесконечном пути от интенданта до солдата.

Деморализованная, обворованная армия разлагалась. Безнадежность, утраченная вера в начальников, апатия ко всему, кутежи и разврат собрались в один комок безысходности. У солдат копилась глухая ко всему человеческому ненависть — к войне, своим командирам и начальникам. Пропасть между солдатом и офицером становилась все больше. Принесенные вместе с пополнением из Европейской России революционные настроения находили благодатную почву. Армейская дисциплина подверглась суровому испытанию на прочность в тяжелых условиях существования Маньчжурской армии. Многие офицеры, гордившиеся уставным порядком в своих ротах, батальонах, полках, пренебрежительно отзывающиеся о дисциплине в казачьих частях, перестали узнавать свои подразделения и части. Призванные из запаса солдаты начинали роптать, но еще удерживались в повиновении.

Совершенно другая картина сложилась в казачьих полках, которые переносили те же тяжести полевой жизни, так же голодали, мерзли, так же, как и пехота, устали от войны, но продолжали добросовестно нести службу на сторожевых постах в охранении и в разведке. Кроме проблем с личным пропитанием, казак должен был думать и о том, как прокормить свою лошадь. Часто выезды на фуражировку заканчивались перестрелками с хунхузами, в которых, случалось, гибли казаки и их лошади.

Прибывший в Цинхечен, в Восточный отряд генерала Ренненкампфа на должность начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии и штаба отряда А.И. Деникин так описывал казачий быт: «В Цинхечене часть только отряда расположена была в фанзах и дворовых постройках, остальные в землянках. Вырыта яма в аршин глубиной, поставлены жерди, крыша покрыта гаоляновой соломой и засыпана слоем земли; стены, потолок, пол, двери — все из гаоляна. Весь день дымится примитивный камин, сложенный из камней, с торчащей над крышей трубой, сооруженной из банок от керосина. В таких землянках люди жили целыми месяцами, холодной осенью и маньчжурской зимой, когда реомюровский термометр показывал 25 градусов мороза».

Отряд прикрывал левый фланг Маньчжурской армии и находился в горной местности, куда по бездорожью трудно было доставлять продовольствие и фураж.

Хлеба не хватало, пекли лепешки из гаоляновой муки. Офицерский стол мало отличался от казачьего, «только изредка, когда какой-нибудь смелый маркитант рискнет проехать в наш отряд — за риск двойные цены — и его по дороге не ограбят, тогда у нас два-три дня кутеж», — отмечал А.И. Деникин в своих воспоминаниях (по окончании Гражданской войны. — *Примеч. ред.*), находясь в далеком Париже в эмиграции.

Хоть и запрещено было официально употреблять спиртные напитки, но пили все — кто для «сугрева», как говорили казаки, кто для развлечения, от безделья. В.А. Апушкин, прибывший в 1-й Читинский полк отря-

да Мищенко в дни затишья на Шахэ и приглашенный на дружеский вечер гостеприимными читинцами в офицерское собрание, устроенное в одной из китайских фанз, написал потом: «Пили изрядно за здоровье генерала Пуфа — игра, придуманная от безделья читинцами и требовавшая большого количества вина. Это было единственное развлечение. Карты в отряде не поощрялись».

После провала наступления на реке Шахэ русское командование задумало новую наступательную операцию. Были осуществлены организационные и штатные изменения в Маньчжурской армии. Неоднократные просьбы к царю адмирала Е.И. Алексеева об отставке наконец-то возымели действие, и он был отстранен, а вместо него назначили... А.Н. Куропаткина.

Новый главнокомандующий всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке приступил к разработке и осуществлению плана наступления, реорганизовал управление войсками Маньчжурской армии. Вместо отрядов создали три армии: 1-й армией командовал генерал И.П. Линевич, 2-й — О.К. Гриппенберг и 3-й армией — генерал А.В. Каульбарс.

Начальником штаба у Куропаткина стал генерал А.Е. Эверт, вместо генерала Харкевича, произведенного в генерал-лейтенанты и назначенного начальником штаба 1-й армии, к Линевичу. Не выиграв ни одного сражения, два первых лица Маньчжурской армии были повышены в должностях и оставлены дальше распоряжаться тысячами судеб русских солдат. По этому поводу хорошо сказал А.А. Игнатьев, лично знавший этих двух военачальников: «Так оно частенько бывало в России: человек не может командовать эскадроном — дать ему управлять губернией!»

Преемник Харкевича — генерал Эверт — впоследствии, став главнокомандующим Западным фронтом в Первую мировую войну, окажется достойным своего начальника. Русские армии его фронта быстро почувствуют куропаткинскую школу осторожности и нерешительности.

Отряд генерала Ренненкампфа вошел в состав 1-й армии, находился на левом фланге и свои основные усилия сосредоточил на охране дороги из Цзяньчана на Синцзинтин, выводящую в обход Мукдена. Опасаясь обхода, главнокомандующий постоянно требовал производить рекогносцировку с целью своевременного обнаружения намерений противника воспользоваться этой дорогой для выхода в тыл всей мукденской группировки русских войск.

7 ноября была произведена рекогносцировка на деревню Уйцзыюй. Казаки шли впереди главных сил пехоты и артиллерии, спешившись, взбирались на крутые сопки по бокам широкой лощины, прикрывая колонну от внезапного нападения противника.

8 ноября перевал Шунхайлин и деревня Уйцзыюй были взяты отрядом Ренненкампфа. Противник отошел в горы, но на рассвете следующе-

го дня, применив военную хитрость (при подходе к охранению японцы громко говорили по-русски), сбил две сторожевые заставы с передовых постов, занял господствующие высоты и открыл по деревне сильный огонь. Нужно было отходить, но Ренненкампф, не спеша, под пулями отдавал распоряжения. Его спокойствие передавалось офицерам, казакам, солдатам. Ему верили, уважали его, боялись. Знали, что Ренненкампф зря в бой не бросит, ну а если придется сражаться, то, значит, в этом есть необходимость. А. Квитка в своем дневнике записал слова казаков, которые говорили: «Когда генерал Ренненкампф ведет отряд, так знаешь, что хоть убьют, то за дело». Быть убитым в отряде Ренненкампфа всегда представлялась возможность. Все это знали, но тянулись к нему, завороженные храбростью, авторитетом начальника. В течение непродолжительного времени, прошедшего после формирования и вступления в бои отряда Ренненкампфа, в его штабе убиты подполковник Можейко и Шульженко, ротмистр Сахаров, тяжело ранены полковник Российский и подполковник Гурко, ранены два адъютанта, есть убитые и раненые среди офицеров-ординарцев. Сам генерал получил ранения в шею и ногу. А. Деникин очень быстро убедился, что в Ставке говорили правду, когда подчеркивали тяжесть службы в штабе отряда, где «голова плохо держится на плечах». И хоть не было у Ренненкампфа «близости» с подчиненными, как, например, у Мищенко с его офицерами и казаками, но забайкальские казаки всех двух полков относились к своему начальнику с большим уважением. Многие из них помнили генерала по походу в Китай. Имя генерала Ренненкампфа не вычеркнуть из истории Забайкальского казачьего войска.

10 ноября передовые казачьи посты были атакованы и потеснены японцами у Цинхечена (Чинхечена), а утром 11 ноября высланный вперед авангард отряда обнаружил выдвижение по лощине колонн противника. На отряд наступала бригада японской пехоты с двумя батареями горных орудий и несколькими эскадронами конницы. Им противостоял авангард силой до полутора пехотного батальона Бугульминского полка, четыре сотни казаков 2-го Нерчинского полка, горная батарея.

Все атаки противника в этот день были отбиты. Казаки, оборонявшие левый фланг авангарда, ружейным огнем остановили японцев, а прорвавшиеся на позиции бугульминцев были уничтожены штыковым ударом. В холодную, морозную ночь солдаты и казаки остались на своих позициях и ночью отразили еще одну атаку японцев.

13 ноября японцы атаковали авангард по всему фронту, охватывая левый фланг, пытаясь выйти на Синцзинтинскую дорогу. Ураганный огонь противника не давал поднять головы казакам и солдатам, появились убитые и раненые. Медные пули старого образца японцев наносили тяжелые раны. По воспоминаниям войскового старшины А. Квитки, «казаки действовали молодецки». Все попытки противника обойти левый

фланг были ими отражены. Урядник 1-й сотни 2-го Нерчинского полка, выдвинувшись с 12 казаками на гребень высоты на самом левом фланге авангарда, не допустили обхода позиции и обратили полуроту японских солдат в бегство. «Отдельных случаев лихости и отваги было много, — отметил А. Квитка, — сказывался приобретенный в предыдущих боях опыт... Теперь я поверил, что забайкальцы, обученные и в хороших руках, не уступят другим казачьим войскам».

Казаками руководил подполковник генерального штаба А.И. Деникин, который, по мнению А. Квитки, «произвел на всех прекрасное впечатление своим спокойствием, внимательным отношением ко всем сообщениям подчиненных и храбростью».

На этот раз казаки попали в хорошие руки, потому и воевали хорошо. Задачи им ставились ясные, грамотные, и забайкальцы не подвели. О Деникине после этих боев говорили: «...дельный, доблестный офицер генерального штаба — каких желательно было бы иметь в армии побольше».

В течение пяти дней атаковали японцы Цинхеченские (Чинхеченские) позиции», но каждый раз откатывались назад, неся большие потери. Последняя атака была 15 ноября, но велась она вяло и потому успеха не имела. Противник отошел к Цзянчану.

Проявив инициативу, 16 ноября генерал Ренненкампф со своим отрядом перешел в наступление на Цзянчан. Японцы оставили два перевала и поспешно отошли. Казаки, преследуя противника, дошли до реки Тайцзыхэ.

Считая движение отряда дальше рискованным, генерал Куропаткин 17 ноября в категорической форме приказал вернуться.

Потери японцев в боях на Цинхеченских (Чинхеченских) позициях были большие. Только русскими похоронено 280 трупов брошенных японских солдат и неизвестно, сколько успели унести убитых и раненых отошедшие части противника.

После значительного усиления отряда Ренненкампфа пехотными частями было приказано сформировать корпус. Командование Забайкальской казачьей дивизией принял генерал Любавин, а начальником штаба стал подполковник А. Деникин.

Усиленные разведки в направлении на Цзянчан продолжались успешно казаками. Дважды они отбрасывали передовые японские части к Цзянчану, но без поддержки пехоты захватить его не могли. Предложение Деникина занять Цзянчан — этот «узел обходных путей» — и тем самым уменьшить опасения Ставки по поводу обхода левого фланга, приняты не были.

Другой забайкальский отряд казаков генерала Мищенко 21 октября 1904 года сосредоточился в деревне Киулундзиндзы, возле Хуаньшаня, где состоялся церковный парад в честь 10-й годовщины восшествия на престол Николая II.

Кроме отдельной Забайкальской казачьей бригады в составе 1-го Читинского, 1-го Верхнеудинского полков и 1-й Забайкальской казачьей батареи в параде участвовали два Уральских казачьих полка, конно-горная батарея, конно-саперная команда. Эти части прибыли для участия в набеге на Инкоу.

После торжественного молебна и здравиц в честь государя императора состоялось награждение казаков Знаком Отличия Военного ордена. Генерал Мищенко, как подметил В.А. Апушкин, не просто вручал награду, а еще хвалил казака за службу, напутствовал на будущее: «...носи свой крест честно и на здоровье», «носи его также честно, как заработал... Поздравляю тебя, вахмистр, с наградою. Носи свой крест и помни, что на тебя всякого ответу много и что ты всегда должен быть примером доблести и исполнения долга», «и тебя, фельдшер, поздравляю с крестом. И ты его заработал честно в бою, как и другие казаки. Спасибо, что товарищей-казаков раненых из боя выносишь, под огнем перевязываешь. И твоя служба высока и почетна»; «поздравляю тебя, казак, с наградою. Храбрый вы народ, буряты, хорошие вы, честные казаки» и т.д.

Не забыл Мищенко тех казаков, которые погибли в боях, не дождавшись получения награды за прошлые боевые дела. Он вспомнил их всех: убит, при каких обстоятельствах. Посоветовал кресты их повесить в сотне на икону или «семье послать в утешение, на память и в поучение детям».

Вручив награды, Мищенко объявил, что ему пожалован государем императором чин генерал-лейтенанта и звание генерал Свиты Его Величества. Свое объявление закончил словами: «Всем обязан всем! Прошу чинов отряда принять мое сердечное спасибо». В ответ прозвучало оглушительное «ура!».

Разве могли забайкальские казаки не любить этого человека. Они души в нем не чаяли, верили ему, говоря при этом: «Мищенко заведет и он же выведет». Любой командир мог бы гордиться таким отношением к себе подчиненных. В.А. Апушкин описал случай, когда во время Ляоянского сражения казак-забайкалец, исполнив поручение Мищенко, был ранен в руку. После перевязки он потребовал немедленно отпустить его «к нашему генералу». Врач из-за серьезности ранения и большой потери крови ему в этом отказал. Раненый продолжал требовать, уверяя, что Мищенко велел ему вернуться и доложить об исполненном поручении. Предлагали ему отправить донесение с другим казаком. Однако и на это не согласился забайкалец, ответив: «Сам я должен доложить». Туго-натуго перевязали ему раненую руку, и он ускакал.

Другой казак, по воспоминаниям того же В.А. Апушкина, умирая, передал Мищенко извлеченную из него пулю в знак того, что только она помешала вернуться в отряд, что приказание он исполнил, рад, что служил у такого генерала.

«Генерал с совестью и честью», — говорили о Мищенко. Один из немногих, кто прославился в этой войне благодаря своим казакам, которые старались не подводить своего любимого генерала. Не случайно два начальника забайкальских казаков — П.И. Мищенко и полковник Гаврилов — были зачислены в Свиту Его Величества. Это была прежде всего оценка труда всей 1-й отдельной Забайкальской казачьей бригады. Интересно, что на запрос из Петербурга, кто достоин быть зачисленным в Свиту, Куропаткин указал на генералов Бильдерлинга, Зарубаева, Стесселя, Мищенко, Фока и Гернгросса, а из штаб-офицеров — на Добротина, Лечицкого, Семенова и Гаврилова. Государь выбрал Мищенко, Стесселя, Лечицкого, Семенова и Гаврилова. Причем Мищенко получил звание «генерала Свиты Его Величества», Гаврилов — «флигель-адъютант Его Величества». В душе Мищенко чувствовал себя обиженным человеком, так как высшее свитское звание считалось «генерал-адъютант», а не «генерал Свиты...». Свитские звания давались по традиции только высшей военной аристократии, ни Мищенко, ни Гаврилов ими не были.

По этикету, флигель-адъютант в установленный дворцовой канцелярией день обязан быть дежурным во дворце и присутствовать с царской семьей на завтраке. Два года спустя после войны полковника Гаврилова пригласили во дворец исполнить эту обязанность. Казачий офицер, лучше чувствовавший себя под огнем противника, был этим удручен, так как не знал, что ему за завтраком делать. Царедворцы объяснили, как входить и выходить, как здороваться, сколько можно выпить водки, вина, а самое главное — ни в коем случае не задавать вопросов и не предлагать собственных тем в разговоре. Полагалось только отвечать на поставленные вопросы государем или государыней. Встретившись в Петербурге с А. Деникиным, Гаврилов рассказал, как проходил завтрак с царской семьей, о чем будущий вождь Белого движения на Юге России счел нужным рассказать в своих мемуарах: «Ну вот, начался завтрак. Государь наш несколько застенчив. Видимо, затруднялся, о чем с казаком разговаривать можно. Вопросы все такие, что многое не ответишь, кроме "так точно" и "никак нет". А в промежутке — общее молчание. За столом — прямо зеленая тоска, вижу по лицам Их Величества. Тогда послал я к черту гоффурьерские наставления и давай рассказывать им "на свои темы". За кампанию и за жизнь мою немало интересного накопилось... Сразу все оживились. Государь весело смеялся, всем интересовался, переспрашивал, государыня улыбалась. Словом, все кончилось благополучно. А гоффурьер спрашивал меня потом, почему так неимоверно долго затянулся завтрак?»

Забайкальский казак, войсковой старшина, полковник Гаврилов как и в боях, так и здесь, на завтраке, не ударил лицом в грязь. Один из лучших офицеров-артиллеристов в Русско-японскую войну, он в Первую

мировую войну на Румынском фронте командовал стрелковым корпусом. Академического образования не имел. По словам А. Деникина, это был «человек храбрый, умный и не лишенный казачьей хитрецы».

К середине декабря сложилась следующая обстановка: обе воюющие армии активных боевых действий не вели, пополняли людские и материальные ресурсы, готовились к наступлению; русское командование организовало набег на Инкоу; героический гарнизон Порт-Артура притягивал еще к себе 100-тысячную армию М. Ноги, который отказался после неудачного 4-го штурма взять крепость силой и перешел к планомерной осаде и минной войне, разрушая и захватывая отдельные форты крепости.

Свыше 200 дней прошло с тех пор, как Порт-Артур был отрезан от Маньчжурской армии и окружен с суши. Положение гарнизона ухудшалось: люди недоедали, устали физически и морально, офицеры и солдаты болели цингой; в крепости почти не осталось резервов. Защитники крепости все еще ждали решительного наступления Маньчжурской армии и освобождения города от блокады.

Однако сентябрьские бои на Шахэ похоронили надежду портартурцев на выручку. На военном совете начальник штаба укрепленного района полковник Рейс высказал мысль о бесполезности сопротивления и сдаче крепости японцам, но большинство офицеров, отражая общее настроение гарнизона, высказались за продолжение борьбы.

4-я сотня 1-го Верхнеудинского казачьего полка оказалась единственной казачьей частью среди защитников Порт-Артура. 26 января, после нападения японских миноносцев на нашу эскадру, 4-я сотня, согласно диспозиции гарнизону крепости Порт-Артур, получила задачу: «Для освещения местности впереди сухопутного фронта крепости выслать... три наблюдательные кавалерийские заставы: в Суанцайгоу — по Мандаринской дороге; в Шининцзы — по средней дороге на Дальний; в Домагоу — по прибрежной дороге на Дальний».

23 апреля казачьи разъезды обнаружили высадку японских войск у Квантунских берегов, о чем доложили генералу Фоку, который не принял никаких мер, чтобы сбросить десант в море.

2 мая казаки донесли о занятии противником северных высот, окружающих Кинчжоускую долину.

14 мая во время боя на Кинчжоуской позиции 4-я сотня находилась в общем резерве 4-й дивизии генерал-майора Фока. 18 мая сотня находилась в общем резерве командующего сухопутной обороны Порт-Артура.

Во время 4-го штурма 2/3 сотни находились во 2-м отделе Западного фронта и участвовали в кровопролитных боях у горы Высокой.

Казаки терпели те же тяготы, что и весь гарнизон, оберегая своих коней от голодных защитников Порт-Артура. Среди них имелись убитые, раненые и умершие от болезней. Кроме боевой работы, казаки патрули-

ровали улицы города, вылавливали японских шпионов, охраняли штаб и квартиру Стесселя. На 30 июня 1904 года в сотне числилось 4 офицера и 186 казаков, к 20 декабря общее количество казаков уменьшится на 8 человек.

Несмотря на то, что высшее командование города-крепости уже поняло, что освобождения не будет, население, солдаты, матросы продолжали надеяться на избавление. Город еще мог держаться месяц-полтора, но судьба его уже была решена в штабе генерала Стесселя.

Гарнизон ничего не знал о своей участи, которую уготовил им Стессель. Ничего не подозревал новый главнокомандующий русскими войсками на Дальнем Востоке генерал Куропаткин. Еще не подозревала Великая Россия о том унижении, которое предстоит ей испытать в ближайшие декабрьские дни.

В городе распространялись разные слухи о боях под Ляояном и Шахэ. В приказе № 915 по крепости Порт-Артур, со ссылкой на сообщения китайцев, эти слухи подогревались, хотя многие из здравомыслящих людей понимали, что коль у наших так хороши дела на севере, то почему же тогда не дают людям продовольствие, хранящееся на складах. Для чего берегут? На эти вопросы приказ не отвечал, но, по мнению авторов, вселял надежду на скорое освобождение от блокады и осады.

«Японцы отступают частями на Фынхуанчен на Гайчжоу. Русские преследуют... Инкоу будто бы уже занято русскими; а также и Даши-цяо. Ляоян также очищен от японцев...» — говорилось в приказе. А еще раньше, когда бои велись за удержание позиций на горе Высокой, по городу распространился слух, что «Кинчжоу взят русскими, но не с русскими лицами и с желтыми погонами». По всей видимости, имелись в виду забайкальские казаки. Но ни первый слух, ни последующие не подтвердились. Все оказалось наоборот: японцы наступали, русские отступали.

20 декабря генералы Стессель, Фок, полковник Рейс, прикрываясь гуманистическими соображениями, сдали город-крепость, который мог еще очень долго сопротивляться, притягивая к себе 100-тысячную армию М. Ноги. 19 декабря был последним днем обороны крепости.

Адмирал Вирен под давлением офицеров и матросов взорвал и потопил оставшиеся корабли, офицеры и солдаты-патриоты взрывали орудия и склады с боеприпасами, мастерские порта. Однако все уничтожить не удалось, так как Стессель через генерала Белого приказал категорически запретить производить порчу имущества, в противном случае «противник откроет неприязненные действия».

В преждевременно сданной крепости осталось 610 исправных орудий (из них 287 морских), имелось 207 855 снарядов, большое количество винтовок, патронов, не ощущалось острой нужды в хлебе и сухарях, имелось для убоя 2944 лошади, 50 тысяч пудов муки и много другого продовольствия.

На сборные пункты пленных прибыло 25 тысяч офицеров, солдат и матросов, которые могли сражаться. Из 59 укрепленных узлов противником захвачено или уничтожено 20, остальные могли служить целям обороны.

Японцы не ожидали такого «подарка» со стороны русских. Падение Порт-Артура ожидалось, по их оценкам, не ранее полутора-двух месяцев. Английский военный представитель при японской армии Норригард, свидетель этого позора, напишет впоследствии: «...Предложение русских о сдаче явилось поэтому неожиданным и, конечно, очень приятным сюрпризом для японцев...»

20 декабря полковник Рейс, имевший инструкции и доверенность от Стесселя, а также сопровождавшие его лица подписали акт о капитуляции, составленный японским ученым-юристом за два года до начала войны.

В статье VIII акта о капитуляции гарнизона говорилось, что все унтер-офицеры, солдаты и моряки должны быть обезоружены, но когда Стессель узнал о готовящейся расправе над ним, то он немедленно выпросил у японцев 4-ю казачью сотню 1-го Верхнеудинского полка для охраны своей особы, жилища и имущества. Генерал Ноги оставил в распоряжении «славного оборонителя» сотню в полном вооружении и снаряжении.

После боев на Кинчжоуских позициях, где казаки вместе с охотниками дивизий вели разведку и несли сторожевую службу, 4-я сотня стала использоваться для охраны штаба и квартиры Стесселя, а также следила за порядком в городе. В приказе № 985 от 20 декабря 1904 года ей была поставлена задача: «...5) Казачья сотня, а затем охотничьи команды под общим начальством генерального штаба капитана Романовского тотчас занимают позади в Новом и Старом городах заставы для наблюдений за исполнением всех установлений, за полным порядком и благочинием в городе и в недопущении безобразий, помятуя, что всякий безобразный поступок какого-либо негодяя может вызвать резню на улицах и истребление больных и раненых».

К этому времени в городе начался разгул и погромы. Бывшие герои-защитники Порт-Артура, побросав оружие, преданные своим командованием, разбивали магазины и склады, водка текла рекой. Добросовестные и исполнительные накануне, солдаты и матросы мгновенно переродились, о «дисциплине не было и речи». «Пусть никому не достанется», — кричала пьяная толпа, уничтожая все на своем пути. «Все теперь равны. Один черт. Нет солдат, нет матросов, офицеров, генералов! Все равны! Все пленные!»; «А до Фоки и Стесселя доберемся, узнают они Кузькину мать».

Сам Стессель не разделил судьбу своего гарнизона. Бывший командующий Квантунского укрепленного района, генерал-адъютант Свиты

Его Императорского Величества, убыл в Россию по соизволению Государыни-Матери, которая сообщила ему в телеграмме, что она будет рада видеть его в России. Вопреки разъяснениям 7-го пункта акта о капитуляции, где сказано, что багаж офицера «не должен превышать веса, дозволенного офицерам соответствующего чина в японской армии», Стессель вывез из Порт-Артура все свое имущество на 38 подводах с позволения, как он сам говорил, Его Величества Императора Японии.

После отъезда Стесселя 4-я сотня 1-го Верхнеудинского полка была разоружена и отправлена в плен, в Японию, откуда отчаянные забайкальские казаки пытались бежать. Побег из плена в Русской армии считался подвигом.

По окончании войны казаки-портартурцы убыли на свою родину, в Забайкалье.

Падение Порт-Артура раньше предполагаемого срока избавило русское командование от срочности наступления, но, с другой стороны, требовало как можно скорей использовать наше преимущество в силах до переброски закаленной в боях портартурской армии М. Ноги на Мукденское направление.

Набег на Инкоу

До начала наступления, согласно еще раньше принятому решению, предполагалось совершить набег конницы на Инкоу, базу снабжения японской сухопутной армии под Мукденом. Целью набега ставилось — захватить порт Инкоу, углубиться в тыл противника и вывести из строя на длительное время железную дорогу на участке Ляоян — Ташичао — Дальний, по которой перебрасывалась из-под Артура к Шахэ 3-я японская армия. Кроме того, набег на Инкоу должен был поднять моральное настроение Русской армии и, по выражению Куропаткина, «порадовать батюшку царя».

Масса казачьей конницы, освободившаяся от сторожевой и разведывательной службы после отхода армии на Шахэ, была реальной силой, способной выполнить поставленную задачу успешно.

Срок выступления держался в секрете, но все — от вестового до китайца-повара — знали о предстоящем набеге. Журналисты, русские и иностранные, приезжая в отряд Мищенко, прежде всего интересовались, когда набег.

«Два месяца обо всем толковали, больше месяца собирали громадный вьючный транспорт», — вспоминал А.А. Игнатьев. При нашем беспечном отношении к сохранению военной тайны неудивительно, что противник знал о замысле русского командования и мог подготовиться к

встрече казачьей лавины в своем глубоком тылу. Забегая вперед, необходимо отметить примерно такую же беспечность японского командования по срыву этого набега.

Перспективы набега были заманчивы. Такие кавалерийские начальники, как Ренненкампф, Каульбарс, хотели возглавить его. По воспоминаниям А. Деникина, генерал Каульбарс, являясь командующим армией, упрашивал Куропаткина сдать армию и стать во главе Западной конницы. Не сидел без дела генерал Ренненкампф, постоянно «сносился по этому поводу частным образом со Ставкой». «Действительно, — подчеркивает А. Деникин, — в широких армейских кругах только двух этих природных кавалеристов считали способными выполнить столь важный рейд, впервые предпринимаемый за время Маньчжурской кампании».

А.А. Игнатьев, находившийся в то время при штабе Куропаткина, тоже уделил этому внимание в своей книге: «Шли споры и о выборе начальника, на которого можно было бы возложить это поручение. При всех недостатках Ренненкампфа большинство стояло за его назначение, но лично Куропаткин особенно доверял Мищенко». Но, анализируя отношения Куропаткина и Мищенко, нельзя говорить о каком-то особом «доверии» Куропаткина. Больше того, можно предположить, что выбор Куропаткина пал на Мищенко, чтобы дискредитировать его в глазах армии, общественности и, может быть, императора. Весь поток критики обрушивался на Куропаткина, которого ругали, как только могли, а Мищенко ходил в героях и был знаменитостью. Мищенко не являлся «верным учеником Куропаткина», а был исполнителем его воли. Куропаткин, как всегда боявшийся чего-нибудь не предусмотреть, своими многочисленными указаниями сковал инициативу начальника отряда, навязав ему прямолинейность действий и район выполнения поставленной задачи. Мищенко придерживался отданных Куропаткиным распоряжений и инструкций, заведомо обрекающих отряд на неудачу. Для таких подозрений есть все основания.

Во-первых, вьючный транспорт в 1500 вьюков был навязан Куропаткиным, который рекомендовал подумать о еще большем обозе. Во-вторых, по его требованию отряд имел 22 полевых орудия и из-за этого потерял маневренность, так как скорость передвижения падала. В-третьих, отряд был сформирован наспех из состава 3 армий и насчитывал около 75 эскадронов и сотен. Ни Мищенко, ни его штаб, тоже составленный наспех, не знали деловых качеств командиров колонн и частей. В-четвертых, сам Мищенко не имел высшего военного образования, которое может быть компенсировано большим опытом, но и его не было. На время набега к штабу был прикомандирован штабс-капитан генерального штаба Свечин, который тоже не имел опыта в управлении конницей, да и по своему служебному положению он мало что мог сделать, тем более повлиять на решение заслуженного генерала. В-пятых, поставленная цель

не отвечала обстановке, а также силам и средствам, назначенным для ее выполнения. Не Инкоу нужно было брать, а разрушить главную железнодорожную артерию, питающую японскую армию материальными средствами и подкреплением. В-шестых, со стороны Куропаткина и его штаба было допущено непростительное легкомыслие в обеспечении скрытности предстоящего набега, пренебрежение элементарными правилами сохранения военной и оперативной маскировки тайны. Действия отряда Мищенко не были поддержаны войсками с фронта.

Это были главные причины, повлиявшие на успех задуманного набега.

Кроме того, Куропаткин знал, что Мищенко — не кавалерист и не имеет достаточного опыта руководства конницей, а выбрал именно его. Не являлось ли это назначение умышленным действием, направленным на подрыв авторитета «милого Мищенко», предполагая наперед, что с поставленной задачей он не справится? Почему не был назначен Ренненкампф, сам напрашивающийся, по словам А. Деникина, в этот набег? Ведь известно всем было, что Ренненкампф имел богатый опыт руководства казачьей конницей, полученный во время похода в Китай, и считался одним из лучших кавалерийских начальников. Может быть, Куропаткин, боясь потерять конницу, именно поэтому не доверил ее решительному Ренненкампфу, а поручил осторожному Мищенко? Во всяком случае, выбор начальника отряда целиком зависел от Куропаткина.

Наряду с главными причинами, снизившими боеспособность отряда, имелась масса мелких упущений, которые можно было исправить при организации набега. Например, отсутствовали топографические карты местности. Участник набега, войсковой старшина Н.Л. Свешников, писал впоследствии: «Я послал в штаб полкового адъютанта, прося дать мне карту. "Возьмите проводников-китайцев", — был ответ». В диспозиции населенные пункты указывались, но без карт их находили с трудом, блуждали, теряли скорость движения и время.

Писатель и военный корреспондент В.А. Апушкин накануне набега спросил у Мищенко, как он думает организовать его, на что получил ответ: «Прежде всего я хочу, чтобы меня не стесняли строго ни направлением, ни сроком... Между тем, хотят, чтобы я ввязывался в бой... А по-моему, цель набега в том, чтобы своим появлением в тылу нагнать панику, уничтожать запасы, захватывать транспорты, разрушать пути, захватывать отдельные команды, а попутно — и разведать... Все дело в быстроте. Поэтому я думаю взять с собой артиллерии самое малое количество — свою Забайкальскую да конно-горную батареи... Обоз только вьючный».

Некоторые офицеры, по словам В.А. Апушкина, уверяли, что Мищенко как-то сказал им: «...раненые и больные, в отступление от обычного правила, будут брошены, дабы не обременять отряд и не замедлять скорость его движения, поэтому все должны быть готовы попасть в плен».

Кстати, ни одного раненого, а их было немало, генерал Мищенко так и не отдал в руки ни японцам, ни китайцам. «Все это свидетельствовало в пользу того, — подчеркивал Апушкин, — что набег планировался Мищенко как лихой кавалерийский рейд по тылам противника».

Однако на деле все получалось иначе. Мищенко не проявил воли и решительности в исполнении своего замысла, поддавшись навязанному ему Куропаткиным способу действий. Не сумел изменить первоначальный план сразу после того, как стало ясно, что он плох и не соответствует идее набега. По мнению большинства офицеров, генерал Ренненкампф с этой задачей справился бы лучше.

Непосредственно перед набегом 3-я сотня 1-го Верхнеудинского и 5-я сотня 1-го Читинского полков были отправлены для разведки противника и местности за рекой Ляохэ. В ходе разведки удалось выяснить, что продовольствие и фураж в деревнях за рекой имеются в изобилии, следовательно, с собой все это можно было не брать.

Пространство между реками Ляохэ и Хуньхэ охранялось 3-тысячным отрядом хунхузов, находящихся на службе у японцев. Переправа на дороге Уцзятуй — Лидиаза охранялась заставой. В Ньючжуане размещался японский отряд в 250 солдат. Кроме того, агентурной разведкой удалось установить, что свой левый фланг японцы прикрывали тремя пехотными полками с 8 эскадронами и 4 орудиями, расположенными у деревень Сяобейхе, Бейдагоу, по берегу реки Хуньхэ. Авангарды от этих частей, силой в 1 батальон пехоты, 1-го эскадрона и 2 орудий каждый, занимали оборонительную позицию в Мамакай и Читайцзы.

Впереди их имелась линия сторожевых застав. Станции и железнодорожные мосты на Синминтинской железной дороге охранялись сильными караулами с артиллерией и пулеметами. Всего в налете должны были участвовать около 75 сотен и эскадронов, 22 орудия.

26 декабря 1904 г. отряд, сосредоточившийся в Сухудяпу, начал движение тремя колоннами в обход левого фланга японских позиций на Ньючжуань и Инкоу.

Левая колонна под командованием генерал-майора Телешова состояла из 19-го, 24-го, 26-го Донских казачьих полков, 11 сотен Кавказской бригады полковника Хана Нахичеваньского, 4 конно-охотничьих стрелковых команд, 2-й Забайкальской казачьей батареи и 2 пулеметов.

В среднюю колонну генерал-майора Абрамова входили: 1-й Читинский, 1-й Верхнеудинский казачьи полки, десять сотен Уральской казачьей бригады, одна сотня пограничной стражи и 1-я Забайкальская казачья батарея. При ней следовал генерал Мищенко со своим штабом.

Первая колонна генерал-майора Самсонова насчитывала 18 эскадронов сводной драгунской дивизии (Черниговский, Нежинский и Приморский драгунский полки), одну сотню пограничной стражи, 6 орудий 20-й конной батареи и 4 поршневых орудия.

При средней и правой колоннах находились два отряда Красного Креста, а за колонной генерала Абрамова следовал вьючный обоз с фуражом и продовольствием.

Отягощенный большим обозом отряд двигался шагом, делая в день в среднем по 30 верст. Колонны находились друг от друга на удалении зрительной связи.

28 декабря начались мелкие стычки с хунхузами. В авангарде шел 1-й Верхнеудинский казачий полк, под командованием полковника Левенгофа, имея в голове третью сотню. Разъезд поручика Ельчанинова на переправе через Хуньхэ у деревни Калише обнаружил три сотни хунхузов. 1-й Верхнеудинский полк развернулся лавой, переправился через реку и в конном строю атаковал их. Несколько десятков хунхузов было зарублено в бою, остальные, преследуемые казаками на глубину 5 верст, разбежались.

В этот день на линию железной дороги были высланы разъезды с целью диверсии, однако ожидаемого результата получить не удалось. Разъезд 1-го Читинского полка, под командованием сотника Сарычева, выйдя ночью к железнодорожному полотну, взорвал одну рельсу. Обнаруженный японским караулом, был обстрелян и отошел к отряду. С таким же итогом закончились диверсии других разъездов. Только конно-саперной команде штабс-капитана Федорова и разъезду хорунжего 1-го Верхнеудинского полка Рооп удалось взорвать небольшой мост, на ремонт которого японцам понадобилось всего 6 часов. Отряд, состоящий из двух сотен уральцев и забайкальцев, под командованием подъесаула 1-го Верхнеудинского полка Семенова, взорвал железнодорожное полотно, из-за чего сошел с рельсов японский поезд. Крупные мосты надежно охранялись, и ни один взорван не был. Уничтожив попутно телеграфные линии, ведущие к Ньючжуаню, казаки отошли. Важная задача по срыву перевозок войск армии Ноги из-под Порт-Артура оказалась невыполненной. Противник легко восстанавливал мелкие разрушения.

К вечеру 28 декабря 1-й Верхнеудинский казачий полк вышел к деревне Уцзятуй, в которой казачий разъезд подъесаула Ельчанинова обнаружил сильную сторожевую заставу японцев, состоящую из пехоты и спешенной кавалерии. Деревня была окружена. Есаул Чеславский, владевший английским языком, попросил командира полка отправить его к японцам парламентером с предложением им сдаться, но войсковой старшина Квитка, переведенный из отряда Ренненкампфа, приказал в это время командиру 1-й сотни есаулу Шестакову атаковать деревню двумя сотнями в конном строю.

Японцы укрылись за стенами ханшинного завода южнее деревни. Есаул Шестаков предупредил Квитку, что в конном строю невозможно ворваться вовнутрь завода, имеющего высокую и прочную стену, но получил подтверждение приказа. 1-я и 2-я сотни лавой атаковали завод под

сильным огнем противника. Подскочив к его стене, казаки не смогли преодолеть ее и вынуждены были отойти назад, потеряв 10 человек убитыми и ранеными.

Среди них оказался французский лейтенант, сотник Бюртен, уроженец Меца, выпускник Сен-Сирского училища, служивший в альпийском гарнизоне, а потом в Тунисе. Взяв трехлетний отпуск, он добровольцем прибыл в Русскую армию и по ходатайству Мищенко был зачислен в 1-й Верхнеудинский полк. Сраженный четырьмя пулями, погиб у стен ханшинного завода, как и другие казаки, по вине Квитки, отдавшего неразумный приказ.

Казаки 2-й сотни, теряя товарищей, неоднократно пытались вынести раненых, по которым японцы вели огонь, но каждый раз откатывались назад. Сотня понесла большие потери.

Узнав о случившемся, генерал Мищенко прислал на помощь поршневую батарею и несколько эскадронов драгун Нежинского полка. После получасового артиллерийского обстрела казаки и драгуны в наступившей темноте, в пешем строю ворвались на территорию завода, перебив в рукопашной схватке большую часть японцев, остальные сдались в плен или разбежались. В этом бою погибли офицеры: сотник Михаил Некрасов, Бюртен, четыре офицера были ранены; погибли и ранены 40 казаков.

Учитывая начальный опыт боя, генерал Мищенко отдал приказ — сильно укрепленные деревни обходить.

После похорон погибших, на другой день, генерал Мищенко подъехал к 1-му Верхнеудинскому полку и, чувствуя свою вину за напрасные потери, сказал: «Здравствуйте, храбрый, доблестный Верхнеудинский полк, благодарю вас за молодецкую службу, благодарю вас, господа офицеры». А генерал Абрамов, сняв папаху, поклонился казакам со словами: «Низко кланяюсь вам, молодцы-верхнеудинцы».

Постоянные стычки с противником пополняли санитарные двуколки колонн Красного Креста, которые, чтобы не причинять раненым страдания от тряски по плохим дорогам, двигались очень медленно, задерживая весь отряд.

Казачьи разъезды рыскали по округе, уничтожая мелкие группы японцев, сопровождавшие транспорты с продовольствием. Командир 1-й сотни 1-го Читинского полка подъесаул Мамонтов у деревни Людитай на пути к Ньючжуану настиг такой транспорт, указав в своем донесении: «...Сейчас отбил транспорт с рисом и мукой, сопровождаемый 10 пешими японцами».

В другом донесении он же докладывал об уничтожении 1-й сотней телеграфа и телефонной линии к Ньючжуаню.

Однако подобные действия казачьих разъездов мало способствовали выполнению главной задачи отряда и только настораживали японцев,

которые легко прослеживали направление движения конницы и успевали подготавливаться к отпору при подходе казаков к крупным населенным пунктам.

Много было неразберихи и путаницы. 1-й Читинский полк, следуя в авангарде отряда, атаковал противника в пригороде Ньючжуаня и повел наступление на город, где, по данным разведки, находился гарнизон в 250 человек. Засев в каменных строениях, японцы оказывали яростное сопротивление. Артиллерии не было, поэтому выбить противника не удавалось. Командир полка, войсковой старшина Н.Л. Свешников, принял решение обойти город, не ввязываясь в бой на его улицах, но неожиданно получил устное распоряжение от ординарца генерала Мищенко: «Ввиду прекращения огня и очищения японцами города 1-му Читинскому казачьему полку пройти по главной улице». Командир полка недоумевал: город не взят, а ему предлагается, как на параде, пройти по главной улице. Переспросив еще раз ординарца и получив утвердительный ответ, что такое распоряжение действительно было, пришлось выполнять его.

Первыми вошли в город казаки 3-й сотни, за ними весь полк. Когда он втянулся в городские улицы, японцы открыли сильный огонь из импаней и каменных домов. 3-я сотня на рысях прошла главную улицу, спешилась у моста и, ведя огонь по выбегающим из домов японским солдатам, обеспечила прохождение через город полка.

Заняв город, казаки разрушили телеграф, сожгли два склада и транспорт в 300 повозок, захватили 14 пленных.

Как потом выяснилось, ординарец Мищенко все перепутал: 1-й Читинский полк должен был обойти город с восточной стороны, не ввязываясь в бой на его улицах.

Оставшиеся в живых японские солдаты отошли к Хайчену, а отряд повернул на Инкоу, вопреки ранее принятому решению идти сначала на Хайчен. Таким образом, он уходил от главной железнодорожной артерии, питающей японскую армию подкреплением и материальными средствами.

Подойдя к станции на 22 версты, отряд остановился на ночлег. На следующий день, 30 декабря, выступив в 4.00, к 11.00 медленно подошел к городу и до наступления темноты устроил привал из-за сильного тумана и гололеда.

Сообщение между Ташичао (Дашичао) и Инкоу по железной дороге прервано не было, чем и воспользовались японцы, подвезя на глазах у казаков два пехотных батальона с пулеметами.

«Не теряй мы время на бои, не делай мы на следующий день большого привала, двигайся мы быстрее, мы пришли бы в Инкоу на целый день раньше и, может быть, японцы не поспели бы подвезти несколько поездов с пехотой», — отметит командир 1-го Читинского полка, войсковой старшина Свешников в своих воспоминаниях.

Атака города была назначена на вечер, для чего сформировали сводный отряд, под командованием полковника Хоранова, в составе 15 сотен и эскадронов, то есть по одной сотне и эскадрону с каждой части, остальные находились в резерве. От забайкальских полков для боя выделили 5-ю сотню 1-го Читинского и от 1-го Верхнеудинского — 3-ю сотню есаула Чеславского. Сводный отряд должен был атаковать станцию Инкоу с северо-западной стороны после продолжительной артиллерийской подготовки атаки.

Точного направления сотням указано не было, подступы к городу изучены не были. Чтобы не сбиться с пути при эвакуации раненых и отходе в тылу наступающих, у деревень зажгли костры, а после артиллерийского огня в городе возникли пожары. Людям отдали приказ наступать на огни, многие сбились с пути, не зная, на какие огни выходить.

Артиллерийская подготовка продолжалась более 2 часов, вместо планируемых 1 часа 30 минут. Атака началась спустя час после ее окончания, что дало время японцам подготовиться, занять позиции и встретить атакующие русские цепи мощным огнем с расстояния в 100 шагов. Казаки несли большие потери от пуль, попадали в волчьи ямы, запутывались в колючей проволоке. Трижды они поднимались в атаку и трижды откатывались назад. Вооруженные винтовкой и шашкой, они были бессильны против японцев, засевших в каменных зданиях с бойницами.

Потеряв 408 человек убитыми и ранеными, 158 лошадей, отряд полковника Хоранова в беспорядке отступил. «Войска перепутались с обозом, с ранеными, сотни искали свои полки, а полки своих командиров; в ночной тишине раздавались ругань, крики. Никто не знал, где ночлег», — отмечал войсковой старшина Свешников.

Если вина за организацию набега на Инкоу во многом ложится на Куропаткина, то исполнение его целиком зависело от умения Мищенко принимать правильные решения. Ошибка за ошибкой, совершаемые командованием отряда, привели к поражению под Инкоу и мизерному результату от всего этого набега, который генерал Ренненкампф назвал «наползом» на Инкоу. Фраза Ренненкампфа: «Это не набег, а наползь», — получила широкое распространение в армии и «послужила началом острой вражды между двумя... генералами...».

Авторитет Мищенко сильно пошатнулся.

За 8 дней было пройдено 270 километров, рассеяно несколько японских тыловых команд, 19 человек захвачено в плен, уничтожено до 600 арб с запасами, сожжено несколько небольших складов, временно нарушена телефонная и телеграфная связь, произведены незначительные разрушения железнодорожного полотна. Главная цель — разрушить железную дорогу на участке Ляоян — Ташичао — Дальний — не была достигнута.

Обремененный, по словам Свешникова, 434 ранеными казаками и 37 офицерами, преследуемый японской пехотой, отряд генерала Мищенко

бесславно вернулся в расположение Маньчжурской армии. Кроме ненужных человеческих жертв, понесены большие материальные затраты. При отходе было брошено из 5000 пудов взятого продовольствия 2760 пудов, из них 921 пуд сухарей, 182 пуда крупы, 84 пуда соли, 1558 пудов ячменя. В части выдали из транспорта отряда 1817 пудов, на себя обоз израсходовал 423 пуда. Из взятых 16 пудов чая брошено 8, а из 32 пудов сахара — 7. К этим потерям надо добавить брошенные вьюки, мулов и лошадей, ослабленных походом. Мулы нанимались армией в аренду по 4 рубля за сутки. За убитого или приведенного в негодность мула купцу-ростовщику выплачивалось 175 рублей, за вьючную принадлежность с брезентом по 25 рублей.

Мул легко переносил 6—8 пудов груза и в условиях горной местности был незаменим. Потерянное продовольствие, мулы могли пригодиться Маньчжурской армии, тем более что нужда в них постоянно ощущалась.

Кроме людских потерь и материальных затрат, поход на Инкоу нанес большой вред престижу казачества, вынужденному расплачиваться позором за своих неумелых начальников.

9. Забайкальцы в боях под Сандепу

В начале января 1905 года был принят план перехода Маньчжурской армии в очередное наступление. Замысел операции состоял в том, чтобы силами 2-й армии генерала О.К. Гриппенберга нанести главный удар на левом фланге противника в направлении на Сандепу и овладеть позициями между реками Хуньхэ и Шахэ, а затем поочередным вводом в сражение остальных армий отбросить противника за реку Тайцзыхэ.

Забайкальские казаки входили в конный отряд генерала Мищенко, действующего в составе 2-й армии, и в бою под Сандепу должны были «содействовать 1-му Сибирскому корпусу в его атаке на Хуанлатотзы, а затем переправиться на левый берег Хуньхэ и освещать пространство между рекой Тайцзыхэ и линией деревень Хэгоутай — Ландунгау — Тадусампу».

Однако эта задача своевременно поставлена не была, и отряд Мищенко выполнял задачу, определенную генералом Гриппенбергом, — противодействовать колонне японских войск, численностью в 2,5 тысячи человек, появившейся в районе деревни Лаконто, против фланга 2-й армии.

Узнав об этом, Куропаткин отложил наступление, снял с направления главного удара 14-ю дивизию с 41-й артиллерийской бригадой и направил их на помощь Мищенко, который в ночь на 12 января выступил из деревень Асыню, Убаньюла и двинулся на юг двумя колоннами: правая — в составе Кавказской бригады, 4-й Донской дивизии и 2 конных

батарей, под командованием генерал-майора Телешова, и левая — генерала Павлова, в составе Забайкальской казачьей бригады, 4-го Уральского казачьего полка и 2 конных батарей.

Вскоре выяснилось, что колонна противника повернула на юг, и прибывшая на помощь Мищенко 14-я дивизия вынуждена была вернуться в исходное положение для наступления.

В эту же ночь 1-й Сибирский корпус генерала Г.К. Штакельберга неожиданной быстрой атакой захватил на западном берегу реки Хуньхэ деревню Хуанлотоцзы и к 6 часам утра овладел всей линией реки.

Около полудня 12 января правая колонна завязала бой у деревни Уцзяганьцзы, занятой спешенной японской кавалерией, которая была отброшена за реку в направлении на деревню Сяобейхэ.

Левая колонна ушла на Мамыкай и Чатайза с целью переправиться через Хуньхэ и угрожать тылу японских войск, действующих против 1-го Сибирского корпуса.

Ночным штурмом Бузулукского и Орловского полков обе эти деревни были взяты, а к 22 часам 1-я Восточно-Сибирская дивизия захватила Хэгоутай, выполнив основную задачу, поставленную перед корпусом.

Отряду Мищенко была поставлена задача: обеспечивая правый фланг 1-го Сибирского корпуса у деревни Хэгоутай, перейти на левый берег реки Хуньхэ. Выполняя ее, отряд Мищенко с утра 13 января у деревни Чатайза перешел на левый берег реки. Левая его колонна должна была, двигаясь на деревню Шинзя, установить связь с 1-м Сибирским корпусом, а правая, продвигаясь на Саньтьязы, выслать разъезды на восток к линии железной дороги и на юг к реке Тайцзыхэ.

Таким образом 2-я армия получила возможность наступать на Сандепу, не опасаясь за свой правый фланг, надежно прикрытый казаками Мищенко.

Выпал снег, видимость из-за тумана была плохая. В 9 часов утра правая колонна при выходе из Саньтьязы неожиданно оказалась перед батальоном японской пехоты, наступавшим в боевом порядке на деревню с севера. 1-я Забайкальская казачья батарея под сильным ружейным огнем противника стремительно развернулась к бою и с расстояния 800 шагов до японских цепей обрушила на них шрапнельный огонь. Не выдержав его, японцы стали отходить.

К часу дня левая колонна завязала бой у деревни Нюге, но была отозвана на соединение с правой.

Сосредоточив усилия на северо-восток, куда отходил противник, отряд Мищенко, выбивая японскую пехоту с каждой деревни, занял Сюцзяопа и развивал наступление на Ландунгоу. Казаки захватили часть японского обоза и взяли 100 человек в плен.

В этот же день, измученная тяжелыми трехдневными переходами, 14-я дивизия с развернутыми знаменами начала наступление на Санде-

пу. Из-за тумана полки перемешались и вместо восточного взяли юго-восточное направление. Не доходя 700 метров до противника, они залегли на ровной местности, покрытой тонкой коркой льда, и 6 часов, до самой атаки, находились под сильнейшим огнем противника. Резервы тоже заблудились и не смогли своевременно вступить в бой. С подходом их атаки возобновились, и с наступлением ночи два полка 14-й дивизии ворвались в деревню Баотайцзы, ошибочно принятую за Сандепу, которая находилась в 400 м южнее. Разобравшись, части дивизии предприняли попытки захватить эту деревню, но успеха не имели, так как японцы успели усилить ее гарнизон и другие находящиеся рядом опорные пункты. Потеряв в боях за Сандепу 1122 человека убитыми и замерзшими, 14-я дивизия отошла на исходные позиции.

В ночь на 14 января отряд, под командованием командира 1-й Сибирской дивизии А.А. Гернгросса, овладел Сумапу, наголову разбив части 3-й японской пехотной дивизии, и начал развертывать свой резерв для окружения противника в районе Сандепу. Однако, не поддержанный другими русскими войсками, вынужден был вскоре оставить Сумапу под ударами сильных резервов японцев.

С утра 14 января отряд Мищенко повернул на восток с целью разгрома ближайшего тыла всего левого фланга японцев до железной дороги.

Однако в течение ночи противник подтянул значительные силы и сосредоточил их в 1,5—2 верстах к востоку от деревни Тухенпу. Каждое селение пришлось брать с боем. 1-я Забайкальская казачья батарея выдвигалась как можно ближе к противнику и с близкого расстояния открывала огонь, а казаки решительно бросались вперед. Японцы поспешно отступали, бросая имущество, патроны, двуколки с боеприпасами и продовольствием. Их раненые сами шли на наши перевязочные пункты.

У деревни Ландунгоу отряд вышел на простор и обнаружил колонну противника, силой до пехотного полка, двигавшуюся к этой деревне. Густой снег затруднял наблюдение за колонной, поэтому отряд пошел ей навстречу. Выдвинувшаяся под прикрытием сотни забайкальских казаков 1-я Забайкальская батарея открыла по противнику беглый огонь. Японцы в беспорядке бросились к деревне, понимая, что в чистом поле от шрапнельного огня им не спастись. Казаки спешились и тоже повели наступление на Ландунгоу, стремясь опередить противника, так как в снежной мгле показалась еще одна японская колонна, продвигающаяся в этом направлении. 1-я Забайкальская казачья батарея, сменив огневую позицию, перенесла по ней свой меткий огонь. И эта колонна бросилась вперед, к деревне, ища спасения от шрапнельного огня.

Все стремились в ту войну первыми захватить деревни. Атакуя их, казаки и пехота часто несли неоправданные потери только из-за того, что артиллерия бессильна была чем-то им помочь.

«Каждая деревня, — отмечал А. Игнатьев, — в зимнее время представляла сама по себе оборонительный пункт, так как промерзшие глинобитные стенки, не говоря уже о каменных строениях и кумирнях, надежно прикрывали японцев не только от нашего ружейного, но и от шрапнельного огня. Разбить их можно было только гранатами, а наши артиллерийские мудрецы, предназначая полевые орудия для боя в открытом поле, снабдили их одними шрапнелями. Гранаты имелись только в пушечных батареях устарелого типа»...

Колонны противника, обнаруженные у Ландунгоу, оказались авангардом армии М. Ноги, прибывшей из-под Порт-Артура и спешащей на выручку своим частям под Сандепу.

Японцы понесли большие потери от огня 1-й батареи и винтовок казаков, но, обнаружив, что им противостоит небольшой отряд конницы, повели наступление большой массой пехоты. Это были не спешенные кавалеристы генерала Акиямы, а закаленные в боях, опытные портартурцы.

Открыв огонь, японская батарея вынуждена была, после нескольких выстрелов 1-й Забайкальской казачьей батареи, замолчать. Пехота противника подошла к батарее на 700 шагов, но, осыпанная шрапнелью, залегла.

Положение создалось очень опасное. Снаряды подходили к концу, а подвезти было невозможно из-за сильного ружейного огня противника: японцы явно хотели захватить батарею. Спасая положение, Мищенко в тыл атакующим бросает 2-й Дагестанский полк в конном строю. Смелая атака дагестанцев успеха не имела, но отвлекла внимание, силы и средства японцев на себя. Казаки, прикрывавшие батарею, атаковали с фронта, но под огнем противника стали отходить. Генерал Мищенко бросился к ним и своим бесстрашием, под ураганным огнем, заставил остановиться и продолжать сдерживать японцев.

1-я Забайкальская казачья батарея отошла на 400—500 саженей к западу, пополнилась боеприпасами и вместе с 20-й конной и 3-й Донской казачьей батареями открыла интенсивный огонь по наступающей пехоте противника.

Во время этого боя Мищенко был ранен в ногу. Из боевой цепи генерала вынес его друг и телохранитель еще с Русско-китайской войны 1900—1901 годов, борец за свободу Черногории от турецкого порабощения, 76-летний Филипп Маркович Пламенец, которого забайкальские казаки называли дедушка Пламенец.

Конному отряду Мищенко не удалось отбросить авангард армии М. Ноги, но он сумел при своих незначительных силах остановить его, дав русскому командованию выигрыш в 16 часов, чтобы овладеть Сандепу.

С наступлением ночи бои стали затихать. Конный отряд сосредоточился вблизи деревни Сюэрпу.

На 15 января был отдан приказ 2-й Русской армии, — во что бы то ни стало овладеть Сандепу.

Для казачьего отряда, в командование которым вступил генерал Телешов, заменивший раненого Мищенко, командующий 2-й армией поставил задачу: «Содействовать 1-му Сибирскому корпусу в направлении на Сумапу и Саньциямпо».

Но наступление не состоялось, так как японцы сами атаковали 1-й Сибирский своднострелковый и 10-й армейский корпуса в направлении Гудзядзы, Эртхаузы, отбросив их к северу. Это заставило генерала Телешова переменить фронт наступления на север, прикрывшись частью отряда с правого фланга со стороны Тунхенпу.

15 января бой разгорелся с новой силой. Японцы неоднократно бросались в атаку, но были отброшены огнем трех батарей и спешенными казаками, надежно прикрывавшими правый фланг 1-го Сибирского корпуса. Во время боя был тяжело ранен в живот старший офицер 1-й Забайкальской казачьей батареи подъесаул А.В. Станкевич.

Во второй половине дня полки 10-го армейского корпуса перешли в наступление против 5-й и 3-й японских пехотных дивизий и вынудили их отступить. К вечеру войска корпуса овладели деревнями Лабатай, Сяотайцзы и, выйдя в тыл противнику, получили реальную возможность атаковать Сандепу с востока.

Отразив атаки японцев, начал успешно продвигаться вперед отряд генерала Телешова.

Над всей группировкой войск противника под Сандепу нависла угроза разгрома, но вечером 15 января Куропаткин, боявшийся активных наступательных действий, отдал распоряжение о прекращении наступления и отходе 2-й армии О.К. Гриппенберга за реку Хуньхэ.

Русские потеряли 368 офицеров и 11 364 солдата убитыми и ранеными, японцы — 8901 человека. Потери казаков отряда Мищенко за четыре дня боев составили 14 офицеров и 233 казака.

Конница Мищенко проявила в этих боях свои лучшие качества и действовала для тех лет по-современному, притянув к себе значительные силы противника. Этим была облегчена задача 1-го Сибирского корпуса. Большую часть боев казаки провели в пешем порядке. Стремительно выдвигаясь на направления движения японских колонн, пытавшихся обойти правый фланг армии, они спешивались и вступали в бой со значительно превосходящими силами противника, смело атаковали занятые им деревни с фронта и тыла, прорывались на его фланги и действовали в тылу, вели разведку подходящих резервов и препятствовали их выходу к главным силам.

Смело действовала артиллерия казаков и прежде всего 1-я Забайкальская батарея. В условиях ограниченной видимости из-за снегопада, тумана казаки выдвигали свои орудия на прямую наводку непосредствен-

но в стрелковую цепь, поддерживая огнем атакующих или сдерживая наступление противника.

С боями выйдя в тыл к японцам, конный отряд Мищенко заставил поволноваться японского главнокомандующего И. Ойяму, который доносил в Токио: «15 января русские обстреляли наш тыл, сражение продолжалось в течение дня и ночи... В этот день наши войска были готовы к тому, что будут уничтожены».

В телеграмме, отправленной в Петербург, русский главнокомандующий признал, что «войска вели себя отлично». В полной мере это относится и к казакам-забайкальцам, входившим в отряд Мищенко.

Другие казачьи части Забайкальского войска в боях под Сандепу не участвовали, они вошли в отряд Ренненкампфа и находились в качестве армейской конницы 1-й армии генерала Н.П. Линевича.

10. Мукденское сражение

После Сандепу обе стороны стали готовиться к решающему сражению.

К началу февраля 1905 года Маньчжурская армия занимала Шахэйскую позицию, а две другие — Мукденская и Телинская — войсками заняты не были.

На правом фланге находилась 2-я армия, под командованием генерала А.В. Каульбарса, сменившего О.К. Гриппенберга, и занимала рубеж Сыфантай, Ямандапу.

3-я армия А.А. Бильдерлинга находилась в центре, имея укрепленные позиции на рубеже Халентай, Шаланцза.

На левом фланге, по рубежу Шаланцза, Гаотулинский перевал занимала позиция 1-я армия генерала Н.П. Линевича.

Русское командование готовилось не к обороне, а к наступлению, взяв за основу план наступления на Сандепу, который предусматривал оттеснение японских войск за реку Тайцзыхэ. Выполнение главной задачи — захват Сандепу — возлагалось на 2-ю армию.

Японцы тоже готовились к наступлению, но тщательно и скрытно, а о Русском наступлении знали все и всё.

«Любой прохожий и проезжий узнавал без труда, — писал А. Игнатьев, — и к тому же из официального источника, такие вещи, которые армия должна беречь в строжайшем секрете».

А.И. Деникин в своих воспоминаниях отметил, что японцы знали точную дату нашего наступления, назначенного на 12 февраля.

Японский план предусматривал более решительные цели, чем русский, и заключался в том, чтобы нанести сильные удары по флангам наших войск, окружить их в районе Мукдена и уничтожить.

Ввиду предполагаемого набега русской кавалерии в тыл японцев начальником армейской конницы 2-й армии был назначен генерал Ренненкампф. В ее состав, наряду с другими казачьими полками, вошли сначала 5 сотен 1-го Верхнеудинского казачьего полка, 1-я и 4-я Забайкальские казачьи батареи, а с 12 февраля приказом по 2-й армии № 53 1-й Читинский казачий полк также был включен в этот отряд.

По штату в этих полках должно быть по 22 офицера и свыше 110 казаков в каждой сотне. К моменту формирования отряда в 1-м Верхнеудинском полку насчитывалось 22 офицера и 552 казака, а в 1-м Читинском — 22 офицера и 682 казака. В действительности в казачьих сотнях людей всегда было меньше, а с учетом неизбежных выделений от каждой сотни казаков в разъезды или охранение спешных стрелков получалось 42—52 человека. Но и эти цифры весьма приблизительны, так как данные о количестве людей в сотне противоречивы и в отчетных документах штабов по численному составу казачьих полков представлены по-разному. Например, по данным полковника генерального штаба Илинского, в сотне 1-го Верхнеудинского полка в строю находилось 98 казаков, в реляции Урало-Забайкальской дивизии — 64, а в сведениях самого полка указано 56. Запутаться в этих цифрах в то время было немудрено, так как казаки по наряду куда только ни выделялись: и на охрану штабов, и в ординарцы, и в посыльные к какому-нибудь начальнику, и для охраны личных вещей офицеров, и для сопровождения больших начальников, грузов, доставки пакетов.

Такое положение сложилось во всех казачьих частях, не только забайкальских.

Конный отряд Ренненкампфа располагался на расстоянии 12—15 верст от правого фланга пехоты и почти на одной линии с ней. Сторожевые заставы были выставлены между реками Хуньхэ и Ляохэ, от Сяодамын до Калима (Каламы). Другими словами, конница находилась вне фланга японской армии и вне соприкосновения с ней.

С целью проведения разведки противника в районе Сяобейхэ и Ляояна, между реками Хуньхэ и Ляохэ, к югу от Сяобейхэ, а также ликвидации небольших отрядов противника в этих районах Урало-Забайкальская дивизия и другие кавалерийские части 1 февраля 1905 года были выдвинуты П.К. Ренненкампфом в обход левого фланга японцев.

Казачьи разъезды дошли до железной дороги, не встретив противника.

На следующий день отряд продолжил разведку. Шесть японских эскадронов, не приняв боя, отошли, а выдвигающаяся колонна японской пехоты была разогнана огнем артиллерии.

3 февраля отряд двинулся к Мамакаю, но после ухода Донской дивизии прекратил разведку и вернулся назад, не выяснив «расположение войск неприятеля и их передвижение... какие части войск в данном рай-

оне... где укрепления неприятеля», как ставилось в задаче. Положение армии М. Ноги осталось тайной для русского командования. Единственно, что удалось узнать, так это то, что занятый пехотой Сяобейхэ является левым флангом японской армии; местность к югу от Сяобейхэ и между Хуньхэ и Ляохэ на протяжении 20 верст свободна от частей противника.

Отзыв Донской дивизии для охраны тыла Русской армии существенно усложнил выполнение задач разведки отрядом Ренненкампфа. С уходом этой дивизии в составе армейской конницы 2-й армии осталось 32 сотни, из них 11 — забайкальских, 18 орудий, из которых 12 находились в составе двух забайкальских батарей. Такими силами вести глубокую разведку было чрезвычайно трудно.

Оставшиеся части были разделены на две группы: правая — 15 сотен, 12 орудий, под начальством генерала Павлова, охраняла участок от Калимы (Каламы) до Сяодамыня, имея резерв в Убаньюлу; левая — 17 сотен, 6 орудий, под начальством генерала Эйхгольца, отвечала за участок от Сяодамыня до фланга стрелкового корпуса, имея резерв в Сыфантас.

Не имея соприкосновения с русскими, противник, соблюдая все меры маскировки и предосторожности, с 11 февраля стал формировать на правом берегу Хуньхэ обходные колонны из войск 3-й японской армии М. Ноги.

Первым доложил об этом подъесаул Штейн, обнаруживший со своим разъездом от 1-го Верхнеудинского полка скопление кавалерии противника на правом берегу реки Ляохэ. Получив это известие, начальник отряда приказал Уральскому казачьему полку занять Калиму (Каламу) и организовать наблюдение на правом берегу Ляохэ, до Синминтинской дороги. Но эта задача оказалась невыполненной, так как противник, опередив уральцев, сам занял отрядом из трех родов войск эту деревню.

5 февраля две сотни 1-го Верхнеудинского полка, одна сотня Терско-Кубанского и одна Дагестанского полков, под руководством полковника Гилленшмидта, совершили набег на Хайчен. Целью набега ставилось: «Проникнуть в тыл неприятельского расположения, взорвать один из больших железнодорожных мостов на линии Ляоян — Хайчен — Дашичао».

Движение в районе расположения противника осуществлялось в ночное время, вне дорог, минуя деревни, японские гарнизоны, меняя направление и не ввязываясь в бой с мелкими подразделениями противника.

7 февраля отряд сосредоточился у деревни Тава, оцепив ее постами и укрывшись в 4 дворах. Ни один житель деревни не выпускался за ее пределы. В 7 часов вечера в полной темноте отряд выступил к наиболее удаленному от Хайчена железнодорожному мосту через реку Сяохэ.

Две сотни верхнеудинцев атаковали подразделение прикрытия у моста и, выбив противника, залегли за железнодорожным полотном, не позволяя японцам приблизиться к подрывным командам. Мост был взорван удачно и надолго выведен из строя.

На обратном пути отряд окружили тыловые японские части, но казаки, действуя где в конном, а где в пешем строю, прорвались к своим и 10 февраля вышли в район деревни Убаньюла.

В среднем, за время набега, отряд проходил 74 версты в сутки, а в день взрыва моста прошел 130 верст за 26 часов. Потери отряда составили 2 офицера и 34 казака.

Это был самый удачный рейд казачьей конницы в тыл противника, проведенный с точки зрения военного искусства безукоризненно. Полковник Гилленшмидт был награжден Георгиевским крестом IV степени, а отличившиеся казаки представлены к наградам.

12 февраля, после того как японская 5-я армия перешла в наступление на Цинхэченский отряд, генерал Ренненкампф, командовавший им ранее, был отозван обратно. Конницу 2-й армии принял генерал М.И. Греков, а Урало-Забайкальскую дивизию — генерал Г.А. Павлов.

Ошибочно определив наступление 5-й японской армии Кавамуры на фронте 1-й Русской армии за главный удар, Куропаткин направил туда из резерва 2-й армии 1-й Сибирский корпус и свой последний резерв — 16-й армейский корпус.

После того как резервы русских ушли из 2-й армии на левый фланг, 3-я армия М. Ноги, при содействии 2-й армии Я. Оку, 14 февраля перешла в наступление с целью захвата правого фланга генерала А.В. Каульбарса.

Армия Ноги двигалась дивизионными колоннами в пространстве между деревней Сыфантай и рекой Ляохэ, выдвинув левофланговые дивизии уступом вперед.

В этот же день, утром, высланный с 6-й сотней 1-го Верхнеудинского полка на поддержку разъездов сотник Некрасов, доложил о движении на север первых нескольких батальонов противника.

Забайкальские казаки первыми обстреляли эти батальонные колонны, а начальник штаба Урало-Забайкальской дивизии подполковник генерального штаба А.И. Деникин в 10 часов 40 минут послал первое донесение о переходе в наступление армии Ноги. У Куропаткина это донесение было в 2 часа дня 14 февраля.

События развивались стремительно. С утра 14 февраля начав наступление, противник потеснил казачьи заставы левого и правого крыла отряда генерала М.И. Грекова. Батальон японской пехоты и полк кавалерии с пулеметами заняли деревню Людиканцзы и повели наступление на деревню Ашенюлу, которую упорно обороняла казачья сотня 1-го Верхнеудинского полка. В течение дня противник не смог продвинуться на

этом направлении и с наступлением темноты остановился в 500—600 шагах от деревни.

Утром 15 февраля разъезд 1-го Верхнеудинского полка, под командованием сотника Некрасова, обнаружил большую колонну японцев. В донесении начальнику конного отряда он сообщил: «Сейчас наблюдал неприятельскую колонну, шедшую с юга на Каламу, силою около дивизии пехоты при артиллерии и немного кавалерии. Несколько сзади, как бы за ней, видна другая колонна, идущая в том же направлении. К югу от Ашенюлы видны были местами такие же колонны, идущие с востока на запад».

Сведения, добытые сотником Некрасовым и его казаками, имели огромное значение, так как стало уже тогда ясно, что японцы значительными силами переправились через Хуньхэ на ее правый берег и создали реальную угрозу не только конному отряду генерал-майора Грекова, но и всему правому флангу 2-й армии А.В. Каульбарса.

Генерал Греков вновь попытался атаковать и захватить Калиму, однако Уральский казачий полк, встреченный огнем пехотного батальона противника, отступил.

Не проявив настойчивости в выполнении поставленной задачи — занять Калиму (Каламу) и вести разведку за Ляохэ, — отряд Грекова, состоящий из резерва, силою в 9 сотен и артиллерийской батареи, повернул на северо-восток, к Сыфантаю.

5-й Уральский казачий полк был выслан на направление движения головных колонн противника с задачей: «...тихо подаваться на север и следить за головами противника».

Ночью полк отошел к Пайдяуопу, где закрепился, имея фронт на запад и северо-запад.

14 февраля отряд генерала Павлова, куда вошли 1-й Верхнеудинский казачий полк, 1-я и 4-я Забайкальские казачьи батареи, два Уральских казачьих полка, находились в сторожевом охранении. В этот же день 9 сотен и 4 орудия из его состава выдвинули из Убанюлы к югу на Людиганцзы и Фасанди, где встретились со значительными силами японцев. После короткого боя, потеряв 1 офицера и 6 казаков, 8 лошадей, стали отходить.

15 февраля взвод 1-й Забайкальской казачьей батареи обеспечивал огнем действия 5-го Уральского полка, а 4 орудия этой батареи поддерживали огнем бой 4 сотен 1-го Верхнеудинского полка и 1-й сотни 4-го Уральского казачьего полка у деревни Фасанди. В донесении командиру отряда генерал Павлов указал: «...пехота противника, обстрелянная метким огнем артиллерии, бежала».

Однако под давлением превосходящих сил противника, прикрываясь тремя сотнями, выделенными в арьергард, отряд генерала Павлова вынужден был в итоге медленно отходить к деревне Сандиопа.

К исходу 15 февраля левое крыло отряда генерала Грекова под командованием генерала Эйхгольца отошло на линию Хаупинуай — Чандиопа, а правое — генерала Павлова — на линию южнее Эрдагоу — дер. Лянхуопу — Хаупинуай.

Резерв отряда — 1-й Читинский казачий полк — находился в Эрдагоу.

Таким образом, противник, обойдя правый фланг 2-й армии, прижал конницу к пехоте. Не менее дивизии японцев прорвалось на север. Голова ее колонны 15 февраля достигла параллели Даваньгоньпу, то есть глубина обхода составила 25 верст.

С юга наступали на Сыфантай около 10 батальонов, которые вышли на рубеж Тутайцзы — Туханчипу.

Только после полудня 15 февраля А.В. Каульбарс, узнавший о наступлении армии Ноги, перебросил в Сыфантай 8 батальонов, чтобы прикрыть свой правый фланг. В срочном порядке на это направление были переброшены две пешие и одна конная батареи, всего 22 орудия.

В 5 часов утра 16 февраля по приказу генерал-майора Грекова 1-ю Забайкальскую батарею генерал Павлов передал в Сыфантай, в распоряжение генерала Эйхгольца.

Примерно в это время японцы повели наступление на Сыфантай с юга, постепенно загибая свой левый фланг, при этом часть сил была развернута перед Сыфантаем, а остальные, под прикрытием этих цепей, длинными колоннами, с артиллерией, двинулись с запада на восток, в обход правого фланга Сыфантайской позиции.

В 7 утра противник двумя ротами, при поддержке пулеметов, атаковал 5-й Уральский полк у деревни Паньдяпуцзы и, заставив его отойти на север, вышел в тыл Сыфантая.

Около 10 часов утра группа генерала Грекова в составе 1-го Читинского полка, 3 сотен Терско-Кубанского полка и 20-й конной батареи после непрекращающихся яростных атак японской пехоты была сбита с занимаемых позиций и, преследуемая противником, тоже отошла на север, в район Пандяпуцзы.

Колонны противника продолжали свое движение в обход Сыфантая, сворачивая на северо-восток и восток, а общая численность колонн, отвернувших к западу и юго-западу, достигла полевой дивизии. Это около 11 тысяч (без учета кавалерии, инженерных, обозных частей) закаленных в боях под Порт-Артуром солдат и 24 орудия дивизионного артиллерийского полка.

К 8 часам 30 минутам передовые сотни генерала Павлова развернулись на рубеже Хаупинуай — Яудиопа, а резерв оставался за Сыфантайской позицией.

В 3 часа дня превосходящие силы японцев обрушились на казаков отряда генерала Павлова, имевшего в своем составе 5 сотен 1-го Верхне-

удинского, 2 сотни 4-го Уральского и 1 сотню 5-го Уральского казачьих полков, которые, по словам А.И. Деникина, «...сцепившись с наступающей с фронта японской дивизией, медленно, с боем отходили к Сыфантаю».

1-м Верхнеудинским полком в этих боях командовал коренной забайкалец, войсковой старшина Перфильев.

Сыфантай имел большое тактическое значение как правофланговый опорный пункт, прикрывающий правый фланг 2-й Русской армии, поэтому японцы стремились как можно быстрее захватить его.

В бою под Сыфантаем великолепно действовала казачья артиллерия. 1-я и 4-я Забайкальская казачья батареи и одна полевая открыли сильный огонь по наступающим на открытой местности японским войскам, нанося им «громадные потери», — как отмечалось в реляции Урало-Забайкальской дивизии.

Участник тех событий А.И. Деникин, непосредственно находившийся на наблюдательном пункте командира артиллерийского дивизиона полковника Гаврилова под огнем японских шимоз, так описал впоследствии этот бой: «Мы были в полуокружении: с запада в двух километрах от нас текли безостановочно на север японские колонны, с юга японская дивизия несколько раз пыталась атаковать нас, местами подойдя на 300—400 шагов до наших цепей... Впоследствии я ознакомился с выдержкой из японских источников, в которых было донесение этого начальника дивизии: по его словам, огонь русской артиллерии был настолько силен и потери его дивизии настолько велики, что поднять свои цепи в атаку он не мог».

Казаки-артиллеристы и их командир полковник Гаврилов мастерски вели стрельбу. «Я с искренним восхищением наблюдал за его артистической стрельбой, буквально косившей японские цепи», — писал о Гаврилове А.И. Деникин.

Разведчики-наблюдатели казаки Петухов и Патрин умело отыскивали цели, расстреливаемые огнем трех русских батарей. Быстро и сноровисто действовали казачьи расчеты, поддерживая высокий темп стрельбы под разрывами японских снарядов.

Благодаря огню русской артиллерии дальнейшее наступление противника на этом направлении было остановлено. В течение дня 16 февраля японцы трижды безуспешно атаковали Сыфантай. В ночь на 17 февраля забайкальские, уральские казаки, пехотинцы 215-го Бузулукского (четыре батальона) и четыре других батальона из состава резерва командующего 2-й армией и командира сводностреляющего корпуса организованно отошли на другую позицию, оставив Сыфантай по приказу штаба армии.

Из всех кавалерийских частей, находящихся на правом фланге 2-й армии, «только у Сыфантая русской конницей удалось задержать 9-ю

японскую дивизию и помешать ей овладеть этой деревней к намеченному сроку»...

Несмотря на героическое сопротивление казаков и пехоты у Сыфантая, к полудню 16 февраля передовые части 3-й японской армии вышли в тыл русского расположения, а к вечеру передовые части конницы генерала Тамура достигли деревни Синминтин. Обозначился охват правого фланга русских войск и создалась угроза тылу 2-й армии.

До 16 февраля русское командование еще не могло определить масштаб наступательной операции японцев. В какой-то мере это сделал генерал Греков, сообщивший о наступлении в русский тыл 2 японских дивизий.

Командующий Маньчжурской армией не сумел воспользоваться затишьем, создавшимся на своем левом фланге, и организовать контрудар силами 1-й и 2-й армий по обходящей армии М. Ноги. Все его меры, принятые в срочном порядке, заключались в создании очередного заслона на пути движения дивизий противника к городу Синминтин. Для этого был образован сводный корпус, под командованием командира 16-го корпуса Д.А. Топорнина. Непосредственное руководство русской группировкой в 72 батальона и конницей Грекова возлагалось на А.В. Каульбарса, а во главе оставшихся войск 2-й армии был поставлен генерал фон дер Лауниц М.В.

Для противодействия продвижения армии М. Ноги на Силинпу предполагалось собрать всю конницу генерала Грекова с приданной ей бригадой драгун генерала Степанова, но из-за задержки отрядов генерала Павлова и Эйхгольца, привязанных к обойденному флангу 2-й армии у Сыфантая, это удалось сделать наполовину.

К вечеру 16 февраля на пути движения колонн японцев стали отряд Грекова и драгунская бригада Степанова.

К этому же времени к Каулитуню прибыла усиленная бригада под командованием генерала А.К. Биргера из состава 16-го корпуса. Ее казачий разъезд обнаружил в окрестностях Синминтина кавалерийские разъезды японцев.

Конные отряды Павлова и Эйхгольца, после ухода из Сыфантая, совместной колонной двинулись на соединение с отрядом Грекова и к 11 часам вечера остановились на ночлег у деревни Сатхайцза.

Перед оставлением Сыфантая и отходом на северо-восток генерал Павлов выслал два офицерских разъезда для глубокой разведки противника.

Разъезд 1-го Верхнеудинского полка в 20 казаков, под командованием подпоручика Неклюдова, прорвался, пользуясь темнотой, через линию японского сторожевого охранения между деревнями Сандяопа и Пиндяопа, прошел по тылам противника 12 верст до деревни Убаньюла и установил, что вся линия Матюенза — Тахуанчипу занята японцами, а по

дороге Убаньюла — Тахуанчипу двигались артиллерия и обозы. В ходе разведки забайкальцы атаковали японский обоз и зарубили в бою 9 человек. К утру 17 февраля присоединились к отряду.

Утром 17 февраля отряд Павлова продолжил движение на север, имея единственную цель — соединиться с конницей Грекова. Этот марш вошел в историю Русско-японской войны как пример медлительности передвижения кавалерии. Выступив в 7 часов утра после ночлега у Сатхайза, отряд генерала Павлова в составе 10 сотен и 6 орудий 1-й Забайкальской казачьей батареи к 12 часам дня достиг деревни Падиентай. На преодоление расстояния в 8 верст он затратил 5 часов, то есть совершая движение со скоростью 1,6 версты в час. Пехота противника, также совершая марш на север, опередила отряд и отрезала ему путь к отряду генерала Грекова, для соединения с которым требовалось только одно условие — скорость движения.

Прибыв в Айдяпу и заняв позицию спешенными сотнями, отряд огнем 1-й Забайкальской казачьей батареи и винтовок казаков остановил продвижение в этом направлении 4 японских рот, нанеся им большие потери.

В этот же день последовало распоряжение генерала Каульбарса о назначении начальником конницы южной части 2-й армии генерал-майора Толмачева и выделения ему из состава отряда Павлова 8 сотен, 2 сотни и 1-ю Забайкальскую казачью батарею передали позже.

Задачи разведки противника и охраны, которые выполнял отряд Павлова на правом фланге сводного стрелкового корпуса, были возложены на 8 сотен Кавказской бригады и 1 артиллерийскую батарею. О каких-то активных действиях этими силами не могло быть и речи. В конечном итоге их передали в подчинение генерала Толмачева. При постановке задачи ему указывалось: «...оставаясь на правом берегу Хуньхэ, освещать местность со стороны охвата противника, направляя разведку к северу».

17 февраля на казаков Грекова и драгун Степанова была возложена задача: выяснить, какие силы противника сосредоточились у Синминтина и откуда подходят к нему резервы; куда двигаются японские войска — к Телину или Мукдену.

Выполняя ее, генерал Греков приказал 5-му Уральскому казачьему полку «следить» за головными частями японских колонн, следующих на север; Черниговским драгунам — переправиться на правый берег Ляохэ, где уже действовали 2 сотни 1-го Читинского казачьего полка; оставшимся силам двинуться на Ибатунь (Иватхай) и тоже переправиться на правый берег Ляохэ.

Это решение отвечало обстановке и позволяло, в случае успеха, вести активные боевые действия конницы в японском тылу, парализуя систему обеспечения японских войск на их коммуникациях; осуществлять

своевременное оповещение русского командования о подходящих резервах противника.

Однако при выполнении принятого решения генерал Греков не проявил настойчивости, действовал пассивно, медленно, в результате хорошее решение не было претворено в жизнь.

5-й Уральский казачий полк свою задачу выполнил. К вечеру подошел к Чиндуйцзы и вошел в соприкосновение с противником, став впереди головной колонны японцев.

Черниговские драгуны переправились через Ляохэ только вечером 17 февраля.

Остальные части отряда Грекова не успели продвинуться в северо-западном направлении из-за медлительности действий, чтобы опередить японскую пехоту, хотя находились севернее ее. Поэтому они двинулись на север, к Ляояну, рассчитывая выйти к Ляохэ по Мукден-Синминтинской дороге для переправы в расположение бригады генерала Биргера. Однако, получив сведения от китайцев, что Синминтин занят японской кавалерией силой до 700 сабель и что пехотная колонна, следовавшая вдоль левого берега Ляохэ, свернула у Иватхая на восток, генерал Греков, на основании этих непроверенных данных, решил остаться на левом берегу реки, у Сандиопа, куда прибыл к вечеру 17 февраля.

Только один разъезд 1-го Читинского казачьего полка подъесаула Шимера проявил выдержку и хладнокровие, проник за плотные боевые порядки передовых японских частей и обнаружил выдвигавшуюся к Салину японскую дивизию, о чем было доложено в штаб армии.

На основании этого доклада у русского командования сложилось представление об охвате Мукдена только дивизией, наступавшей на Салину. Однако, как потом оказалось, силы противника на этом участке фронта были гораздо значительнее. В течение 17 февраля армия Ноги продолжала продвигаться к железнодорожным сообщениям русских.

2-я японская армия, благодаря успеху 3-й армии Ноги, наступала, заходя своим левым флангом, в соответствии с общим планом окружения русских войск под Мукденом; 4-я армия японцев наступала фронтально; 5-я и 1-я армии наступали, охватывая левый фланг Русской армии.

Просчеты Куропаткина способствовали их успеху.

3-я армия Ноги двумя дивизиями, отворачивая на восток, развернула наступление на фронте Салимпу — Мадяпу.

К утру 18 февраля части забайкальских казаков, в составе конницы 2-й армии, располагались следующим образом: 1-я и 3-я сотни 1-го Читинского полка, под командованием подъесаула Мамонтова, вели разведку на правом берегу реки Ляохэ; 3 сотни составляли резерв отряда генерала Грекова и находились в деревне Шендиопа; одна сотня обеспечивала летучую почту; 5 сотен 1-го Верхнеудинского полка, 1-я и 4-я За-

байкальские казачьи батареи, вошедшие в отряд Толмачева, располагались частью у Айдяпу, частью — на левом берегу Хуньхэ, у Саованчипу.

В течение 18 февраля казачьи сотни забайкальцев вели разведку, охраняли фланги выдвигающихся и обороняющихся частей, а 4-я Забайкальская батарея вела бой совместно с артиллерией отряда генерала Голембатовского.

Конница Грекова бездействовала — 20 сотен и эскадронов, 6 орудий — никакой помощи обороняющимся русским войскам не оказали и, не имея соприкосновения с противником, ушли на северо-восток. Указав в донесении, что в тылу русских войск наблюдается движение колонн противника к востоку, генерал Греков никаких больше мер не принял.

Конница генерала Толмачева взаимодействовала с отрядом генерала фон-дер Лауница М. В., прикрывавшего авангардами Сухэдяпу, выставленными на обоих берегах Хуньхэ. Самостоятельных действий не вела, пассивно наблюдая за развитием событий. В бездействии оставались 19 сотен и 12 орудий. Для разведки были выделены малые урядниче-ские разъезды. В донесении генерал Толмачев указал, что в течение дня «один мой разъезд видел, что японцы идут тремя колоннами», на этом его роль в разведке противника ограничивалась. Меры по уточнению полученных разведданных не принимались, в результате конница генерала Толмачева, не отрываясь от пехоты, в этот день просмотрела занятие японцами Цантаопу, а к ночи — Сухэдяпу в тылу отряда генерала Иванова, в районе Иноэрпу, Туэмпу, Тотай. В течение дня 6 сотен были высланы в распоряжение генерала Каульбарса.

19 февраля русским командованием были предприняты попытки остановить продвижение дивизий армии Ноги к Мукдену, однако разрозненные, не согласованные действия разбросанных по всему фронту русских отрядов успеха не имели. Даже там, где наметился успех, например у деревни Салинпу, вмешавшийся в ход боя 16-го корпуса генерала Д.А. Топорнина прибывший на поле сражения генерал А.В. Каульбарс прекратил наступление и дал команду отойти.

Колонна генерала А.К. Биргера, совершавшая марш к Мукдену по Синминтинской дороге, была принята им, из-за незнания обстановки, за японскую дивизию, идущую к Салинпу.

И это происходило тогда, когда десятки казачьих сотен и эскадронов драгун бездействовали, вместо того чтобы обеспечить командование разведывательными данными о положении противника и своих войск. Задачи, поставленные коннице, не отвечали сложившейся обстановке.

Планируемое на 19 февраля Куропаткиным наступление основной массы войск на армию М. Ноги не состоялось. Сосредоточить более 112 батальонов и 360 орудий к этому сроку не удалось.

19 февраля отряд генерала Грекова вел разведку силами 2 сотен 1-го Читинского полка и 4 эскадронами Черниговских драгун на правом бе-

регу Ляохэ. Несмотря на то что все японские войска ушли на восток, к Мукдену, и перед отрядом была полоса местности, совершенно свободной от значительных сил противника, принятое целесообразное решение — ударить по тылам японцев — без видимых причин осуществлено не было. Мелкие шайки хунхузов и японские разъезды не могли оказать серьезного сопротивления казакам в исполнении задуманного.

К вечеру отряд Грекова, отказавшись от рейда по тылам противника, отошел к Мукдену и расположился на фланге противника.

Конный отряд генерала Толмачева в этот день переправился через Хуньхэ на правый берег и в течение всего светлого времени оставался при отряде генерал-лейтенанта Ф.К. Гершельмана у Мадяпу, высылая разъезды «для розыска противника». Ночью опять ушел за реку в деревню Ланьца, где и заночевал.

1-я и 4-я казачьи батареи заняли огневые позиции между деревнями Сяосатоза и Мадяпу.

В реляции Урало-Забайкальской дивизии указывалось, что «вся конница в качестве разъездов работала на фронте, оставаясь там даже после того, как сплошные линии наших и японских войск сходились на орудийный выстрел».

С началом наступления японцев обе казачьи батареи вели огонь в направлении Таюшупу и Цхаодятун, доставляя много хлопот японской артиллерии и пехоте своим метким огнем с закрытых огневых позиций. Противник пытался подавить батареи, сосредоточив по ним огонь 4 батарей сразу: серии в 24 снаряда рвались вокруг их позиций. Казаки-артиллеристы участвовали в бою весь день и только с наступлением темноты отошли на ночлег. Во время этого боя казачьи разъезды смело бросались на японских драгун в шашки, мешая им проводить рекогносцировку наших позиций.

20 февраля были сформированы 3 колонны (А.А. Гернгросса, Д.А. Топорнина и К.В. Церпицкого), объединившие 12 наспех созданных из различных полков отрядов.

Куропаткин планировал оттеснить войска 3-й армии японцев и закрепиться на рубеже Ламуху, Мадяпу. Удар наносился разновременно. Первой переходила в наступление группа Гернгросса и, в зависимости от ее успеха, последовательно вводились в бой колонны Топорнина и Церпицкого в направлении на Улинпу.

После артиллерийской подготовки войска Гернгросса перешли в наступление. После захвата нескольких укрепленных деревень и позиций дальнейшее продвижение русских войск было приостановлено японцами, которые воспользовались нерешительностью русского командования, не сумевшего вовремя поддержать успешные действия на остальных участках, подтянули свои пехотные части. Значительная часть русской артиллерии в это время бездействовала.

В ночь с 19 на 20 февраля 1-я и 4-я Забайкальские казачьи батареи убыли в отряд генерала Церпицкого и в составе группировки русской артиллерии участвовали в артиллерийской подготовке атаки. Во время энергичных контратак японцев 1-я Забайкальская казачья батарея под ураганным ружейно-артиллерийским огнем выдвинулась на огневые позиции к русским цепям и своим шрапнельным огнем помогла пехоте остановить противника.

Во время этого сражения конница 2-й армии, или, как ее называли, «Западная конница», как всегда бездействовала, пассивно охраняя фланги.

Отряд Грекова, кроме того, прикрывал дороги на север, по которым никто не собирался идти. Вопреки приказу Каульбарса — «продолжать выполнение поставленной задачи в тылу и по флангам противника», — кавалерия выполняла задачи охранения, не осуществив даже попытки потревожить японские тылы.

Очередная возможность выйти в тыл скованным с фронта войскам 3-й армии М. Ноги была упущена бездарными генералами, руководившими конницей.

11 сотен отряда Толмачева также не сдвинулись с места, находясь в 5 верстах от поля боя.

21 февраля наступление русских войск возобновилось. В бой был введен отряд полковника Л.В. Леша, который овладел деревней Цуанванче и готовился перейти в наступление на Ташичао. Из-за отсутствия четкого руководства войска 2-й Русской армии не поддержали совместные атаки отрядов Леша, Л.Э. Витте, В. Запольского, пытавшихся развить успех. Японцы, подтянув в этот район части 9-й и 1-й пехотных дивизий, отбили все атаки.

Одной из причин плохого руководства было незнание противника и, как отмечал историк И.И. Ростунов, «...недостаточное количество разведывательных групп не лучшим образом сказывалось на сведениях, поступавших о силах и направлении движения обходящих колонн Ноги».

Разведывательных групп не хватало, а в это время конница бездействовала, по-прежнему выполняя задачи сторожевого охранения.

5 сотен 1-го Читинского полка занимали позиции на рубеже Бугецзыво — Сяодяфан (Синдяфан), на протяжении 19 верст, то есть фронтом на запад к Ляохэ, а к ночи заняла линию сторожевого охранения от Лидиофана до Бугецзыво, протяженностью в 18 верст.

Одна сотня этого полка обеспечивала летучую почту.

Конницей Толмачева с 21 февраля стал командовать князь Орбелиани, которым были высланы две сотни 1-го Верхнеудинского полка под командованием генерала Павлова для ведения разведки перед фронтом отряда генерала К.В. Церпицкого в направлении Лингояпу — Линмисанза. Выдвинувшись к деревне Лугунтунь, сотни были обстреляны японской артиллерией, а подойдя к деревне Линмисанзы, наблюдали огонь

нашей артиллерии по этой деревне. Зажатые между русским и японским фронтами, сотни Павлова, обстреливаемые постоянно японской артиллерией, так ничего толком выяснить не могли и действовали, как пехота.

Отряд генерал-майора Орбелиани в течение нескольких часов (с 8.00 до 14.00) получил шесть отменяющих одно другое приказаний штаба 2-й армии, но ни одного такого, который бы заставил кавалерию действовать активно.

Преимущества конницы по-прежнему не использовались. Впрочем, решение генерала Грекова — прикрыть спешенными казаками путь противнику к Телину, а не действовать активно в тылу измотанных постоянными боями японских частей — соответствовало взглядам командующего 2-й армией генерала Каульбарса. Последний поблагодарил казаков за «настойчивую разведку, выяснившую обход японских колонн к Мукдену со стороны реки Ляохэ» и поставил задачу: «...поддерживать тесную связь с пехотой, расположенной впереди станции Хушитай, и препятствовать распространению небольших отрядов противника к северу».

Скованный такой постановкой вопроса, генерал Греков не пытался проявить инициативу, которая в той войне расценивалась как непослушание.

В течение двух следующих дней конница выполняла задачи пассивного охранения путей на север, не проявляя даже при такой незначительной задаче должного усердия.

Небольшие японские отряды захватывали перед фронтом Грекова близлежащие деревни — никто им в этом не препятствовал.

Положение на правом фланге Русской армии ухудшилось из-за неудавшихся попыток 21 февраля продолжить наступление.

Вечером 22 февраля генерал Каульбарс приказал прекратить наступление и перейти к обороне. Армия Ноги, усиленная резервами, продолжала продвигаться в тыл Русской армии, но делала это нерешительно и слишком медленно.

На 22 и 23 февраля конница 2-й армии задачу не получила, и генерал Греков, продолжая выполнять ранее отданные распоряжения генералом Каульбарсом, «избегал лишних потерь». Находившиеся в сторожевом охранении сотни 1-го Читинского полка вели бой с мелкими подразделениями противника, вяло наступающими на казаков.

Тем не менее японцы постепенно продвигались на север, охватывая правый фланг отряда Грекова. Читинцы медленно отходили и к вечеру 22 февраля находились на рубеже Бугэцзыво — Синлупай, протяженностью в 14 верст, прикрывая путь к Телину. Им на помощь были высланы два эскадрона 52-го драгунского Нежинского полка.

Отряд генерала Павлова, в составе 2 сотен 1-го Верхнеудинского полка и 4 сотен 4-го Уральского полка, прикрывал ближайшие подступы к Мукдену с севера у станции Унгентунь.

К вечеру отряд Павлова и генерала Орбелиани объединились и сосредоточились у деревни Цуэртунь, под общим руководством Орбелиани.

На западном фронте японцы начали более решительные действия.

С утра 22 февраля артиллерийская перестрелка распространилась по всему его фронту. 1-я и 7-я японские дивизии перешли в наступление на отряды В. Запольского и Л.В. Леша. До 17 часов длился обстрел русских позиций, с трудом удерживаемых пехотой. После артиллерийской подготовки японцы перешли в атаку и захватили ряд деревень. Упорные бои развернулись у деревни Юхуантунь, на участке сводного корпуса генерала Д.А. Топорнина, против которого действовала бригада Намбу из состава 3-й дивизии Ошима. 5-я, 8-я и бригада 3-й дивизии атаковали отряды К.В. Церпицкого и Ф.К. Гершельмана. Другая бригада 3-й дивизии, бригада Намбу, атаковала деревню Юхуантунь, которую генерал Куропаткин называл ключом позиции. После яростных атак японцы взяли ее.

Разгорелись ожесточенные бои за эту неприметную деревню из нескольких фанз. В конечном итоге, сосредоточив огромные силы против одной бригады, русские вернули Юхуантунь ценой больших жертв.

Если русское командование считало эту деревню ключом, то японское командование, вероятно, представляло ее как ловушку для русских войск, в которую попались 35 батальонов, связанные боем с одной бригадой и снятые с других участков западного фронта.

Преувеличив значение этой позиции у Юхуантуня и стянув сюда большие силы, русские позволили японцам отбросить авангард Гернгросса на северном участке фронта. Это способствовало успешному продвижению 3-й армии в обход русских позиций, отрезая пути отступления противника к Мукдену.

Учитывая сложившуюся обстановку, А.Н. Куропаткин принял решение сократить фронт, и 23 февраля 3-я и 1-я армии русских отошли к реке Хуньхэ, что позволило выделить часть сил на северный участок фронта, где решался исход сражения.

23 февраля противник атаковал отряд Грекова мелкими группами, но все попытки их продвинуться вперед успеха не имели.

В течение 24 февраля отряд Грекова сам перешел в наступление и потеснил передовые части отряда Акиямы.

Казачьи разъезды вошли у деревни Ядычан в связь с разъездами генерала Орбелиани. Разъезд 1-го Читинского казачьего полка в 20 казаков, указывал в донесении генерал Греков, атаковал японский разъезд в 20 всадников и захватил в плен одного вахмистра и 6 рядовых 14-го конного полка. Пленные подтвердили, что «против нас на фланге японских войск действует отряд Акиямы в составе 3,6,9,14-го конных полков и 4—5 пеших батальонов».

Авангард конного отряда генерала Орбелиани, в составе 3 сотен 1-го Верхнеудинского полка, вышел к станции Хушитай, обнаружив своими разъездами противника на рубеже Уансытунь — Сансиотунь.

К вечеру 24 февраля отряд генерала Грекова сосредоточился у деревни Таушу, имея передовые части на рубеже Бугэцзыво — Индяопа — Ланаутунь — Ядычан, а на правом берегу Ляохэ от Бугэцзыво до Факумыня — 5 сотен Уссурийского казачьего полка.

Конный отряд Орбелиани находился в это время у разъезда № 96, в деревне Санчинпу, выслав разъезды на запад, на рубеж Ядычан — Сесинтунь.

В полдень 24 февраля 1-я японская армия прорвала фронт обороны 1-й Русской армии в районе Киузань и, не видя перспективы дальнейшей борьбы под Мукденом, в ночь на 25 февраля Куропаткин отдал приказ на отход к Телину.

В этот день оба отряда Западной конницы соединились. 25 февраля в командование Урало-Забайкальской дивизией вступил генерал Мищенко. После этого, ведя непрерывно бои, «конный отряд Мищенко, сдерживая наступление японцев, охранял правый фланг Маньчжурской армии».

Утром 26 февраля 3-я и 1-я японские армии сомкнулись у Пухэ, отрезав некоторые части русских войск и обозы, которые не успели пройти. Однако основная масса русских армий была вне опасности.

Находившийся на месте событий А.И. Деникин, наблюдавший финал Мукденской драмы, напишет потом: «Одни части пробивались с боем, сохраняя порядок, другие — расстроенные, дезориентированные — сновали по полю взад и вперед, натыкаясь на огонь японцев. Отдельные люди, то собираясь в группы, то вновь разбегаясь, беспомощно искали выход из мертвой петли. Наши разъезды служили для многих маяком... А все поле, насколько видно было глазу, усеяно было мчавшимися в разных направлениях повозками обоза, лазаретными фургонами, лошадьми без всадников, брошенными зарядными ящиками и грудами развороченного валявшегося багажа, даже из обоза главнокомандующего... Первый раз за время войны я видел панику»,

26 февраля головы русских колонн к вечеру начали подходить к Телину, а к 28 февраля 2-я и 1-я армии заняли позиции вдоль реки Чайхэ, 3-я армия была отведена в резерв.

В последние дни боев под Мукденом сложилась благоприятная обстановка для выхода Западной конницы в тыл наступающего противника. Казаки готовы были пройтись по растянутым тылам японцев, но на это не могли решиться их начальники.

В итоге казачьи полки в боях под Мукденом существенной роли не сыграли. Главной причиной этому было не качество войск, как об этом кричали на всех углах критики казачества, а неумелое их применение. «Хороших рук» для казаков не нашлось.

Казачьи полки дробились, распределялись по различным отрядам, как, например, Урало-Забайкальская бригада Мищенко; получали начальников, порой далеких от командования кавалерией, и тем более казачьей.

В том же конном отряде генерала Мищенко в начале 1905 года в течение 41 дня поменялось 11 начальников, при этом были случаи назначения на должности сразу двух человек, никогда до этого не участвующих в боях. Генерал Ренненкампф то принимал конный отряд, то снова сдавал его.

Задачи казакам ставились шаблонно, в неопределенных формах: «коннице развернуться на линии... повести разведку в направлении... разведать силы и расположение у... и с началом боя отойти за такой-то фланг». Иногда в приказе проскальзывало: «...раскрыть намерения противника». Вместо приказа — «атаковать в конном строю...» — все чаще стали поступать распоряжения: «...коннице занять позицию...» или «коннице охранять» такой-то фланг, такое-то направление.

Попав в руки такого начальника, как генерал Штакельберг, казачьи командиры не знали, что делать. Хрестоматийным примером бессмысленного использования казаков стало распоряжение его на действие в сторожевом охранении среди бескрайних гаоляновых полей Сеньюченской равнины в период Ляоянских боев.

«Пусть спешатся», — писал генерал Штакельберг генералу Самсонову на представлении его по поводу невозможности нести сторожевую службу в гаоляне, в котором ничего не видно, не слышно, а движение возможно только по дорогам.

Ни в одном бою под Мукденом все силы забайкальской конницы не участвовали, ни одна колонна противника, обходящая правый фланг 2-й армии, не была атакована. Мелкие стычки разъездов и сотен с такими же подразделениями противника — вот удел казачьей конницы в тех боях. Когда одна группа конницы была прижата к правому флангу сводно-стрелкового корпуса, другая, нависнув над тылами армии М. Ноги, могла существенно повлиять на исход Мукденского сражения. Главные преимущества конницы — быстрота, внезапность, наступательность — не были использованы осторожными и нерешительными начальниками, типа генерала Грекова или приверженца оборонительных действий генерала Каульбарса.

По этому поводу А.И. Деникин в своих воспоминаниях о Русско-японской войне отметил: «После отъезда Ренненкампфа руководимая последовательно тремя бесталанными генералами, получившая от всех инстанций разноречивые приказания, раздергиваемая по частям, так что к концу сражения полки наши оказались в девяти местах, Западная конница распалась, не сыграв своей решительной роли в самый роковой и ответственный момент. В ее судьбе, как в зеркале, отражается тот хаос, который воцарился на фронте 2-й армии».

В то время как пехота истекала кровью, кавалерия бездействовала.

Из всех потерь Русской армии в Мукденском сражении 97 % пришлось на пехоту и только 0,1 % — на конницу.

С 14 по 25 февраля все 8 полков и 3 батареи Западной конницы потеряли всего 5 офицеров, 73 казака и драгуна, а отряд Грекова — 2 офицера и 27 нижних чинов.

Потери забайкальских казаков за это же время составили:

Части	Офицеры					Казаки				
	убито	ранено	контужено	пропало без вести	всего	убито	ранено	контужено	пропало без вести	всего
1-й Верхнеудинский полк	—	1	—	—	1	1	8	—	—	9
1-й Читинский полк	—	—	—	—	—	1	5	—	1	7
1-я Забайкальская казачья батарея	—	—	—	—	—	—	2	—	1	3
4-я Забайкальская казачья батарея	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого:	—	1	—	—	1	2	15	—	2	19

Из данных, приведенных в таблице, видно, что если общую укомплектованность двух казачьих полков, вошедших в Западную конницу, принять за ту, которая была указана ранее, т.е. 44 офицера и 1234 казака, то в процентном отношении потери забайкальцев составят: по офицерам — 0,25 %, а по казакам — 1,28 %. Такие низкие потери явились результатом того, что в решительных боевых действиях казаки не использовались. «Одна мощная атака массы конницы, пусть и при больших поте-

рях, — как справедливо заметил штабс-капитан генерального штаба Голевский, описавший и проанализировавший действия кавалерии на правом фланге Маньчжурской армии, — принесла бы Русской армии больше пользы и славы, чем сохраненные полки при позоре поражения».

Казаки мужественно и самоотверженно выполнили свой долг, смело шли в бой, о чем свидетельствуют подвиги разъезда подпоручика 1-го Верхнеудинского полка Неклюдова, атаковавшего японский эскадрон и зарубившего 9 драгун; разъезда 1-го Читинского полка, уничтожившего в бою несколько солдат противника и взявшего в плен 7 японских кавалеристов; разъездов подъесаула Шимера 1-го Читинского полка, прорвавшихся в разведке к главным силам обходящих колонн противника и доставивших важные сведения русскому командованию; коллективный подвиг сотни казаков 1-го Верхнеудинского полка, стойко оборонявших в течение дня деревню Ашенюлу; умелые и смелые действия казаков-артиллеристов 1-й и 4-й Забайкальских батарей, наносивших противнику своим огнем большие потери.

Однако эти подвиги небольших казачьих подразделений не повлияли на общую обстановку, сложившуюся на правом фланге 2-й Русской армии.

Использование казачьей конницы под Мукденом наглядно показало, что даже отчаянно-смелые, храбрые воины в руках бездарных начальников мало что могут сделать для Отечества.

Другие части Забайкальского казачьего войска действовали на левом фланге Маньчжурской армии в Цинхэченском отряде, в командование которым 11 февраля вступил генерал Ренненкампф, сдавший начальство над армейской конницей 2-й армии генералу Грекову. В состав отряда вошли: 1-й Аргунский, 2-й Нерчинский, 2-й Читинский казачьи полки, 5-й Забайкальский пеший казачий батальон, объединившиеся в 71-ю пехотную Забайкальскую казачью дивизию, которая вместе со Сводно-Сибирской пехотной и 26-й кавалерийской бригадой вели упорные бои на Тюпентайской позиции.

Сначала отряд занимал оборону у деревни Цинхэчен. В ночь на 5 февраля две дивизии 5-й японской армии генерала Кавамуры повели демонстрационные наступательные действия на передовые части отряда с целью отвлечь значительные силы русских от 3-й японской армии М. Ноги. Армии Кавамуры оказывали поддержку правофланговые части 1-й армии Куроки.

Потеснив в течение нескольких дней войска, обороняющиеся у Цинхэчена, 10 февраля, в снежную вьюгу, вся 5-я японская армия перешла в наступление. Начались яростные атаки японской пехоты против тактического ключа обороны — Бересаевской сопки. 11-го февраля, получив приказание от маршала Ойямы пробиться к Фушуну, после ряда фанатичных атак, сопровождавшихся криками «берегись, артурцы идут!», японцы захватывают сопку.

Одновременно 1-я армия Куроки атаковала левый фланг 1-й армии Линевича.

К 14 февраля Цинхэченский отряд с тяжелыми боями отошел на рубеж Тюпентай — Кудяза.

Русское командование стало стягивать на это направление резервы, ослабляя свой правый фланг, где вскоре начались главные события Мукденского сражения.

Однако все попытки японских войск — продолжить наступление и прорваться в долину реки Хуньхэ — были пресечены частями Ренненкампфа на Тюпентайских позициях.

В середине февраля атаки противника на левом фланге 1-й Русской армии были приостановлены. Лишенная возможности охватить этот фланг и продвинуться на Фушун, армия Кавамуры до 23 февраля топталась на месте.

К утру 23 февраля 1-я и 3-я русские армии по приказу Куропаткина, принявшего решение — сократить фронт обороны Маньчжурской армии, отошли к реке Хуньхэ, а после прорыва японцев у Киузаня отошли на Телинские позиции и к 28 февраля заняли Сыпингайские позиции.

Отряд генерала Мищенко обеспечивал правый фланг 2-й армии, а отряд Ренненкампфа — левый фланг 1-й армии.

Цинхэченский отряд П.К. Ренненкампфа действовал в гористой местности в пешем порядке. Конные полки прикрывали фланги и как кавалерийские части в бою не применялись.

Наибольшие потери понес 5-й Забайкальский казачий батальон 5-сотенного состава, занимавший позиции совместно с пехотными частями. Его потери составили: 2 офицера и 45 казаков убитыми, 5 офицеров и 217 казаков ранеными.

1-й Аргунский, 2-й Нерчинский и 2-й Читинский казачьи полки за 20 дней Мукденского сражения потери имели мизерные: 5 казаков убиты и 37 ранены; 3 казака пропали без вести.

Поставленную задачу — не допустить японцев в долину реки Хуньхэ и обойти левый фланг 1-й армии — отряд выполнил.

Русские армии покинули Южную Маньчжурию, но разбиты не были. Несмотря на успех под Мукденом, окружить и уничтожить их, как планировало японское командование, не удалось. Отступив на Сыпингайские позиции, они не только восстановили боеспособность, но и значительно пополнили свои войска.

Общие потери русских убитыми, ранеными, пленными составили около 90 тысяч человек, японцев — 71 тысячу. Из указанного количества потерь в Русской армии насчитывалось 59 тысяч убитых и раненых, а у японцев — 70 059. Потери двух забайкальских казачьих отрядов — Мищенко и Ренненкампфа — исчислялись в 335 человек, из них убито 2 офицера и 52 казака, ранены 6 офицеров и 269 казаков, пропали без вести 6 казаков.

11. Набег на Факумынь и окончание войны

На фронте установилось затишье, но не для казаков. Конные отряды Мищенко и Ренненкампфа, имея главную задачу по охране флангов своих армий, проводили глубокую разведку расположения противника, совершали рейды в его тыл. По словам А.И. Деникина, начальника штаба Урало-Забайкальской дивизии: «Конный отряд, начиная с 10 марта и по 1 июля (даты приведены по новому стилю. — *Н. С.*), был в постоянных боях. Девять раз мы ударяли по флангу и тылу расположения армии Ноги...» В приказе Ставки в обязанности генерала Мищенко вменялось производить такие набеги на японцев, «чтобы своевременно раскрыть обход противником нашего фланга».

17 марта Забайкальское казачье войско отметило свое 54-летие. По случаю войскового праздника были проведены церковные парады. Казакам вручались знаки отличия военного ордена, благодарили их за службу, зачитывались поздравительные телеграммы от других казачьих войск, императора, военного министра, сановников и военачальников. На телеграмме, посланной царю по случаю праздника наказным атаманом войска генерал-лейтенантом Н.А. Холщевниковым, Николай II собственноручно написал: «Искренне благодарю славное Забайкальское войско». Во время представления императору войскового атамана Забайкальского казачьего войска генерала Хрещатинского он воздал похвалу забайкальцам в словах: «Молодое войско, а служит отлично, храбро». Об этом немедленно было сообщено в войско, что вызвало большой душевный подъем в казачьих рядах: тяжелый труд их был замечен и по достоинству оценен главою государства.

В конце марта 1905 года была проведена глубокая разведка г. Чантуфу. Во время ее, 23—24 марта, разъезды уральских и забайкальских казаков срезали провода почти на всем протяжении от Чантуфу до Цулюшу, лишив японское командование телефонной и телеграфной связи между указанными пунктами.

Однако эти разведки и диверсии незначительными силами конницы не устраивали русское командование. В начале мая генералу Мищенко было приказано произвести набег в тыл японской армии всем отрядом. Выполняя этот приказ, 4 мая 1905 года Мищенко, имея 45 сотен, 2 пулемета и 6 орудий, выступил в набег на Факумынь. Целью набега ставилось: «Перейти в тыл западной группы японских армий и задержать переход их в наступление, истребляя склады, транспорты и портя пути подвоза, в том числе, особенно железную дорогу...» Но в день выступления пришла телеграмма — Синминтинскую железную дорогу считать нейтральной и ее не трогать... «Нас поразила такая щепетильность в соблюдении нейтралитета Собственного Китая, — отмечал А.И. Деникин, — ког-

да японцы пользовались давно дорогой Инкоу — Синминтин, а после Мукдена она стала главной питательной артерией западной группы японских армий...»

По замыслу командования, набег должен был задержать наступление японцев, если такое готовится, в течение почти 3 недель, необходимых для прибытия из России пополнения. Отправляя конный отряд в тыл противника на такой срок, организаторы набега заведомо обрекали его на неуспех, ставя такую задачу. Как и в набеге на Инкоу, отряд пытались отяготить 18 орудиями 3 батарей, но в конце концов взяли по 2 орудия с каждой батареи и по 5 зарядных ящиков.

С первых дней набега начались бои с японцами, иногда внезапные. Так, 4 мая в окрестностях Кейпинча, где стояла 7-я пехотная дивизия, боковой авангард был обстрелян противником. Прикрываясь 2 спешенными сотнями, отряд пошел вперед, потеряв 8 казаков ранеными, которые остались в 150 шагах от стен китайской деревни Чаубаопы. Узнав об этом, Мищенко приказал забрать их любой ценой. Две сотни вернулись к деревне и вновь атаковали ее в пешем порядке. Сотник Чуприна с несколькими казаками, потеряв одного убитым и четверых ранеными, прорвался к лежащим после первого боя раненым казакам и вынес всех. Для казаков-забайкальцев, да и для других казачьих войск, вынос раненых с поля боя был не вопросом целесообразности, а делом чести. Казаку не простят в станице, если узнают, что он бросил своего товарища. Связанные тесными узами родства, быта, морали и в силу своей корпоративности, казаки имели совершенно другую психологию, чем крестьяне, одетые в серые шинели.

Среди забайкальцев считалось бесчестьем попасть в плен, поэтому они рисковали жизнью, чтобы избежать плена самому и спасти от него товарища. Вот почему и в этой войне, и в последующей среди забайкальцев пленных было меньше, чем в других казачьих войсках. По этой же причине, попав в плен, казак любыми путями стремился вырваться из него, независимо от места пребывания в плену. В Русской армии побег из плена считался доблестью.

В течение последующих 3 дней казаки нападали на мелкие подразделения японцев, сопровождающих обозы, захватывали и уничтожали склады. Не обнаружив передвижение противника на главной этапной дороге Синминтин — Факумынь, Мищенко направил 1-й Читинский полк за Ляохэ. Прорвавшись через линию сторожевого охранения, полк вышел на новую дорогу, по которой японцы осуществляли подвоз материальных средств. 7 мая 1-й Читинский полк, изрубив прикрытие, захватил огромный обоз, растянувшийся на 7 верст. Казаки собрали повозки в кучи и сожгли.

В этот же день отряд был обстрелян ружейно-артиллерийским огнем спереди (с востока), справа и частично слева. Попав в огневой мешок,

отряд повернул на юг и наткнулся на укрепленную деревню Цинсяйпао (Цинсяйчао), занятую японской пехотой с пулеметами. Хорунжий Е.Б. Арцишевский с 2 орудиями выдвинулся на 600 шагов к деревне и открыл беглый огонь прапнелью. Казаки спешились и под сильным огнем противника пошли в атаку. Японцы не выдержали и стали отходить. Часть сотен Урало-Забайкальской дивизии вскочила на коней и бросилась в преследование, а пешие сотни ворвались в деревню. «По полю неслись забайкальцы есаула Зыкова, подъесаула Чеславского, уральцы хорунжего Мартынова, врезались и рубились в японских рядах. Подъем был так велик, что не выдержали и поднялись в атаку вестовые, ординарцы и чины штаба», — так описал этот бой А.И. Деникин. За два часа были уничтожены 2 японские роты, 60 солдат попали в плен.

С боями захватили деревни Донсиза и Тасятунь (Таситунь). В деревне Тасятунь казаки взяли в плен 4 офицеров и 135 японских солдат, 2 пулемета.

В бою под деревней Таситунь казаки во многом обязаны дерзким действиям взвода 1-й Забайкальской батареи под командованием есаула А.И. Мищенко. Когда 2 пулемета открыли огонь по наступающей казачьей лаве, хорунжий Арцишевский с одним орудием этого взвода выскочил в казачью цепь, снял орудие с передков и несколькими снайперскими выстрелами уничтожил расчеты этих пулеметов, а потом, следуя за наступающими, поддерживал их огнем. 49-й пехотный полк японцев понес большие потери. Хорунжий Е.Б. Арцишевский за подвиг под Таситунью был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Не обнаружив никаких признаков готовящегося наступления японцев и нарушив снабжение японской армии на грунтовых дорогах к Факумыню, генерал Мищенко принял решение возвращаться обратно.

В результате майского набега было парализовано движение на двух транспортных дорогах, уничтожено несколько складов и 800 повозок с грузом, захвачено 200 лошадей, выведено из строя не менее 500 японских солдат и офицеров, взято в плен 234 человека, из них 5 офицеров. Выяснено расположение трех дивизий генерала Ноги.

Наши потери составили 14 офицеров и 187 казаков убитыми и ранеными.

Новый главнокомандующий Н.П. Линевич, сменивший А.Н. Куропаткина, поздравил казаков Мищенко с блестящей победой телеграммой: «Радуюсь и поздравляю генерала Мищенко и всех его казаков с полным и блестящим успехом. Лихой и отважный набег. Сейчас донес о нем государю».

Набег в район Факумынь не внес существенных изменений на Русско-японском фронте и серьезного значения на ход последующих событий не имел, однако он несколько поднял моральное состояние Русской армии, уставшей от постоянных поражений. «Картины бегущего и сдающегося в плен противника, — отмечал А.И. Деникин, — не слишком часто радовали нас на протяжении злополучной кампании...»

До 20 июня забайкальские казаки отрядов Мищенко и Ренненкампфа надежно охраняли фланги армии на Сыпингайских позициях, совершали дерзкие нападения на деревни, занятые японцами.

13 июня в бою под Ляоянвопой 23 эскадрона японских драгун генерала Акиямы двинулись на помощь своим войскам. Против них были брошены 10 сотен Урало-Забайкальской дивизии, которые с радостью помчались на развертывающихся для атаки в конном строю японских кавалеристов. Ни разу до этого японцы не пытались встретиться с казаками в открытом бою. Увидев мчащуюся на них казачью лаву, драгуны Акиямы не приняли атаки и, повернув назад, ушли за свою пехоту.

23 июня забайкальские и уральские казаки штурмом взяли под Санвайзой левофланговый опорный пункт противника. Забайкальская гвардия, как называли казаков 1-го Верхнеудинского и 1-го Читинского полков, закаленная в многочисленных боях и сражениях, шла в атаку в первой цепи при поддержке 1-й Забайкальской казачьей батареи. Японский батальон, оборонявший деревню, был почти полностью уничтожен. Этот бой стал последним в Русско-японской войне для двух лучших полков Забайкальского казачьего войска и прославленной на всю Маньчжурскую армию 1-й Забайкальской батареи, которая произвела свой последний 16 170-й выстрел в этой войне.

За время войны каждое орудие выпустило по противнику 2695 снарядов. 56 дней батарея вела бой, поменяв два комплекта стволов. Ни одного трофея не было оставлено противнику. Потери батареи составили: убиты — 1 офицер и 5 казаков; ранены — 3 офицера и 44 казака; лошадей убито — 32, ранено — 67. Батарея получила Знаков Отличия Военного ордена (Георгиевских крестов) 1-й степени — один, 2-й степени — два, 3-й степени — 15 и 4-й степени — 140. 1-ю степень под № 635 получил кандидат на командирскую должность Михаил Алексеев; 2-ю степень — вахмистр Владимир Деревцов и младший урядник Маркел Петухов; трижды Георгиевскими кавалерами стали вахмистр Владимир Деревцов, награжденный 4-, 3-й, и 2-й степенями ордена, и младший урядник Маркел Петухов. Все казаки, что имели 3-ю степень ордена, были награждены дважды. Батарея за войну награждена Знаком Отличия на головном уборе с надписью: «За отличие в войне с Японией 1904—1905 гг.», а 6 мая 1910 года пожалована именем шефа Его императорского высочества Наследника Цесаревича Великого Князя Алексея Николаевича — юного сына Николая II.

12 августа 1910 года император и императрица принимали в Петергофе депутацию батареи по случаю пожалования ей почетного имени. В нее входили: бывший командир батареи флигель-адъютант полковник Гаврилов, командир Забайкальского казачьего дивизиона полковник Ященов, командир батареи войсковой старшина Станкевич, младший офицер хорунжий князь Оболенский, вахмистр Комогорцев, старший урядн-

ник Маркел Петухов и трубач Будунов. Забайкальцы преподнесли наследнику Российского престола мундир 1-й Забайкальской казачьей батареи и подвели оседланного строевого коня. Николай II поблагодарил депутацию казаков и сказал: «Этот мундир будет служить вечной связью Наследника с батареей».

27 июля 1905 года в Портсмуте (США) открылась мирная конференция, которая 23 августа закончилась подписанием мирного договора.

Россия была сильна и могла победить в конечном итоге ослабленную войной Японию. Несмотря на ряд крупных успехов на суше и на море, эта островная страна оказалась на грани истощения. Россия находилась в ином положении, чем Япония. Военные ресурсы были громадны, моральный дух войск, прибывших из Европейской России на смену частей, состоящих из запасных солдат, не был сломлен поражениями, они готовы были сражаться дальше. Надвигающаяся революция спасла Японию от поражения, а России принесла неисчислимые страдания, позор преждевременного мира, лишившего ее части исторической территории и нанесшего непоправимый вред авторитету великой державы. За авантюру правительства сполна рассчитался российский народ своей национальной гордостью.

Только в результате разгрома японского милитаризма во Второй мировой войне наша страна вернула свои исконно русские земли — Сахалин и Курильские острова.

Жертвы сторон в Русско-японской войне были огромны. Россия потеряла около 270 тысяч человек, из них 50 тысяч убитыми; Япония, при потерях в 270 тысяч человек, имела 86 тысяч убитыми.

Либеральная пресса весь поток критики направила на армию и ее командование, считая их главными виновниками поражения. Если критика главного командования была правильной, то в отношении русского солдата и офицера она носила несправедливый характер. Мало того, находились люди, которые в русском воине искали виновного во всех неудачах в этой войне. Доставалось всем: пехоте, артиллерии, флоту и кавалерии. Но больше всего ругали казаков, составлявших большинство русской конницы в Маньчжурской армии.

Недостатки в подготовке казачьих частей, особенно второй очереди, уже указывались, но виновны ли были сами казаки в том, что их плохо учили до войны? Система подготовки, принятая во всех казачьих войсках России, отставала от требований времени, была несовершенна. Станичные, или так называемые домашние сборы, не давали требуемых знаний, не формировали необходимые для боя умения и навыки.

Изменить эту систему боевой подготовки казачьих частей обязаны были те, кто командовал конницей до войны и в чьи руки она была вверена во время войны. Эти начальники возлагали на кавалерию большие надежды, не понимая ее роли в войне, не умели применять ее в различных видах боя и так и не научились ничему в ходе самой войны.

В отличие от них казаки сразу восполнили свои пробелы в обучении уже в первых боях и в короткое время. Наука воевать под пулями противника, оплаченная кровью, приходит быстро, и если второочередных казаков справедливо критиковали за слабую подготовку в первое время, то потом они ничем не отличались по своим боевым качествам от первоочередных и драгун регулярных кавалерийских полков.

Не в русском пехотинце или казаке было дело — они доказали свои доблесть и мужество на поле боя, а в той государственной системе, которая привела их к позору поражения. Не качество солдата, что тоже имеет важное значение, а кризис помещичье-бюрократической власти, экономическая отсталость, низкая культура общества — вот главные причины нашего поражения в войне с Японией.

Экономическая отсталость России была очевидна. В дни затишья на Шахэ присутствующий на обеде по случаю дня рождения монарха военный корреспондент В.А. Апушкин записал слова генерала Мищенко о значении экономического состояния страны для достижения военного успеха: «Оно у нас плохое. А плохое экономическое состояние страны — признак ее отсталости в культурном отношении. И эта отсталость для нас, военных, определяется тем, что мы всегда выходим на войну неподготовленными, вооруженные оружием, составляющим не последнее, а сданное в архив слово техники».

Необходимость коренных реформ не только армии, но и всего общественно-экономического строя стали понимать все. И прав был Л. Нодо, главный критик казачества, когда писал в своих нашумевших статьях, что «армия есть порождение нации и армию не реформируют иначе, как реформируя нацию, продуктом которой она является».

Прав также теоретик большевизма В.И. Ленин, считавший, что «связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем никогда еще не была столь тесной, как в настоящее время».

Военное поражение России убыстрило нарастание революционного кризиса, разразившегося в январе 1905 года буржуазно-демократической революцией.

Глава V

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ КАЗАКИ НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

1. Начало войны, мобилизация Забайкальского казачьего войска и уход его на войну

Причины Первой мировой войны известны. В том, что она будет, никто в то время не сомневался, ее ждали, к ней готовились. Огромный клубок политических и экономических противоречий между европейскими державами уже нельзя было решить мирным путем. Война в Европе стала неизбежной. На мирный путь решения всех спорных вопросов уже никто не надеялся, так как главный очаг агрессии находился в милитаристской Германии, которая не скрывала своих замыслов относительно нового передела мира в пользу «полнокровного немца». Проповедуя «превосходство высшей расы» над другими народами, Германия взяла на себя «историческую миссию обновления дряхлой Европы», но главным, «историческим врагом» она считала славянство.

К июлю 1914 года машина кайзеровской Германии была готова к большой войне, и требовался благовидный повод для ее развязывания. Усилившаяся на Балканах национально-освободительная борьба южнославянских народов против турецкого и австро-венгерского порабощения указывала Германии источник детонации мирового взрыва. Именно Германия натравила Австро-Венгерскую империю на Сербию, которая, победив в Балканских войнах Турцию, стала символом освобождения южных славян от иностранного господства. В Сербии «лоскутная» австро-венгерская монархия видела угрозу распада своей империи. Война с Сербией была предрешенной, но на пути экспансивных устремлений Германии и Австрии стояла Россия, всегда поддерживающая балканские народы.

Таким образом, агрессия Австро-Венгрии на Балканах неизбежно приводила к военному столкновению с ней других государств, таких как Россия и ее союзники — Франция, Англия.

Кайзер Германии Вильгельм II считал, что настал выгодный момент для этого, так как Россия и Франция не успели подготовиться к войне и могут быть легко разбиты, если заступятся за Сербию.

15 июня 1914 года револьверные выстрелы австрийского подданного, члена организации «Молодая Босния» Гаврилы Принципа оборвали жизнь наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда и его супруги. Лучшего повода для войны придумать было нельзя. «Теперь или никогда», — сделал пометку Вильгельм II на докладе своего посла в Вене. Ниже он отметил: «С сербами надо покончить, и именно сейчас».

Желая заручиться поддержкой Германии в будущей войне, если в нее вступит Россия, австрийский император Франц Иосиф 4 июля в личном письме Вильгельму II и меморандуме правительства изложил свою позицию по балканской политике. Она заключалась в следующем: «Нужно, чтобы Сербия, которая является ныне главным двигателем панславянской политики, была уничтожена как политический фактор на Балканах».

На следующий день австро-венгерский посол в Берлине граф Сечени телеграфировал в Вену результат своей беседы с Вильгельмом II: «Если бы дело дошло даже до войны Австро-Венгрии с Россией, — сказал кайзер, — вы можете быть уверены, что Германия с обычной союзнической верностью станет на вашу сторону... Если в Австрии признается необходимость военных действий, было бы жалко упустить столь благоприятный случай».

10 июля 1914 года австрийский посланник в Белграде барон Гизль вручил сербскому правительству заранее неприемлемый ультиматум. Весь мир, кроме политиков Берлина, был возмущен вызывающим и оскорбляющим тоном его, попирающим достоинство Сербии как суверенного государства. Ультиматум, для выполнения которого отводилось 48 часов, являлся прямым вмешательством во внутренние дела страны и требовал немедленного исключения со службы всех сербских офицеров и чиновников, имена которых укажет австро-венгерское правительство, «как ведущих пропаганду против Австрии»; учреждения в самой Сербии «австро-венгерских органов для сотрудничества в подавлении революционных движений против монархии»; «допущения австрийских чиновников к производству следствия на сербской территории» и т.д.

Сербия, не желая войны с Австро-Венгрией, приняла 8 пунктов требований ультиматума и только от одного, где говорилось о «допущении австрийских чиновников»... на сербскую территорию для следствия по сараевскому делу, отказалась. Ответ Сербии произвел большое впечатление на мировую общественность своей уступчивостью и стремлением из-

бежать конфликта, на что Вильгельм II отреагировал такими словами: «Большой моральный успех Вены. Но он исключает всякий повод к войне».

Несмотря на отсутствие «приличного повода», война была развязана.

12 июля австрийское посольство покинуло Белград, и в этот же день был подписан приказ о частичной мобилизации австрийской армии против Сербии.

В полдень 15 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии, а в ночь с 15 на 16 июля началась артиллерийская бомбардировка Белграда.

18 июля под давлением Берлина Франц Иосиф подписал указ о всеобщей мобилизации.

Попытки правительств России, Франции, Англии погасить начавшийся пожар войны не увенчались успехом. Франция сразу заявила о своей поддержке России, если она вступит в войну на стороне Сербии. После обращения сербского правительства к России о помощи Николай II ответил телеграммой, что «ни в коем случае Россия не останется равнодушной к участи Сербии». Поддержала Россию и Англия в ее стремлении защитить Сербию, но сама предпочла соблюдать нейтралитет, о чем недвусмысленно намекал министр иностранных дел Эдуард Грей и определенно высказался король Великобритании Георг V.

Рассчитывая на Англию и на ее договорные обязательства, Россия и Франция надеялись, что она выступит на их стороне. Уверяя в поддержке одних, развязывая руки агрессорам намеками на нейтралитет, не заявив решительно о своей позиции, если Германия вступит в конфликт с Францией и Россией, английская дипломатия осталась верной своей традиции — загребать жар чужими руками, т.е. получать все выгоды от войны, не принимая в ней участия.

После объявления Австро-Венгрией войны Сербии, по настоянию Генерального штаба, 16 июля Николай II утвердил указ о всеобщей мобилизации Русской армии. Но в этот же день вечером, получив заверения от Вильгельма II — выступить посредником между Россией и Австрией в разрешении конфликта, царь отменил всеобщую мобилизацию и принял решение провести частичную мобилизацию в четырех военных округах только против Австрии. Поздно ночью указ об этом был отправлен по телеграфу в Варшавский, Киевский, Одесский и Московский округа. Министр иностранных дел Сазонов после совещания с военным министром и начальником Генерального штаба убедил царя, что если война с Германией неизбежна, то нельзя медлить с началом всеобщей мобилизации. Разрешение на всеобщую мобилизацию было получено 17 июля.

Первым днем мобилизации и перевозок войск было назначено 18 июля. В ответ на это Германия предъявила России ультиматум, что если это решение не будет отменено, то она также объявит мобилизацию. Русское правительство не ответило на этот ультиматум и не прекратило своих мобилизационных мероприятий.

1 августа в Германии была объявлена общая мобилизация, а в 7 часов вечера германский посол в России граф Пурталес вручил Русскому министру иностранных дел Сазонову ноту с объявлением войны.

3 августа такая же нота была вручена французскому министру, а 4 августа, после вторжения немцев в Бельгию, вступила в войну против Германии Англия.

Началась Первая мировая война, агрессорами в которой выступили державы Центрального союза — Германия и Австро-Венгрия. Постепенно в нее втянулось и участвовало 38 государств с населением свыше 1,5 миллиарда человек. За годы войны в армию было мобилизовано около 70 миллионов человек.

Для России она стала великой войной. Выступление России на стороне маленькой Сербии было расценено в мире и внутри страны как благородный шаг великой славянской державы, не оставившей в беде славянские народы Балкан. Только большевики во главе с Лениным выступили против войны, обвиняя правительство России в проведении захватнической политики. Поддержку национально-освободительной борьбы южных славян Россией Ленин определил как «...шитое белыми нитками стремление отвлечь внимание от внутренних дел России и "урвать кусок" Турции». Кроме того, он заявил, что «поддержка реакции внутри и колониального, империалистического грабежа вовне — такова суть этой грубой "патриотической" "славянской"» политики. Ленин защищал союзника Германии — Турцию, которая после прихода к власти младотурок открыто стала готовиться к войне с Россией «с целью восстановить свое господство над балканскими народами, отторгнуть от России Закавказье, Крым, истребить армянское население». В сложившихся условиях борьба лидеров большевиков против вступления России в войну играла на руку Германии, Австро-Венгрии и Турции, предавала южных славян, разлагающе действовала на патриотические чувства русского народа. Россия не хотела войны — она вынуждена была отражать агрессию, защищаться сама и помогать другим. На протяжении всей войны большевики будут вести пропаганду за поражение своей собственной страны и в конечном итоге приведут ее к катастрофе.

В день объявления войны в городах России прошли патриотические шествия и манифестации с пением гимна, с призывами сплотиться в борьбе с врагом. Во всех церквах служили молебен во славу Русского воинства. В армию стали записываться добровольцы.

17 июля на имя наказного атамана Забайкальского казачьего войска поступила из Петербурга циркулярная телеграмма за подписью военного министра Сухомлинова, морского министра Григоровича, министра внутренних дел Маклакова: «Высочайше повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса и поставить лоша-

дей, согласно мобилизационному расписанию 1910 года. Первым днем мобилизации следует считать 18 июля».

На основании этой телеграммы Забайкальское казачье войско приступило к мобилизации. 19 июля 1914 года приказом наказного атамана Забайкальского казачьего войска генерала от инфантерии Эверта предписывалось: «Начальствующим лицам, предназначенным для занятия должностей в формируемых при мобилизации казачьих частях — приступить к исполнению своих обязанностей, руководствуясь мобилизационным расписанием 1910 года».

По этому расписанию призывались все запасные нижние чины и ратники ополчения 1-го разряда.

Получив приказ о мобилизации, Забайкальское войско немедленно стало осуществлять все положенные мероприятия. Так, например, командир 1-й отдельной Забайкальской бригады телеграмму о мобилизации получил от командира 2-го Сибирского армейского корпуса в 4 часа 40 минут 18 июля, а в 5.10 пришло распоряжение. В 6 часов утра в штабе началась мобилизационная работа. В 6 часов 30 минут командиры частей доложили о получении распоряжения на мобилизацию. В 18.00 штаб бригады был укомплектован по штатам военного времени и к 21.00 готов к погрузке и отправке в район предстоящих боевых действий.

В полках бригады проводились следующие мероприятия: сотни получали боеприпасы, готовили двуколки для их перевозки; перековывали лошадей, срок перековки которых был 4 недели; проводились смотры обмундирования, людского и конского снаряжения и имущества, берущегося в поход; составлялись списки казаков, у которых чего-либо недоставало, с целью пополнения; оттачивались в ружейной мастерской шашки; высылались артельщики за фуражом и овсом, продуктами; получали из неприкосновенных запасов (НЗ) котелки, палатки, парусиновые ведра, бинокли, часы, компасы и шанцевый инструмент; боеприпасы укладывались в двуколки; вахмистры и трубачи получали револьверы; сдавались и укладывались на складах вещи, не берущиеся в поход, учебное оружие и холостые патроны; укладывались седельные вьюки, в околодке (медицинский пункт. — *Н. С.*) получали антисептические пакеты, которые раздавались на руки каждому казаку и офицеру; казаки проходили медицинский осмотр, больные передавались в местный лазарет, а слабосильные, подсудимые и подследственные со всем имуществом отправлялись в распоряжение полкового квартирмейстера. Кроме того, командирам сотен вручались денежные авансы: на фуражное довольствие — 150 рублей, приварочные — 1000 рублей, провиантские — 500 рублей; офицеры обеспечивались денежным довольствием. Обученные подрывному делу казаки получали вьюки с приспособлениями для взрывания, пироксилин и укладывали это имущество в седельные сумки под руководством заведующего оружием полка. Упаковывалось имущество сотен

в ящики, от командира обоза принимали обоз 1-го разряда с полной укладкой (походная кухня и продовольственная повозка). Командиры сотен получали от адъютанта штаба (начальник штаба. — *Н. С.*) карты, книги учета, бланки и другие документы отчетности по военному времени.

На доукомплектование первых полков прибывали казаки со льготы, а также получали лошадей из станиц, согласно воинской повинности. Например, в 1-й Верхнеудинский полк прибыли 64 урядника и казака и 4 нестроевых. Люди приходили плохо обмундированные и не имели всех положенных вещей, а «лошади поступали в очень плохих телах и многие были малопригодны под верх». Все имевшиеся в полках лошади осматривались ветеринаром полка. Кроме лошадей, поступающих по воинской повинности, для безлошадных казаков и денщиков-офицеров в окрестных станицах закупались верховые лошади.

Закончив мероприятия по доукомплектованию и формированию, полки приступили к занятиям по боевой подготовке. Главными из них были занятия по стрельбе, слаживанию сотен и разведке. Время занятий устанавливалось с 7.00 до 11.00, а после обеда — с 16.00 до 18.00. Проводилась пристрелка винтовок под патрон с остроконечной пулей. Занятия продолжались вплоть до отправки частей на театр войны.

Если доукомплектование строевых полков до штатов военного времени проходило в основном успешно, то формирование полков казаками со льготы и обеспечение их лошадьми имело много недостатков. Не хватало положенного обмундирования, другого имущества. «Лошади из станиц были поставлены настолько плохи, — отмечал в "Журнале военных действий" адъютант штаба 3-го Верхнеудинского полка, — что для строевой работы совершенно не годились. Занятия поэтому проводились исключительно в пешем строю». Казачьим начальникам приходилось принимать срочные меры по устранению имевшихся недостатков уже в ходе мобилизации. Прибывали больные казаки, не способные следовать в поход, которые передавались атаманам отделов и заменялись другими.

В общем, несмотря на все возникшие трудности, полки Забайкальского казачьего войска были доукомплектованы и сформированы в установленные сроки, сведены в 3 отдельные бригады и ожидали отправки: 1-я отдельная Забайкальская казачья бригада в составе 1-го Читинского, 1-го Верхнеудинского (4-сотенного состава), 1-го Аргунского полков, 1-й и 3-й Забайкальских казачьих батарей — на Западный фронт; 2-я отдельная Забайкальская бригада (2-й Нерчинский, 2-й Читинский полки, 4-я Забайкальская батарея) и 3-я отдельная Забайкальская бригада (2-й Аргунский, 3-й Верхнеудинский полки и 2-я Забайкальская казачья батарея) — на Кавказский фронт. 1-й Нерчинский полк выступил на войну в составе Уссурийской конной бригады, а 2-й Верхнеудинский полк убыл в Ургу (Монголия) и вошел в состав Ургинского отряда (в последующем полк прибыл на Юго-Западный фронт в состав 1-й Забайкальской каза-

чьей дивизии). Івардейская полусотня забайкальцев осталась в составе лейб-гвардии сводно-казачьего полка.

Запасные сотни сначала размещались: 1-я — в поселке Березовке, 2-я — в г. Чите, 3-я — в г. Нерчинске, запасный артиллерийский взвод — в г. Чите. Потом они переместились в г. Аткарск Саратовской губернии, образовав запасный дивизион.

В мобилизованных частях Забайкальского казачьего войска находилось: генералов, штаб- и обер-офицеров — 256, казаков — 11 667 и лошадей — 12 465.

23 августа 1914 года полки получили телеграмму от начальника 1-й отдельной Забайкальской бригады — приготовиться к походу, а 1 сентября было отдано распоряжение о выступлении бригады на театр военных действий.

1-й Верхнеудинский полк, ввиду отсутствия железной дороги в г. Троицкосавске, вынужден был совершить марш походным порядком в г. Верхнеудинск, а потом на станцию Дивизионная.

6 сентября штаб бригады и 1-й Читинский полк приступили к погрузке в эшелоны на станции Чита — 1 и 8 сентября убыли на фронт.

1-й Аргунский полк со станции Даурия, а 1-й Забайкальский артиллерийский казачий дивизион, в составе 1-й и 3-й батарей, из Читы выступили 9 сентября.

14 сентября 1-й Верхнеудинский полк 4 эшелонами отправился со станции Дивизионная на запад России.

Перед убытием полков командиры поздравили казаков с походом, были отслужены молебны. Казаки ехали на войну весело, без уныния и печали. В вагонах звучали смех и песни. Куда шли эшелоны — никто не знал. В пути следования с казаками проводились занятия по полевому уставу, по разведке и подрывному делу. На больших станциях при длительных остановках закупались продукты, фураж, проводилась выводка лошадей и другие хозяйственные работы.

Совершив марш по железной дороге более чем 7 тысяч верст, 1-й эшелон бригады в составе штаба, 1-го Читинского полка и 1-го Забайкальского казачьего дивизиона 2 октября выгрузился в Иван-городе (Польша). После выгрузки штаб бригады, совершив 35-верстный марш, расположился в деревне Хатыня, 1-й Забайкальский казачий дивизион — в деревне Мелянов, а 1-й Читинский полк, пройдя походным порядком 45 верст, разместился в деревне Пильчин.

1-й Верхнеудинский и 1-й Аргунский полки выгрузились в г. Луков 4 октября и, совершив марш в 65 верст, прибыли 6 октября в район расположения бригады. Бригада под командованием генерала Томашевского после 20-дневного следования через всю страну сосредоточилась в указанном районе и вошла в состав 4-й армии генерала Эверта, которая действовала на Юго-Западном фронте (командующий генерал Н.И. Иванов).

2. Участие забайкальских казаков в кампании 1914 г. Первые наступательные бои забайкальцев на Западном фронте

Ко времени прибытия 1-й Забайкальской казачьей бригады на Западный фронт война шла уже полным ходом. Закончилась Восточно-Прусская операция, Галицийская битва, в ходе которой австро-венгерской армии было нанесено серьезное поражение, планировалась Варшавско-Ивангородская операция. В распоряжение генерала Иванова на Юго-Западный фронт, готовящийся к крупному наступлению, передавались все прибывавшие из глубокого тыла резервы Верховного главнокомандования. В составе этих резервов находилась и 1-я Забайкальская казачья бригада.

Армиям Юго-Западного и Северо-Западного фронтов предстояло перейти в наступление возможно большими силами от Средней Вислы в направлении к Верхнему Одеру для глубокого вторжения в Германию. Ближайшей целью этого наступления ставилось нанести поражение войскам противника, наступающим по левому берегу Вислы, и стремиться развивать сильный удар против его левого фланга.

К концу сентября на Средней Висле завязались ожесточенные сражения между 9-й германской армией и войсками 2-й, 5-й и 4-й русских армий. Особенно мужественно действовали части Сибирских корпусов.

Напряженно развивались события в районе Иван-города. Генералу Эверту удалось в ночь на 27 сентября переправить 4-ю армию за Вислу. Противник развернулся у левобережных укреплений Иваногородской крепости и обрушился на русских всей мощью своей многочисленной артиллерии. К утру 28 сентября гренадерский и 16-й корпус были вновь отведены на правый берег реки. Только севернее Иван-города, на плацдарме у Козенице, оставался 3-й Кавказский корпус генерала Ирмана. Для его поддержки командующий 5-й армией направил 17-й корпус генерала Яковлева, который перешел в подчинение командующего 4-й армией. Обоим корпусам была поставлена задача «разбить противника и отбросить его в южном направлении».

В связи с тем, что предстояло переправиться 1-й Забайкальской бригаде на левый берег Вислы, 4 октября 1-я, 2-я, 3-я сотни 1-го Читинского полка убыли на разведку переправ через реку. 6 и 7 октября с этой же целью от других полков убыли офицерские и урядниче ские разъезды.

Казаки доходили до уреза реки, пытаясь найти удобные места для переправы вброд. 2-я сотня есаула Лоншакова 1-го Читинского полка, выслав разъезды хорунжего Савватеева, урядников Козлова и Беломест-

нова, обнаружили, что переправа возможна, но только на плотах из подручного материала. Во время разведки сотня была обстреляна огнем немецкой артиллерии, но потерь не понесла.

Вечером 7 октября бригада выступила к реке, где саперы готовили понтонную переправу.

Перед началом движения командир бригады получил телеграмму от командующего 4-й армией об обстановке на фронте и с директивами. В ней говорилось, что 5-я армия к северу от 4-й наступает при слабом сопротивлении противника. Приказывалось вести разведку и усилить бдительность с целью своевременного обнаружения сосредоточения противника для нанесения контрудара по переправлявшимся через реку частям, особенно в районе лесистой местности между дер. Козеница, Иван-городом и Радомом. 1-й Забайкальской казачьей бригаде указывалось: переправившись 9 октября через реку Вислу у г. Тарнов, под прикрытием гренадерского корпуса «неотступно преследовать противника в районе между речкой Пилицей и рекой Радомка — с севера, Едлинск, Скришна и Канском — с юга». «Главная задача бригады — выяснить направление отступления и группировку противника, отнюдь не теряя соприкосновения с ним».

Аналогичную задачу левее бригады выполняла Уральская казачья дивизия генерала Кауфмана.

Марш бригады до указанного места переправы оказался очень тяжелым, особенно для 1-го Верхнеудинского, 1-го Аргунского полков и 1-го Забайкальского казачьего дивизиона. Полки, совершившие до соединения с бригадой 100-верстный переход походным порядком, после почти месячного передвижения по железной дороге, еще не отдохнули. Лошади из-за отсутствия в пути регулярной выводки были ослаблены. Рыхлые песчаные дороги и грязь затрудняли движение артиллерии и обозов. Казакам приходилось спешиваться и вытаскивать из рытвин орудия, двуколки, повозки.

9 октября бригада сосредоточилась у деревни Тарново, расположившись биваком в лесу в ожидании переправы. В течение дня переправа не состоялась, так как саперы не успели навести понтонный мост через Вислу, ширина которой доходила до одной версты.

10 октября бригада перешла по мосту на левый берег Вислы у дер. Скурча, опередив гренадерский корпус, и стала в резерве у дер. Кемпа-Скурецка. В направлении противника были высланы разведывательные сотни, от которых стали поступать первые сведения о встрече с противником и мелких стычках с его дозорами. Бригада развернулась в боевой порядок, отправив в боевую часть 1-й Верхнеудинский полк и артиллерийский дивизион в направлении на деревню Грабово. 1-й Читинский и 1-й Аргунский полки остались в резерве до окончательного выяснения обстановки. Следовавшая в боевом охранении 4-я сотня 1-го Верхнеудинского полка, не доходя одной версты до Грабово, встретилась с кава-

лерийским разъездом противника в 15 человек. Выхватив шашки, казаки бросились на австрийских драгун, но те не приняли боя и стали отходить. Не спешиваясь с коней, сотня открыла по ним огонь из винтовок.

Впервые забайкальцы встретились с противником так близко. Продолжая движение, сотня вышла к дер. Грабово, где была обстреляна немецкими кавалеристами.

1-й Верхнеудинский полк, развернувшись лавой, шел впереди бригады, в авангарде, имея 2 орудия и 4 пулемета, под командованием сотника Эпова из состава конно-пулеметной команды 1-го Читинского полка. Пройдя 1,5 версты за деревней Грабово на деревню Бжозувка, авангард попал под шрапнельный огонь немецкой артиллерии и вынужден был остановиться в лощине. Сейчас же была усилена разведка в сторону флангов. Противник перенес огонь по деревне Грабово, куда стала втягиваться колонна главных сил бригады. 1-я Забайкальская батарея, снявшись с передков, открыла беглый огонь по батарее противника, заставив ее отойти к деревне Августово. После 50-минутной задержки 1-й Верхнеудинский полк продолжил движение.

От других полков, следующих в составе главных сил, было выслано по сотне казаков для разведки противника на широком фронте.

Немцы и австрийцы поспешно отходили к Августову. Преследуя их, казаки смело атаковали подразделения прикрытия, быстро продвигаясь вперед. Между деревнями Домбровка и Боска-Воля, не доходя 3 версты до Августова, противник сильным шрапнельным огнем обстрелял передовые сотни 1-го Верхнеудинского полка. В это время с правого фланга шла лавой разведывательная 4-я сотня 1-го Читинского полка под командованием подъесаула Нацвалова, и к деревне Боска-Воля подходила 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полка, высланная вперед для разведки.

Из-за сильного огня передовые сотни вынуждены были отойти к деревне Бжозувка, а разведывательные сотни, сомкнув лаву, атаковали подразделения прикрытия немцев, заставив их отступить. С наступлением темноты авангард расположился на ночлег в деревне Бжозувка, а главные силы бригады — в деревне Грабово. В сторожевое охранение ушла 6-я сотня 1-го Читинского полка.

В штаб бригады поступило донесение № 14/1 от командира 1-го Верхнеудинского полка о результатах первого боя забайкальцев и данные разведки. В нем указывалось: «Конные части противника как с артиллерией, так и малыми партиями отступают в юго-западном направлении. Точно их силы определить не удалось, т.к. противник ведет бой исключительно в пешем строю, пользуясь оборонительными рубежами. Отступление противника происходит под давлением разведывательных сотен, поддерживаемых авангардом и артиллерией. Более сильное сопротивление оказано по линии Боска-Воля, Бжозувка, Вова-Воля. Около деревни Бжозувка выяснилось присутствие 4 орудий, полка кавалерии и пулеметов.

Потесненный у Боска-Воля и Нова-Воля противник отошел на Бжозувку и далее на деревню Августово. Наши потери — 10 раненных от ружейного и артиллерийского огня, у противника — 5 убитых, 1 пленный. По показаниям пленного, у противника в районе Грабово, Боска-Воля, Августово, Нова-Воля находятся 10 полков конницы с 12 орудиями, которые 8 октября отошли частью на деревню Михалов, Дальний, а частью — на Стромец. Показания пленного подтверждаются опросом местных жителей... В д. Стромец находится пехота с артиллерией...»

Казаки-забайкальцы в своем первом бою проявили себя с наилучшей стороны. Значительно превосходивший их по силам противник не смог остановить прорыва сотен и поспешно отходил. Кавалеристы противника так ни разу и не атаковали казаков в конном строю.

К вечеру передовые части армии вышли на рубеж, захваченный 1-й Забайкальской бригадой. Охранение по линии Боска-Воля, Домбровка, Бжозувка занял Тобольский пехотный полк.

С наступлением ночи казачьи сотни не прекратили своей разведывательной деятельности. Так, 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полка вела разведку в направлении деревни Боже. В донесении № 2 есаул Зимин, командовавший сотней, сообщил об обстреле ее из деревни Боже и об уничтожении противником переправ и переправочных средств через реку Пилицу. Командир 4-й сотни 1-го Аргунского полка в донесении № 3 указывал, что при движении по дороге из деревни Попротня в деревню Цецелювка сотня была обстреляна из леса. Есаул Нацвалов в донесении № 3 докладывал, что перед его сотней занимает позиции противник силами до 2—3 рот пехоты, 2 эскадронов и 4—6 орудий.

С утра 11 октября 1-я Забайкальская бригада продолжила наступление на деревню Августово и Стромец, имея в авангарде 1-й Читинский полк.

У деревни Мала-Боже главные силы остановились в лесу, не доходя 3 верст до деревни Стромец, а сотни 1-го Читинского полка вышли к селению Стромец и вели перестрелку с противником.

2-я сотня читинцев, действуя в голове полка, первая обнаружила противника в селении и вступила с ним в бой, потеряв раненым казака Черельникова. Подошедший к ней 1-й Читинский полк развернулся на линии деревня Игнацувка — лес. Батареи казаков заняли огневые позиции южнее деревни Мала-Боже и открыли огонь по противнику. 1-й Аргунский полк развернулся в лесу, а 1-й Верхнеудинский — за лесом, что южнее деревни Мала-Боже. Два взвода пулеметной команды есаула Хамилонова и сотника Гладких 1-го Читинского полка наметом выскочили на опушку леса, быстро заняли позицию и открыли огонь по немецким цепям, которые перешли в контратаку. Атака противника захлебнулась. Несколько раз цепи немецких солдат бросались вперед, но под ураган-

ным огнем пулеметчиков откатывались на исходные позиции. Не добившись успеха с фронта, немцы, совершив глубокий маневр по лесу, обошли левый фланг 1-го Читинского полка, приблизившись к пешей цепи казаков на 500—600 шагов, и открыли огонь. Кавалерийский разъезд противника попытался проникнуть через боевые порядки 1-го Читинского полка, но был атакован казачьим разъездом, прикрывавшим промежуток между полками. Потеряв одного убитым, немецкие кавалеристы бежали в лес.

Такая же попытка немецких кавалеристов проникнуть в тыл 1-го Верхнеудинского полка была предпринята на его левом фланге. Огнем винтовок казаков 2-й сотни их отогнали.

Затем от деревни Ксаверов повела наступление на этот фланг полка немецкая пехота. На помощь казакам левофланговой сотни выдвинули пулеметы под прикрытием полусотни 4-й сотни подъесаула Чупрова и сотника Левицкого, а цепь была усилена сотней 1-го Аргунского полка. Казакам 2-й сотни удалось забрать оружие, записные книжки убитого кавалериста и пехотинца, срезав у последнего погон. 6-я сотня захватила лошадь убитого. По погону пехотинца было установлено, что в атаке участвовали солдаты 161-го пехотного полка немцев. По данным разведки, против бригады действовали до 2—3 пехотных рот противника, 2 эскадрона, 4—6 орудий и 1 пулемет, а в деревнях Мариамполь, Ясенчик, Цецелювка находятся значительные силы пехоты и кавалерии с артиллерией.

Атаки немцев не прекращались. Опасаясь обхода со стороны левого фланга читинцев, бригада под прикрытием пулеметов отошла к деревне Домбровка.

В этот день 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полка, преследуя отходящего противника, выручила из болота в лесу, у местечка Лесной Майдан, разведывательную группу 1-й сотни 5-го Уральского казачьего полка в составе 60 казаков во главе с подъесаулом Толстухиным. Уральцы во время разведки противника проникли глубоко в его тыл, но, будучи обнаруженными, вынуждены были в течение суток скрываться в болоте.

11 октября бригада потеряла убитыми 1 казака и 3 лошади, ранеными — подъесаула Чупрова, хорунжего Горбача, 3 казаков и 1 лошадь.

С 11 октября на Юго-Западном фронте в полосе наступления 4-й армии развернулись упорные, кровопролитные бои в условиях лесисто-болотистой местности. Ожесточенно сопротивляясь, противник сам переходил в отдельных местах в наступление. Иногда бои принимали встречный характер.

1-я Забайкальская бригада успешно выполняла поставленную задачу в наступлении и разведке, ни на минуту не отрываясь от противника, вцепившись в него разъездами и разведывательными сотнями мертвой хваткой.

12 октября в штаб бригады, расположенный в деревне Цыхровска-Воля, поступила телеграмма от командующего 4-й армией генерала Эверта на имя генерала Мрозовского, командира гренадерского корпуса: «Передайте горячее поздравление забайкальцам от их атамана с их первым боевым успехом; жду, уверен, что так будет и дальше».

Бывший наказной атаман Забайкальского казачьего войска, а теперь командующий армией генерал Эверт не забыл своих казаков в этих трудных условиях наступления.

Противник, подтягивая из глубин свои резервы, пытался остановить продвижение войск 4-й армии, используя укрепленные позиции. Утром 12 октября гренадерский корпус получил задачу атаковать противника на фронте Гловачев — Цецелювка, а 1-й Забайкальской бригаде приказано было преследовать отходящего противника перед фронтом 16-го армейского корпуса на деревню Пржибык, «стараясь захватить тыл и обоз...». Таким образом, бригада не могла уже прикрывать правый фланг гренадерского корпуса, о чем был поставлен в известность его командир. Однако чуть позже из штаба корпуса сообщили, что 1-я Забайкальская бригада переподчиняется начальнику Уральской казачьей дивизии и ей необходимо прибыть в деревню Новый Грабов.

Бригада не успела приступить к выполнению ни первого, ни второго противоречащих друг другу приказов, так как в это время появилась пехота противника, цепи которой наступали от деревни Августово на деревню Домброво. Сообщив об этом, казачьи разъезды, находившиеся в сторожевом охранении, отстреливаясь, стали отходить лавой к главным силам. Артиллерия выдвинулась на позиции, но из-за густого тумана огонь не открывала, целей видно не было. Как только туман рассеялся, началась артиллерийская перестрелка.

Казаки 1-го Читинского, 1-го Аргунского, 1-го Верхнеудинского полков отошли на выгодный рубеж за деревню, спешились и, заняв позиции, приготовились к встрече противника, который накапливался в деревне Домбровка. Один его пехотный батальон начал атаку с фронта, а другой стал заходить для удара по левому флангу спешенной бригады, прикрываемому 1-м Читинским полком. Правее его, в 2—3 верстах, оборонялся 1-й Аргунский полк. Правый фланг бригады обеспечивался 1-м Верхнеудинским полком. С читинцами действовала 3-я батарея, а с аргунцами — 1-я. Кроме того, на позицию 1-го Читинского полка были выдвинуты 4 пулеметных расчета конно-пулеметной команды под командованием подъесаула Бакшеева и сотника Гладышева, а в 1-й Аргунский полк убыл пулеметный взвод с сотником Эповым.

Подпустив цепи пехоты противника на прицельный выстрел, казаки открыли огонь, а пулеметы, чтобы не выдать свое место нахождения, молчали. Дождавшись подхода немецких цепей на удобное расстояние,

вступили в бой и пулеметы, не умолкавшие в течение 15 минут. Не выдержав ураганного огня, противник залег, понеся огромные потери.

В бою под деревней Домброво отличился 4-й взвод 2-й сотни 1-го Читинского полка при 2 пулеметах под командованием хорунжего Савватеева. Все попытки немецкого батальона атаковать левый фланг полка разбивались о стойкость казаков, находившихся под сильным артиллерийским огнем противника. Взвод отошел по приказу, когда начал отходить весь полк. Потери взвода и 2 пулеметных расчетов составили: убитыми — 2 казака и ранеными — 6 человек. Погибли 8 лошадей. Через 40 минут после начала боя подошли пехотные части 7-й дивизии гренадерского корпуса, переправившиеся у деревни Варки через реку Пилицу, которые атаковали противника и заняли ближний лес.

Забайкальская бригада отошла в тыл и собралась у деревни Цикро в лесу. Как потом стало известно, у деревни Домбровка местные жители похоронили 300 трупов немецких солдат.

13 октября 1-я и 3-я Забайкальские батареи поддерживали огнем наступление 7-й гренадерской дивизии, а 1-й Аргунский полк был направлен для разведки противника у деревни Бялогуры и содействия пехоте. Остальные полки бригады сосредоточились на правом фланге у деревни Кемпа-Немоевска, откуда 3-я казачья батарея стала вести огонь по противнику.

Части гренадерского корпуса успешно продвигались вперед, чему во многом содействовал огонь 1-го Забайкальского казачьего дивизиона.

14 октября бригада приготовилась следовать за наступавшими гренадерами. Задача ей была поставлена следующая: «Содействовать 7-й дивизии... Наступление начать в 8 ч. утра».

В 10.45 командир 7-й дивизии сообщил, что немцы перед ним отступают и дивизия преследует их в общем направлении на деревни Покшивка, Стара Весь, Стромец, Сухи.

В 11.30 поступило распоряжение генерала Эверта, что бригада и Уральская казачья дивизия подчиняются командиру гренадерского корпуса и главной задачей их является содействие «энергичному наступлению на правый фланг». Бригаде поручался для ведения разведки участок севернее, до реки Пилица, правый берег которой занимала пехота немцев.

По направлению к реке Пилица были высланы разведывательные сотни от 1-го Читинского и 1-го Аргунского полков. 2-я сотня есаула Лоншакова 1-го Читинского полка вышла к реке и вступила в бои с мелкими подразделениями противника на нашем берегу у деревни Буды-Михайловске. На помощь ей выступили 3 сотни 1-го Аргунского полка. При выдвижении к реке 2-й сотни читинцев наша пехота, не видевшая ранее забайкальских казаков с их желтыми околышками на фуражках и лампасами, ошибочно обстреляла взвод хорунжего Савватеева, ранив урядника Кузнецова и убив 3 лошадей.

В 1-м Аргунском полку в бою с прикрытием немцев погибло 2 казака, 15 получили ранения, а 3 казака пропали без вести. В ходе разведки и боя было установлено, что противник занимает противоположный берег редкой цепью, подойти к нему из-за болота невозможно. Вечером разведывательные сотни отошли к бригаде в деревню Дуцка-Воля.

За 4 дня боев только один 1-й Читинский полк потерял 6 убитыми, 26 ранеными, 5 контуженными. Лошадей убито 29.

Начались затяжные дожди, почва размокла.

Преследование отходящего противника

15 октября бригада, продолжая наступление, получила от командира гренадерского корпуса задачу на преследование противника и ведение разведки восточнее линии Грабов, Ксаверов, станции Гузд и западнее 4-й Уральской дивизии. Высланные с утра разведывательные сотни вступили в соприкосновение с противником. Бригада пересекла шоссе Радом — Варшава и к вечеру подошла к деревне Якубов. Противник везде отступал, а не успевшие отойти скрывались в лесах, обстреливая казачьи разъезды. Взаимодействие и управление иногда терялось, лесисто-болотистая местность снижала темпы преследования. Одни части вырывались вперед, другие отставали, что приводило к неразберихе. Так, например, разъезд сотника Кобылкина 1-го Аргунского полка сообщил о движении к деревне Якубово большой колонны пехоты и конницы силою до 3 тысяч человек. Бригада немедленно оседлала коней, и навстречу ей были выдвинуты разъезды, а также 1-й Верхнеудинский и 1-й Читинский полки. Пройдя 2 версты, казаки никакого противника не обнаружили, впереди находились сторожевые охранения пехоты, поэтому полки вернулись обратно. Как потом выяснилось, колонна оказалась нашей. На ночлег бригада остановилась в деревне Хрусцехов.

В течение дня разведывательные сотни забайкальцев преследовали противника по всему фронту гренадерского корпуса. На отдельных направлениях бегство его принимало панический характер.

Казаки сотника Фомина около деревни Рыка захватили в плен двух немецких пехотинцев, показавших на допросе, что на деревню Кашев отступило более 3 тысяч пехоты и обозы. За день преследования бригада прошла 25 верст.

16 октября от командира гренадер генерала Мрозовского было получено приказание: «Забайкальской бригаде направиться на деревни Потворов, Пржесуха — во фланг и тыл противника. Штаб армии к 12 часам дня будет в д. Козенице. Командующий армией ожидает самые решительные

действия в тылу противника... напрягите всю энергию и силы для преследования противника в тылу с целью захвата артиллерии и обозов».

Выполняя это распоряжение, бригада выступила на деревню Скжинско, выслав вперед 5 офицерских разъездов. Не доходя 6 верст до деревни, казаки нагнали арьергард противника, прикрывающий отход обозов. Забайкальский дивизион развернулся на огневой позиции и обстрелял его шрапнелью. 3-я сотня 1-го Верхнеудинского полка, развернувшись в лаву, атаковала деревню Скжинско, а бригада пошла вправо через деревню Глинско. К ночи казачьи разъезды расположились далеко впереди от деревни Скжинско, где ночевала бригада.

Одним из разъездов был захвачен в плен кавалерист 4-го уланского австрийского полка. В его патронташе обнаружили патроны с разрывными пулями. За день преследования бригада прошла 25 верст.

17 октября 4-я армия, продолжая преследование отступавших частей противника, вышла на рубеж Пржисуха — Шидловец. С раннего утра Забайкальская казачья бригада была в деле, продвигаясь к Канску. В 15 верстах от города Канска разведывательные разъезды настигли противника, и артиллерийские батареи казаков открыли по нему огонь. Отступившие части противника пытались, где можно, задерживать казаков. Так, в районе лагерей, возле Канска, 1-й Читинский полк был встречен сильным огнем артиллерии и пехоты. Вступили в бой 1-й Аргунский и 1-й Верхнеудинский полки, 1-й Забайкальский казачий дивизион. Казаки спешились и атаковали противника, а с его отходом стали преследовать в конном строю. Взвод вахмистра Стрельникова 1-го Верхнеудинского полка, находясь в правой походной заставе, зарубил 5 австрийских пехотинцев, но документы и оружие захватить не смог, так как вынужден был отойти, преследуемый эскадронами австрийских улан. Используя промежутки между отступающими австрийскими частями, казачьи разъезды стремились прорываться к главным силам с целью разведки. 3-я сотня 1-го Верхнеудинского полка вышла в районе Русского брода, где расположились на отдых главные силы отступающих частей противника, и произвела разведку, доставив в штаб полка важные сведения. За день бригада прошла 25 верст. 1-й Забайкальский артиллерийский казачий дивизион в бою под г. Канском выпустил по 262 снаряда на каждое орудие по частям прикрытия и скоплениям обозов противника. В 1-й батарее осталось 123 снаряда, в 3-й — 165 шрапнельных и 24 гранаты.

Огонь дивизиона нанес австрийцам ощутимые потери и заставил их поспешно отойти, оставив на поле боя много убитых и раненых солдат, разбитые повозки, зарядные ящики и орудия. Из-за безостановочного продвижения бригады вперед потери противника подсчитать не удалось.

Однако несмотря на все это, от генерала Эверта была получена телеграмма с выражением недовольства за вялые действия забайкальских и уральских казаков в благоприятных условиях преследования.

18 октября преследование противника продолжалось. 1-й Аргунский полк был выслан вперед для усиленной разведки, а в авангарде шел 1-й Верхнеудинский. Когда бригада вошла в деревню Демба, раздались два мощных взрыва: это противник взорвал мосты через реку Черна, задержав на 2,5 часа продвижение главных сил бригады. Найдя брод, она переправилась на противоположный берег и остановилась на ночлег в деревне Редванов. За день бригада прошла 35 верст. Казаками подъесаула Асламова были захвачены в плен 5 немецких солдат 32-го и 167-го пехотных полков, а в деревне Редванов взяли немецкого кавалериста, оказавшегося с высшим образованием и давшего ценные сведения. Запуганный пропагандой и слухами о казаках, он плакал и просил офицеров не отдавать его казакам, которые непременно с ним расправятся.

19 октября бригада выступила в направлении деревень Олешно — Влощово для преследования отходящего противника. В авангарде действовал 1-й Читинский полк. Пройдя деревню Заброды, на Мокрых горах читинцы были встречены огнем пехоты противника, спешились и заняли опушку леса. Деревня Олешно оказалась занятой немецкой пехотой и сильно укрепленной. Спешенные казаки вели сильный огонь по противнику, не давая ему контратаковать полк, а потом сами перешли в атаку. Главные силы бригады, идя на выручку читинцам, втянулись на гать, справа и слева от которой было болото. Другого пути не оказалось, так как мосты противник разрушил. Пройдя гать, 2-я и 6-я сотни верхнеудинцев стали в лесу, но полчаса спустя были отозваны в прикрытие к батареям, открывшим огонь по артиллерийским батареям противника. 4-ю сотню с сотником Левицким командир полка направил для охраны левого фланга. Немецкая пехота при поддержке своей артиллерии стала обходить читинцев справа, но была своевременно обнаружена есаулом Лоншаковым, который был ранен в ногу, но продолжал руководить боем. Сотня хорунжего Савватеева 1-го Аргунского полка не подпускала немцев к небольшому мостику через реку Черна, имевшему важное значение в случае отхода бригады. Для усиления читинцев были высланы 3 сотни аргунцев. Сильный огонь не позволял казакам продвигаться вперед. Так как противник большими силами перешел в наступление, командир бригады дал команду на отход. Стало ясно, что на этом выгодном для противника рубеже он попытается остановить продвижение русских частей. Полки, бригады, прикрываясь оставленными сотнями, стали отходить по гати, то и дело рискуя провалиться в болото. 1-я Забайкальская батарея вела непрерывный огонь по артиллерии немцев, не давая ей вести прицельный огонь. Благодаря ей ни один снаряд не попал в гать и по колонне казаков, медленно отходящих по тяжелой грязи.

Бригада отошла в деревню Вулька. Последними снялись с позиций под напором немецкой пехоты сотни хорунжего Савватеева и есаула Лоншакова, до конца выполнившие свою задачу по прикрытию полков. Пе-

хота противника, пройдя вслед за казаками по гати, захватила мост на ней, но преследовать не решилась. В это время 4-я сотня 1-го Верхнеудинского полка под командованием сотника Левицкого, не получив своевременно команду на отход, находилась на своей позиции. Когда затихла перестрелка, она пошла на гать, но была встречена огнем немецкой пехоты от моста. Сотня повернула обратно, однако сойти с гати не успела, так как немцы перекрыли выход с нее. Казаки оказались в капкане. Ни вперед, ни назад хода не было, оставалось или погибнуть, или сдаться в плен. Сотник Левицкий принимает решение пробиться через болото, поросшее кустарником на кочках. Казаки бросились через трясину, преследуемые выстрелами немецкой пехоты. Удалось добраться до кустов, но дальше кони застряли, и пришлось расстаться с ними, спасая свою жизнь. Завязли 43 лошади и не вышли к своим 7 казаков сотни, находившиеся в разъезде на той стороне гати.

В течение двух дней преследования противником казаки почти ничего не ели, не было времени даже приготовить чай. Лошади окончательно выбились из сил, передвигаясь по песчаной почве и грязи. В 1-м Аргунском полку погиб есаул Сараев, ранены 4 казака, а в 1-м Читинском ранен есаул Лоншаков и 7 казаков, контужено двое, убиты 6 лошадей. В бою израсходовано 4140 патронов, захвачены 6 пленных, 10 винтовок и 7 лошадей противника.

С наступлением сумерек казаки-охотники (добровольцы. — *Н. С.*) 1-го Читинского полка в составе полусотни вызвались в разведку. Урядники Козлов, Дутов и казак Окладников, скрытно приблизившись к мосту, обнаружили завязших в болоте двух казаков 1-го Верхнеудинского полка. На глазах у немцев, несмотря на их отчаянные попытки захватить казаков в плен, отстреливаясь, они вытащили их на сухое место. Казаки-разведчики обнаружили, что противник сначала окапывался на противоположном берегу реки Черна, а с наступлением темноты стал отходить. Об этом было немедленно доложено в штаб бригады.

К 20 октября за 10 дней непрерывных боев списочный состав полков сильно уменьшился. На войну 1-я Забайкальская казачья бригада убывала полностью укомплектованной по штатам военного времени, теперь некомплект составил: в 1-м Читинском полку офицеров — 2, казаков — 137, лошадей — 201; в 1-м Аргунском полку офицеров — 3, казаков — 120, лошадей — 86; в 1-м Верхнеудинском полку (без 2 сотен) офицеров — 4, казаков — 102, лошадей — 72; в 1-м Забайкальском казачьем дивизионе офицеры и классные чины — все, казаков выбыло 8, лошадей — 5.

Количество офицеров, казаков и лошадей уменьшилось не только из-за боевых потерь, но и болезней, вызванных плохим питанием, промозглой осенней погодой, тяжелыми условиями проходимости местности, недостаточным количеством кормов для лошадей.

20 октября большие силы противника стали сосредоточиваться в районе деревень Лонушно, Олешно, Влоцово, где попытались задержать наступление передовых частей 4-й армии. 1-я Забайкальская бригада весь день простояла в деревне Вулька, ожидая благоприятных условий для перехода в преследование. Для разведки района деревень Гуры-Мокре, Костанов, Юзефов, Божа-Воля были высланы разведывательные разъезды. Попытки освободить лошадей 4-й сотни 1-го Верхнеудинского полка из болота оказались безрезультатны, так как противник не давал огнем приблизиться к ним. Вечером рота пехоты с казаками 4-й сотни под руководством есаула Измайлова и сотника Левицкого вышли, чтобы силой отбить их и вытащить из болота. К утру удалось достать 18, остальных не дали забрать немцы.

21 октября бригада вела разведку, а 22 октября возобновила преследование противника, сбитого с позиций нашей пехотой. В авангарде шел 1-й Аргунский полк. Для отступления противник использовал железную дорогу, разрушая ее за собой и взрывая мосты. Поезда уходили один за другим, по 12 в сутки, имея в эшелоне 80—100 вагонов.

После отступления немцев из деревни Олешно удалось выяснить судьбу четырех без вести пропавших казаков 1-го Читинского полка, которые в ночь с 18 на 19 октября в составе разъезда из 14 человек были посланы в разведку. Местные жители рассказывали читинцам, что, когда немцы вели по деревне младшего урядника, он крикнул: «Скажите нашим, что младший урядник Попов и три казака попали в плен — Сергей Васеев, Максим Гаврилов и Александр Щадрин. Трех казаков расстреляли, и со мной сделают то же». Расстрелы немцами казаков были частыми случаями. Они боялись их и ненавидели. Имена четырех казаков стали известны, а сколько их, попав в плен, так и осталось безвестными, пропавшими без вести навсегда.

23 октября Забайкальская бригада продолжала преследование стремительно отходящего противника в направлении на Ченстохов, куда забайкальцам было приказано прибыть к вечеру 24 октября. В авангарде шел 1-й Верхнеудинский полк. Мелкие группы противника уничтожались или захватывались в плен. В сторону Ченстохова был выслан разъезд сотника Сенченкова. В деревни Конецполь и Улесе вошли без боя.

На следующий день бригада, выслав в авангард 1-й Читинский полк в направлении на деревню Красице, двинулась дальше. Разведывательные сотни читинцев ушли вперед, пытаясь пробиться к главным силам отходящего противника. Однако у деревни Красице бригаде пришлось остановиться, так как казаки-разведчики 3-й сотни хорунжего Горбача 1-го Читинского полка и 4-й сотни хорунжего Ренджилова 1-го Верхнеудинского полка вовремя обнаружили выдвижение немцев к деревне Кухари и сильно укрепленные позиции пехоты с артиллерией справа и слева от посада Мстов. О встрече крупных сил противника было сообщено в штаб 4-й армии. Так как главной задачей бригады являлась разведка и

преследование, она, не ввязываясь в бой, отошла, предоставив право пехоте атаковать сильную позицию арьергарда противника.

25 октября бригаде было приказано двигаться через Янов, Жарки на Ченстохов. В голове шел 1-й Читинский полк, впереди — его охранение. Правее движения колонны главных сил действовала с целью разведки 6-я сотня 1-го Верхнеудинского полка, а левее — сотня от 1-го Аргунского полка. Пройдя посад Янов и втянувшись в дефиле (справа и слева дороги были горы), охранение и разведывательные сотни попали под сильный ружейно-пулеметный огонь противника. Под прикрытием 3-й сотни хорунжего Горбача 1-го Читинского полка и двух пулеметных взводов сотников Эпова и Гладышева бригада отошла на Пржиров, выслав на помощь читинцам 3 сотни 1-го Аргунского полка с двумя орудиями. Около получаса длился бой, после чего прикрытие отошло. Пробиться на Ченстохов не удалось. Благодаря умелым действиям охранения и разведывательных сотен бригада избежала больших потерь.

В течение нескольких дней, двигаясь вдоль фронта и ведя разведку, бригада пыталась найти уязвимое место в обороне противника. Каждый день казаки имели стычки с противником, который принимал отчаянные попытки приостановить наступление 4-й армии. Так, 28 октября разъезд хорунжего Почекунина встретился с полуэскадроном австрийских гусар, которые тоже вели разведку. Не задумываясь, забайкальцы атаковали их в конном строю. Два гусара были убиты, один тяжело ранен, остальные поспешили уйти.

31 октября казачий пост от сотни есаула Бурлакова, оставленный для наблюдения в деревне Воля-Мокржецка, идя на присоединение к сотне, обнаружил в деревне Святая Анна много немецких солдат. Отступать было поздно. Старший поста казак Воложанин и другие казаки, выхватив шашки, бросились на опешившую пехоту, прорубились через нее и ушли карьером к своим под беспорядочными выстрелами немцев. Во время этого лихого боя казаки проявили мужество и хладнокровие в казалось бы безвыходном положении. Кроме того, показали товарищескую взаимовыручку и мастерское владение казачьими боевыми приемами. Так, при выхватывании из ножен шашки казак Роман Перевалов случайно, в спешке, выронил ее и отстал от товарищей. Увидев это, казак Федор Гагарин вернулся к нему на помощь, придержал коня, а Перевалов, не слезая с лошади, в считанные секунды поднял клинок, и оба догнали товарищей. Войсковое братство, присущее русскому солдату вообще, особенно было развито у забайкальских казаков. Как в труде, так и в бою они всегда приходили на помощь друг другу.

Через деревню, полную солдат противника, прорвались казаки Трофим Воложанин, Федор Гагарин, Роман Перевалов, Илья Большаков, Лаврентий Секисов, Хрисанф Гантимуров, Степан Козлов, Ренглин Церенов. Все герои и их командир хорунжий Лавров были награждены Ге-

оргиевскими крестами IV степени, став одними из первых кавалеров этого ордена на Первой мировой войне среди забайкальцев.

В конце октября русские армии продолжали развивать наступление на запад и юго-запад, имея общую задачу — готовиться для глубокого вторжения в пределы Германии через Верхнюю Силезию.

Обеспечивая отход своих войск от Средней Вислы, австро-венгерское командование предприняло демонстративное наступление против 3-й армии русских на реке Сан. По предложению генерала Иванова 9-я и 4-я армии Юго-Западного фронта были направлены во фланг австро-венгерским силам в Галиции. Этот маневр двух армий привел к сильной растяжке фронта 2-й и 5-й армий, которые вынуждены были прекратить преследование разбитых немецких войск. Вторжение в Германию, как предполагалось по плану, не получилось. Русские армии вторглись на территорию Австро-Венгрии. Одна из крупнейших операций Первой мировой войны — Варшавско-Ивангородская — закончилась. Русская армия доказала, что способна победить армию Германии и Австро-Венгрии, однако поставленные цели достигнуты не были.

Бои на Новорадомском направлении

Избежав разгрома из-за отсутствия твердости в руководстве войсками русским командованием, немцы предприняли ряд мер противодействия с целью вырвать инициативу у русских и устранить угрозу глубокого выхода их в пределы Германии.

Обе враждующие стороны приступили к подготовке новой операции. Для немецкого командования она заключалась в нанесении мощного удара по правому флангу 2-й Русской армии и выходу в тыл 4-й и 5-й армиям Северо-Западного фронта, развернутых на левом берегу Вислы, а для русского командования — в продолжении наступления к границам Силезии и Познани.

Осуществляя свой план, немцы стали скрытно перебрасывать войска 9-й армии в район Торна, а русские стремились к выполнению ранее принятого решения, которое уже не соответствовало сложившейся обстановке. Над 11 русскими наступающими корпусами обозначился удар из района Торна, грозивший тяжелыми последствиями для них.

При подготовке к операции, получившей название Лодзинской, Ставка внесла изменения в первоначальный план, указав новую цель — помешать начавшейся переброске войск противника. Однако генерал Н.В. Рузский, на которого возлагалось руководство проведением данной операции, решил не отступать от плана проникновения в Германию. Таким образом, он не принял во внимание реальные условия сложившейся

обстановки, допустив грубые просчеты в оценке противника. Кроме того, не были приняты меры к скрытому управлению войсками, их материальному обеспечению, к своевременному восстановлению разрушенных немцами при отходе железных и грунтовых дорог, к обеспечению войск переправочными средствами через реки. Ощущался острый недостаток боеприпасов, продовольствия, обмундирования, фуража. Русские радиосводки регулярно перехватывались и расшифровывались немцами, что позволяло им следить за противником «с недели на неделю и даже, зачастую, изо дня в день и принимать соответствующие противомеры».

Зная о подготовке наступления русских, немецкое командование решило перехватить стратегическую инициативу.

29 октября 9-я армия немцев, сосредоточенная в районе Торна, перешла в решительное наступление, имея задачу «сбить в кучу» 2-ю армию, а затем, если «все хорошо пойдет», расстроить и остальные армии русского фронта. Начались бои, носившие крайне ожесточенный характер. Противник всеми силами стремился выйти в тыл 2-й армии, нанося главный удар по 2-му армейскому корпусу, прикрывавшему ее правый фланг. В результате немцы получили возможность развивать свое наступление в обход фланга и тыла 2-й Русской армии, в то время как войска 5-й и 4-й армий беспрепятственно продвигались на Запад. Поняв наконец всю сложность и опасность ситуации, командующий Северо-Западным фронтом повернул 2-ю и 5-ю армии на север для принятия контрмер против 9-й армии немцев, а 4-я армия распоряжением Ставки была передана Юго-Западному фронту из подчинения генерала Рузского для совместного наступления с 9-й Русской армией на Ченстохов и южнее, чтобы сковать действия противника на этом направлении и не дать ему возможность перебрасывать войска в район Торно.

С отворотом 5-й армии на север и наступлением 4-й армии на запад между ними образовался промежуток, который было приказано прикрыть 1-й Забайкальской казачьей бригаде. В направлении Ченстохова от полков убыли разведывательные сотни.

4 ноября 1-я Забайкальская казачья бригада продолжила наступление и вышла к переправе через Вирту у колонии Гасьцице.

Противник медленно отходил, предпринимая на отдельных участках контратаки и наступление с целью задержать продвижение войск 4-й армии.

Одновременно с казаками к переправе подошли около 4 эскадронов конницы немцев, полурота пехоты с тремя пулеметами. Находившийся в авангарде 1-й Читинский полк с пулеметами и двумя орудиями вступил в бой и удержал переправу. Вскоре взводу пулеметов сотника Эпова и 4-й сотне 1-го Верхнеудинского полка было приказано прикрыть фланг Ростовского пехотного полка от обхода противником. Сам полк занимал позицию у фольварка Мыканов.

Высланный вперед разъезд от 4-й сотни выяснил направление обхода немцев. Пулеметы и спешенные казаки заняли позицию у д. Ново-Цукаржева. Развернув три эскадрона конницы лавой до батальона пехоты за ней, при поддержке огня 6 орудий противник начал наступление. Подпустив кавалерию и пехоту на 2000 шагов, пулеметы и казаки открыли сильный огонь. Эскадроны, понеся потери, отошли за пехоту, но и она не выдержала меткого огня забайкальцев, остановилась, стала окапываться. До подхода батальона из резерва Ростовского полка, занявшего позицию казаков, попыток наступать противник больше не предпринимал. Выполнив свою задачу, 4-я сотня и пулеметы Эпова переместились по приказу командира полка для прикрытия правого фланга Ростовского пехотного полка. К вечеру 1-й Читинский полк был сменен 1-м Аргунским полком, прибывшим к переправе у колонии Гасьцице с двумя пулеметными взводами под командованием сотника Гладышева и 1-й Забайкальской батареей. Пулеметный взвод сотника Эпова поступил в распоряжение командира Несвижского гренадерского полка, который занимал позицию фронтом на запад, откуда ожидалось появление противника, однако он атаковал 5 ноября правофланговый батальон с севера. 13-я рота Несвижского полка, находившаяся правее колонии Гасьцице, стала в беспорядке отходить. Командиру 1-го Аргунского полка еле удалось собрать 30—40 солдат без офицеров и унтер-офицеров, чтобы прикрыть отходивших под воздействием превосходящих сил противника другую роту гренадер, пулеметный взвод сотника Эпова и полусотню прикрытия сотника Беломестнова.

В середине дня от разъезда хорунжего Семенова, 1-го Читинского полка, и разъезда сотника Куклина, 1-го Аргунского полка, стали поступать сведения об обнаружении кавалерии и пехоты противника в районе д. Трембочева и в лесу, между д. Невиско-Гурно и колонии Гасьцице, а также о движении его крупных сил севернее д. Маковиско, в обход правого фланга.

Во второй половине дня от командира 1-го Аргунского полка пришло донесение, что со стороны реки Варта из лесов и д. Патржиков наступает много пехоты с конницей и что он, ведя бой с превосходящими силами противника, отходит на д. Дибидзе. 1-я Забайкальская казачья батарея расстреляла все свои боеприпасы, заканчивались патроны у казаков. Это вынуждало аргунцев некоторые позиции оставлять без боя.

В ночь с 5 на 6 ноября противник предпринял решительные атаки на позиции Несвижского пехотного полка, заставив его отойти на Новорадомск.

Следом за ним утром отошли и забайкальцы, оказавшиеся позади всех русских войск на Новорадомском направлении.

6 ноября противник перешел в наступление крупными силами на правом берегу реки Варта и попытался переправиться у д. Госць.

1-й Забайкальской бригаде и Уральской казачьей дивизии было приказано вести разведку в направлении Радышевице, Дзялошин, Крженице, а также ударами во фланг и тыл задержать продвижение противника в случае перехода его в наступление. Для ведения разведки от забайкальских полков убыла большая часть сотен. Другие сотни были направлены для захвата переправы у д. Ражне, занимали позицию совместно с пехотой и отражали атаки противника, прикрывали наиболее опасные направления, выводящие в тыл Гренадерской дивизии. С 4 часов дня и до наступления темноты артиллерия забайкальцев вела огонь по немецким колоннам и наступающим цепям. Выйти во фланг и тыл противнику, как было приказано, не удавалось, да и пехотные начальники, в интересах которых действовали казаки, все чаще стали использовать их для прикрытия своих флангов.

Так, 1-й Верхнеудинский полк получил задачу занять позицию совместно с пехотой на западной опушке леса между д. Галонки и Стобецко, а пулеметный взвод сотника Гладышева убыл для поддержки 6-го Уральского казачьего полка, обороняющегося у д. Добрыжице.

В этот же день 1-я Забайкальская бригада и Уральская казачья дивизия вошли в состав конного корпуса генерал-лейтенанта князя Туманова, сформированного на базе 13-й кавалерийской дивизии.

7 ноября коннице генерала Туманова была поставлена задача выдвинуться впереди правого фланга гренадерской дивизии генерала Ставровича и решительным ударом во фланг и тыл противника содействовать его поражению. Однако в течение дня забайкальцы и уральцы продолжали выполнять ранее поставленные задачи по обеспечению флангов пехотных частей, отражающих атаки противника в шести верстах впереди Новорадомска.

Казаки часто спешивались, занимали окопы и действовали в бою как пехота. Неоднократно приходилось захватывать выгодные рубежи и до подхода пехоты удерживать их.

Отбив атаки противника, русские полки продолжали наступление. Казачьи разъезды выдвигались вперед, стараясь сохранить соприкосновение с противником, нападали на его заставы и разведку. С наступлением темноты казачьи части, как правило, уходили на ночлег за пехоту. Пассивные действия конницы вызывали недовольство командующего 4-й армией генерала Эверта, требующего активных действий на флангах и в тылу противника. В одной из своих телеграмм командующий упрекнул начальника 1-й Забайкальской бригады генерала Томашевского в том, что он, вместо того чтобы действовать на флангах противника при переходе его в наступление, отходит за пехоту и не сам дает сведения о противнике, а просит эти данные у пехотных начальников. Такие упреки не всегда были справедливы, так как боязнь обхода своих флангов заставляла пехотных командиров удерживать казаков при себе. Когда же

позволяла обстановка, казаки смело атаковали противника, несмотря на его явное превосходство в силах. Подтверждением этому могут служить действия разъезда сотника Беломестнова 1-го Аргунского полка и разъезда уральцев, которые, выбив сильную кавалерийскую заставу немцев из д. Добрыжице, заняли ее и огнем во фланг обстреляли две наступавшие роты противника, заставив их остановиться. К сожалению, такие действия незначительных сил кавалерии русских не могли повлиять на общий ход событий. Превосходство в коннице не использовалось русским командованием в тактическом звене для достижения целей наступления. Атаки во фланг и тыл наступающего противника силами казачьих полков, бригад, дивизий не применялись. Русские пехотные начальники предпочитали иметь конницу на своих флангах при отражении атак противника, обрекая ее на пассивность, а при наступлении больше полагались на фронтальный удар пехоты, чем на маневр кавалерии в интересах этой же пехоты. В анализе боевой обстановки, проведенном штабом 4-й армии, говорилось: «Противник широко использует маневр. Завязав бой авангардами, они главными силами не подпирают их, а прямо походными колоннами главных сил ищут выход на фланги, а потом наступают по сходящимся направлениям. Мы же бьемся плечом к плечу, позволяя выход противнику на наши фланги. Наша конница жмется к пехоте вместо того, чтобы, откинувшись на фланг и при возможности выдвинувшись уступом вперед, не допускать противника направлять свои удары в наш фланг и, в свою очередь, развивать действия во фланг и тыл наступающего противника. Особую ценность приобретают действия конницы на широком фронте и при преследовании, так как возникает возможность обходить те позиции, на которых обороняются арьергарды противника».

Исходя из этого анализа, командующий 4-й армией генерал Эверт требовал решительных маневренных действий не только от кавалерийских начальников, но и от всех остальных: «Приказываю раз и навсегда отказаться всем начальникам от прямого ведения боя, которые ставили нас не раз в невыгодное положение, и широко пользоваться теми проверенными боевыми приемами, которые ведут к победе над противником, то есть решительных действий на его флангах...»

Утром 8 ноября кавалерийский корпус генерала Туманова был сосредоточен в районе посада Каменск, откуда выступил по трем маршрутам в направлении на д. Сцегна, Рущин, Ленкинско, Клещов и Ново-Слобницу. В авангарде 1-й Забайкальской бригады шел 1-й Верхнеудинский полк. В составе главных сил — 1-й Аргунский полк с 4 пулеметами сотников Эпова и Гладышева, одна Забайкальская казачья батарея, штаб.

1-й Читинский полк (4 сотни), 3-я Забайкальская казачья батарея с 4 пулеметами подъесаула Бакшеева и сотника Перевалова были прикомандированы к Орденскому драгунскому полку 13-й кавалерийской дивизии, составившим отдельный отряд полковника Товарищева. Не встре-

чая серьезного сопротивления, 1-я Забайкальская бригада к вечеру вышла в район д. Клещов, Куцов, где остановилась на ночлег. В течение дня разведывательные сотни бригады неоднократно вступали в бой с мелкими подразделениями противника, а 1-й Читинский полк, следуя в авангарде отряда полковника Товарищева, завязал бой с немецкой кавалерией и занял д. Вилики.

9 ноября бригада, имея в авангарде 1-й Аргунский полк со взводом пулеметов сотника Гладышева, выступила на д. Ксаверов, Стружа. За деревней Кузница авангард наткнулся на большие силы противника, окопавшиеся на возвышенностях. 1-я Забайкальская батарея заняла огневую позицию и открыла огонь. Ожидая наступления немцев, 2-я и 3-я сотни аргунцев с пулеметами заняли позицию севернее д. Ксаверов, а 6-я сотня — южнее. В течение дня немецкая артиллерия подвергла жесточайшему обстрелу д. Кузница и позиции авангарда. Главные силы бригады отошли в д. Клещов.

1-й Читинский полк, действуя на направлении наступления 13-й кавалерийской дивизии, стремительной атакой в конном строю захватил д. Домбровец, а после небольшой перестрелки и д. Замосьце, по которой немецкая артиллерия открыла сильный огонь. Оставив д. Замосьце, читинцы прочно укрепились в д. Домбровец. Все попытки противника выбить из нее казаков успеха не имели.

10 ноября для разведки противника и леса севернее Ксаверова была выслана 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полка, которая встретилась с австрийскими кавалеристами, ведущими разведку в том же районе. В результате скоротечного боя 3 австрийца и 2 лошади были убиты. Другими сотнями бригады в течение дня захвачены в плен 3 австрийских офицера и 25 солдат.

11 ноября бригада переместилась в д. Жлобница, с юго-западной окраины которой 1-я Забайкальская батарея вела огонь по противнику.

12 ноября бригада выступила по дороге на д. Ксаверов. Ее авангард, 1-й Верхнеудинский полк, отразил попытку спешенных австрийских кавалеристов перейти в наступление из деревни Кузница. Сотня 1-го Аргунского полка вступила в бой с 2 ротами противника, наступавшими от фольварка Юзефина, и захватила в плен 2 австрийцев. 2-я сотня 1-го Верхнеудинского и 6-я сотня 1-го Аргунского полков сами перешли в наступление в пешем порядке и атаковали противника в д. Элинов, откуда он был выбит к 13 часам дня. Для прикрытия их левого фланга были высланы 4-я сотня верхнеудинцев и 5-я — аргунцев. Под шрапнельным огнем немецкой артиллерии казаки повели наступление на посад Станиславов, который взяли с боем к 2 часам дня, и продолжили наступление на д. Воля-Выдрины и Марковизну. К 3 часам дня 2-я сотня верхнеудинцев и 6-я аргунцев подошли к д. Ополянка и фольварк Юзефина, противник под энергичным воздействием казаков отступал, бросая уби-

тых, раненых и теряя оружие. В ходе боя удалось установить, что против забайкальцев действовали 1-й гусарский, 4-й и 7-й уланские полки австро-венгров.

К 4 часам 30 минутам дня казачьи сотни двух полков, преследуя противника, заняли гребни высот за д. Пекари, но ввиду того, что находившаяся слева 13-я кавалерийская дивизия бездействовала, оставаясь на месте, было приказано прекратить наступление. Забайкальцы захватили 16 пленных австрийских солдат и большие трофеи. Офицеры и казаки бригады в этот день проявили настойчивость в достижении победы, мужество и героизм. Успех был бы еще больше, если бы их поддержали соседи.

13 ноября противник, отступивший за линию д. Сульмержице, Пекари, перешел значительными силами в наступление против вырвавшихся вперед забайкальцев. Занимавшие на достигнутом рубеже позиции аргунцы были атакованы пехотой противника при мощной поддержке артиллерии и вынуждены были с боем отойти к д. Жлобница. Бригада сосредоточивалась в д. Куцов, выслав в авангард 1-й Верхнеудинский полк. Ночью небольшие разъезды противника попытались прорваться через линию сторожевого охранения верхнеудинцев, но были отбиты огнем казаков.

Во время дневного боя аргунцев с наступающим противником разъезд 6-й сотни урядника Усольцева захватил 3 пленных, и еще одного пленного взял урядник Патрин.

К вечеру в расположение бригады вернулся 1-й Читинский полк с пулеметами.

В течение месяца 1-я Забайкальская бригада не выходила из боя.

Казаки и их лошади были измучены беспрерывными боевыми действиями, нуждались в отдыхе, но на просьбу генерала Томашевского предоставить двухнедельный отдых генерал Эверт ответил через генерала Мрозовского: «...ни о каком отдыхе, а тем более двухнедельном, не может быть и речи».

Не хватало корма лошадям, казаки были еще в летнем обмундировании и изношенных сапогах, увеличилось количество заболевших. Однако ни физическая усталость, ни наступившие холода не отразились на их моральных и боевых качествах.

14 ноября бригада вступила в бой с противником, наступающим на д. Жлобницы. В 8 часов утра его пехота с фронта и флангов атаковала сторожевое охранение, в котором находились казаки 1-го Верхнеудинского полка. Высланные на усиление 3-я и 4-я сотни верхнеудинцев, при поддержке огнем 1-й Забайкальской батареи, приостановили его наступление, но ввиду угрозы обхода с флангов все сотни, оставив разъезды и небольшие заставы в соприкосновении с противником, вынуждены были отойти к д. Жлобница. Отход 1-го Верхнеудинского полка прикрывала

сотня 1-го Читинского полка, высланная к д. Фаустынов. Отошедшие к восточной окраине д. Жлобница верхнеудинцы поступили в распоряжение командира 1-го Читинского полка, который приказал им занять позицию в роще, севернее деревни.

Заняв деревню Фаустынов, противник прекратил свое дальнейшее продвижение, так как все его попытки наступать пресекались метким огнем казаков и 1-й Забайкальской батареи.

К вечеру 15 ноября находившийся в авангарде 1-й Читинский полк был сменен 1-м Аргунским полком, а штаб бригады разместился в д. Ставек.

В этот же день части конного корпуса генерала Туманова были подчинены генералу Клембовскому с целью обеспечения правого фланга 4-й армии. Образовавшийся между двумя армиями (4-й и 5-й) разрыв притягивал внимание немецкого командования, поэтому им предпринимались все усилия, чтобы обойти правый фланг 4-й армии и выйти в тыл отвернувшей на север 5-й Русской армии.

Переход к оборонительным боям и отход за реку Пилицу

16 ноября бои разгорелись с новой силой. Утром 1-й Верхнеудинский полк выступил на д. Богомилов для ее обороны. Находившиеся там 3 сотни 7-го Уральского казачьего полка и 2 сотни, стоявшие в д. Камень, ушли на д. Осины.

4-я и 6-я сотни верхнеудинцев по прибытии в д. Богомилов убыли для обороны д. Камень, левую часть которой занимали 1,5 сотни 1-го Аргунского полка. Во второй половине дня противник предпринял наступление на позиции забайкальцев. Артиллерийским, ружейным и пулеметным огнем все его атаки были отбиты. В бою отличились пулеметчики сотников Перевалова и Гладышева, заставившие сначала наступавшие цепи немцев остановиться, а затем отойти в лес за д. Винск. Забайкальский дивизион, обстреляв батарею противника, вынудил ее сняться с позиций и отойти. 1-я сотня 1-го Аргунского полка и 1-я сотня читинцев перешли в атаку и с боем заняли д. Фаустынов.

Отброшенный противник в течение ночи и следующего дня не наступал. Справа от забайкальцев оборонялась Уральская казачья дивизия, а слева — 13-я кавалерийская дивизия.

18 ноября, согласно приказу командира конного корпуса, 1-я Забайкальская казачья бригада должна была переместиться севернее и занять район деревень Камень, Осины, Пуща, Поджар для прикрытия промежутка между Уральской казачьей дивизией и 2-й гренадерской.

Для разведки противника от 1-го Верхнеудинского полка убыли разъезды хорунжих Веремеева и Горбача. Им удалось своевременно обнаружить движение немецких частей на д. Станиславов, а потом и на всем фронте бригады. Вскоре густые цепи противника перешли в наступление и после скоротечного боя вынудили казаков отойти к д. Жар. Аргунцы и читинцы цеплялись за каждый рубеж, чтобы максимально снизить темп наступления немцев, нанести им потери и не дать распространиться в сторону флангов.

2-я сотня читинцев с пулеметом, оборонявшаяся у д. Осины, противостояла двум немецким колоннам, которые пытались пробиться к деревне и выйти в тыл забайкальцам. Иногда цепи противника подходили на 500—600 шагов, но каждый раз откатывались назад под мощным огнем казачьих винтовок и пулеметов. Казаки великолепно вели себя. Их меткая стрельба неоднократно заставляла немецкую пехоту ложиться. Хладнокровно подпустив ее на 500 шагов, когда вышколенная цепь немцев готова была броситься в штыки, пулемет казаков начинал свою работу, за ним — по метавшимся по полю вражеским солдатам открывали огонь казаки из винтовок. Лучшие стрелки выбивали офицеров. Противник, оставляя убитых и раненых, возвращался в исходное положение, чтобы начать новую атаку. С получением приказа сотня отошла, оставив в д. Осины засаду — разъезд урядника Сараева. Когда немцы вошли в деревню, казаки из засады встретили их выстрелами в упор, заставив остановиться и залечь. После этого, вскочив на коней, разъезд отошел к своей сотне, а противник еще долго обстреливал из пулеметов и винтовок пустое место. В бою особенно отличились урядники Козлов и Золотухин, управлявшие стрельбой взвода и последними покинувшие позиции.

На следующий день противник обрушился на сторожевое охранение бригады, находившейся на позициях у д. Жар. Вынудив его отойти, немцы захватили переправу через речку Видова и повели наступление густыми цепями на позиции 1-го Аргунского полка у д. Каплевице. На помощь им была послана 6-я сотня 1-го Верхнеудинского полка с пулеметным взводом сотника Эпова и эскадрон драгун Орденского полка под общим командованием подполковника Вейпера. В задачу отряда входило обеспечение правого фланга аргунцев, которые вели бой левее д. Сцихов, занятой уже противником. Находившаяся правее 1-го Аргунского полка Уральская казачья дивизия отошла, поэтому создалась угроза обхода противником аргунцев справа. Выполняя поставленную задачу, отряд подполковника Вейпера занял опушку леса у д. Сцихова. Спешенные казаки и драгуны открыли беглый винтовочный огонь по перешедшему в наступление противнику. Немцы шли как на параде, выдерживая равнение в цепи и мало обращая внимания на стрельбу по ним. Установив пулеметы, казаки сотника Эпова быстро произвели пристрелку и открыли непрерывный огонь, опустошив стройные ряды противника, заставив

его залечь и окапываться. Все попытки немцев продвинуться вперед терпели неудачу. Под мощным давлением противника 1-й Аргунский полк стал медленно отходить на д. Курнос, где занял позицию на ее восточной окраине. После отхода полка отошел по приказу и отряд подполковника Вейпера.

1-й Читинский полк с 2 орудиями и 4 пулеметами сотников Перевалова и Гладышева занимал позицию у д. Тржоне. Немецкий пехотный полк с артиллерией, вытянувшись длинной колонной, вышел из д. Осины и пошел в направлении на д. Ковальце и Жар, а до батальона пехоты начали наступление на читинцев. Две его роты стали обходить левый фланг полка, а одна рота атаковала с фронта. Наткнувшись на огонь казачьих пулеметов и винтовок, немцы повернули назад. Отразив атаку, сотни отошли в д. Закржице, а потом на Аугустынов.

На рассвете 20 ноября 1-я Забайкальская бригада выдвинулась в посад Мазуры ввиду того, что к д. Грохолице подходили значительные силы пехоты противника. 1-й Аргунский полк занял позиции севернее д. Мазуры и правее д. Грохолице, 1-й Читинский полк — левее у д. Мазуры, 3-я и 4-я сотни 1-го Верхнеудинского полка стали у леса против середины д. Аугустыно. Противник, силою до пехотного полка, повел наступление на позиции казаков. За плотными цепями выдвигались колонны вторых эшелонов и резервов. Выйдя из д. Оленек и Ксенжи-Млын, немцы под прикрытием огня своей батареи, обстреливавшей участок обороны 1-й сотни 1-го Читинского полка у д. Бугай, бегом устремились к этой деревне. На помощь 1-й сотне подошла 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полка под командованием есаула Зимина и подъесаула Мациевского, а также пулеметный взвод сотника Гладышева. Казаки спешились и заняли окраину деревни. Пулеметный взвод, скрываясь за складками местности, наметом выдвинулся к д. Бугай и занял позицию в цепи казаков. Сначала пулеметы сотника Гладышева открыли огонь по резервной колонне противника, заставив ее в беспорядке отступить к лесу, бросив на месте много убитых и раненых, а затем перенесли огонь по атакующей цепи. Понеся потери, она залегла и стала окапываться. После этого пулеметы перенесли огонь по другим цепям противника, которые тоже залегли, ведя сильный огонь по казакам. Так как 2-я сотня верхнеудинцев находилась не в окопах, держаться под огнем немецких пулеметов стало невозможно, и она отошла по приказу на другую позицию.

Южнее д. Бугай, у д. Мазуры, справа и слева дороги, ведущей на посад Брохлин, обороняли позицию 3-я и 1-я сотни 1-го Читинского полка со взводом пулеметов сотника Эпова. Главной задачей их было задержать наступление превосходящих сил противника и дать возможность бригаде занять очередной рубеж в тылу. На участке этих сотен наступала австрийская пехота, силой до полка. На усиление читинцев были высланы 6-я и 3-я сотни 1-го Верхнеудинского полка. После пристрелки, под-

пустив противника на 1600 шагов, пулеметы сотника Эпова и казаки открыли непрерывный огонь по первой цепи атакующих, которая залегла. Все другие попытки наступать на д. Мазуры успеха не имели. Как только пехота противника поднималась в очередную атаку, она каждый раз попадала под губительный огонь казачьих пулеметов и винтовок. Бой продолжался до полудня. Атаки противника следовали одна за другой при поддержке сильного огня немецкой артиллерии. Забайкальский дивизион вел непрерывный огонь по немецким батареям, наступающим цепям и резервам. Во время перестрелки противнику удалось обнаружить артиллерийский взвод сотника Николаева, который беглым огнем расстреливал поднявшуюся в атаку пехоту австрийцев на д. Мазуры, и обрушить на него ураганный огонь своих батарей. Взвод понес потери, но не прекратил огонь. Сотник Николаев был смертельно ранен. Его и других раненых казаков-артиллеристов вынесла из боя 2-я сотня читинцев, прикрывающая огневые позиции взвода. Земля на позициях казаков буквально кипела от падающих снарядов и разрывных пуль, но ни один из них не отступил без приказа.

Не имел успеха противник и на участке 1-го Аргунского полка, отразившего при поддержке 1-й Забайкальской батареи все его атаки. После получения приказа на отход 1-я Забайкальская бригада под прикрытием 1-го Верхнеудинского полка, усиленного 4 пулеметами, отошла на новую позицию у д. Боровно. Отход бригады обеспечивала 13-я кавалерийская дивизия, которая и задержала наступление противника до подхода пехоты Кавказского корпуса.

Поздно вечером бригада собралась в д. Трущанск на ночлег. В этот же день на помощь коннице подошла пехота 3-го Кавказского корпуса.

21 ноября бригада получила задачу прикрывать правый фланг перешедшего в наступление 3-го Кавказского корпуса, на котором действовала 52-я пехотная дивизия. Справа от бригады наступала 1-я гвардейская кавалерийская дивизия.

Выполняя приказание, бригада продвинулась до д. Бронников. Противник занимал д. Близин и вел перестрелку с ротой Ново-Баязетского полка.

2-я и 6-я сотни 1-го Верхнеудинского полка с двумя пулеметами сотника Гладышева окопались на опушке леса в полуверсте от д. Вронников, а д. Ляски заняли 3 сотни читинцев с 2 пулеметами сотника Эпова. Сюда же подошел пехотный полк 52-й пехотной дивизии. Пехота выбила противника из д. Близин, и казаки в конном строю стали преследовать его на д. Каменна. Две сотни верхнеудинцев были высланы вперед с целью разведки и действия на маршрутах отступления противника. На ночлег бригада расположилась в районе д. Ляски, Вронников.

Поздно вечером 1-му Верхнеудинскому полку в составе 3 сотен было приказано проверить поступившие данные от командира 208-го Ларийс-

кого полка, что его обходят с правого фланга через лес, севернее д. Каменна на д. Радзетков крупные силы противника.

Выступив по указанному направлению, полк приступил к выполнению поставленной задачи, выслав в авангард 6-ю сотню и разъезд хорунжего Лаврова для разведки д. Радзетков и леса. Данные подтвердились. Авангардная сотня и разъезд были обстреляны противником. Потеряв убитым одного казака и две лошади, отошли к полку в д. Ежов.

22 ноября по просьбе командира 52-й дивизии, переданной офицером связи подъесаулом Мациевским, 4-я сотня 1-го Верхнеудинского полка была выслана для охраны дороги из д. Близин на д. Каменну, из которой ночью противник выбил русскую пехоту. 3-я сотня 1-го Читинского полка со взводом пулеметов сотника Гладышева у фольварка Людвиков приостановила дальнейшее продвижение немцев и после смены ее пехотой отошла к полку, занимавшему позиции севернее господских двориков д. Ежов. Во второй половине дня бригада сосредоточилась в районе Кржижанов, а к утру 23 ноября переместилась в д. Крежня.

С рассветом 1-я Забайкальская батарея заняла позиции и открыла огонь по д. Пекары, Манкомще, куда вошли передовые части противника. Опасаясь обстрела с прилегающих высот, бригада отошла в колонию Гански, выслав в разведку к д. Богданов 6-ю сотню 1-го Верхнеудинского полка.

24 ноября 1-й Читинский полк, прикрывавший правый фланг обороны, вступил в бой с крупными силами пехоты, пытавшейся обойти 52-ю пехотную дивизию. Завязался ожесточенный бой. Особенно отличилась 2-я сотня читинцев с пулеметами сотника Гладышева, оборонявшая д. Коверот. Не сумев добиться успеха в ходе атак, противник обрушил на деревню и сотню ураганный огонь артиллерии. Казаки отошли лавой только по приказу командира полка. Так же стойко оборонялись другие сотни полка. Только подавляющее превосходство противника в пехоте и артиллерии вынудило полк отойти на другую позицию. Ему на помощь были посланы 3-я и 6-я сотни Верхнеудинцев, которым, кроме того, вменялось в обязанность охранять правый фланг Дагестанского пехотного полка, находившегося в д. Ракнище. Заняв окопы на опушке леса, сотни Верхнеудинцев оставались там до вечера.

За день боя десятки казаков 1-го Читинского полка и их лошади были убиты и ранены. Только 2-я сотня потеряла убитыми казаков Вырупаева, Зырянова, ранеными — казаков Шадрина, Трухина, старшего урядника Золотухина, контуженными взводного урядника Козлова и казака Даши Шарапова. Были убиты 5 лошадей и 2 ранены. Офицеры: хорунжий Костенский и хорунжий Размахнин, по словам командира сотни, «одержали себя выше похвал, взводные урядники, несмотря на урон во изводах, действовали успокоительно на подчиненных и только по моему приказу отошли».

Казаки в бою проявили мужество и находчивость, показали, что они могут отлично действовать в пешем строю как пехота, и по стойкости не уступали ей. Поддерживающие 1-ю и 2-ю сотни читинцев пулеметчики сотника Гладышева вступили в единоборство с двумя полевыми орудиями противника, выдвинутыми на прямую наводку, чтобы уничтожить их. После нескольких выстрелов по 2-й сотне и пулеметному взводу загорелось несколько домов в деревне. Прикрываясь дымом и плетнем, пулеметчики быстро заняли позицию и метким огнем часть прислуги этих орудий перебили, а другую часть заставили покинуть огневую позицию и укрыться. Орудия замолчали. Поменяв позицию, пулеметы продолжили огонь по атакующей пехоте и заставили ее залечь. Минут через 10 по пулеметам сотника Гладышева открыли огонь 4 немецких орудия из-за д. Манкомще. Казаки вновь поменяли позицию, перебежав за другую ограду и окопавшись там. В это время ожили первые два орудия и стали обстреливать 1-ю и 2-ю сотни частым огнем вместе с 4 орудиями у д. Манкомще. Вскоре запылала вся деревня Коверот. Тогда пулеметчики перенесли огонь на открыто расположенные два орудия и до конца боя заставили их замолчать. В пулеметном взводе были контужены казаки Евгений Федотов и Петр Раздобреев, убиты 3 и 1 лошадь ранена.

Пехота противника вновь атаковала читинцев, но, не выдержав огня винтовок и пулеметов казаков, откатилась на исходные позиции.

Возникла идея захватить два брошенных немецких орудия, но противник обрушил на позицию такое количество снарядов, что пришлось поспешно отходить, чтобы не погубить в горящей деревне людей и лошадей. Читинцы отступили, а на позицию в деревне Коверот стал 1-й Аргунский полк. При отходе пулеметчики сотника Гладышева получили задачу убыть в распоряжение командира Дагестанского полка в д. Гомолин, где они оказывали помощь спешенной русской кавалерии при отражении атак пехоты противника. Только утром 25 ноября пулеметчиков-забайкальцев сменили пулеметные расчеты лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка, и они убыли на позиции 1-го Аргунского полка, оставаясь там бессменно до 29 ноября. Сторожевое охранение верхнеудинцев в это же время сменили эскадроны лейб-гвардии драгунского полка.

В течение нескольких дней, сменяя друг друга, казачьи полки несли службу на позициях в д. Вулька-Богданская и Коверот под непрерывным огнем немецкой артиллерии, отражали атаки и пресекали попытки разведывательных подразделений противника проникнуть в наш тыл.

Ночью 28 ноября противник атаковал 1-й Верхнеудинский полк, но был отброшен. Казаки свои позиции удержали.

29 ноября бригаду сменила казачья бригада Уральской дивизии, и забайкальцы были отведены на долгожданный отдых в д. Цеканов, Игнацов и Александрополь.

30 ноября бригада была построена для встречи командира гвардейского корпуса генерала Гилленшмидта, который передал благодарность государя за отличные действия забайкальцев в составе корпуса генерала Туманова и что на каждую сотню пожаловано по 5 Георгиевских крестов.

1 декабря 1-я Забайкальская казачья бригада выступила через город Петраков и через 2 часа сосредоточилась в д. Шидлов. В течение дня казаки мылись в бане, перековывали лошадей, приводили в порядок амуницию и снаряжение. Командиры полков послали в г. Петраков команды для изготовления древков пик, поломанных в боях. На отличившихся в ночном бою казаков 1-го Верхнеудинского полка было приказано сделать представление к награждению. У деревни Александрополь и по дороге на колонию Романовка выставлялись полевые караулы. К вечеру 1-й Верхнеудинский полк в полном составе с 2 пулеметами сотника Гладышева убыл для смены на позиции 177-го Изборского полка, а главные силы бригады оставались в д. Шидлов. Здесь ей была поставлена задача: «...последовательно отходя от позиции к позиции, сдерживать продвижение противника, обеспечивая спокойный и беспрепятственный отход нашей пехоты за р. Пилицу...». Такое решение стало следствием того, что к концу Лодзинской операции наступательный порыв русских войск выдохся. Противнику удалось остановить части 4-й армии, наступающие на запад, а потом и оттеснить их на восток.

2 декабря бригада заняла отведенный ей участок. Левее 1-го Верхнеудинского полка оборонялся 1-й Читинский полк, а правее — 5-й гусарский Александрийский полк. На участке 1-го Верхнеудинского полка в окопах находилось два батальона пехоты. В 8 часов утра противник открыл сильный огонь из полевых и тяжелых шпурмовых орудий по позициям 1-го Читинского полка и 6-й сотне 1-го Верхнеудинского полка.

На участке читинцев и кирасир, которые были левее их, немецкие пехотные цепи повели наступление при сильной поддержке артиллерии, а на участке верхнеудинцев появились небольшие группы солдат противника, отгоняемые огнем винтовок и пулеметов казаков. В начале 1-го часа дня читинцы и кирасиры стали отходить на новую позицию, а за ними отошел и 1-й Верхнеудинский полк, обстреливаемый артиллерией немцев. Русская пехота к вечеру оказалась оттесненной за Петраков, а бригада сосредоточилась в д. Меще.

3 декабря началось общее отступление 4-й армии по всему фронту. Тыловые казачьи заставы, высланные от 1-го Верхнеудинского полка, действующего в арьергарде бригады, обнаружили, что западнее д. Коло вошли в лес конница и пехота противника. На это направление были высланы разъезды от 4-й и 6-й сотен, отходивших последними, а 3-я сотня, вошедшая в авангард бригады, убыла для разведки переправ через р. Пилица и наблюдение за ними. К 6 часам вечера все части бригады

переправились на правый берег реки по мосту, который был взорван следом за прошедшей по нему последней сотней.

Из разъезда, действующего на левом берегу р. Пилица, не вернулись 4 казака 1-го Верхнеудинского полка. Судьба их осталась неизвестна. Хорунжий Лавров в лесу на нашем берегу подобрал первую большевистскую прокламацию, призывавшую к окончанию войны и братанию на фронте.

Уже в начале сентября 1914 года большевики России, вооруженные идеями В.И. Ленина по превращению «империалистической войны в войну гражданскую», используя трудности, связанные с войной, начали свою разрушительную работу в Русской армии.

С переходом бригады на правый берег р. Пилица ей была поставлена задача препятствовать переправе противника на участке г. Томишов, д. Барковице. С этой целью в северном направлении стал вести разведку 1-й Аргунский полк, а в южном — 1-й Верхнеудинский полк. Слабые попытки противника переправиться через реку пресекались огнем пулеметов и винтовок забайкальцев.

В ночь на 4 декабря немцам удалось переправиться через Пилицу у Суливо, и они начали наступать 7 декабря от д. Домброва на позиции, обороняемые сотнями Уральской дивизии.

Обеспокоенное проникновением передовых немецких частей на наш берег Русское командование бросило в наступление пехоту Кавказского корпуса, которая атаковала противника и успешно пошла вперед. Забайкальская бригада также получила задачу наступать. К реке Пилица убыли разведывательные сотни. Противник поспешно отходил на северный берег реки. Во время разведки 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полка на противоположном берегу р. Пилица обнаружила сбитый немецкий аэроплан. Урядник Якимов с 3 казаками вызвался захватить в плен летчиков. Переправившись на неприятельский берег, казаки бросились к аэроплану, лежащему недалеко от домика лесника. Укрывшиеся за углом дома немецкие летчики открыли по казакам огонь из пистолетов. Вырвавшийся вперед урядник Якимов был убит наповал. Разъяренные казаки зарубили летчиков и вынесли тело урядника на свой берег.

8 декабря бригада продолжила наступление. 3 сотни верхнеудинцев и 2 сотни аргунцев вышли к посаду Иновлодзь и заняли опушку леса под огнем немецких пулеметов и разрывами шрапнельных снарядов. Мелкие подразделения противника, пытавшиеся атаковать или выйти во фланг, расстреливались ружейно-пулеметным огнем и быстро отступали.

Следующий день прошел в перестрелках с подразделениями прикрытия немцев.

10 декабря для обеспечения 18-й пехотной дивизии, переправлявшейся у п. Иновлодзь, разведданными на противоположный берег были высланы разъезды подъесаула Мациевского и хорунжего Веремеева от 1-го Верхнеудинского полка. Бригада охраняла левый фланг 18-й диви-

зии, которая ночью заняла посад Иновлодзь, переправив сначала только 2 пехотные роты, а затем к утру 11 декабря еще несколько. С наступлением дня немецкие пулеметы, установленные на костеле за посадом, не давали поднять головы, не то чтобы осуществлять переправу. Русская мортирная батарея безуспешно пыталась их подавить. Было приказано сделать это знаменитой 1-й Забайкальской батарее, и она блестяще справилась с задачей. Несколькими ее меткими выстрелами пулеметы были сбиты с костела и не препятствовали больше переправе пехоты.

12 декабря под воздействием значительных сил противника 18-я дивизия вынуждена была отвести на наш берег переправившиеся у п. Иновлодзь силы. С этого времени и вплоть до конца декабря казачьи полки, сменяемые друг другом или другими частями, перешедшими к обороне на правом берегу р. Пилица, несли боевую службу в окопах. Ежедневно на их позиции обрушивались сотни снарядов, иногда, как, например, 25 декабря, обстрел длился весь день. Сильный огонь артиллерии противника мешал смене полков, и они оставались порой на месте до наступления темноты. Снаряды разрушали траншею и блиндажи, которые приходилось постоянно восстанавливать.

В ноябрьских и декабрьских боях 1914 года забайкальские казаки, наступая и обороняясь, проявили все свои наилучшие качества. Они беспрекословно выполняли любой приказ, несмотря на то, что сутками не слезали с лошади, терпеливо выносили холод и голод, были неприхотливы в житейских вопросах, довольствуясь малым. В боях с превосходящим по силам противником показывали стойкость и выдержку, разумную инициативу и волю в достижении победы. Действуя в разведке или охранении, смело вступали в бой с небольшими частями противника, часто превышающими численность казачьих разъездов и сотен.

Не считаясь со смертельной опасностью, всегда приходили на помощь друг другу, не бросали на милость победителя ни своих, ни чужих раненых, если приходилось отходить, проявляя при этом мужество и героизм. Так, при отходе с левого берега р. Пилица 70-го Рижского и 69-го Рязанского пехотных полков в спешке отступления были брошены раненые пехотинцы. Спасти их вызвались добровольцы из 2-й сотни 1-го Читинского полка. Под сильнейшим ружейно-пулеметным огнем с обеих сторон они несколько раз прорывались к раненым и вывезли к своим 30 потерявших уже всякую надежду на спасение солдат-пехотинцев обоих полков. За этот подвиг, который стал известен всей армии, казаки-добровольцы были награждены Георгиевскими крестами. Своим благородным поступком трубач Жилин, казаки Гурулев, Елгин, Кокташев, Трухин, Хлебников и Шангин прославили Забайкальское войско, вписав еще одну героическую страницу в его славную историю.

Поредевшие казачьи полки забайкальцев набрались боевого опыта, научились воевать не числом, а умением, заслужили доверие военачальников.

К концу 1914 года обе враждующие стороны прекратили наступательные действия и перешли к обороне на всех фронтах. Передний край превратился в сплошную систему траншей, укрытий и проволочных заграждений в два и более кольев.

Ежедневно на позиции русских артиллерия противника обрушивала сотни снарядов. Наша артиллерия отвечала редкими выстрелами, так как сказывался недостаток в боеприпасах. Сменяя друг друга через каждые трое суток, пехота и спешенная кавалерия, в том числе и казачья, засели в окопах. Днем велась редкая ружейно-пулеметная перестрелка, мешающая противникам вести инженерные и восстановительные работы, ночью действовали небольшие разведывательные группы, пытавшиеся проникнуть за заграждения и захватить пленного — «языка». Кампания 1914 года закончилась. Ни одна из воюющих сторон не достигла своей стратегической цели. Однако Русская армия, вынудив Германию и Австро-Венгрию перейти к обороне, добилась в ходе пятимесячных боев больших результатов. Она стояла на пороге Австро-Венгрии, угрожая ей вторжением, приблизилась к границам Германии западнее Вислы и угрожала вторжением в важные в экономическом отношении области — Силезию и Познань.

Германские войска хотя и находились на территории своих противников, но сама Германия оказалась зажатой в тиски двух фронтов и морской блокады.

Русская армия была сильна, несмотря на понесенные потери от технически лучше оснащенного врага, и представляла наибольшую угрозу для держав Центрального Союза, чем их противники на Западе. Мужество и стойкость русского солдата не только прославили Россию, но и спасли Францию от натиска германских войск. Наступательные операции на русском фронте заставили Германию срочно перебрасывать войска с Западного фронта на Восточный в тот момент, когда поражение Франции было уже неизбежным. Англия же в это тяжелое время не оказала французам существенной помощи на суше.

1-я Забайкальская бригада в течение трех месяцев не выходила из боя, участвовала в двух крупнейших операциях Юго-Западного и Северо-Западного фронтов и внесла свою посильную лепту в успех русского оружия.

Новый, 1915-й год забайкальские казаки встретили в окопах на р. Пилица.

* * *

В конце 1914 года, когда на Западе уже несколько месяцев бушевала война, на юге России открылся новый фронт — Кавказский. Странам Антанты не удалось привлечь на свою сторону Турцию или хотя бы оттянуть

время ее вступления в войну на стороне Германии. Русское правительство хотело избежать войны и не стремилось к конфронтации со своим давним противником, так как такая война создала бы дополнительные трудности для страны и отвлекла бы в Закавказье значительные силы армии.

В Турции же считали, что настал благоприятный момент свести старые счеты с Россией и, пользуясь тем, что с Кавказа на Западный фронт убыли самые боеспособные части Кавказской армии, попытаться захватить Кавказ, Крым, а если дело пойдет хорошо, то и выйти в долины Волги и Камы.

Уже 2 августа 1914 года турецкое правительство заключило с Германией в Константинополе союзный договор, который обязывал турок выступить на стороне центральных держав, если Россия заступится за Сербию. Началась усиленная подготовка к войне и одновременно ведение переговоров с Антантой. Наиболее реальные турецкие политики понимали, что участие Турции в войне на стороне Германии может грозить расчленением страны, потерей ее столетних завоеваний на Ближнем и Среднем Востоке, но пантюркисты, уверовав в мощь Германии, ввергли ее в пожар новой войны.

Она началась с провокационного появления в Черном море немецких крейсеров «Гебен» и «Бреслау», а также потопления турецкими миноносцами в Одесской гавани русской канонерской лодки «Донец» 29 октября. Обстрел немецкими крейсерами, фиктивно считавшимися турецкой собственностью, Севастополя, Феодосии и Новороссийска стал последней каплей в терпении Русского правительства, которое объявило Турции войну.

Таким образом, агрессором оказалась Турция после вероломного, внезапного нападения на приморские русские города.

2 ноября войска Русской кавказской армии на ряде направлений перешли государственную границу и начали продвижение в глубь территории противника.

Одновременно турки повели 2 ноября наступление на Каре и вторглись в Батумскую область. 12 ноября Турция объявила «священную войну» (джихад) Англии, Франции и России.

К 25 декабря 1914 года завершились Кеприкейская на Эрзерумском направлении и Сарыкамышская операции, которые привели к полному разгрому 3-й турецкой армии. Она была фактически уничтожена. Потери турок составили 90 тысяч человек, в том числе 30 тысяч замерзшими, и свыше 60 орудий. Потери Русской армии насчитывали 20 тысяч убитыми, ранеными и больными, 6 тысяч обмороженными.

Успешными были действия русских и на других направлениях — Кагызманском, Эриванском и Азербайджанском. Военные действия, в результате кампании 1914 года на Кавказском фронте, были перенесены на турецкую территорию и в Северную Персию. На этот раз русские ока-

зали значительную помощь англичанам в Месопотамии и Сирии, откуда турецкое командование сняло войска и перебросило на Кавказский фронт к Сарыкамышу.

Забайкальские казаки в первых боях 1914 года против турок не участвовали. 3-я и 4-я Забайкальские бригады были отмобилизованы и находились в готовности к отправке на фронт. При формировании бригад из полков 2-й и 3-й очереди командование Забайкальского войска столкнулось с теми же трудностями, что и при отмобилизовании первой.

Некоторые станицы поставляли настолько плохих лошадей, что для строевой работы они не годились. Занятия проводились исключительно в пешем строю.

Многие казаки, находясь на льготе, изрядно подзабыли военное дело, и их приходилось учить заново. Много проблем возникало со снабжением и всем необходимым для похода. После сформирования полков и в ожидании отправки на фронт они занимались боевой подготовкой, несли службу в гарнизонах, где располагались. Так, например, 3-й Верхнеудинский полк отмобилизование закончил 29 июля в г. Нерчинске, затем три сотни и штаб 12 сентября убыли в Даурию, а три сотни (2-я, 3-я и 5-я) — на станцию Маньчжурия, где несли гарнизонную службу.

Ежедневно в наряд заступали 105 человек.

Сотни, которые находились в Даурии, охраняли 1467 военнопленных немцев и австрийцев, и ожидалось прибытие еще 2 тысяч.

Не хватало в полках офицеров. Часть из них, предназначенных по штатному расписанию в эти полки, была зачислена в убывшие на фронт части 1-й Забайкальской бригады. В том же 3-м Верхнеудинском полку из 14 обер-офицеров, бывших при формировании, 7 ушли в другие полки.

С прибытием на Кавказский фронт бригады оставались в резерве, изучали маршруты выдвижения к фронту, местность, на которой предстояло им действовать.

Следует отметить, что наиболее сильна русская кавказская армия была конницей, и прежде всего казачьей. Все 175 сотен, 100 пехотных батальонов и 300 орудий сосредоточились в двух группах на двух главных операционных направлениях: Карс — Эрзерум и Эривань — Алашкерт. Большая часть сил (около 6 дивизий) находилась на Карском направлении, в районе Ольты — Сарыкамыш, а меньшая (около 2 дивизий), но с большим количеством конницы, — на Эриванском направлении, в районе Игдыря. Преимущество русской кавалерии на Кавказском фронте было подавляющим, однако местность, на которой она действовала, не способствовала ее массовому применению. Театр войны на территории Турецкой Армении представлял собой нагорье с высотами 1800—2500 м, а лабиринт гор, отсутствие хороших дорог затрудняли передвижение войск. Двигаться можно было иногда только по вьючным тропам, непроходимым для колесного транспорта.

Отправляясь на Кавказский фронт, Забайкальские бригады не имели ни вьючного транспорта, ни горной артиллерии. 2-я и 4-я батареи 6-орудийного состава имели на вооружении полевые пушки, не приспособленные для совершения переходов в условиях гористой местности. Транспорт полков также был колесный. Повторялась история Русско-японской войны 1904—1905 годов.

Население этой горной страны состояло из турок, армян, курдов, греков и айсоров, исповедующих разные религии. Часто между ними происходили вооруженные выступления, особенно между армянами, греками, исповедующими христианство, и турками, курдами, признающими ислам. Не раз армяне и курды поднимались на борьбу против турецкого порабощения. Греки и армяне питали дружественные чувства к русским, а курды или занимали выжидательную позицию, или воевали на стороне турок.

Климат района — резко континентальный, с суровой и продолжительной (до 5 месяцев) зимой, с морозами в долинах до —15—25°С и в горах ниже —30°С. Снежный покров в долинах достигал 1—2 м, а на высотах и перевалах — 4 м. Лето и осень — без осадков, с высокой температурой. Реки с обрывистыми берегами были труднопроходимы без специально оборудованных переходов или мостов.

Антисанитарные условия в горных районах не благоприятствовали размещению в них войск.

Персидский театр военных действий, где предстояло действовать забайкальским казакам, также представлял собой горный район с перевалами, вьючными тропами и глубокими долинами. Многие дороги, проходящие по перевалам, на 1—4 месяца закрывались из-за непроходимости зимой.

Корм для лошадей можно было приобрести только в долинах, где находились селения местных жителей. Частые спуски и подъемы изматывали физически людей и лошадей, особенно быстро выходили из строя лошади в артиллерии.

2-я Забайкальская казачья бригада в составе 3-го Верхнеудинского, 2-го Аргунского полков, 2-й Забайкальской казачьей батареи размещалась в районе Карса, а 4-я Забайкальская бригада (2-й Читинский, 2-й Нерчинский полки и 4-я Забайкальская батарея) действовала на Эриванском направлении в районе турецко-персидской границы.

Так как цель исследования — дать характеристику забайкальскому казаку на войне, а не описывать историю всего Забайкальского казачьего войска, то в качестве примера при описании боевых действий на Кавказском фронте за основу будут взяты действия 3-й Забайкальской бригады. Выбор — чисто субъективный. Обе бригады находились в примерно равных условиях и выполняли практически одну и ту же задачу, испытывали одни и те же трудности, сражаясь на Кавказском фронте, поэтому

изложение наиболее характерных и важных событий, в которых участвовала 3-я Забайкальская бригада, ничуть не умаляет заслуг 4-й. Обе бригады достойно представляли свое войско на этой войне и не посрамили чести забайкальского казака.

3. Кампания 1915 года. Оборонительные бои на реке Пилица

К началу 1915 года ни одна из воюющих держав уже не рассчитывала на скорую победу. Преследуя свои корыстные интересы, Англия и Франция на Западном фронте перешли к стратегической обороне с целью накопления сил и средств, позволивших бы им достичь абсолютного превосходства над Германией. Одновременно они потребовали от России новых наступательных операций на Восточном фронте. Таким образом, вопреки принятым союзническим обязательствам, Англия и Франция взвалили основную тяжесть борьбы на плечи России. Спасшая в 1914 году Францию от неминуемой гибели, Русская армия теперь должна была сражаться одна с Германией и Австро-Венгрией.

России ничего не осталось, как принять предложение своих союзников. В результате был разработан план одновременного наступления против Восточной Пруссии и против Австро-Венгрии, который при оказавшемся недостаточном обеспечении силами и материально-техническими средствами обрекался на неудачу. Уже не было секретом то, что Русская армия испытывала огромную нехватку боеприпасов, артиллерийских орудий, винтовок. Довоенный запас их исчерпался. Например, винтовок хватило на два-три месяца войны, а патронов и снарядов — до середины декабря 1914 года.

Два широкомасштабных наступления были явно не по плечу Российской армии, которой противостоял хорошо оснащенный технически и имеющий большое количество боеприпасов противник.

Нужно было перестраивать экономику страны на военный лад еще до начала считавшейся неизбежной войны с Германией, а не в ходе ее. К мобилизации промышленности для нужд войны Россия приступила только в 1915 году, т.е. позже всех из воюющих держав. В начале 1915 года необходимо было выпускать в месяц 200 тысяч винтовок, 2 тысячи пулеметов, 400 орудий, 200 миллионов патронов и 1,5 миллиона снарядов. Из этого количества русская промышленность удовлетворяла потребности армии в среднем на 15—30 %.

Учитывая все это, а также то, что русская армия была сильно ослаблена потерями в живой силе, особенно в унтер-офицерском и офицерском составе, Германия центр тяжести борьбы перенесла на Восточный

фронт с целью его ликвидации. Этого можно было достичь только путем разгрома России и выведения ее из войны.

Поэтому австро-германский план кампании 1915 года предусматривал на Западном фронте активную оборону, а на Восточном — совместное решительное наступление по двум сходящимся направлениям: германских войск — с севера, из Восточной Пруссии, на Осовец, Брест-Литовск, и австро-германских войск — с юго-запада, из района Карпат, на Перемышль, Львов. Конечной целью ставилось — окружить и уничтожить русские армии в «польском мешке» и заставить Россию капитулировать, приняв выгодный для Германии и Австро-Венгрии сепаратный мир. Потом немцы хотели приняться за Францию и Англию. История ничему не научила немцев в их стремлении победить когда-либо Россию силой оружия. Предупреждение канцлера Бисмарка «никогда не воевать с Россией», опыт Наполеона были напрочь отброшены. Новый начальник германского генерального штаба генерал Фалькенгайн, трезво оценивая обстановку, огромную потенциальную силу России и боевые качества ее воинов, был против принятого плана. Он считал, что окончательное решение цели войны надо искать на Западе, разгромив в первую очередь Францию и Англию, но под давлением рейхсканцлера Германии Бетмана-Гольвега, командования группы немецких армий на Востоке в лице Гинденбурга и Людендорфа, австро-венгерского командования во главе с Конрадом согласился с планом войны на Востоке.

Обе стороны приступили к подготовке наступательных операций.

4-я армия Эверта, в составе которой действовала 1-я Забайкальская бригада, выдвинутая уступом вперед, обеспечивала левый фланг всего Северо-Западного фронта. Она занимала оборонительные позиции к югу от реки Пилицы до Вислы. Справа от нее находилась 5-я армия, слева — 3-я.

А перед ней на хорошо подготовленных позициях располагалась германская армейская группа Войрша и части 4-й австрийской армии.

До второй половины февраля бригада забайкальцев активных боевых действий не вела, несла посменное боевое дежурство в окопах, отводилась в резерв, занималась боевой подготовкой, пополнялась людьми и конским составом.

11 января, после ухода 2-й гвардейской кавалерийской дивизии и Уральской казачьей дивизии к г. Радому, бригада вышла из состава гвардейского кавалерийского корпуса и перешла в распоряжение командира 16-го армейского корпуса.

За осенне-зимние бои 1914 года многие казаки были награждены Георгиевскими крестами и медалями. Только в одном 1-м Верхнеудинском полку за отличия в боях вручили 78 Георгиевских крестов и 28 медалей.

Во время нахождения в окопах казаки изредка вели перестрелку с противником, подвергались артиллерийскому обстрелу, отрывали укрытия и ходы сообщения; с наступлением темноты на противоположный берег Пилицы уходили разведчики из числа охотников (добровольцев. — *Н. С.*). Это было сопряжено с большим риском, так как немцы выдвигали на ночь сторожевые посты ближе к урезу воды. Разведчики от казачьих полков в ходе вылазок несли потери убитыми, ранеными, пропавшими без вести.

Командование бригады все время требовало новых разведданных, но проникнуть через плотные сторожевые посты немцев и их проволочные заграждения, чтобы захватить пленного, было практически невозможно. Казаки проявляли храбрость и смекалку, по многу часов лежали под дождем и снегом у этих заграждений, наблюдая за противником, или подбирались скрытно к его постам, пытаясь захватить пленных.

Вот только один пример действий разведчиков из сотен других, позволяющий судить о трудностях и опасностях этой боевой работы.

5 февраля 10 казаков-охотников 1-го Верхнеудинского полка под командой хорунжего Горбача в 11 часов дня выдвинулись к д. Мысляковец и, находясь в окопах боевого охранения пехоты, до часа ночи вели наблюдение за противником. В час ночи бесшумно переправились в лодках на другой берег Пилицы. Оставив у лодок 4 казаков для их охраны, хорунжий Горбач с вахмистром 3-й сотни Подойницыным, урядником Кожевниковым и 4 казаками отправился в поиск по берегу реки. Незаметно прокравшись к немецкому сторожевому охранению, вахмистр Подойницын и хорунжий Горбач захватили по пленному, однако в борьбе один из пленных, укусив Горбача за палец, стал кричать, чем всполошил всю заставу. Больше десятка немецких солдат со штыками наперевес бросились на помощь своим. Один из них пытался ударить хорунжего штыком, но урядник Кожевников, прикрыв офицера, рубанул немца шашкой. Завязалась рукопашная схватка, во время которой пленных пришлось бросить и, отбиваясь, уходить к лодкам. Захваченных пленных казаки могли добить, но не стали этого делать, проявив благородство к безоружному противнику. В суматохе боя казаки Федотов и Баранов из 3-й сотни сами попали в плен. Баранов умудрился в эту же ночь бежать, переплыв Пилицу, а казак Федотов бежал позже, просидев в болоте двое суток, прежде чем также переплыть Пилицу и выйти к своим. По приказу командующего 4-й армии 6 казакам, ходившим за «языком», было выдано 100 рублей наградных денег.

Иногда вылазки казаков за «языком» заканчивались удачно. Так, 12 февраля вечером группа казаков 1-го Верхнеудинского полка из 6 человек от 3-й и 4-й сотен под командованием сотника Сенченкова переправилась на плоту через Пилицу. Преодолев ползком заболоченный участок, они напали на немецкий дозор и захватили одного пленного. При

отходе к своим группу атаковал пехотный взвод из сторожевого охранения, но под огнем казаков, потеряв одного убитым, вынужден был залечь. Искусно уйдя от погони, казаки сотника Сенченкова вместе с пленным благополучно переправились на свой берег. Пленного доставили в штаб бригады, где он дал ценные показания. Дерзкие разведчики были представлены к наградам.

До 22 февраля бригада оставалась на месте. Полки поочередно отводились в тыл на отдых и для пополнения запасов продовольствия, фуража, боеприпасов. Люди устали, но еще труднее приходилось казачьим лошадям, которые от плохих кормов и болезней выходили из строя. Много казаков оказалось безлошадными. На замену пришедшим в негодность лошадям прибывали из далекого Забайкалья другие. Все они сначала поступали в 1-ю запасную сотню, а потом на фронт. Были случаи, когда лошади приходили из этой сотни ничуть не лучше тех, которые браковались в полках как непригодные для боевой службы.

Так, например, 12 февраля в 1-й Верхнеудинский полк прибыли 103 лошади на замену пришедших в негодность. Все они оказались в крайне запущенном состоянии и в «плохих телах», были даже дикие, не объезженные. Кроме того, несколько из них хромали.

Казаки возмущались и поругивали начальство, отвечающее за снабжение полков конским составом. Командование бригадой слало телеграммы на имя наказного атамана с просьбами улучшить качество поставляемых на фронт лошадей, но положение дел с этим существенно не менялось.

С 20 февраля противник активизировал свои действия на стыке 5-й и 4-й русских армий. В течение дня левый фланг 5-й армии к северу от д. Доманевице, захваченной противником, неоднократно атаковался немецкой пехотой.

Две сотни от 1-го Верхнеудинского полка в срочном порядке были отправлены для удержания переправ у д. Ленгонице и Ново Място, к которому устремился противник. Казаки успели вовремя и не позволили ему захватить переправы. Если бы противник захватил их, то, потеснив левый фланг 5-й армии, он создал бы угрозу примыкающему к нему правому флангу 4-й армии.

На следующий день утром есаул Бабушкин, занимавший позицию со своей батареей у деревни Домброва, доложил в штаб бригады, что около 3 полков пехоты противника головой колонны подходят к д. Доманевице. В 8.45 тяжелые снаряды немецкой артиллерии обрушились на расположение бригады. Одновременно превосходящие силы противника атаковали 6-ю сотню верхнеудинцев на переправе у д. Ленгонице. Не поддержанная вовремя резервами, она отошла, разобрав предварительно, как могла, руками мост. Положение сложилось угрожающее. В 10.20 было замечено, что бригада немецкой пехоты развернулась для наступления

со стороны д. Доманевице, а пехотный полк с двумя батареями головой колонны подходил к ней. 1-я Забайкальская батарея обстреляла эту колонну. В 11 часов утра есаул Бурлаков доложил из д. Ленгонице, что два полка немецкой пехоты наступают на эту деревню. После отхода 27-го Донского полка сотня Бурлакова отошла к д. Велеполе.

Пришедший вовремя на помощь казакам Ряжский пехотный полк мощной атакой отбросил противника к д. Доманевице.

В штаб бригады непрерывным потоком поступали важные разведывательные сведения о передвижении немецких войск. В 11.00 сотник Куклин прислал донесение от разъезда хорунжего Тонких, что двигающиеся на Доманевице немецкие пехотные колонны повернули в северо-восточном направлении, оставляя по берегу Пилицы небольшие подразделения численностью 6—9 человек, которые рассыпались в цепь по всему северному (левому) берегу.

В 12.15 противник открыл сильный артиллерийский огонь по д. Ленгонице и Мысляковице. Сотня 1-го Аргунского полка сотника Куклина и сотня есаула Бурлакова 1-го Верхнеудинского полка отошли из этих деревень, заняв позиции: первую — на опушке леса, что севернее д. Мысляковице, вторую — уд. Велеполе.

В час дня три эскадрона противника продвигались к д. Рожкова Воля, а на фронте левофланговых частей 5-й армии шел сильный бой.

В 2 часа дня командир 1-й сотни читинцев подъесаул Янов донес, что противник вторично обстрелял его казаков из артиллерийских орудий и что по гребню высот, ранее занимаемых частями 5-й армии, наблюдалось усиленное движение неприятельских запряжек на восток.

В 3.50 дня подъесаул Рюмкин 1-го Читинского полка доносил, что отд. Езегорне на д. Доманевице прошли четыре батареи противника. По дороге из Рожкова Воля на д. Доманевице беспрерывным потоком двигались пешие, всадники, санитарные повозки и прошло шесть автомобилей.

Из полученных донесений стало ясно, что противник из района д. Доманевице пытается выйти во фланги 4-й и 5-й армий. Поэтому было принято решение атаковать его силами пехоты и спешенной конницы.

От забайкальцев поздно вечером был сформирован сводный полк, в который вошли 2-я,4-я, 6-я сотни 1-го Верхнеудинского полка, 2-я и 4-я сотни 1-го Читинского полка и 1-я сотня 1-го Аргунского полка. После этого сводный полк забайкальских казаков поступил в распоряжение начальника 5-й Донской казачьей дивизии и вошел в отряд полковника Николаева, в составе которого, кроме забайкальцев, находились артиллерийский дивизион и два пулемета донцов.

К 2 часам ночи 22 февраля отряд сосредоточился в д. Рожанна и из нее двинулся через Ново Място в д. Ленгонице, где стал в резервной колонне вместе с 27-м Донским полком.

По приказу начальника 5-й Донской дивизии сводный отряд из Ряжского полка, 27-го Донского казачьего полка, сводного Забайкальского казачьего полка, 3 полков 5-й Донской казачьей дивизии с ее артиллерийским дивизионом получил задачу — вернуть захваченную противником д. Доманевице и восстановить положение на левом фланге 5-й армии.

Утром 22 февраля немецкая артиллерия обстреляла позицию Забайкальской бригады на южном берегу Пилицы, а пехотные части возобновили атаки на левом фланге 5-й армии вдоль ее северного берега.

В течение дня по участку обороны забайкальцев было выпущено 200 снарядов разных калибров.

В 7 часов утра 22 февраля сводный Забайкальский казачий полк вместе с 70-м Ряжским пехотным полком, 3 сотнями 27-го Донского казачьего полка перешли в наступление на северном берегу р. Пилица в направлении на д. Доманевице. Из сотен сводного полка в боевую часть были назначены 2-я и 4-я сотни 1-го Читинского и 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полков. 1-я аргунская и 6-я верхнеудинская сотни оставались в ближнем резерве, а 4-я сотня 1-го Верхнеудинского полка находилась в движении к месту боя.

Казаки наступали во второй атакующей линии (цепи) за пехотой ряжцев. Забайкальскими казаками командовал командир 1-го Верхнеудинского полка войсковой старшина Черельников, а всем сводным отрядом — командир 27-го Донского полка полковник Тарасов. 4-я сотня читинцев наступала правее 2-й сотни верхнеудинцев, а 2-я читинская сотня шла за ней в качестве частного резерва.

При подходе к лесу 2-я сотня читинцев из частного резерва перешла правее 4-й сотни верхнеудинцев в атакующую вторую линию.

Вместе с пехотой 70-го Ряжского полка в первой атакующей линии наступал приданный ему взвод пулеметов забайкальцев под командованием сотника Гладышева. Войдя в лес, прилегающий к реке Пилица, пулеметчики-казаки, напрягая все усилия, устремились к опушке, чтобы огнем своих пулеметов обеспечить атаку пехоте на д. Доманевице. Выдвинувшись на опушку, они под сильным огнем противника стали окапываться, а потом повели непрерывный огонь по немецкой пехоте, укрывшейся за каменной стеной вокруг деревни и стреляющей через бойницы, проделанные в ней. Пехота наша несла большие потери, продвигаясь вперед. Русская артиллерия вела непрерывный огонь по д. Доманевице и позициям противника, а немецкая молчала. Но когда боевая линия казаков вошла в лес, на нее обрушился ураган тяжелых снарядов. Сотни стали нести потери. С выходом казаков к д. Мысляковице немцы открыли сильный ружейно-пулеметный огонь. Пулей в живот был смертельно ранен командир верхнеудинцев войсковой старшина Черельников, а командир 2-й сотни есаул Зимин — в руку, но остался в строю и

продолжал руководить боем. Вскоре осколками разорвавшегося снаряда, раздробившего ногу и ключицу, он был вторично тяжело ранен и окончательно вышел из строя. Командование над сотней принял подъесаул Мациевский, а над сводным Забайкальским полком — полковник Эбен, командир 1-го Аргунского полка.

Безостановочно продвигаясь вперед под сильнейшим огнем противника, казаки-забайкальцы влились в поредевшую цепь пехоты Ряжского полка, поддерживая ее огнем винтовок и в готовности вступить в рукопашную схватку, действуя из-за неимения штыков шашками. В 10 часов утра первая атакующая цепь пехоты и казаков подошла на 200 шагов к передовой позиции противника. Ощетинившись штыками и шашками, солдаты и казаки с криком «ура» бросились врукопашную. Не выдержав яростной атаки, немецкие солдаты, теряя убитых и раненых, откатились на вторую позицию у восточной окраины Доманевице, с которой открыли сильнейший ружейно-пулеметный огонь. Пехотинцы и казаки вынуждены были залечь в захваченных окопах и приступить к подготовке новой атаки на противника с этого рубежа.

Впереди находился овраг с протекающим по дну ручьем. Отдельные смельчаки выскакивали из окопов, преодолевали овраг и окапывались за ним.

Первым бросился вперед взводный урядник 4-й сотни 1-го Читинского полка Иван Поляков, увлекая других в овраг за ручей, но был сражен пулей в голову наповал. За ним устремились казаки Василий Ананьев, Арсений и Иван Войлошниковы, Дамчин Бальчинов и Федор Зырянов, которые подали пример пехоте своим геройским поступком. Все пятеро казаков были ранены, но не покинули поле боя. Следом стали преодолевать овраг пехотинцы. Казаки, смешавшись с пехотой, потеряли управление сотенных командиров и действовали самостоятельно. Все перемешалось в круговерти ожесточенного боя. Некоторыми казаками, вошедшими в состав пехотных взводов и рот, командовали пехотные офицеры, а пехотинцами, попавшими в ходе атаки в гущу казаков, руководили казачьи офицеры.

Преодолев врага, казаки и пехотинцы атаковали и выбили противника со второй позиции, но захватить Доманевице не смогли ввиду большого преимущества противника в силах и средствах. Укрепившись в захваченных окопах на второй позиции противника, казаки сводного Забайкальского полка до 6 часов вечера вели огневой бой с немцами, засевшими в каменных строениях Доманевице. С наступлением темноты казаки сводного Забайкальского полка были сменены пехотой и отошли в резерв в д. Ленгонице.

По словам начальника сводного отряда полковника Тарасова, командира 27-го Донского полка, все чины, от казака до офицера, оказались «достойными славы забайкальского казачества».

Потери за день боя были большими. Убит командир верхнеудинцев войсковой старшина Церельников, тяжело ранен командир 2-й сотни 1-го Верхнеудинского полка есаул Зимин, контужены офицеры этого полка есаул Бурлаков и подъесаул Мациевский (оба остались в строю); убиты 8 казаков и 9 ранены; около 20 человек убитыми, ранеными и контуженными потеряли читинцы.

23 февраля, обозленные большими потерями в предыдущих боях, в 5 часов утра немцы открыли сильный артиллерийский огонь на фронте 5-й армии и ружейно-пулеметный по позициям русской пехоты у Доманевице.

В этот день отличился пулеметный взвод сотника Эпова, который находился на боевом участке подъесаула Сипкина, где оборонялись его 6-я сотня и полусотня 5-й сотни 1-го Аргунского полка. Окопы казаков проходили по правому берегу р. Пилица, напротив д. Доманевице у д. Домбровка. Командир участка сообщил сотнику Эпову, что по утрам из д. Ражкова Воля на Доманевице выдвигается до роты противника, по-видимому, для усиления оборонявшихся там подразделений.

Расстояние не позволяло вести по ней ружейно-пулеметный огонь, поэтому немцы открыто следовали своим маршрутом по дороге, не опасаясь огня с русского берега Пилицы.

Решив проучить противника, сотник Эпов в ночь с 22 на 23 февраля один пулемет выдвинул вперед на самый берег Пилицы, почти к урезу воды. Казаки отрыли окоп и стали ждать появления немецкой роты. В 7 часов утра она появилась и походным строем пошла к Доманевице. Когда рота подошла на дальность действительного огня пулеметов, казаки быстро произвели пристрелку, а потом открыли по ней непрерывный огонь на поражение. После первой прицельной очереди было видно, как упало около десяти человек, а остальные в панике заметались по лощине, а потом бросились в беспорядке бежать к деревне, откуда вышли. Пулеметный расчет вел огонь до тех пор, пока последний немецкий солдат не скрылся в д. Рожкова Воля. В ответ на это немецкая артиллерия обстреляла участок, занимаемый казаками. Убитых и раненых противник подобрал только к вечеру, и больше по этой дороге в светлое время передвижений не наблюдалось.

24 февраля с утра тяжелая артиллерия немцев вела огонь по участку обороны 1-й Забайкальской бригады, а одна рота пыталась наступать на позицию 3-й сотни 1-го Читинского полка, но ружейно-пулеметным огнем была остановлена и рассеяна. В этот день над окопами казаков пролетел немецкий самолет, сбросивший листовки, в которых казакам предлагалось сдаваться в плен.

В 11.30 часов дня в д. Брудзевице была отслужена панихида по убитому командиру полка верхнеудинцев, а в 6 часов вечера — вторая, после чего тело в сопровождении взвода казаков отправили для похорон в г. Радом.

В ночь на 25 февраля пулеметный взвод сотника Эпова выдвинулся к д. Доманевице и своим огнем поддерживал атаку на эту деревню частей Рязанского и Ряжского полков. Казаки-пулеметчики действовали умело и заслужили похвалу командира дивизии. По его просьбе взвод Эпова оставался на позициях пехоты до 5 марта.

25 февраля сводный казачий полк оставался в д. Ленгонице, а остальные сотни находились в окопах на своих прежних позициях. В час дня состоялось отпевание тела убитого командира полка в соборе г. Радома, а затем похороны на городском кладбище, на которых присутствовали все офицеры гарнизона во главе с его начальником. Для отдания воинских почестей герою-забайкальцу, кроме взвода казаков, был назначен маршевый пехотный батальон и оркестр из частей гарнизона.

Конец февраля и март 1-я Забайкальская казачья бригада прочно удерживала правый берег реки Пилица, и не только удерживала, не допуская переправы немцев на наш берег, но и приковывала часть сил немцев к себе. Мало того, все пехотные части противника, пытавшиеся наступать на левый фланг 5-й армии по левому берегу Пилицы, обстреливались огнем казачьего дивизиона и пулеметов, часто выдвигаемых как можно ближе к урезу воды. Боевые порядки наступающих немецких войск замедляли свое движение, рассыпались и вынуждены были действовать группами, передвигаясь по полю боя перебежками, а иногда и ползком.

С начала перехода забайкальских казаков к обороне режим их боевой работы на позициях оставался неизменным. Все больше ощущался недостаток снарядов и патронов. В дни, когда полки бригады отводились в тыл на отдых, а их позиции занимали уральские казаки, появлялась возможность привести себя в порядок, пополнить сотни людьми и конским составом. С 12 марта по 1 апреля бригада получила продолжительный отдых.

17 марта был отпразднован войсковой праздник. Многим казакам в этот день вручили Георгиевские кресты и медали за предыдущие бои, а Георгиевским кавалерам, ранее получившим эти награды, были пожалованы деньги от командующего 4-й армии.

В день Святой Пасхи в расположение бригады прибыл сам командующий генерал Эверт и наказной атаман Забайкальского казачьего войска.

Основные события зимне-весеннего периода 1915 года происходили на Северо-Западном фронте, где шли бои с переменным успехом. Сначала немцы наступали в феврале на Августынов, тесня русские корпуса, затем в марте перешли в наступление русские, отбросив противника к границам Восточной Пруссии. В конечном итоге планы сторон на правом крыле стратегического фронта оказались невыполненными. Немцам не удалось охватить русские армии с севера, а русским — овладеть Восточной Пруссией.

Карпатская операция также не оправдала надежд австро-венгерского командования по широкому охвату левого крыла русских армий. Как и на Северо-Западном фронте, наступление противника было остановлено героическим сопротивлением русских войск, которые потом сами перешли в наступление, но выйти на Венгерскую равнину не сумели. К 29 марта армии Юго-Западного фронта остановились и перешли к обороне. Крупной победой русских на этом фронте явилось взятие мощной крепости Перемышль, что нанесло тяжелый удар по вооруженным силам Австро-Венгрии. Главной причиной того, что русское командование не достигло своих целей, бесспорно, можно считать низкое материально-техническое обеспечение операций. За плохую подготовку к войне России пришлось расплачиваться народу и армии. Беспримерный героизм русского солдата и офицера, проявленный в боях на всех фронтах, не мог компенсировать отсутствие достаточного количества боеприпасов, артиллерии.

Весь апрель 1915 года 1-я Забайкальская бригада находилась на реке Пилица, занимая оборону на различных участках русских позиций по ее правому берегу. Иногда эти участки обороны не соответствовали возможностям казачьих полков по их удержанию. Одним из характерных примеров может служить оборона участка, отведенного 1-му Верхнеудинскому полку 1 апреля.

Полк получил задачу сменить отдельные части Белевского пехотного полка по р. Пилица на участке от д. Малая Крипта (вкл.) до д. Козловице (иск.).

Три сотни казаков в количестве 220 человек, с 2 пулеметами и батареей 69-го Ряжского полка были размещены на фронте в 5 верст. При таком положении дел жидкая цепь казаков не могла удерживать занимаемые позиции в случае, если бы немецкая пехота попыталась перейти в наступление и захватить плацдарм на русском берегу. Поэтому после протеста командира полка, отвечающего за этот участок, полк был усилен тремя пехотными ротами 69-го Ряжского полка, при этом казаки находились в окопах на переднем крае, а пехота в резерве. На этих позициях полк простоял до 5 апреля, после чего был сменен читинцами.

В середине апреля артиллерия противника усилила огонь по нашим войскам, иногда он велся даже ночью. Во время одного из сильных огневых налетов 14 апреля по расположению 6-й сотни 1-го Читинского полка был смертельно ранен командир сотни есаул князь Кекуатов, который, желая подбодрить казаков, стал обходить окопы.

Наблюдатели стали докладывать о появлении на немецкой стороне большого количества солдат, почти в открытую производящих инженерные работы, не опасаясь нашего редкого артиллерийского огня. Командир бригады потребовал усилить действия разведчиков и добыть «языка», однако все попытки выполнить эту задачу оказались безуспешными.

Противник усилил бдительность и не позволял приблизиться к своим окопам. Еженощно казаки-добровольцы переправлялись через Пилицу, часами ждали на линии немецких секретов удобного случая, но добыть пленного не смогли.

Во время этих разведок казаки-забайкальцы проявляли лучшие качества воинов, удивляя пехоту своим терпением, способностью переносить холод и голод, умением бесшумно, как на охоте, подкрадываться к немецкому секрету. Если требовала обстановка, казаку-забайкальцу не составляло большого труда переправиться через реку вплавь, несмотря на холодную погоду. Вернувшись из разведки и попив чайку, казак продолжал нести службу в окопах. Немцы в большинстве случаев через своих наблюдателей знали, когда на смену пехоте приходили казаки, и, увидев на позициях русских желтый околышек или лампас, немедленно оповещали свои заставы и секреты, которые всю ночь не смыкали глаз в готовности к отражению нападения.

С Западного фронта на Восточный стали прибывать новые войска противника. Сложившееся к середине апреля положение на южном крыле русского фронта серьезно беспокоило немецко-австро-венгерское командование, поэтому, чтобы устранить угрозу выхода русских армий на Венгерскую равнину, принимались меры к усилению союзных войск Центральных держав на направлении глубокого вклинения армии России в пределы Австро-Венгрии. Немецкие дивизии стали вливаться в состав австро-венгерских. Одновременно подготавливался мощный удар, способный отбросить Русскую армию от Карпат. Поэтому основные стратегические усилия с флангов противник перенес ближе к центру, между Вислой и Карпатами, в Галицию.

Удар подготавливался в районе Горлице, в полосе 3-й армии. На его направлении австрийские части стали заменяться немецкими. Русское командование принимало меры по усилению 3-й армии, но они оказались запоздалыми.

19 апреля противник начал наступление при поддержке ураганного огня своей артиллерии, буквально сравнивающий с землей русские окопы. Оборона в районе Горлице была прорвана. Направляемые к месту прорыва резервы вводились главнокомандующим фронта генералом Ивановым по частям, истреблялись превосходящими силами противника и своей роли не выполнили. Прорыв ликвидировать не удалось. Не имея тяжелой артиллерии и снарядов к ней, чтобы противодействовать огню огромного количества вражеской артиллерии, засыпаемая тысячами снарядов, 3-я армия покатилась назад, оголяя левый фланг 4-й армии Северо-Западного фронта, в полосе которой противник также перешел в наступление, и правый фланг 8-й армии Юго-Западного фронта.

Начался глубокий стратегический отход русских армий.

Отход на Радомскую позицию

29 апреля отряд полковника Семенова (командира верхнеудинцев) в составе 4 сотен 1-го Верхнеудинского, 5 сотен 1-го Аргунского полков, 1-й и 3-й Забайкальских батарей, 4 пулеметов, команды разведчиков 69-го Рязанского и 70-го Ряжского полков занял отведенный участок обороны по р. Пилица, сменив стоявшие там до этого части. 1-й Читинский полк находился в резерве бригады.

Всю ночь по всему русско-немецкому фронту шла ожесточенная перестрелка. Утром выяснилось, что 41-я пехотная дивизия, занимавшая оборону южнее казачьей бригады, отошла без смены и оголила свой участок. Две сотни верхнеудинцев во главе с есаулами Бирюковым и Даркиным были посланы для прикрытия открытого левого фланга отряда. Жидкая цепь казаков заняла оставленные пехотой позиции по р. Соломянка и до д. Мазярня (вкл.).

Противник, обнаружив утром, что окопы пехоты оставлены ночью, в 12 часов дня перешел в наступление на этом участке. Под давлением его превосходящих сил обе сотни стали отходить на д. Краснице, а за ними и весь отряд, чтобы избежать обхода слева.

С началом общего отхода наших войск от р. Пилица 1-я Забайкальская бригада прикрывала отходящие пехотные части, занимая последовательно выгодные рубежи и сдерживая на них продвижение противника.

1 мая 1-й Верхнеудинский полк с 4 орудиями 3-й Забайкальской батареи и 2 пулеметами прикрывал отход 71-го Ведовского пехотного полка, а 3-я и 4-я сотни вели разведку. 1-й Читинский полк в это же время прикрывал отход 70-го Ряжского полка.

3 мая противник приостановил свое наступление. 1-й Верхнеудинский полк, усиленный одной сотней 49-го Донского полка, 3-й Забайкальской батареей, прикрываясь арьергардом, в котором действовала 6-я сотня, отошел на укрепленную Радомскую позицию. 1-й Читинский полк с приданными ему тремя сотнями 46-го Донского полка, сдерживая наступление 2 пехотных и 1 кавалерийского полков при 4 орудиях, медленно отходил на восток. Как только противник остановился, полк по приказу отошел за окопы укрепленной Радомской позиции.

Наступление противника развивалось медленно. Многие русские части отходили не под его воздействием, а опасаясь обхода флангов. Казаки-забайкальцы отходили с боями последними. Такой порядок действий был определен в приказе командира бригады № 142, в котором указывалось: «...отходить только под натиском превосходящих сил противника, всеми мерами задерживая его наступление, или отходить только по приказу...»

Выйдя к Радомской позиции, бригада получила участок обороны. Полки менялись каждые три дня, только 8 пулеметов находились в око-

пах бессменно. Иногда казаки усиливались пехотой. Так, 5 мая 1-й Верхнеудинский и 1-й Аргунский полки сменили на позициях Тульский пехотный полк, а промежутки между сотнями заняли роты 164-го Закатальского полка.

Окопы были оборудованы очень хорошо. Впереди них имелись проволочные заграждения и фугасы.

Но не только задачами обороны ограничивались действия казачьих полков. Часто они вели усиленную разведку, препятствовали выходу разведывательных подразделений противника к обороняемым позициям.

5 мая Донской полк 5-й казачьей дивизии из состава 5-й армии, переправившись через Пилицу с целью ведения разведки, захватил в плен 30 австрийских солдат. Благодаря этому удалось выяснить, что немецкие части перед фронтом 4-й и 5-й армий заменены на австрийские. Эти данные подтвердились во время усиленной разведки 8 мая, в которой участвовали 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский полки, 1-я Забайкальская казачья батарея и 2 пулемета сотника Перевалова. Казаки смело атаковали деревни, занятые противником, захватили пленных. Попытки австрийцев контратаковать успеха не имели. Как только пехотные цепи начинали наступать, сразу вступали в бой казачьи пулеметы, и противник, неся потери, откатывался в исходное положение.

10 мая 1-й Аргунский полк с 2 сотнями уральских казаков во время разведки атаковали в пешем порядке деревню Подчаша-Воля, что правее посада Потворов, и заняли ее.

12 мая было получено приказание всем забайкальским полкам, ведущим разведку, отойти на Радомскую позицию, оставив впереди нее арьергарды из разведывательных сотен на линии Вымыслов, д. Мокржец, Младница. 1-й Верхнеудинский полк остался впереди арьергардов 41-й пехотной дивизии в д. Яблонна, прикрывая их отход и разведывательных сотен Забайкальской бригады.

Отход арьергардов начался с левого фланга и завершился успешно. Только во второй половине дня разъезд урядника Елгина, высланный для связи с арьергардами, обнаружил, что на посад Потворов наступают до 3 пехотных рот и один эскадрон противника. Получив донесение от разъездов, что арьергарды отошли, начал отход и 1-й Верхнеудинский полк, оставив 4-ю сотню наблюдать за противником. Высланный от нее на пос. Потворов разъезд урядника Юмдашева захватил в плен двух австрийских пехотинцев.

13 мая 1-му Читинскому полку было приказано выдвинуться в район Яблонна, Потворов, Козенец для прикрытия левого фланга 5-й Донской дивизии. Выполняя задачу, 1, 2 и 6-я сотни заняли позицию сторожевого охранения впереди д. Яблонна, а 3, 4, 5-я сотни остались в резерве у деревни.

14 мая противник начал наступление, обстреливая артиллерией позиции сторожевого охранения и деревни, занятые казаками. Посад Потворов был объят пламенем пожара. Сотни полка оказывали яростное сопротивление наступающим, переходя в контратаки. Бой длился весь день. Казаки отражали атаки с фронта и с флангов, но под непрерывным огнем артиллерии медленно подавались назад. К исходу дня линия сторожевого охранения была восстановлена на рубеже д. Козенец, Длуге, Длуска-Воля, Грабовска-Воля, Воля-Вржемовска. Около д. Длуска-Воля, участвовавшей в контратаке 4-й сотней, были захвачены в плен четыре австрийца-пехотинца и несколько убиты в рукопашной схватке.

Ночью противник наступать не пытался, а утром 15 мая казаки сами перешли в наступление, при поддержке артиллерийского взвода 1-й Забайкальской батареи, на Потворов, Вымыслов, заставив австрийцев отступить. Первоначальная линия сторожевого охранения была восстановлена.

До конца мая и весь июнь 1-я Забайкальская бригада посменно с другими частями занимала отводимые ей участки обороны. Казаки несли службу в боевом охранении впереди Радомской позиции, отражая атаки небольших подразделений противника и препятствуя действиям его разведки.

Бои не прекращались, они то затихали, то вспыхивали с новой силой. Полки имели потери от артиллерийского и ружейно-пулеметного огня; все время сохранялась опасность применения противником удушающих газов. Принимались меры по снижению эффективности воздействия их, для чего перед окопами укладывался горючий материал — хворост, солома, который поджигался при угрозе газовой атаки. С казаками проводились занятия по действиям в условиях применения противником газов. Для каждого казака были заказаны защитные маски, баклаги для воды и противогазовой жидкости.

Непрерывно казачьи разъезды и сотни вели разведку, смело проникая к австрийским позициям и занятым противником деревням. Были удачные поиски и неудачные. Так, разъезд от 2-й сотни 1-го Читинского полка под командой хорунжего Костенского в ночь с 12 на 13 мая пробрался к линии сторожевого охранения австрийцев и на одном из постов захватил в плен сразу 4 их солдат. Другая группа разведчиков под командой урядника Астрова 1-го Читинского полка выдвинулась ночью 25 мая к австрийским окопам и залегла у проволочных заграждений. Однако проникнуть за них не удалось, так как группу обнаружили сторожевые собаки, поднявшие сильный лай. Разведчики стали перемещаться вдоль заграждений, но везде их сопровождал собачий лай. Всполошившийся противник, как только собаки подавали голос, открывал сильный ружейно-пулеметный огонь и пускал осветительные ракеты. Казаки вынуждены были ни с чем отойти к своим окопам.

Об интенсивности разведки говорит такой факт, что только от 1-го Читинского полка каждые три дня на разведку уходила одна сотня, а режим боевой работы для всех полков 1-й Забайкальской бригады был следующий: три дня разведка, три дня отдых, три дня окопы.

В конце мая по расположению бригады нанесли бомбовый удар 6 самолетов противника. Казаки с появлением самолетов открывали по ним дружный огонь из винтовок и пулеметов.

2 июня противник возобновил наступление на фронте 3-й армии, где развернулись ожесточенные бои.

7 июня ночью австрийцы начали атаки на фронте 5-й Донской дивизии и 1-го Читинского полка. Сотни 28-го Донского полка, 2-я сотня 1-го Читинского полка, рота пехоты занимали позицию на линии д. Вымыслов, Потворов, Мокржец. Под воздействием противника две сотни донцов и пехотная рота оставили Потворов. Две роты австрийской пехоты атаковали д. Мокржец, где окружили 1-й взвод 2-й сотни читинцев под командованием хорунжего Костенского. Казаки вели бой в окружении, пока могли, потом решили пробиваться к своим. Выхватив шашки, они бросились в рукопашную и прорубились к своей сотне, находившейся в д. Вымыслов. В бою взвод потерял убитыми двух своих Георгиевских кавалеров — урядников Коктошева и Аксенова, казаки Семенов, Носков, Перминов были ранены. 2-я сотня при поддержке высланной ей на помощь другой сотни читинцев остановила продвижение противника на Вымыслов.

Из-за отхода донцев 1-й Читинский полк отошел к д. Длуге. Все четыре австрийские роты, атаковавшие его, были остановлены. Деревни Козенец и Захватки горели, подожженные огнем артиллерии противника.

Для восстановления утраченного положения 1-я бригада 5-й Донской дивизии получила задачу выбить австрийцев из деревень Яблонна, Длуге и пос. Потворов, а 1-й Читинский полк должен был содействовать ей в этом атакой на д. Вымыслов. На усиление читинцев прибыл 1-й Верхнеудинский полк с 2 орудиями.

Вскоре донцы и забайкальцы выполнили поставленную задачу, отбросив противника из указанных деревень и заняв свои прежние позиции.

8 июня 1-й Читинский полк отразил все атаки австрийской пехоты, заставив ее отойти в окопы у д. Мокржец.

9 июня на смену читинцам прибыли 1-й Верхнеудинский и 1-й Аргунский полки с 4 орудиями и двумя пулеметами. В этот же день наши войска оставили Львов.

Длившаяся 52 дня Горлицкая оборонительная операция закончилась.

На фронте 4-й армии и на участке, занимаемом забайкальцами, боевые действия практически прекратились до 1 июля. Обе стороны вели

разведку, иногда небольшие подразделения противника пытались атаковать казаков с целью прощупывания обороны, но всякий раз без труда они отбивались.

В ответ казаки совершали дерзкие вылазки к австрийским позициям. Например, 28 июня хорунжий Тонких с группой разведчиков в 26 человек 1-го Аргунского полка скрытно пробрался к австрийской заставе, занимавшей окоп у господских двориков д. Гущевицы. Казаки напали на противника, оказавшего ожесточенное сопротивление, но после короткой рукопашной схватки 10 человек были зарублены и 26 взяты в плен. Когда же с ранеными и пленными стали отходить, то их окружили со всех сторон прибывшие на помощь из других окопов австрийские солдаты. Выхватив шашки, казаки бросились на прорыв и прорубились через кольцо окружения. При этом вынесли всех своих раненых и привели 15 пленных 31-го австрийского пехотного полка. За этот подвиг хорунжий Тонких был награжден Георгиевским оружием, а казаки — Георгиевскими крестами.

Блестящая боевая работа забайкальцев под Мокржец

2 июля батальон австрийской пехоты перешел в наступление из леса южнее д. Мокржец. Густые цепи без выстрелов приближались к позиции боевого охранения, которую занимала 1-я сотня 1-го Читинского полка под командованием есаула Янова. Казаки открыли частый огонь, но противник быстро продвигался на Мокржец. Сотня довела огонь до наивысшего напряжения, подпустив первую цепь на 200—300 шагов, а потом, опасаясь штыкового удара, казаки вскочили на коней и отошли к д. Грабово.

Чтобы задержать продвижение противника, войсковой старшина Лоншаков выдвинул к д. Мокржец, занятой австрийцами, 4-ю и 6-ю сотни, находившиеся в резерве. Два орудия 3-й Забайкальской казачьей батареи заняли позиции южнее д. Грабовска Воля. К этому времени фольварк Выгнанов был занят батальоном пехоты и эскадроном австрийской конницы, а д. Вржос и д. Яблонна — пехотными ротами с пулеметами. Батарея противника занимала огневые позиции у д. Вир.

На усиление читинцев прибыли 4 сотни 1-го Верхнеудинского, 2 сотни 1-го Аргунского полков с 2 орудиями 3-й Забайкальской батареи и 2 пулеметами. Орудия и пулеметы быстро заняли огневые позиции.

Было принято решение атаковать противника в д. Мокржец и фольварк Выгнанов. Общее руководство боем командир 1-й Забайкальской бригады возложил на командира верхнеудинцев полковника Семенова.

По его приказу 1-я, 2-я, 3-я, 4-я и 6-я сотни 1-го Читинского полка пошли в атаку в пешем порядке с охватом д. Мокржец слева и с выходом 4-й сотни в тыл. 3-я сотня приступила к выполнению боевой задачи на 10 минут раньше, так как находилась на самом правом фланге полка и ей нужно было больше времени, чтобы выйти на исходный рубеж для атаки. Ей поручалось охватить левый фланг противника. Сотня двинулась перебежками и, пройдя около четверти версты, поравнялась с общей наступательной цепью читинцев. Сотней командовал подъесаул Шильников, а 1-й полусотней — хорунжий Боначук. 3-й взвод этой сотни под командой прапорщика Овчинникова шел в атаку с пиками. Обнаружив выдвигающуюся 3-ю сотню, противник открыл по ней сильный огонь. В это время другие четыре сотни под руководством есаула Бакшеева, пригнувшись, наступали по полю, где стояла густая рожь. Со стороны противника их не было видно, да и пулеметы казаков вели огонь через головы наступающих, не давая австрийцам вести наблюдение и огонь по цепи. За первой цепью шла вторая, состоящая из 2-й и 3-й сотен 1-го Верхнеудинского полка, а 4-я и 6-я его сотни наступали на фольварк Выгнанов. 1-й и 2-й сотням 1-го Аргунского полка было приказано атаковать ф. Выгнанов в конном строю и преследовать противника. Командовал аргунцами есаул 1-го Верхнеудинского полка Измайлов.

Четыре орудия 3-й Забайкальской батареи открыли беглый огонь по окопавшемуся противнику. Сотни быстро приближались. Подойдя на 200—400 шагов, 4-я сотня читинцев прапорщика Муромова вышла на открытое пространство. Противник открыл по ней беспорядочный огонь. Сотня на секунду дрогнула, тогда прапорщик Муромов выхватил шашку и с криком «ура!» бросился вперед. Сотня дружно подхватила боевой клич и устремилась за ним. «Ура» покатилось по всему полю. Казаки других сотен бегом ринулись на противника, открывшего сильный огонь из винтовок и пулеметов, но было поздно. Цепь ворвалась на позиции австрийцев, истребляя в страшной рукопашной схватке всех, кто не сдавался в плен и оказывал сопротивление. Многие бросились убегать, но попали под шашки казаков 3-й сотни, зашедшей с запада и оказавшейся в тылу бегущих. Сотня прапорщика Муромова, преследуя противника вдоль деревни на запад, вышла в тыл австрийской роте, обороняющей восточную окраину Мокржец. После короткой, но ожесточенной рукопашной схватки часть роты была изрублена, а часть сдалась в плен. 6-я сотня захватила 2 пулемета со всей прислугой и боеприпасами. Небольшое количество солдат противника вступило в рукопашную схватку с 1-й и 2-й сотнями, но были взяты в плен или изрублены. От батальона ушли на юго-запад около 30 человек, и только потому, что взвод донских казаков в количестве 17 человек, находившийся за правым флангом читинцев, не проявил инициативы и не стал их преследовать в конном строю. Только несколько отчаянных казаков-донцев бросились за ними в погоню.

Выполнив задачу, 1-й Читинский полк занял оборону на западной окраине Мокржец. Аргунцы, выдвинувшиеся рысью к ф. Выгнанов, не доходя до него одну версту, перешли в намет и под сильным ружейно-пулеметным огнем из д. Гощевицы ворвались на позиции австрийской роты. И здесь противник не выдержал атаки казаков, поспешно отступив за речку Винзовницу, а кто не успел, погибли или попали в плен.

Противник понес большие потери: в окопах и в деревне казаки подобрали и захоронили 50 убитых австрийских солдат, 10 нашли ранеными, но большая часть убитых и раненых, оружие остались во ржи южнее д. Мокржец, так как противник обстреливал эту местность из пулеметов и не дал казакам собрать и подсчитать всех убитых и раненых. Но если судить по тому, что по убегающим по полю австрийским солдатам вели огонь все 5 сотен 1-го Читинского и 2 сотни 1-го Верхнеудинского полков, там их было много. Взяты в плен 280 человек, в том числе 4 офицера, захвачены 2 исправных пулемета и 38 500 патронов, 200 винтовок, много патронных сумок, гранат и снаряжения. Только 3-я сотня читинцев пленила 26 человек, а когда после взятия деревни ей приказали занять австрийские окопы, то в них казаки обнаружили еще несколько австрийских солдат, не успевших убежать и прячущихся в убежищах под досками и домашним скарбом. Отличились из этой сотни урядник Алексей Кустов, казаки Григорий Карчанов, Михаил Трухин, Яков Тарских, которые первыми ворвались в деревню.

Потери казаков составили 21 человек, из них 7 убитых и 14 раненых.

Блестящий успех, достигнутый над превосходящим противником, объяснялся тем, что сотни без выстрела, маскируясь во ржи, подошли на близкое расстояние и внезапно атаковали (пленные австрийские офицеры уверяли, что не ожидали атаки казаков, а увидев во ржи где двух, где трех человек, приняли их за разведчиков); отличной стрельбой 3-й Забайкальской батареи (4 орудия) и пулеметов; умелой организацией боя и управления им.

Но главная причина победы — доблесть и мужество казаков и офицеров. Особенно отличились офицеры: есаул Бакшеев, захвативший со своей сотней в бою 2 действующих пулемета; подъесаул Нацвалов, блестяще выполнивший со своими казаками маневр по охвату правого фланга противника; прапорщик Муромов, проявивший выдержку и находчивость в трудный момент боя и направивший сотню в тыл австрийской роты; сотник Резухин 1-го Верхнеудинского полка, наступавший во второй линии и сумевший своевременно приблизиться к атакующей цепи на 40—50 шагов, а перед самой атакой влиться в нее, чем усилил первоначальный удар.

Противник в составе шести рот, приблизительно в 200 человек каждая, с 4 пулеметами, окопавшийся, бежал от семи сотен казаков, наступавших в пешем порядке, при этом в сотнях насчитывалось по 60—70 человек.

За день боя было выпущено 4 орудиями 3-й Забайкальской батареи 422 снаряда, читинцы израсходовали 12 450 патронов, а Верхнеудинцы — 2325.

Бой за д. Мокржец вошел в историю Забайкальского казачьего войска как пример беззаветного служения России и неистребимого желания победить численно превосходящего врага. Верховный главнокомандующий, император Николай II, в своей телеграмме с похвалой отозвался о забайкальцах и поблагодарил их за блестящую боевую работу.

3 июля, в 3 часа утра, австрийские пехотные роты возобновили наступление и атаковали посад Потворов, где находились донские казаки. На помощь донцам пришли забайкальцы. 3-я Забайкальская батарея открыла беглый огонь по цепям противника. Разрывы шрапнельных снарядов точно над цепями противника заставили их замедлить движение. Солдаты заметались по полю под огнем винтовок и пулеметов донских казаков с фронта, а с правого фланга по ним ударила 3-я сотня 1-го Читинского полка. Атака австрийской пехоты захлебнулась, и поредевшие цепи отступили на свои исходные позиции за речку Вионзовницу. В этот день противник проявил небывалую до этого настойчивость.

В 7 часов утра он вновь предпринял наступление, но уже на д. Мокржец, обороняемую читинцами. Огнем 3-й батареи, 6-й и 4-й сотен все атаки были отбиты. Вечером 1-й Читинский полк сменился 1-м Верхнеудинским с 2 сотнями аргунцев, 2 орудиями 1-й Забайкальской батареи.

Бои на переправах через Вислу

К 4 июля на Северо-Западном фронте подходило к концу Прасныш-ское сражение. Расчеты немцев на прорыв обороны 1-й Русской армии в районе Прасныша, севернее Варшавы, и выхода в тыл центральной группировки русских армий не оправдались. Ценой тяжелых потерь им удалось оттеснить 1-ю армию к Нареву.

Медленно развивалось наступление группы Макензена (11-й германской и 4-й австрийской армий) в полосе между реками Висла и Буг на Юго-Западном фронте.

Таким образом, противнику не удалось оттеснить ни северный, ни южный фланги стоявших в Польше главных русских сил. Атаки с фронта по войскам 2-й и 4-й армий, находившихся в центре выступа, были отбиты.

С отходом 1-й армии у Прасныша начала отходить 2-я Русская армия. 5-я Донская дивизия, прикрывавшая ее левый фланг на стыке с 4-й армией, отошла на северный берег р. Пилица, оставив на прежних пози-

циях одну бригаду. В связи с этим 1-му Верхнеудинскому полку с 2 сотнями 1-го Аргунского полка, 2 орудиями и 2 пулеметами было приказано выйти в район д. Длуге, Захарки, Яблонна и вести разведку на фронте посад Потворов, д. Козенец, Улов Брод и далее до р. Пилица.

Утром 5 июля две разведывательные сотни Верхнеудинцев обнаружили наступление противника на посад Клевов. На северном берегу Пилицы после отхода 2-й армии им были заняты Ново Място и Боровец.

Разведывательная полусотня аргунцев под командованием есаула Халелонова обнаружила выдвижение войск противника от Рдзова в направлении шоссе пос. Потворов — Вымыслов. Во второй половине дня его части заняли Потворов, Клудно, Подгаша Воля, Козенец, лес южнее Клудно и продвигались этим лесом на Яблонна.

С целью задержать продвижение противника на Яблонна были посланы 2-я, 3-я, 6-я сотни 1-го Верхнеудинского полка, которые заняли позицию по опушке просек в лесу северо-восточнее Козенец и севернее Потворов. При поддержке артиллерийского взвода спешенные сотни вступили в бой с тремя батальонами австрийской пехоты. Сотня аргунцев вела разведку, а другая находилась в резерве. В самой д. Яблонна оборонялся 33-й Донской полк. Ввиду явного превосходства противника был отдан приказ передовым сотням на отход к посаду Ольшов, где начал сосредоточиваться 1-й Верхнеудинский полк. Едва полк сосредоточился, как прибыл раненый казак 3-й сотни Кочетулин с донесением от командира сотни. Из его слов стало ясно, что донцы оставили Яблонна и противник выходит в тыл передовым сотням. Полк, оставив в Ольшове 4-ю сотню в охранении, отошел, а 2-й и 3-й сотням была дана команда на присоединение к полку.

Днем 6 июля было получено приказание: 1-й Забайкальской бригаде и 41-и пехотной дивизии под общим командованием генерала Томашевского прикрывать отход 4-й армии на тыловые позиции. В арьергарде от бригады действовал 1-й Читинский полк, а 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полка находилась при арьергарде 41-й пехотной дивизии. 1-й Аргунский, 1-й Верхнеудинский (без 2-й сотни) полки, с 10 орудиями 1-го Забайкальского артиллерийского дивизиона и пулеметной командой, расположились в посаде Магнушев. В течение дня наступающий противник сдерживался арьергардами.

8 июля, ночью, 1-й Аргунский полк в составе 4 сотен под командованием подполковника Эбена был выслан для прикрытия переправы наших войск через Вислу у Тарново. Спешившись, казаки заняли позиции у наведенного через Вислу саперами моста и приготовились к бою. В 6 часов утра все обозы полков и бригады стали переходить на правый берег Вислы.

1-й Читинский полк, сдерживая противника, медленно отходил к переправе. 1-й Верхнеудинский полк выдвинулся к посаду Рыжвол с за-

дачей задержать продвижение противника в промежутке между левым флангом 1-го Читинского полка и ручьем Радомка. Выслав вперед 3-ю сотню под командованием подъесаула Скопина на д. Грабна Воля, полусотню 4-й сотни — на Станиславов и 6-ю сотню — на Бурихнов, полк занял указанные позиции. Действующие от полка разведывательные сотни вступили в бой с кавалерийскими разъездами противника, которые после перестрелки быстро отошли за свою пехоту, наступающую на северо-восток. Полк оставался на позиции до переправы через Вислу 1-го Читинского полка и арьергарда 41-й пехотной дивизии, а потом сам перешел по мосту у посада Рыжвол на противоположный берег.

9 июля прикрывавший переправу у д. Тарново 1-й Аргунский полк перешел на правый берег Вислы, оставив две сотни на ее левом берегу. 4-я сотня находилась в д. Вильча Воля и 1-я сотня — в д. Тржебень. Около 11 часов вечера казак 4-й сотни Федор Раздобреев был послан для установления связи с 1-й сотней. Посылая его на задание, командир сотни указал ему, что в районе расположения сотни будет подожжен стог сена, чтобы казак мог ориентироваться, где находится сотня, и безошибочно выйти к ней. При возвращении назад, увидев горящие два стога, Раздобреев направился к ним, где и был взят в плен 6 австрийскими кавалеристами. Оказалось, что это разъезд противника поджег сено между лесом и посадом Магнушевым.

Казака отвели на допрос к генералу, начальнику дивизии, который хорошо говорил по-русски. Он не стал расспрашивать пленного о наших войсках, так как находчивый казак сразу доложил, что он месяц как поступил на службу добровольцем и ничего не знает. Генерал приказал снять с него погоны и шаровары, подчеркнув, что ему это надо для коллекции. Кроме того, он сказал казаку: «Много, много удивляюсь, что забайкальцы мало попадают в плен. Я даю награду за забайкальца — 25 руб., а за донца — 15 руб.». После допроса Раздобреева под конвоем 5 австрийских кавалеристов отвели в халупу, находящуюся в полуверсте от штаба. Коня привязали рядом. Трое охранников куда-то ушли, а двое из поляков, говорящих по-русски, остались его охранять. Они объяснили, что ушедшие приведут еще двух донцов, взятых в плен с неделю тому назад. Один из поляков хвастливо заявил, что скоро Польша будет свободной от русских, и их два корпуса идут на Иван-город. В халупе расстелили попоны, напоили казака чаем с колбасой и белой булкой. Один солдат, положив под себя шашку и винтовку казака, лег рядом с Раздобреевым, другой стал караулить снаружи. Вскоре оба уснули, ничуть не опасаясь безобидного, как им казалось, кроткого казака. Подождав немного, Раздобреев тихо вынул из ножен шашку и отрубил голову спящему рядом австрийскому солдату, зарубил второго, забрал свое оружие, отрубил поводья своего коня и ускакал на Магнушев. Когда он уходил, увидел, что к халупе идут 8 человек и ведут 3 лошадей. Пробравшись к поса-

ду, он увидел горящий мост, подожженный казаками при отходе. Стал кричать, чтобы подали лодку, но на том берегу никого уже не было. После этого поехал вверх по р. Радомки, переправился через глубокий брод и, не доходя двух верст от сгоревшего моста через Вислу, увидел впереди себя, как из большой деревни вышел кавалерийский разъезд противника. Сняв с себя оружие, одежду, на лошади бросился через реку вплавь. Плыть пришлось долго, только на середине реки лошадь встала на ноги, где, отдохнув, снова поплыла. При выходе на берег он попал под винтовочный огонь австрийцев. Казак вскочил на коня и помчался к лесу. Вдогонку из деревни по нему выпустили два орудийных снаряда. Проблудив по лесу весь день, к вечеру в одной из деревень встретил взвод 7-й роты 163-го пехотного полка, после чего благополучно вернулся в свою сотню, имея при себе коня с седлом, шашку и винтовку. Находясь в плену, казак Раздобреев не пал духом, проявив выдержку и спокойствие, находчивость и смекалку, чтобы вырваться из плена и вернуться в полк. Кроме того, ему удалось собрать важные сведения о противнике. Например, о группировке, наступающей на Иван-город, и о движении южнее пос. Магнушев к Висле 19 пехотных рот, двух батарей 6-орудийного состава и 16 пулеметов на двуколках и вьюках. В посаде Магнушев казак стал свидетелем интересного случая. На улицах его жители, евреи и поляки, выставили столы с едой и самоварами, готовясь встретить австрийские части, а из леса выходили прятавшиеся там жители с перинами и узлами. При отходе 1-го Аргунского полка из этого посада картина была иная: все жители попрятались в лесу, унеся с собой продукты и спрятав скот.

После переправы русских войск через Вислу 1-я Забайкальская бригада заняла позиции на ее правом берегу. Попытки противника переправиться через Вислу не увенчались успехом. На недолгое время бои затихли. Однако уже 16 июля на участке 161-го, 162-го полков 41-й пехотной дивизии и обороняющейся с ней 1-й Забайкальской бригады крупные силы немцев, заменивших австрийские части, начали вести наступательные действия, направленные на захват плацдармов на правом берегу Вислы.

После мощной артиллерийской подготовки по расположению 161-го Александропольского пехотного полка и 1-го Аргунского полка противник стал переправляться в районе Тарнова, Руды, Рычиволь.

Рано утром перед позициями аргунцев появились 12 лодок, которые шли в две линии по 6 штук. В каждой размещались 30 человек. Когда их первая линия достигла середины реки, казаки открыли сильный огонь. Противник в лодках закричал и стал отвечать из винтовок и пулеметов. С левого берега реки десант поддерживали пулеметы. Перед самым берегом первые 6 лодок повернули обратно, а за ними и вторая шестерка. В лодках и на противоположном берегу осталось лежать много убитых и

раненых. Вновь на позиции казаков обрушился шквал артиллерийских снарядов, после чего попытки противника переправиться повторились. Ценой больших потерь им удалось высадиться у д. Красна Гури, на острове, и захватить ее. Прапорщики Широков и Бутин повели аргунцев в контратаку. Казаки, в пешем порядке ведя огонь на ходу, устремились вперед и выбили из деревни пехоту противника. Она стала быстро откатываться к реке, попав под губительный огонь казачьих пулеметов. До конца завершить контратаку и очистить остров не удалось, так как к противнику прибывали все новые и новые партии солдат. Под огнем казачьих пулеметов лодки приставали к берегу и, высадив солдат, убывали за другими.

Окопавшийся противник стал накапливать силы для решающего броска, распространяясь медленно с флангов к центру острова. Казаки стали нести потери. Когда тяжело ранили прапорщика Широкова, прапорщик Бутин приказал отходить на северную часть острова, так как брод напротив середины острова был уже отрезан противником.

Собрав казаков, Бутин повел их на д. Красни Дольне, где нашли плот, привязанный цепью к столбу. Казаки шашками отделили бревно с цепью и на этом плоту переправили пулеметы и 5 пулеметчиков. Затем, собрав винтовки наших пехотинцев, которые прибились к казакам, вплавь на лошадях переправились через протоку. Не умеющие плавать пехотинцы держались за хвосты лошадей и таким образом благополучно выбрались на берег. Найдя на другом берегу лодки, казаки перевезли с острова оставшихся солдат. Особое мужество и расторопность проявили урядник Верхотуров, приказный Астафьев и казак Овчинников. После переправы казаки и пехотинцы под командованием прапорщика Бутина прибыли в Домашов.

К 6 часам вечера наши передовые роты и казачьи заставы аргунцев отошли от берега. 6-я сотня, находившаяся в резерве, была отправлена в окопы у д. Облин. В 7 часов вечера полк занимал оборону полусотней 1-й сотни, 2-й и 5-й под командой есаула Даркина у д. Руда и саму деревню фронтом на Тарнов. 6-я сотня находилась у д. Облин. Полусотня 4-й и часть 3-й сотни отходили на Мациевице.

На другом участке, у д. Пржевоза, отбивался от наседавшего противника, форсировавшего реку, взвод казаков прапорщика Золотухина. От 4-й сотни аргунцев к нему на поддержку был выслан взвод прапорщика Эпова с сотником Фоминым. Подходя к окопам, К.В. Эпов увидел отступающих пехотинцев, командир роты которых был убит. Подчинив их себе, офицеры приказали солдатам и казакам контратаковать наступающую цепь противника. Выхватив шашки, казаки вместе с пехотой бросились в штыки и шашки. Цепь наступающих залегла и, когда до нее осталось 200 шагов, по контрнаступающим в упор ударили 3 пулемета противника, вынудившие казаков и пехотинцев вернуться в свои окопы. Прапор-

щик Эпов был тяжело ранен, но не покинул позицию, пока не расставил всех по местам. Потом, оставив за себя урядника Волгина, пошел на перевязочный пункт. По дороге был вторично ранен. Четверо солдат 13-й роты 161-го пехотного Александропольского полка понесли его на руках. Взвод казаков и остатки пехотной роты сдерживали наступление противника. Разрывом тяжелого снаряда в окопе двое казаков были убиты, а сотник Фомин тяжело ранен. Казаки унесли его в тыл. Оставшись без офицеров, под огнем тяжелой артиллерии и наступающих с фронта превосходящих сил противника пехотинцы и казачий взвод стали отходить. Несшие раненого прапорщика Эпова пехотинцы, увидев приближающихся солдат противника, оставили его и убежали.

На рубеже д. Кобыльница и Попротня вел бой с немецкой пехотой, форсировавшей большими силами реку, 1-й Читинский полк. Первую позицию обороняла пехота, но после ожесточенного ночного боя она отошла на вторую, резервную, куда прибыли три с половиной сотни читинцев. Здесь же, на боевом участке пехоты, которым командовал капитан Тюрин, 162-го пехотного Ахалцихинского полка, находилась 3-я сотня читинцев, бывшая в резерве этого полка. Командовавший читинцами командир 6-й сотни есаул Бакшеев приказал 3-й сотне занять фольварк Кобыльницу, а остальным сотням атаковать и выбить немцев из д. Кобыльницы. 2-я, 4-я и половина 6-й сотни повели наступление и ворвались на северную окраину деревни, продвигаясь к центру. Не доходя 50—60 шагов до противника, казаки остановились. Немцы засели в домах и за забором противоположной стороны улицы. В течение 30 минут ни те ни другие не решались броситься в штыки и шашки.

На правом берегу Вислы, восточнее деревни Кобыльницы, стал накапливаться противник. Командир 3-й сотни, находившийся в резерве, доложил об этом начальнику боевого участка капитану Тюрину, но тот самоуверенно заявил, что там немцев не может быть, так как восточнее деревни обороняются две его роты.

В 4.55 утра не менее полутора батальонов противника стали подходить плотными колоннами, плечом к плечу, во весь рост, к позициям казаков и пехоты. Первые ряды этих колонн были переодеты в русские шинели и шапки, в левой руке держали винтовку, а правую подняли вверх. Дальнее расстояние и туман мешали наблюдению. Колонны приближались. Стали слышны крики по-русски: «Не стреляйте, свои!» Со стороны деревни Кобыльницы открыли огонь немецкие пулеметы. Одна из колонн стала обходить левый фланг боевого участка. Казаки порывались открыть огонь, но капитан Тюрин команду не дал, заявив, что это его солдаты ведут пленных. Пулеметы противника усилили огонь. Наблюдая за противником, был ранен командир 3-й сотни есаул Шильников. При выносе его в тыл погиб один из храбрейших офицеров полка И.Я. Овчинников. Только когда казаки увидели внутри колонн немецкие

каски, они открыли огонь с расстояния 400 шагов. Немцы рассыпались в густую цепь и перешли в атаку. Сильный огонь казаков заставил их залечь, но они перебежками продолжали приближаться. Пока на позиции казаков 3-й сотни гадали, кто перед ними, немцы беспрепятственно обошли ее, из-за чего она отошла в лес, севернее д. Кобыльницы, оголив левый фланг полка. Немецкие цепи тем временем приблизились шагов на 60, а когда подошли почти вплотную, бросились в штыки. Завязался ожесточеннейший рукопашный бой. Подавляющее превосходство противника заставило сотни отступать к лесу под сильнейшим огнем немецких пулеметов и винтовок. Казаки не успевали уносить с собой раненых и убитых товарищей. На отдельных участках немецкая цепь отбрасывалась назад или залегала, на других кипела рукопашная, в которой перемешались и немцы, и казаки. К противнику подходили все новые и новые цепи пехоты. Они яростно набрасывались на казаков, гибли под шашками и выстрелами в упор, но продолжали наседать. В самый критический момент боя, когда гибель 1-го Читинского полка была неизбежна, со стороны д. Стрых подошел батальон 162-го пехотного Ахалцихинского полка и мощной контратакой отбросил противника в исходное положение, но дальше продвинуться не сумел. Забрасываемый десятками тяжелых снарядов, батальон закрепился в оставленных казаками окопах. После этого артиллерия противника перенесла огонь по лесу, куда отошли сильно поредевшие казачьи сотни. Немецкая хитрость и самоуверенность капитана Тюрина дорого стоили полку. Из 240 спешенных казаков он потерял 124 человека убитыми, ранеными и контуженными. 3-я и 4-я сотни, ввиду огромных потерь, были сведены в одну. Из 14 бывших в цепи офицеров остались 3. Без вести пропал есаул Бакшеев, 42 раненых и убитых казака остались не вынесенными с поля боя. Убиты были 12 строевых лошадей, 2 обозных и 4 ранены. Полк отвели в д. Яблоновец. В этом бою казаки-забайкальцы показали себя исключительно стойкими и самоотверженными воинами, имея возможность быстро отойти, они не покинули без приказа позицию, которую им было поручено оборонять. Чудом избежав гибели, 1-й Читинский казачий полк подтвердил звание гвардейского полка и не посрамил свое гвардейское знамя, полученное за Русско-японскую войну.

1-й Верхнеудинский полк, находившийся в составе корпусного резерва, после переправы немцев ночью через Вислу получил задачу «...в спешенном порядке или конном строю наступать на левом фланге 4-го батальона 161-го пехотного Александропольского полка (левее д. Облин) с целью отбросить обратно части германцев, переправившиеся ночью через Вислу и продвигавшиеся в глубь правого берега».

Однако вскоре поступило донесение от разъезда хорунжего Горбача, что немецкая пехотная бригада с артиллерией и конницей приближается к д. Облин и Мацеевице. Это была та бригада, части которой переправля-

лись в районе обороны 1-го Аргунского полка. В соответствии с изменившейся обстановкой верхнеудинцам было приказано занять позицию в окопах между д. Облин и Мацеевице. Всего от полка сменились и стали в стрелковую цепь 250 человек. Две пехотные роты заняли окопы впереди д. Облин. 3-я Забайкальская батарея и батарея 16-го мортирного дивизиона начали вести огонь по выдвигающимся частям противника.

Немцы от деревни Подстолице стали развертываться для атаки правее д. Облин, т.е. против участка обороны 1-го Верхнеудинского полка. Их артиллерия в составе не менее 3—4 батарей обстреляла сначала д. Облин, а потом окопы казаков и д. Мацеевице. После того как деревни загорелись, весь огонь тяжелой и полевой артиллерии противника обрушился на казаков. Южная окраина Мацеевице оборонялась 2 ротами 162-го пехотного Ахалцихинского полка. Артиллерийский огонь не прекращался весь день.

Немцы повели непрерывные атаки на горстку казаков и две роты пехоты у д. Облин. На участке 1-го Верхнеудинского полка в атаке участвовал батальон противника против 2 пехотных рот русских. Под воздействием превосходящих сил противника сотни стали медленно отходить, и немцы захватили окопы верхнеудинцев.

На помощь казакам была выслана рота Ростовского полка, проводить которую добровольно вызвался хорунжий Горбач, хорошо изучивший эту местность.

Ростовцы под огнем немецкой артиллерии влились в ряды казаков, и они сообща остановили продвижение противника. Во время боя хорунжий Горбач был убит.

Ночью верхнеудинцев сменили подошедшие роты Ростовского гренадерского полка, а 1-й Верхнеудинский полк отошел в д. Домашев.

Потери за день боя составили: убиты 2 офицера (хорунжий Горбач и сотник Сенченков), 1 ранен (сотник Левицкий); ранены 16 казаков, а 22 контужены (18 остались в строю); один казак пропал без вести.

17 июля немцы продолжили наступление на позиции 41-й пехотной дивизии, в распоряжении командира которой были 1-й Верхнеудинский и 1-й Аргунский полки, а также 3-я Забайкальская казачья батарея. Казачьи сотни использовались для разведки, отражали атаки противника и находились в резерве для закрытия брешей в боевом порядке пехоты. Огонь немецкой артиллерии, корректируемый с аэростата, был очень точен. От него наиболее сильно пострадали аргунцы, потеряв убитыми 3 казаков и 21 лошадь; 3 офицера и 12 казаков были ранены; брошенный 16 июля пехотинцами прапорщик К.В. Эпов в полк не вернулся и считался без вести пропавшим; 2 казака получили контузию.

Все немецкие атаки как аргунцами, так и верхнеудинцами были отбиты, казаки не отступили. В этот день, как и 16 июля, они показали пример мужества и стойкости в обороне, решительность в наступлении.

Взвод 6-й сотни прапорщика Белокрылова 1-го Аргунского полка у д. Подстолице противостоял пехотной роте немцев с 2 пулеметами. 25 человек сражались с 200 хорошо обученными и вооруженными солдатами противника, заставляя их неоднократно окапываться и передвигаться на поле боя ползком или перебежками. За час рота немцев продвинулась на 1000 шагов. Последний залп казаки сделали, когда до цепи атакующих осталось 200 шагов, после чего отошли. Потом 1-й Аргунский полк при поддержке взвода 3-й Забайкальской батареи капитана Моисеева атаковал в конном строю д. Руда и захватил ее.

Противник поспешно отошел на д. Тарново, оставив в окопах несколько убитых. Заняв окопы, аргунцы, буквально засыпаемые снарядами противника, остались на месте даже тогда, когда солдаты Ивангородского полка стали отходить под этим огнем. В бою были убиты 2 казака и 16 лошадей, ранены 7 казаков, из них 3 остались в строю. Взято в плен 3 немца с оружием. Аргунцами израсходовано 8 тысяч патронов, а верхнеудинцами — 16 тысяч патронов.

Многие казачьи офицеры принимали под свою команду пехотинцев, потерявших в бою офицеров. Казачьи сотни, сплоченные узами коллективизма, товарищества и родства, имея сознательную воинскую дисциплину, а не из-под палки, дрались с врагом до последней возможности. Отступая, старались унести своих раненых и убитых, помогали пехоте выносить их раненых и хоронить по христианскому обычаю. Забайкальцы очень возмущались, когда убитых пехотинцев хоронили прямо в окопах, где их застала смерть, или когда, отступая, оставляли в тех же окопах своих раненых. Отбив у противника одну из деревень, ранее оставленную почти без боя нашей пехотой, казаки нашли раненого солдата, двое суток пролежавшего в брошенной деревне. Особенно разозлил казаков случай с прапорщиком Эповым. Они ругали пехотинцев, которые бросили его, спасаясь от смерти или плена. Все как один заявляли, что казаки так не поступили бы.

Боевые качества казаков, их сплоченность в минуту опасности, теплота в отношениях друг с другом, равнодушие к бытовым трудностям, высокие нравственные принципы были широко известны на фронте. Не случайно австрийский генерал ценил забайкальцев выше, чем других казаков, хотя и те воевали неплохо. Он знал, что забайкалец — отличный воин и в плен добровольно не сдается, а если попадает, то, значит, другого выхода не было. Многие пехотные начальники, от полка и выше, пытались заполучить в свое распоряжение забайкальские полусотни, сотни или полки. От ротного командира до начальника дивизии убедились в больших способностях забайкальцев хорошо разбираться и ориентироваться на любой местности и во всякой трудной обстановке. Казаки-забайкальцы, несмотря на сильный огонь, быстро доставляли донесения, восстанавливали телефонную связь, бесстрашно, без всяких рассужде-

ний, верхом на лошади скакали в самое пекло боя навстречу явной опасности. Многие были ранены, убиты, пропали без вести, погибали и были ранены их лошади. Очень быстро казаки научились оборудовать окопы, утерь лопат, как в начале войны, не было.

Великолепно показала себя на этой войне забайкальская лошадь. По двое суток непоеные из-за отсутствия воды, по 10 суток нерасседланные из-за непрерывных боев или разведок, часто страдая от недостатка кормов, они несли свою нелегкую службу. Падеж лошадей в забайкальских полках был меньше, чем в полках других казачьих войск.

Большое количество пулеметов как в пехоте, так и в кавалерии сделали практически невозможными крупные сражения конницы против конницы противника. Кавалеристы больше воевали в пешем строю, чем на конях. Теперь на первый план выдвигались такие требования, как выносливость и способность конных частей совершать длительные марши к фронту или вдоль фронта, прикрывая фланги или закрывая своевременно бреши, возникающие между пехотными частями; возможность долгое время находиться на минимальном кормовом пайке и не потерять при этом боеспособность частей; неприхотливость конского состава в уходе. Всеми этими качествами обладала забайкальская порода лошади, над видом которой посмеивались казаки с Дона, Кубани и Терека.

Во время июльского отступления каждый новый день ничем не отличался от предыдущего. Все та же боевая работа. С наступлением ночи боевые действия, как правило, прекращались, а с рассветом возобновлялись. Противник продолжал теснить русские войска на восток.

Между Вислой и Бугом

18 июля по телефону в штаб бригады было передано приказание командира 16-го корпуса: «Теснимый противником Ростовский полк отступает лесом в направлении на д. Полен — Погоржелец. Мое приказание: возможно скорее собрать 1-й Читинский полк и двинуть его из Яблоновца в д. Годзишь. Задача: действовать от д. Годзишь в направлении на запад, ударом в правый фланг противника остановить его преследование и совместно с Ростовским полком и высланной от д. Соболеве сотней оренбуржцев и батальоном Киевского полка отбросить противника обратно на д. Подзамче. Общее начальствование принять командиру 1-го Читинского полка. Читинцам двигаться переменным аллюром. Клембовский».

Ко времени поступления приказания 1-й Читинский полк находился в подчинении генерала Болотова, вел разведку в интересах пехоты, прикрывал 1-ю Забайкальскую казачью батарею. Вновь казаки выступали в роли спасителя там, где положение оказывалось безнадежным.

Полк быстро собрался и выступил для выполнения поставленной задачи, но вскоре был возвращен и поступил в распоряжение генерала Широкова. Новая задача требовала от читинцев уже не наступательных, а оборонительных действий. Они должны были обеспечить фланги 41-й пехотной дивизии и 162-го пехотного Ахалцихинского полка, который отходил от д. Ковенчин на д. Стрых. Также на полк возлагалась задача задержать противника, если бы он начал наступать между ними. Поставленные задачи читинцы выполнили.

В этот день аргунцы находились на позиции и рыли окопы полного профиля. 1-й Верхнеудинский полк прибыл в д. Соболеве и вошел в состав корпусного резерва вместе с Московским гренадерским полком и сотней Оренбургского казачьего полка.

День 19 июля выдался для забайкальцев наиболее спокойным по сравнению с предшествующими. 1-й Читинский полк по-прежнему находился между флангами пехоты, отбрасывая огнем 3-й Забайкальской батареи и сотен мелкие подразделения противника, пытавшиеся нащупать слабое место в обороне русских. 1-й Верхнеудинский находился в корпусном резерве, а 6-я сотня 1-го Аргунского полка по приказу командира 2-го Ростовского полка капитана Ланского, в чьем распоряжении она была, задерживала бегущих с окопов солдат, которые уходили в лес. Построившись в лаву, сотня вернула на позиции три роты под непрерывным ружейно-пулеметным и артиллерийским огнем противника. После чего казаки прикрывали фланги 2-го Ростовского и Аварского полков, находясь в промежутке между ними.

20 июля противник, силою не менее батальона пехоты, перешел в наступление на 1-й Читинский полк, одновременно выдвигая за цепями резервы в ротных колоннах. С помощью 3-й Забайкальской батареи атаки были отбиты. За день боя ранены были 6 казаков и 6 лошадей, 5 лошадей убиты. Позицию читинцы занимали неудобную, о чем командир полка доложил генералу Широкову и попросил занять другую, более удобную.

1-й Аргунский полк поддерживал у д. Малинувка бой читинцев. Выставлял посты «летучей» почты. Приказано было держаться любой ценой.

1-й Верхнеудинский полк переместился к фольварку Ксаверинов и вошел в состав 25-й пехотной дивизии. В полдень получил приказ как можно быстрее двигаться на Соболеве, где войти в состав конного отряда генерал-лейтенанта Широкова, оставив в распоряжении генерала Ефтина одну полусотню, 6-я сотня верхнеудинцев была выслана для задержания бегущей в панике пехоты с позиций у фольварка Кремпа. Командир сотни вскоре доложил, что ему удалось вернуть две роты пехоты в окопы, один батальон бежал, а другой целиком сдался в плен и что он со своей сотней занял брошенную пехотой позицию у ф. Кремпа. Остальные сотни верхнеудинцев перешли в распоряжение генерала Ольшевского и уста-

новили связь между правым флангом отряда генерала Ефтина у д. Сосенки и левым флангом Ивангородского полка. В сторону противника были высланы разъезды.

До 24 июля немцы активных действий большими силами не предпринимали, а утром 24 июля перешли в наступление на широком фронте. В 3 часа утра артиллерия противника открыла огонь по русским окопам, и через 30 минут пошла в атаку пехота. Несколько раз она вынуждена была залечь, но упорно продвигалась вперед. В отдельных местах немцы подходили к русским позициям на 200 шагов. Русская артиллерия молчала, не было боеприпасов. Мосинская трехлинейка и героизм солдата были противопоставлены крупповской стали.

6-я сотня верхнеудинцев, своевременно закрывшая брешь в обороне у ф. Кремпа после бегства пехоты, успешно отразила все атаки немцев. Русская пехота контратаковала наступающего противника и отбросила его с опушки в глубь леса.

На участке 1-го Аргунского полка противник атаковал позицию 1-й сотни подъесаула Духовского и соседнюю 16-ю роту 187-го Аварского полка полковника Попова. Огнем сотни и пулеметов прапорщика Воронова атака была отбита, большинство немецких солдат отошли в исходное положение, а 40 человек стали окапываться в 300 шагах от окопов казаков. Вскоре в этом месте скопилось и окапывалось до двух рот противника.

3-я Забайкальская батарея есаула Бабушкина и пулеметы прапорщика Воронова обрушили на них ураганный огонь, заставив поспешно отойти с большими потерями.

В этот день отряду генерала Широкова была придана 392-я пешая дружина из Ивангородского гарнизона. Она состояла из добровольцев, здоровых молодых людей-патриотов, храбрых, но малообученных. На вооружении они имели винтовку системы «бердан» с 64 патронами на брата без возимого запаса. При стрельбе этими патронами клубы белого дыма от сгорания пороха окутывали окопы, демаскируя их. Эта старая винтовка могла усилить казаков во время штыкового боя, не увеличивая силу огня, так что толку от нее было мало.

Ввиду слабости офицерского состава (все они пришли из запаса) и низкой выучки дружинников они были распределены по сотням. Две роты их заняли окопы с тремя сотнями 1-го Аргунского полка у ф. Годзишь до д. Кобусы, на правом участке, и две роты вошли в состав 1-го Читинского полка, 4 сотни которого оборонялись на левом участке, исключительно д. Кобусы, д. Яблоновец (искл.).

Две сотни читинцев и три сотни аргунцев находились в общем резерве. Противник наступал главным образом на участке 1-й сотни аргунцев, а на участках других сотен 1-го Аргунского и 1-го Читинского полков выставил сильные заслоны, обеспечивающие наступление главных сил

в северном направлении. В дневном бою в 1-й сотне аргунцев погиб 1 казак и 2 были ранены. 3-я Забайкальская батарея имела 3 раненых. По одному пленному захватили казаки 1-го Аргунского и 1-го Читинского полков. Особенно лихо был захвачен пленный аргунцами. Командир 3-й сотни вахмистр Патрин, показывавший неоднократно высокую доблесть, самоотверженность и сметливость, добровольно вызвался добыть пленного. Выйдя по лесу в тыл немецкого окопа, Патрин со своим разъездом остановился в укрытии недалеко от него. Окоп этот сильно обстреливался нашей артиллерией. Дождавшись промежутка между залпами, Патрин на лошади бросился к окопу, выхватил из него одного немца, завизжавшего от ужаса, забросил его через седло и так же быстро скрылся со своим разъездом.

Дерзкий по исполнению поступок лихого казака-забайкальца, совершенный на глазах всего полка, пехоты и дружинников, вызвал у них бурю ликования. Пленный дал ценные показания, а вахмистр Патрин был награжден Георгиевским крестом.

Другой подвиг совершил приказный Тоболов, поддерживающий связь наблюдательного пункта с 3-й Забайкальской казачьей батареей. Когда из-за множества порывов и постоянного сращивания кабеля телефонной линии его не стало хватать до укрытия, а необходимо было корректировать стрельбу Забайкальской батареи по батарее противника, Тоболов принял героическое решение. Под градом осколков и пуль противника вылез из укрытия и, отойдя на 5 саженей от него, подсоединил телефон, установил связь с батареей и стал корректировать ее стрельбу. Благодаря этому батарея немцев в короткий срок была накрыта огнем батареи забайкальцев и до конца боя замолчала.

Оба подвига характеризуют забайкальского казака в бою, его готовность к самопожертвованию во имя выполнения воинского долга.

В ночь с 25 на 26 июля началось общее отступление 4-й армии за Буг. Казачьим полкам 1-й Забайкальской бригады было приказано прикрывать отход пехотных частей. Сдерживая наступление превосходящих сил противника, передвигаясь от рубежа к рубежу, казаки стояли насмерть. Ни одна позиция не оставлена ими без боя. Так, например, прикрывая отход 41-й пехотной дивизии, 1-й Читинский полк 9 часов не выходил из боя. Огрызаясь огнем, сотни медленно пятились, отвлекая на себя большие силы противника и не позволяя ему перейти в быстрое преследование.

Разъезды урядников Верхотурова и Номоконова 1-го Аргунского полка постоянно находились в соприкосновении с противником, наблюдая за каждым его шагом и своевременно посылая донесения командиру полка. Отличились ординарцы командира — казаки Хутуков и Мадаев, которые под ураганным огнем немцев, верхом, двигаясь наметом через поле, кипящее от разрывов снарядов, доставили приказание на отход двум сотням

полка, сдерживающим продвижение немецкой пехоты. Если бы они не сумели сделать это, то сотни, не имевшие права отойти без приказа, были бы окружены и уничтожены превосходящими силами противника.

Прошел год с тех пор, как забайкальские казаки убыли на войну. Много они совершили подвигов, прославив свое войско. Однако в силу различных причин эти мужественные воины не избежали и позорящих их поступков. Объективности ради следует отметить, что эти поступки, как правило, совершались не в боевой ситуации, а в тылу. Чтобы прокормить своих лошадей, когда интенданты не поставляли для них корм, казаки таскали потихоньку сено, принадлежавшее местным жителям, присваивали их скот или домашнюю птицу себе на пропитание. Когда начальники казаков узнавали об этом, то пострадавшим немедленно выплачивалась компенсация, а виновники наказывались. Эти мелкие нарушения на войне встречались во всех войсках и связаны были с естественной необходимостью или безысходностью положения, когда в обеспечении частей случались перебои.

Но были и серьезные проступки-преступления, порочащие честь забайкальского казака. В большинстве своем это происходило, как и везде, на почве употребления спиртного, которое на войне в Русской армии было запрещено. Еще 22 мая 1914 года был издан приказ по военному ведомству под номером 309, в котором говорилось: «Государь-император в своих непрестанных заботах о благе армии, дабы оградить ее от признанных опытом и наукой вредных последствий употребления спиртных напитков и сохранить в ней силы, здоровье и твердость духа, столь необходимые боевой готовности как в мирное время, так и в военное, высочайше повелеть соизволил принять к неуклонному исполнению прилагаемые к сему «Меры против потребления спиртных напитков в армии». Подписал его генерал-адъютант Сухомлинов. В 4-м пункте введенных приказом «Мер...» сказано: «При исполнении всяких порядков и служебных обязанностей, как то: на дежурствах, в караулах, на учениях, стрельбах, смотрах, маневрах, подвижных сборах, при выступлении в поход и т.д., а также во всех прочих случаях при совместном выполнении служебных обязанностей и когда офицеры находятся в присутствии низших чинов, употребление спиртных напитков запрещается». В 15-м пункте: «Низшим чинам всех категорий в течение состояния их на действительной службе, а также запасным и ратникам ополчения во время призыва в учебные сборы воспрещается потребление спиртных напитков где бы то ни было».

Сказать, что в Русской армии все рекомендации, изложенные в «Мерах...», выполнялись, значит покривить душой. Одним указом или приказом пьянство не ликвидировать, но то, что употребление спиртного в армии было ограничено, факт бесспорный. Пока сохранялась дисциплина и военная организация, эти «Меры...» претворялись в жизнь, с разруше-

нием их борьба с пьянством прекратилась. Военные неурядицы и все связанное с ними не способствовали трезвому образу жизни. Пили все: офицеры, солдаты, казаки, военные чиновники как на фронте, так и в тылу, но повального пьянства не было. С этим злом в 1915 году еще боролись. Запасы спиртного, захваченные у противника в качестве трофеев, уничтожались, в зоне военных действий запрещена была торговля спиртными напитками, а спиртовые заводы закрывались или уничтожались. Меры эти были правильными, так как в боевой обстановке вред от пьянства может быть огромный. В 1-й Забайкальской бригаде понимали это и всячески ограждали казаков от употребления спиртных напитков. В результате за все месяцы войны не было ни одного случая нарушения воинской дисциплины на почве пьянства, ни одной жалобы местных жителей на забайкальцев. Не предан даже полковому суду ни один казак. «Появился спирт — появились преступления», — с горечью отметил адъютант 1-го Аргунского полка в «Журнале военных действий» полка. Примером этому может служить происшествие, случившееся в 1-м Читинском полку в последний день июля.

Недалеко от деревни, где расположился полк, находился спиртовый завод с большим запасом спирта. Для его уничтожения командование направило группу солдат из пехоты, которые, прежде чем уничтожить завод, запаслись спиртом и угостили им читинцев. Некоторые казаки перепились, а один из них, Луговский, в пьяном виде изнасиловал женщину в деревне и был пойман. Казака предали полевому суду, и он понес заслуженное суровое наказание по законам военного времени. Случай этот, единичный среди забайкальцев, не дает основания считать казаков, как об этом пишут некоторые авторы, грабителями, пьяницами и насильниками. Не только забайкальцы, но и казаки других войск в подавляющем большинстве своем честно и добросовестно выполняли свой служебный долг и пролили немало крови в борьбе с врагами России.

Отход за Буг

К началу августа армии Северо-Западного фронта, находящиеся в Польше, продолжали отход на восток.

1 и 2 августа 1-я Забайкальская бригада сдерживала наступление противника, прикрывая отход 16-го корпуса генерала Клембовского за р. Буг.

К 3 августа пехота беспрепятственно перешла по мостам через реку, и командир корпуса дал команду генералу Томашевскому, чтобы он отводил своих казаков, так как мосты будут скоро уничтожены. 1-й Читинский, 1-й Верхнеудинский полки, две сотни 1-го Аргунского полка, 1-й

Забайкальский казачий дивизион переправились на противоположный берег у д. Мацковичи по мосту. 4-я,5-я,6-я сотни 1-го Аргунского полка воспользовались 4 августа мостом у д. Ослово, а 3-я сотня, действующая в разведке, перешла реку вброд у д. Мацкевичи, так как мост уже горел. Казаки ушли за Буг последними.

Противник с ходу форсировал реку и безостановочно преследовал 16-й корпус, планово отходивший на указанный ему рубеж. Казаки прикрывали его отход, а также беженцев, которые покидали свои деревни и вместе с войсками или раньше их уходили в Россию. Интересно, что при отходе наших войск к Бугу жители деревень не оставляли свои насиженные места, а лишь на время боя скрывались в лесу, возвращаясь потом назад. Все имущество, скот, домашняя птица, хлеб, лошади не бросались на произвол судьбы, а находились под присмотром.

За Бугом картина изменилась. Прихватив с собой все, что можно было унести или увезти, жители деревень покидали родные места и длинными колоннами устремлялись на восток. Много добра и домашних животных осталось брошенными. Любую живность, хлеб можно было купить за гроши. За счет бесхозного скота казачьи интенданты пополняли полковые стада. Каждый полк имел свое стадо и табун лошадей.

8 августа бригада из 16-го корпуса перешла для прикрытия отхода гренадерского корпуса.

9 августа 1-й Верхнеудинский полк с 5 аргунскими и 3 читинскими сотнями, бригадой пулеметной команды (8 пулеметов) и Забайкальским дивизионом выступили на д. Малые Опоки. Для ведения разведки была выслана вперед 6-я сотня верхнеудинцев. Одна сотня читинцев, две (3-я и 4-я) — верхнеудинцев и три — аргунцев под общим командованием есаула Копунова стали в передовую линию и окопались, продлив фронт обороны Киевского полка. К вечеру читинцы заняли позицию Таврического полка, который понес большие потери и отошел, а 2-я сотня верхнеудинцев стала на место читинцев. На ночь часть сотен отошла с позиций в д. Дворец, чтобы к утру вновь занять ее, а 3-я и 4-я сотни верхнеудинцев остались в окопах. В результате их кони были сутки под седлом и без фуража. 1-я сотня 1-го Аргунского полка убыла для действий с Ростовским полком, но казаков в передовую цепь не поставили, а разместили сзади пехоты, как выразились офицеры, в «нравственную поддержку».

10 августа рано утром читинцы ушли в д. Бушмичи. Три их сотни выдвинулись в распоряжение командира Самогитского полка, а остальные — в резерв командира 2-й гренадерской дивизии.

Доведя свой артиллерийский огонь до наивысшего напряжения, противник повел наступление на позиции Киевского, Ростовского и Самогитского полков. Вся местность, где немцам оказывалось сопротивление, буквально перепахивалась снарядами. Дым от взрывчатки и пыль не рассеивались. Все наши окопы были завалены трупами русских гренаде-

ров. За 1,5 часа по каждой деревне, занимаемой пехотой, и по окопам было выпущено несколько сот снарядов разного калибра.

Русская артиллерия молчала. Только одна батарея Забайкальского дивизиона изредка выпускала по атакующим немецким цепям и позициям артиллерии по одному снаряду на каждые 20—30 немецких. На 8 августа весь гренадерский корпус имел немногим более 3 тысяч шрапнелей и гранат.

При такой мощной артиллерийской подготовке атаки и поддержке в ходе ее немецкая пехота успешно продвигалась вперед, почти не неся потерь от русских снарядов.

В 11 часов дня Ростовский и Самогитский полки гренадерского корпуса, не выдержав ураганного артиллерийского огня, стали отходить на вторую позицию. Стоявшие правее ростовцев дружинники тоже отошли, бросив свой пулемет. Его нашел урядник Рогалев 1-го Аргунского полка и вывез к своим.

Подойдя ко второй позиции, немцы при поддержке такого же по силе огня атаковали ее левый фланг, где оборонялись верхнеудинцы. Казачья батарея открыла беглый огонь шрапнелью по пехотным цепям противника. Пулеметы казаков вырывали из их рядов десятки солдат. От непрерывной стрельбы стволы винтовок казаков раскалились. Сначала немцы остановились, залегли, а потом попятились назад. Не добившись успеха на этом направлении, противник перенес главный удар по правому флангу верхнеудинцев, куда для поддержки была выдвинута 4-я сотня 1-го Аргунского полка, а к вечеру на помощь забайкальцам подошли две сотни 52-го Донского полка и рота пехоты Таврического полка. Общими усилиями атака была отбита, и противник стал окапываться в 500—600 шагах от русских окопов. Во время этого боя отошедший на вторую позицию Самогитский полк, без всякой на то причины, вышел из окопов и в полном беспорядке стал отходить к д. Бушмичи. Резервные сотни аргунцев и читинцев были высланы, чтобы вернуть их обратно. Примечательно, что немецкая артиллерия вела сильный огонь не по окопам Самогитского полка, а с недолетом 400—300 шагов перед окопами, но страх у солдат был настолько велик, что они не стали дожидаться, когда артиллеристы противника внесут поправки, и ушли с позиций. Казаки рассыпались по полю и поодиночке собирали деморализованных солдат. Атаки немцев были отбиты главным образом казаками. Окопы 2-й сотни верхнеудинцев были сравнены с землей. Казаки несли большие потери, но ни один из них не ушел с позиции. Стояли насмерть, и противник не прошел.

Три сотни верхнеудинцев численностью по 60 человек каждая потеряли 33 казаков убитыми, ранеными, контуженными, из них 9 остались в строю и продолжали вести бой.

Аргунцы (две сотни), находившиеся на левом участке казачьей позиции, израсходовали 13 600 штук патронов, 5 казаков были ранены и 7 кон-

тужены. В течение 7 часов казаки сдерживали противника, дав возможность Самогитскому полку отступить. Три сотни казаков 1-го Читинского полка прикрывали этот полк, имея в сотнях по 60—70 человек. В бою был ранен войсковой старшина Лоншаков, убито 6 казаков и 16 ранено; убито и ранено 14 лошадей.

Когда в связи с бегством Самогитского полка на позициях образовалась брешь, в которую мог устремиться противник, полковник князь Кекуатов повел три сотни читинцев из резерва командира 2-й гренадерской дивизии, чтобы закрыть ее. Казаки, руководимые им, прорвались через разрывы немецких снарядов, которые покрыли всю площадь между д. Долбшни, Бушмичи, Дворец и не допустили прорыва обороны на этом направлении.

Казаки вели себя в бою прекрасно. Связист Федор Брюхов, например, многократно выскакивал из окопа и под огнем противника восстанавливал связь, ликвидируя порыв за порывом телефонного кабеля. Посыльные казаки мчались верхом среди фонтанов взрывов, чтобы передать приказание, когда выходила из строя телефонная связь. Есаул Кануков с окончательной потерей связи перешел в окопы и оттуда руководил боем на своем участке.

Каждый день повторялся: немцы обрушивали на передовые части массу огня и переходили в атаку, русская пехота на направлении удара покидала позицию, вынуждая соседей тоже отходить, чтобы не оголять фланги; бреши закрывались казаками, которые занимали брошенные позиции и давали возможность пехоте отойти на новый рубеж в тылу. 4-я армия откатывалась на восток, неся тяжелые потери.

Среди пехотных офицеров была полная неосведомленность о противнике, местонахождении своих войск, не знали, где находятся их начальники; полки, батальоны, роты оставляли свои окопы без всякой причины с первым разрывом немецкого снаряда, боясь окружения или обхода; разведку никто не вел, при восстановлении утраченного положения слепо шли вперед, попадая под перекрестный огонь пулеметов; моральное состояние войск было подавленное, остановить бегущих деморализованных солдат, не применяя оружия, оказывалось невозможным.

Когда 10 августа ростовцы, а за ними дружинники побежали с позиций, не выдержав ураганного огня немецкой артиллерии, казаки ничего не смогли сделать, чтобы остановить их. Обезумевшие от страха люди прорвали казачью лаву и разбежались кто куда. Артиллерия противника безнаказанно господствовала на поле боя, а наша молчала, сберегая снаряды на крайний случай. Пехота немцев несла потери практически только от ружейно-пулеметного огня стойко оборонявшихся подразделений и частей прикрытия, но и они в конечном итоге вынуждены были отходить из-за невозможности держаться на позициях под разрывами сотен снарядов. Но когда в бой вступала русская артиллерия, положение резко меня-

лось. Так, например, занявшие без боя д. Хлевищи немцы 9 августа попали под огонь нескольких русских батарей, в том числе и Забайкальского дивизиона. Удар по скоплению пехоты, конницы, обозов оказался настолько эффективным, что противник, бросая убитых и раненых, бежал в панике несколько верст назад, на свои исходные позиции. Это доказывало то, что будь у русской артиллерии достаточное количество снарядов или столько, сколько у немцев, было бы легче с ним воевать. С винтовкой же противостоять тяжелой артиллерии противника русский солдат не мог при той подавленности морального духа, связанного с непрерывным отступлением, какое было в пехотных частях. Сопротивление оказывали наиболее дисциплинированные и сплоченные войска, такие, как полки 1-й Забайкальской казачьей дивизии, и не случайно командующий 4-й армией генерал А.В. Эверт в своей телеграмме командиру гренадерского корпуса возлагал на них надежды. Он телеграфировал: «Передайте забайкальцам, что я уверен, что они долго не пропустят противника через Пущу».

В первых числах августа Северо-Западный фронт был разделен на два фронта — Северный и Западный. В обязанности главнокомандующего Западным фронтом, в состав которого вошла 4-я армия, вступил талантливый военачальник генерал М.В. Алексеев. Группа армий этого фронта прикрывала пути, ведущие на Москву. В их задачу после отхода входило прочно удерживать в своих руках район Гродно, Белосток от Верхнего Нарева до Брест-Литовска включительно; прикрывать пути по правому берегу Верхнего Буга к рубежу Брест, Кобрин, Пинск, Лукинец.

А пока армии отходили, выталкиваемые из Польши немецкими войсками.

11 августа 1-й Верхнеудинский полк дважды спасал положение, закрывая бреши на позициях пехоты, останавливал и возвращал в окопы бегущих гренадер, обеспечивал связь между левым флангом 2-й гренадерской дивизии у д. Васильки и правым флангом 25-го корпуса у д. Бушмичи, сдерживал противника в этом промежутке у д. Подбуров. Потом был брошен для ликвидации прорыва между гренадерским и Сибирским корпусами.

Взводы 2-й сотни задержали и вернули в окопы сотни бегущих гренадер, а 3-я сотня была выслана на разведку и поиски 2-го батальона сибирских стрелков, не прибывшего на позиции в окопы. Гренадеры Сибирского, Московского, Киевского и Таврического полков в половине восьмого вечера бросили свои позиции, а 9-й и 54-й Сибирские стрелковые полки мужественно сражались с врагом.

Очевидно, что не только превосходство немецкой артиллерии над русской заставляло пехоту покидать свои окопы, но и обыкновенная трусость и паникерство, поразившие многие полки Русской армии в великое отступление 1915 года.

Казаки в этот день показали пехоте пример стойкости. 1-я сотня 1-го Аргунского полка подъесаула Духовского с утра и до 5 часов дня вела непрерывный бой с полнокровной ротой немцев. 60 казаков противостояли 180—200 хорошо обученным, закаленным в боях пехотинцам противника, наступающим при поддержке пулеметов и артиллерии. Продвинувшись за день боя на 600 шагов к окопам казаков, они остановились и начали окапываться. Сотня отошла после получения приказа. Командир ее, сотник Шемелин, будучи раненым, остался на позиции, руководил боем, вывез всех раненых и убитых, отвел сотню и пулеметы на другую позицию и только когда прибыл заместитель, убыл в госпиталь.

12 августа 1-й Читинский полк прикрывал правый фланг 2-й гренадерской дивизии, вел бой и не позволил противнику прорваться на этом направлении и выйти во фланг и тыл пехоте. 6-я сотня 1-го Верхнеудинского полка обеспечивала левый фланг этой дивизии, вела разведку и поддерживала связь с 25-м корпусом. Вечером сотня заняла брешь в обороне одного из полков дивизии и к 12 часам ночи поступила в распоряжение командира 9-го Сибирского стрелкового полка.

13 августа верхнеудинцы и читинцы прикрывали отход гренадер, медленно отступая с одного рубежа на другой, вели разведку. Как только последний казак из разведывательных сотен перешел мост через реку Лесна, его подожгли, а сотни заняли позицию у переправы.

14 августа 1-я Забайкальская бригада вела бой на позициях, высылала разведывательные сотни, прикрывала отход пехоты.

В арьергарде бригады находился 1-й Читинский полк, который удерживал переправу через р. Лесна до отхода 5-й Донской казачьей дивизии, а потом сам отошел в образовавшийся разрыв между донцами и гренадерской дивизией. Кони казаков сутками не были расседланы, не кормлены, так как болотистая местность и отсутствие дорог не позволяли подвозить фураж; начались проливные дожди.

До конца августа 1-я Забайкальская бригада прикрывала отход 25-го и гренадерского корпусов и 7 сентября перешла в распоряжение командира 9-го армейского корпуса. Отбивая атаки передовых частей противника, бригада заставляла его вводить в бой главные силы.

10 сентября 1-й Читинский полк убыл для прикрытия отхода 11-го армейского корпуса. Его 5-я сотня, перемещаясь на другую позицию, попала под ружейно-пулеметный огонь противника и потеряла 6 казаков ранеными. Всех раненых, кроме одного, удалось вывезти, а казак Иннокентий Бородин был оставлен на поле боя. Казаки, как ни старались, не смогли прорваться к нему через наступающую по пятам цепь противника.

13 сентября 1-я Забайкальская бригада была выведена в резерв 4-й армии и расположилась в д. Мир. Противник, тоже измотанный непрерывными боями, стал выдыхаться, темп наступления замедлился.

17 сентября корпуса 4-й армии перешли в наступление, которое из-за упорного сопротивления противника и отсутствия боеприпасов развивалось медленно, до ввода в прорыв 1-й Забайкальской бригады дело не дошло. Ночью 18 сентября русская пехота отошла в исходное положение, а бригада осталась до 3 октября в армейском резерве 4-й армии.

3 октября она временно вошла в состав 25-го армейского корпуса, которым командовал генерал-адъютант А.Н. Куропаткин, старый знакомый забайкальцев по Русско-японской войне. Забегая вперед, следует сказать, что и в этой войне он оказался неспособным руководить ни корпусом, ни 5-й армией, ни Северным фронтом. Все наступательные действия подчиненных ему корпусов и армий заканчивались неудачно. Гораздо лучше справился он с подавлением Среднеазиатского восстания в 1916 году, будучи Туркестанским генерал-губернатором. С мая 1917 года и до конца своей жизни жил в своем бывшем имении Псковской губернии, где преподавал в средней школе и основанной им сельскохозяйственной школе. К белому движению он не примкнул, а также отверг предложение французского посла эмигрировать из России.

После ликвидации Свенцянского прорыва немцев отступление русских армий прекратилось, и положение на русских фронтах стабилизировалось. Обе стороны перешли к позиционной обороне на всем протяжении русского фронта — от Балтийского моря до румынской границы. Линия расположения противника тянулась по Западной Двине от Риги до Двинска и далее, почти по прямой линии на Поставы, Крево, Баранович, Пинск, Дубно, Тарнополь, Бугач и Новоселицы.

К этому времени великий князь Николай Николаевич был назначен на Кавказ, а верховное командование принял на себя Николай II, при начальнике штаба генерале М, В. Алексееве. В должность главнокомандующего Западным фронтом вступил А.Е. Эверт, а командующим 4-й армией стал генерал от инфантерии Рагоза.

1-я Забайкальская бригада разместилась в районе г. Бобруйска. С 1 по 31 декабря офицеры и казаки стали уезжать в отпуска. Полки приводили себя в порядок, отдыхали. Приходили приказы о награждении офицеров и казаков орденами и медалями. Проводились смотры и парады Георгиевских кавалеров. Рассматривались дела провинившихся казаков и офицеров в различных судебных инстанциях, которые из-за постоянных боев не были ранее рассмотрены.

Так, 30 ноября войсковой старшина Измайлов выехал в Минск на заседание суда в качестве обвиняемого по делу о нанесении побоев подчиненному. В казачьих частях рукоприкладство, хоть и в меньшей степени, чем в пехоте, но существовало. За это офицеры наказывались, вплоть до увольнения из армии, а младшие начальники из числа урядников, вахмистров разжаловались.

14—15 декабря 2-й Верхнеудинский полк под командованием полковника Беляева несколькими эшелонами убыл на Западный фронт в состав 1-й Забайкальской бригады, которая была переименована в 1-ю Забайкальскую казачью дивизию. Командиром ее стал генерал Орлов.

2-й Верхнеудинский полк был сформирован к 28 июля 1914 года и имел в своем составе 1 штаб-офицера, 7 обер-офицеров, 2 врачей, 1 ветеринарного врача, 1 зауряд-военного чиновника и 950 нижних чинов, из них 915 строевых.

12 августа выступил в Ургу (Монголия) для замены батальона и пулеметной команды 20-го Сибирского стрелкового полка. В Монголии полк нес службу и занимался боевой подготовкой. 27 октября 1915 года выступил из Урги по тракту своим ходом в Троицкосавск и к 22 ноября прибыл на ст. Березовка, где по 14 декабря готовился к отправке на фронт, проводил стрельбы, учения.

Таким образом, все полки Забайкальского казачьего войска к концу 1915 года находились на фронтах Первой мировой войны.

Забайкальцы на Кавказском фронте. Поход к Адильджевасу

В январе—марте 1915 года на правом фланге Русской армии турки очистили большую часть Батумской области, за исключением труднодоступного участка юго-западнее Артвина.

3-я Забайкальская бригада находилась в районе г. Карса. 9 марта от командующего Кавказской армией генерала от инфантерии Юденича на имя начальника бригады поступило распоряжение № 718, в котором говорилось: «Предписываю Вам произвести ряд разведок путей из района расположения бригады на фронт Ардаган — Мельденск — Ольта с целью полного изучения всего района». На основании его были разведаны маршруты от Карса до Петровки; от Ислалцора до Безирган-Кечина; от Эмирхана до Энжджи; от Эмирхана до Тарам-Вартана. Дорога от Гренадерского до Дат-Кепри и селений Зурзуни; от Петровки до Джелауса и Родионовки и т.д.

В деревнях, через которые проходили разведывательные разъезды забайкальцев, проживали греки и армяне. Начальники разъездов докладывали в штаб бригады проходимость дорог для всех видов транспорта, отношение местного населения к русским войскам. Однако действовать бригаде в разведанном районе не пришлось.

На левом крыле Кавказской армии, где действовал разделенный на отряды 4-й Кавказский корпус, сложилась напряженная обстановка. После занятия левофланговым Азербайджанским отрядом в конце февраля Дильмана и Тавриза турки, учитывая требования персидского пра-

вительства о выводе русских войск со своей территории, направили в район Урмия корпус в составе двух пехотных дивизий с отрядом курдов, чтобы создать угрозу левому крылу Кавказской армии. В конце апреля турецкий корпус Халил-бея и курдские отряды конницы вторглись в Персидский Азербайджан с перспективой наступления в дальнейшем на Елисаветполь (Кировабад) и на Баку. В тылу противника, в районе г. Ван, восстало армянское население, разбившее в первых боях турков, но потом, окруженное превосходящими силами 5-й дивизии турецкого корпуса, мужественно сопротивлялось, ожидая помощи от русских войск.

Причиной восстания послужило то, что свыше 100 селений армян вокруг города Ван, особенно в округе Шатах, почти полностью были вырезаны турками, даже маленькие дети, женщины, старухи; молодые женщины уведены в курдские селения.

Юго-восточнее озера Ван подняли восстание айсоры, населявшие горную область Хеккияри. Кроме того, турки склоняли правительство Персии выступить совместно против русских.

В этой сложной военно-политической обстановке командование Кавказской армии решило усилить 4-й Кавказский корпус резервными частями и двинуть его против группы Халил-бея с целью оказания помощи восставшим, а также очистить от турок Персидский Азербайджан и парализовать действия немецкой и турецкой агентуры, настраивающей население Азербайджана против русских.

В распоряжении № 1183 от 23 апреля 1915 года, отданном генералом Юденичем начальнику 3-й Забайкальской казачьей бригады, указывалось, что «вследствие серьезных боев в районе Дильмана вверенная Вам бригада с ее артиллерией назначается в распоряжение начальника Азербайджанского отряда генерал-майора Чернозубова на усиление его войск. Бригада будет перевезена по железной дороге от Карса до Джульфы. Посадка на железнодорожный транспорт в г. Карсе назначена на 25 апреля с утра, к каковому времени частям бригады должно прибывать к Карсу. По прибытии в Джульфу Вам надлежит получить указания от генерала Чернозубова, которому Вы должны донести заблаговременно о времени своего прибытия в Джульфу».

Полки приступили к подготовке и погрузке. Согласно расчету, переданному коменданту Карса для погрузки, состав бригады был следующий:

Части, предназначенные к погрузке	Генералы	Штаб-офицеры	Обер-офицеры	Казаки	Лошади	Орудия и зарядные ящики	Повозки
Штаб бригады	1	3	6	150	210	—	21

3-й Верхне-удинский полк	—	2	27	1050	1050	—	60
2-й Аргун-ский полк	—	2	25	1050	1050	—	60
2-я Забай-кальская казачья батарея	—	1	5	300	350	18	50
Всего:	1	8	63	2550	2660	18	191

Комендант ст. Карс выделил для перевозки бригады 13 эшелонов. Только для одного 3-го Верхнеудинского полка потребовалось: 1 классный вагон, 6 пассажирских, 25 для лошадей, 2 платформы, 2 крытых вагона.

При действии в горной местности лошади казаков быстро выходили из строя, особенно во 2-й Забайкальской батарее и обозе, поэтому, по заявке штаба бригады, на укомплектование полков поступали лошади из 1-го отделения конского запаса. Часто они не соответствовали предъявляемым к ним требованиям. Непосредственно перед отправкой бригады в Персию, например, лошади прибыли в неудовлетворительном состоянии, о чем начальник бригады в рапорте от 23 апреля на имя командующего Кавказской армии сообщил следующее: «...из 68 строевых лошадей — 46 удовлетворительны в отношении работоспособности; 13 — плохи и не пригодны для немедленной работы; 7 — абсолютно не пригодны не только к строевой службе, но даже и к обозной; 1 — лишилась возможности передвигаться... была оставлена в селении Мацра и там же в тот день пала.

Таким образом, конский состав бригады не только не улучшился от прибывшего на укомплектование, но, напротив, ухудшился, ибо при выступлении часть лошадей приходится оставлять, а также казаков по уходу за ними».

Начальники, отвечающие за укомплектование лошадьми боевых полков Забайкальского казачьего войска, находящихся как на Западном, так и на Кавказском фронте, не справлялись со своими обязанностями, поставляя негодный для боевой работы конский состав, зато в запасных сотнях была сильная большевистская организация, оказавшая свое разлагающее влияние на фронтовых казаков в 1917 году.

В день убытия из Карса, 26 апреля, согласно телеграмме генерала Юденича, бригада переподчинилась начальнику Кавказской кавалерийской дивизии генералу Шарпантье.

В течение двух суток она двигалась по железной дороге, и 27 апреля первые эшелоны приступили к выгрузке на ст. Джульфе.

29 апреля авангард и главные силы бригады выступили по приказу генерала Юденича в Тавриз, присоединив по пути к себе 3-й Кубанский казачий полк.

К 1 мая забайкальцы и кубанцы прибыли в конечный пункт назначения и вошли в распоряжение генерала Шарпантье.

Для восстановления своего политического влияния в Персии, наводненной германскими политическими агентами, отрядами инструкторов и транспортами боевого снаряжения, постепенно передвигающимися через страну к Азербайджану и Афганистану, русским нужна была очередная победа вблизи персидской границы. С этой целью в мае было решено перейти в наступление в направлении на Мелязгерт и на Ван и занять важные узлы путей Муш и Битлис.

8 мая 2-я сотня и пять отдельных разъездов от 2-го Аргунского полка были высланы в разведку с бивака у Геогана по дороге на Хажан до Бинаба, Миандоаба. Задача их состояла в выяснении наличия противника у сел. Миандоаб.

9 мая 3-я бригада забайкальцев выступила на г. Ван, огибая с юга оз. Урмия. Из разведывательной сотни аргунцев поступило донесение, что в Миандоабе находятся 150—400 солдат и кавалеристов противника.

В условиях страшной жары, отсутствия воды, продовольствия и фуража казаки 10 мая вышли к реке Джагита-Чай. После двух очередей шрапнели, переправы 2-го Аргунского полка вплавь у селения Музафар-абида турки оставили Миандоаб и отошли, беспорядочно отстреливаясь от наступающих аргунцев. В бою турки потеряли 20 человек. У аргунцев был ранен 1 казак.

В районе Амир-абада разведывательные разъезды полка обнаружили до 10 рот турецкой пехоты с 2—3 сотнями курдов. 2-й Аргунский полк остановился у моста через р. Татаву, ожидая подхода главных сил бригады, чтобы обеспечить их переправу и удержать Миандоаб.

Двое суток бригада простояла у реки, не имея возможности переправиться из-за отсутствия переправочных средств. 13 мая в 5 часов утра полки стали переправляться на подручных средствах и к вечеру с трудом сосредоточились на противоположном берегу.

14 мая кавалерийская дивизия генерала Шарпантье атаковала противника на высотах юго-западнее Миандоаба, который после незначительного сопротивления отошел.

Забайкальская бригада находилась в общем резерве. 15 мая бригада в голове главных сил дивизии, выслав небольшой передовой отряд вперед

для овладения высотами, выступила в направлении селения Ицдыркаш. В селе казаки захватили много продовольствия и фураж.

18 мая, имея авангард силою до 2 сотен и взвода пулеметов, бригада в 10.30 утра выступила по дороге на Карабашпы и к 6 часам вечера прибыла в назначенный район. Разведывательным разъездам удалось установить, что впереди находились части 36-й пехотной дивизии турок и конные отряды курдов.

С 19 по 27 мая бригада совершала марш на Урмию и отдыхала там, пользуясь трофейными запасами продовольствия и фуража.

28 мая, оставив в Урмии 2-й Аргунский полк для ожидания подхода частей отряда генерала Чернозубова, бригада в 7 часов утра выступила на Керим-абад, куда прибыла к 5 часам дня. В ходе выдвижения разведывательные разъезды 3-го Верхнеудинского полка входили в мелкие стычки с небольшими курдскими конными отрядами, которые, обстреляв со склонов гор казаков, тут же скрывались, вскоре и эти стычки прекратились.

Главная цель рейда русской конницы с 22 орудиями в Западном Азербайджане была достигнута: курдское население Персии прекратило борьбу с русским и войсками. Из 36 эскадронов и сотен, участвующих в рейде, 12 были забайкальскими, при 6 орудиях 2-й Забайкальской батареи.

Успех в Западном Азербайджане позволил русскому командованию усилить войска, действовавшие к северу от озера Ван на Мушском и Битлисском направлениях за счет высвободившихся частей Азербайджанского отряда. Часть из них, в том числе и 3-я Забайкальская казачья бригада, была направлена по маршруту Урмия, Башкала, Ван, Арджиш, а непосредственно Забайкальская бригада получила задачу прибыть к Адильжевасу.

К этому времени (с выдвижением левого крыла главных сил Кавказской армии на линию перевалов Мергемир, озеро Ван) фронт от Черного моря до озера Ван сократился на 100 км, поэтому русское командование планировало на середину 1915 года новую операцию по овладению крепостью. Однако недостаток боеприпасов, критическое положение на Западном фронте не позволили провести глубокую наступательную операцию на Эрзерумском направлении и вынудили ограничиться активными действиями севернее озера Ван.

4-й Кавказский корпус должен был овладеть районом Коп, Муш, Битлис с целью создания исходного охватывающего положения, выгодного в дальнейшем для проведения операции по взятию крепости Эрзерум. С овладением указанным районом приданная 4-му Кавказскому корпусу конница предназначалась для прорыва к важному стратегическому пункту — Битлисскому проходу, выводящему в Месопотамию.

После отдыха в Керим-абаде бригада до 14 июня совершала марш к Адильджевасу, расположенному на северном берегу озера Ван.

Марш проходил в труднейших условиях горной местности. Колесный обоз и артиллерия замедляли движение, лошади выбивались из сил. От усталости и бескормицы они еле передвигали ноги. Иногда не было даже подножного корма, мучила жажда. Отправляя бригаду на Кавказ, командование Забайкальского казачьего войска напрочь забыло опыт Русско-японской войны. Колесный обоз пришлось менять на вьючный уже в ходе марша, а артиллерия казаков так и осталась колесной. Дороги в некоторых местах не позволяли двигаться коннице, не говоря уже об орудиях. Казаки сотнями впрягались в орудия и зарядные ящики, чтобы помочь обессиленным лошадям преодолеть крутые подъемы.

Бои под Ахлатом и Кормуджем

В Адильджевасе 3-я Забайкальская бригада вошла в состав Ахлатского отряда генерала Стояновского. 2-й Аргунский полк, не отягощенный артиллерией, догнал бригаду еще на марше.

Казаки и лошади не успели отдохнуть, как получили 15 июня приказ наступать на Ахлат. Согласно ему, бригада с 4 пулеметами в составе колонны генерала Стояновского, куда вошли части пехоты, артиллерия и 1-й Хоперский казачий полк, должна была выступить в 6 часов утра 16 июня из Адильджеваса в направлении на Джумилда и атаковать противника в районе селения Акрак-Сар. Ахлатский отряд составлял часть Адильджевасского отряда, которым командовал генерал Шарпантье. Другая часть отряда, под командованием генерала Исарлова, наступала от Ханыка в направлении на высоту «7314», перед Ахлатом. Для поддержки его была назначена 2-я Забайкальская батарея. Справа от Адильджевасского отряда в направлении на Коп наступал Мелязгертский отряд. По данным разведки, у Ахлата противник имел 3 пехотных турецких батальона с 4 орудиями и 8 эскадронов конницы. Позиция сторожевого охранения проходила по хребту вдоль селений Эрсунк и Акрак-Сор.

Впереди главных сил отряда генерала Стояновского действовал 3-й Верхнеудинский полк, а 2-й Аргунский, без 1-й сотни, обеспечивающей «летучую» почту, следовал в конце колонны.

Наступление проходило в тяжелых условиях горной местности. К селению Джумилда, что перед Ахлатом, вела дорога, движение по которой даже для вьючного транспорта было затруднено. Она шла между берегом озера Ван и хребтом, имела много спусков, оврагов. Подъем по вьючной тропе на отрог с развалинами крепости Адильджевас-Кале занял много времени и привел к сильному переутомлению солдат, казаков и лошадей.

В качестве передового отряда от 3-го Верхнеудинского полка были высланы 2-я и 4-я сотни под начальством войскового старшины Кукли-

на. В их задачу входило сторожевое охранение противника, разведать его главную позицию и подступы к ней. Выполняя ее, 2-я сотня, не доходя до линии селений Эрсунк, Акрак-Сор, атаковала две сторожевые заставы турок, которые, отстреливаясь, стали отходить влево на селение Тюнис. Преследуя их, сотня была обстреляна пехотой противника, занимавшего окопы от Тюниса до Акрак-Сор вдоль глубокого оврага, силой не менее одной роты.

Сотня заняла позицию и стала обстреливать эти окопы. После нескольких шрапнельных выстрелов конно-горной батареи, подошедшей на помощь казакам, турки отступили, а сотня перенесла огонь по отходящей колонне противника, вытесненной с высоты «7314» отрядом генерала Исарлова и направляющейся к сел. Ахлат. По наблюдению войскового старшины Куклина, на Ахлат отошло до 2 батальонов пехоты и группа конницы, силой до 1 взвода. Казаками 2-й сотни было израсходовано свыше 1 тысячи патронов.

4-я сотня обеспечивала левый фланг перешедшего в наступление 2-го Аргунского полка.

Оставив полусотню в арьергарде и одну сотню в прикрытии коноводов, три с половиной сотни аргунцев под командованием войскового старшины Бутакова атаковали при поддержке огня артиллерии окопы противника на правом берегу пересохшей Джумалды. Турки стали обстреливать цепь спешенных казаков с дальних подступов. Прикрываясь складками местности и ведя огонь, сотни аргунцев безостановочно продолжали движение. Как только они вышли к рубежу, занятому верхнеудинцами, перешли в наступление 4-я и подошедшая к ней 6-я сотни 3-го Верхнеудинского полка.

Оставив окопы, турки, преследуемые забайкальцами, стали отходить к Ахлату. 4-я и 6-я сотни верхнеудинцев, наступавшие на левом фланге казачьей цепи, после 30—40-минутной сильной перестрелки выбили без потерь турок с западной окраины сел. Кырхларар. До полутора рот турецких пехотинцев отступили к селению Тюнис. В это время по приказу начальника бригады наступающие спешенные сотни 2-го Аргунского полка были отозваны к коноводам для преследования отходящего противника и поступили в распоряжение полковника Пото. 4-я и 6-я сотни 3-го Верхнеудинского полка, сотня донских казаков продолжали продвигаться к Ахлату. После ожесточенной перестрелки и при поддержке огня конно-горной батареи они выбили вместе с пехотой до полутора батальонов турок из селения и заняли его. Казаки 6-й сотни захватили в плен 2 турок. 3-я сотня верхнеудинцев получила задачу на преследование отступающего противника. Выйдя к сел. Кырхларар, командир сотни для разведки противника выслал вперед по берегу озера разъезд, который, не доходя сел. Кармундж, был обстрелян окопавшимся противником. Установив расположение турецких окопов, разъезд присо-

единился к сотне. 2-й Аргунский полк смог собраться только к вечеру, поэтому 1-й Хоперский казачий полк задачу по преследованию выполнял самостоятельно.

Пока ушедшие далеко спешенные аргунцы возвращались к коноводам, потом медленно двигались в скопление войск у перехода через сухое русло Джумальды, наступила темнота.

Во время перехода 3-й сотни по сухому руслу полусотня ее была снесена водяным валом, неожиданно хлынувшим с гор. Пострадало свыше 20 казаков, из которых 14 отправили в лазарет. Погибли и были побиты о камни несколько лошадей, утеряны почти все винтовки и другое снаряжение.

Подобные водяные потоки во время дождей в горах были частым явлением и представляли большую опасность для двигающихся по руслам высохших рек войск.

Пройдя и через эти испытания, аргунцы поздно ночью прибыли в распоряжение командира донцев полковника Пото и поставили две сотни в сторожевое охранение.

Части Ахлатского отряда остановились на достигнутом рубеже за селением перед укрепленной позицией турок, на которой, по данным разведки, находилось несколько батальонов пехоты и спешенной конницы. Позиция проходила от озера Ван, впереди сел. Кармундж до сел. Назыкгель, а сильное сторожевое охранение — у сел. Прхус, за которое проникнуть разведчикам не удалось.

Для разведки и наблюдения за противником от забайкальских полков постоянно высылались разъезды.

23 июня по приказу начальника бригады от полков было выделено по 15 казаков для захоронения трупов погибших под Ахлатом турок. Группа пленных под охраной казаков стаскивала их в ямы и зарывала. Сотня подъесаула Метелицы, выполняя распоряжение начальника штаба отряда, выселила из Ахлата всех турок и направила их «не ближе Адильджеваса».

25 июня казачьим разъездам удалось обнаружить подход двух турецких батальонов со стороны Битлиса на Кормундж. Генерал Стояновский сделал предположение, что турки не уходят, как предполагали раньше, а наоборот, усиливают свои войска на этом направлении. Это подтверждалось докладами генерала Вивьена, разведка которого обнаружила подход к Кормунджу 24 июня 5 рот и 25 июня еще 2 батальонов турецкой пехоты.

С целью выяснения сил противника под Кормунджем предполагалось провести усиленную рекогносцировку. Однако генерал Стояновский в докладе начальнику Адильджевасского отряда генералу Шарпантье указывал: «Нахожу рекогносцировку отрядом рискованной, могущей повлечь бой при невыгодной обстановке, особенно принимая во внимание артиллерийских лошадей».

Опасения эти имели все основания, так как превосходство турок, противостоящих отряду Стояновского, было очевидным и, в случае неудачного наступательного боя, турки могли сами перейти в наступление значительными силами. Не случайно генерал Стояновский обратил внимание на состояние «артиллерийских лошадей». 2-я Забайкальская батарея практически оказалась небоеспособной. Ее лошади настолько ослабли от бескормицы и непосильной работы в горах, что не могли таскать орудия для смены огневых позиций.

25 июня генерал Стояновский в срочном донесении указывал, что, кроме уже известных сил турок, по берегу оз. Ван и через перевал выдвигались артиллерия или обозы противника к Кормунджу, а две колонны конницы длиной до версты — по направлению к Прхусу. Лагерь турок у Прхуса снялся, но не ушел, а войска разошлись по окопам. В сторожевом охранении у Кормунджа, по данным начальника сторожевого охранения, расположено до батальона турецких солдат. Были приняты меры к усилению нашего сторожевого охранения и обеспечения левого фланга генерала Вивьена. Туда была направлена сотня от 3-го Верхнеудинского полка, а полусотня 2-го Аргунского полка назначена для усиления разведотряда капитана Иноземцева.

Вечером 25 июня было замечено движение еще 8 батальонов и до двух полков конницы между селениями Прхус и Кормундж, направляющихся на северо-запад. Противник явно собирал большие силы под Кормунджем и часть сил направлял на Коп.

Разведывательные дозоры казаков продолжали вести наблюдение за противником. Ими обнаружено два турецких орудия на высотах, кроме тех четырех, которые обстреливали Ахлат, и движение больших колонн через перевал Ашур-алла-даг.

Генерал Стояновский, обеспокоенный усилением турок под Кормунджем, доносил генералу Шарпантье: «Ввиду усиления турок перед фронтом Ахлатского отряда, крайней растянутости нашей позиции и нахождения казаков в окопах двое суток бессменно, прошу, не найдете ли возможным усилить отряд пехотой. Присылка полка хотя бы из бригады генерала Назарбекова обеспечила бы успех действий отряда». Реакции на донесение не последовало, ни одного солдата прислано не было.

Казаки, несшие тяжелую службу в сторожевом охранении, разведке, в напряженном ожидании наступления турок, бедствовали. К тяжелой службе прибавился голод. Командир 2-го Аргунского полка войсковой старшина Бутаков обратился с просьбой к начальнику отряда о высылке команды для закупки продовольствия. Генерал Стояновский отказал в просьбе, опасаясь, что даже эта незначительная часть людей, убывшая за продовольствием, ослабит отряд. В своем ответе он так и указал: «Вскоре ожидается транспорт с продовольствием. Высылать такую большую команду в Мелезгерт не могу позволить: это обессилит полк». Кроме того, часть казаков 3-го Верхнеудин-

ского полка, прибывших на доукомплектование, а также казаки 2-го Аргунского полка, потерявшие свое оружие во время водяного потока, не имели винтовок. На просьбу командиров полков послать за винтовками, генерал Стояновский ответил: «Безоружных рекомендую назначить коноводами... Винтовки требуйте из Тифлисского артиллерийского склада».

Нехватка оружия на Кавказском фронте, как и на Западном, тоже ощущалась.

26 июня казаки-разведчики обнаружили, что колонна противника в 7—8 батальонов расположилась биваком на ночь впереди селений Тапаван и Мецки. В этот же день генерал Стояновский отдал приказ: «В охранении на 27 назначить две роты от Гунибского пехотного полка и один взвод от 2-го Аргунского полка... в 6 часов 30 минут вечера выслать одну сотню из дивизиона войскового старшины Куклина на усиление сторожевого охранения... назначить на 27 от 3-го Верхнеудинского полка 2 разъезда: один до взвода — офицерский, другой в 1,5 взвода — уряднический». Разведывательные разъезды казаков в районе Мецки, Тапаван, Прхус установили, что все 8 батальонов, а также 2 тысячи кавалеристов, замеченные ранее, оставались на своих местах; из этих войск усилено сторожевое охранение, находящееся на правом берегу ручья против сел. Цыдрадора. На фронте Прхус, Кормундж — сплошные окопы ярусами. У Тегута и монастыря Сурб-Оганес разбиты значительные лагеря турок.

Опасаясь наступления противника, генерал Стояновский 27 июня отдал приказ на оборону. Согласно ему, полусотня 2-го Аргунского полка вместе с 1,5 батальона пехоты находилась на правом боевом участке, под командованием капитана Иноземцева; средний боевой участок полковника Чумогорова обороняли 1,4 батальона пехоты с 2 орудиями; левый боевой участок поручался командиру 3-го Верхнеудинского полка полковнику Веттертурандту, в подчинении у которого находились 3 сотни 2-го Аргунского и 3 сотни 3-го Верхнеудинского полков с 2 орудиями; артиллерию отряда составили: 2-я Забайкальская казачья батарея и — в прикрытии — взвод Гунибского пехотного полка; общий резерв — половина батальона Гунибского полка; конница — 1-я сотня 3-го Верхнеудинского полка. В искрограмме генералу Трухину, в составе отряда которого действовала 4-я Забайкальская бригада, сообщалось, что «Ахлатский отряд занимает позиции к северу от западной окраины Ахлата».

Правее отряда Стояновского действовал отряд генерала Вивьена де Шатоборен на фронте Эпикей — Цахки — выс. «7268», в направлении на Прхус.

Турецкое командование, обеспокоенное действиями русских войск в этом районе, стало наращивать свои силы для противодействия частям 4-го Кавказского корпуса, особенно в направлении на Коп и Кормундж. Большие подкрепления регулярных турецких войск выдвигались сюда из районов проливов.

В связи со сложившейся обстановкой войска левого крыла Кавказской армии получили задачу разбить находящиеся перед их фронтом силы турок до подхода к ним сильных резервов.

27 июня было получено приказание от генерала Шарпантье о переходе в наступление в 7 часов утра 28 июня на фронте: селение Тахт — кладбище на берегу оз. Ван. При этом указывалось, что главная задача войск, наступающих с этого рубежа, — «удержать противника на занимаемой им позиции и не дать ему возможности снять с этого участка его обороны войска для переброски на север, на сел. Коп и, лишь в случае заметного ослабления турок, перейти в решительное наступление».

На основании этого приказа генерал Стояновский отдал приказ Ахлатскому отряду на наступление.

4 сотни 2-го Аргунского и 4 сотни 3-го Верхнеудинского полков составили конницу отряда, имея задачу продвигаться за пехотой и, в случае отхода противника, перейти в преследование, а также противодействовать охвату или обходу флангов наступающих войск.

Три отделения от 2-го Аргунского полка поступили в распоряжение начальников боевых участков, полусотня этого полка охраняла обозы, а для разведки на правом фланге высылался один взвод от 3-го Верхнеудинского полка. Позиция турок перед фронтом отряда была очень сильная. Командные высоты, опоясанные траншеями, позволяли вести фланкирующий огонь. Правый фланг позиций упирался в озеро Ван, а левый обеспечивался соседом. Наиболее уязвимым считался левый фланг. Местность впереди позиции затрудняла наступление: до линии Кырхларар, на направлении движения отряда много глубоких оврагов, которые сковывали маневр, а общий пологий, к противнику открытый спуск позволял вести наблюдение за всеми передвижениями частей отряда на поле боя; ближе к позиции несколько перпендикулярных оврагов затрудняли движение конницы и артиллерии.

Сама позиция имела передовую позицию и главную, состоявшую из сплошных окопов полного профиля в несколько ярусов, с ходами сообщений и укрытиями. По данным разведки, ее занимали два полка турецкой пехоты, 4 орудия и много пулеметов (по штату в каждом полку их 4). Турецкий полк состоял из трех батальонов, в каждом по три роты, численностью в 250 человек. Солдаты имели 5-зарядные винтовки системы Джамбозар (по образцу маузеровской винтовки), патроны с остроконечной пулей из расчета 150 шт. на человека при себе и 120 шт. в запасе. Пехота имела ручные гранаты образца болгарского офицера Тюфенчиева. Обмундирование — защитного цвета. Большинство регулярных турецких частей обучалось перед войной и в ходе ее немецкими инструкторами.

Таким образом, Ахлатскому отряду противостоял сильный противник на хорошо укрепленной позиции.

28 июня русская пехота перешла в наступление при поддержке огня 2-й Забайкальской батареи. В 8 часов 30 минут, когда батальоны находились в развернутом боевом порядке, разъезд 3-го Верхнеудинского полка под командой зауряд-прапорщика Бянкина обнаружил большую колонну турок, которая спешно спускалась с гор в направлении правого фланга отряда. Для противодействия охвату часть пехоты была передвинута вправо, а конница, находившаяся за правым флангом, стала уступом на правом фланге в укрытии. Турки не стали охватывать фланг и остановились вне досягаемости огня винтовок русской пехоты. 2-я Забайкальская батарея продвинулась вперед, к селению Кырхларар для улучшения условий ведения огня. До конца дня отряд оставался в таком положении, ограничиваясь только стрельбой батареи по окопам противника. Турецкая артиллерия не отвечала. На ночь пехота отряда отошла в исходное положение на Ахлатскую позицию.

29 июня, на рассвете, войска вышли на исходную позицию. Конница сразу стала уступом за правым флангом, а артиллерия заняла удобные огневые позиции в садах селения Кырхларар. В 8 часов утра Забайкальская батарея открыла огонь, турки не отвечали. Артиллерийская подготовка продолжалась 1 час, после чего в наступление пошла пехота: солдаты Гунибского, Грозненского, Ахульчинского полков. Они медленно продвигались перебежками вперед, ведя огонь на ходу. Турки усилили огонь со всех ярусов. Левый фланг атакующих достиг оврага, позволяющего накапливать силу для решительного броска, а правый замедлил движение.

В 2 часа дня было принято решение на этом фланге ввести конницу. Рассыпавшись в лаву, казаки 3-й Забайкальской бригады устремились в атаку. Молчавшая до этого и хорошо замаскированная артиллерия противника и пулеметы открыли по ним непрерывный огонь. Лава приостановила свой бег, а потом по приказу отошла.

С наступлением темноты бой прекратился.

Пехота окопалась на достигнутых рубежах. Отряд за день боя потерял 2 офицера и 43 солдата убитыми и ранеными.

30 июня наступление возобновилось при активном воздействии турецкой артиллерии. 2-я Забайкальская батарея, расстрелявшая в предыдущих боях почти все свои боеприпасы, отвечала редким огнем и не могла подавить орудия турок. Турецкая артиллерия забрасывала пехотные цепи шрапнельными снарядами, нанося им большие потери. Правый фланг по-прежнему не мог наступать из-за сильного огня, а левый медленно продолжал движение. К 10 часам первая линия окопов была захвачена, турки отошли за главную позицию, а русская пехота ворвалась в Кормундж и, не останавливаясь, стала продвигаться к турецким окопам за селением. На отдельных участках солдаты подошли на 400—700 шагов, но из-за крайнего утомления сил для решающего броска не осталось. Наступление приостановилось.

В этот день казаки вторично были брошены в конном строю на турецкие окопы, больше оказывая пехоте моральную поддержку, чем своими действиями. Вновь турки не дали коннице приблизиться ближе полутора верст к своим окопам, вынудив казаков спешиться.

В течение дня отряд потерял 2 офицера, 87 солдат и казаков. Планируемая ночная атака не состоялась, люди измучились и нуждались в отдыхе.

1 июля по приказу генерала Шарпантье пехота закрепилась на достигнутом рубеже и окопалась. Наступать предполагалось только тогда, когда турки начнут отход. Кроме этого, ожидался подход флотилии с десантом и артиллерией. 2-я Забайкальская батарея переместилась на правый фланг позиции отряда, в район расположения конницы. Ночью ей подвезли боеприпасы.

2 июля отряд, ожидая флотилию, оставался на месте. Пехота вела перестрелку с турками. Турецкая батарея, господствовавшая двое суток на поле боя, открыла огонь, но после первых выстрелов была обнаружена и подавлена.

К вечеру прибыла «флотилия», рассмешившая казаков и, наверное, турок. Состояла она из допотопного, старого катера с пулеметом и деревянной баржи с установленными на ней двумя полевыми орудиями. Двигалась она по озеру весь день и остановилась недалеко от берега на виду у противника. Весь десант состоял из 15 пограничников. Об использовании их для выхода в тыл турецкой позиции и оказания помощи атакующим с фронта не могло быть и речи.

3 июля катер должен был в 4 утра подтянуть баржу с орудиями к берегу, и с первым выстрелом начиналось наступление по всему фронту. Главный удар решено было нанести по двугорбой горе — ключу турецкой позиции. На это направление выдвинулись два пехотных батальона Гунибского и Грозненского полков. Однако все получилось не так, как планировало русское командование. С горем пополам, часто ломаясь, катер подтащил баржу к берегу только к 10 часам утра. Два орудия и пулемет оказались бесполезными, потому что не участвовали в бою, когда пехота с рассветом перешла в атаку и стала нести большие потери от сильнейшего ружейно-пулеметного огня и шрапнельных снарядов. Мало того, баржу установили в таком месте, откуда орудия ее не могли эффективно поражать турецкие окопы. Сделав 7 выстрелов, орудия замолчали. От отдачи старая баржа почти развалилась, и катер утащил ее в Ахлат. На этом боевые действия «флотилии» прекратились.

Для наращивания усилий на направлении главного удара в третий раз конница пошла в атаку в конном строю. Продвинувшись версты три, казаки спешились и стали продвигаться в промежуток между двумя сопками. Не доходя 1000 шагов до окопов противника, сотни остановились под его огнем. К вечеру пехота захватила часть окопов на второй позиции

и вышла к подножию двугорбой сопки. 2-я Забайкальская батарея заставила замолчать турецкую батарею. На этом боевые действия днем прекратились. Решено было атаковать ночью и прорвать наконец турецкую оборону.

Однако вечером от генерала Шарпантье поступило распоряжение, что ввиду тяжелого положения, сложившегося на направлении действий отрядов генералов Назарбекова и Вивьена, а также слишком опасного выдвижения Ахлатского отряда вперед атаки прекратить и к 9 часам утра отойти на прежние оборонительные позиции у Ахлата.

За день боя отряд потерял убитыми и ранеными 7 офицеров и 150 солдат.

В ночь главные силы турок отошли к Битлису, небольшими силами заняли свои передовые позиции у оврага, перекрыв всякую возможность русской разведке проникнуть в их тыл. 4 июля днем и они отошли незаметно для нашей разведки. Только в 6 часов вечера разведчики обнаружили, что окопы турок пусты.

3-я Забайкальская бригада вошла в селение Кормундж и, выставив сторожевое охранение, заночевала на турецких позициях. В направлении на Тапаван и Джурхар, были высланы два больших разведывательных разъезда. На этом бои под Кормунджем закончились. Общие потери отряда составили 13 офицеров, 303 солдата и казака, причем потери казаков составляли всего несколько человек ранеными и контуженными.

Славное дело под Тадваном

5 июля разведывательные разъезды казаков вошли в соприкосновение с противником, а 6 июля 2-й Аргунский полк выступил на соединение с отрядом генерала Трухина по дороге Кормундж — Агаг (Арак) — Дзиан — Тадван. С этой же целью правее его по дороге на Тегут — Согурт — Джур-Хор действовал 17-й Нижегородский драгунский полк.

Аргунцам ставилась задача войти в связь с нижегородцами и частями генерала Трухина, наступающими на Уртаб-Тадван. В это время отряд генерала Трухина тщетно пытался отбросить противника с позиций у Уртаб-Аламена и ожидал помощи от генерала Шарпантье.

В 2 часа дня 2-й Аргунский полк в составе 5 сотен и 2 пулеметов приступил к выполнению задачи и к 8 часам вечера 5-я и 6-я сотни под командованием войскового старшины В.С. Федосеева заняли увал, замыкающий вход на равнину.

В этот же день вся пехота и 4 орудия 66-й артиллерийской бригады были изъяты из Ахлатского отряда и форсированным маршем отправлены на Мелязгорт и Коп, где крупные силы турок под командованием

Абдул Керим-паши, начиная с 4 июля, пытались переправиться западнее Копа на левый берег р. Восточный Евфрат, чтобы выйти во фланг русским войскам, преследующим отходящего на Муш противника.

3-й Забайкальской бригаде ставилась задача наступать на Тадван, выйти в тыл турецкой позиции у Уртаб-Аламена и оказать помощь отряду генерала Трухина во взятии ее. Правее забайкальцев должны были наступать в направлении на Джур-Хор 7-й стрелковый и 17-й Нижегородский драгунский полки. В 8 часов вечера бригада прибыла в Куван (Газван).

Поздно вечером отряд генерала Трухина выбил турок с позиции у Уртаб-Аламена, а 7-й стрелковый полк отбросил заслон у Джур-Хора. Противник спешно отходил на Битлис.

7 июля, на рассвете, 4-я сотня 2-го Аргунского полка ворвалась в Тадван, а 1-я, 3-я, 5-я, 6-я сотни с пулеметами заняли позицию по увалам к северо-западу от Тадвана. На левый фланг стали 1-я, 3-я сотни и пулеметы.

На подкрепление 4-й сотне в Тадване, наступающей в лоб левого фланга турецких укрепленных позиций, была послана 5-я сотня под командованием войскового старшины Федосеева.

В 10 часов утра три с половиной эскадрона 17-го Нижегородского полка заняли увал правее аргунцев, а три их орудия открыли огонь по левому флангу турецкой позиции. Противник, пытавшийся обойти правый фланг забайкальцев, был остановлен огнем спешенных драгун.

Около часа дня драгуны оставили свою позицию, так как их обстреливали справа с увала и от селения Джур-Хор. Аргунцы, опасаясь обхода, также вынуждены были отойти, но командир полка войсковой старшина Бутаков, сознавая, что в случае отхода его сотен турки займут выгодную позицию по увалам и не позволят захватить высокую гору, закрывающую вход на равнину, приказал 6-й сотне занять оставленную драгунами позицию. Пока сотня поднималась на гору, турки обстреляли во фланг 3-ю сотню, которая загнула свой правый фланг и вступила в перестрелку с противником. На помощь ей из Тадвана была вызвана 5-я сотня. Через 2 часа вернулись нижегородцы и спешились за 6-й сотней. Позже подошедшие их три орудия стали обстреливать занятые турками увалы справа. С фронта на турецкую позицию перешли в наступление армянские дружины из отряда генерала Трухина при огневой поддержке 4-й, 1-й, 3-й сотен и пулеметов аргунцев. Противник стал отступать на равнину и в горы к юго-западу от Тадвана. В это время между Уртабом и Тадваном появилась лава 2-го Нерчинского полка, брошенная в преследование. Командир аргунцев готов был дать команду поддержать нерчинцев, но, увидев, что у д. Джур-Хор, внизу его правого фланга, находится три с половиной роты турецких солдат в окопах, которые, в случае обхода 2-го Нерчинского полка, начнут его расстреливать, атаковал спешенными

3-й и 4-й сотнями их позицию. Не ожидавшие атаки турки выскочили из окопов и стали в беспорядке отходить по ровной местности, где попали под губительный огонь казачьих пулеметов. В течение получаса все 3 роты были уничтожены, уйти удалось единицам.

Дальнейшие события подтвердили правильность решения войскового старшины Бутакова. Когда противник обрушил на 2-й Нерчинский полк мощный огонь артиллерии, он стал отходить, не опасаясь быть расстрелянным с фланга турецкой пехотой, уничтоженной до этого аргунцами. Благодаря решительным действиям 2-го Аргунского полка отряд генерала Трухина, в состав которого входили 2-й Нерчинский и 2-й Читинский полки, смог выполнить свою задачу.

Вечером, выставив сторожевое охранение, аргунцы отошли на ночлег в Тадван, где стали дожидаться частей 3-й Забайкальской бригады, а разведку повел 2-й Читинский полк. За 6 и 7 июля аргунцы израсходовали около 26 тысяч патронов.

Разведка боем на Битлис и отход к Дильману

8 июля 3-я Забайкальская казачья бригада выступила для усиленной разведки Битлисского ущелья, выслав вперед 3-й Верхнеудинский полк с 2 пулеметами и взводом орудий. Во второй половине дня бригада подошла к развалинам крепости Ханд.

Разъезд верхнеудинцев доложил, что в ущелье он был обстрелян с гор и отошел, преследуемый 1-м эскадроном турецкой конницы, а слева в горах слышал сильную перестрелку, которую вели армянские дружины из отряда генерала Трухина.

Широко раскинув лаву, 3-й Верхнеудинский полк стал продвигаться к ущелью. Как только его боковые крылья подошли к горам, по обе стороны ущелья противник открыл огонь. Казаки спешились и вступили с ним в перестрелку, а артиллерийский взвод беглым огнем обстрелял гребни высот. До наступления темноты полк смог подойти лишь на полверсты к окопам противника и в этом положении остановился.

Во время дневного боя удалось выяснить, что противник пехотными частями занимает обе стороны входа и выхода из ущелья, а также горы восточное Ханд и высоты юго-западнее селения Хахрев, вдоль дороги на Битлис. Кроме того, в составе частей, обороняющих ущелье, имелась конница. Разъезд, посланный на селение Чухур-Наршен, столкнулся с пехотой и конницей турок. Таким образом, правый фланг отряда находился под угрозой атаки противника из Мушской долины.

9 июля 3-я Забайкальская бригада возобновила боевые действия. Было принято решение сначала уничтожить турецкие подразделения на ко-

мандных высотах по сторонам ущелья и впереди, а потом пробиваться в ущелье. Две сотни верхнеудинцев стали взбираться на горы, одна слева, другая справа, стараясь охватить противника с флангов и заставить его очистить занимаемые вершины.

Подъем, длившийся от 2 до 3 часов, оказался очень трудным. Во время него непрерывно шла перестрелка. Турки свободно передвигались по гребням гор, занимая то одно, то другое выгодное положение, а казаки вынуждены были следовать в одном направлении, ограничивая свой маневр.

Сотня слева взобралась на высоту, но была охвачена турками, которые не позволили ей занять господствующее положение на горе.

Сотня, высланная вправо, вошла более удачно и заняла положение, одинаковое по высоте с противником, что позволяло ей вести прицельный огонь.

2-я Забайкальская батарея, выдвинувшись вперед, обстреливала гребни высот, пытаясь помочь сотням, атакующим горы.

В это время казачьи разъезды обнаружили выдвижение полка сувари, турецкой конницы, по которой сосредоточила огонь 2-я Забайкальская батарея. Резервная сотня 2-го Аргунского полка приготовилась к атаке в конном строю.

3-й Верхнеудинский полк оказался не в состоянии разгромить турок своими силами. Против каждой его сотни сражалось до двух рот обученной турецкой пехоты.

Сохранялась угроза атаки бригады, когда все ее силы будут задействованы в бою. Стало ясно, что без пехоты едва ли удастся сбить турок с гребней высот. Бой продолжался весь день.

Не привыкшие к действиям в горах, забайкальские казаки проявляли удивительное терпение. Обстреливаемые со всех сторон сотни упорно поднимались к вершинам гор, несли потери, но не отступали. Упорство в достижении цели — одно из боевых качеств казаков-забайкальцев.

Командир 3-го Верхнеудинского полка попросил подкрепление, так как своими силами не мог выполнить поставленную задачу.

Угроза атаки бригады со стороны Муша оставалась, поэтому начальник бригады генерал Стояновский вынужден был свой резерв оставить на всякий чрезвычайный случай, предоставляя право 3-му Верхнеудинскому полку действовать самостоятельно.

Бригада, усиленная 1-м батальоном пехоты и 1-й батареей, готовилась к прорыву к Битлису. Однако в 11 часов ночи последовал приказ, согласно которому на Битлис направлялся отряд генерала Трухина. 3-й Забайкальской бригаде поручалось сдерживать наступление турок с Битлисского ущелья.

Лошади 2-й Забайкальской батареи окончательно выдохлись и останавливались, начиная с Ахлата. Для подвоза боеприпасов и передвиже-

ния батареи ей выделялась сборная бригада, но и она, впрягшись в лямки (уносы), не могла улучшить маневренные качества батареи. Из более-менее сохранивших силы лошадей был сформирован один артиллерийский взвод, а остальную часть батареи отправили на Меляз-герт.

От интендантства не поступал фураж. Лошади обессилели не только в артиллерии. Командир 3-го Верхнеудинского полка полковник Веттершрандт докладывал начальнику 3-й Забайкальской бригады: «Вследствие систематического неполучения от интендантства зернового фуража... невозможности приобрести таковой покупкой, строевые лошади не кормятся зерновым фуражом около месяца... при настоящей усиленной службе полка число лошадей, способных к работе, в скором времени выйдет до минимума — полк в конце концов будет не способен нести службу».

3-й Верхнеудинский полк оказался в трудном положении. Вывести из боя спешенные сотни, спустить их с гор и в то же время оставаться на месте не представлялось возможным: турки могли свободно преследовать отходящие сотни, охватить полк с двух сторон и потом атаковать его. Казаки остались на занимаемых позициях в горах, а полк прекратил наступательные действия. Только 2-я Забайкальская батарея, одним взводом, оказывала помощь сотням.

К вечеру задача бригады изменилась. Ей предстояло энергичными действиями во фланг и тыл противника облегчить положение отряда генерала Назарбекова у Тапавана и Тортона, отходящего на Пархус под воздействием превосходящих сил турок. Это было связано с тем, что 9 июля группировка Абдул Керим-паши, действующая на Мушском направлении, неожиданно перешла в наступление по всему фронту. На следующий день начались бои на фронте Коп, Гель-Баши. Турки стремились охватить правый фланг главных сил 4-го корпуса, отбросить его в труднопроходимый район севернее берега озера Ван.

Вскоре поступил приказ, изменивший и эту задачу. Бригада переподчинилась генералу Трухину. Все четыре забайкальских полка были объединены под единым командованием. Дальнейшим распоряжением генерала Трухина бригада была отправлена на южный берег озера Ван, с последующим отходом кружными путями на присоединение к главным силам 4-го Кавказского корпуса.

К 29 июля, совершив труднейший переход по горной местности, отряд вышел в район Дильмана. В этот же день из штаба 4-го Кавказского корпуса от генерала Огановского поступила телеграмма на имя генерала Трухина: «Разрешаю остановиться на отдых около Дильмана и привести в кратчайший срок в порядок ваши части». Забайкальцы получили долгожданный отдых.

К концу июля главные силы 4-го Кавказского корпуса, усиленные частями из 1-го Кавказского корпуса, армейского резерва и перешедшие в контрнаступление, остановили продвижение группы войск Абдул Ке-

рим-паши и отбросили их на рубеж перевал Мергемир — вост. Бурну-Булаг — Эрджиш (Арджиш) у озера Ван. Длившаяся с 9 июля по 3 августа Алашкертская операция закончилась.

Расположившись на отдых, 3-я Забайкальская бригада стала приводить себя в порядок. 1 августа после осмотра лошадей выяснилось, что бригада практически небоеспособна, люди и лошади находились на пределе сил. Начальник бригады генерал Стояновский, обеспокоенный состоянием конского состава полков, докладывал начальнику 4-го Кавказского корпуса: «...Во 2-м Аргунском полку годных к походу лошадей — 108; неудовлетворительных, нуждающихся в отдыхе не менее месяца — 270; нуждающихся в отдыхе не менее 2 месяцев — 97 и негодных — 178. В 3-м Верхнеудинском полку первых — 73, вторых — 238, третьих — 115, четвертых — 219; в штабе бригады в той же последовательности — 21, 33, 5, 12. В это число включены все лошади — строевые и обозные. В батарее все артиллерийские лошади негодны».

Для того чтобы восстановить силы бригады, требовался продолжительный отдых и, самое главное, прекращение всякой службы, связанной с перемещением сотен, выделением команд для различных нужд. Казаки же по приказу генерала Трухина назначались обеспечивать посты «летучей» почты. Например, 2-я сотня подъесаула Мыльникова и приданная ей полусотня другой сотни организовывали посты «летучей» почты от селения Кегнешагр, где располагались части бригады, до Гумбита. Казаки направлялись для сопровождения начальствующих лиц, различных транспортов, на заготовку топлива и продуктов и т.д.

Мало того, бригадой командовал генерал Чернозубов, согласно приказу по Азербайджанскому отряду. Им было отдано распоряжение об отправке 2 пулеметов 2-го Нерчинского полка в состав сводного отряда в Гаратюн и об убытии 2 сотен 3-го Верхнеудинского полка с 2 пулеметами и одним орудием под общим командованием подъесаула Мыльникова в Гумбит.

Генералу Стояновскому не давали командовать бригадой и заниматься непосредственной подготовкой ее к предстоящим боевым действиям. Это вынудило его обратиться напрямую к командующему Кавказской армией с просьбой об упорядочении подчиненности бригады. В своем донесении о положении в бригаде он сообщал следующее: «Боевая работа бригады непрерывно продолжалась в течение трех месяцев, когда совершено до 2,5 тысячи верст при тяжелых условиях местности, довольствия и боя и притом все время под непосредственным посторонним начальствованием... Из-за этого люди устали морально и физически, на почве переутомления болеют, мало осталось годных лошадей, кроме того, пришла в негодность материальная часть орудий, износилась одежда, обувь, требуется ковка лошадей, а запаса подков нет. Подвозить все своевременно не было возможности, т.к. бригада все время перебрасывалась вдоль нашего

фронта и действовала в глубоком тылу противника». Начальник бригады просил командующего армией создать условия для отдыха и восстановления боеспособности бригады, а также «избавить бригаду от случайного и ненужного подчинения в данное время генералу Трухину, хотя бы на время отдыха, т.к. подобное отношение практически устраняет от производительной работы по управлению бригадой меня и штаба... и лишь усложняет и без того тяжелое состояние бригады».

По приказу командующего бригада стала подчиняться только генералу Чернозубову после того, как генерал Стояновский, уставший от команд генерала Чернозубова и распоряжений генерала Трухина, прямо задал вопрос: «Прошу указаний, кому я сейчас непосредственно подчинен».

Так называемый отдых ничего не давал ни людям, ни лошадям. Просьба Стояновского о переводе бригады ближе к Дильману, где находились склады, оказалась неудовлетворенной. Казакам пришлось подвозить все запасы за 25—30 верст на своих измученных лошадях.

Дел и проблем было много: от пополнения запасов до положенной нормы и до мероприятий по укреплению воинской дисциплины. В приказе № 180 от 2 августа на организацию работ по восстановлению боеспособности бригады и отдыха, отданном генералом Стояновским командирам полков, указывалось: «...ячмень для лошадей дробить на мельницах... отточить шашки и не рубить ими дрова... немедленно пополнить недостающие пики... пересмотреть вьюки, захламленные казаками, все, обременяющее коня, безжалостно выбросить, уложить седельные подсумки... наблюдать, чтобы казаки всегда ходили в поясах... в Дильман увольнять только командой с ответственным старшим и по записным сотенных командиров, неблагонадежных в пьянстве совсем не увольнять».

2-я Забайкальская батарея была отправлена на ремонт материальной части в Эриван. Подавались заявки на укомплектование бригады личным составом. На 1 августа некомплект бригады составил: в штабе бригады обер-офицеров — 1, казаков — 5; во 2-м Аргунском полку офицеров — 2, казаков — 121; в 3-м Верхнеудинском полку офицеров — 2, казаков — 42. На указанный некомплект людей требовалось 75 % винтовок и шик.

Истощенных и больных казаков было больше, чем боевых потерь.

С 16 июня по 9 июля в бригаде ранено 2 офицера: зауряд-прапорщики Д.В. Бянкин и А.Е. Чугуевский; контужено и ранено 27 казаков. В 3-м Верхнеудинском полку с 9 по 31 июля пропало без вести 9 казаков, находившихся в разведке.

Имелся большой некомплект конского состава. Например, в пулеметной команде он составлял 7 строевых и одна артиллерийская лошадь; во 2-м Аргунском полку — 126 строевых и 6 — в обозе; в 3-м Верхнеу-

динском полку — 54 строевых и 7 — в обозе. После проведенной выбраковки признано негодными к строевой службе во 2-м Аргунском полку 166 строевых и 9 обозных лошадей, а в 3-м Верхнеудинском — 205 строевых и 23 обозных.

Большой расход личного состава и некомплект сильно влияли на боеспособность полков. Только в 3-м Верхнеудинском полку, согласно ведомости учета на 16 июля, числилось налицо 549 человек из 1149 по списку. В расходе находилось 600 казаков. Требовалось собрать полки, пополнить их людским и конским составом, дать отдохнуть.

За время походов и боев расшаталась воинская дисциплина. Прибыв на отдых, казаки стали допускать грубые нарушения уставов, а также порядков и правил, установленных начальником бригады. Участились случаи пьянства во время командировок и отпусков в Дильман, игнорирование распоряжений начальников, неповиновение и пререкания, допускалась небрежность в исполнении служебных обязанностей. Моральная и физическая усталость, плохое материальное обеспечение сказывались на настроении людей. Командиры полков вынуждены были принимать все меры к наведению порядка и строго взыскивать с нарушителей, невзирая на чины и ранги и не учитывая былые заслуги. 2 августа командиром 3-го Верхнеудинского полка был арестован на 14 суток домашнего ареста командир 5-й сотни подъесаул князь Ухтомский за «развал сотни». Всех урядников и вахмистров ее начальник бригады приказал сместить с должностей и разжаловать в рядовые, перевести в другие сотни, а на их место назначить добросовестных казаков. Подъесаул Ухтомский был предупрежден, что, если дисциплина в сотне не улучшится, его отстранят от командования ею.

Некоторые казаки из-за отсутствия дров для приготовления пищи и по своей безграмотности спиливали и рубили на дрова телеграфные столбы, лишая командование связи. Это стало бедствием, так как не успевали связисты восстановить повреждение, как новый телеграфный столб исчезал. Уличенные в этом казаки отдавались под суд, а их начальники наказывались.

К 6 августа все части бригады сосредоточились в сел. Кегнешагры, а в Магляме расположились дружины армянских предводителей Амазаспа и Керн. Гумзитский отряд есаула Мыльникова выступил на селение Хаптиан. Ему предстояло «наблюдать за Бажергинским ущельем и в случае появления курдов задержать их по возможности и сообщить командованию бригады о переходе противника в наступление... В случае наступления превосходящих сил противника отходить на сел. Мингул-Гаре, Гурзян, где перейти к обороне, чтобы дать время Урмийскому отряду оставить Урмию и отойти к сел. Кущи».

Весь август и начало сентября бригада находилась на отдыхе. За это время только один раз для нее была объявлена тревога, когда на Битлис-

ском направлении около 2 тысяч турок перешли в наступление от Вастана на Ван. В телеграмме от 25 августа генерал Чернозубов предупреждал, что «...ввиду наступления турок из Битлиса будьте готовы к выступлению по первому приказанию»... Однако противник был остановлен на этом направлении другими войсками, и бригада осталась на месте.

Учитывая все трудности, с которыми столкнулись казаки на отдыхе, можно предположить, что его как такового не было. Кое-как привели себя в порядок, пополнили материальные запасы и боеприпасы, получили небольшое количество лошадей из запасной сотни. С прибывшими на доукомплектование полков казаками провели занятия — и снова в поход.

Действия забайкальцев в турецком Курдистане и в Персии

11 сентября 2-й Аргунский полк по приказу генерала Чернозубова выступил на Ханесур, где получил задачу: «...в составе Башкалинского отряда (5 сотен аргунцев и 534-я дружина армян) прикрывать сообщения Хошавского отряда со стороны Сокана, Сукуниса, Акниса, Джулямерка и Дизы-Гяверской. Авангард в составе 2 рот и сотни выдвинуть к Рассулану, выставив впереди заставы...»

Казаки-аргунцы стали активно вести разведку противника в районе Рассулана, Дизы-Гяверской, снабжая командование достоверными и точными данными о противнике, за что были поощрены генералом Чернозубовым. В своей телеграмме на имя начальника бригады генерала Стояновского он указал: «Прошу передать мою благодарность командирам сотен, офицерам и молодцам-казакам за разведку района Рассулан и Дизы-Гяверские».

Казачьи разъезды и айсоры, ходившие в тыл к туркам, сообщили о большом движении турецких войск на Багдад против англичан.

2-й Аргунский полк выступил в поход после того, как казакам сделали противотифозные прививки, которые они переносили плохо. У многих температура поднялась до 40°С, люди сильно ослабли и, по докладу генерала Стояновского, бригада могла быть готова к выступлению только к 5 октября. 2-я Забайкальская казачья батарея после ремонта материальной части прибыла в Джульфу и, отбыв 5 дней в карантине, 15 сентября выступила на присоединение к бригаде.

11 октября штаб, 4 сотни 3-го Верхнеудинского полка с 2 орудиями 2-й Забайкальской батареи выступили в город Урмия, а 24 октября Урмийский отряд в составе 2 сотен верхнеудинцев, пулеметного взвода и 1-й сотни 3-го Кубанского казачьего полка под общим командованием полковника Веттершрандта убыл по направлению на г. Ушнуэ, где акти-

визировались действия персидских курдов. С 25 октября они регулярно нападали на казачьи разъезды, обстреляв которые, немедленно скрывались в бесконечном хаосе гор. Но были случаи, когда при обороне своих селений курды проявляли упорство, и приходилось, усилив разъезды, выбивать их оттуда.

1 ноября разъезд от 6-й сотни 3-го Верхнеудинского полка прапорщика Павла Судакова был окружен и вступил в бой с превосходящими силами противника у горы Бейзов. Умело используя местность, казаки умудрились под сильным огнем, без потерь, выйти из окружения. Находясь на территории враждебной страны, доверчивым забайкальским казакам не раз приходилось сталкиваться с восточным коварством и вероломством своих противников. Воинственные курды в своем доме могли с большим почетом встретить казака, соблюдая закон неприкосновенности гостя, но стоило только покинуть гостеприимное жилище, как тот же хозяин дома не считал зазорным напасть на своих гостей. Иногда целые селения сначала показывали мирный характер, когда казачьи разъезды проходили через них, но потом, при удобном случае, стреляли в спину.

Опасность подстерегала казаков в горах везде. Порой невозможно было определить, откуда стреляют и где находится невидимый враг. Такая война требовала выдержки, мужества, большого напряжения моральных и физических сил. Предательские действия курдов ожесточали казаков, особенно, когда они видели, что делают те с убитыми и пленными, которые, как правило, подвергались истязаниям и надругательству. 2 ноября разъезд хорунжего Николаева от 6-й сотни 3-го Верхнеудинского полка, проходя через сел. Софиан, был встречен жителями с белыми флагами, которые уверяли казаков, что они мирные и с русскими не воюют. За селом на разъезд напал отряд конных курдов, в 4 раза превосходящий его по численности. Заняв возвышенность восточнее селения Калатиан, забайкальцы выступили в бой с атакующими всадниками. В это же время они были обстреляны в спину со стороны селения Софиан. Разъезд оказался под перекрестным огнем, в ходе которого погиб урядник Степан Сапожников. Курды повели наступление: в лоб — конные и с флангов — спешенные. Им удалось окружить горстку казаков и отрезать путь отступления к своим. В течение 2 часов шла ожесточенная перестрелка. Удерживая занимаемую позицию, казаки не позволяли противнику приблизиться и плотнее сомкнуть кольцо окружения. Отдельные курдские всадники подскакивали к возвышенности и на ломаном русском языке кричали, чтобы русские сдавались. Этих смельчаков расстреливали в упор. Патроны заканчивались. Видя безвыходность положения и не желая сдаваться в плен, хорунжий Николаев дал команду на прорыв. Вскочив на коней и выхватив шашки, верхнеудинцы бросились на не ожидавших такого дерзкого поступка курдов. Казакам удалось вырваться из окруже-

ния, но при этом они не досчитались одного своего товарища, оставшегося на поле боя, — Мирона Полоротова. Ни его, ни погибшего ранее Сапожникова и их оружие вынести не удалось, так как любое промедление грозило гибелью всему разъезду. Под непрерывным огнем курдов, отстреливаясь на ходу, казаки ушли к своему отряду.

На следующий день, утром, две сотни с пулеметным взводом под командованием есаула Косякова были отправлены в карательную экспедицию на селения Софиан и Джалдиан. На пути к ним отряд встретил 5 курдов без оружия с белым флагом, направлявшихся к г. Ушнуэ. На допросе они показали, что в районе селений Софиан и Джалдиан вооруженных курдов нет и что они бежали к югу в горы. И на этот раз полученные сведения оказались ложными и являлись частью заранее продуманного плана, устраивающего казакам ловушку. Пройдя небольшое селение, над которым развевались белые флаги, отряд попал под огонь курдов с тыла, со стороны селения, и с ближайших гор. За коварство и ложные данные селение было сожжено, а курдские всадники бежали в горы. Перед селением Софиан вновь произошел бой с противником, который силою до 100 человек занял позицию на скатах гор и препятствовал продвижению колонны. Потеряв несколько десятков убитыми и ранеными от огня казачьих пулеметов и винтовок, курды отступили. Над селением Софиан, куда вошли сотни, как и накануне, развевались белые флаги, но жители, чувствуя свою вину, покинули его. Продолжив движение, отряд у селения Джалдиан наткнулся на другую позицию, занимаемую спешенными курдами. Захватив противоположные возвышенности, казаки есаула Косякова и подъесаула Церельникова вступили с ними в огневой бой, длившийся до темноты. Во время перестрелки был ранен казак Спиридон Шадрин. Захватить селение не удалось, и отряд стал отходить. На обратном пути селение Софиан вместе с запасами продовольствия и фуража было сожжено. Во время боя, как бы издеваясь над казаками, на вершине горы, занятой курдами, стоял белый флаг. Цена его казакам уже была известна. Возле селения Софиан забайкальцы обнаружили раздетые и страшно изуродованные тела погибших товарищей. 4 ноября их похоронили с воинскими почестями в далекой от Забайкалья дикой и жестокой стране.

11 ноября селение Джалдиан и брошенная гарнизоном крепость Калапасоо с огромными запасами хлеба и сена были сожжены и разрушены, а курдские отряды загнаны в горы, где им предстояло пережить суровую и голодную зиму.

17 ноября действующая в направлении на г. Ушуэ колонна соединилась с Урмийским отрядом и вернулась в Урмию. Другая колонна этого же отряда была направлена на г. Соудж-Булат, южнее оз. Урмия. В него вошли по одной сотне от 3-го Верхнеудинского и 3-го Кубанского полков, одна рота 291-й армянской дружины, взвод 4-й конно-горной Кавказской ба-

тареи, санитарный отряд и искровая станция. Выполняя поставленную Урмийскому отряду задачу, выделенные из его состава небольшие отряды вели интенсивную разведку и оттоняли курдов от главной русской коммуникации, проходящей от Джульфы до Урмии и далее на Миандоаб. О напряженной работе казаков можно судить на примере 4-й сотни 3-го Верхнеудинского полка Соудж-Булагского отряда. С началом его движения сотня шла в голове колонны главных сил. На следующий день она выслала два разъезда и головную походную заставу. 26 октября 4-я сотня уже действовала в качестве правой боковой заставы, 27 октября выслала три разъезда по маршруту следования отряда и 4 поста летучей почты, 28 октября — опять три разъезда. 29 октября сотня в полном составе убыла на разведку к Соудж-Булагу и участвовала в захвате города. С 30 октября по 7 ноября отряд стоял биваком, а 4-я сотня выставляла ежедневно с 8 часов утра и до наступления темноты до пяти наблюдательных застав силой по 10 человек каждая. Редкий день проходил без перестрелки с курдами, двигаться приходилось часто вне дорог по сильно пересеченной местности, а если учесть, что в сотне было из 181 человека, положенного по штату, чуть больше 100, то при такой загруженности на отдых почти не оставалось времени. Тяжелая, незаметная и часто неблагодарная боевая работа, но так необходимая на войне.

К концу октября на левом фланге Кавказской армии сложилась тревожная обстановка. Немецкая агентура усиленно толкала Афганистан и Персию к войне с Россией. Свою агитацию в этом направлении она подкрепляла большими партиями оружия, которым вооружались отряды, формируемые из жандармов и бежавших из Русского Туркестана военнопленных немецких и австрийских солдат и офицеров. Необходимо было пресечь доставку оружия в Афганистан и усилить политическое положение России и Персии. Для этой цели был сформирован и послан туда кавалерийский корпус генерала Н.Н. Баратова в составе 3 пехотных батальонов, 39 сотен и 20 орудий. Войска из Баку по Каспийскому морю привезли в порт Энзели, где они высадились и стали быстро продвигаться двумя колоннами из Казвина на Хамадан и Кум. Оказывавшие сопротивление отряды жандармов и наемников были частично разбиты, а оставшиеся разоружены.

3 декабря русские войска вступили в Хамадан, а затем в Саве и Кум. Если бы Персия тогда объявила войну России, ее столица, Тегеран, была бы немедленно занята конницей генерала Баратова.

В итоге Хамаданской операции оказалось, что все попытки немцев и турок втянуть государства Средней Азии в войну против России потерпели полный провал. Предложение русского командования организовать совместные боевые действия в Месопотамии было отклонено англичанами, за что они и поплатились. Наступавшая на Багдад 10-тысячная колонна генерала Таунсендта потерпела поражение и была отброшена в

Кут-Эль-Амара, окружена в декабре 1915 года турецкими войсками и, во главе со своим начальником, в апреле 1916 года капитулировала.

Успех генерала Баратова под Хамаданом и Кумом отрезвляюще подействовал на население западных районов Персии, заставив его прекратить враждебные действия по отношению к русским войскам.

Зато со стороны Турецкого Курдистана не прекращались попытки перенести боевые действия на персидскую территорию и прежде всего в район города Урмия. По данным русской разведки, как войсковой, так и агентурной, стало известно, что горы в районе Ушнуэ заняты крупными силами турок и курдов, а из Ушнуэ на Соудж-Булаг они предполагают двинуть 4-тысячный отряд с 2 пулеметами. Кроме того, в Ушнуэ ожидалось прибытие еще 400 турецких солдат с 2 орудиями.

Имелись сведения о прибытии из Битлиса в состав отряда Мосульского вали 4 офицеров и 200 немецких солдат.

Усилился поток беженцев-христиан в Урмию из селений между Ушнуэ и Урмией, что являлось одной из примет готовящегося наступления турок и поддерживающих их курдов. Неминуемая при этом резня христиан и распространяемые турецкими агентами слухи заставляли их покидать свои дома. В то же время разъезды аргунцев и кубанцев сообщали, что, по словам беженцев-айсоров, живущих в селениях Омар-Ага, Хитагава и других, в районе действий Башкалинского отряда, курды ушли на юг.

Все перевалы и дороги были завалены снегом выше стремени, что делало их непроходимыми. Таким образом, наступление противника ожидалось из района г. Ревандуза на Ушнуэ и Соудж-Булаг с последующим поворотом на Урмию.

В связи со сложившейся обстановкой в телеграмме от 12 декабря из Хоя, где находился штаб Азербайджанского отряда генерала Чернозубова, была поставлена задача генералу Стояновскому на удержание важных районов до подхода армейских резервов.

Эта задача формулировалась следующим образом: «Командующий армией приказал мне разбить наступающих из Ревандуза в Урмийский район турок, для чего из Джульфы начали движение 6 батальонов, 4 сотни, 32 пулемета и 12 орудий... Вашему отряду в составе пограничного полка, 4-й и 7-й армянских дружин, отдельной пулеметной команды, 2-й и 4-й Забайкальских казачьих батарей, 3-го Кубанского и 3-го Верхнеудинского полков, всего — 2 батальонов, 12 сотен, 18 пулеметов, 2 горных и 10 полевых орудий, приказываю: выяснить силы противника и удерживать Урмию, Кала-Зева, Талау и Соудж-Булаг... отход только в крайнем случае под напором значительных сил к Миандоабской переправе, которую занял 2 сотнями 2-й Читинский полк».

14 декабря пришло уточнение, что переправу обеспечивают 2 сотни 2-го Нерчинского полка.

16 декабря противник перешел в наступление в районе Миандоаба и потеснил отряд войскового старшины Захарова. Благодаря своевременной помощи 2 сотен 2-го Нерчинского полка, которые в конном строю атаковали во фланг турок и курдов и вместе с таманцами очистили от противника долину р. Татава, положение отряда Захарова улучшилось. Он занял позиции у селения Мехмандар, прикрыв броды через реку, и поддерживал своими разъездами соприкосновение с противником, занимавшим район Амир-Абад, юго-западнее Миандоаба. Как доложил генерал Чернозубов командующему Кавказской армией, «в происходивших столкновениях 16 и 17 декабря потери противника значительны вследствие конных атак нерчинцев».

Для усиления этого направления начальник Азербайджанского отряда направил в район Миандоаба еще 4 сотни 2-го Нерчинского полка, находившиеся в г. Тавризе.

19 декабря, с целью уточнения сил противника, в районе Ушнуэ была проведена усиленная рекогносцировка. Отряд войскового старшины Куклина, состоявший из 2 сотен верхнеудинцев, 2 рот пехоты и армянской дружины, двумя колоннами перешел в наступление на г. Ушнуэ.

Правая колонна подъесаула князя Ухтомского, двигаясь из селения Гялас, по хребту, что по левому берегу р. Рубар-Ушнуэ, вошла в соприкосновение с противником и атаковала его позиции на высоте 1100. Казаки действовали умело и напористо. Когда атакующая цепь спустилась в долину, пулеметчики верхнеудинцев открыли огонь через головы наступающих с дистанции 1000 шагов по окопам противника, не давая ему возможности вести прицельный огонь. Это позволило казакам и пехотинцам приблизиться к первой линии окопов на 300 шагов и броситься в штыки и шашки. Противник спешно бежал на вторую линию окопов, преследуемый наступающими и огнем пулеметов. Не удалось ему закрепиться и на ней, потом таким же образом была захвачена третья линия. Только сильная усталость людей помешала захватить четвертую позицию.

Левая колонна подъесаула Церельникова, выступив утром из селения Молла-Иса, дошла до высоты 863,0, северо-западнее селения Имам, где вступила в бой с 60 спешенными курдскими всадниками. Спустя час левый фланг развернувшейся в боевой порядок колонны был атакован 2 эскадронами конницы, но под огнем казаков и пехоты противник отступил. В целях развития наступления, по приказу войскового старшины Куклина, из левой колонны на позицию, отбитую у турок, в помощь казакам и пехоте правой колонны передали 2 пулемета и сотню конно-армянской дружины. Этими силами удалось заставить противника отступить к селению Гирдкашан. Попытки турок и курдов атаковать фланги отряда пресекались высланными для их прикрытия казачьими взводами.

Казаки и пехотинцы могли бы ворваться в г. Ушнуэ и захватить его, но заканчивались боеприпасы, а на флангах сосредоточивались превосходящие силы противника, поэтому отряд закрепился на достигнутом рубеже. В рапорте о результатах боя войсковой старшина Куклин отметил: «Донося о вышеизложенном, не могу, по долгу службы, умолчать, что как офицерские, так и нижние чины отряда вели себя как истые герои, проникнутые любовью к родине и духом побить врага и готовые броситься в безумную атаку, презревая опасность...»

Казаки отряда войскового старшины Куклина были отведены в тыл, а на позициях для наблюдения за противником у высоты Молла-Иса осталась сводная рота армянских дружинников. Она состояла из жителей Ванского района, наиболее пострадавшего от резни, устроенной там турками и курдами в 1914 году. Дружинники питали неистребимую ненависть к своим мучителям. Они яростно шли в атаку и стойко оборонялись, чем заслужили уважение у забайкальских казаков, с которыми им приходилось часто действовать. Через 2 дня после боя под Ушнуэ 2 роты турецких нукеров и большое количество конных курдов атаковали позицию роты. Армяне отразили натиск с фронта, но после обхода курдами левого фланга стали отходить. Во время отхода часть роты в количестве 28 человек была окружена и приняла неравный бой. Встретив конницу противника частым ружейным огнем, дружинники бросились в рукопашную схватку и погибли в ней героями. Остальная часть роты, отстреливаясь, отходила. Посланные на выручку окруженным верхнеудинцы с пулеметами и артиллерией подошли, когда бой закончился. В сводной роте погибло 23, без вести пропало 6 и ранено 6 человек. Турки и курды были отброшены казаками на исходные позиции. «Армяне, — по словам войскового старшины Куклина, — действовали молодцами и нанесли противнику большие потери».

23 декабря около 500 курдских всадников повели наступление, пытаясь переправиться через р. Джиготу, но были остановлены 4 сотнями нерчинцев.

24 декабря перешедший в наступление 2-й Нерчинский полк выбил под вечер противника из Миандоаба, но ввиду обхода курдами левого фланга отошел к селению Кара-Топа, севернее Миандоаба. За день боя потери нерчинцев составили 7 казаков убитыми и 8 — ранеными.

Это событие нашло свое место в ежедневных сводках Русского верховного командования, передаваемых всеми телеграфными агентствами мира. В очередной сводке за 23 декабря о бое было сказано следующее: «Кавказский фронт в Персии. К югу от Урмийского озера курдские скопища сделали попытки переправиться на правый берег р. Джигаты, и они с легкостью были прекращены в районе города Асад-Абада».

Немецко-турецкая агентура продолжала действовать, несмотря на то, что многие их агенты были ликвидированы после вступления русских

в Персию. В ночь с 22 на 23 декабря в г. Урмия были расклеены листовки, предупреждающие население о прибытии в скором времени в Урмию турецко-курдских отрядов Халил-бея и Хейдар-паши. Это вызвало панику. Жители стали покидать город. Русские контрразведывательные органы вели борьбу со шпионами, часто привлекая для этого казаков. Так, разъезд нерчинцев в селении Айдар-Абад захватил смертельно раненного турецкого агента, оказавшего казакам вооруженное сопротивление. В селениях Геогане и Мараге были сняты все телеграфные аппараты, так как они использовались для передачи шпионской информации и, кроме того, персидские телеграфисты умышленно мешали работе русских связистов.

Таким образом, забайкальским казакам приходилось вести борьбу не только с явным противником, но и тайным.

Попытки турецких и персидских отрядов выйти в район Урмия не прекращались. В конце декабря разъезды 2-го Аргунского полка, прикрывавшего главную русскую коммуникацию от проникновения к ней диверсионных групп противника из районов Диза и Баш-Кала, стали сообщать об участившихся случаях их обстрелов. Выстрелы в спину в селениях или из засад в горах можно было ожидать в любое время даже при нахождении на местности, где проживали так называемые мирные курды. Например, 27 декабря посланный от 2-го Аргунского полка разъезд для покупки скота был обстрелян курдами в районе селений Баджирча и Мамокан, в 20 верстах к югу от Дильмана. Вместе с разъездом находился и помощник местного губернатора Юсуф-хан, ставший свидетелем провокационных действий курдов.

На запрос начальника 3-й Забайкальской бригады по этому поводу генерал Чернозубов разрешил эти селения, считавшиеся мирными, примерно наказать, о чем были поставлены в известность консул в Дильмане Акимович и посол в Персии князь Шаховской. Генерал Стояновский указал, что меры наказания будут ограничены «арестованием старшин, взысканием денежного штрафа в 600 рублей и регистрацией вооружения на предмет их отобрания».

Как видно из приведенного факта, усмирение протурецко настроенных курдов проходило не только силой оружия, но и административными мерами с уведомлением официальных представителей России в Персии.

С наступлением холодов, когда все перевалы были занесены снегом, боевые действия в районе озер Ван и Урмия прекратились. На важнейших направлениях и перевалах расположились казачьи заставы, бедствующие без фуража и дров. Держать их там не было смысла, но командование не решалось убрать казаков поближе к путям снабжения и теплу. На некоторых перевалах находились сотни в полном составе. Например, 4-я сотня 2-го Аргунского полка стояла на перевале в селении Чиари-Калы. Казаки жили в конурах, многие болели, дрова и продукты своевре-

менно не доставлялись, кони от бескормицы и холода истощились и тоже болели. Только после настоятельных просьб командира полка войскового старшины Бутакова удалось добиться того, чтобы снять сотню и оставить там один взвод.

Бессмысленно было посылать также конные разведки за перевал. Один из разъездов аргунцев, направленный в Дизу через перевал Гедук-Делиза, застрял на нем и не мог спуститься. С трудом удалось вернуться назад по пробитому снежному коридору. Разведданные о противнике можно было получить только от агентов, отправляемых за перевалы пешком, и то если эти агенты из местных жителей.

Если 17 декабря разъезд из отряда подъесаула Метелицы сумел проникнуть за перевал и разрушить телеграфную линию на направлении Гумзит — перевал — Делиза, общей протяженностью в 5 верст, то уже 20 декабря в своем донесении подъесаул Метелица сообщал, что «сейчас туда верхом не пройти».

Из штаба Азербайджанского отряда поступили телеграммы за подписью генерала Чернозубова о «непрерывности разведки» и об организации «непрерывного наблюдения». Противник свои части отвел в города и селения и, чтобы войти с ним в соприкосновение, что «является делом чести кавалерийского офицера», как подчеркнул генерал Чернозубов в одной из телеграмм, надо преодолеть непроходимые перевалы. За незначительную плату айсоры брались доставлять любые сведения о противнике и делали это лучше, чем казаки, загнанные в горы и не имеющие возможности войти в соприкосновение с противником.

1916 год забайкальские казаки встретили на фронте Ван-Азербайджанского отряда, переименованного затем во 2-й Кавказский отдельный кавалерийский корпус, а позже — в 7-й Кавказский отдельный корпус.

4. Кампания 1916 года. Забайкальские казаки в период подготовки к летним наступательным боям

Прошедший год стал годом великих испытаний для России. Горечь поражения на Западном фронте, тяжелые потери при отступлении, падение морального духа армии глубоко задевали чувства русских патриотов. Армия не была разгромлена, несмотря на то, что отступила от границ с Германией на 200—300 километров, она еще была способна сражаться, но разложение ее уже началось. Этому способствовала усилившаяся антивоенная пропаганда большевиков и их агитация за превращение империалистической войны в гражданскую. Назревал революционный кризис в стране. Народ хотел мира, но для этого нужна была победа. Поражение в войне неминуемо привело бы страну к катастрофе и породило

другую, более страшную войну — гражданскую. Именно этого хотела партия Ленина. Знал бы русский народ тогда, что ему предстоит пережить в скором будущем, то наверняка довел бы войну до победного конца.

Россия уже выходила из кризиса в снабжении армии всем необходимым для продолжения войны. Бурно наращивался ее военный потенциал. По официальным данным, с января 1915 по январь 1916 года производство винтовок выросло в 3 раза, орудий — в 4—8, а боеприпасов различных видов — от 2,5 до 5 раз. Далеко вперед по производству вооружений продвинулись союзники России. Затяжная война неминуемо привела бы блок Центральных держав к сокрушительному поражению. По плану кампании 1916 года, принятому на совещании представителей стран Антанты в Шантильи 12 марта, Русская армия должна была перейти в наступление на Юго-Западном фронте только с 15 июня. И хотя этот план опять предоставлял Германии инициативу действий и был хуже предложенного варианта плана русской Ставки, но он давал России большую передышку для укрепления ее армии.

Все теперь зависело от морального состояния народа и армии, их желания победить в войне. Вот его как раз и не было. Даже Германия центр тяжести борьбы планировала перенести против западных противников, уверенная в скором разложении Русской армии: «Эта уверенность все чаще и чаще входила в германские расчеты как определенная оперативная данная». На руку была разрушительная работа большевиков, и это можно сегодня утверждать со всей очевидностью.

Значение готовности народа и армии к продолжению войны для полной победы понимал и Верховный главнокомандующий Русской армии император Николай II. В своем новогоднем приказе по армии и флоту он отметил: «...Помните, что без решительной победы над врагом наша дорогая Россия не может обеспечить себе самостоятельной жизни и право на пользование своим трудом, на развитие своих богатств. Проникнитесь поэтому сознанием, что без победы не может быть и не будет мира. Каких бы трудов и жертв нам ни стоило это, мы должны дать родине победу».

С прибытием на фронт 2-го Верхнеудинского полка 1-я Забайкальская казачья бригада была переформирована в дивизию. Первый эшелон полка разгрузился 2 января в Бобруйске, а 4 января состоялся смотр дивизии, проводимый ее начальником — генералом Орловым.

На гарнизонном плацу были выстроены закаленные в боях три первых полка Забайкальского войска и 1-й Забайкальский казачий артиллерийский дивизион. Для 2-го Верхнеудинского полка было дано время на приведение себя в порядок после длительного передвижения по железной дороге и назначена дата отдельного строевого смотра.

Каждый день начавшегося нового года приносил что-то новое. Приходили приказы о награждении орденами и медалями казаков и офицеров за осенние бои 1915 года; о производстве в прапорщики отличивших-

ся в боях и сдавших экзамены вахмистров и старших урядников; о назначении офицеров на вышестоящие должности. Например, только в 1-м Верхнеудинском полку офицерами стали 2 казака: вахмистр Подойницын и старший урядник Кузнецов. Награждены орденами: Святой Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» — прапорщик Барахтин, хорунжий князь Аргутинский-Долгоруков, войсковой старшина Измайлов; Святой Анны 2-й степени с мечами и бантом — подъесаул Рюмкин, прапорщик Барахтин; Святой Анны 2-й степени с мечами — сотник Лавров, сотник Сенченков; Святого Станислава 2-й степени — ветеринарный врач Мальковский; Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом — хорунжий Горбач и ветеринарный врач Мальковский; английским «Отличной службы» — есаул Мациевский. Мечи и бант к ордену Святого Станислава получили подъесаул Резухин и сотник Иванов. Войсковому старшине Зимину за бой под д. Доманевице 22 февраля 1915 года вручено Георгиевское оружие.

Кроме того, был получен приказ по великому войску 1915 г. № 681 об особых правах офицеров, находящихся на войне по чинопроизводству. Согласно ему производятся в следующие чины: прапорщики за выслугу 7 месяцев, хорунжие — 9 месяцев, сотники — 12 месяцев; подъесаул и есаулы, командовавшие сотнями, — 16 месяцев; полковники (командовавшие полками) за 16 месяцев командования жалуются старшинства 2 года. Этот приказ значительно сократил сроки получения очередного звания (чина), что не могло не вызвать одобрения у офицеров.

15 января в г. Бобруйск прибыл Николай II и провел высочайший смотр 1-й Забайкальской казачьей дивизии.

Для встречи императора и Верховного главнокомандующего Русской армии к 8 часам утра на вокзале был выстроен почетный караул — 2-я сотня 1-го Верхнеудинского полка 9-рядного состава, при знамени и сборного хора трубачей от 1-го Верхнеудинского и 1-го Читинского полков. Сотней командовал есаул Мациевский.

В строю встречающих находились: командир полка полковник Семенов, полковой адъютант сотник Лавров, младший офицер хорунжий Стрельников; ординарцами были сотник Веремеев, старший урядник Матафонов, посыльным — приказный Краснотьев. В 8 часов на станцию прибыл командующий 4-й армией генерал от инфантерии Рагоза, который поздоровался с почетным караулом и поблагодарил казаков за выправку и лихой вид. В 8 часов 25 минут подошел поезд командующего Западным фронтом генерал-адъютанта А.Е. Эверта. Он тоже, выйдя из вагона, подошел к сотне, поздоровался и поблагодарил казаков за хорошую службу.

В 9 часов прибыл Николай II, принял рапорт от командующего Западным фронтом и от высших городских сановников, проследовал вдоль фронта почетного караула, поздоровался с ним и пропустил его мимо себя

церемониальным маршем. После прохождения он поблагодарил казаков за молодецкий вид, сел в автомобиль и убыл к месту смотра. 2-я сотня вскочила на коней и помчалась на городскую площадь, где в развернутом строю стояла вся дивизия в следующем порядке: 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский, 1-й Аргунский, 2-й Верхнеудинский полки, 3 сотни Кубанского дивизиона, 1-я и 3-я Забайкальские казачьи батареи. Император около 10 часов утра совершил объезд дивизии и поздоровался с каждым полком, кубанцами и батареями. После чего сотни прошли торжественным маршем с развернутыми знаменами, штандартами, полковыми значками.

Впервые увидевшие так близко во время объезда своего монарха, казаки с воодушевлением кричали «ура». Перед прохождением торжественным маршем на середину были вызваны офицеры, к которым Николай II обратился с такими словами: «Господа офицеры, я благодарю вас за прошлые работы и надеюсь, что вы поможете мне в будущем сломить упорного врага».

Бледная речь самодержца Всероссийского на офицеров не произвела впечатления. То же он сказал и казакам, прокричавшим в ответ: «Постараемся, Ваше Императорское Величество!» На этом смотр закончился. Речь императора перед офицерами и казаками не могла зажечь сердца людей, которым в скором времени предстояло идти в бой. Забегая вперед, ради сравнения, следует отметить, что другой глава государства — Керенский, в 1917 году, выступая перед войсками на фронте, сказал яркую, эмоциональную речь, вызвавшую бурю восторга и воодушевления.

После смотра командиры частей были приглашены на завтрак, на котором генерал Рагоза обратился к Николаю II со словами благодарности за нравственную поддержку дивизии. В ответ император сказал:

«Дивизия не нуждается в такой поддержке, так как дивизия прекрасно работала». Это была высокая оценка боевым действиям забайкальцев, которую они справедливо заслужили. Им действительно меньше всех нужна была «нравственная поддержка». В ней нуждалась вся страна и те войска, которые позорно бежали с позиций в 1915 году.

У изживающего себя самодержавия не было трибунов, способных убедить народ и армию в необходимости победы, зато они были у большевиков. Пропагандистская машина существовавшей тогда еще сильной государственной власти не нашла способа опуститься до уровня солдатских масс и трудового люда, не сочла нужным перестроить свою работу, а большевики нашли кратчайший путь проникновения в сознание народа и армии с целью его изменения в свою пользу. Партия Ленина направила своих лучших агитаторов и пропагандистов сначала в тыловые и запасные части армии, на заводы, фабрики, в деревни и казачьи станицы, справедливо полагая, что многие, кто подвергнется их агитации, уйдут на фронт и там будут проводить работу по разложению и разрушению армии.

Два последних месяца и до середины марта дивизия находилась на месте, готовилась к боям. В полках проводились занятия по боевой подготовке согласно расписанию, пополнялись запасы материальных средств и боеприпасов, казаки несли караульную и гарнизонную службу. Пулеметная команда бригады была расформирована и роздана по полкам — по 2 пулемета в каждом, а 1-й Читинский полк имел еще один трофейный австрийский пулемет, переделанный позже под русский патрон. Убывали и возвращались из отпусков казаки. Приходило пополнение из запасных сотен. Лошади окрепли, набрали вес и были ухожены.

Дивизию посещало различное начальство. По случаю их приезда проводились полковые и дивизионные смотры. Так, 11 февраля дивизия была построена для смотра Походным атаманом казачьих войск Великим князем Борисом Владимировичем. После положенных на смотре ритуальных действий он лично произвел, выборочно в каждом полку, выводку лошадей, осмотрел седла и конское снаряжение.

19 февраля командиром 1-го Читинского полка был назначен полковник Шильников, а командиром 1-го Аргунского полка стал бывший командир 44-го Донского казачьего полка полковник Казачихин. Бывший командир читинцев Николай Алексеевич Кекуатов принял командование над 1-й Забайкальской бригадой.

9 марта поступил приказ о переходе 1-й Забайкальской казачьей дивизии в район деревень Столбцы, Перстин, Скоморошки и местечка Новый Свержень.

11 марта 2-я Забайкальская казачья бригада в составе 1-го Аргунского, 2-го Верхнеудинского полков с 1-й Забайкальской казачьей батареей выступили своим ходом в указанный район. Следом за ней 12 марта ушла 1-я Забайкальская бригада в составе 1-го Читинского, 1-го Верхнеудинского полков и 3-й Забайкальской казачьей батареи.

На проводы казаков собралось много жителей Бобруйска. Некоторые девицы бежали за полками 3—4 версты, с плачем провожая казаков на фронт.

Следует отметить, что количественный состав полков и сотен был уже не тот, что в начале войны. Например, 1-й Читинский полк, выступая из Бобруйска, имел: в 1-й сотне — 116 казаков, во 2-й — 116, в 4-й — 114, в 5-й — 118, в 6-й — 110 казаков. Охранявшая штаб 4-й армии 3-я сотня имела 118 казаков. В пулеметной команде числилось 77, а в команде связи — 23 казака. Всего в полку 674 человека, а с учетом 3-й сотни — 792 казака. Большие потери, понесенные забайкальскими казаками, уже не позволяли войску восполнять их и иметь полки штатного состава. Из анализа потерь 1-го Читинского полка, проведенного полковым врачом, видно, что с 8 сентября 1914 года по 1 января 1916 года в полку убито: офицеров — 5, казаков — 36; ранено: офицеров — 8, казаков — 201; контужено: офицеров — 7, казаков — 54; пропало без вести — 1 офицер и 74 казака. Итого: офицеров — 21, казаков — 365. Из числа

раненых казаков в строю осталось 23, контуженных — 36, всего — 59 человек. Из общего числа (274 человека) раненых и убитых потери распределялись: от ружейного и пулеметного огня — 216 человек, или 87,5 %; от шрапнели — 15 человек, или 6 %; от осколков — 16 человек, или 6,5 %; всего от огня артиллерии — 12,5 %. Из 14 офицеров убитых, раненых и пропавших без вести от артиллерийского огня пострадало 2, или 14 %, остальные — от ружейно-пулеметного. По характеру ранений они распределены следующим образом: в нижние конечности — 65 человек, верхние — 60, в грудь и спину — 35, в голову, лицо и шею — 30, живот, пах и ягодицы — 11. Из числа раненых и контуженых вернулись в полк после излечения: офицеры — все, казаки — 87 человек, но из них 9 человек вновь были эвакуированы от последствий ранений. Много казаков выпало из строя по болезни.

За этот же период, по данным ветеринарного врача полка, убито лошадей — 66, пало от ран — 101, ранено и выздоровело — 130. Болело — 204 лошади, из них сапом — 2, болезнью нервной системы — 4, пищеварения — 474. Из числа болевших лошадей пало — 15; истощено — 20, пало — 8. Всего убито, пало или пристреляно — 190 лошадей.

Таким образом, понесенные потери и их невосполнение значительно снижали боеспособность полков, так как при спешивании и действии в пешем порядке в цепи могло находиться до 70 стрелков, остальные должны были оставаться при обозе сотен и лошадях.

В течение 7—8 дней бригада совершала марш по разбитым дорогам и непролазной грязи от таяния снегов. В некоторых местах приходилось мостить гати, обозы отставали, а встречающиеся речки пришлось преодолевать вброд, так как мосты были разрушены или неисправны. Прибыв в указанный район, 1-я забайкальская казачья дивизия вошла в состав 3-й армии Западного фронта.

К середине марта закончилась неудачно Нарочская операция, проводимая главным образом Северным фронтом и 2-й армией Западного фронта. Основными причинами этого были: плохое управление войсками командующего Северным фронтом А.Н. Куропаткина, недостаток тяжелой артиллерии и несвоевременный подвоз снарядов из-за распутицы.

Выполняя союзнические обязательства, русское командование готовилось летом перейти в наступление, но по просьбе итальянцев, на фронте которых наступали австрийские войска, время наступления было перенесено на более ранний срок, то есть на май. Главный удар планировалось нанести армиями Западного фронта; вспомогательный, но сильный, — Юго-Западным фронтом. Северному фронту ставилась задача — отвлечь внимание противника демонстрационными действиями и, при благоприятных условиях, перейти в решительное наступление.

Атака на Юго-Западном фронте намечалась на 22 мая, а на Западном фронте — на 28 или 29 мая.

17 марта 1-я Забайкальская дивизия отметила свой войсковой праздник просто и буднично. Командиры частей поздравили казаков, и на каждого было выдано на питание по 50 копеек и по 1 фунту белого хлеба.

23 марта в д. Малые Жуховичи состоялся смотр дивизии, проводимый командующим 3-й армией генералом Лешем. На следующий день казаки сменили свои забайкальские папахи на новые фуражки.

Начались опять перебои с доставкой продовольствия и фуража. Распутица задерживала движение транспортов, а закупать продукты у местного населения было дорого: пуд живого веса свинины стоил 14 рублей. Часто в эти дни вообще не получали мясо, а вместо него давали рыбу и сало. Например, 1-й Читинский полк взамен положенных 14 пудов мяса получил 3 пуда рыбы (кеты), 5 пудов сала.

1 мая в дивизии был издан приказ о подготовке к предстоящему наступлению. 2 мая был получен приказ № 6 Походного атамана Забайкальского казачьего войска, в котором было объявлено постановление Военного совета о том, что за утраченную по любой причине офицерскую лошадь (по цене ее до 235 рублей) сумма компенсации увеличивалась на 50 %, то есть равнялась 352 рублям, раньше она была 125 рублей. Для казаков эта компенсация возросла с 60 рублей до 125 рублей. Такое решение обрадовало казаков, несших убытки в случаи гибели лошади, так как хороший строевой конь стоил значительно выше, чем ранее выплачиваемая за него компенсация.

7 мая 1-я Забайкальская казачья дивизия выступила на Малый Шикольд.

Из Забайкалья и Монголии приходили подарки, собранные на пожертвования патриотов. Только в адрес 1-го Читинского полка от дамского кружка станции Слюдянка Забайкальской железной дороги поступило 16 пудов подарков: 120 комплектов белья (рубашки, кальсоны, портянки, мыло); несколько ящиков пряников, баранок, сахара; чай, папиросы, махорка. Из Монголии от Российского консульства прибыла посылка с несколькими фунтами табака, махорки и папирос.

Готовясь к боям, забайкальцы усиленно занимались боевой подготовкой, особенно с вновь прибывшим пополнением. Много внимания уделялось стрельбе, разведке, изучению по картам районов, где предполагалось действовать; проводились сотенные учения как в пешем, так и в конном строю; учились защите от газовых атак и самоокапыванию. Весь день был расписан по часам. До обеда — занятия, после — уход за лошадьми и оружием, посылались команды в соседние деревни для закупки продовольствия и фуража. Выполнялась масса других хозяйственных работ, которых в частях всегда было в избытке.

18 мая командующий Западным фронтом провел смотр готовности дивизии к выполнению боевых задач. Генерал-адъютант А.Е. Эверт поблагодарил казаков за хорошую службу и пожелал первыми вступить в Варшаву и даже Берлин.

Летнее наступление. Брусиловский прорыв

На рассвете 22 мая после мощной артиллерийской подготовки перешел в наступление Юго-Западный фронт. Брусиловский прорыв успешно развивался, австрийские войска понесли большие потери и, бросая оружие, в панике отступали. Командующий фронтом А.А. Брусилов, проводя наступательную операцию, рассчитывал на своевременную помощь Западного и Северного фронтов, однако генерал Эверт, ссылаясь на незаконченное сосредоточение 27-й дивизии и тяжелой батареи, приказал командующему 3-й армией отсрочить наступление на Пинском направлении до 4 июня. Ставка поддержала его решение, но, убедившись в необходимости использования успеха Юго-Западного фронта, отменила свою директиву о наступлении Западного фронта на Виленском направлении. Ему была поставлена другая задача: не позднее чем через 12—16 дней, начиная с вечера 3 июня, главный удар нанести из района Барановичи на участке Новогрудок, Слоним с целью выхода на рубеж Лида, Гродно. Одновременно частью войск фронт должен был не позже 6 июня начать атаку для овладения Пинским районом и развития дальнейшего наступления на Кобрин, Пружаны. Задача Северного фронта не изменилась.

Все дни поступали сообщения о наших победах на Юго-Западном фронте. Радостное настроение не портили даже немецкие самолеты, регулярно появляющиеся над дивизией и сбрасывающие бомбы. Один из таких самолетов 26 мая сбросил 2 бомбы, которые угодили на плац, где проводила занятия 4-я сотня 1-го Верхнеудинского полка. Осколком был убит старший урядник Иннокентий Матафонов.

28 мая дивизия выступила в Хотыничи в распоряжение командира 31-го корпуса генерала Мищенко. Переход совершался большей частью ночью. За 29 часов дивизия прошла свыше 100 верст. Отдохнувшие полки легко преодолели это расстояние, отставших казаков не было. За быстрый переход забайкальцам от командующего 3-й армией была объявлена благодарность.

1 июня дивизия сосредоточилась в районе д. Заборовцы, где получила задачу — атаковать совместно с другими частями в направлении Логишин — Иванове, занять линию Рудка Дубой и очистить от противника весь Пинский край.

Согласно решению генерала Мищенко, пехотные дивизии должны были прорвать оборону противника, после чего для его преследования и завершения разгрома вводилась конница. Атака планировалась на 2 июня, но по известным причинам наступление не состоялось.

3 июня в честь прибывших в его распоряжение забайкальцев генерал Мищенко пригласил начальника дивизии и командиров полков на обед.

Вспомнили Русско-японскую войну. Генерал Мищенко очень высоко ценил забайкальских казаков как «боевой материал», был наслышан об их действиях на этой войне и не сомневался, что они, как и раньше, великолепно покажут себя в будущих боях под его командованием.

6 июня части корпуса Мищенко перешли в наступление. После 2-часовой артподготовки пехота пошла в атаку, но, пройдя первый ряд проволочных заграждений, остановилась. Последующие атаки, вплоть до 9 июня, также оказались безуспешными. Продвинувшись до Огинского канала, она не смогла преодолеть его и прорвать немецкую оборону. Условия для ввода в бой конницы созданы не были.

Забайкальская дивизия оставалась на месте.

6 июня немецкие самолеты обнаружили обоз 2-го разряда 1-го Верхнеудинского полка, находившийся в лесу у моста через Вислу, и сбросили три бомбы. Три казака 2-й сотни, сопровождавшие его, были ранены, 2 лошади убито и 4 ранено.

Начиная с этого дня, в дивизию стало прибывать пополнение из 1-й запасной сотни, которое распределялось по полкам. 1-й Верхнеудинский полк получил 117 казаков и 91 лошадь.

Воспользовавшись наступившим затишьем на фронте, казаки на лесных полянах и лугах косили траву для своих лошадей. Однако вскоре это занятие пришлось прекратить. Местные помещики, владельцы этих угодий, стали предъявлять непомерно высокие иски за выкошенную траву. Особенно сильное возмущение казаков вызвал владелец господских двориков Ильяшевка, потребовавший заплатить ему за произведенную потраву 7 тысяч рублей. Назначенная начальником комиссия установила, что казаки выкосили у него на корм лошадям 1/4 часть угодий. За все свои пашни и луга, сдаваемые в аренду крестьянам, помещик взимал с них за аренду 2 тысячи рублей, поэтому ему была уплачена четвертая часть этой суммы. Другая помещица содрала с казаков 1-го Верхнеудинского полка за то, что их лошади паслись на принадлежащем ей лугу, по 80 копеек за лошадь. Простые крестьяне вели себя скромнее, помогали казакам, чем могли, иногда не требуя даже платы. Шла тяжелая война, царь призывал ничего не жалеть для победы, а кто-то, наоборот, не только жалел свое добро, но и старался нажиться на ней.

11 июня решением Ставки 3-я армия переподчинилась генералу Брусилову и вошла в состав Юго-Западного фронта. На нее возлагалась задача — овладеть районом Городок, Маневичи, Голузия, наступая своим левым флангом, а на правом фланге нанести вспомогательный удар на Озаричи для оказания содействия войскам 4-й армии Западного фронта.

12 июня 1-я Забайкальская дивизия выступила ближе к фронту в местечко Гродно, где получила приказание войти в состав 4-го кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта фон Гилленшмидта и прибыть в д. Мульчицы.

20 июня после долгих проволочек перешел в наступление Западный фронт, нанося главный удар 4-й армией на Барановичском направлении на фронте Городище — Барановичи.

На следующий день возобновил наступление Юго-Западный фронт. В приказе начальника 1-й Забайкальской казачьей дивизии № 179 от 23 июня бригадам ставилась следующая задача: «...найдя проход вслед за 16-й дивизией или, если расширится прорыв, то правее, двигаться без остановки для захвата переправ на р. Стоход у местечка Стобыхва и в районе севернее Большого Обзира до железной дороги, на пути захватывая не отходящие в район тыла у мест. Маневичи и Городок части противника... 1-я бригада со взводом артиллерии в зависимости от того, если противник будет продолжать держаться на фронте Оптово-Галузия, то подвигаться на переход дороги Галузия, Маневичи... если противник отойдет с этого фронта, то двигаться на дорогу Маневичи, Лисово на пересечение этой дороги с дорогой на Галузия, Оконек и далее на Маневичи с целью захвата этого пункта и местечка Городок.

2-й бригаде с 2 взводами 3-й Забайкальской батареи и 115-й пулеметной команды "Кольта" идти вслед за 1-й бригадой... выслать одну разведывательную сотню в направлении Галузия...»

Казачьи полки приступили к выполнению поставленной задачи. Выслав вперед разведывательные сотни, они продвигались за пехотой, которая упорно вгрызалась в оборону противника. За два дня наступления пехота прорвала фронт у д. Костюхновка и, медленно продвигаясь вперед, вышла ко второй позиции противника, опоясанной проволочными заграждениями в 4—6 кольев. Пока эта позиция не была взята, казаки не могли развивать наступление.

Командир 312-го пехотного полка обратился с просьбой к войсковому старшине Мациевскому, продвигающемуся за пехотой во главе 4 сотен 1-го Верхнеудинского полка и ожидавшему, когда пехота прорвет 2-ю позицию, поддержать моральный дух пехоты. Мациевский согласился. Развернувшись в лаву, под сильным ружейно-пулеметным огнем, сотни верхнеудинцев бросились в атаку во фланг укрепленной позиции. Увидев атаку казаков, пехота дружно поднялась и последовала их примеру, заняв в скором времени вторую линию окопов. В образовавшуюся брешь устремились казачьи сотни, преследуя в панике отступающего противника. Так, благодаря казакам, пехота сумела выполнить свою главную задачу — прорвать оборону противника.

3-я и 4-я сотни 1-го Верхнеудинского полка и 1-я сотня Кубанского дивизиона в конном строю атаковали д. Галузия, выбили из нее австрийскую пехоту и пошли на Запад. Подойдя к урочищу Нерхова, сотни были обстреляны пытавшимся закрепиться там противником. Казаки спешились и повели наступление. В это время д. Галузия, оставшаяся в их тылу, была занята отступавшими от д. Оптово австрийскими солдатами. Следо-

вавшие за казаками Мациевского 6-я сотня верхнеудинцев и 2-я сотня кубанцев, под прикрытием огня 2 пулеметов, выхватили из ножен шашки и с криком «ура» атаковали их в конном строю. Увидев мчащуюся на них казачью лаву, охваченные ужасом от блеска страшных клинков австрийцы десятками и сотнями стали сдаваться в плен. Во время первой атаки д. Галузия казаки захватили 2 исправных полевых орудия и около 150 пленных, а во второй — 2 пулемета и 650 пленных. 2-я сотня, действующая у д. Оптово отдельно от полка, под командованием войскового старшины Мациевского, захватила 1 пулемет и 280 пленных. Всего за день непрерывного боя 1-й Верхнеудинский полк захватил 2 орудия, несколько пулеметов и до 1100 пленных, собрано большое количество винтовок и патронов.

Понесли потери и казаки. Тяжело были ранены сотник Тонких и подъесаул Кубанского дивизиона Майборода, под войсковым старшиной Комаровским убита лошадь, а у войскового старшины Мациевского ранена. Погибло 8 казаков и ранено 13. Убито 17 лошадей и 6 ранено, не явились в полк 8 казаков 4-й сотни. Как потом выяснилось, во время первой атаки д. Галузия в 4-й сотне 5 из них были убиты: старший урядник Очир Юмдашиев, младший урядник Матвей Якимов, казаки Степан Шмаков, Демьян Реутов, Семен Шумилов; трое казаков пропало без вести в ходе преследования. За день боя в полку израсходовано 9350 патронов.

1-й Читинский полк с прорывом обороны противника следовал в голове главных сил дивизии. Его 1-я сотня столкнулась в 22.30 с эскадроном 6-го Уланского полка, который с коней открыл огонь по казакам. Сотня в количестве 69 шашек по команде подъесаула Федосеева развернулась в лаву и с криком «ура» бросилась на улан в атаку, обратив их в бегство. Два австрийских кавалериста были захвачены в плен.

2-я сотня атаковала противника у д. Оптово вместе со 2-й сотней 1-го Верхнеудинского полка. 3-я сотня, следовавшая впереди полка, в 19.40 своей походной заставой под командованием прапорщика Скуратова, вышла к железнодорожному полотну и ворвалась на станцию Малые Маневичи. Казаки разогнали, а частично истребили команды подрывников и захватили огромное количество имущества и боеприпасов. Еще больше материальных ценностей австрийцы успели взорвать или сжечь. В неприкосновенности оказался склад рома и вина, который казаки по приказу сотника Почекунина тут же с огромным сожалением уничтожили. Несколько казаков из первых, кто обнаружил склад, успели выпить.

С наступлением ночи читинцы ушли на отдых в д. Галузия, где вдоволь накормили лошадей трофейным фуражом.

2-я бригада следовала в резерве начальника дивизии. 2-й Верхнеудинский полк по его приказу перешел в д. Бельска Воля и вошел в про-

рыв, двигаясь на левом фланге частей, наступающих на д. Оптово. Затем убыл по направлению на д. Галузия. Его 3-я сотня обнаружила в деревне противника, который засел в хатах. Казаки выбили австрийских кавалеристов и взяли в плен ротмистра 2-го Гонвендского гусарского полка и 14 гусар. Таким образом, казаки трижды в течение дня атаковали д. Галузия. Другие 5 сотен полка в бою 23 июня не участвовали, находясь в резерве, и со стороны наблюдали за развитием событий. Им навстречу шли от фронта раненые перевязанные солдаты.

Полк остановился недалеко от 3-й Забайкальской батареи, непрерывно обстреливавшей отходящего противника.

Пользуясь передышкой, казаки уселись чаевать, из болотца попоили лошадей, а потом бегали на НП батареи, который был оборудован на дереве и имел две площадки; к ним шла лестница. С верхней площадки руководили стрельбой батареи, а на вторую, установив очередь, поднимались казаки, чтобы наблюдать за полем боя. 2-й Верхнеудинский полк еще не участвовал в крупных боях, и казакам все было интересно.

Потом полк с батареей пошел вперед через оставленные австрийцами окопы. Они были обшиты досками и прутьями, имели крепкие землянки, ходы сообщения. Казаки поражались порядку и обжитости их. На одной из землянок имелась надпись «Санаторий», рядом разбит цветник, огород, имелись площадки для лаун-тенниса. У горящей д. Галузия случайным снарядом был убит казак 2-й сотни и 2 лошади. Жители покинули деревню. В одной из несгоревших хат вездесущие казаки обнаружили две бочки пива, которые тут же с удовольствием выпили.

24 июня дивизия возобновила преследование противника. В этот же день обе ее бригады участвовали в боях с австрийскими частями, прикрывающими отход главных сил.

2-й Верхнеудинский полк, оставаясь в резерве начальника дивизии, выступил из д. Галузия в 1 час ночи по направлению к д. Маневичи. В это время 1-й Аргунский полк был отправлен вперед для захвата д. Маневичи и вступил там в перестрелку с противником.

В 3 часа утра было получено приказание № 186 от полковника Беляева, в чьем подчинении находились 2-й Верхнеудинский и 1-й Аргунский полки. В нем указывалось: «16-я кавалерийская дивизия продолжает удалять противника. Захвачено около 1100 пленных, 1 миномет. 1-й Аргунский полк, высланный для занятия Маневичей, выбивает противника из деревни. 3-я сотня 2-го Верхнеудинского полка вышла на дорогу Маневичи — станция Маневичи. Во исполнение возложенной на дивизию задачи захватить переправы на р. Стоход от Большого Обзира до железной дороги, приказываю: от 1-го Аргунского полка выслать две разведывательные сотни — ядру правофланговой сотни двигаться на господские дворики Глубокое, Ново Рудка, Малый и Большой Обзир; другой сотне двигаться на Городок, Городыск, Лествица, Стобыхва. С осталь-

ными 4 сотнями, с 2 орудиями двигаться на Городок, Городыск, Малая Рудка, Большой Обзир, имея в виду обеспечивать дивизию с севера при подходе ее к Стобыхву.

2-му Верхнеудинскому полку выслать две разведывательные сотни: ядру правой идти на Смолодовицы, выс. 85,7, Трояновка, Смоляры; ядру левофланговой идти по дороге — Маневичи, ст. Маневичи и дальше вдоль полотна железной дороги...

Правофланговой сотне войти в связь со 2-й свободной казачьей дивизией.

Авангарду — 4 сотни 2-го Верхнеудинского полка — выступить по особому моему приказанию и идти на Городок, выс. 80,7, мест. Трояновка и Бережницы.

Главные силы: 1-й Верхнеудинский, 1-й Читинский полки, Кубанский дивизион.

Как 1-му Аргунскому, так и 2-му Верхнеудинскому полкам ставлю задачу — захватить переправы через р. Стоход у Большого Обзира и Стобыхва...»

Таким образом, выслав вперед разведывательные сотни, два казачьих полка 2-й бригады должны были обеспечить захват переправ.

Однако вскоре задача 2-го Верхнеудинского полка была изменена. Его четыре сотни направлялись на фольварк Смолодовицы. Когда головная сотня вступила на гать через болото, ее обстреляли из фольварка, и она остановилась. На помощь прибыла 3-я сотня, но и она не могла продвинуться, так как болото не позволяло сойти с гати и атаковать фольварк. Тогда, по приказу начальника дивизии, для захвата ф. Смолодовицы, высоты 92,9 и ст. Маневичи был брошен 1-й Читинский полк, находившийся в одной версте южнее фольварка.

Читинцы и 4-я сотня 1-го Верхнеудинского полка спешились и атаковали ф. Смолодовицы, а потом высоту 92,9: 5-я и 6-я сотни — с фронта, а 3-я — с фланга. 4-я сотня читинцев осталась в конном строю в готовности к преследованию. Два пулемета подъесаула Эпова поддержали огнем атаку казаков. В начале атаки сильный огонь заставил 5-ю и 6-ю сотни остановиться, а потом отходить назад. В это время 3-я сотня вышла во фланг противника и с криком «ура» устремилась вперед. Огонь австрийских пулеметов был перенесен на нее, казаки залегли. Тогда подъесаул Шильников с криком: «Ура! Казаки, вперед!» — бросился навстречу пулеметному огню, увлекая своим примером сотню. Пулеметы стреляли до последнего, но уже ничего не могло остановить порыва казаков. Австрийский лейтенант, видя бессмысленность сопротивления, приказал своим пулеметчикам сдаться. Отходившие с фронта 5-я и 6-я сотни, увидев атаку 3-й сотни, сами, презрев опасность, пошли прямо на неумолкающие пулеметы противника. Ворвавшись на позицию, казаки 5-й сотни подъесаула Рюмкина захватили пулемет и 20 пленных; 6-я сотня есаула

Дивари — 2 пулемета и 51 пленного, при этом отличились сотник Почекунин, старший урядник Шульгин, казаки Якимов, Чупров и Топорков; 3-я сотня подъесаула Шильникова взяла в плен 2 офицеров и 85 солдат, захватила 3 пулемета, из них один непосредственно был взят прапорщиком Скуратовым. Как только противник начал отступать, 4-я сотня подъесаула Токмакова выхватила шашки и начала преследовать в конном строю убегающих австрийских солдат. Немногие спаслись от казачьих шашек. Во время атаки в цепи находилось спешенных казаков: в 3-й сотне — 43, в 5-й — 40, в 6-й — 15 казаков. Всего — 98 человек в первой линии и 45 казаков 4-й сотни 1-го Верхнеудинского полка — во 2-й линии атакующих. В конном строю сражались 65 казаков.

Всего в этом бою было взято полком в плен 5 офицеров, 156 солдат; захвачено 6 пулеметов, из них 5 в исправном состоянии, 2 дальномера, 8 ящиков с пулеметными принадлежностями, 24 ящика с патронами, 1 перископ, 79 винтовок, 4 револьвера и 20 лошадей, много другого имущества. В лесу и вдоль узкоколейной железной дороги лежали убитые и раненые австрийские солдаты.

Сбив противника с гати, справа от 1-го Читинского полка вышел к железной дороге 2-й Верхнеудинский полк, который пошел дальше в авангарде дивизии.

Отойдя версту, противник снова занял оборону и стал обстреливать сотни авангарда. 4-я сотня атаковала его в пешем строю, а 1-я — в конном. Им на помощь была выслана 2-я сотня. Полусотня этой сотни во главе с хорунжим Селивановым ушла вперед и у д. Трояновка нарвалась на два эскадрона венгерских гусар. Не задумываясь, хорунжий Селиванов дал команду на атаку в конном строю. Не ожидавший такой дерзости противник был сбит казачьей лавой и стал отходить к лесу. Под командиром полусотни была убита лошадь, появились раненые. Догнав отступающих, казаки вступили с ними в рукопашную схватку, зарубив и заколов пиками 1 офицера и 30 гусар. 1 раненый офицер и 4 рядовых сдались в плен. Сотня потеряла: убитыми — 1 офицера и ранеными — 3 казаков, причем Гамба Можорунов и Филипп Осколов остались в строю.

Преследуя отходящего противника, все 4 сотни 2-го Верхнеудинского полка и высланная для разведки 5-я сотня 1-го Читинского полка, не доходя 3 версты до д. Трояновка, были обстреляны артиллерийским и ружейно-пулеметным огнем. Казаки спешились и при поддержке взвода 3-й Забайкальской батареи пошли в наступление на деревню. Есаул Хлебников, руководивший 3 наступающими сотнями, скрытно вывел их по лесу и атаковал позицию противника у д. Трояновка. Обнаружив, что на них наступают незначительные силы, батальон австрийской пехоты перешел в контратаку. Казаки встретили контратакующих огнем 4 пулеметов и винтовок. Не имея опыта ведения оборонительного боя, верхнеудинцы в течение 15 минут расстреляли вес свои боеприпасы и стали

отходить. На помощь им был выдвинут 1-й Читинский полк, который, пропустив через себя отходящие сотни 2-го Верхнеудинского полка, встретил противника огнем 2 пулеметов и 5 сотен. Если бы не взвод 3-й Забайкальской батареи и подошедшие читинцы, 3 сотни 2-го Верхнеудинского полка могли быть уничтожены.

О выдвижении противника для контратаки первым доложил подъесаул Рюмкин, командир 5-й сотни 1-го Читинского полка, благодаря чему и были посланы на помощь читинцы.

1-й Читинский и 2-й Верхнеудинский полки заняли опушку леса и, окопавшись, до наступления темноты вели перестрелку с австрийской пехотой и спешенной кавалерией. 1-й Верхнеудинский полк, кроме 4-й сотни, а также Кубанский дивизион находились в резерве и в бою не участвовали. Деревня Трояновка была атакована всего 3 сотнями, в то время как большая часть сил дивизии бездействовала. Это, как отметил А.М. Зайончковский, был «общий присущий Русской армии недостаток в образе... пассивного стояния половины армии в то время, как другая половина истощалась в бесплодных разрозненных атаках...».

Из-за этого темп преследования снижался. Противник, прикрываясь арьергардами, главными силами отходил за р. Стоход, своевременно разрушая переправы.

В бою отличился больше всех 1-й Читинский полк. После разгрома противника у ф. Смолодовица он атаковал в пешем строю позицию противника у высоты 92,9 и захватил станцию Маневичи, на которой ему достались большие трофеи. 5-я сотня 2-го Верхнеудинского полка, действующая вместе с ним при атаке высоты 92,9 и станции, продолжая движение, захватывала одиночных солдат противника в плен и сдавала их в ближайшие пехотные части. От местечка Городок сотня свернула на местечко Череваху. Не доходя до железной дороги, дозоры обнаружили выдвигающуюся навстречу пехотную роту противника. Командир 5-й сотни подъесаул Золотухин решил атаковать ее лавой. Казаки ворвались в рассыпавшийся строй пехотной роты, закололи пиками и изрубили 30 австрийцев, а 23 взяли в плен, остальные скрылись в болоте и разбежались по лесу. Сотня потеряла 2 казаков убитыми и 3 ранеными.

В приказе № 199 1-й Забайкальской дивизии по действиям на 25 июня полкам были определены следующие задачи: «...1-му Аргунскому полку с 2 орудиями оставаться в занятом положении (полк вел бой у Ново Руды. — *Н.С.*), производить поиск разведчиков, особенно ночью, дабы не упустить противника, а в случае его отхода стремиться на его плечах занять переправу у Большого Обзира.

1-му Читинскому полку с наступлением темноты 3 сотнями с 2 пулеметами занять участок позиции между дорогами на Трояновку... все время проводить поиски, дабы не дать ему (противнику. — *Н.С.*) скрытно уйти. Три сотни иметь в полковом резерве за правым флангом...

2-му Верхнеудинскому полку 3 сотнями и 2 пулеметами занять опушку леса влево от 1-го Читинского полка, иметь наблюдение за левым флангом, производить ночью поиски и, в случае отступления противника, непрерывно его преследовать. Три сотни иметь в резерве за левым флангом.

1-му Верхнеудинскому полку и Кубанскому дивизиону по сотне иметь в резерве начальника дивизии в лесу...»

Утром разъезды доложили, что противник оставил Трояновку. 1-й Читинский полк получил задачу занять д. Бережницу, а две сотни отправить для занятия переправы у д. Смоляры. В 9 часов утра 1-я и 2-я сотни вошли в д. Бережницу и убыли для захвата моста у д. Заревое. 3-я и 5-я сотни с одним пулеметом под командованием есаула Нацвалова были направлены к переправе у д. Смоляры. В д. Бережницы полку после захвата моста и переправы ставилась задача на оборону этого участка реки Стоход, названной так потому, что имела много рукавов и притоков. Сотни есаула Нацвалова, захватив по дороге несколько пленных, вышли к переправе у д. Смоляры. Один мост у урочища Замостье-Смоляры был сожжен противником, второй, южнее его, был цел, но подготовлен к поджогу. Перед мостом находилось до роты противника с 2 пулеметами на укрепленной позиции, имеющей заграждения в 4 ряда. По мосту еще отходили одиночные солдаты и группы противника, выходящие из леса. В самой д. Смоляры на противоположном берегу — большое скопление войск, орудий и повозок. Попытка есаула Нацвалова выбить противника с позиции успеха не имела. Тяжелая немецкая артиллерия открыла по казачьей цепи и тылу сильный огонь.

Потеряв около 10 казаков и столько же лошадей, сотни отошли, оставив у переправы наблюдение. Подъесаул Шароглазов и прапорщик Почекунин с полусотней 2-й сотни попытались переправиться на другой берег реки у д. Заречье. Обстреливаемые разрывными пулями, перебежками по болоту возле моста дошли до гати и вышли на противоположный берег. Около 40 австрийских солдат пытались их атаковать, но были остановлены огнем винтовок казаков. В конечном итоге полусотня отошла на свой берег. Взвод 3-й Забайкальской батареи обстрелял мост и подступы к нему шрапнелью.

Прапорщик Скуратов под сильнейшим огнем пробрался по остаткам соседнего моста на берег, занятый противником и установил, что перед мостом имеются готовые окопы и проволочные заграждения в 4 ряда. К вечеру окопы заняли до 2 батальонов немецких солдат. Удалось также обнаружить 3 немецкие батареи и подходящие к д. Смоляры резервы противника. Подъесаул Нацвалов отправил начальнику дивизии донесение, в котором доложил обстановку в районе переправ. Оно доставлялось очень долго, и только к 19.30 начальник дивизии смог с ним ознакомиться. Приказание есаулу Нацвалову о захвате моста энергичными действиями от-

правлено было в 20.30, а получил он его — в 22.55. В нем начальник дивизии требовал скорее выбить противника перед мостом, а начальник штаба сделал приписку: «Командир дивизии ожидает от Вас скорейшего донесения о Ваших действиях и, по-видимому, недоволен, что действия есаула Нацвалова были малоэнергичными, и рота противника не выбита с этого берега. Есть основания предполагать, что противник уходит и тогда пропустить его отход будет крайне обидно».

Командир полка, наоборот, считал действия есаула Нацвалова решительными и весьма умелыми. Немцы и австрийцы уходить не собирались. Они подтягивали резервы, укрепляли свои позиции и всячески препятствовали переправе русских войск через Стоход.

С наступлением темноты 3-ю и 5-ю сотни с пулеметами подъесаула Эпова сменили 2-я и 4-я сотни и пулеметная команда хорунжего Воронова. Командовал ими войсковой старшина Лоншаков.

В этот день особенно активно действовала немецкая авиация. Свой первый бомбовый удар она нанесла по 1-му Верхнеудинскому полку. После отхода противника полк, выслав 2-ю сотню в разведку, пошел рысью, чтобы как можно быстрее выйти к реке и на плечах противника форсировать ее. Пройдя д. Трояновку и углубившись в лес, полк замедлил свое движение, и в это время 5 немецких самолетов атаковали его пулеметным огнем и сбросили 20 бомб. Казаки уже были научены, как бороться с авиацией противника, поэтому, завидев самолеты, они дружно открывали огонь из винтовок и пулеметов, не давая летчикам вести прицельное бомбометание.

Так случилось и в этот раз. Встреченные огнем с земли, самолеты кое-как обстреляли казаков из пулеметов и сбросили бомбы. Пулеметным огнем прапорщик Подойницын подбил один из самолетов, который упал за р. Стоход. Другие сразу же улетели. Отразив воздушную атаку, полк продолжил движение и в 9 часов 10 минут прибыл в д. Бережница. Разъезд доложил, что мост сожжен. 2-я сотня, чьи разъезды действовали на р. Стоход, была обстреляна тяжелой артиллерией противника в деревне, а 3-я сотня — по дороге в Заречье. Несколько казаков получили ранения и контузии, из них казаки Иван Тараканов ский во 2-й сотне и Петр Мигунов — в 3-й остались в строю.

Интересно, что забайкальские казаки на войне, если получали ранение, которое можно было вылечить в полку, старались не эвакуироваться. Главной причиной было, конечно, их личное мужество, но были и другие, немаловажные причины этого: во-первых, согласно установленным правилам, в Русской армии получивший ранение и оставшийся в строю представлялся к награде; во-вторых, казаки были более привязаны к своим полкам, чем пехотинцы, и не хотели уходить от привычной для них обстановки. Полк для казака был домом родным. К нему он приписывался практически на всю жизнь, в нем служили его родственники,

друзья и знакомые по станице или поселку, здесь он был на виду и мог всегда ожидать помощи и поддержки товарищей. Поэтому в зависимости от тяжести ранения казак всегда стремился не отрываться от полка и лечение проходил амбулаторно, делая перевязки в полковом лазарете.

Переждав обстрел, сотни продолжали выполнение поставленной задачи. Разъезды хорунжего Стрельникова, прапорщиков Кузнецова, Бурдуковского перебрались за первый рукав Стохода и обстреляли обоз противника у местечка Стобыхва. Войсковой старшина Комаровский и адъютант полка сотник Попов выехали на рекогносцировку переправ через реку. Горевший мост Комаровский приказал потушить находившемуся рядом с ним разъезду 1-го Читинского полка и вызванной из полка команде связи.

В 12 часов дня по приказу командира дивизии полк занял отведенный участок. В боевую линию стали 1-я сотня кубанцев и 2-я, 3-я сотни верхнеудинцев, а 2-я кубанская и 4-я, 6-я сотни верхнеудинцев составили резерв и расположились в лесу.

Ночью противник освещал реку прожекторами. 2-я сотня дважды пресекла попытку немецких разведчиков поджечь потушенный днем мост.

Второй бомбовый удар немецкая авиация нанесла по 2-му Верхнеудинскому полку, когда он скученной походной колонной после атаки проходил д. Трояновку. 6 немецких самолетов сначала обстреляли колонну из пулеметов и сбросили 4 бомбы. Одна из них упала на дорогу в середине колонны полка между 1-й и 6-й сотнями. В 1-й сотне были контужены есаул Беломестнов и хорунжий Жеребцов, обе их лошади оказались тяжело раненными. Пулеметным огнем с самолетов в этой сотне ранено 2 казака и убита 1 лошадь. В 6-й сотне убито 2 лошади, 2 казака ранено. Казаки быстро рассыпались по дворам и открыли по самолетам сильный огонь, одно орудие 3-й батареи обстреляло их шрапнелью. На второй заход пилоты противника не решились. Казаки 5-й сотни, действующей впереди полка, стали свидетелями того, как отважный русский летчик пытался помешать этим самолетам бомбить полк, но был сбит в неравном бою. Казаки нашли раненого героя и доставили его на перевязочный пункт.

Отразив удар самолетов, полк переменным аллюром двинулся на д. Бережницы и сосредоточился, не доходя до нее, в лесу.

Наступление войск Юго-Западного фронта в конце июня сильно осложнило положение австрийских войск. Их командование уже не рассчитывало, что удастся остановить русских, если они форсируют Стоход и атакуют австро-венгерские позиции на противоположном берегу. В срочном порядке на усиление австрийских войск стали прибывать более боеспособные немецкие части. Попытки русских дивизий и полков с ходу, на плечах отступающих частей противника форсировать реку успеха не имели. Заблаговременно уничтоженные мосты и контратаки австро-гер-

манских войск не позволили русским переправиться на западный берег реки без сильной артиллерийской поддержки и сосредоточения свежих резервов.

26 июня в 3 часа ночи на участке дивизиона войскового старшины Лоншакова 1-го Читинского полка казачьим дозором было замечено движение на уцелевшем мосту, а затем появилось пламя пожара. Стало ясно, что немцы подожгли мост. Пулеметы хорунжего Воронова немедленно открыли огонь по мечущимся на мосту фигурам немецких солдат, а прапорщик Лысковский с 25 спешенными казаками пробрался к мосту. Часть казаков стала растаскивать рогатки с колючей проволокой, загораживающие проход на мост, а остальные прикрывали их огнем из винтовок. Противник стал отходить. Полусотня бросилась на мост для его преследования и тушения горящих деревянных конструкций. Когда казаки прошли три четверти длины моста, а приказные Колобов и Андрей Коренев дошли до проволочного заграждения на берегу, противник открыл ураганный огонь. Казаки прыгнули с моста в реку и перешли ее вброд. Прапорщик Лысковский, оказавшийся между немецкими окопами и мостом на нашем берегу, был атакован двумя немецкими пехотинцами, бросившимися на него со штыками наперевес. Лысковский, отбиваясь от них шашкой, попытался перепрыгнуть через проволочное заграждение, но, зацепившись за проволоку, упал между 3-м и 4-м рядами кольев. Немцы старались захватить его в плен. Казаки Андрей Самойлов и Архип Белоголов бросились ему на помощь, зарубили немцев и вынесли раненого офицера к своим.

Немцы предприняли несколько попыток сжечь мост, но казаки огнем пулеметов и винтовок не допустили этого.

В 8 часов вечера подошли роты 400-го пехотного Хортицкого полка и сменили казаков.

На участке 1-го Верхнеудинского полка казаков сменили 11-я и 12-я роты 311-го пехотного Кременецкого полка. Полк отошел и стал биваком в лесу северо-западнее деревни Трояновка, в которой осталось всего 8 семей крестьян. Остальные, напуганные австрийцами, что придут казаки и всех зарубят, бежали при отступлении противника. Позже на бивак подошли сотни Кубанского дивизиона. Потом полк переместился в лес юго-восточнее д. Набруска. Сюда же подошел 2-й Верхнеудинский полк. Конно-саперные команды полков и дивизии приступили к наведению моста через Стоход.

В 18 часов несколько самолетов противника совершили налет на бивак двух полков. Взрывом бомбы был тяжело ранен казак 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка Григорий Матафонов. Полки отошли на 2—3 версты назад и замаскировались в лесу. Казаки набирались опыта маскировки. Авиация противника охотилась за конницей и в случае ее обнаружения немедленно наносила бомбовые удары.

1-я Забайкальская казачья дивизия вышла из подчинения командира 4-го кавалерийского корпуса и вместе с 16-й кавалерийской дивизией составила особый конный отряд под начальством командира 16-й кавалерийской дивизии генерал-лейтенанта Володченко.

С начала преследования противника казаки только два раза питались горячей пищей. Первый раз походные кухни подошли к казакам в ночь с 24 на 25 июня, второй раз — вечером 25-го в мест. Черск, где сосредотачивалась дивизия. В этой деревне оставшиеся местные жители рассказали казакам, что среди австрийских солдат было много российских подданных польского происхождения, перешедших в армию противника добровольно или сдавшихся в плен. Они именовали себя легионерами и думали, что за предательство России немцы позволят иметь им свое самостоятельное государство. Они так и отвечали жителям: «Желаем свое королевство иметь». Донские казаки из 2-й сводно-казачьей дивизии в д. Нова Руда расстреляли польских легионеров как предателей, потому что они сначала служили в Русской армии, а потом перебежали к противнику и были захвачены в плен в бою. Немецкий порядок поляки сполна испытают на себе позже.

Сдав пехоте свои позиции и уйдя в тыл, первый раз за 60—72 часа, прошедших после ввода в бой 1-й Забайкальской дивизии, казаки расседлали лошадей.

В неудаче по форсированию реки Стоход некоторые начальники обвиняли казаков за их якобы низкие темпы преследования. Как довод приводился тот факт, что препятствий для быстрого выхода к переправам не было, так как сильно укрепленными были первая и вторая позиции, прорванные пехотой, а после них на 35—40 верст, вплоть до р. Стоход, укрепления отсутствовали. Действительно, просчеты в использовании кавалерии при преследовании имелись, но в этом вина больше тех начальников, которые командовали ею. Казачьи полки теряли много времени при захвате деревень, занятых арьергардами противника, вместо того чтобы обходить их и стремительно продвигаться к переправам. Вместе с тем нельзя было оставлять у себя в тылу сильные части противника, никем не блокированные и не окруженные. Если бы за казаками двигались свежие резервы пехоты, выполняющие эти задачи, то казаки не задерживались бы у населенных пунктов, таких, например, как Трояновка, а еще к вечеру 24 июня вышли бы к Стоходу. Такой выход заставил бы австрийцев бросить свою артиллерию, обозы и не позволил бы им уничтожить мосты у д. Заречье и Смоляры. Быстрый захват переправ на Стоходе отрезал пути отступления 3-му, 6-му, 12-му и 19-му австро-венгерским ландштурмовым полкам и польскому легиону, а также создавал все условия казакам для прорыва на их плечах за Стоход. Жители Трояновки и Черска рассказывали, что 24 июня у австрийцев началась паника, когда они узнали

о приближении забайкальцев. Поднялся невообразимый шум и беспорядок: все только и повторяли растерянно одно слово — «казак».

Все, что было в наличии из сил и средств, убыло на позиции восточнее Трояновки. Противнику удалось собрать и выставить против казаков 700 солдат с пулеметами и артиллерией и, кроме того, иметь сильный резерв для контратаки. С ними вели борьбу 3 сотни 2-го Верхнеудинского и подошедшие позже 4 сотни 1-го Читинского полка. В каждой сотне в цепи находилось в среднем по 40—50 казаков, т.е. всего 300—350 человек с учетом пулеметных команд и артиллерии. Например, во 2-м Верхнеудинском полку на 23 июня в сотнях, наступавших на Трояновку, числилось по списку: в 1-й сотне — 115 человек, во 2-й — 125 человек, в 3-й — 115 человек. В пешей атаке участвовало чуть больше половины их состава, остальные оставались с лошадьми, с обозом и прикрывали разъездами фланги. Такими силами атаковать сильно укрепленную деревню было невозможно. Ради объективности следует отметить, что задержка забайкальских казаков у Трояновки произошла также по вине командира 2-го Верхнеудинского полка, принявшего решение атаковать на следующий день противника 3 сотнями и в пешем порядке. Сотни прошли в цепи, не встречая сопротивления, три версты и только после этого обнаружили, что деревня пуста. Преследование, начатое за этим 1-м Читинским и 1-м Верхнеудинским полками, запоздало. Противник успел беспрепятственно отойти, сжечь мосты, вывезти артиллерию, большую часть имущества и закрепиться на противоположном берегу Стохода. Но даже и эта ошибка не имеющего опыта боевых действий полковника Беляева не могла уменьшить заслуг забайкальских казаков.

Не достигли своей цели 16-я кавалерийская дивизия и 2-я сводноказачья, которые тоже были связаны боем с арьергардами противника и не смогли на плечах отступающих захватить переправы и форсировать Стоход. Например, соседняя с 1-й Забайкальской 16-я кавалерийская дивизия, атаковавшая противника на высотах у д. Волчецк, имела огромный успех, захватив три тяжелых и пять полевых орудий, много пленных, но понесла при этом сама большие потери. Связаны они были с тем, что полки ее, преследуя противника, нарвались на проволочные заграждения впереди укрепленной позиции, рубили их шашками и по одному проскакивали в проделанные проходы. Такие задачи должна была выполнять пехота, которой не было. Только один полк этой дивизии потерял убитыми, ранеными 10 офицеров и 170—180 рядовых кавалеристов, 280 лошадей. Понесли потери и донские казаки 2-й сводной дивизии.

После Русско-японской войны, когда пулеметы прочно вошли в вооружение всех армий, некоторые военные авторитеты сделали вывод, что конница в современной войне не нужна. Офицеры, закончившие Николаевское кавалерийское училище, рассказывали командиру 1-го Читинского полка полковнику Шильникову, что преподаватель тактики

полковник Егоров с гордостью говорил им, что ему в Академии Генерального штаба поставили 12 баллов (высший) за одну только фразу: «Казачья кавалерия отжила свой век».

Первая мировая война опровергла это мнение. При отсутствии других мобильных частей в то время списывать конницу было еще рано. Она нужна была армии и успешно применялась во всех видах боевых действий. Кроме того, в Русской армии традиционно сложилось тесное взаимодействие пехоты и казачьей кавалерии. Своей лихостью и удалью казаки благотворно влияли на моральное состояние войск. В бою у Оптово 23 июня успех 312-го пехотного Васильковского полка полностью зависел от самоотверженной лихой атаки в конном строю забайкальских казаков 2-й сотни войскового старшины Мациевского. Она имела не столько боевое, сколько моральное значение для уставшей пехоты. Командир сотни по всем уставам мог не вести казаков на сильно укрепленную позицию, не прорванную пехотой и имеющую не разрушенные артиллерией проволочные заграждения. Однако, повинуясь принципам войскового товарищества, казаки пошли в атаку. Вид бесстрашно мчавшейся с гиком, свистом и криками «ура» казачьей лавы вселил в пехоту бодрость и уверенность в победе. Забыв про усталость, она поднялась и прорвала 2-ю позицию противника. Когда 1-я Забайкальская казачья дивизия только появилась на фронте, перед еще не прорванной 2-й позицией у д. Орлиное Гнездо, со всех сторон неслись крики солдат: «Казаки! Кавалерия, вперед!» «Надо было видеть веселые лица солдат, с неописуемой радостью встречавших казаков. Они забывали об усталости, голоде, боли своих ран и считали своим долгом хоть с чем-нибудь обратиться к казакам: с просьбой, напутствием и т.п.», — отметил в «Журнале военных действий» полковой адъютант 1-го Читинского полка подъесаул Семенов.

Благодаря только действиям конницы, и прежде всего казачьей, в тылу у противника началась паника от страха перед казаками. В почти 50-верстной полосе между прорванными укрепленными позициями и р. Стоход, по всему пути отступления армии противника оставались неуничтоженными склады продовольствия, вооружения, боеприпасов, фуража и много другого имущества, целые мосты и неразрушенные дороги, захваченные казаками. На всем протяжении до реки Стоход видны были следы поспешного бегства: валялись шинели и сапоги, головные уборы, оружие и боеприпасы, противогазы, повозки, кухни, экипажи, мягкая мебель. У некоторых пушек и зарядных ящиков, захваченных казаками, были обрублены постромки. Казакам удалось захватить мост через Стоход и не дать уничтожить его, несмотря на все попытки, предпринимаемые немцами.

26 июня Ставка потребовала от правофланговых (3-й и 8-й) армий Юго-Западного фронта форсировать Стоход и овладеть Ковельским рай-

оном. Одновременно выйти в тыл пинской группировке противника и вынудить его отступить.

Западный фронт получил задачу удерживать находящиеся перед ним силы противника энергичными атаками или продолжением операции на Барановическом направлении.

Северному фронту приказано наступать.

В соответствии с задачей 3-й армии, особому конному отряду генерала Володченко было приказано форсировать Стоход в районе селения Большой Обзир и ударить в тыл противнику, обороняющемуся на западном берегу к югу от Стобыхва и до железной дороги. В своем распоряжении от 26 июня командир отряда приказал 1-й Забайкальской дивизии перейти, после смены ее пехотными частями, в район дер. Набруска, где стать скрытно в лесу восточнее по речке Череваха. Этим же приказом для проведения рекогносцировки участка от Большого Обзира до Рудко-Черевице (вкл.) направить 2-й Верхнеудинский полк, временно в командование которым вступил войсковой старшина Лоншаков, заменивший заболевшего полковника Беляева. Полк должен был выслать 3 разведывательные сотни с целью точного установления более удобных подходов к реке, все броды, собрать как можно больше сведений о противнике и определить удобные места для форсирования реки.

Ночью казаки 1-й, 2-й, 3-й разведывательных сотен переходили отдельными местами по горло в воде реку Стоход, отыскивая броды, и проводили разведку на противоположном берегу под обстрелом противника. На следующий день эти же сотни, проинструктированные начальником штаба дивизии подполковником Эвертом, опять убыли на разведку, но отыскать удобные переправы вброд через реку не удалось. Всюду подступы к реке были заболоченными и непроходимыми для конницы. Необходимо было наводить мосты, делать плоты и искать лодки.

На участках пехотных полков разведка также не дала положительных результатов: противник не подпускал казачьи и пехотные поисковые группы к своим укрепленным позициям.

Активизировалась снова немецкая авиация. Ежедневно следовали налеты. 27 июня они нанесли удар по 1-му Читинскому полку, а 28 июня — по 2-му Верхнеудинскому, в котором 2 казака были убиты и 3 ранены, ранено более десятка лошадей.

В 3 часа дня 105-й пехотный Оренбургский и часть 106-го пехотного Уфимского полков переправились на противоположный берег реки Стоход у местечка Боровенские Заходы, севернее мест. Большой Обзир. Попытки расширить плацдарм и переправить им на помощь другие батальоны и полки не удались. Противник мощным огнем артиллерии и контратаками мешал переправе, и в конечном итоге переправившиеся батальоны вынуждены были уйти на свой берег.

Вскоре поступил приказ прекратить активные боевые действия. 1-я Забайкальская дивизия сменила место бивака, перейдя еще на три версты восточное д. Набруска. После ухода дивизии место старого бивака и деревня были обстреляны тяжелой артиллерией. Бои на Стоходе повсеместно затихли.

Русское командование не отказалось от своих планов и подготавливало новое наступление на Ковель. Была создана из гвардии еще одна армия — Особая, под начальством генерала Безобразова. Она должна была атаковать Ковель с юга, а с севера и востока — 3-я армия.

До 15 июня полки 1-й Забайкальской дивизии поочередно несли боевое дежурство на берегу реки Стоход. Еженощно действовали поисковые группы разведчиков, но безрезультатно. Захватить пленного не удавалось.

В тылу, на отдыхе, проводились с казаками и сотенные учения, готовились к действиям в тылу противника. Конно-саперные команды получили приспособления для подрыва железнодорожного полотна. Из казаков дивизии был создан партизанский отряд, в командование которым вступил подъесаул Резухин. Дивизия по-прежнему входила в особый отряд генерала Володченко. Как и в Русско-японскую войну, в полках проводились аукционы, где распродавались вещи и лошади погибших и умерших от ран офицеров. Деньги и наиболее ценные вещи отправлялись семьям погибших.

15 июля возобновилось наступление Юго-Западного фронта, но все атаки на Стоходе после 4 дней боев заглохли. Казаки, приготовившиеся действовать по тылам противника, остались на месте. Несли службу на позициях.

Приказом по 3-й армии за бой под д. Галузия офицеры 1-го Верхнеудинского полка были награждены орденами: сотник Попов — орденом Св. Анны 2-й степени с мечами; есаул Чупров, хорунжие Барахтин и Стрельников — орденами Св. Станислава 2-й степени с мечами; прапорщик Подойницын — орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а прапорщику Бурдуковскому пожалован орден Св. Анны 1-й степени с надписью «За храбрость».

Оборонительные бои на реке Стоход

11 августа 1-я Забайкальская бригада вошла в состав 3-го корпуса генерала Огановского и ушла к д. Войничи, а 23 августа вышла. Вся 1-я Забайкальская дивизия 26 августа поступила в распоряжение командующего 1-й армейским корпусом генерала Гаврилова, бывшего командира прославленной 1-й Забайкальской казачьей батареи, и вошла в гвардей-

ский кавалерийский отряд генерала Гурко. Однако действовать коннице по своему прямому предназначению не пришлось. Казачьи полки были поставлены на позиции и выполняли задачи пехоты.

Бои на Стоходе приняли затяжной характер.

3 сентября, в связи с переходом в наступление 8-й армии, 2-й сотне 1-го Верхнеудинского полка и партизанскому отряду подъесаула Резухина была поставлена задача — произвести усиленную разведку противника и прорваться за его проволочные заграждения. Казаки доходили до заграждений, слышали немецкую речь, но дальше продвинуться не смогли. Противник, осветив их прожекторами и ракетами, открыл сильный артиллерийский огонь. Сотня и партизанский отряд вынуждены были отойти. Только на участке 1-го Верхнеудинского полка, где оборонялась 4-я сотня, ее разведчикам удалось захватить в плен рядового 39-го Ландверного полка бригады 7-го германского корпуса.

Днем противник поднимал аэростат, с которого велось наблюдение и корректировался огонь немецкой артиллерии.

Весь сентябрь казачьи полки, меняя друг друга, находились на позициях. Строили блиндажи, удлиняли ходы сообщения, ставили ночью заграждения, вели разведку противника.

24 сентября за отличия в бою у д. Галузия приказом по 4-му кавалерийскому корпусу казаки 1-го Верхнеудинского полка награждались Георгиевскими крестами и медалями: во 2-й сотне было вручено 8 крестов и 1 медаль; в 3-й сотне — столько же; в 4-й сотне вручено 14 крестов и 1 медаль; 6-я сотня получила 4 креста и 2 медали. В пулеметной команде 1 казак получил Георгиевский крест, а другой — Георгиевскую медаль. Двум казакам присвоили звание младший урядник, а двадцати двум — приказный.

Фронт прочно установился по реке Стоход. Противники укрепляли позиции. Режим боевой работы в 1-й Забайкальской дивизии не менялся. Полки сменяли друг друга на позициях. Ночью добровольцы из казаков уходили в разведку, отражали попытки немецких разведчиков проникнуть в расположение полков. Днем велась артиллерийская и ружейно-пулеметная перестрелка. В тылу после смены отдыхали, приводили себя в порядок, решали различные хозяйственные задачи. Офицеры стали уходить в отпуска — явный признак того, что никаких решительных действий быть уже не могло.

В октябре противник предпринял несколько атак с целью улучшения своего положения.

День 5 октября наиболее запомнился забайкальцам. Им на себе пришлось испытать газовую атаку немцев. В 4 часа 30 минут, как обычно, начался артиллерийский обстрел по участку 1-го Читинского полка и по позициям 212-го пехотного полка. В 5 часов 10 минут секреты двух левофланговых сотен читинцев подали сигнал: «Газовая атака». По тревоге

казаки надели противогазы. Вскоре газовое облако захватило 2 левофланговые сотни 1-го Читинского полка и соседний с ним 212-й пехотный полк. После пуска газов в течение 1,5 часа вела огонь немецкая артиллерия химическими снарядами сначала по пехоте, а потом по левому флангу читинцев, штабу полка и резерву 1-й бригады. В 7 часов утра немецкие цепи перешли в атаку, но были остановлены огнем 1-й и 3-й Забайкальских казачьих батарей, винтовок и пулеметов казаков.

По участку 1-го Верхнеудинского полка и соседнего с ним 210-го пехотного полка газы не применялись, но пострадал штаб верхнеудинцев. В штабе 1-го Верхнеудинского полка пострадали находившиеся там офицеры: полковник Рыбалов, подъесаул Попов, хорунжий Кузнецов и врач Геворкянц; легкое и тяжелое отравление получили 33 казака, из них 13 эвакуировано. На биваке полка пострадали прапорщик Гладких и несколько казаков; отравлено 14 лошадей, из которых 5 погибло.

Наиболее пострадал 1-й Читинский полк, где тяжелое отравление получил прапорщик Макаров и легкое — 18 офицеров и 4 врача. Из 135 пострадавших казаков-читинцев 17 умерло. В 3-й Забайкальской батарее был тяжело отравлен есаул Токмаков и отравления различной степени получили 35 казаков. В конно-саперной команде отравились 4 казака. Кроме того, в 1-м Читинском полку 10 казаков были ранены во время артиллерийского обстрела. Отравление получил и командир 1-й Забайкальской казачьей бригады полковник князь Кекуатов. Все отравленные отправлены в госпиталь.

Несмотря на большие потери от газовой атаки, казаки успешно отразили атаку немцев.

19 октября под обстрел химическими снарядами попал 1-й Верхнеудинский полк. Во второй половине дня он по тревоге был поднят с бивака и убыл для поддержки 1-го Читинского полка, который был атакован противником. По дороге сотни были обнаружены наблюдателем с немецкого аэростата, и по ним открыла огонь немецкая артиллерия, применившая вместе с обычными снарядами химические. Натренированные казаки быстро надели противогазы и вышли из-под обстрела.

С 20 по 31 октября полки 1-й Забайкальской казачьей дивизии попеременно заступали на боевое дежурство в окопах, меняли места расположения биваков. Определенного участка обороны дивизия не имела. Полки становились туда, куда приказывали. 31 октября и по 19 ноября казаки находились в промежутке между 37-м пехотным Екатеринбургским полком (сосед справа) и 40-м пехотным Колыванским полком слева. 1-й Читинский полк, например, занимал позицию от речки Безымянки, впадающей в р. Липа, и до д. Красов (искл.). Его менял 1-й Верхнеудинский полк. Слева оборонялись полки 2-й бригады. Отдыхали полки в районе колонии Ольги и д. Красов Чешский, урочище Воля, д. Лесник, д. Залесцы (2-й Верхнеудинский и 1-й Аргунский полки). Река Липа вброд не-

проходима. Позиции и противника, и казаков проходили по скатам высот, между ними — ручей, впадающий в речку Безымянку. Пойма заболочена. Окопы не обшиты лесом, осыпаются, бруствер, поверх которого можно было стрелять только в немногих местах, разъеден дождями и имел много промоин. На дне окопов — жидкая грязь по колено. Казаки вынуждены были, рискуя жизнью, передвигаться поверх бруствера в 1000—1200 шагах от противника. Не было подвод, чтобы подвезти строительный лес и укрепить стенки окопов, сделать карнизы и козырьки для наблюдателей. При близком разрыве снаряда противника казаки падали на дно окопа в грязь. Просушиться было негде, в блиндажах тоже стояла вода. Дождь, снег, грязь изматывали людей, кони ослабевали от недостатка сена и сырости, стали болеть. Ухудшилось довольствие их фуражным зерном. Положенные по норме 10 фунтов зерна заменялись 3 фунтами сухарей. С 5 по 15 ноября в среднем на лошадь в сутки выдавалось по 5 фунтов зерна и 1,5 фунта сена. По нескольку дней и эта заниженная норма сокращалась вдвое. Казаки недовольно ворчали на интендантов, начальников, загнавших конницу в окопы, но терпеливо выполняли свои обязанности.

18 ноября в местечке Михайловка прибывший на фронт великий князь Георгий Михайлович от имени государя пожаловал забайкальским казакам Георгиевские кресты, из расчета 5 крестов на сотню и 5 крестов на другие команды. В 1-м Читинском полку награждено было 35 казаков, из них I степень получил подхорунжий Иван Варасов. Один казак стал кавалером Георгиевского креста II степени, 10 человек — III и 23 человека — IV степени.

Дивизия сдала свои позиции пехоте и убыла на отдых в район д. Пыстые Ивани и Рудно Почаевскую. Переход в 20—30 верст давался с трудом. К концу ноября лошади сильно ослабли. Перед выступлением в поход полки получили по 20 пудов овса и пуд сена. Командиры сотен вынуждены были закупать овес по высокой цене у местного населения. Так, чтобы вообще не уморить своих лошадей голодом, казаки 1-го Читинского полка в селении Волковыск у чехов-колонистов купили овес по 3 руб. 70 коп. за пуд, что по тем временам было очень дорого. За ноябрь недополучено 5185 пудов зерна, или по 6,6 фунта на лошадь; сена — 2275 пудов, или 3 фунта на лошадь в сутки. Только на 1-й Читинский полк, исходя из нормы 10 фунтов на лошадь зерна и 5 фунтов сена, положено было иметь зерна — 7901 пуд, сена — 3911 пудов. Недоедание у лошадей шло в прогрессирующей форме, начиная с сентября. Казак без лошади — не казак. От состояния конского состава зависела боеготовность конницы, и прежде всего ее маршевые возможности. Во всех полках 1-й Забайкальской дивизии к концу ноября положение с конским составом было таково, что случись выполнять задачу в конном строю, то она не была бы выполнена. В 1-м Читинском полку, например, к 1 де-

кабря имелось 50 строевых лошадей, которые едва могли нести какую-то службу. От местечка Михайловка до Пыстые Ивани при переходе полка пало 3 лошади, и это на 60-верстном пути, тогда как в июле полк делал переход 100—106 верст за 29 часов, а в августе — 150 верст за 60 часов, не имея ни одной павшей или отставшей лошади. Еще хуже состояние лошадей было у донцов и кубанцев, которые тоже страдали от бескормицы и чьи лошади оказались менее устойчивые к таким невзгодам. Кавалерия теряла силы, но командование ничего предпринять не могло.

Солдаты стали в массовом порядке покидать позиции или брататься с немецкими солдатами. Недостатки в обеспечении армии, возникающие при этом трудности отрицательно влияли на моральное состояние частей. Усилилась тяга к миру. Дезертирство стало обычным явлением, постепенно превращаясь в обвал, когда сотни и тысячи солдат, уставших от окопной жизни, развращенных лозунгами о мире, будут уходить с оружием в руках в тыл, пробираясь к себе на родину. Никакие призывы командования уже не оказывали на солдата того влияния, какое было в начале войны. Начальству переставали верить не единицы, а тысячи. В тылу процветала коррупция, все и вся продавалось и покупалось, уплывали на сторону целые склады продовольствия и имущества, а боевые части бедствовали в окопах. Наводнившие армию офицеры военного времени из разных слоев общества упивались значимостью своего чина и вели себя разнузданнее, чем солдаты, разлагаясь вместе с ними. Вчерашний крестьянин, бедствующий студент или просто мещанин, став офицером, потеряв в первом бою свой патриотизм, под любым предлогом стремился в тыл, где легко попадал в руки большевистской пропаганды, увиливал от фронта. Элита офицерского корпуса — дворянство, для которого служба и война являлись делом всей жизни, истребленная в боях 1914 года, растворилась в этой массе прапорщиков, поручиков и подпоручиков, случайно ставших офицерами, и тоже уходила от борьбы за душу солдата, приняв нейтральную позицию. «Золотопогонники» из народа наводнили армию, они же потом составят основу Белого движения, и они же будут истреблять без суда и следствия своих братьев по классу, откуда они вышли. Часть офицерского состава окопалась в тылу, но другая, большая, продолжала сражаться на фронте и проливать кровь, поставив на алтарь победы свою жизнь. Фронтовая часть офицерства с возмущением взирала на тыловых «героев», которых не обделяли ни чинами, ни наградами. «Вообще, сидящих в глубоком тылу в штабе Иркутского и Приамурского округов на спокойных местах, — отметит адъютант 1-го Читинского полка подъесаул Семенов, — за время войны награждены больше, чем находящиеся на войне, несущие более трудную, опасную службу. Примером может служить некто Айвазов, за время войны произведенный в чин, получивший Владимира 4-й степени и Высочайшее благоволение».

Большие потери среди личного состава кадровых частей восполнялись мобилизованными на войну рабочими и крестьянами, с которыми, кроме большевиков, никто не работал. Офицеры, в силу традиций, отдалялись от солдат, а последние платили им недоверием, все более открыто выражая протест против существующих порядков в армии не без помощи большевиков, противопоставляя одних другим. В беседе с М.В. Родзянко командующий 9-й армией генерал М.В. Крымов так охарактеризовал взрывоопасную обстановку, сложившуюся в ноябре 1916 года: «В солдатском составе растет недовольство и недоверие к офицерству вообще и к начальству в частности; таким образом, армия постепенно разлагается, и дисциплине грозит полный упадок. Легко может быть, что при таких условиях армия в течение зимы может просто покинуть окопы и поле сражения».

Необходимость изменения существующего порядка понимали и боевые офицеры, уставшие от несогласованности в верхах и стремления главнокомандующих фронтами, армиями и корпусами решать больше свои местные задачи, чем думать об общем деле победы над врагом. Ставка же вместо решительного управления войсками занималась соглашательством, уговорами и компромиссами. Так было во время Брусиловского прорыва, когда два главнокомандующих фронтами — Эверт и Куропаткин — сорвали удачно задуманную, организованную и проводимую операцию на Юго-Западном фронте. Дуэт в лице Николая II, являвшегося Верховным главнокомандующим Российской армии, и его начальника штаба М.В. Алексеева, оказался безголосым. По словам А.И. Деникина, «...государь не имел достаточно властности, твердости и силы характера, и генерал Алексеев, по тем же причинам, не умел "повелевать именем царя"». В итоге многим хорошим планам не дано было осуществиться.

Характеризуя отношение армии к своему Верховному главнокомандованию и ближайшему начальству, сын М.В. Родзянко, офицер-фронтовик, в беседе с отцом выразил это такими словами: «Ставке никто не доверяет, так же, как и ближайшему начальству. Все это может кончиться озлоблением и развалом. Они (генералы) во время боев в большинстве случаев сидят в безопасных местах, на линии огня редко кто из них показывается, а умираем мы. У нас и солдаты, и офицеры одинаково думают, что если порядок не изменится, — мы не победим».

Об «изменении порядка» самодержавие не хотело думать, зато думала об этом демократическая оппозиция и левые силы. Негодование у офицеров-фронтовиков вызывали также их собратья из числа низшего и среднего командного состава, под любым предлогом избегавшие отправки на фронт. О таких офицерах рассказывал своим товарищам зауряд-прапорщик Макаров, наблюдавший жизнь Белостокского лазарета в Москве, где он и подъесаул Токмаков лечились после от-

равления удушающими газами 5 октября 1916 года. «Много офицеров, — по его словам, — которые цинично называют себя кадровыми, принимают все меры, чтобы больше лежать в лазарете, например, выдумывают себе разные операции каких-нибудь застарелых опухолей и лежат многие месяцы. Многие из них буквально не имеют шаровар; в лазарете постоянная картежная игра, иногда в них не ночуют, бывают частые ссоры и даже более, к стыду нашему, случаются кражи среди офицеров. Более добросовестные офицеры уезжают на фронт, не выдержав такой обстановки, не долечившись». Офицеры-забайкальцы: зауряд-прапорщик Макаров, младший офицер 1-го Читинского полка и артиллерист подъесаул Токмаков, чье лечение в лазарете заключалось в совете «дышать свежим воздухом и отдыхать», — потребовали выписать их и отправить в свой полк, поразив этим администрацию лазарета и эвакуационного пункта. К счастью, таких офицеров в Русской армии было большинство, на них она держалась в предпоследний год своего более чем 200-летнего существования.

К концу декабря 1916 года задача 1-й Забайкальской казачьей дивизии не изменилась, она по-прежнему находилась на позициях по реке Стырь. Два полка ее, как правило, несли боевое дежурство в окопах, а два других отдыхали.

Оборона полков делилась на сотенные участки. В первой линии их было четыре. Так, например, 1-й Читинский полк, сменив 8-й стрелковый Туркестанский полк в районе д. Лясове, перекресток дорог д. Лясове-Витковичи, д. Болдуры, имел фронт позиции 2480 шагов, при этом 2-я сотня занимала по фронту — 620 шагов (участок № 5), 3-я сотня — 660 шагов (участок № 6), 4-я сотня — 700 шагов (участок № 7), 5-я сотня — 500 шагов (участок № 8). На каждом участке находилось от 55 до 60 казаков. До первой линии окопов противника было 1600 шагов, а кое-где и 900—1000 шагов. Суточный расход патронов в перестрелках составлял от 230 до свыше 2 тысяч штук. Впереди, в 200 шагах, проходили проволочные заграждения, за ними — окопы для полевых караулов. От первой линии окопов до р. Стырь было 300 шагов. Противник днем вел редкий артиллерийский огонь, поднимал аэростат, с которого просматривал далеко в глубину весь передний край. Вторая линия окопов обычно не занималась. В случае необходимости туда выдвигались сотни (сотня), находящиеся в резерве полка.

После смены полк уходил в мест. Сестратин, где казаки располагались по хатам. Во время смены пехоты, когда полк только прибыл в этот район и мест, свободных для жилья, не оказалось, несколько офицеров полка попросились переночевать в одной из хат, которую занимал полковой священник, но святой отец не пустил их, хотя жил один. Факт, показывающий, какую силу имело лицо духовного звания в казачьем полку, красноречив сам по себе. Забайкальские казаки были послушной па-

ством. На войне полковой священник исполнял свои обычные служебные обязанности и, находясь поближе к обозу, не бедствовал.

Большинство казаков, прибывших на пополнение из 2-й Запасной сотни в г. Аткарске, никогда не служили в полках, к которым они были приписаны. В тот же 1-й Читинский полк поступило 106 казаков и урядников с лошадьми и 109 без лошадей, из них 93 казака, призыва 1916 года, ранее никогда в полку не служили. Все они прошли курс 6-недельной подготовки.

С окончанием дождей и улучшением условий подвоза снабжение забайкальских полков фуражом наладилось. Лошади быстро набрали вес.

Из казаков, не имевших лошадей, в дивизии сформировали стрелковый дивизион 3-сотенного состава. Командиром его был назначен войсковой старшина Марциевский.

Таким образом, на русском Западном фронте забайкальские казаки заканчивали свой второй год войны в относительно спокойной обстановке и на пороге очередной русской революции.

Забайкальские казаки на Кавказском фронте в 1916 году

Весной для содействия кавалерийскому экспедиционному корпусу, продвигавшемуся на Керманшах-Багдадском направлении, русское командование предприняло силами Ван-Азербайджанского отряда наступление на Мосул. Город занимал важное стратегическое положение. К нему немецкие строители в срочном порядке вели от Багдада железную дорогу, позволившую бы своевременно перебрасывать резервы вдоль фронта или с тех мест, где боевые действия приостановлены. К Мосулу сходились удобные для передвижения войск дороги от Битлиса и Ревандуза. Турки оберегали это направление, понимая его значение, и стремились вытеснить русских из Урмийского района, чтобы перекрыть все лучшие пути, выводящие на Мосул.

3-я Забайкальская бригада, усиленная пехотными частями, конно-горной артиллерией, в начале апреля выступила к реке Большой Заб с последующим выдвижением на Мосул.

В ходе наступления 2-й Аргунский полк был выслан против курдов к Орамару. Это была большая ошибка командования, так как надобности в этом не было, а вред причинен большой и в плане выполнения поставленной задачи, и в боеспособности всей бригады. Орамар находился в стороне от действий отряда, на расстоянии 5 дней пути от маршрута движения главных сил. Успеха этот поход аргунцев не принес. Как только казаки подходили к селениям курдов или их позициям, они после незначитель-

ной перестрелки рассеивались в горах, чтобы потом собраться вновь и встать на пути или в тылу полка. Преследуя противника, аргунцы углубились далеко в горы и оказались отрезанными от главных сил непроходимыми хребтами в районе полного бездорожья. Двигаясь по тропам и по плохим дорогам в узких ущельях, полк потерял много времени в ничего не дающих перестрелках, но, самое главное, лишился почти 30 % своего конского состава и вышел из строя надолго как самостоятельная конная часть.

К концу мая отряд растянулся от г. Нери до г. Ризана, охраняя свой тыл и пути сообщения на протяжении 90 верст. Казачьи полки таяли, высылая против действующих в тылу курдских отрядов полусотни и сотни. Вместо того чтобы беречь конницу для выполнения главной задачи — «произвести конный набег на Мосул...», ее распыляли. К этому времени из 12 сотен осталось 3 сотни 3-го Верхнеудинского полка, т.е. 25 % всей конницы, выступившей в поход.

Не соответствовало свойствам местности распределение сил и средств в боевых элементах отряда: в горах вперед была двинута конница, совершенно выбившаяся из сил, прежде чем приступила к выполнению своей главной задачи. Если бы впереди конницы шла пехота и вела боевые действия с противником, то казачьи полки, сохранившие своих коней, смогли бы успешно действовать в набеге. Конницу нельзя было использовать до выхода к реке Большой Заб, а ввести ее массированно там, где позволяла местность, т.е. на равнинной местности в районе Акры и Амадии. Конная масса в 1000 шашек при поддержке пулеметов и конно-горной артиллерии могла успешно и в короткое время выполнить поставленную задачу.

Не соответствовал действительности расчет времени и длины маршрута, проведенный перед началом операции и основанный на агентурных данных, доставляемых так называемыми мирными курдами. Доверчивое отношение к этим сведениям и привело к тому, что при распределении сил и средств, расчетах допущены были грубейшие ошибки, отрицательно сказавшиеся на ходе операции. Например, до Орамара считали необходимым затратить на движение 8,5 часа, а оказалось — 5 дней. Решение второстепенной задачи, такой, как нейтрализация действий курдов в районе Орамара, в ущерб главной повлекло разброс сил, что в условиях горной местности опаснее всего. Противник, хорошо знающий местность, особенно скрытые подходы к растянутым на десятки верст войскам, мог беспрепятственно нападать на ту или иную часть отряда.

Район Орамара представлял собой сильно пересеченную местность с непроходимыми горами, узкими ущельями. Достаточно было выставить небольшие заслоны из пехотных подразделений, чтобы пресечь всякую возможность выхода их на коммуникации отряда. Это позволило бы сэкономить силы и лучше обеспечить выполнение главной задачи.

С окончания Русско-японской войны к тому времени прошло 11 лет, имелся огромный обобщенный материал опыта действий конницы в горных районах Маньчжурии, написаны десятки научно обоснованных статей в военных журналах России и за границей о применении кавалерии в горах, но это нисколько не оказало влияния на принятие решения в период проведения Мосульской операции командованием 3-й Забайкальской казачьей бригады.

Не продуман и неудачно выбран был маршрут движения отряда. Предпочтение отдали кружному, более открытому и удаленному от соседнего отряда, выполнявшего такую же задачу, пути. Вместо того чтобы двигаться по долинам рек Рудбар и Хаджи как самому короткому маршруту, пошли по долине реки Рудбар Беглерди, т.е. более длинному, хотя условия проходимости перечисленных долин почти ничем не отличались друг от друга. В результате растянутая от Бенарве до Ризана бригада со средствами усиления и пехотными частями утратила свою ударную силу. Для ведения разведки в горы направлялись мелкие конные казачьи разъезды вместо сильных разведывательных отрядов, способных более успешно действовать на труднодоступной местности, чем конница, и в случае необходимости оказать серьезное сопротивление отрядам прикрытия противника.

Не учли особенности организации связи в горах между отдельными колоннами, из-за чего связь между ними отсутствовала, а имеющиеся в отряде радиостанции оказались бесполезными по причине незнания их технических свойств. Достаточно было уменьшить количество колонн, чтобы каждая из них имела свою радиостанцию, определить время выхода на связь и использовать для этого командные высоты, чтобы войска были управляемы. Отпала бы необходимость привлекать для передачи распоряжений казаков.

Не оправдались надежды на наличие местных запасов продовольствия и фуража. 2-й Аргунский полк был отправлен на Орамар без всяких запасов, в расчете на то, что все найдет в курдских селениях. Если при набеге отряда генерала Мищенко в Русско-японскую войну на Инкоу отягощение его излишними запасами при действии в районе с богатыми местными ресурсами сыграло свою отрицательную роль, то такой же набег без запасов, но на бедной ресурсами местности также не способствовал успеху. В бедных курдских горных селениях, переживших суровую зиму, ни продовольствия, ни фуража не оказалось. Казачьи кони, и так не доедавшие в течение всей зимы, быстро выбивались из сил и выходили из строя.

В итоге 3-й Забайкальской бригаде выполнить поставленную задачу не удалось. Другие отряды 2-го Кавказского отдельного кавалерийского корпуса (Ван-Азербайджанского отряда) также не смогли пробиться к Мосулу. Выбив с началом общего наступления турецкие части и курдс-

кие отряды из района г. Ревандуз, они, в течение полумесяца ведя подвижную оборону и увлекая за собой атаковавшую их 4-ю турецкую дивизию, отошли к Хане. 9 августа у Хане русские войска нанесли поражение частям этой дивизии, 11-й пехотный полк (50 офицеров, 1600 солдат) которой и остатки 10-го пехотного полка были взяты в плен. Остальные части, преследуемые казаками, отошли к Раяту и перешли к обороне.

Из 54 казачьих сотен, входивших в состав 2-го Кавказского отдельного кавалерийского корпуса, 24 были забайкальские.

Быстро наступившая зима, огромные потери турок и сильная усталость русских войск, ухудшение снабжения Кавказской армии продовольствием и фуражом приостановили боевые действия до весны 1917 года. Осенью 1916 года была спланирована повторная операция на Мосульском направлении, которую было решено провести летом 1917 года.

1916 год закончился. Он стал переломным в Первой мировой войне. Несмотря на все трудности, Русская армия доказала, что она способна победить. Поражение Германии и ее союзников уже ни у кого не вызывало сомнения. Спасти ее могло только чудо. Этим чудом германские политики и военачальники считали назревавшую в России революцию.

Глава VI

ЛИКВИДАЦИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ

1. Забайкальские казаки в период буржуазно-демократической революции 1917 года

К началу 1917 года Русская армия находилась в окопах позиционной обороны. Активные действия прекратились на всех фронтах. Армии воюющих сторон зарылись в землю, окружив себя рядами колючей проволоки, вели артиллерийскую и ружейную перестрелку. Полки 1-й Забайкальской казачьей дивизии, как и пехота, занимали участки обороны, сменяя друг друга каждые трое суток. Например, 1-й Верхнеудинский полк, сменив аргунцев, встретил 1 января 1917 года в окопах на участке от реки Слонувка до южной окраины деревни Лясово, перед рекой Стырь. За ней — немецкие окопы, обнесенные двумя полосами колючей проволоки. Пойма реки заболочена. Казаки ходили кое-где по колено в воде, мерзли, лошадям не хватало корма.

Справа от полка занимал оборону партизанский казачий отряд 1-й Забайкальской дивизии, а правее его — части 13-й кавалерийской дивизии, слева от полка находился на позициях 1-й Читинский полк.

Дня не проходило без артобстрела и ружейной перестрелки с расходом патронов по 1000 штук и более в сутки на полк.

3 января 1-ю Забайкальскую бригаду переместили на другой участок, занимаемый до этого Орденским полком, а свой сдали гусарскому Нарвскому полку. Слева от казаков оборонялся 7-й финляндский полк 2-й Финляндской дивизии.

Полученное от интендантства сено оказалось гнилым, вследствие чего появилось массовое заболевание лошадей. Казаки, и так недовольные, что их превратили в пехоту, волновались за своих коней.

На позициях жили в землянках, с трудом отыскивая дрова, чтобы вскипятить воду для чая, страдали от холода, не доставало хлеба, от постоянной сырости обувь раскисала и выходила из строя, не было теплого белья. К утру 7 января выпал глубокий снег. Привыкшие ко всему казаки-забайкальцы стойко переносили эти тяготы, оставаясь верными своему солдатскому долгу, в то время как армию захлестнула волна дезертирства, которое к началу 1917 года приняло угрожающие размеры. С позиций уходили пехотинцы поодиночке и группами, а всего их насчитывалось до полутора миллиона человек. Находившиеся в таких же трудных условиях зимы забайкальцы не имели ни одного дезертира, и этим Забайкальское войско могло по праву гордиться.

7 января участок обороны 1-й Забайкальской бригады был сдан 2-й Забайкальской бригаде полковника Казачихина, а сменные части ушли в тыл на отдых в деревни Дубины и Тарновку. Полки принимали пополнение из запасных сотен, возвращались казаки из отпусков и после излечения в госпиталях.

Как и в Русско-японскую войну, снабжение казачьих частей было налажено плохо. Всего не хватало, а на тыловых базах склады ломились от материальных средств, которые расхищались, пропадали. До боевых частей на позиции доходили крохи. Ощущался по-прежнему недостаток в снарядах и патронах.

С 7 по 17 января 2-я Забайкальская бригада, сменяемая периодически на отдых пехотными или кавалерийскими частями, находилась на позициях, совершенствовала оборону и была в постоянной готовности к отражению газовых атак немцев.

17 января 1-я Забайкальская бригада в составе: 1-го Верхнеудинского, 1-го Читинского полков, партизанского отряда и стрелкового казачьего дивизиона — выступила к городу Тарнополь. В течение нескольких дней в сильный мороз и метель на истощенных конях казаки совершили марш в указанный район, куда прибыли 20 января, имея много заболевших и обмороженных.

В разоренных деревнях не было соломы, дров, сена. От болезней и ран казаки умирали.

3 февраля 1-я Забайкальская бригада в метель выступила в Старый Збарож, куда после смены с позиций прибыла и 2-я Забайкальская бригада.

Казачьи полки расположились в деревнях вокруг Збарожа. К этому времени положение в стране резко осложнилось. Огромные людские потери на фронте, когда русские солдаты под ураганным огнем немецкой артиллерии вынуждены были штыком отбивать атаки противника, без поддержки своей артиллерии, озлобили солдат. Упала дисциплина, часты стали случаи неповиновения начальникам, угрозы им. Материальное истощение страны вызывало все большее недовольство войной,

нарастало революционное настроение народа. Большевистские лозунги, призывающие к прекращению войны и требующие повернуть оружие против существующей власти, находили поддержку в солдатской массе. Угроза порабощения русского народа Германией большевиков волновала меньше, чем борьба за власть. Агитаторы их проникали на фронт, наводнившие окопы листовки, газеты, прокламации призывали к прекращению войны, расправе над офицерами, поощряли дезертирство. Все делалось для развала фронта. Распространялись слухи о предательстве царицы и некоторых генералов, о казнокрадстве в тылу, тяжелом положении в городах и деревнях России. Нарастал народный гнев. Самодержавие агонизировало. Приближался социальный взрыв, в детонации которого одну из главных ролей сыграли большевики во главе с Лениным.

Отречение от престола Николая II и первые шаги демократии

Утром 3 марта в казачьи части поступила телеграмма из штаба армии об отречении от престола Николая II и передаче наследия Михаилу Александровичу, а также о вспыхнувшей в Петрограде революции. Кроме того, в ней сообщалось о переходе власти к Государственной Думе и что ожидается опубликование важных государственных актов.

Оторванные от основных революционных событий казаки были ошеломлены этим известием. Всю жизнь служили царю, и вдруг он отрекся от престола. Они не знали, что первые массовые беспорядки в Петрограде начались 23 февраля, когда толпы людей вышли на улицы, а ораторы на многочисленных митингах призывали сбросить ненавистную власть. 26 февраля возникли столкновения с полицией, применившей пулеметы для разгона демонстрантов. Народное движение приняло грандиозные размеры. 27 февраля на сторону восставших перешли запасные батальоны Литовского, Волынского, Преображенского и саперного гвардейских полков, именно те батальоны, которые находились в тылу и были разложены большевистской агитацией. Гвардейские полки в то время находились на Юго-Западном фронте. Солдаты вышли на улицы, влились в ряды демонстрантов, способствовали захвату арсеналов, Петропавловской крепости и тюрьмы, народ вооружился. Находившиеся в Петрограде офицеры гарнизона и прибывшие с фронта обезоруживались, на них нападали и избивали, иногда убивали.

2 марта Временный комитет членов Государственной Думы объявил о создании Временного правительства, которое вступило в переговоры с Советом рабочих депутатов и издало декларацию. В ней отмечалось: пол-

ная и немедленная амнистия по всем политическим делам, свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек... отмена всех сословных и других ограничений, немедленная подготовка к созыву Учредительного собрания, которое установит форму правления, конституцию страны и т.д.

Накануне, т.е. 1 марта, при согласии Временного правительства Советом рабочих и солдатских депутатов был отдан приказ № 1, отменивший главнейший принцип вооруженных сил — единоначалие и переход власти в частях к солдатским комитетам. С этого приказа началось крушение армии и тот хаос, который захлестнул се мертвой петлей. Наконец-то большевики добились своего — развалили с помощью Временного правительства старую армию. В угоду нового ломалось старое. Никто не думал о последствиях. Главное было — развалить, внести смуту и на ее волне, творя произвол и беззаконие, рваться к власти. Вот истинное содержание революционного приказа, уничтожившего не только Русскую армию, но и положившего начало крушению государства:

«Приказ № 1 марта 1917 года.

По гарнизону Петроградского округа всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для немедленного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения. Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1. Во всех ротах, батальонах, полках, парках, батареях, эскадронах и отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборочных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей.

2. Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в Совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от рот, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 часам утра, 2-го сего марта.

3. Во всех своих политических выступлениях воинская часть подчиняется Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам.

4. Приказы военной комиссии Государственной Думы следует исполнять только в тех случаях, когда они не противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов.

5. Всякого рода оружие, как то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и прочее, должно находиться в распоряжении и под контролем ротных и батальонных комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам, даже по их требованиям.

6. В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя, в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, коими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдавание чести вне службы отменяется.

7. Равным образом отменяется титулование офицеров: ваше превосходительство, благородие и т.п. и заменяется обращением: господин генерал, господин полковник и т.д.

Грубое обращение с солдатами всяких воинских чинов, и в частности обращение к ним на "ты", воспрещается, и о всяком нарушении сего, равно как и о всех недоразумениях между офицерами и солдатами, последние обязаны доводить до сведения ротных комитетов».

Приказ подписан был Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов.

Армией жертвовали во имя революции.

5 марта Совет рабочих и солдатских депутатов издал приказ № 2, также узаконенный Временным правительством, дополняющий и разъясняющий первый. В нем, в частности, говорилось, что комитеты имеют право возражать против назначения начальников, все петроградские солдаты должны подчиняться политическому руководству исключительно Совета рабочих и солдатских депутатов, а в вопросах, относящихся к военной службе, — военным властям.

Приказ № 1 быстро распространился по фронту.

После объявления об отречении Николая II 6 марта состоялся первый митинг казаков дивизии в местечке Збараж, 7 марта — второй, а после получения распоряжения о принятии присяги, 12 марта в 11 часов 20 минут, 1-я Забайкальская казачья дивизия присягнула Временному правительству и «на верность службы Российскому государству».

Казаки встретили присягу спокойно, обыденно, без подъема и эмоций, повторяя слова:

«...обязуюсь повиноваться Временному правительству, ныне возглавляющему Российское государство, впредь до установления воли народа при посредстве Учредительного собрания».

Для многих офицеров, считавших принятие присяги не формальностью, а делом чести, этот день стал большой душевной драмой. Большинство из них приняли ее не по политическим убеждениям, а во имя «спасения Родины и для сохранения армии».

На основании приказа № 1 отменялись или изменялись статьи Устава внутренней службы, создавались полковые, дивизионные, корпусные и армейские комитеты.

Далекие от политики, казаки слепо следовали разбушевавшейся стихии, не понимая, что такое «демократия», для чего она нужна казакам, какое различие между властью царя и Учредительного собрания, что дает новая власть казачеству. Не доверяя агитаторам, наводнившим фронт с мандатами от Совета депутатов о неприкосновенности, не участвуя в демонстрациях тыловых солдат, казаки между тем постепенно подвергались воздействию революционной пропаганды, но, кроме разговоров между собой, никаких противоправных действий не принимали. В день при-

нятия присяги, когда толпа тыловых солдат с красным знаменем попросила у войскового старшины Нацвалова хор трубачей, чтобы пройти с музыкой по городу, просьба их была удовлетворена. Хор трубачей 1-го Читинского полка убыл на демонстрацию по приказу, но ни один казак 1-й Забайкальской казачьей дивизии не влился в ее ряды.

Прибывшие из Забайкалья отпускники рассказывали об ухудшении в связи с войной и революцией социально-экономических условий жизни, о брожении в разоренных станицах по поводу переделов границ земельных наделов, об ограничении казачьей власти в области различными наблюдателями и правительственными комиссарами. Вопрос о земле и возможности урезания ее в пользу иногородних и малоземельных крестьян волновал больше всего.

В тылу царила анархия и вседозволенность, процветала картежная игра не только среди офицеров, но и среди солдат. Проигрывались общественные и казенные деньги, бывшие в подотчете у рядовых солдат и офицеров, а то и просто растранжиривались на личные нужды. Червь разложения армии все больше проникал в казачью среду, затрагивая казаков и их офицеров. Так, за растрату казенных денег в сумме 2133 рублей 10 копеек был предан корпусному суду подъесаул 1-го Верхнеудинского полка Попов, что в других условиях было немыслимо, так как подобные случаи в казачьих частях встречались редко. Случай этот был отражен в «Журнале военных действий» как из рук вон выходящий, получивший огласку, о чем с сожалением констатировал адъютант штаба полка.

Стали нарушаться давние, славные традиции войска. 17 марта, в день войскового праздника, впервые в истории Забайкальского казачества отменили парад. В этот же день состоялось собрание офицеров дивизии по вопросу судьбы казачества, которое в трудное время ломки старых устоев не сказало еще своего слова. Готовился Всероссийский казачий съезд в Петрограде, где предполагалось объявить о своем отношении к происходящим событиям.

На собрании выступил полковник И.Ф. Шильников, назначенный 10 марта командиром 2-й Забайкальской казачьей бригады. В своей речи он призвал к объединению создаваемых комитетов от казаков и офицеров дивизии, чтобы на общеказачьем съезде забайкальцы могли выразить общее мнение по вопросам, волнующим войско. Выступивший сотник Денекин в резко отрицательной форме высказался по деятельности Совета рабочих и солдатских депутатов, направленной в ущерб воинской дисциплине и управлению армией перед лицом внешней опасности. Его речь офицеры встретили аплодисментами и единогласно одобрили. Полковник Шильников был избран делегатом на казачий съезд, как наиболее знающий жизнь и быт казаков, а также пользующийся у них большим авторитетом.

Следом за офицерским собранием состоялся митинг по этому же вопросу, на котором казака Самойлова 1-го Верхнеудинского полка избрали делегатом на съезд в Петрограде. По предложению полковника Шильникова и других офицеров, казаков делегации от забайкальцев предложено отстаивать на съезде следующие вопросы:

1. Участвовать ли армии в Учредительном собрании? Решили — «да».

2. Продолжать ли войну до победного конца? Единогласно — «да».

3. Какой образ правления — конституционная монархия или республика? Тайным голосованием офицеров решили — за республику.

4. Сохранить ли боевые ордена и награды, жалуемые целым частям? — «Да».

5. Наказные атаманы должны быть выборными или назначаться из войскового сословия, или всякие?

Решили — из войскового сословия и выборные.

Предлагались и другие уже известные вопросы, касающиеся службы казаков, земли, отношения к власти.

С 18 марта стали создаваться полковые комитеты: в этот день в 1-м Верхнеудинском полку, а 23 марта — в 1-м Читинском и других частях 1-й Забайкальской казачьей дивизии.

На митингах страсти разгорались с новой силой. Вспоминались старые обиды на офицеров. Со стороны казаков отмечалось враждебное отношение и недоверие к ним, несмотря на то, что последние, учитывая новые веяния времени, старались приблизиться к казакам, чаще бывать на их собраниях, помогать в понимании происходящих событий. Однако на этих собраниях речи офицеров игнорировались, встречались ропотом и недовольным шумом. Стоило офицеру подняться на трибуну и начать говорить, разъяснять, как тут же из толпы раздавались крики: «неправильно, вон», в то же время охотно выслушивались речи казаков-агитаторов большевистского направления, поддерживаемые выкриками — «правильно».

Казаки все больше поддавались эмоциям, чем разуму. Все были за республику, но большинство так и не понимало ее сути, считая, что и в республике будет царь. С другой стороны, масса строевых казаков особой активности не проявляла, как бы затертая руководимой ими кучкой людей.

Адъютант штаба 1-го Читинского полка подъесаул Семенов так отметил в журнале военных действий полка о стихии митинговой демократии: «Страшно становится за судьбу армии, а, следовательно, России... При первом натиске немцев это воинство, именуемое православным и победоносным, побежит и окажется далеко не победоносным... Свергнув одного врага — самодержавие, не попалось бы под другое самодержавие, более сильное и свирепое — немецкое».

Для создания полковых комитетов избирались среди казаков и офицеров выборщики, которые, в свою очередь, избирали сам полковой ко-

митет. Например, 23 марта во время избрания полкового комитета 1-го Читинского полка выборщики-офицеры избрали в его состав по одному офицеру от штаба полка, 3 дивизионов и одного от всех команд — итого 5 человек.

Выборщиками-казаками избрано 9 человек — по одному от сотни и команд. В комитете избрали: председателем — войскового старшину Кривцова, товарищем его (заместителем. — *Н.С.*) — подхорунжего Воросова, секретарем — приказного Льва Перминова от 6-й сотни, членов — есаула Шароглазова, медицинского фельдшера Белокопытова от 2-й сотни, старшего урядника Молокова от 5-й сотни и приказного Новикова от 3-й сотни.

Пока Русская армия захлебывалась в красноречии, ниспровергая все и вся, немцы, не скрывавшие своей радости от ее развала, предприняли 13 газовых атак на реке Стоход с целью улучшения своего положения. Части, оборонявшиеся на участке Боровно — Голенин — Тоболи, были отброшены с позиций на левом берегу за реку Стоход. Из двух полков 5-й стрелковой дивизии на правый берег вышло 25 марта лишь по несколько десятков человек, оба командира полка были убиты; третий полк отошел в половинном составе; от двух полков другой дивизии вышло из боя несколько сот человек от каждого полка. Таким образом, 3-й армейский корпус оказался разгромленным.

По немецким данным, ими захвачено в плен 150 офицеров и 10 000 солдат. Это был первый боевой опыт «самой свободной в мире революционной армии...». Пророческие слова адъютанта 1-го Читинского полка начали сбываться.

25 марта 1-я Забайкальская казачья дивизия участвовала в манифестации. Во время митинга от 1-го Верхнеудинского полка хорунжий Кузнецов сказал речь, в которой призвал вести войну до полной победы. Его слова были встречены бурными аплодисментами. В отличие от армейских пехотных частей казаки оказались большими патриотами своей родины, чем одетые в шинели крестьяне. Казак-воин, в сущности своей такой же крестьянин, был выше по своим морально-боевым качествам в силу сложившихся традиций — до конца защищать свою землю от внешнего врага.

Офицеры старались разъяснить им положение в стране, растолковать истины и лозунги, за которые казаки митинговали, не понимая их сути. Проводились в полках беседы, а 29 марта перед казаками дивизии выступил сотник Триполитов с докладом: «Что такое демократическая республика». В своих выступлениях офицеры убеждали казаков, что, какой бы ни была власть, ее надо защищать от внешнего врага, нависшего над Россией, что развал армии — на руку немцам, умело пользующимся беспорядками в стране.

В конце марта и в начале апреля полки забайкальских казаков стали привлекаться для наведения порядка на железнодорожных станциях.

Дезертиры, бегущие с фронта и по-своему понимающие свободу, захватывали поезда, устраивали скандалы и дебоши на станциях, в поездах, задерживали воинские перевозки к фронту и санитарные поезда от фронта. На все железнодорожные узлы до Москвы, Киева, Одессы были командированы целые кавалерийские, главным образом казачьи, дивизии для восстановления дисциплины и порядка на железнодорожных магистралях.

Как казак честно и верно служил прежним царям, так и в февральскую революцию являлся надежной опорой Временному правительству, устраняя беспорядки, вызванные мерами того же правительства.

29 марта 1-й Аргунский полк убыл на станцию Бобринская, а 1-й Читинский полк направил один дивизион полка в г. Тарнополь, второй — на станцию Волочинск, а остальные полки 1-й Забайкальской дивизии 1 апреля выступили к г. Тарнополь.

Перед уходом к новому месту дислокации 27 марта состоялись выборы в армейский комитет, и в этот же день было объявлено об отмене смертной казни на фронте и в тылу. Это была еще одна непростительная ошибка Временного правительства. «Граждане»-солдаты стали убивать друг друга среди белого дня, мародерничать, грабить мирных жителей, совершать другие тяжкие преступления, не опасаясь сурового возмездия. По поводу отмены смертной казни хорошо сказал один из казачьих офицеров 1-го Читинского полка, когда в г. Тарнополе было совершено очередное преступление: «У нас, в России, конечно, это будет лишним поводом на дальнейшие и большие преступления». Вывод оказался правильным, потом все так и было.

Все мартовские дни казаки бедствовали, не получая хлеба, а лошади — корма. Тыловое обеспечение войска все ухудшалось. 31 марта стали создаваться комитеты по довольствию людей и лошадей, которые закупали у местного населения продукты и сено. Военное ведомство в связи с тяжелым положением в стране уменьшило суточную норму довольствия.

2 апреля 1-я Забайкальская дивизия с оркестрами впереди полков вошла в город Тарнополь. Приход целой казачьей дивизии оказался неожиданностью для местного начальства, как военного, так и гражданского, проявивших абсолютное равнодушие к размещению и устройству быта забайкальцев.

Город был наводнен солдатами запасных частей, которые до прихода дивизии вели себя крайне распущенно, не отдавали офицерам честь, держались вызывающе. Однако, когда стройные казачьи ряды сотен с пиками и пулеметами прошли по улицам, демонстрируя своей выправкой силу и удаль, солдаты присмирели, подтянулись и в последующем старались не связываться с казаками, отдавали честь офицерам, а небольшие казачьи патрули без труда поддерживали порядок в городе. «Граждане»-солда-

ты признавали только силу. Местные жители после наведения порядка на улицах города свободнее вздохнули и приветливо относились к казакам.

Расположившись, из-за отсутствия мест в казармах и квартирах, на станции, в вагонах, казаки приступили к службе.

Борьба фронтовиков за сохранение казачества

3 апреля полковник Шильников, прибывший с общеказачьего съезда в Петрограде, сделал доклад о поездке. Съезд состоялся 23 марта 1917 года. На него прибыли представители 11 казачьих войск страны. Было провозглашено создание «Союза казачьих войск», предназначенного для сплочения всего казачества России. Съезд заявил о поддержке Временному правительству и о неприкосновенности казачьего уклада, о необходимости борьбы со всеми, кто посягает на веками сложившиеся устои казачества. Часть казаков, тяготеющих к большевизму, покинула съезд, не согласившись с его решением, и образовала Центральный совет казаков, установив тесные связи с Петроградским Советом рабочих и солдатских депутатов. Таким образом, в сплоченность всех казаков был вбит клин, расколовший, не без помощи большевиков, единый фронт борьбы за отстаивание интересов казачества.

В условиях двоевластия этого следовало ожидать. С одной стороны, Временное правительство и присягнувшие ему казачьи войска, с другой — большевистские Советы, стремящиеся внести раскол в казачью среду, чтобы таким образом отнять у правительства послушные ему силы. В то время часть казаков еще не понимала, что казачество и большевизм несовместимы. Беднейшим казакам терять в начавшейся борьбе внутри казачьего общества было нечего. Многие из них или лишились своей земли, или забросили всякую деятельность на ней, оставив за собой только одно название — казак. Поэтому разговоры об изъятии части земли у казаков в пользу крестьян и иногородних их волновали меньше всего. Они готовы были поделиться тем, чего у них не было. Зато другой части казачества, а их было абсолютное большинство, не нравилась перспектива изъятия земли, исторически принадлежавшей им.

Исследователь казачества А.П. Ермолин в своей книге «Революция и казачество» буквально везде разделяет его на «трудовое и офицерско-кулацкое», понимая под трудовым казачеством только бедняка и середняка.

Исходя из этого принципа разделения казачества кулак не являлся тружеником, следовательно, за счет его — эксплуататора — можно было решить земельный вопрос, отобрав излишки земли в пользу неимущих.

В начавшемся бы при этом процессе перераспределения земель неизбежно пострадали и те, кто относился к трудовому казачеству, так как они тоже теряли свою выгоду от использования общественных станичных и запасных войсковых земель, ликвидируемых в пользу крестьян и иногородних.

Готово ли было абсолютное большинство казаков войска поделиться с кем-то основой своего богатства и существования — землей? Нет, никогда!

Заставить казаков отдать землю можно было только силой или обманом, и тот и другой способы успешно применили большевики в период расказачивания. Однако в первые дни борьбы за власть и Временное правительство, и большевики не посягали на земельную собственность казаков, заигрывали с ними, пытаясь посулами и обещаниями привлечь их на свою сторону.

Плохо понимавшие происходящие в стране перемены казаки не могли вовремя разобраться, что их ждет впереди, если к власти придут большевики. Одурманенные громкими революционными фразами и призывами, они поддавались всеобщему психозу буйствующей митинговой толпы, не верили своим офицерам, а прислушивались к агитаторам, порой не знающим нужд казачества. Новизна обстановки, надежда на изменение формы отбывания воинской повинности, ликвидации податей и налогов, возможность чувствовать себя на равных с офицерами и лишний раз прикрикнуть на них радовали и прельщали казаков до тех пор, пока остро не встал земельный вопрос. Но тогда его никто не поднимал. Казаки верили, что, устранив все, что им мешает, уравнявшись в правах со всем населением, они сохранят и свои привилегии на землю. Глубокое заблуждение, вылившееся потом в трагедию.

Несмотря на то что большевизация казачества становилась все более явной, при общем упадке дисциплины, вызванной, приказом № 1, казаки оставались еще верными «второй» присяге: вылавливали дезертиров, останавливали бегущие с фронта части и возвращали их в окопы, наводили порядок в городах и на железнодорожных станциях.

За три дня, с 5 по 7 апреля, только три сотни 1-го Читинского полка задержали 460 дезертиров, не меньше задержанных было на счету других сотен и полков. Порядок на станциях был наведен.

Вместе с тем метастазы от «демократизации армии» быстро проникали в казачьи коллективы. Некоторые из них стали высказываться за отстранение от должностей начальников, не нравившихся им своей требовательностью. Например, войсковой старшина Мациевский в донесении № 30 командиру полка от 3 апреля на основании доклада командира 4-й сотни есаула Рюмкина сообщал, что «1 апреля сверхсрочнослужащий старший урядник Семен Большаков, собрав сотню, сделал постановление просить сменить вахмистра сотни подхорунжего Колесникова...». И это постановление было внесено тогда, когда во всех сотнях после за-

читки приказов № 1 и 2 довели приказ командующего 11-й армией о том, что выборных начальников быть не может.

5 апреля командующий 1-й Забайкальской казачьей дивизией генерал Орлов принял командование Донской дивизии, а 10 апреля полковник Комаровский назначен командиром 1-го Читинского полка, полковник Рыболов — командиром 1-го Аргунского полка, войсковой старшина Мациевский — командиром стрелкового дивизиона. На должность походного атамана был выбран генерал Богаевский, принявший дивизию после убытия генерала Орлова.

8 апреля 102 казака 1-го Верхнеудинского полка были награждены медалями «За усердие», а 10 апреля получена телеграмма из штаба армии о снятии со всех знамен и штандартов 1-й Забайкальской дивизии царских вензелей. В сотнях и командах производились выборы в суды чести казаков, и такой же был избран в полку для урядников.

Офицеры все больше стали задумываться о своей судьбе, но пока разговоры в их среде ограничивались пенсиями и можно ли носить царские боевые награды. Никто из них не предполагал, что вскоре они будут лишены права на то, и другое.

Поступали приказы о награждении казаков, отличившихся в осенних боях 1916 года. Приказом по 39-му армейскому корпусу старший урядник Козаков и казак Лука Шестаков 1-го Верхнеудинского полка были награждены Георгиевскими крестами IV степени.

Французской серебряной медалью награжден вахмистр 6-й сотни 1-го Верхнеудинского полка Иннокентий Скожутин из станицы Бунской 4-го военного отдела и имевший до этого Георгиевские кресты III, IV и Георгиевскую медаль I степени. Такие же медали от союзников получили наиболее отличившиеся казаки и офицеры других полков 1-й Забайкальской дивизии.

Не дремали большевики. Находящиеся под их влиянием солдаты-автомобилисты Тарнопольского гарнизона подбивали казаков не отдавать честь офицерам, ссылаясь на приказ № 1, но эти попытки разлагать казаков не увенчались успехом.

Казачьи офицеры всячески боролись не только с проникновением разлагающего приказа № 1 в казачью среду, но и требовали от казаков следить за своим внешним видом, соблюдать форму одежды как один из элементов поддержания воинской дисциплины. Под воздействием расхристанной солдатской толпы, бродящей по городу, некоторые казаки перестали обращать внимание на свою форму, ходили кто в чем, а на замечания ссылались на то, что они находятся вне службы и строя. Приходилось разъяснять им, что «все вообще военные чины обязаны, как на службе, так и вне оной, носить всегда одежду, каждому присвоенную, не отступая ни в чем...». Пока еще казаки подчинялись своим офицерам и на фоне расхлябанной пехоты выглядели молодцами.

12 апреля дивизию посетил бывший наказной атаман Забайкальского войска генерал Мустафинов, рассказавший о положении в Забайкалье и о том, что, по сведениям Петрограда, число дезертиров в армии возросло до 2 миллионов.

Сам Мустафинов, с получением 2 марта в Чите известия о февральской революции, заявил о лояльности новому порядку и о готовности оказывать содействие Временному правительству, но тем не менее 6 марта был арестован вместе с вице-губернатором Нарышкиным, жандармским полковником Булатовым, другими воинскими начальниками и офицерами.

На участке 1-й Забайкальской дивизии к концу апреля число дезертиров уменьшилось, задерживали по 20—40 человек в сутки, но это было не результатом укрепления дисциплины в армии на фронте или еще каких-либо жестких мер, а просто «граждане» обходили стороной казачьи посты и садились в поезда на полустанках. На фронте полным ходом шло братание русских и немецких солдат. Но многие казаки-забайкальцы по-прежнему считали, что Русская армия должна защищать целостность и свободу России.

12 апреля был расформирован казачий партизанский отряд из-за ненадобности, так как прорваться через сплошную линию немецких заграждений и окопов для действий в тылу не представлялось возможным. Казаки разошлись по своим сотням.

14 апреля казаки срока службы 1902 и 1903 годов, отслужив 10 лет и более, были уволены и отправлены в Забайкалье. Увешанные крестами и медалями, счастливые тем, что покидают фронт, казаки убыли в запас, оставив на польской, белорусской земле могилы своих товарищей.

Представители различных партий, и прежде всего большевики, всякими путями проникая в казачьи части 1-й Забайкальской дивизии, агитировали казаков, кто за продолжение войны, кто за ее окончание «без аннексий и контрибуций», а кто и прямо призывал превратить войну империалистическую в войну гражданскую, все больше засоряя мозги «станишников».

Активной агитации большевиков сильно противодействовали кадеты, меньшевики, эсеры, поэтому казаки с трудом поддавались революционной демагогии, больше задумываясь о тех событиях, которые происходили в их родном Забайкалье, где установилось троевластие — атамана, комиссара Временного правительства и Советов.

16 апреля 1917 года в Чите начал работу 1-й съезд Забайкальского казачьего войска, на который не были приглашены делегаты от казаков-фронтовиков. Исследователь борьбы за советскую власть в Забайкалье В.И. Василевский главную причину видел в том, что организаторы его боялись участия в съезде революционно настроенных казаков-фронтовиков. В своей книге он приводит как аргумент телеграмму военного ми-

нистра Временного правительства А. Гучкова от 22 марта, требующего скорейшего созыва казачьего съезда и предложившего послать на него только представителей станиц и тыловых казачьих частей.

Но, анализируя события на фронте и глубоком тылу, можно с уверенностью сказать, что к середине апреля наибольшему революционному влиянию были подвержены как раз тыловые казачьи части, штабы, а фронтовики находились еще под влиянием своих офицеров и были верны Временному правительству. В Петрограде и, в частности А. Гучков, не знали о настроениях фронтовиков и судили о казаках как о разложившихся петроградских частях.

Прибывший из Забайкалья войсковой старшина Лоншаков и казаки-отпускники рассказывали, что съезд состоял из случайных представителей казачества, собранных наспех агрономов, учителей, отставных офицеров, писарей, т.е. людей, не имеющих собственного хозяйства и не заинтересованных в землевладении. Поэтому выступивший по первому вопросу повестки дня А.И. Большаков предложил ликвидировать казачье сословие. Его поддержали все делегаты, проголосовавшие «за», и только 15 — «воздержалось».

Принятая резолюция требовала: «Казачье сословие, как пережиток старины и вследствие существования постоянных армий, должно быть уничтожено и сравнено со всеми свободными гражданами России». Съезд постановил также «ввести общее областное самоуправление, упразднить должность наказного атамана, образовать уездные земства по районам экономического тяготения». Съезд решил также отобрать земли у Кабинета и отдать их тем станицам и поселкам, у которых они были изъяты ранее. Кроме того, землей должны быть наделены временно, до решения вопроса о земле в Учредительном собрании, малоземельные станицы. Решение съезда о ликвидации казачества не вызвало «всеобщее одобрение трудового казачества», как пытается доказать это В.И. Василевский, а наоборот, вызвало бурю негодования у казаков-фронтовиков и большинства станиц. Решение казаков поселка Нижний Калгукан Нерчинско-Заводского уезда, приводимое в пример В.И. Василевским, не отражало мнение основной массы казаков Забайкалья. Одно или несколько бедных казачьих поселений не могли решить судьбу многотысячного войска, имевшего много проблем, но и немало привилегий, от которых без давления извне никто добровольно не отказывается. Тяготиться своим сословным положением еще не значит ликвидировать всю структуру казачьей общины. Проще было устранить тяготы, чем развалить десятилетиями налаживаемый быт казаков. Сам автор подчеркивает, что значительная часть казаков открыто выступила за сохранение казачества и связанные с ним привилегии, и не только офицеры поддержали богатые станицы Сретенскую и Верхнеудинскую, но и огромное большинство казаков-фронтовиков.

Не случайно А. Гучков, боявшийся, по мнению В.И. Василевского, «революционно» настроенных казачьих полков, направил в Читу телеграмму следующего содержания: «Решение войскового съезда об упразднении забайкальского казачества вызывает протесты большинства строевых частей войска и не является единодушным желанием и со стороны войскового населения. При таких обстоятельствах решение вопроса об упразднении войска должно быть отложено до возвращения фронтовых частей в войско и до тех пор или иных постановлений по казачьим войскам, какие будут приняты Учредительным собранием».

19 апреля штаб дивизии запросил полки срочно дать ответ: быть или не быть забайкальскому казачеству. 1-й дивизион 1-го Читинского полка шумно и единодушно заявил желание остаться казаками. В штаб дивизии была отправлена от имени полка телеграмма: «1-й Читинский полк на общем собрании постановил: Забайкальскому казачьему войску быть, и всякое посягательство на его упразднение отстаивать с оружием в руках; всех не подчинившихся к голосу искони вольного казачества считать изменниками, предателями».

В этот же день командир 1-го Верхнеудинского полка полковник Тонких на запрос штаба дивизии о мнении казаков по поводу общеказачьего съезда дал телеграмму: «Все чины полка с программой, выработанной на общеказачьем съезде в Петрограде, согласны». Поддерживая общеказачий съезд в Петрограде, верхнеудинцы, следовательно, поддерживали решение его о сохранении всего уклада казачьей жизни, а значит, были против ликвидации Забайкальского казачьего войска. Такие же телеграммы были отправлены и от других полков 1-й Забайкальской дивизии.

27 апреля на имя командира 1-го Верхнеудинского полка была получена телеграмма от председателя казачьего съезда в Забайкалье: «С горячим воодушевлением приветствуем братьев и сынов, защищающих на фронте завоеванную революцией свободу Родине. Первый Забайкальский казачий съезд, собравшийся для решения вопросов устройства новой свободной жизни, спешит сообщить казакам фронта о том, что съезд радостно исполнит свой долг защиты завоеваний революции внутри страны и переустройства жизни на началах полного народовластия, гражданского равенства; смело идя по этому пути, съезд решил, что сословное звание "казак" после окончания войны должно быть заменено высоким и почетным званием "гражданина", равного во всем — и в своих правах и обязанностях, твердо веря в то, что уничтожение сословных ограничений и привилегий будет одним из первых шагов Учредительного собрания. Съезд призывает: товарищи, на фронте при выборах в Учредительное собрание посылать в него только сторонников полного гражданского равенства. Председатель казачьего съезда Войлошников».

Немедленно после получения этой телеграммы на митинг созвали все сотни и команды 1-го Читинского полка. Подъесаул Токмаков зачи-

тал ее, а также ответ дивизионного комитета, 1-го и 2-го Верхнеудинских полков. Ответы были направлены против решения съезда и отстаивали сохранение казачества. Казаки 1-го Читинского полка присоединились к ответным телеграммам, бурно и единодушно одобряя их, а от себя лично решили послать телеграмму в Забайкалье с выражением полного протеста явно неправильного постановления казачьего съезда и просили офицеров составить текст этой телеграммы в возможно сильных и твердых выражениях.

Только один казак, ветеринарный фельдшер 2-й сотни урядник Назимов, отстаивал точку зрения съезда в Забайкалье, доказывая, что «если мы не поделим землю с крестьянами, то наступит вторая революция». На это полковник Комаровский ответил, что казаки не хотят захватывать чужие земли, а хотят сохранить свое, им по праву принадлежащее, и что ожидать контрреволюции, когда все лучшее на фронте, по меньшей мере смешно. Слова Комаровского казаки встретили аплодисментами.

На заседании полкового комитета 28 апреля была составлена, как и просили казаки на митинге, ответная телеграмма в Забайкалье: «Чита, наказному атаману как председателю казачьего съезда. Первый Читинский полк единодушно и со стальной решимостью протестует против постановления 1-го Забайкальского съезда об упразднении казачества. Съезд в корне не прав и не уполномочен решать такие вопросы, не поставив в известность нас, строевых казаков на фронте, защищающих свободу от Вильгельма. Мы требуем в будущем неуклонно спрашивать нашего мнения в подобных жизненных вопросах, требуем отмены этого неполноправного постановления, полагаем, что только теперь казаки могут устраивать свою жизнь на новых светлых началах. Казачеству быть с неотъемлемыми правами на землю, как на их историческое достояние, завоеванное кровью их дедов.

Военная служба казаков отныне должна приравниваться к общим положениям, но непременно в конных казачьих частях своего войска, как указано в резолюции общеказачьего мартовского съезда в Петрограде. Все казачьи войска входят в Союз, и забайкальцам нужно непременно войти в этот союз, дабы согласно и совместно и всем казачеством объединиться для защиты своих прав и интересов.

Депутаты как на съезд Союза, так и на Учредительное собрание должны выбираться из заинтересованных землей, а не от тех, кто от земли отстал и в ней не заинтересован, почему и не может быть истинным защитником чуждых ему интересов.

Иркутские и красноярские казаки выразили желание быть членами казачьего Союза. Да будет стыдно тому из забайкальцев, кто проповедует противное, т.к. наше войско обширнее, как и его интересы, которые нужно отстаивать, а не отказываться от них. Всякое посягательство и впредь на упразднение вольного казачества будем отстаивать всеми средствами.

Кому не хочется оставаться казаком, будем приветствовать выход его из войска. Наказного атамана просим широко осведомить войско с содержанием этой телеграммы. Читинцы».

Телеграмму эту составили на полковом комитете 1-го Читинского полка и зачитали казакам перед тем, как отправить в Забайкалье. Весь полк поддержал ее единогласно.

О каком давлении офицерско-кулацкой верхушки может быть речь, когда после издания приказа № 1 власть офицеров на казаков сильно уменьшилась? Все решали полковые комитеты, без одобрения которых ни одно мероприятие не претворялось в жизнь. Решения эти часто выносились на рассмотрение всего полка, где служили казаки малоимущие, среднего и большого достатка. Фальсификация советской исторической наукой этого этапа в жизни казаков Забайкальского войска очевидна. Писалось так, как угодно было правящей партии, перелицевавшей не только свою историю, но и историю русского народа.

В полковой комитет 1-го Читинского полка входили 5 офицеров и 9 казаков, и если бы вдруг офицеры захотели оказать какое-либо принудительное воздействие на них, то казаки полка не позволили бы им сделать это, выбрав новый состав полкового комитета. В конце апреля в полковой комитет 1-го Читинского полка входили: офицеры-есаулы Широких, Шильников, Шароглазов, Эпов и подъесаул Семенов; казаки-урядники Щеголев (1-я сотня), Молоков (5-я сотня), Большаков из команды связи; подхорунжий Воросов (4-я сотня); приказные Новиков (3-я сотня), Лев Перминов (6-я сотня), Терентий Перминов (пулеметная команда); рядовые казаки Бянкин (2-я сотня), Акулов (писарская команда).

Казаки-забайкальцы при своем относительно низком уровне грамотности и культуры отнюдь не были забитыми, тупыми людьми. Они хорошо понимали то, что им объясняли, растолковывали. Например, многие из казаков-читинцев часто слышали лозунг «Мир — без аннексий и контрибуций», но что означали эти слова, объяснить не могли. На эту тему выступил полковник Комаровский. В своей короткой речи он пояснил значение слов и сказал в заключение, что «чужой земли нам не надо, но пусть Германия вернет, что захватила, и заплатит за разорение государства и областей». Так как такая постановка вопроса показалась справедливой, то казаки восприняли ее с одобрением. Когда какой-то солдат, присутствовавший на митинге, попытался опровергнуть слова полковника Комаровского и объяснить содержание лозунга в большевистском понимании, то его освистали и согнали с трибуны, да так, что горе-агитатор опять попросился выступить и отказался от своих слов.

Выступал перед казаками и генерал Богаевский с объяснением, почему Россия должна вести войну до победного конца и что будет, если разложившиеся части откроют фронт немцам. И это поняли казаки, встретив слова генерала с одобрением.

Сейчас со всей очевидностью можно сказать, что Германия, как и Россия, сама находилась накануне краха, только русская революция опередила германскую. Захватив в 1918 году всю Украину и Дон, немецкая хваленая дисциплинированная армия развалилась в считанные дни, повторив трагедию Русской армии.

В начале мая 1917 года братание русских солдат с немецкими доходило до того, что наши полевые кухни обслуживали и немецких, и русских солдат. Ни те ни другие не хотели воевать. В Русской армии царил полный развал. Признав свое бессилие в управлении такими вооруженными силами, ушел с поста военного министра А. Гучков. Снабжение, особенно фуражом, практически прекратилось. Кони казаков истощились и представляли жалкое зрелище. Казаки, отрывая от себя, подкармливали их своим порционным хлебом. Особенно в плохом состоянии были кони 2-го Верхнеудинского полка. Не будь у казаков коней забайкальской породы, привыкших к бескормице, то все они давно передохли бы.

1 мая в г. Тарнополе состоялась грандиозная демонстрация рабочих и солдат гарнизона. В ней приняли участие и забайкальские казаки, но в незначительном количестве. Например, от 1-го Читинского полка в колоннах демонстрантов прошли 20—30 казаков и хор трубачей, остальные идти отказались.

Отправив телеграммы с протестом по поводу решения 1-го Забайкальского казачьего съезда, казаки-фронтовики не успокоились. Было принято решение — послать делегации казаков-фронтовиков от всех полков и артиллерийского дивизиона в Забайкалье для агитации за сохранение казачества. Например, от 1-го Читинского полка убыло в свои станицы 13 казаков, по столько же отправили другие полки.

На офицерских и казачьих собраниях продолжали обсуждать положение в Забайкалье, а оно было трудным.

Население станиц разделилось на тех, кто поддерживал 1-й съезд забайкальских казаков, и на тех, кто боролся против его решения. Ухудшалось экономическое положение области, стремительно росли цены. За годы войны, с сентября 1914 по февраль 1917 года, розничные цены в Забайкалье возросли на 65—160 %. Например, на муку ржаную — на 70 %, пшеничную — на 111 %, на крупу гречневую — на 105 %, на картофель — на 120 %, на мясо крупного рогатого скота — на 98 %, баранину — на 65 %, свиное мясо — на 160 %.

После съезда расслоение казачества Забайкалья еще больше усилилось, а вместе с ним вражда между «гражданами» и казаками. Первые были за выход из казачьего сословия, а вторые — за сохранение его.

9 мая от войскового атамана Забайкальского казачьего войска генерала Фелицына была получена телеграмма следующего содержания: «Съездом представителей станиц в Чите было постановлено Забайкальс-

кое казачье войско упразднить. Представителей общин на казачий съезд в Петроград не посылать и, ввиду протестов фронтовых частей и некоторых станиц, прошу спешно представить мне постановления войсковых частей дивизии по означенному вопросу, предварительно уведомив телеграфом. Атаман Фелицын».

Все забайкальские части 1-й дивизии своими телеграммами подтвердили решение казаков-фронтовиков — Забайкальскому войску — быть.

Так, казаки 1-го Читинского полка в своем ответе указали: «1. ...Считать решение съезда только пожеланием лишь самого съезда, как отдельной группы лиц, а не как выразителей мнений всех казаков; 2. ...Просим 1-й Забайкальский казачий съезд заняться только организационной внутренней работой и по подготовке предвыборной кампании в Учредительное собрание, исключая всякое давление, как принцип равенства; 3. ...Необходима последовательная организационная борьба с партией, которая, пользуясь временным замешательством... выдвигает противоказачьи лозунги; ...мы не уполномочиваем (1-й съезд. — Н.С.) его выражать наше мнение и выносить за нас решения; 4. ...Решение... может быть достигнуто лишь при участии всех казачьих частей, находящихся на фронте... 5. ...Признать необходимость союза с другими казачьими войсками... с включением представителей в существующий ныне общий казачий съезд... 6. Объявить казакам, чтобы они в письмах своим родным сообщали о наших мнениях... 7. Просить дивизионный комитет спешно запросить наказного атамана, что сделано войском по вопросу о высылке делегатов в общеказачий съезд».

На общих собраниях офицеров и казаков тексты телеграмм и постановления были утверждены.

Таким образом, казаки-забайкальцы фронтовых частей еще раз подтвердили свое решение о сохранении Забайкальского войска. Вынесли такие же постановления казаки других войск России. В полках стали избирать делегатов на общеказачий учредительный съезд в Петрограде, по одному делегату от полка (казака или офицера) и двух — от дивизии. Предполагалось работу съезда начать 28 мая.

Плоды демократии в армии

Обеспокоенный положением на фронте, увеличивающимся дезертирством и падением дисциплины в войсках из-за демократизации армии, один из виновников этого — глава Временного правительства Керенский, назначенный военным и морским министром, прибыл на фронт. Целью поездки ставилось — поднять моральный дух и дисциплину в частях, призвать их продолжать войну до победы.

Поняв всю пагубность приказа № 1, развалившего армию, Керенский стремился хоть как-то исправить положение. По воспоминаниям А.И. Деникина, он впоследствии патетически заявлял, что «отдал бы десять лет жизни, чтобы приказ не был подписан».

Всем было ясно, что приказ, навязанный Советом рабочих и солдатских депутатов, губил армию, но вожди первой революции 1917 года продолжали лицемерить, то восхваляя это порождение демократии на митингах и заседаниях правительства, то проклиная его в разговорах между собой. Об их двуличии А.И. Деникин писал следующее: «Керенский — идеолог солдатских комитетов с трибуны, и Керенский — в своем вагоне, нервно бросающий адъютанту: "Гоните вы эти проклятые комитеты в шею!.." Чхеидзе и Скобелев — в заседании с правительством и главнокомандующими горячо отстаивающие полную демократизацию армии, и они же — в перерыве заседания в частном разговоре за стаканом чая признающие необходимость суровой военной дисциплины и свое бессилие провести ее идею через Совет...»

Пришлось и забайкальским казакам увидеть и услышать этого демагога демократии, когда 14 мая он прибыл в Тарнополь.

По распоряжению штаба дивизии было приказано все части гарнизона построить на площади Собесского без оружия, с плакатами в поддержку Временного правительства.

В 9 часов утра по решению полковых комитетов в полном вооружении части забайкальцев под оркестр выступили на место построения без плакатов. 1-й Читинский полк построился перед балконом, с которого должен был выступать министр. Позже стали подходить местные войска с красными флагами, с транспарантами и плакатами, на которых преобладала надпись «демократическая республика».

Прибывший на площадь командующий 11-й армией генерал Гутор сразу направился к строю забайкальцев и поблагодарил их за «доблестную боевую службу».

В 10 часов 20 минут показался Керенский в сопровождении главнокомандующего Юго-Западным фронтом генерала А.А. Брусилова. 1-й Читинский полк взял на караул, трубачи заиграли полковой марш. Военный и морской министр снял фуражку и, не поздоровавшись с забайкальцами-казаками, отдающими ему воинские почести, быстро прошел на балкон, откуда выступил с речью.

В ней он сделал краткий обзор свершившейся революции и подчеркнул необходимость сохранения установившегося государственного порядка; обратившись к войскам, Керенский говорил, что Русская армия является самой свободной армией, сравнил ее с французской, американской и другими, но, продолжал министр, кому много дано, с того много и взыщется. Каждый солдат должен оправдывать высокое звание гражданина. Внешний враг, далее продолжал он, угрожает русской свободе, и

неужели Русская революционная армия, свергнувшая иго царизма, вернется к разбитому корыту; армия должна быть дисциплинированной, она должна представлять из себя железный кулак и не ждать, когда противник придет к нам, а наоборот, самим идти навстречу врагу.

Говорил Керенский много, а в заключение призвал к единению и работе на счастье свободной России. После речи министра появились другие ораторы.

Солдат Мельников заверил его, что полк, где он служит и находившийся на позиции, пойдет куда угодно, когда прикажет министр Керенский. Другой оратор, вольноопределяющийся, выступавший следом, возразил солдату, что армия пойдет тогда куда угодно, если ей обеспечат материальные блага. На что ему Мельников тут же ответил: солдаты не требуют материальных благ, они будут сражаться за свободную матушку Россию. Керенский вступил в перепалку и стал доказывать, что нельзя требовать от нового правительства того, что выше его сил; старое правительство оставило лишь неоплаченные векселя, хозяйственная жизнь страны находится в самом печальном состоянии, но правительство сделает все возможное для улучшения быта солдат. Жалованье уже увеличено, и «я убежден, что солдаты будут сражаться не потому, что будут платить, а в сознании долга перед свободной Россией». Эти слова Керенского были встречены аплодисментами. Сойдя с трибуны, он был подхвачен на руки и отнесен к машине, то же сделали и с Брусиловым.

В 12 часов 30 минут глава Временного правительства покинул Тарнополь (Тернополь).

Однако призывы Керенского «идти на врага», с ликованием встреченные на митинге, не очень воздействовали на солдат, когда дело коснулось конкретных мер. Один из Финляндских полков, к которому Керенский при отъезде обратился с вопросом: «Кто не хочет защищать свободу от врагов, пусть выходит вперед», — быстро охладил пыл военного министра. Из строя вышло 3/4 всего состава. Возмущенный Керенский назвал их изменниками и предателями, приказал отобрать у них все вооружение и амуницию и прогнать за окопы, к немцам. Под воздействием такой кары солдаты стали просить о помиловании, на что Керенский сказал: «Буду разговаривать с вами только тогда, когда вы кровью смоете позор своего полка».

Встречу забайкальцев с Керенским описал адъютант штаба 1-го Читинского полка подъесаул Семенов в «Журнале военных действий» полка, отразив факт развала армии и неспособность вождей революции заставить солдат воевать за призрачные идеалы.

Разрушив собственными руками основу армии — дисциплину и единоначалие, Керенский теперь пытался словесной шелухой воодушевить солдат и продолжать войну, в то время как большевистские агитаторы призывали к миру без «аннексий и контрибуций».

В словах Керенского — «идти навстречу врагу» — заключался намек на предстоящие наступательные бои, в которые в скором времени будут брошены тысячи солдат, бесславно пополнивших «мартиролог Русской армии».

Принявший должность Верховного главнокомандующего от великого князя Николая Николаевича генерал М.В. Алексеев тщетно пытался убедить Керенского в необходимости поднять дисциплину в армии, решительными мерами пресечь дезертирство, но не нашел поддержки. Меры по укреплению «самой свободной» армии в мире не принимались ни материальные, ни моральные.

К маю 1917 года Временное правительство действительно довело денежные оклады солдат по различным званиям от 7 рублей 50 копеек до 17 рублей в сухопутных войсках и во флоте — 15 рублей 50 копеек, при этом снизив денежное содержание офицеров. Эти меры не могли заставить солдат воевать, а других принято не было. По-прежнему не хватало продовольствия, фуража, снарядов и патронов.

Экономика страны разваливалась на глазах, в бедственном состоянии находились финансы, деньги обесценивались быстрее, чем их печатали.

Новое демократическое Временное правительство оказалось неспособным управлять страной, именно оно было виновно в развале армии и государства, а большевики со своей идеологией только способствовали этому, используя его ошибки.

Ярый враг большевизма А.И. Деникин в своем труде «Очерки Русской смуты» обвиняет в развале армии в первую очередь не большевиков, а правительство Керенского и его военное законодательство. В этом он абсолютно прав.

Находившиеся в районе Збарожа и Тарнополя (Тернополя) части 1-й Забайкальской дивизии оказались в гуще событий, происходящих на фронте и в его ближайшем тылу.

Дисциплина постепенно падала во всех без исключения полках под воздействием агитаторов-большевиков, всяческими путями проникающих в казачью среду, ведущих разрушительную пропаганду. Однако большинство полков дивизии, восприняв все новшества Временного правительства по созданию комитетов, демократизации отношений между казаками и офицерами, участвуя в митингах и собраниях, сохранили боеспособность и повиновение начальникам.

Самое неблагоприятное положение создалось в 1-м Аргунском полку, где сильное влияние оказывали большевистски настроенные казаки вместе с сотником Захарьиным — неказаком, прибывшим в полк из пограничной стражи. Во время избрания делегатов на Учредительный съезд казаков они пытались выдвинуть и его кандидатуру, но, учитывая то, что он не казак и всячески старался разобщить офицеров и казаков, он не был избран большинством голосов.

Особенно резкое падение воинской дисциплины стало ощущаться после объявления в приказе по армии и флоту от 11 мая 1917 года «Декларации прав военнослужащих», опубликованной в «Русском инвалиде» 14 мая. Шоры, надетые на глаза Временному правительству, так и не были сняты. Оно продолжало губить армию и заигрывать с Советом рабочих и солдатских депутатов. Все военачальники восстали против Декларации. Например, генерал Алексеев, по словам А.И. Деникина, телеграфировал, что она — «последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготованный для Русской армии».

Главнокомандующий Юго-Западным фронтом генерал Брусилов, находясь в Ставке в Могилеве, на совете главнокомандующих заявил, что «еще можно спасти армию и даже двинуть ее в наступление, но лишь при условии — не издавать декларации».

«Последний гвоздь...» в своем параграфе третьем разрешал свободно и открыто высказывать политические, социальные и прочие взгляды. Вместо единого воинского коллектива полки превратились в разобщенные группы политизированных людей. Параграф шестой усилил приток в армию политической литературы, так как устанавливал, чтобы «все без исключения печатные произведения доходили до адресата...». С 1 мая по 11 июня на фронт поступило следующее количество революционных «произведений»: «Солдатской правды» — 61 525 экз., «Социал-демократа» — 32711 экз., «Правды» — 6999 экз. и т.д. Параграф четырнадцатый определял, что никого из военнослужащих нельзя наказывать без суда, тем самым начальники всех категорий были лишены власти, военные суды прекратили свою деятельность, а избранные в полках солдатские суды чести бездействовали.

От этого «законотворчества» пострадали в первую очередь офицеры, беззащитные от солдатского произвола. Встретив февральскую революцию как естественный процесс обновления нации, принявшие присягу на верность Временному правительству, они были принесены в жертву революции. С разочарованием пришло отчаяние. Наступивший хаос в армии и государстве, развал фронта и падение дисциплины, повальное ненаказуемое дезертирство, подрывная агитация большевиков, противопоставление ими барина мужику, офицера солдату, разжигание классовой ненависти в армейских коллективах и уничтожение тысячелетних устоев, зверские расправы над офицерами, «демократизация» армии А.Ф. Керенским вызывали у них неприятие новшеств и естественное возмущение. Однако офицерский корпус России, в большинстве своем оставаясь верным долгу, продолжал из патриотических побуждений служить ей. Его оскорбляли, унижали морально и физически, изгоняли и убивали. И это тех, кто не щадил ни своих сил, ни жизни в бою. Авторитет и подвиг их были растоптаны. Не щадили даже героев войны. Потерявший в бою руку полковник Носков под жестоким огнем противника бесстрашно водил стрел-

ков своего полка в атаку «на отвесные неприступные скалы высоты 804... Тогда смерть пощадила его. И вот теперь пришли две роты, вызвали генерала Носкова, окружили его, убили и ушли». Никто из убийц не был наказан, хотя этот случай прогремел на всю армию и дошел до военного министра. Солдатам позволялось все, но не офицеру.

Следует отметить, что в 1917 году офицерский корпус в корне отличался от довоенного. В 1914 году он насчитывал 51 417 человек, преимущественно выходцев из дворян. За три года войны большая часть их была выведена из строя из-за тяжелых потерь на фронте. Пришлось срочно, начиная с 1914 года, готовить офицеров по ускоренной, от 3 до 6 месяцев, программе обучения из всех слоев общества, не задумываясь о «классовой чистоте». К 1917 году потери офицерского состава исчислялись 120 тысячами человек, а налицо было 247 440 человек, из них довоенное полное военное образование получили 4 % пехотных офицеров, а ускоренное — 96 %, так называемые офицеры военного времени. Само собой разумеется, что дворяне физически не могли уже, как ранее, обеспечивать армию кадрами. В военные училища стали набирать из числа грамотных и отличившихся на фронте солдат, студентов, выпускников гимназий и т.д. Таким образом, к осени 1917 года оказалось, что 80 % офицеров были выходцами из крестьянского сословия и только 4 % составляли дворяне. Причем основная масса офицеров-дворян служила в кавалерии, в том числе и казачьей, а также в гвардии, где дисциплина еще держалась.

Следовательно, основная масса офицеров рокового для судьбы России года были выходцами из народа, окрещенные социалистами и коммунистами «царским офицерьем, золотопогонниками и лютыми врагами трудового народа».

19 мая для смены 1-го Читинского полка в Тарнополь прибыл 40-й Донской полк, а читинцы убыли в Збараж. Прибывшие донцы сразу потребовали предоставить им квартиры и конюшни, пригрозив, что если это не будет сделано, то они уйдут из города. Командование полка целиком подчинялось полковому комитету. От скромных условий, в которых жили забайкальцы, донские казаки отказались.

В этой связи надо отметить, что донцы, гордившиеся своей богатой историей, свысока поглядывали на казаков других войск. Им ничего не стоило посмеяться над забайкальским казаком по поводу его малорослой лошади или отпустить шутку насчет самого казака.

Восседая на высоких холеных конях, рослые, с иголочки одетые, бесшабашные и веселые казаки самого привилегированного войска России выгодно отличались от невзрачного, скромного и спокойного забайкальца.

Цари заигрывали с Донским войском, балуя его различными грамотами и указами, направленными на установление ему различных привилегий. Войсковой капитал его исчислялся миллионами рублей. На войну

оно выставило 60 полнокровных, первоклассных полков и 72 отдельные сотни, не входящие в состав полков. Однако они очень быстро разложились и принесли с собой в родные станицы с фронта, по словам А.И. Деникина, «подлинный большевизм, а самое главное, отказ от всякой борьбы с Советской властью, обманно обещавшей неприкосновенность казачьих прав и уклада». И это притом, что на Дону бедняки составляли 13—25 %, середняки — 60—65 % и кулаки — 10—15 %.

В первую очередь из казаков Дона будут сформированы в годы Гражданской войны конные корпуса и конные армии красных. «Донцы-молодцы» очнутся только тогда, когда их шашками будет завоевана победа Советов на «тихом Доне», а их начнут расказачивать, сечь на площадях станиц, реквизировать хлеб и имущество, спарывать лампасы и расстреливать в балках без суда и следствия. В конечном итоге они разделят судьбу Забайкальского казачества, имевшего больше оснований для недовольства существовавшим строем и, так же как донцы, установившего советскую власть в Забайкалье. Резкий поворот истории изменит судьбу и тех и других.

В годы Первой мировой войны забайкальским и донским казакам часто приходилось сражаться рука об руку, не уступая друг другу в доблести и отваге, когда немецкие снаряды и пули одинаково не щадили ни высокомерного донца, ни скромного забайкальца. Война их уравняла.

23 мая всем полкам 1-й Забайкальской казачьей дивизии было приказано сдать знамена в штаб 11-й армии с последующей отправкой в Петроград для снятия царских регалий. Этот приказ оставил у казаков тяжелое чувство горечи за свои боевые святыни, а 1-й Читинский полк на общем собрании казаков и офицеров решил оставить у себя свое Георгиевское знамя.

24 мая казакам объявили об уходе с поста Верховного главнокомандующего генерала Алексеева, талантливого и честного человека, не побоявшегося говорить правду о тяжелом положении армии, требующего принятия срочных мер по ее спасению путем наведения жесткого порядка в разложившихся частях. В ответ на это Совет рабочих и солдатских депутатов постановил убрать «зарвавшегося генерала», как выразилась на своих страницах «Киевская мысль», и Временное правительство безропотно подчинилось. Верховным Главнокомандующим был назначен генерал А.А. Брусилов — человек, несомненно, способный в военных делах, но не обладающий талантом и широтой мышления, как генерал Алексеев, зато умеющий приспосабливаться к новым веяниям.

Ушел главнокомандующий Западным фронтом генерал Гурко, уволенный Керенским за сильную оппозицию «демократизации» армии. По этой же причине был уволен генерал Драгомиров. Новый Верховный главнокомандующий генерал Брусилов уволил командующего 8-й армией Каледина за то, что тот не пошел навстречу «демократизации». Уволены

или ушли сами многие способные генералы, например, такие, как Лечицкий и Мищенко, не примирившиеся с новым режимом. Другая часть генералов и старших офицеров была изгнана из армии революционным порядком — по решению комитетов или солдатской массы. Несомненно, что из числа уволенных старших и высших начальников были и такие, которые не нужны армии, но среди общего числа уволенных оказались и способные, имеющие большой боевой опыт современной войны.

Все это изгнание начальников проводилось накануне летнего наступления 1917 года.

26 мая в штаб 1-й Забайкальской дивизии поступило воззвание армейского комитета Юго-Западного фронта, призывавшее в целях спасения Родины перейти в наступление, для чего предлагалось записываться в «батальоны смерти», в ударную группу и в штурмующие колонны. Этот патриотический порыв поддержал генерал Брусилов.

В дивизии началось обсуждение призыва на полковых комитетах и общих собраниях казаков. Первыми в поддержку призыва откликнулись казаки 1-го Читинского полка, решившего продолжать войну до победы.

На общем собрании 28 мая вынесли вопрос — пойти ли полку в ударную группировку, или пусть сначала пехота прорвет оборону, а в прорыв и преследование пойдут казаки. Обсуждали также, в каком строю атаковать: в пешем или конном? Возобладала главная мысль: «Почему спрашивают у дивизии о согласии идти в ударную группу, разве казаки отказывались когда-либо воевать? Пусть приказывают — пойдем». Поэтому решили идти по приказу. Не напрашиваться самим и в то же время не отказываться.

На следующий день все полки дивизии на общих собраниях казаков и офицеров вырабатывали наказы делегатам на Учредительный казачий съезд в Петрограде, принимали программу казачьих войск и выбирали делегатов на съезд. Ими оказались: подхорунжий Воросов от 1-го Читинского полка, хорунжий Кузнецов от 1-го Верхнеудинского полка, урядник Шайдуров 2-го Верхнеудинского и урядник Лопатин 1-го Аргунского полков; от артиллерийского дивизиона избрали войскового старшину Кобылкина, а от 1-й Забайкальской дивизии полковника Шильникова. В конце полковник Шильников зачитал телеграммы в поддержку решения казаков-фронтовиков — сохранить свое войско от станиц Титовской, Сретенской, Мангутской и от запасной сотки из Аткарска.

На первый взгляд среди казаков и офицеров царило единодушие в решении важных жизненных вопросов войска. Однако обстановка в дивизии и полках была настолько накалена и взрывоопасна, что малейший инцидент мог привести к взрыву человеческих эмоций и еще большей разобщенности казачьих коллективов. Примером этому может служить дело хорунжего Эпова в 1-м Читинском полку, который считался наиболее благополучным в дивизии и где казаки менее всего были подвержены

большевистской пропаганде. Так думало начальство, но последующие события лишили их этих иллюзий. Оказалось, что неприязнь казаков к офицерам существовала всегда, только на время затихая, когда все было гладко, и резко выплескивалась наружу, когда для этого возникал повод. Так и случилось в деле хорунжего Эпова, откомандированного из полка в стрелковый казачий дивизион, где он с револьвером в руке хотел заставить свою сотню петь песни, надо полагать, революционные, настраивал казаков против офицеров. За внесение разлада между офицерами и казаками на офицерском собрании полка было принято решение немедленно удалить хорунжего Эпова из полка. Полковник Комаровский это решение утвердил как командир полка. Эпову предложили уехать к месту штатной службы во 2-й Нерчинский полк, входивший в состав 4-й Забайкальской бригады, воевавшей на Кавказском фронте. Но он не выполнил решение офицерского собрания, а обратился к командиру полка с просьбой собрать по этому поводу митинг, на что Комаровский согласия не дал, предложив обратиться в полковой комитет. Тогда Эпов повел агитацию среди казаков в свою защиту и на дивизионном собрании заявил, что он является «страдальцем за свободу, что он вынужден был уйти из 2-го Читинского во 2-й Нерчинский полк, а оттуда в распоряжение наказного атамана, затем в 1-й Читинский полк». Причины перехода из полка в полк не указывал, но подчеркнул, что из 1-го Читинского полка его заставляют уйти, едва он сказал несколько свободолюбивых слов. При этом им сделан был упор на то, что решение убрать его принято на ночном офицерском собрании «не спросивши казаков». Естественно, слова Эпова получили шумное одобрение, казаки стали выкрикивать «не отдадим».

Полковой комитет 31 мая приступил к разбирательству по делу Эпова, а потом решил передать его в дивизионный комитет. Страсти разгорались. Казаки 1-го Читинского полка на своих собраниях стали предлагать ликвидировать офицерское собрание, изъять у офицеров денщиков и выйти из общего офицерско-казачьего собрания. Полк разделился на два лагеря — одни поддерживали хорунжего Эпова, другие были против.

1 июня на собрании офицеров и казаков состоялось решение об удалении из дивизии и полков офицеров, «не соответствующих своему назначению». Хорунжий Эпов опять поднял вопрос о незаконных действиях командира 1-го Читинского полка, не разрешившего митинг. Тут же послышались крики: «Убрать полковника Комаровского!» Тот взял слово и сказал, что он указал Эпову на законный путь решения его вопроса — полковой комитет. «Но он повел агитацию против командира полка, — продолжал Комаровский, — я никогда никого не боялся, я смерти не боялся, я сам уйду из полка...» Председатель собрания не дал ему договорить, сказав, что на общем собрании личные взаимоотношения не рассматриваются.

На этом же собрании председательствующий огласил списки записавшихся в ударные группы. Казаки остались верны своему решению — идти в бой по приказу. Ни один из них не записался добровольцем на верную смерть. Пошли офицеры, например, от 1-го Читинского полка — полковник Комаровский, корнет Попов и сотник Селиванов. Услышав об этом, казаки стали выкрикивать: «Не задерживать!.. Скатертью дорога».

В полковом комитете 1-го Читинского полка мнения по поводу случившегося разделились. Хорунжего Эпова поддержали только сотник 2-й сотни Зиновьев и приказный 1-й сотни Кудрявцев, остальные решили на полковом построении просить командира полка остаться. Среди казаков также не было единства. На место построения пришли 6-я сотня, настроенная против Эпова, пулеметная команда и связи, 5-я сотня и спустя час 3-я сотня. Команда связи изменила свое решение и ушла. Оставшиеся попросили есаула Шильникова и делегацию от казаков идти к командиру. Комаровский согласился остаться, если уйдет хорунжий Эпов. На это казаки заметили, что с кем тогда они останутся, ведь за командиром уйдут многие храбрые офицеры. Кто будет командовать и вести в бой? Хорунжий Эпов?

Дело Эпова было передано на расследование в дивизионный комитет, а полковник Комаровский остался.

Случай разлада между казаками и офицерами в одном из лучших полков Забайкальского войска, описанный адъютантом штаба в «Журнале военных действий» полка, наглядно показывает обстановку того времени. Ни о каком влиянии офицеров на казаков при общей демократизации армии не могло быть и речи. Казаки сами решали, как им быть. Три сотни и команда связи не приняли сторону командира полка, выразив ему свое недоверие. Этот полк впоследствии назовут «контрреволюционно настроенным», тогда какими были революционно настроенные полки?

О их революционности можно судить по воспоминаниям А.И. Деникина, описавшего состояние Русской армии накануне летнего, июльского наступления 1917 года.

Кое-кто может возразить: как можно верить человеку, который ненавидел большевизм и советскую власть, не являются ли его воспоминания умышленным искажением фактов? Нет, верить надо, несмотря на то, что Деникин активно боролся с Советами, возглавив позже Белое движение на Юге России. Он был честным человеком, патриотом своей родины. Можно по-разному относиться к его комментариям, но факты, изложенные в очерке, отрицать нельзя. Армия была развалена и продолжала катиться в пропасть.

Прибывший 6 июня в местечко Збарож, где размещалась 1-я Забайкальская дивизия, полковник Тонких сделал доклад перед офицерами о

работе Союза офицеров армии. Он отметил: «Полный развал и дезорганизация армии, процветает братание, рознь между офицерами и солдатами, отсутствие авторитета у полковых комитетов, недостойное поведение многих офицеров, включая и высшее командование, заигрывающих с солдатами с целью добиться популярности у них и новой власти, прилив в армию делегатов различных политических движений; пехота расстреливала артиллеристов за стрельбу по немцам, перебегала на сторону немцев, указывая данные о расположении наших частей. В одном месте немцы пустили газы на наши позиции. Наша газовая команда пыталась нанести ответные действия, но пехотные солдаты под угрозой расстрела запретили это сделать, пробив штыками газовые баллоны. При этом отравилось много своих солдат.

Участились случаи расправы над офицерами, самоубийства их на почве оскорблений и унижений. В то же время командующий особой армией, объехав войска, нашел, что все идет нормально и блестяще в вверенной ему армии». О том же писал и Деникин. Нет оснований не верить генералу и казачьему полковнику, а также многим другим, пережившим то смутное время.

7 июня 1917 года на имя наказного атамана Забайкальского войска поступила телеграмма от военного министра о том, что «из-за протеста большинства строевых полков казачество сохраняется, и быть ему или не быть — решит Учредительное собрание».

В этот же день полковой комитет 1-го Читинского полка постановил: не сдавать Георгиевское знамя, вопреки приказу по 11-й армии от 17 мая № 341. Другие полки 1-й Забайкальской дивизии свои знамена сдали, 1-й Верхнеудинский полк, также имевший Георгиевское знамя, отправил его в сопровождении хорунжего Бурдуковского в штаб 11-й армии 9 июня, за пять дней до выступления дивизии к фронту.

Оставаясь верным своим союзническим обязательствам, Временное правительство, согласно общему плану войны с Германией, в начале марта 1917 года задумало провести крупную наступательную операцию на русском фронте. Однако в намеченные сроки (во второй половине апреля) наступление не состоялось из-за падения дисциплины в войсках, плохого снабжения армии всем необходимым, неблагонадежности запасных частей. Дальнейшая демократизация армии, рост революционных настроений, нежелание солдат воевать до победы не на шутку встревожили командование и самого демократа Керенского. Не случайно, возложив на себя обязанности военного министра, он разъезжал по фронту, призывая солдат продолжить войну. Настаивали на наступлении и главнокомандующие фронтов, видя в этом единственное средство «спасения армии и России», восстановление доверия союзников. Большевики, агитирующие за прекращение войны, были против наступления, так как видели в нем «...укрепление позиций контрреволюции». Временному правитель-

ству удалось убедить часть солдат начать наступление «во имя революции», выдвигая лозунг «Победа — это мир».

Началась подготовка к наступлению. К фронту пошли эшелоны с войсками, боеприпасами, стали создаваться ударные части, но состояние армии к этому времени уже не оставляло надежды на успех. Солдаты не хотели воевать, особенно те, которые долгое время находились в тылу и были разложены большевистской агитацией.

2. Забайкальцы в последних боях летнего наступления 1917 года

9 июня был получен приказ о наступлении войск Юго-Западного фронта на Львов. Задача 11-й армии, в составе которой находилась 1-я Забайкальская казачья дивизия, состояла в том, чтобы прорвать фронт противника на участке Пресовце — Батки, развивать успех в северном и северо-западном направлении и овладеть Злочевским районом. Слева должна наступать 7-я армия, а справа — Особая, обеспечивающая сковывающими действиями выполнение операции. 1-я Забайкальская казачья и 151-я пехотная дивизии составляли армейский резерв. Местом расположения казачьих частей была выбрана деревня Тауров.

Среди казачьих частей не было единого мнения по поводу наступления. Одни полки готовы были идти в бой по приказу, другие митинговали, а третьи наотрез отказались воевать, как, например, стрелковый дивизион 1-го Читинского полка. Выступавший на митинге 11 июня с призывами к наступлению возвратившийся с Крестьянского съезда в Петрограде делегат был избит ими и сброшен в реку.

1-й Читинский полк находился в г. Збарож, куда стала сосредоточиваться вся 1-я дивизия. На сборном пункте частей 14 июня командиром дивизии был проведен смотр, после чего 1-й Читинский, 1-й Верхнеудинский, 2-й Верхнеудинский полки выступили по шоссе на г. Тарнополь.

По прибытии в город казачьи полки заняли окрестные деревни, а потом в составе дивизии убыли к деревне Домашоры.

16 июня полковые комитеты встречались с военным министром Керенским, прибывшим в деревню Заграбени. Он яростно агитировал за наступление. Когда Керенский закончил речь перед казаками и солдатами, представитель от одного из гренадерских полков вручил ему постановление о непризнании Временного правительства. Керенский назвал гренадеров мерзавцами и предателями: «Если я отдал приказ — вперед, — кричал в исступлении глава Временного правительства, — то вы пойдете». На этой же встрече выступил большевик, получивший одобрение

незначительного числа солдат. Он говорил об окончании войны с Германией, что солдата плохо кормят, жалованье определено мизерное, что революция была вызвана лишь благодаря голоду, обвинял во всех бедах Временное правительство. Керенский ответил на все пункты, выдвинутые большевиком против его правительства, и в свою очередь обвинил большевиков в их политике разложения армии. Под бурные аплодисменты солдаты отнесли военного министра в автомобиль.

16 июня артиллерия Юго-Западного фронта на участках 7-й и 11-й армий открыла ураганный огонь, невиданной до этого силы, который продолжался в течение двух суток. Окопы противника буквально сровнялись с землей, заграждения были уничтожены. Русская пехота пошла в атаку, овладев без труда двумя-тремя укрепленными позициями немцев и австрийцев. Только на участке 6-го армейского корпуса было взято в плен до 9000 солдат противника и 5 орудий. А всего за два дня боев Русская армия захватила между реками Верхней Стрыпой и Нараювкой 300 офицеров и 18 тысяч солдат пленными, 29 орудий, много других трофеев. Противник на Злочевском направлении был отброшен за Малую Стрыпу.

В дальнейшем бои по обе стороны железной дороги Баткув — Конюхи приняли ожесточенный характер. Овладев рядом укреплений, 11-я армия понесла большие потери и приостановила свое наступление, перейдя к обороне. Наступательный порыв исчез не только из-за сопротивления противника, а в большей степени в результате того, что не все полки охотно шли в бой. Один рвался вперед, другой оставался на месте, третий только обозначал наступление.

Полки 1-й Забайкальской казачьей дивизии в ожидании глубокого прорыва фронта обороны и возможности перейти в преследование отступающего противника продвигались за наступающими частями.

18 июня дивизия сосредоточилась в деревне Злочевке, в 9 верстах от передовой позиции. В течение двух дней казаки находились на месте. В полки прибыло из Аткарского запасного дивизиона пополнение казаков и конского состава.

Прошедшие дожди с градом превратили глинистую почву в раскисшее болото.

19 июня несколько раз в течение дня прилетали немецкие самолеты, пытавшиеся сбить аэростат с наблюдателем, но дружным огнем винтовок и пулеметов казаков были отогнаны.

20 июня дивизия перешла в деревню Тауров.

Пехотные части все больше выходили из подчинения русского командования — отказывались идти на позиции или наступать. Были предприняты попытки силой заставить идти их в бой, для чего привлекались части 1-й Забайкальской дивизии. Так, в течение 22 июня 1-й Читинский полк дважды использовался для этих целей. Первый раз — получил

задачу заставить Павловский гвардейский полк выступить на позиции, вплоть до применения оружия. Потом его поставили сзади, в 2 верстах за 13-м и 14-м Финляндскими полками, отказавшимися наступать на деревню Куклинце.

С 23 июня казаки стали непосредственно участвовать в боях. Как только на участке 49-го армейского корпуса наметился успех, по две сотни от 1-го Читинского, 1-го Верхнеудинского, одна от 2-го Верхнеудинского полков и пулеметные команды от 1-го и 2-го Верхнеудинских полков перешли в распоряжение командира корпуса для преследования отходящего противника и составили резерв корпуса. Две сотни 1-го Читинского полка (1-я и 2-я) с пулеметной командой и стрелковым дивизионом сменили на позициях 4-й Финляндский полк, заняв участок обороны протяженностью в 1200 шагов. В этот же день 1-я и 2-я сотни читинцев приняли участие в общем наступлении в пешем порядке. Во время перебежки под огнем противника осколком снаряда был убит хорунжий Ф.Ф. Шильников. Около 17 часов казаки и пехота попали под фланговый огонь немецкой артиллерии, заставившей их приостановить наступление.

1-я и 2-я казачьи батареи заняли позиции в районе деревень Погребцы — Цыцова и вели сильный огонь на протяжении всего дня.

Убывшие в резерв командира 49-го армейского корпуса сотни сосредоточились в деревне Фоторах, где получили задачу выдвинуться в конном строю через д. Цыцова к высоте 392,0 и, не доходя до нее, остановиться. При выполнении задачи колонну казаков атаковал немецкий самолет, ранив из пулемета одного казака. Прибыв к высоте, отряд расположился в лощине, которая обстреливалась противником из орудий. Здесь поступил приказ выдвинуться после предварительной разведки к деревням Зарудзе, Уршулов и зайти во фланг противнику, засевшему в урочище Хоростовец, выбить его оттуда и в случае успеха преследовать. Для разведки убыла 6-я сотня 1-го Верхнеудинского полка, которой было приказано, кроме выяснения сил противника у указанных деревень, найти переправу через реку Малую Скрыпу.

Не успела 6-я сотня подъесаула Лаврова приступить к выполнению поставленной задачи, как была накрыта шестью шрапнельными снарядами, которые легли в самую гущу казаков. По счастливой случайности потерь не оказалось, только один казак был контужен. При подходе к д. Зарудзе сотня опять попала под сильный огонь немецкой артиллерии, во время которого казак Николай Былков был ранен, двое казаков контужены и убита одна лошадь. Противник прочно удерживал деревни и отходить не собирался. С получением приказа сотня отошла в д. Фоторах.

Не дождавшись донесения от разведывательной сотни, командир корпуса посылает 2-ю сотню 2-го Верхнеудинского полка под командо-

ванием подъесаула Беломестнова с той же задачей. В 18 часов 20 минут в донесении от Беломестнова было указано, что противник, обнаружив выдвижение конницы, обрушил на нее град тяжелых снарядов и что в сотне большие потери. Ввиду изменившейся на фронте обстановки отряд получил задачу прекратить разведку и вернуться в д. Фоторах. Потери 2-й сотни, попавшей под артиллерийский обстрел противника, составили: убиты — 5 казаков, без вести пропали — 2, ранены — 19; лошадей убито — 24, ранено — 13.

4-я и 5-я сотни читинцев вернулись в Фоторах, а 6-я сотня во главе с командиром полка выступила на позиции в помощь войсковому старшине Мациевскому, стрелковый дивизион которого не хотел воевать. Участок обороны дивизиона обстреливался сильным огнем тяжелых снарядов, солдаты покидали окопы, огневую связь с 1-й и 2-й сотнями читинцев не поддерживали.

На других участках положение сложилось еще хуже. Наступление 49-го армейского корпуса провалилось. В ходе его полки не выдерживали указанное направление, перемешались, а когда людей стали разводить по своим частям, другие части подумали, что начался отход, и покинули свои позиции. Уходили с позиций под любым предлогом и без предлога. Одного раненого сопровождали 5—6 человек. Офицеры потеряли свою власть, все их попытки заставить самого «демократичного в мире» солдата наступать не имели успеха. 49-й корпус отказался наступать. Это случилось тогда, когда к месту наметившегося прорыва стали в спешном порядке прибывать резервы противника, который не упустил возможности для подготовки и перехода в контрнаступление. О сложившемся положении на фронте 49-го корпуса свидетельствует такой факт: командир одного из батальонов, исчерпав все средства, чтобы удержать солдат на позициях, докладывал командиру полка по телефону, что у него в батальоне «полный бардак», солдаты бегут, а когда командир, не поняв его, переспросил, что случилось, с ожесточением несколько раз повторил: «полный бардак».

В другом месте не пошли в бой 6-й, 7-й и 8-й Финляндские полки. 49-й армейский корпус вынуждены были заменить 5-м армейским корпусом, но и он не мог уже предотвратить надвигающуюся катастрофу.

Только казаки по-прежнему находились на позициях. 24 июня 1-й Верхнеудинский полк вышел из состава 49-го армейского корпуса и присоединился к своей дивизии. Две сотни с 4 пулеметами в пешем строю выступили в д. Погребце на смену в окопах сотен 1-го Читинского полка, который убыл в г. Тарнополь для замены 1-го Аргунского полка, несшего там службу.

27 июня полкам была объявлена благодарность от командующего 11-й армией генерала Эрдели за то, что 1-я Забайкальская казачья дивизия единогласно постановила войти в ударную группу.

Сменяя друг друга, забайкальские казаки находились в окопах на позициях, брошенных пехотой, несли службу в г. Тарнополе и вылавливали дезертиров, вели разведку, гибли от пуль и снарядов противника. Только за 28 июня потери 2-й сотни 1-го Верхнеудинского полка, попавшей при смене позиций под сильный артиллерийский обстрел, составляли: убиты — 2 (казаки Федор Третьяков и Игнатий Лончаков), ранены — 10 казаков и прапорщик Токмаков, контужены — 13 казаков.

Дивизия размещалась в д. Плавуча-Велька. 28 июня здесь состоялся доклад генерала Шильникова и хорунжего Кузнецова о работе Всероссийского казачьего съезда в Петрограде. Присутствовали все желающие офицеры и казаки.

31 июня казачьи секреты 1-го Верхнеудинского полка доложили о попытках разведчиков 7-го конного корпуса противника снять наши секреты и об усилении огня его артиллерии в районе д. Конюхи.

Немецко-австрийские войска готовились перейти в наступление, а фронт 11-й армии продолжал разваливаться. Солдаты бесчинствовали, совершая безнаказанные преступления.

2 июля был убит своими солдатами командир 22-го гренадерского Суворовского полка полковник Рыков за то, что «уговаривал солдат пойти на позиции». Не требовал, не приказывал, а уговаривал, и за это был убит.

Казаки-забайкальцы все чаще стали использоваться для задержания и сопровождения бегущих с позиций солдат. Это вызывало у них недовольство и ропот. Меры для наведения порядка на фронте правительством не принимались. Вместо решительного пресечения дезертирства и оставления позиций продолжались призывы и уговоры, которые на разложенную солдатскую массу не действовали. Возмущались привлечением казаков к полицейским функциям и офицеры, понимая, что отправка не желающих воевать солдат из корпуса в корпус пользы не принесет.

Так, например, в своем донесении № 104 начальнику штаба 1-й Забайкальской казачьей дивизии от 3 июля 1917 года командир 1-го Верхнеудинского полка полковник Тонких с возмущением указывает: «Сегодня предлагалось конвоирование солдат из Цеброво по этапам на Радзивилов. Всего должно было собраться 1200 человек из гвардейских и финляндских полков. Означенные 1200 человек не желают наступать, и их решили с позиций свести в Цебров и отсюда разослать по другим корпусам. Не знаю, чем руководствовались при таком решении, но вряд ли оно правильно, — раз не хотят наступать в одних частях, то, очевидно, не будут наступать и в других».

Морально разложенные солдаты, вливаясь в относительно дисциплинированные части, которые еще кое-где оставались, своим поведением отрицательно действовали на их боеспособность, продолжая распространять свои «демократические» настроения.

6 июля после сильной артиллерийской подготовки противник перешел в наступление на фронте 11-й армии, прорвал его и продолжал безостановочное наступление на Каменец-Подольск. Сопротивление ему почти не оказывалось, а некоторые полки стали прямыми виновниками разразившейся катастрофы, как, например, 607-й Млыновский полк, открывший фронт немцам, самовольно оставив позиции. Не успевал противник преодолеть проволочные заграждения, как русская пехота уже оставляла позиции. Казаки бессильны были остановить бегущих. В своем донесении № 108 генералу Шильникову от 7 июля полковник Тонких докладывал: «Линия 63-го полка уже очищена. Немцы взяли проволочные заграждения. Остановить бегущих нет никакой возможности. Владимирцы тоже очистили правый фланг. Наши сотни встречены пулеметным огнем противника, отходят...»

Малочисленные казачьи сотни не могли противостоять во много раз превосходящему противнику, пытаясь задержать его. В другом донесении командир 1-го Верхнеудинского полка докладывал: «Колонна пехоты противника не менее полка с артиллерией спускается от позиции 61-го Владимирского полка в д. Езерне. Пулеметы поставлены на позиции, а с ними спешенная сотня сотника Мурашова».

Только одна сотня с 2 пулеметами противостояла пехотному полку немцев, имеющему пулеметы и артиллерию. На 9 июля, например, в 1-й сотне 1-го Верхнеудинского полка насчитывалось 77 казаков, а весь полк, согласно донесению полковника Тонких № 122 от 12 июля, имел 15 офицеров и 336 казаков. При этом только за один этот день полк потерял 4 офицеров ранеными, больными, контуженными и 34 казаков, из них двоих убитыми. Вышло из строя 15 лошадей. К 15 июля, согласно донесению № 127, «в 4 сотнях 1-го Верхнеудинского полка насчитывалось всего 200 штыков». 18 июля в донесении № 52 есаул Рюмкин докладывал, что в 4-й сотне спешенных людей 40. Участок (обороны. — *Н.С.*) длиной 500 м.

Иногда казакам удавалось остановить бегущих на каком-то рубеже и заставить оказывать сопротивление наступающему противнику. Так, подъесаул Веремеев, начальник пулеметной команды 1-го Верхнеудинского полка, принятыми мерами 7 июля остановил отходящие 6-й, 8-ю и 12-ю роты Владимирского полка, которые заняли старые окопы на протяжении 3 верст и вместе с ударным батальоном, четырьмя казачьими и пятью своими пулеметами задержали наступление противника севернее Цебрува.

Комиссары Временного правительства, потрясенные паническим бегством 11-й армии, телеграфировали Керенскому о необходимости крайних мер, чтобы остановить обезумевшие толпы деморализованных солдат. Главнокомандующий, с согласия комитетов и комиссаров, отдал приказ о стрельбе по бегущим.

Немногие части дрались геройски, прикрывая отход русских армий, путь которых, по словам А.И. Деникина, был обозначен «пожарами, насилиями, убийствами и грабежами». Не случайно командование Юго-Западным фронтом вынуждено было отдать распоряжение: «Сообщаю для сведения, что... мародеров, пойманных с поличным, расстреливать на месте без суда».

Это явилось следствием вступления в командование Юго-Западным фронтом 11 июля 1917 года генерала Корнилова. Главнокомандующий потребовал немедленно ввести на фронте смертную казнь и военно-революционные суды. Корнилов, не дожидаясь решения Временного правительства, отдал приказ расстреливать дезертиров и грабителей, а трупы их с соответствующими надписями выставлять на видных местах; сформировал особые ударные батальоны для борьбы с дезертирством, грабежами и насилием; запретил митинги в районе фронта, требуя разгона их силою оружия. Корнилов прекратил все наступательные операции, стабилизировал фронт на Збруче. Его жесткие, но необходимые меры отрезвляюще подействовали на солдат, появился страх расплаты за совершенные ими преступления, они сразу поняли, что церемониться с ними не будут. Многие, в том числе демократы и либералы, убедились, что только военная диктатура могла спасти Россию от захлестнувшего ее хаоса и произвола.

В ходе кошмарного отступления 11-й армии «при огромном превосходстве сил и техники» над противником казаки 1-й Забайкальской дивизии отходили последними, как и во время «великого» отступления 1915 года. Занимая рубеж за рубежом, они по мере своих сил сдерживали немногочисленными сотнями и полками превосходящего в людях и технике противника, спасая от истребления утратившие способность к сопротивлению пехотные части. Кроме того, они день и ночь вели разведку, доставляя командованию важные сведения.

Конечно, не следует понимать так, что одни забайкальские казаки сражались с противником в июльские дни 1917 года, были другие боеспособные полки и дивизии, вставшие на пути немецко-австрийской армии и не позволившие полностью разгромить войска Юго-Западного фронта, но бесспорно одно — забайкальцы вошли в это героическое меньшинство.

Отход русских войск прекратился 28 июля с выходом на линию Броды, Збарож, Скалат, Гржималов, по р. Збруч до Днестра и далее на Баян, Серег и восточнее Кимполунг.

29 июля вместо Брусилова Верховным главнокомандующим был назначен генерал Корнилов, арестованный в сентябре 1917 года и посаженный в Быховскую тюрьму за попытку спасти Россию от демократии Керенского и большевистского плана развала армии. Вместе с его арестом исчезла надежда на сохранение армии и защиту многовекового государства от иностранного порабощения, отметит в мемуарах А.И. Деникин.

На Кавказском фронте в течение 1917 года стояло относительное затишье.

Чрезвычайно суровая зима с сильными морозами и снежными буранами сделала невозможным проведение каких-либо активных действий. Подвоз продовольствия и фуража резко сократился, а иногда на несколько дней прекращался вообще. Казаки голодали, их кони истощились до такой степени, что не в состоянии были нести всадника или тащить груз. Бывали дни, когда казаки получали на довольствие по 200 граммов хлеба для себя и 600 граммов зерна для лошади. Такая норма была у всех на позициях в горах. В наиболее трудные с обеспечением периоды этой тяжелой зимы разрешалось расходовать неприкосновенный запас сухарей и употреблять в пищу ослабевших обозных лошадей. Не было топлива. Казаки болели. Свирепствовал сыпной и брюшной тиф.

Англичане, до этого времени отказывавшиеся согласовывать свои боевые действия с русскими, стали требовать оказания им содействия воинами 1-го Кавказского кавалерийского корпуса генерала Баратова, действующего на Багдадском направлении.

После февральской революции и последующих потом событий войска Кавказского фронта начали тоже разлагаться. Резко упала дисциплина, но по сравнению с тем, что творилось на Западном театре военный действий, здесь сохранялся еще армейский порядок. Удаленный от основных центров политической борьбы, Кавказский фронт меньше оказался подвержен разлагающему влиянию мер Временного правительства и подрывной деятельности большевиков.

Несмотря на все трудности, корпус генерала Баратова 17 февраля перешел в наступление против 2-й пехотной дивизии и кавалерийской бригады турок и овладел Хамаданом, продолжая продвигаться на Багдад. К 25 февраля был занят весь район Керманшаха.

На следующий день англичане вступили в Багдад. Для содействия им, с целью отвлечения внимания 6-й турецкой армии от ее южных направлений, из состава 7-го Кавказского армейского корпуса (бывшего 2-го Кавказского кавалерийского) был выделен в конце февраля отряд генерала Назарова с задачей овладеть районом Пиджвин. Столкнувшись с огромными трудностями, отряд остановился 10 марта у Бана, истощив, пробиваясь по занесенным снегом горам, свои силы.

В конце марта войска генерала Баратова вышли к р. Дияла и приостановили свое продвижение в Месопотамии из-за неорганизованности тыла корпуса и растянутости сообщений.

Настроение в Кавказской армии становилось все более революционным. В корпусе Баратова был арестован солдатами и казаками английский военный атташе, настаивавший на продолжении наступления. Требовало этого и Временное правительство, угождавшее во всем союзникам.

В мае температура на равнине Месопотамии достигла +68° по Цельсию, начались знойные ветра. Русские не готовы были для действий в таких условиях. Заболеваемость малярией в частях корпуса Баратова на р. Дияла достигла 80 % личного состава.

Оставив для наблюдения за турками и связи с англичанами две казачьи сотни, генерал Баратов отвел войска корпуса в более здоровые по климатическим условиям горные районы Персии. За это англичане потребовали отстранить его от командования корпусом и поставить более сговорчивого начальника. Русское командование сделать это отказалось и приступило к подготовке операции на Мосульском направлении на фронте 7-го армейского Кавказского и 1-го кавалерийского корпусов, которую планировалось начать летом.

К этому времени общая обстановка на направлении действий 3-й Забайкальской бригады, входившей в состав 7-го Кавказского корпуса, не изменилась. Задача оставалась прежней — выход на рубеж реки Большой Заб. Из-за непроходимости перевалов зимой и невозможности ведения как войсковой, так и агентурной разведки, при определении плана боевых действий бригады командование пользовалось данными о противнике конца осени 1916 года.

К 15 апреля удалось установить, что против бригады противник может выставить следующие силы: между городом Нери и рекой Большой Заб — около 3 рот регулярной турецкой пехоты с 3 пулеметами; в Ревандузе — 1 батальон, 2 орудия и 2 пулемета, а в Акре — 1 батальон пехоты турецкой армии; в Амадии — небольшой отряд персидских жандармов; враждебных русским вооруженных курдов насчитывалось 8—10 тысяч человек.

План летней операции сводился к следующему: вывести возможно большее количество сил отряда на линию реки Большой Заб на фронте Сарагур, Ризан, откуда предполагалось начать главные боевые действия, если не будет изменений в обстановке на то время. Сохранение, по возможности, сил конницы до начала решительных действий. Выделение как можно меньших сил и средств для охраны тыла, коммуникаций, перевалов. Прикрыть незначительными силами Башкалинское и Дизинское направления. Установить надежную связь с соседним Сидекским отрядом.

Исходя из выработанного плана, силы Мосульского отряда были распределены следующим образом: 2-й Аргунский полк в составе 2 сотен и 4 рот айсорского стрелкового батальона вошел в Дизинский отряд полковника Кузьмина. С началом боевых действий он должен был выдвинуться на фронт Хозакенд — Карпел, установив разъездами связь с Ванским отрядом, наступающим справа на Сеэрт, а слева — с главными силами отряда под командованием полковника Оглоблина. В их состав были определены: 3-я Забайкальская казачья бригада (6 сотен 3-го

Верхнеудинского и 4 сотни 2-го Аргунского полков); два батальона 5-го Кавказского пограничного пехотного полка; 1 батарея Кавказского пограничного горного артиллерийского дивизиона из 6 горных орудий; 1-я полевая радиостанция (6-вьючная) и 1/2 роты саперов. Местом предварительного сосредоточения для названных частей указывался район Нери, Серару, Бегерди, чтобы в пять переходов пройти к реке Большой Заб на указанный рубеж. Движение предполагалось осуществлять двумя колоннами: левая — в составе одного батальона пехоты, 2 горных орудий — по плану выступала на сутки раньше от селен. Капенеки долиной р. Рудбар и Хаджи Бег, селен. Рудбари, Баразерп с целью очистить долину реки от враждебных русским курдов и соединиться с колонной главных сил отряда в районе Руа Шепат, Капурст, откуда следовать общей колонной; правая — главные силы — выдвигалась в направлении Нери, Сарагур, и на нее возлагалось выполнение главной задачи операции. На второстепенном направлении — Башкалинском и Дизинском — с задачами прикрытия и разведки должен был действовать, как указывалось, отряд полковника Кузьмина. Предполагалось также для обеспечения действия Дизинского отряда и занятия им лучшего исходного положения для наступления двинуть две сотни 2-го Аргунского полка с айсорским стрелковым батальоном в район окончательного сосредоточения (Нери — Серару) через Дильман, Ханссур, Башкалу, Хоза-Клянд, Карпел, Дизу Гяверскую, Сердешт. Попутно аргунцы должны были хорошо разведать местность в промежутке между селен. Хоза-Кянд и г. Нери, очистив ее от курдских отрядов.

Против орамарских курдов предполагалось выставить небольшой заслон.

Конница в составе 10 сотен 3-й Забайкальской бригады должна была следовать с главными силами и — с выходом на рубеж реки Большой Заб — действовать на ее правом берегу, совершить набег на г. Мосул.

При разработке плана летней операции были учтены недостатки и ошибки 1916 года. В течение апреля некоторые детали плана были уточнены.

Командование Кавказской армии рассчитывало, что это наступление на Мосул привлечет к себе крупные силы турок, и тем самым англичанам будет оказана существенная помощь.

На участке 7-го корпуса отдельные отряды выступили 10 июня и начали успешно продвигаться к намеченной цели. Однако забайкальцам не удалось отличиться в набеге на Мосул, так как 22 июня турки сами перешли в контрнаступление и, угрожая обходом, вынудили русских вернуться в исходное положение. Англичане, в интересах которых проводилась Мосульская операция, никакой поддержки русским войскам не оказали. Осенью планировалось новое наступление на Мосул, потом сроки его были перенесены на весну 1918 года.

В связи с надвигающимся голодом, из-за полной дезорганизации транспортных средств армии и развала всей системы снабжения была произведена полная перегруппировка войск. Значительная часть их расположилась по линиям железных дорог Закавказья и Северного Кавказа.

Забайкальские полки, воевавшие на Кавказском фронте, быстро подпадали под влияние большевиков...

* * *

После октябрьского переворота Советское правительство пошло на сепаратный мир с германо-австрийским блоком. 15 декабря 1917 года в Брест-Литовске был заключен договор о перемирии между Россией и Четвертным союзом. Оно устанавливалось с 17 декабря 1917 года по 14 января 1918 года.

Местом дальнейших переговоров по заключению мирного договора остался Брест-Литовск. Трижды начиналась и прекращалась мирная конференция. В последний, третий, раз Л. Троцкий (Бронштейн), столкнувшись с «непомерными требованиями со стороны бывших противников, покинул конференцию, заявив, что Советское правительство демобилизует армию и "выводит народ из войны..."».

6 февраля 1918 года немцы перешли в наступление по всему Восточному фронту, не встречая серьезного сопротивления. В результате были захвачены огромные территории России.

В конечном итоге правительство Ленина приняло все условия Центральных держав, заключив позорный, кабальный Брест-Литовский мирный договор под предлогом получения передышки для измученного войной народа. Советская делегация его подписала, не читая и не обсуждая.

На Кавказском фронте соглашение о перемирии с Турцией было заключено 4 декабря 1917 года в Эрзинджане.

3. Большевики и казачество

С последними боями неудавшегося летнего наступления и отхода русских армий к государственной границе России закончилась военная деятельность Забайкальского казачьего войска по защите России от внешнего врага. Казаки-забайкальцы в большинстве своем готовы были продолжать войну, но общая обстановка на фронте и в тылу, усиленная агитация большевиков за ее прекращение, массовое оставление позиций пехотными частями разлагающе действовали на патриотизм казаков.

Части 1-й Забайкальской дивизии одобрили решение 2-го Всероссийского казачьего учредительного съезда, состоявшегося 7 июня в Петрограде, о поддержке политики Временного правительства, игнорируя тем самым Советы. Основная масса фронтовиков высказывалась за сохранение и укрепление сословной обособленности казаков, несмотря на стремление беднейшей (меньшей) части их преобразовать весь жизненный уклад казачества на большевистских принципах.

Казаки не скрывали, что хотят изменить многие положения, определяющие их службу, надеялись на это, а потому лояльно относились к большевистским агитаторам, в своих выступлениях делающим главный упор именно на проблемы казачества, но делиться землей с кем-то не собирались. Нет ни одного подтверждения, что они готовы были добровольно отдать часть своей земли крестьянам или иногородним. Наоборот, они всячески подчеркивали неприкосновенность своей главной собственности и источника благосостояния. Это подтверждает резолюция, вынесенная Троицко-Савским съездом представителей станиц 1-го военного отдела войска, в которой отмечалось: «Ни одна пядь казачьих земель не может быть отчуждаема... войско владеет, пользуется и распоряжается своими землями и недрами самостоятельно и независимо».

Не хотели отдавать забайкальские казаки и земли, захваченные Кабинетом, но ранее принадлежащие им, а также запасные станичные и войсковые земли.

Возражали казаки против вмешательства кого бы то ни было в их местное самоуправление.

Все это было оценено В.И. Лениным как поворот «мелкобуржуазных масс к союзу с контрреволюционной буржуазией...». На самом деле это был не «поворот», а продолжение борьбы казаков за свои права, от которых они никогда не отступали.

Созданный в противовес Общеказачьему съезду Центральный Совет казаков, превращенный большевиками в партию трудового казачества и развернувший активную работу среди фронтовых частей, способствовал удерживанию казаков от решительных действий против надвигающейся угрозы насильственного изменения их быта. Феномен непротивления большевизму в 1917 году удивителен. Что убедило казаков не сопротивляться этой идеологии? Ведь все, что предлагала партия Ленина, в случае своей победы, было чуждо самой природе казачества. На что рассчитывали казаки-середняки? Неужели громкие лозунги о справедливости и всеобщем братстве, митинговый психоз так захватили казаков, что они утратили чувство самосохранения? Почему «богатые» донцы и «бедные» забайкальцы оказались в конечном итоге полностью в их власти? Именно казаки, как наиболее боеспособные войска, сорвали поход генералов Корнилова, Крымова и Краснова на Петроград против Временного правительства и Советов. Не сумел поднять в 1917 году Дон генерал Каледин.

Так, в 1-м Нерчинском полку, входившем в состав Уссурийской дивизии, предназначенной для выступления на Петроград, были арестованы все офицеры, поддерживающие Корнилова, а на их место назначили выборных из числа казаков. Аналогично поступили драгуны Приморского полка, казаки 1-го Уссурийского и 1-го Амурского казачьих полков этой дивизии. Осудили корниловский мятеж казаки-донцы. Повсеместно казачьи части отказались выполнять полицейские функции.

После провала похода на Петроград и ареста генерал Корнилов бежал на Дон, а генерал Крымов застрелился.

Большевиками был взят курс на вооруженное восстание, в осуществлении которого им уже никто не мог помешать. Казаки все больше попадали под влияние большевиков, которые, выполняя указание Ленина «идти в казачьи части...», повели усиленную агитацию среди тыловых и фронтовых частей.

Особенно быстро подверглись большевистской обработке тыловые казачьи части. Например, если недавно запасная забайкальская сотня (в последующем дивизион), находившаяся в Аткарске Саратовской губернии, в своих телеграммах поддерживала казаков-фронтовиков по всем позициям, особенно что касалось сохранения казачьего уклада, то к сентябрю 1917 года она превратилась в большевистское гнездо. Десятки казаков, прибывавших туда для последующего убытия на фронт, проходили в Аткарске первую ступень школы большевизма. На фронте они продолжали вести работу сами, склоняя казаков к поддержке большевиков, невыполнению приказов Временного правительства, направленных на продолжение войны и выполнение полицейских функций.

Накануне Октябрьской революции агитация среди казаков еще больше усилилась. Успеху работы большевиков в частях Забайкальского казачьего войска способствовало то обстоятельство, что ведущую роль в ней играли агитаторы из казаков, а не присланные из Петрограда. Длительная работа большевика Г.П. Богомякова в 1-м Аргунском полку привела к тому, что он «обольшевичился» раньше других полков 1-й Забайкальской дивизии. И наоборот, там, где влияние большевиков было незначительным, например в 1-м Читинском полку, там крепче оставались дисциплина и порядок. В Аткарском запасном дивизионе действовала целая группа проводников идей партии Ленина в казачьи массы и тоже казаки: С.С. Киргизов, Я.М. Петелин, Ф.Е. Балябин, М. Бородин, А.И. Блинников и братья Н.М. и Е.М. Матвеевы. На Кавказском фронте во 2-м Читинском полку вел работу большевик, казак Я.П. Жигалин.

Главными доводами агитаторов-большевиков среди казаков были: разорение казачьих семей из-за войны, недостаток топлива, промышленных товаров, увеличение долга казаков в войсковую казну, налоги и поборы, зависимость от атаманов и офицеров, плохое питание на фронте, засилие кабинетских чиновников, неизменяемый порядок выхода

на службу и долгая ее продолжительность и т.д. Короче говоря, затрагивались извечные проблемы забайкальского казачества, одинаково понятные как беднейшему казаку, так и середняку. Эти же проблемы волновали и богатых казаков, так как они тоже зависели от них. Не касаясь главного вопроса — о землепользовании, большевики констатировали только факты, давно всем известные, годами не решаемые, но менее значительные по сравнению с главным, земельным вопросом. Пока он не рассматривался, казаки лояльно относились к большевистской идее демократизации общества на социалистических принципах.

Кроме того, казаки устали от продолжительной войны, от наплевательского отношения к их патриотизму, от попыток использовать казачьи части для подавления народных выступлений и разоружения разложенных, деморализованных солдатских толп. Не хотели казаки, как в 1905—1907 годах, прослыть гонителями новой власти, поэтому лозунги большевиков: мир, свобода, равенство, братство, демократия, — им ничем не грозили, а значит, не стоило против них бороться.

Однако хоть большевизация полков Забайкальского казачьего войска и шла полным ходом, основная масса казаков в силу своего военно-сословного воспитания, традиций воинской службы, жизни, быта не хотела расставаться со своим элитарным положением. Они рассчитывали с помощью большевиков решить свои проблемы, не меняя сложившийся образ жизни. Вот почему в их среде находили отклики призывы контрреволюции, направленные на сохранение устоев казачества. Казак-середняк, боясь потерять часть своей земли, не хотел «черного» передела ее. Крестьяне и иногородние требовали разделить землю с казаками на равных условиях землевладения, что не устраивало большую часть среднего и зажиточного казачества.

Вот почему на 2-м съезде Забайкальского казачьего войска, проходившем в Чите с 18 августа по 4 сентября, большинством голосов было принято решение «по-прежнему сохранить свое историческое почетное звание казака».

Станичные и запасные войсковые земли признавались неотъемлемой и неприкосновенной собственностью забайкальской казачьей общины.

При подготовке ко 2-му съезду казаками-фронтовиками была проведена большая работа в станицах. Это позволило абсолютным большинством голосов: «за» — 122, «против» — 72, проголосовать за решение сохранить Забайкальское казачье войско как сословное население до созыва Учредительного собрания. Кроме сохранения казачьих земель, съезд не исключал «возможности по местным условиям Забайкальской области допущения наемного труда в сельскохозяйственных работах».

О наемном труде ранее уже говорилось, но следует еще раз подчеркнуть, что видеть в наемном труде эксплуатацию человека человеком не

всегда правильно. Эксплуатация предусматривает безвозмездное присвоение продуктов труда непосредственных производителей. А если за свой труд они получают плату? Что делать «непосредственному производителю», если у него нет ничего за душой, кроме рабочих рук? Хозяин давал работу, платил, значит, эксплуатации, как таковой, не существовало, а имелся способ заработать себе на жизнь работникам и решить проблемы работодателям путем использования наемного труда.

На 2-м съезде казаков Забайкалья впервые вышел на арену политической борьбы есаул Г.М. Семенов, назначенный Временным правительством комиссаром в Забайкальскую область для формирования конных отрядов из казаков, предназначенных для борьбы с Советами.

На съезде он яростно защищал Забайкальское казачье войско от попыток ликвидировать его. Немногие понимали тогда, что новая, советская, власть не потерпит казачье сословие.

Большевики всегда опасались казачества и относились с подозрением ко всякой активности в казачьих областях России, где, по словам Ленина, «можно усмотреть социально-экономическую основу для Русской Вандеи». Эти слова Ленина относились к казачеству накануне Октябрьской революции, но на всех последующих этапах борьбы за советскую власть образ «Русской Вандеи» не давал покоя вождям революции, которые в конце концов расправятся с нею. Оправдывая зверства и беззаконие по отношению к казакам в годы Гражданской войны на Дону, И. Смилга в своих «Военных очерках» напишет: «Вспомните французскую революцию и борьбу Вандеи с Конвентом. Вы увидите, что войска Конвента совершали ужасные поступки... Они оправданы историей, потому что их совершил новый прогрессивный класс, сметавший со своего пути пережитки феодализма и народного невежества. То же самое и теперь».

Организатор массового террора против казачества Л. Троцкий (Лейба Давидович Бронштейн) не стал проводить аналогии из истории, как его политический комиссар И. Смилга, а со всей прямотой и цинизмом изрек на совещании политотдельцев 8-й и 9-й армий: «Казачество — это класс, которое избрало царское правительство себе в союзники, опора трона. Казаки подавили восстание 1905 года. Их история запятнана кровью рабочего класса. Они никогда не станут союзниками пролетариата. Уничтожить как таковое, расказачить казачество — вот наш лозунг. Снять лампасы, запретить именоваться казаком, выселить в массовом порядке в другие области. Только так мы можем утвердиться здесь...»

Председатель Реввоенсовета республики Лев Троцкий и член Реввоенсовета республики Ивар Смилга, организуя геноцид казачества на Дону, подали пример для других ретивых последышей, бесчинствующих в казачьих областях России. Следуя по пути, указанному перстом великого вождя пролетариата, они выкорчевывали одну «Вандею» за другой. Выступая на VIII съезде РКП(б) 18 марта 1919 года, ярый приверженец реп-

рессий член Донбюро Арон Френкель доказывал, что одними террористическими методами на Дону успеха не добиться, необходимы «экспроприация казачества и массовое переселение их в глубь России с вселением на их место пришлых трудовых элементов...».

К осени 1917 года, в период резкой большевизации Советов, укрепления их власти на местах, опиравшейся на поддержку солдатской массы и бедноты, отношения с традиционной властью в казачьих областях ухудшились. Особенно они обострились после победы Октябрьской революции. Стали захватываться и раздаваться иногородним, крестьянам казачьи земли, не признавалась власть станичного самоуправления. Казаки повсеместно и во всем притеснялись. Сначала это вызывало недовольство казаков станиц, потом возмущение, переросшее наконец в мятежи. Прибывавшие с фронта большевистски настроенные полки, уже в пути на родину испытавшие на себе произвол Советов, столкнулись с действительностью, далекой от той, которую они представляли себе.

Размежевание казачьего и неказачьего населения приобрело острый характер. Внутри казачьих войск до предела усилилась классовая разобщенность. Установившаяся советская власть в казачьих областях нарушила обещание оставить в неприкосновенности казачьи права и уклад, а самое главное, начался передел земельной собственности путем насильственного захвата. То, о чем предупреждали казаков их атаманы, свершилось. Еще в мае 1917 года министр землевладения Временного правительства Чернов, выступая на Всероссийском крестьянском съезде, заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель. Однако это не насторожило фронтовое казачество, оказавшееся во власти большевистской пропаганды, заверявшей, что со стороны Советов по отношению к казачеству не будет предприниматься никаких мер принуждения. Теперь возникла распря не только между казаками и крестьянами, но и между самими казаками. Казачьи войска разделились на тех, кто поддерживал советскую власть, и на тех, кто видел в ней своего врага. Началась Гражданская война с неисчислимыми жертвами с обеих сторон, обоюдной жестокостью и непримиримостью.

Вожди социалистической революции решили раз и навсегда покончить с «казачьей Вандеей», вот почему в исторических местах расселения казаков был начат против них настоящий террор, переросший в геноцид. Особую, зловещую роль в нем сыграло циркулярное письмо Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года, которое рассылалось на места в виде директивы с «сопроводиловкой» Я.М. Свердлова (Ешуа Соломона Мовшовича): «Необходимо, учитывая опыт года Гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость недопустимы. В дальнейшем

идут отдельные пункты, намечающие характер работы в казачьих районах. Этот циркуляр завтра же перешлю в политотдел с особым нарочным. Необходимо держать его в строжайшем секрете, сообщая только тем товарищам, которые будут нести работу непосредственно среди казаков. Полагаю, что приведенная мною выдержка ясна и точно отвечает на все наши вопросы. Свердлов».

В самом циркулярном письме указывалось: «1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно; провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких-либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти. 2. Конфисковать хлеб и заставлять ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам. 3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно. 4. Уравнять пришлых "иногородних" к казакам в земельном и во всех других отношениях. 5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи. 6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних. 7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка. 8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли. Центральный комитет РКП».

На основании директивы Реввоенсоветом Южфронта 7 февраля 1919 года была разработана инструкция, посланная Свердлову на утверждение и подписанная И. Ходоровским. В ней определялось, кого расстреливать: «...всех без исключения казаков, занимавших служебные должности по выборам или по назначению окружных и станичных атаманов, их помощников, урядников, судей и проч., всех без исключения офицеров красновской армии, всех богатых и так далее».

«Наряду с мерами суровой расправы временные революционные органы должны преследовать цели социально-экономического обескровливания верхов и отчасти средних кругов казачества путем беспощадных контрибуций и конфискаций, переселений иногородних на казачьи земли и в их жилища».

В ответной телеграмме Ходоровскому Свердлов поощряет его действия: «Линия ваша верна, продолжайте в том же направлении».

В Оргбюро ЦК РКП(б) тогда входили: Я.М. Свердлов, Н.Н. Крестинский, М.Ф. Владимирский, зав. Секретариатом ЦК К.Т. Новгородцева, жена Свердлова. Она вела протокол того заседания, на котором родилось людоедское «циркулярное письмо».

Рассылаемая во все инстанции директива была подготовлена Донским бюро РКП(б) (С. Сырцов), командованием Южного фронта (И. Ходоровский), согласована с Реввоенсоветом (Л. Троцкий), Оргбюро (Я. Свердлов). В ЦК принято по докладу С. Сырцова.

Знал ли об этом В.И. Ленин? Исследователи не нашли прямой причастности его к расказачиванию. Но факты говорят, что в ликвидацию казачества Ленин внес свою, и немалую, лепту. Во-первых, его установки по отношению к казачеству рассматривались большевиками как руководство к действиям. Выхватив из речи или публикации пролетарского вождя какую-нибудь фразу, соратники по партии, размахивая ею, как флагом, строили свою работу. Выражения Ленина создавали определенный стереотип мышления у товарищей по борьбе за установление нового строя, которое могло меняться или не меняться, в зависимости от их политической грамотности и умения перестраиваться в тех или иных условиях. Например, после июльских событий 1917 года в Петрограде, когда власть перешла в руки буржуазии, а меньшевики и эсеры согласились на вызов в Петроград сохранивших дисциплину и порядок казачьих войск для замены разложенных частей петроградского гарнизона, Ленин назвал их «участниками и пособниками контрреволюционного палачества». А кто это, по мнению Ленина? «Теперь это — юнкера, реакционные казаки... Вот эти палачи, это реальная власть». Так и остался в сознании многих шаблон казак-палач.

Во-вторых, рассматривая казачьи области как «русскую Вандею», Ленин, таким образом, предупреждал о бдительности, порождающей подозрительность, недоверие и опасение за конечный результат борьбы, если «Вандея» восстанет.

Именно В.И. Ленин первый назвал казачьи области «Вандеей». Это определение очень понравилось троцкистам, развязало им руки в террористической деятельности против казаков.

В-третьих, трагичным оказался выбор Ленина на ответственнейшие руководящие посты людей, далеких не только от жизни казачества, но и русского народа. Председатель ВЦИК Я.М. Свердлов и председатель Высшего военного совета Л.Д. Троцкий из кожи лезли, чтобы оправдать ленинское доверие. По воспоминаниям Н.К. Крупской, выбор этот Ленин считал «исключительно удачным».

Когда истребление казачества шло полным ходом, Ленин на VIII съезде РКП(б), открывшемся в день похорон Свердлова, так отметил «заслуги» его перед революцией: «Я не в состоянии даже на сотую долю заменить его, потому что в этой работе мы были вынуждены всецело полагаться на тов. Свердлова, который сплошь и рядом единолично выносил решения».

Под страхом смерти исполнители ниже рангом выполняли все единоличные решения Свердлова, отдаваемые от имени ЦК партии большевиков.

Благоволил Ленин и ко второму своему ставленнику — Троцкому, названному членом Реввоенсовета республики В.А. Трифоновым «бездарнейшим организатором». Не исключено, что Ленин и Троцкий совместно вырабатывали мероприятия по расказачиванию. Подтверждением этому является записка, посланная петроградским организациям РКП(б): «Следующие меры я обсудил с Троцким: 1) На Дон отправить тысячи 3 питерских рабочих, негодных к войне и невооруженных. Цель — наладить дела, обессилить казаков, внутри разложить их, поселиться среди них, создать группы по деревням и т.д.».

В записке ни слова не говорится о терроре, но кто знает, что не вошло в записку, а было сказано с глазу на глаз? Знал же Троцкий, что его кровавые дела дойдут до Ленина так или иначе, и не боялся. Уверен был: осудит, но и не накажет. Не случайно после отмены январской директивы («циркулярного письма») на Пленуме ЦК РКП(б) 16 марта 1919 года Донбюро не посчиталось с этим и 8 апреля 1919 года состряпало еще одну директиву: «Насущная задача — полное, быстрое и решительное уничтожение казачества, как особой экономической группы, разрушение его хозяйственных устоев, физическое уничтожение казачьего чиновничества и офицерства, вообще всех верхов казачества, распыление и обезвреживание рядового казачества...» Некоторые исследователи казачества выдвигают версию, что Ленин не знал о происходившем геноциде и что его «неверно информировали». Трудно принять эти утверждения, учитывая то, что казачий отдел ВЦИК представлял в Президиум ВЦИК достаточное количество «доказательного материала». Да и как Ленин не мог обратить внимание на резкую вспышку сопротивления советской власти в казачьих областях? Массовые восстания сотрясали Дон и Урал, тысячи казаков пополняли армии Деникина и Дутова, а Ленин не докопался до причин? Не так-то прост был человек с хитрецой в глазах, стоявший у руля советской власти.

Непростительной ошибкой Ленина было подписание декрета Совнаркома от 24 апреля 1919 года о направлении на Дон переселенцев из шести голодавших северных губерний: Петроградской, Олонецкой, Вологодской, Череповецкой, Псковской, Новгородской. Понятно, как были встречены переселенцы на восставшем Доне.

За главными виновниками расказачивания и истребления казаков шли палачи рангом помельче, такие как И. Якир, Бела Кун, Р.С. Землячка (Залкинд) и сотни других комиссаров, уполномоченных и «интернационалистов», которым было наплевать на русскую кровь.

Так в чем были не правы атаманы и офицеры, когда призывали казаков к единству интересов всего казачества и необходимости отстаивания

исторически сложившегося уклада их жизни? А.П. Ермолин в своей книге «Революция и казачество» пишет: «Обман низов казачества его верхами явился также одной из причин того, что основная масса казаков-середняков поддержала требования главарей атамановщины, а некоторая часть трудового казачества была вовлечена в войну против Советской власти».

Не атаманы обманули, а большевики. Пообещав не отбирать землю («земли рядовых крестьян и рядовых казаков не конфискуются»), отобрали, разделив ее среди крестьян и иногородних переселенцев. Признав заслуги казаков перед социалистической революцией, захватив власть не без помощи казаков, большевики немедленно приступили к ликвидации казачьих органов управления и замены их Советами, хотя ранее не претендовали на это.

Предупреждали «офицерско-кулацкие круги», что казаков ждут ужасы революции, и они наступили вместе с расказачиванием и геноцидом. Трудовое казачество не вовлечено «в войну против Советской власти», как пишет А.П. Ермолин, а вынуждено было этой властью взяться за оружие после «просветительной работы» комиссаров и ревкомов в станицах. Л.П. Ермолин не упомянул о том, какой ценой досталась победа, не сказал ни слова о причинах ожесточения казачества. Естественно, что на хорошем счету у автора С.И. Сырцов, Я.М. Свердлов, И. Ходоровский (о Троцком — ни слова) и другие.

Виновниками репрессий А.П. Ермолин считает «местные партийные и советские органы», а Оргбюро ЦК РКП(б) якобы выработало «жесткую линию под влиянием некоторых работников Центра». Террор и геноцид у А.П. Ермолина представлены как перегибы, ошибки «неопытных работников» или козни «чуждых элементов, пробравшихся в советские органы» и совершивших «тяжкие нарушения революционной законности» — увлечение расказачиванием.

Односторонняя оценка событий Гражданской войны в книге А.П. Ермолина «Революция и казачество» очевидна.

Все сказанное в первую очередь относится к самому большому казачьему войску — Донскому. В других казачьих областях события развертывались несколько иначе, но в конечном итоге все они были ликвидированы, везде против казаков организовывался террор, на который те отвечали своим террором. Последними исчезли с Русской земли забайкальские, амурские и уссурийские казаки.

Сделанное отступление о расказачивании на Дону необходимо было для сравнения с такой же «работой», проводимой советской властью в Забайкалье.

Однако особенности Гражданской войны в Забайкалье, и прежде всего установления советской власти, отношения к ней казаков и борьба с контрреволюцией, позволяют сделать вывод, что репрессий и красного

террора, какой имел место на Дону, здесь не было. Наоборот, в Забайкалье больше свирепствовал белый и иностранный террор.

В очерке не ставится целью рассматривать период Гражданской войны и участие в ней забайкальских казаков. Об этом написано много, но на особенностях Гражданской войны в Забайкалье следует остановиться, так как это поможет понять причины исчезновения Забайкальского казачьего войска. После летних боев 1917 года и стабилизации фронта 1-я Забайкальская казачья дивизия была отведена в тыл, где использовалась для разоружения бегущих с позиций пехотных полков, несла службу на железнодорожных станциях, поддерживала порядок в отведенном ей районе. Среди казаков все больше стали выдвигаться требования отправить полки на родину, так как на фронте надобности в казаках уже не было, а выполнять полицейские функции они не хотели. Не удалась попытка генералов привлечь дивизию для похода на Петроград. Страна шла к социалистической революции. Конфронтация между Временным правительством и большевиками резко обострилась. Первые теряли катастрофически свою власть и влияние на казачьи войска, вторые готовились захватить ее вооруженным путем и не прекращали работу среди казаков. Неуклонно шел процесс большевизации 1-й Забайкальской дивизии.

Часть казачьих офицеров или добровольно покинула полки, или была смещена со своих должностей, а вместо них стали выборные командиры. Другая часть заняла выжидательную позицию, не вмешиваясь в дела казаков, которые в значительной своей степени поддерживали Советы и были готовы выступить с оружием в руках против контрреволюции. Потянулись казачьи полки на Дон, Кубань, Терек.

Готовились и забайкальцы. В октябре 1917 года дивизия находилась в Тарнополе, а потом переместилась в Проскуров.

4. Октябрьский переворот и его последствия в судьбе казачества Забайкалья

25 октября в Петрограде произошло вооруженное восстание. Временное правительство было низложено, а власть перешла в руки большевиков. На всей территории Российской империи стала устанавливаться советская власть.

В декабре 1917 года дивизия в походном порядке отправилась в Забайкалье. Командир ее, князь Кекуатов, отдал последний приказ: «Дивизии следовать на Дон!», где собирались основные силы для борьбы с большевиками. Этому приказу подчинился только 1-й Читинский полк, а остальные полки двинулись на восток. К ним в скором времени примкнул и 1-й Читинский, казаки которого отказались в конечном итоге идти

на Дон. Погрузившись на станции Казатин в эшелоны, казачьи полки убыли в Забайкалье. В пути следования им приходилось проходить по территории, где гарнизоны городов оставались еще верными Временному правительству и где уже установилась советская власть.

В Чите весь гарнизон заявил о поддержке решений II Всероссийского съезда, но в конце декабря 1917 года на областном съезде земских организаций и комитетов безопасности (орган власти Временного правительства. — *Н.С.*), был создан коалиционный контрреволюционный орган — Народный Совет, возглавляемый партией конституционных демократов (кадетов). В него вошли представители от меньшевиков, эсеров.

Бурные события тех дней происходили не только в Чите. 20 декабря 1917 года по улицам самого старого города Забайкалья — Нерчинска — была расклеена и направлена на места декларация уездного Совета рабочих и солдатских депутатов о взятии им всей полноты власти на территории уезда. Однако Городская дума и уездная администрация отказались передавать власть Совету. Было спровоцировано выступление демобилизованных казаков 1-го Нерчинского полка, которые разгромили и подожгли спирто-водочный завод, ограбили квартиры служащих завода, а потом бывшие склады золотопромышленника М.Д. Бутина.

В ответ на это большевики принимают решение на вооруженное выступление войск Нерчинского гарнизона, поддерживающих социалистическую революцию. С 26 декабря по 8 января в общественном собрании было арестовано более 100 офицеров гарнизона.

Казаки 1-го Нерчинского полка и солдаты гарнизона полностью перешли на сторону революции, а вся власть оказалась в руках уездного Совета. Для защиты советской власти из казаков-фронтовиков был образован кавалерийский отряд в 100 сабель.

Еще до Октябрьской революции Временное правительство, обеспокоенное усилением влияния большевиков на все сферы власти, стало принимать дополнительные меры по привлечению на свою сторону армейских частей и создания новых. С этой целью в Забайкалье был назначен комиссаром есаул Г. Семенов, предложивший военному министру в мае 1917 года сформировать из бурят и монголов конный отряд для расправы над Петроградским Советом депутатов.

Большевизация Советов перед Октябрьской революцией и нарастание революционного движения в Забайкалье заставляют есаула Семенова, находящегося в поселке Березовка под Верхнеудинском, где он формировал добровольческий отряд, сменить свое место пребывания.

Штаб-квартирой его отряда становится станция Маньчжурия на китайской территории.

19 декабря 1917 года он разоружает русский гарнизон, арестовывает и высылает в Забайкалье членов Совета рабочих и солдатских депутатов

и устанавливает связи с представителями империалистических государств. Англия и Франция оказали ему финансовую помощь, что позволило Семенову увеличить свой отряд и хорошо вооружить его.

17 января 1918 года в Читу прибыл 1-й Читинский полк во главе с полковником Комаровским и прежним офицерским составом. Полк поддержал Народный Совет, который потребовал разоружить красногвардейский отряд, произвести аресты и обыски у руководителей большевистского Совета рабочих и солдатских депутатов. Председатель Народного Совета М. Ваксберг так и заявил: «Существование Красной гвардии не нужно и в данное время опасно для спокойствия города». Находящиеся в оппозиции коалиционному Народному Совету большевики внесли поправку, что разоружение должно проходить мирным путем. Так как Народный Совет побоялся применить силу, согласившись с поправкой, Красная гвардия сохранила свое оружие.

Тем временем стали подходить в Забайкалье другие казачьи полки, настроенные пробольшевистски. Например, 2-й Читинский полк 22 января 1918 года на общем собрании принял постановление, направленное против действий Семенова, объявившего себя атаманом Забайкальского казачьего войска и начавшего вооруженную борьбу с Советами. Казаки решительно заявили, что они в союзе с рабочими, солдатами и трудовым крестьянством будут бороться за торжество власти Советов.

Полковой комитет арестовал офицеров, которые высказывались против Советов, выбрали командиром полка беспартийного Я.П. Жигалина. 23 января полк из Иркутска прибыл в Верхнеудинск, где на состоявшемся митинге командир полка Я.П. Жигалин заявил, что казаки полка будут «отстаивать советскую организацию власти забайкальского казачества на основах тесного соединения и слияния его со всей остальной революционной демократией Забайкалья в лице Советов рабочих и крестьянских депутатов».

Остальные части 1-й Забайкальской казачьей дивизии, возглавляемые большевиками, тоже признали власть Советов. На собрании 15 февраля 1918 года в Иркутске казаки 1-го Аргунского, 2-го Верхнеудинского, 2-го Нерчинского полков и 3-й Забайкальской казачьей батареи приняли резолюцию: «...только Советы рабочих, солдатских, крестьянских депутатов могут вести революцию дальше до победного конца».

18 февраля 1918 года сказала свое слово возвращающаяся с Кавказского фронта 3-я Забайкальская казачья бригада. На митинге в городе Красноярске казаки 3-го Верхнеудинского, 2-го Аргунского полков и 2-й Забайкальской батареи выразили готовность «биться до последних сил за дело крестьян и рабочих, за социализм и за великую Российскую Республику Советов». К сожалению, выступая за ликвидацию казачьего сословия и за власть Советов, казаки Кавказской Забайкальской казачьей дивизии (3-я и 4-я Забайкальские бригады) сожгли свое боевое дивизи-

онное знамя. Непосредственным участником акта сожжения боевой святыни был большевик П.Н. Атавин, казак поселка Малый Толгой Шелопугинской станицы, будущий командир Копуньского казачьего красногвардейского полка из бригады Копзоргаз на Даурском фронте в Забайкалье. Это сожжение произошло задолго до III Областного съезда казаков, принявшего решение об упразднении Забайкальского казачьего войска. Казаки Кавказской Забайкальской дивизии продемонстрировали перемену в своем сознании по отношению к казачеству, подчеркнув, что к старой жизни возврата нет. Социалистическая революция вносила свои коррективы в некогда незыблемые традиции Русского воинства.

16 февраля 2-й Читинский полк прибыл в Читу и вместе с красногвардейским отрядом захватил в городе все стратегические объекты. Командир 1-го Читинского полка полковник Комаровский и офицеры полка, проживавшие в гостиницах «Даурия» и «Селект», были арестованы.

Народный Совет, передавая власть Совету рабочих и солдатских депутатов перед своим роспуском, принял резолюцию, что уступает ее под воздействием «грубой физической силы», и возложил «всю ответственность за происшедшее на казачьи войска и на Советскую власть».

До созыва областного съезда трудящихся был образован Комитет советских организаций Забайкалья под председательством большевика В.Н. Соколова.

20 февраля на имя Ленина в Петроград была послана телеграмма: «... Забайкальский совет рабочих, казачьих и солдатских депутатов в полном контакте и содействии революционных казачьих войск, вернувшихся с фронта, взял всю полноту высшей революционной власти в области в свои руки...»

Таким образом, первой и главной особенностью революции в Забайкалье являлось то, что власть Советов здесь «была установлена силой казачьих полков, прибывших с фронта».

В ряде станиц Забайкальского войска в руководители Советов были избраны казаки-фронтовики, хорошо знающие жизнь и нравы своего сословия, а не пришлые, назначенные сверху руководители, как было на Дону.

С 27 марта по 4 апреля состоялся областной съезд рабочих, крестьян и казаков Забайкалья, на котором большинством в 61 голос, без прений, было принято решение о ликвидации казачьего сословия, его войсковых учреждений и о слиянии со всем трудовым населением России. У советской власти отпала необходимость расказачивания забайкальцев силой. Они это сделали собственными руками, без кровопролития. Терпимость, с которой отнеслись казаки к этому решению, можно объяснить тем, что большая часть Забайкальского казачьего войска была из крестьян, и над ними не довлели сословные традиции, как над коренными казаками. Добровольный отказ от своих сословных преимуществ и вытекающие из

этого последствия можно считать другой важной особенностью революционного преобразования забайкальского казачества. Попытки атамана Семенова поднять казаков на борьбу с советской властью провалились. Большинство казаков не пошло за ним, так как репрессивный аппарат нового строя обрушился в первую очередь на богатых казаков, что устраивало и бедняков, и середняков. В этот период богатые казаки были главным источником пополнения отряда семеновцев. Находил поддержку атаман в станицах и поселках коренных казаков, не согласных с решением III Казачьего съезда. Не случайно Семенов местом своего постоянного пребывания избрал приграничные районы 1-го и 2-го военных отделов, где проживала основная масса коренных казаков.

Для борьбы с семеновщиной был образован Забайкальский фронт, который дважды, в феврале и апреле, отбрасывал его отряды в Маньчжурию. Но при поддержке войск восставшего чешского корпуса, Временного Сибирского правительства (адмирал Колчак), наступавших с запада, и японцев, с юго-востока, Семенов со своими отрядами вступил в Читу.

С захватом столицы Забайкалья в области установился белый террор. Контрразведка семеновцев свирепствовала во всю силу, приводя в ужас даже видавших виды белогвардейцев и интервентов. Уничтожались большевики, явные и мнимые. Людей хватали, пороли, расстреливали без суда и следствия. Жертвами белогвардейского террора стали тысячи забайкальцев, поддержавших советскую власть, казаков и неказаков.

В области стали образовываться партизанские отряды, состоящие из всех слоев населения Забайкалья. В эти отряды уходили целыми сотнями фронтовики-казаки, создавая красные казачьи полки. Храбро воевавшие против немцев и турок, казаки-забайкальцы с ожесточением начнут уничтожать друг друга в страшной от классовой ненависти Гражданской войне.

Против семей казаков, ушедших в партизаны, семеновцы развяжут кровавые карательные акции. В одном из приказов атамана Семенова Алтайскому поселковому сходу говорилось: «Потомство этих "героев" (ушедших в партизаны) будет уничтожено, а имущество реквизировано в доход государства. Семьи, имеющие членами хоть одного большевика, будут лишаться имущества, а также всех льгот, селения сжигаться, дабы не осталось камня на камне».

Командующий американским экспедиционным корпусом назвал атамана Семенова «бандитом и убийцей».

Массовый террор, устроенный атаманом в Забайкалье, оттолкнул от него даже тех казаков, которые выступали против проведения в жизнь основного закона о социализации земли. Для пополнения своих частей Г. Семенов вынужден был прибегнуть к насильственной мобилизации в армию казаков, оставшихся в станицах. Только для наступления на Бог-

датскую станицу 25 сентября 1919 года атаман сосредоточил восемь казачьих полков, а к октябрю 1920 года армия его насчитывала 35 тысяч человек, 18 бронепоездов и 40 орудий. Принудительно мобилизованные части не могли противостоять войскам ДВР (Дальневосточной Республики) и в конечном итоге были разгромлены.

Таким образом, террор и насилие, развернутые атаманом Семеновым в Забайкалье, способствовали победе советской власти в области.

Другой особенностью Гражданской войны в Забайкалье являлось то, что белогвардейцы опирались на штыки японских интервентов и многие казаки из патриотических побуждений вели борьбу с ними.

После ухода интервентов и разгрома семеновской армии большинство недовольных советской властью казаков ушло в Маньчжурию вместе со своими семьями и хозяйством, следовательно, на бывшей территории войска перестала существовать социально-экономическая база «казачьей Вандеи». Впоследствии, когда советская власть стала проводить репрессии против воевавших по мобилизации у Семенова казаков и даже красных партизан, перераспределение казачьих земель на началах уравнительно-трудового пользования вызвало неприязнь к Советам, увеличилось бегство расказаченных в Маньчжурию, усилилась поддержка некоторой части населения юго-восточных районов семеновских отрядов, проникавших в область из Китая.

Мятежей, подобных тем, что на Дону, здесь не было. Продолжали борьбу против советской власти небольшие отряды казаков в пограничной зоне Забайкалья, которые именовали себя партизанами. Бывший атаман Забайкальского казачьего войска генерал Шильников по реке Аргуни основал сначала казачьи посты, после из них образовали отряды, «переходившие границу и нападавшие на советские учреждения, активистов». Особую известность получили начальники этих отрядов казаки Гордеевы, Мыльников, уничтоженные советскими частями на территории Забайкалья. Большинство партизан составляли крестьяне, казаки, разоренные Советской властью и поэтому непримиримо относившиеся к ней. Партизанские отряды из Китая формировались из людей, хорошо знающих местность и население. Они выбирали малозаселенные, труднопроходимые места, переходили на левый берег Аргуни и доходили до Нерчинска и даже до Борзи.

На первых этапах их действий основная задача ставилась на поднятие населения для борьбы против советской власти и только позже, при приходе в Маньчжурию японцев, они привлекались к ведению разведки.

Некоторые слои населения Забайкалья поддерживали эти отряды, укрывали их от советских карательных органов, но на открытую борьбу с существовавшей властью выступить не решились. Советская власть прочно укрепилась на бывшей территории Забайкальского казачьего войска и пресекла все попытки восстать против себя.

5. Возрождение Забайкальского войска, проблемы и перспективы

Казачество возрождается, и это бесспорный факт в новой истории России.

Ученые продолжают спорить о происхождении казаков и на этой основе пытаются понять, что же возрождается сейчас: то ли особая этническая группа людей, то ли социально-сословный слой общества, заявивший свои права на существование в современных условиях. Одно не вызывает сомнения у большинства исследователей, что казачество — это чисто славянское явление, которое не имеет аналогов в среде других народов. «Свободолюбивый рос», как называли представителей восточнославянских племен византийские и арабские путешественники, в силу различных причин ушедший от племенной опеки в далекие враждебные края и обосновавшийся там, стал казаком. Поэтому, вероятнее всего, правы те, кто видит в казаке не представителя какой-то неизвестной науке народности, неизвестно откуда взявшейся, а вполне реальную славянскую этническую общность.

Естественно, что вначале казаки представляли собой обособленную этническую группу этой общности, образовавшуюся из различных славянских племен, но в процессе эволюции славянства, последующего притока беглых на казачьи земли в период централизации государственной власти на Руси, племенные различия исчезали и в конце концов казаки превратились в уникальный однородный социальный слой общества, отличающийся от других слоев своей сословно-статусной ролью. Живя бок о бок с враждебными или мирными народами-соседями, казаки перенимали их культуру, быт, обычаи и нравы, вступали в семейные отношения с «инородцами», все больше приобретая характерные, отличительные черты, присущие той или иной области их расселения.

Образовалась новая общность людей, не потерявшая при этом свое главное славянское начало — самобытность культуры и языка. Значительно позже появились казачьи формирования нерусского происхождения, созданные волей российских монархов. Встав на защиту границ России, казаки верой и правдой служили ей, совершив немало героических подвигов на полях сражений.

В истории казачества было все: и слава, и позор, бунты против государственной власти и безупречное послушание ей, вершили суд, расправу цари и коммунистические вожди. Большевикам удалось ликвидировать «казачью Вандею» путем обмана и большой крови, но несмотря ни на что дух казачества оказался неистребим. С падением коммунистического режима во всех исторических областях России, считающихся исконно казачьими, стало набирать силу движение за возрождение казачества.

В июне 1990 года в Москве официально, на Большом круге казачьих организаций, сформировался Союз казаков, куда вошли казаки Донского, Кубанского, Оренбургского, Забайкальского, Терского, Сибирского, Уральского, Амурского, Семиреченского, Астраханского, Енисейского и Уссурийского казачьих войск.

К сожалению, казачество возрождается как общественная организация, а не как историческая воинская структура. В этом видится одна из главных причин того, что может затормозить процесс возрождения. Казак немыслим теперь без государственной службы, следовательно, во многом его судьба будет зависеть от отношения правительства к казачьим войскам. История России вновь вернула казаков на свои границы, которые они охраняли много веков, поэтому ее и нужно доверить им. Заявление Президента России о том, что «пограничным войскам России — быть», вселяет надежду на возвращение казаков к своим исконным обязанностям. Для этого казачьи войска должны стать неотъемлемой частью Российских Вооруженных Сил. Если этого не произойдет, то казачество будет представлять собой опереточное войско, щеголяющее в военной форме, но не приносящее никакой пользы для державы. Городские казаки с успехом могут охранять общественный порядок в городах в системе МВД России. Исходя из этого, необходимо издать закон, определяющий все стороны служебной и хозяйственной деятельности казачьих войск. Земля, на которой проживают казаки, согласно закону, должна быть передана безвозмездно в их пользование, а они сами решат, как владеть ею: то ли коллективно, то ли единолично. Не следует навязывать казакам, какие органы власти им иметь, они сами решат, что им лучше подходит, — Советы или традиционное казачье самоуправление. Закон должен только точно определить правовые нормы сосуществования казачьего и неказачьего населения, исходя из реально сложившихся условий.

Таковы общие, главные проблемы, присущие всем казачьим войскам. Решение их не терпит отлагательств, так как стихийный процесс возрождения казачества должен быть взят под контроль государства. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1992 года «О реабилитации казачества» недостаточно полно отвечает требованиям жизни и поэтому не может способствовать ускорению решения казачьего вопроса. Во-первых, признается за казаками статус общественных объединений, а не войска, находящегося на службе у государства; во-вторых, боязнь наделить казаков какими-либо привилегиями и льготами затрудняет переход колеблющихся людей в казаки, так как это требует от них определенных обязанностей, но ничего не дает взамен; в-третьих, не установлены сроки реализации государственной программы возрождения казачества, что может растянуться на долгие годы и превратить все в стихийный процесс, идущий снизу, непредсказуе-

мый по своим последствиям. Хотели бы или не хотели некоторые государственные деятели и лидеры Союза казаков поставить казачество вне политики, в условиях до предела политизированного общества избежать политизации его, как, впрочем, и всей армии, будет невозможно. Это подтверждается последними событиями в различных исторических областях расселения казаков, где уже наметился раскол на «белых» и «красных» казаков. В Гражданскую войну этот раскол стал смертью казачества. Спасение его — в единстве, и надо согласиться с решением съезда донских казаков, постановившего считать Гражданскую войну на Дону законченной. Это относится не только к донцам, но и забайкальцам, сибирским и другим казакам. Взаимными упреками не поднять из праха расстрелянную и порубанную шашками свою былую славу, не воскресить павших с обеих сторон, а вред может быть очень большой. Осудили виновных в разжигании Гражданской войны — и хватит. Сейчас все усилия, энергию надо направить на решение главного вопроса — возрождение казачьих войск России как части вооруженных сил, и под непосредственным руководством ее правительства. Тогда казаки будут защищены государством от разбойных нападений на их поселения националистически настроенных экстремистов с Кавказа, тогда не обвинят казаков-добровольцев, воевавших в Приднестровье за спасение русскоязычного населения от румынизации, в наемничестве, тогда, прежде чем заговорят автоматы и пулеметы, в борьбу за их права и защищаемых ими собратьев в ближнем зарубежье вступят дипломаты. Не будет нужды казаками проявлять инициативу там, где может принять действенные меры правительство России. Раньше казачьи войска уходили на войну с иностранным врагом по приказу высшей государственной власти, которой подчинялись по закону. Сейчас не связанные присягой, данной правительству, и не находясь у него на службе, казаки решили защищать российское население там, где оно оказалось брошенным на произвол судьбы. Не исключено, что и впредь казаки выступят с оружием в руках в защиту его, если правительство России будет проявлять нерешительность в отстаивании прав своих граждан на бывшей территории Советского Союза.

Кроме частей и подразделений, предназначенных для пограничной службы, казаки вправе иметь свои полки, куда могла бы призываться казачья молодежь. Такие полки должны получить свои исторические названия, а сформированные на базе уже существующих полков Русской армии — и почетные наименования последних. В Забайкальском казачьем войске, например, базой для создания первого казачьего полка может стать Порт-Артурский мотострелковый полк, в название которого надо добавить 1-й Аргунский, учитывая близость пограничной реки Аргуни, где исстари находились русские, бурятские и тунгусские казачьи караулы. Полное наименование полка было бы

следующим: 1-й Аргунский мотострелковый Порт-Артурский полк. При этом соблюдалась бы преемственность боевых традиций далекого прошлого и недавнего настоящего. Такой полк может стать образцом в исполнении солдатами и офицерами своих служебных обязанностей, крепкой сознательной дисциплины, уставного порядка, высокой боевой готовности. В ответе за солдата-казака будут не только командиры, но и атаманы казачьих общин, откуда ушли на службу призывники. Нет нужды перечислять все преимущества, которые получит армия от таких полков. Исчезнут многие негативные явления, существующие в армейской среде, лучше будут проявлять заботу о своих земляках власти Забайкалья.

Не должны быть забыты прославленные в боях с врагами Отчизны 1-й Читинский, 1-й Верхнеудинский и другие казачьи полки Забайкальского войска. В них могли бы проходить службу наряду с забайкальцами молодые казаки сибирского, енисейского и других войск России.

Особую роль могут сыграть забайкальские казаки в охране границы. Она им была доверена в течение двух с половиной веков, почему бы не доверить и сейчас? Казаки Забайкалья всегда отличались любовью к своему краю, верностью присяге и воинскому долгу. Пограничные войска от призыва казачьей молодежи в свои ряды только бы выиграли, тем более что практически все старые казачьи станицы и поселки находятся непосредственно на границе или рядом, население их хорошо знает прилегающую местность, да и старшее поколение казаков всегда придет в случае необходимости на помощь своим сыновьям.

После государственной службы казаков на первый план выдвигается их хозяйственная деятельность. При решении этой проблемы недостаточно отдать землю в распоряжение казачьих обществ. В течение ряда лет, пока они не окрепнут, государству необходимо будет оказывать им постоянную поддержку и помощь. Такая экономическая политика привлечет в войско колеблющихся, будет способствовать его росту, а значит, и решится проблема охраны и защиты границы Забайкалья.

К сожалению, забайкальское казачество возрождается медленно. Даже в тех селениях, которые когда-то полностью были казачьими, процент казаков невелик. Люди выжидают и не стремятся быстрее вступать в войско. Главная причина этого, как уже отмечалось, отсутствие правовой основы существования казачества, не созданы экономические условия для его возрождения.

Кроме того, возродить казачество невозможно без героико-патриотического воспитания молодежи на лучших традициях казачества, его обычаев, высокой нравственности, трудолюбия, веры в свою историческую миссию, уважения к культуре других народов, населяющих Забайкалье.

К началу великой войны 1914—1918 годов в Забайкальском казачьем войске не было чисто национальных воинских формирований. В полках служили русские казаки, из бурят и тунгусов, вместе сражались они с внешним врагом, гибли в боях, оказывали друг другу помощь и товарищескую поддержку, проявляя при этом героизм и самопожертвование. В мирной жизни их взаимоотношения строились на основе такого же казачьего братства. В войске существовали различные направления православной религии, ламаизм, были даже мусульмане. Казаки никогда не были сверхнабожными людьми, как это пытаются сейчас представить некоторые лидеры казачества. Их объединяла больше вера в свое историческое предназначение в защите священных и неприкосновенных рубежей России, а вера в бога, как и образование, помогала служить этому главному нравственному принципу.

Поэтому сейчас как никогда необходима пропаганда былого единства забайкальских казаков. В войске должны быть наряду с русскими, казаками — буряты и эвенки (тунгусы), чтобы сохранилась его самобытность и неповторимость. Это послужит только укреплению дружбы между народами Забайкалья, преградит путь национализму. Патриотизм, любовь к своему Отечеству — вот что должно быть главным в идеологии казаков Забайкалья.

В настоящее время работа по патриотическому воспитанию ведется слабее, чем на Дону или Кубани, где в некоторых станицах казаки составляют большинство населения и имеют свои органы самоуправления. Именно на волне патриотизма, подкрепленного реальными делами по улучшению уровня жизни людей, защите их прав и достоинства, возможен рост казачьих рядов в Забайкалье. Сейчас трудно назвать здесь такое селение, где казаки могли бы создать станицу или поселок со своими органами самоуправления, а без этого войску не быть. Следовательно, увеличение численности казачьего населения может стать одной из больших проблем при возрождении Забайкальского казачьего войска. Некоторые из потомков казаков не вступают в войско по перечисленным выше причинам, так как не видят разницы между казаками и неказаками ни в политическом, ни в экономическом плане, другие боятся неопределенности в положении казачества, третьи не привыкли к дисциплине, неизбежной в казачьей среде, а есть такие, которые не хотят трудиться на земле и еще служить Отечеству.

Какие же перспективы имеются у возрождающегося Забайкальского казачьего войска? Что надо сделать, чтобы оно заняло достойное место в современном обществе?

Изменить обстановку в лучшую сторону может только реализация комплексной государственной программы возрождения казачества, в которой должно быть предусмотрено решение следующих проблем: во-первых, казаки должны нести государственную службу, определенную

специальным законом о казачестве, получать за это жалованье и иметь соответствующие льготы; во-вторых, необходимо создать им все условия для экономического существования, то есть наделить землей и оказать материальную помощь в хозяйственной деятельности; в-третьих, компенсировать, хотя бы частично, потери, нанесенные казакам за 74 года советской власти, для чего выделить безвозмездную ссуду на образование войскового капитала, предназначенного для решения социальных задач казачьих общин; в-четвертых, учитывая рискованность хозяйствования в условиях сурового климата Забайкалья, освободить казаков от налогов на 2—3 года; в-пятых, усилить работу по патриотическому воспитанию людей и привлечению их в ряды Забайкальского войска.

Это главные задачи, без решения которых казачество не возродится. Главнейшей из них, несомненно, является государственная служба.

Таким образом, забайкальское казачество может быть возрождено при непосредственной помощи и поддержке государства. Не надо бояться казака. России многим ему обязана, и от того, как поведет себя правительство по отношению к казачеству, зависит не только судьба казаков, но и будущее страны и прежде всего неприкосновенность границ державы, стабильность обстановки в местах их расселения, улучшение благосостояния народа. Жертвы, принесенные казачеством во имя величия России, взывают к справедливости, скорейшее решение проблем его возрождения принесет государству огромную пользу, а казаки отплатят за это своей верной службой.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Забайкальское казачье войско вписало в историю России немало славных страниц. Собранный из различных источников материал приоткрывает только часть событий, в которых участвовали забайкальцы. Многие факты героического прошлого войска, подвиги его казаков на войне, тяжелая борьба за существование в суровых климатических условиях остались неисследованными и не нашли своего достойного места ни в ранних публикациях, ни в настоящих. Было бы замечательно, если бы за написание истории забайкальского казачества взялись профессиональные историки и писатели. Без внимания исследователя не должны оставаться даже мелочи, так как за каждым прожитым войском днем, пусть даже и незначительным, скрывались судьбы людей, прославивших этот край то ли ратными делами, то ли трудовыми. Забайкальские казаки заслужили это. Благодаря им держава укрепилась на дальневосточных границах, вышла к Тихому океану, приобрела несметные богатства на территории от Байкала до Уссурийского края.

Только с начала века Забайкальское казачье войско трижды отмобилизовывалось на войну, трижды пролило кровь за интересы России на полях сражений, трижды по его благосостоянию наносился жесточайший удар. Две революции и Гражданская война разделили казаков на два непримиримых лагеря и в конечном итоге привели к ликвидации всего казачества. Огромны людские потери, понесенные войском в войнах и в годы репрессий. Само слово «казак» было вычеркнуто из лексикона забайкальцев.

Вот почему казачество с таким трудом возрождается сейчас. Многие до сих пор не приемлют его, приписывая ему все грехи прежних властей. Недоброжелатели всячески пытаются подорвать веру в казака, порочат его прошлое и настоящее, забывая о том, что хорошего в истории казачества было больше, чем плохого. Забайкальские казаки честно и добросовестно выполнили свой долг перед Отечеством и стыдиться им за это нечего.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

I. Документы

Архивные фонды:

Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА. Москва. Россия). Фонды: 330; 5278; 5282; 5283; 5284; 5285.

Государственный Архив Читинской области (ГАЧО. Чита. Россия). Фонд 30.

Публикация документов:

Внешняя политика Советского Союза и международные отношения: Сб. документов. — 1969. М.: Международные отношения, 1970. — 296 с.

Восстание ихэтуаней: 1898—1901 гг.: Документы и материалы. — М.: Наука, 1968 (АН СССР. Ин-т Народов Азии). — 276 с.

Всеподданнейший отчет о деятельности главных управлений Военного министерства, вызванной войной с Японией в 1904—1905 гг. — СПб., 1912.

Гирченко В.П. Этапы революционного движения в Бурятии (1917—1918 гг.). Хроника. — Верхнеудинск, 1927.

Годовой отчет о состоянии Забайкальского казачьего войска за 1851 год. — Чита, 1852.

за 1872 год. — То же 1873.

за 1878 год. — То же 1879.

за 1895 год. — То же 1896.

за 1901 год. — То же 1902.

за 1902 год. — То же 1903.

за 1903 год. — То же 1904.

за 1904 год. — То же 1905.

за 1906 год. — То же 1907.

за 1908 год. — То же 1909 (по гражд. и воен. части).
за 1912 год. — То же 1913.
за 1914 год. — То же 1915 (по воен. части).
за 1915 год. — То же 1916.

Журнал заседаний съездов деятелей сельского хозяйства. 1—12 августа, 1911. — Омск, 1912.

Наступление Юго-Западного фронта в мае—июне 1916 года. Сборник документов мировой империалистической войны на русском фронте (1914—1917). — М., 1940.

Протоколы 1-го Казачьего съезда. — Чита, 1917.

Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы: В 2-х т. — Т. 2. 1689—1691. — М.: Наука, 1972. С. 5—54.

Русско-китайские отношения. 1689—1916: Официальные документы. — М.: Изд-во вост. лит., 1958. — 140 с.

Свод материалов комиссии Куломзина. Т. 10. — СПб., 1899. С. 27—57.

Хрестоматия по истории Читинской области. — Чита, 1972.

II. Дневники и мемуары

Агапеев А.П. Бэй-Тан: (Из личных воспоминаний) // Воен. сб. 1902. № 1 Сс. 18—47.

Алисов С.П. Край будущего: из впечатлений поездки в Сибирь. Вестник знаний. 1903. № 12. С. 9—34; 1904. № 1. С. 96—116.

Аничков Д.И. Пять недель в отряде ген. Мищенко. Воспоминания участника. — СПб: Воен. книгоизд. Шнеур, 1907.

Апушкин В.А. Куропаткин: Из воспоминаний о Русско-японской войне, 2-е изд. — СПб.: Тип. Русскопечатня, 1908.

Апушкин В.А. Мищенко: из воспоминаний о Русско-японской войне. — СПб.: Березовский, 1908.

Бернацкий В.А. Из писем артиллерийского офицера с австрийского фронта // Русск. старина. Т. 162. 1915. №4. С. 96—112.

Бой у Старого Ньючжуана (Из дневника) // Разведчик. 1901. № 569. С. 812—816.

Брусилов А.А. Мои воспоминания. Предисл. д-ра ист. наук проф. В.В. Мавродина. 5-е изд. — М.: Воениздат, 1963. 287 с. с карт.

Василевский В.И. Атаман-палач // Забайкальский рабочий, 1990 (24 октября).

Дело под Хунчунем. Воспоминания штабс-капитана А. Белозерова // Верещагин А.В. На войне: рассказы очевидцев 1900—1901 гг. — СПб.: тип. Голике, 1902. С. 180—185.

Воспоминания командира 1-го Нерчинского полка войскового старшины Д. Вотинцева // Там же. С. 62—75.

Тянзинское сидение. Воспоминания командира 12-го Восточно-Сибирского стрелкового полка полковника Анисимова // Там же. С. 16—29.

Письма жене офицера с театра военных действий в Печили // Там же. С. 98—124.

Воспоминания штабс-капитана Б. Озмидова // Там же. С. 49—61.

Из жизни на фортах Бейтана (воспоминания капитана Лисниченко) // Там же. С. 76—90.

Описание особенно выдающихся случаев, пережитых 1-й сотней 1-го Нерчинского полка в Китайской войне 1901 года (из воспоминаний подъесаула Шарапова // Там же. С. 126—131.

Иванов И.Е. Из военно-походных впечатлений // Там же. С. 192—205.

Верещагин А.В. По Маньчжурии (1900—1901). Воспоминания и рассказы. — СПб.: типолит. Тихонова, 1903.

Верховский А.И. На трудном перевале. — М.: Воениздат, 1959. 148 с.

Виноградов Н.А. Из дневника забайкальского миссионера // Православный благовестник. Т.2. 1899. № 2, 11, 12, 13, 14, 15.

В отряде ген. Мищенко: Сахотанский бой с японцами. — М.: Морозов, 1905.

Врангель П.Н. В передовом летучем отряде ген. Ренненкампфа // Ист. вести. 1907. Т. 108. № 4. С. 158—203.

Врангель П.Н. В тылу у японцев во время боя при Шахэ // Ист. вести. 1909. Том 118. № 11. С. 542—568.

Деникин А.И. Майский набег ген. Мищенко // Воен. сб. 1906. № 8. С. 15—38.

Деникин А.И. Очерки русской смуты // Вопросы истории. 1990. № 4, 9, 11; 1991. № 1.

Деникин А.И. Очерки русской смуты. — М.: Мысль, 1991. 205 с.

Деникин А.И. Путь русского офицера. — М.: Прометей, 1990. — 300 с.

Жигалин Я.П. Красногвардейцы и партизаны: Сб. воспоминаний участников гражданской войны в Забайкалье. — Чита., 1957.

Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 1 Кн. 2. — М.: 1959.

Игнатьев А.А. Пятьдесят лет в строю. Т. 2. Кн. 4—5. — М.: Госполитиздат, 1959. — 455 с.

Из дневника участника Кавказского фронта // Воен. сб. 1916. № 3. С. 145—151.

Там же. № 4. С. 121—132.

Там же. № 5. С. 107—118.

Там же. № 6. С. 125—136.

Там же. № 7. С. 135—142.

Там же. № 8. С. 99—110.

Там же. № 9. С. 133—144.

Там же. № 10. С. 123—138.

Там же. № 11. С. 115—127.

Там же. № 12. С. 129—138.
Там же. 1917. № 1. С. 143—156.
Там же. №2. С. 135—144.
Там же. № 4. С. 77—90.

Казаринов С. Из воспоминаний о графе Н.Н. Муравьеве-Амурском // Ист. вести. 1907, Апрель. — С. 46—54.

Комаровский Н.М. Воспоминания верхнеудинца о Русско-японской войне // Вести, рус. конницы. 1911. № 3 С. 121—125; № 4. С. 159—165; № 5. С. 197—204; № 6. С. 232—237; № 7. С. 266—274.

Каменский М.И. Несколько слов о нашей коннице в минувшую войну (Из боевых воспоминаний) // Война и мир. 1907. № 1. С. 52—92.

Квитка А.В. Дневник забайкальского казачьего офицера: Русско-японская война 1904—1905 гг. — СПб.: Березовский, 1908.

Корсаков В.В. В проснувшемся Китае: Дневник-хроника русской жизни перед Русско-японской войной. — Ч. 1. Перед японской войной (дневник-хроника 1902—1903 гг.). М.: Тип. т-ва Печатня Яковлева.

Краснов П.Н. Ночное дело забайкальских казаков у ханшиного завода Шаого 12 мая 1904 г. (Из воспоминаний участника) // Вести рус. конницы. 1908 № 22. С. 876—881.

Маккулах Ф. Среди казаков: (Правдивый рассказ ирландца Ф. Маккулаха, пробывшего с казаками всю Русско-японскую войну); пер. с англ. Н. Мельницкого // Русская старина. 1915. Т. 161. №61.

Нодо Л. Письма о войне с Японией / пер. с франц. И.М. Лагова). — СПб: Тип. Гольберта, 1906. С. 49—311.

Орлов Н.А. Преследование после сражения (из воспоминаний) // Ист. вести. 1901. Т. 86. № 11. С. 530—545.

Орлов Н.А. От Хайчена до Мукдена: воспоминания участника похода в Китай в 1900—1901 гг. // Воен. сб. 1904. № 6. С. 21—40.

Орлов Н.А. Форсированный марш от Хингана до Фулярды // Воен. сб. 1904. № 4. С. 141—165.

Позднеев Д.М. 56 дней пекинского сидения в связи с ближайшими к нему событиями пекинской жизни. — Владивосток. 1903.

Поливанов И.И. Из воспоминаний о Восточной Сибири // Русский архив. Кн. 3. Вып. 12. — СПб., 1898.

Райтерфен. Из боевого дневника минувшей войны // Вестн. рус. конницы. 1907.

Там же. № 4. С. 146—153.
Там же. № 14. С. 599—603.
Там же. № 16. С. 684—690.
Там же. № 17. С. 732—737.
Там же. № 23. С. 1000—1002.

Рекогносцировка к Айсяндзяну и Айсяндзянский бой (из дневника) // Разведчик. 1901. № 570. С. 828—832.

Ренненкампф П.К. По Амуру и Маньчжурии // Воен. сб. 1901 № 3. С. 89—108; № 4. С. 57—86; № 5. С. 55—86.

Ренненкампф П.К. Мукденское сражение: 20-дневный бой моего отряда от Цинхегена до Мацзандане. — СПб: Березовский, 1908.

Саянский Л.В. Три месяца в бою: дневник казачьего офицера. — М.: Акц. об-во Московский издат., 1915.

Степанов Е. Из воспоминаний казачьего офицера // Вести, рус. конницы. 1910. № 15. С. 657—670.

Там же. № 23 С. 968—974;

Там же. № 24 С. 1040—1045;

Там же. № 2. 1911. С. 65—72.

Там же. 1911. — № 9. С. 353—363.

Теттау Э. Восемнадцать месяцев в Маньчжурии с русскими войсками / Пер. с нем. и предисловие М. Грулева. — СПб.: Изд-во Березовского, 1907—1908.

Толстопятов А.М. В плену у японцев. — СПб.: типография Б. Типе и пр., 1908.

Чеславский В.В. Двадцать месяцев против японцев в конном отряде // Вести, рус. конницы. — 1907. — № 2.

Шихлинский А.А. Мои воспоминания. — Баку: Азфан, 1944. — 206 с.

Штурм Тяньцзиня 30 июня // Разведчик. 1901. № 537. С. 100—103.

Холщевников И.В. Чита в 1905 году. Воспоминания // Былое. 1925. С. 35—56.

Щеголев И.О. Мартовская экспедиция из Гирина в леса Императорской охоты в 1901 году // Изборник разведчика. 1902. Кл. 18. С. 127—163.

Янчевский Д.Г. У стен недвижного Китая. Дневник кор. «Нового края» на театре военных действий в Китае в 1900. — СПб.; Порт-Артур: Изд-во Артемьева. 1903. С. 79—235.

III. Литература и публикации

Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте в 1915 г. — М.: Воениздат, 1940.

Алмазов Б.А. Памятка «Слава тебе господи, что мы — казаки». 1 вып. — СПб. 1992. 54 с.

Анисимов Н. Конный отряд ген. Ренненкампфа в Русско-японскую войну (Долянский период) // Вестн. рус. конницы. 1909. № 9. С. 385—389

Там же № 10. С. 429—433.

Там же № 41. С. 487—490.

Там же № 12. С. 520—525.

Там же № 13. С. 563—569.

Там же № 14. С. 611—616.
Там же NS 15. С. 661—665.
Там же № 16. С. 713—717.
Там же № 17. С. 779—783.
Аничков Д.И. // Байкал. — № 48, 8.V. 1905.
Ахун М.И., Петров В.А. Царская армия в годы империалистической войны. М.: Изд. всесоюз. об-ва политкаторжан. 1929.
Балашкин П. Финал в Китае // Дальний Восток. 1991. № 11.
Баталов А.Н. Борьба большевиков за армию в Сибири (1916 — февраль 1918). Новосибирск: Наука, 1978. — 285 с. — ил.
Баяндин В.И. Город и деревня в Сибири в досоветский период. — Новосибирск, 1984.
Бескровный Л.Г. Армия и флот России в начале XX века. — М.: Наука, 1986. 237 с.
Бесполезность домашних казачьих учебных сборов // Война и мир-. 1907. № 1 (янв.)
Библиографический указатель к знаменательным и памятным датам по Читинской области. — Чита, 1989.
Бирюков Ф. Трагедия народа // Москва. 1989. № 12.
Болябина В. Аргунеи: Забайкальская старина. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. — 125 с., ил.
Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Восточ.-Сибир. кн. изд., 1967.
Васильев А.П. Забайкальские казаки: Исторический очерк. Т. 1. — Чита, 1916. — 232 с. + 63 с. прилож.
Т. 2. Там же. 1916. — 267 с. + 89 с. прилож.
Т. 3. Там же. 1918. — 351 с.
Василевский В.И. Дела легендарных дней. Большевистское подполье в Забайкалье (1918—1920). Иркутск. Восточно-Сибирское книжное издательство, 1970. — 96 с. — ил.
Василевский В.И. и др. Борьба за власть Советов в Восточном Забайкалье. Иркутск: Вост.-Сиб. книж. изд., 1967. — 365 с.
Василевский В.И. Борьба за Советскую власть в Забайкалье. — Иркутск, 1970. — 96 с. — ил.
Вейденбаум В.К. По Восточному Забайкалью // Ист. вести. 1913, январь. — С. 205—223.
Ветошкин М.К. Забайкальские большевики и Читинское вооруженное восстание. — Чита, 1950.
Ветошкин М.К. Революционное движение в Забайкалье. — Чита, 1955.
Ветошкин М.К. Революция 1905—1907 в Сибири и на Дальнем Востоке. — Чита: Кн. из-во, 1955. — 87 с.
Взятие Ляояна // Разведчик. 1901. № 536. С. 904—907; № 574. С. 927—928.

Военный Энциклопедический Словарь (ВЭС). — М.: Военное издательство, 1983. — 863 с.

Вьючный арендный транспорт в Русско-японскую войну // Военный сборник. 1906. № 7.

Гершельман Ф. Конница в Русско-японской войне и былое время. — СПб.: Изд-во Березовского, 1912.

Голевский И.О. Описание боевых действий конницы 2-й Маньчжурской армии в период боев у Мукдена. — СПб., 1906.

Горбатов В.С. Годы и войны. М.: Воениздат, 1965.

Гордеев А.А. История казаков. Часть 1. Золотая Орда и зарождение казачества. — МГП Страстной бульвар, 1991. — 176 с.

Гордеев Ю.Н. Русский офицерский корпус в Первой мировой войне. 1914—1918 гг. — М.: Издание ВАФ, 1991. — 30 с.

Готлиб В.В. Тайная дипломатия во время Первой мировой войны / пер. с англ. — М.: Соцэкгиз, 1960. — 603 с.

Гриневский О.А. Прокофий Возницын, или Мир с турками / Документальная повесть из истории русской дипломатии. М.: Международные отношения, 1992.

Джембысбаев Н. Экспедиция против хунхузов в Маньчжурии // Разведчик. 1901. № 542. С. 224—225.

Дынин И.М. Миронов в судьбе казачества // Армия. 1991. № 18.

Евсеев Н. Свенцянский прорыв (1915). Военные действия на Восточном фронте. — М.: Воениздат, 1936.

Елец Ю.Л. В осаде: События последней китайской войны. 2-е издание. — М.: тип. Забалуева, 1901.

Ермолин А.И. Революция и казачество (1917—1920 гг.). — М.: Мысль. 1982. — 224 с.

Жигалин Я.П. Партизанские отряды занимали города. Иркутск,: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1980. — 171 с.

Жилин А.П. Последнее наступление. Июнь 1917 г. — М.: Наука, 1983. 103 с.

Житие протопопа Аввакума, им самим написанное. Иркутск, 1979. С. 35—36.

Забайкалье. — № 26, 11 апреля 1904. (Ответ на статью П. Россиева, опубликованную в Русском листке).

Забайкальская казачья батарея 1857—1912 гг. Историческая памятка. — Чита: Тип. Н.П. Первушина, 1912. — 60 с.

Забайкальский рабочий. 1905. № 3 (25 дек.).

Там же. 1906. — № 6 (12 февр.).

Зайончковский А.М. Мировая война 1914—1918 гг. — В 2-х томах. — М.: Госвоениздат, 1938.

Зайончковский П.А. Военные реформы 1860—1870 годов в России М.: Изд-во МГУ, 1952. — 370 с.

Зимин А.А. Реформы Ивана Грозного. М., 1960.

Зимин А.А., Хорошкевич А.Л. Россия времени Ивана Грозного. — Наука, 1982. — 182 с., ил.

Иванов И.Е. Очерки походно-боевой жизни во время «боксерского восстания». — М.: Универс. тип., 1907.

Игнатьев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. — М.: Международные отношения, 1989. — 333 с.

Известия общества изучения Забайкальского казачества. Вып. V. Декабрь 1916. — Чита. 1917.

Интендантский журнал. 1916. № 12.

История отечественной артиллерии. Т. 2. Кн. 5. — М.Л.: 1970.

История Первой мировой войны 1914—1918: В 2-х т. Под ред. Ростунова И.И. М.: Наука, 1975. Т. 1. — 446 с. — ил., карт; Т. 2. — 607 с. — ил., карт.

История русской армии и флота. Вып. 14. — М., 1913. История Сибири. — Т. 2., Сибирь в составе феодальной России. — Л.: Наука, 1968. С. 41—55.

История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия первая Т. 6. М.: Наука, 1968. — С. 88.

Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917—1920. М.: Наука, 1986. — 276 с.

Казачьи войска. Хроника / Под ред. В.К. Шенка: Сост. В.Х. Казин. Репринтное издание. Акционерное общество «Дорваль», 1992. — 480 с.

Каленковский А. Маневренный период первой мировой войны. 1914. — М.: Воениздат, 1940.

Клименко А.И. Российское казачество: Между прошлым и будущим. Библиография — Книжная палата, 1992. — С. 51—58.

Копылов Д.И. Ермак. Иркутск, 1989. — 240 с.

Кончин Б.К. Брусиловский прорыв // История СССР. 1971. № 3. С. 148—152.

Корсаков В.В. В старом Пекине: очерки из жизни в Китае. — СПб.: т-ва и изд. Труд, 1904. С. 336—387.

Корсун Н.Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. — М.: Госвоениздат, 1946.

Корсун Н.Г. Эрзерумская операция на Кавказском фронте 1915—1916 гг. — М.: Воениздат, 1938.

Корсун Н.Г. Алашкертская и Хамаданская операции на Кавказском фронте в 1915 г. — М.: Воениздат, 1940. — 200 с.

Краснов П.А. Год войны: 14 месяцев на войне. Очерки Русско-японской войны с февр. 1904 по апр. 1905 г. — СПб., 1905—1911. Т. 1. 1905; Т. 2. 1911.

Краснов П. О строевом командовании казачьим полком // Воен. сб. 1906. № 97.

Левашов В.С. Вопросы краеведения Забайкалья. Вып. 1. — Чита, 1973. С. 63—90.

Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904—1905 гг. — М.: Воениздат, 1938. — 358 с.

Ленин В.И. — Пол. собр. соч. Т.9. 5-с изд. — М.: Политиздат, — 1979. XX, 579 с.

Т. 22.1981. XXVI, 597 с.

Т. 32. 1981. XXII, 605 с

Т. 33. 1981. XXII, 433 с.

Т. 34. 1981. XXX, 581 с.

Т. 35. 1981. XXVIII, 599 с.

Т. 39. 1981. XXIV, 623 с.

Т. 50. 1982. XVI, 623 с.

Лосев Е. Незаживающее горе // Молодая гвардия. 1989. № 10.

Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 3-е. — М., 1937.

Масловский Е.В. Мировая война на Кавказском фронте 1914—1917 гг. Стратегический очерк. — Париж, 1933.

Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. — М.: Мысль, 1973. — 324 с.

Михеев С., Буняковский В. Сборник военно-исторических примеров Русско-японской войны. 1904—1905. — СПб., 1910.

Музкин Н.Д. Город Нерчинск. — Иркутск, 1978.

Назаров Г. Я.М. Свердлов — организатор Гражданской войны и массовых репрессий // М.: Молодая гвардия. 1989. № 1.

Новая история Китая / Японо-китайская война 1894—1895. — М.: Наука, 1972. — 637 с.

Ножин Е.К. Конец осады Порт-Артура. Ч. 1, 2. — СПБ.: Герольд, 1907. — 487 с.

Ножин Е.К. Правда о Порт-Артуре. — СПб.: Изд. Артемьева, 1906—1907.

Орлов Н.А. Забайкальцы в Маньчжурии в 1900 г.; очерки из похода Хайларского отряда ген. Н.А. Орлова в Китае в 1900 г. СПб.: тип. Клобукова, 1901.

Орлов П. Известия Общества изучения Забайкальского казачества. Вып. V. Декабрь 1916. — Чита, 1917.

Пирейко А. На фронте империалистической войны. — М., 1935.

Прохоров А.К. К вопросу о советско-китайской границе. М., 1975.

Ростунов И.И. Русский фронт мировой войны. М.: Наука, 1976. — 387 с. — карт.

Ростунов И.И., Зайцев Л.А,, Чернов Ю.И. и др. История Русско-японской войны. — М.: Наука, 1977. — 383 с.

Революционное движение в Забайкалье. 1905—1907 гг. — Чита, 1955.

Русско-японская война в сообщениях Николаевской академии Генерального штаба. Ч. 1.

Русско-японская война. Издание военно-исторической комиссии. Т. 2. Ч. 1.

Русско-японская война 1904—1905 гг. — СПб., 1910. Т. 2. Ч. 2, прил. — Т. 3. 4. 2. С. 257—270. Т. 3. Ч. 3 прил.

Свешников Н.Л. Набег на Инкоу. — СПб.: Изд-во Березовского, 1906.

Северная Азия. — Кн. 5—6. — 1926.

Сипигус. Несколько слов о нашей коннице в минувшую войну // Война и мир. — М.: 1907. № 1 (янв.). С. 59—92.

Скороходов В.С. Набег конного отряда ген. Мищенко в мае 1905 г. на Факумень — Синмитин // Наши казаки на Дальнем Востоке: Сб. рассказов. — Вып. 2. — СПб., 1910.

Смилга И. Военные очерки. М., 1923.

Советская военная энциклопедия (СВЭ). Т. 1—4; 6, 8. М.: Воениздат, 1976—1978.

Советский Энциклопедический Словарь (СЭС). — М.: Советская Энциклопедия, 1981. — 1600 с.

Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 15 кн. Т. 5. М.: Соцэкгиз, 1961. — 755 с.

Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура: Русско-японская война 1904—1905 гг. — М., 1952. — 271 с.

Степанов Н.И. Восемь месяцев в походе (очерки минувшей китайской экспедиции). — Харбин: Изд-во Поповой, 1907.

Строков А.А. Вооруженные силы и военное искуство в Первой мировой войне. — М., 1974.

Суров А. Материальное положение офицеров казачьих войск // Воен. сб. 1900. № 3.

Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. 2-е из. Новочеркасск, 1903.

Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 583 с.

Флеровский И. Мировая война. 2-е изд. — М.: Госиздат, 1925.

Футорянский Л.И. Казачество в период буржуазно-демократической революции в России. М., 1973.

Хорошихин М. Казачьи войска. — СПб., 1881.

Чернов А.В. Вооруженные силы русского государства в XV — XVIII вв. — М., 1954.

Шацилло К.Ф. Россия перед первой мировой войной / Вооруженные силы царизма в 1905—1914 гг. — М.: Наука, 1974.

Шнеур Н. Служба кавалерийских разъездов в Русско-японскую войну. — СПб.

Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. — М.: Наука, 1980.

Эпов Н.И. Забайкальское казачье войско. — Нерчинск, 1889.

Яковлева И.Т. Первый русско-китайский договор 1689 года. М., 1958.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА 3

Глава I

КРАТКИЙ ЭКСКУРС В ИСТОРИЮОСВОЕНИЯ СИБИРИ И ПРОНИКНОВЕНИЯ КАЗАКОВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ 8

1. Казаки — кто они? 9
2. Долгий путь к Байкалу 12
3. Вперед, за Байкал! 16
4. Из Забайкалья на Амур 19
5. Албазинская эпопея и Нерчинский договор 23
6. На страже Забайкальской границы после Кяхтинского договора 26

Глава II

СОЗДАНИЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА ... 35

1. Генерал-губернатор Н.Н. Муравьев в судьбе Забайкальского казачества 35
2. Из крестьян в казаки 41
3. Забайкальцы на Амуре в период Крымской войны 46
4. Айгунский трактат и дальнейшее переселение забайкальцев на Амур 50
5. Военные реформы Милютина в казачьих войсках 56
6. Организационная структура Забайкальского казачьего войска в 1878 году 64
7. Первая мобилизация забайкальских казаков 67

8. Состояние Забайкальского казачьего войска в конце XIX столетия ... 69

Глава III

ПОХОД В КИТАЙ ... 78

1. Политика иностранных государств в Китае и причины восстания ихэтуаней ... 78
2. Мобилизация Забайкальского казачьего войска ... 82
3. Беспримерная пехота генерала Орлова ... 84
4. Поход Благовещенского отряда ... 98
5. Экспедиция генерала Каульбарса против Хантенгю ... 111
6. Действия русских войск в Юго-Восточной Маньчжурии ... 120
7. Оборона Тяньцзиня и взятие Пекина ... 126
8. Действия русских войск в Южной Маньчжурии в 1900 г. ... 144
9. Охрана железнодорожных путей сообщения ... 152
10. Завершение похода в Китай ... 154

Глава IV

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ КАЗАКИ В РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ 1904–1905 гг. ... 157

1. Начало Русско-японской войны и уход на нее забайкальских казаков ... 157
2. Действия Забайкальской казачьей конной бригады на Ляодунском полуострове, в Северной Корее и отход на Ялу ... 171
3. Сражение на реке Ялу ... 183
4. Отход от Тюренчена и бои на перевалах ... 187
5. Бои на дальних подступах к Ляояну ... 225

Действия генерала Ренненкампфа ... 227

Отступление к Ляояну ... 235

6. Забайкальские казаки в боях под Ляояном ... 249

7. Шахэйское сражение 264
8. Забайкальские казаки после боев на Шахэ 273
Набег на Инкоу *283*
9. Забайкальцы в боях под Сандепу 291
10. Мукденское сражение 296
11. Набег на Факумынь и окончание войны 316

Глава V

ЗАБАЙКАЛЬСКИЕ КАЗАКИ
НА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 322

1. Начало войны, мобилизация Забайкальского казачьего войска и уход его на войну 322
2. Участие забайкальских казаков в кампании 1914 г.
Первые наступательные бои забайкальцев на Западном фронте *329*
Преследование отходящего противника *336*
Бои на Новорадомском направлении *342*
Переход к оборонительным боям и отход за реку Пилицу *349*
3. Кампания 1915 года. Оборонительные бои на реке Пилица 362
Отход на Радомскую позицию *373*
Блестящая боевая работа забайкальцев под Мокржец ... *377*
Бои на переправах через Вислу *380*
Между Вислой и Бугом *389*
Отход за Буг *394*
Забайкальцы на Кавказском фронте. Поход к Адильджевасу *401*
Бои под Ахлатом и Кормуджем *406*
Славное дело под Тадваном *414*
Разведка боем на Битлис и отход к Дильману *416*
Действия забайкальцев в турецком Курдистане и в Персии *422*

4. Кампания 1916 года. Забайкальские казаки в период подготовки к летним наступательным боям 430
Летнее наступление. Брусиловский прорыв 437
Оборонительные бои на реке Стоход 453
Забайкальские казаки на Кавказском фронте в 1916 году 460

Глава VI

ЛИКВИДАЦИЯ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО КАЗАЧЕСТВА И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ВОЗРОЖДЕНИЯ 464
1. Забайкальские казаки в период буржуазно-демократической революции 1917 года 464
Отречение от престола Николая II и первые шаги демократии 466
Борьба фронтовиков за сохранение казачества 473
Плоды демократии в армии 482
2. Забайкальцы в последних боях летнего наступления 1917 года 493
3. Большевики и казачество 503
4. Октябрьский переворот и его последствия в судьбе казачества Забайкалья 513
5. Возрождение Забайкальского войска, проблемы и перспективы 519

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 525

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА 526
I. Документы 526
II. Дневники и мемуары 527
III. Литература и публикации 530

Научно-популярное издание
История казачества

Смирнов Николай Николаевич

ЗАБАЙКАЛЬСКОЕ КАЗАЧЕСТВО

Генеральный директор *Л.Л. Палько*
Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*
Главный редактор *С.И. Дмитриев*
Редактор *Б.В. Петухов*
Корректор *О.Н. Богачева*
Дизайн обложки *Д.В. Грушин*
Верстка *М.Г. Хабибуллов*

ООО «Издательство «Вече 2000»
ЗАО «Издательство «Вече»
ООО «Издательский дом «Вече»

129348, Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.98.953.Д.012232.12.06 от 21.12.2006 г.
E-mail: veche@veche.ru
http://www.veche.ru

Подписано в печать 16.11.2007. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «NewtonC». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 17. Тираж 3000 экз. Заказ .

В. Маковский.Портрет генерал-губернатора Восточной Сибири графа П.П. Муравьёва-Амурского

Н.Самокиш. Знамя 1-го Нерчинского полка Забайкальского казачьего войска

И. Самокиш. На развалинах Сахаляна

Н. Самокиш. Командир 1-й сотни Нерчинского полка подъесаул Шарапов под Эйюром

Казаки в Гирине в 1900 году

Генерал-майор П.К. Ренненкампф зимою 1900 года в Гирине

Участники боя под Момпашаном 17 октября 1900 года

Князь Хантендю

Солдаты ихэтуани («боксеры»)

Н.Самокиш. Урядник Филиппов на обороне железной дороги

Генерал-адъютант Павел Иванович Мищенко

Начальник экспедиционного отряда
генерал-лейтенант барон А.В. Каульбарс

Начальник Южно-Маньчжурского отряда
генерал-лейтенант К.В. Церпицкий

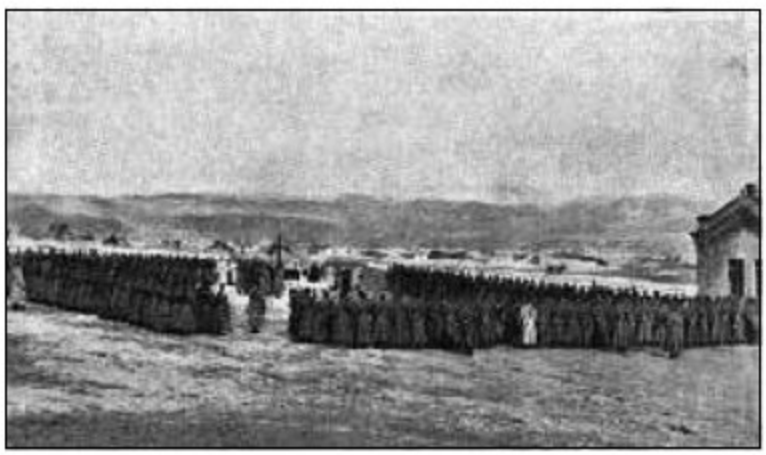
Хорунжий Токмаков

В Гирине в январе 1901 года.
В центре — ген.-майор П.К. Ренненкампф

Полковник Александр Александрович Павлов,
начальник 1-го Нерчинского полка с мая 1903 года

Молебен перед походом

Перед отправлением в Корею

Бивак в Корее

В Корее в июле 1904 года

Казаки в корейских соломенных накидках

Н. Самокиш. Преследование

Сотник Попов, командир16-й роты 187-го Аварского полка

Офицерская столовая в походе

Раздача подарков, присланных из России в деревню Саракю

Сторожевой пост в виду противника. Лето 1905 года

И.Самокиш. Пленник

Главнокомандующий ген.-адъютант И.Г. Линевич навешивает Знаки Отличия Военного ордена Св. Георгия казакам 1-го Нерчинского полка

Подъесаул А. Маковкин

Войлошников Авив Адрианович, депутат
III Государственной думы от Забайкальского казачьего войска

Современные Забайкальские казаки